

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Кафедра политологии

Омское отделение Российской ассоциации политической науки

Омское отделение Российского общества политологов

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Сборник научных статей

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2020

ISBN 978-5-7779-2494-0

2020

УДК 32
ББК 66я43
Р170

Рецензенты:

канд. ист. наук, доц. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *М.А. Мамонтова*
д-р. ист. наук, проф. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Д.И. Попов*

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук, , доц., доц. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Ю.В. Попова*
канд. ист. наук, доц. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Н.В. Кефнер*

Редакционная коллегия:

канд. полит. наук, доц. кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *И.К. Жуков*,
канд. ист. наук, доц. кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Н.В. Кефнер*,
канд. полит. наук, доц. кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Д.А. Коновалов*,
канд. филос. наук, доц. кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *И.В. Мельникова*,
канд. ист. наук, доц., доц. кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Ю.В. Попова*

Р170 Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт [Электронный ресурс] : сборник научных статей / [редкол.: Н. В. Кефнер (отв. ред.), Ю. В. Попова (отв. ред.) и др.]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2494-0

В сборнике собраны научные статьи – результаты прошедшей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, ежегодно проводимой кафедрой политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского совместно с Омским региональным отделением Российской ассоциации политической науки и Омским отделением Российского общества политологов. В конференции приняли участие политологи, общественные деятели, социологи, историки и преподаватели 42 высших учебных заведений из 27 городов России, научных институтов РАН, а также исследователи из Белоруссии, Украины, Казахстана и Армении. Среди авторов – академики Российской академии политических наук, профессора, доценты и ведущие специалисты в области общественных и гуманитарных наук, а также и начинающие исследователи – магистранты, аспиранты.

В статьях участников конференции поставлены актуальные вопросы развития политических процессов как России, так и других стран, проанализированы практики развития гражданского общества и межсекторного взаимодействия, обобщен исследовательский опыт проблем демократического транзита, политической коммуникации, формирования исторической памяти и функционирования исторической политики.

Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям, студентам и аспирантам и всем, кто интересуется проблемами развития политических институтов и процессов.

**УДК 32
ББК 66я43**

*Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание*

Минимальные системные требования:

процессор с частотой 1,3 ГГц или выше ; ОЗУ 512 Мб ;
Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше ; CD-ROM; мышь

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным организационным комитетом конференции.

Программно-техническая реализация *Е.В. Лозовой*

Дата выпуска: 03.07.2020.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 7 копий. Объем 5,6 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

Содержание

Раздел 1

УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR

<i>Балчугов А.В., Долинина В.Е., Калакина К.А., Шигарева А.Н.</i> Особенности использования криминализированных дискурсивных практик в оппозиционном политизированном сегменте блогосферы.....	10
<i>Богданов А.В.</i> Механизм реализации государственной политики: принципы и технологии формирования политической культуры современной российской молодежи.....	18
<i>Веряскина А.Н., Титко А.В., Фоменков А.А.</i> Особенности выборных технологий, применявшихся штабом В.П. Шанцева на выборах губернатора Нижегородской области 2014 года.....	25
<i>Денисов С.А.</i> Имитация республиканской формы правления с помощью норм конституционных актов.....	33
<i>Жулина Е.В., Насонов Д.С., Уварова А.Н.</i> Особенности избирательных технологий, применявшихся штабами кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Нижегородской области в 1994 году.....	41
<i>Ирхин Ю.В.</i> Особенности цифровизации современных государственно-управленческих отношений.....	48
<i>Клочкова Н.В., Костина О.А., Эскобар Веласкес К.А.</i> Российско-Никарагуанское сотрудничество: сложности и перспективы.....	56
<i>Колотовкин Д.А., Немчинова А.Л.</i> Управление современными политическими процессами и политический PR.....	60
<i>Коновалов Д.А.</i> Современная Эритрея: будущие политико-экономические переходы и региональные последствия (особенности построения сценарных прогнозов).....	65
<i>Кунсбаев С.З.</i> Политика инклюзивного образования в современной России: основные этапы формирования.....	74
<i>Лобанова Ю.О., Марголис Н.Ю., Романова К.Э.</i> Административная ответственность как преграда на пути распространению коррупции: есть ли политический аспект?.....	81
<i>Маковейчук А.В.</i> Развитие системы цифрового государственного управления в России и вопросы ее нормативно-правового регулирования.....	86
<i>Морозова Н.М., Леушкин Д.А.</i> Взаимодействие России и ЕС.....	93
<i>Морозова Н.М., Маслов А.Е., Зотенко Е.А.</i> Проблема правового статуса мигранта в Федеративной Республике Германия.....	101
<i>Палитай И.С.</i> Особенности процесса становления института молодежного политического лидерства.....	107
<i>Попов Д.И.</i> Система социального кредита в Жунчэне: опыт реализации пилотного проекта в начале XXI в.....	115

<i>Фролов А.А., Данилов А.Н.</i> Сетевые аспекты управления городскими конфликтами.....	124
<i>Шапаров А.Е., Калачникова М.Ю.</i> Интеркультурализм и политика интеграции мигрантов.....	131

Раздел 2

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ

<i>Берковский В.А.</i> Эволюция советской семейной политики.....	137
<i>Глебова О.Е., Мельникова И.В.</i> Особенности дискурса нацизма в контексте конструирования образов европейской памяти XX века на материале кинематографа Ларса Фон Триера.....	144
<i>Жмакина Т.В.</i> Политическая аргументация с позиций прагматической диалектики.....	153
<i>Коровникова Н.А.</i> Историческая память в контексте цифровизации....	159
<i>Мартынов А.С.</i> Новейшие националистические фальсификации истории Великой Отечественной войны на Украине.....	164
<i>Меликов А.В.</i> Нетипичное развитие монархии в условиях становления независимого греческого государства.....	172
<i>Михина О.В.</i> Сохранение культурно-исторической памяти о жертвах войн в Германии.....	179
<i>Олейник И.И.</i> Патриотизм в современных российских политико-правовых процессах.....	185
<i>Олешкова А.М.</i> Дискурс-анализ в политологических и междисциплинарных исследованиях: обзор традиций.....	193
<i>Плетнев А.В.</i> Тренды формирования политических ценностей у представителей поколения Z под влиянием цифровой среды в условиях аномии сверхсовременного общества.....	200
<i>Плотникова Е.А., Гусевская Н.Ю.</i> Историческая политика как поле информационной войны.....	206
<i>Раданова А.В.</i> Объективные сложности на этапе реализации социальной политики Алтайского края в 1990-е гг.....	216
<i>Упоров И.В.</i> Смягчение репрессивной составляющей в правоохранительной среде после смерти Сталина.....	222
<i>Фоменко С.В.</i> О необходимости преодоления представления о резко негативном отношении Аристотеля к демократии	229
<i>Харламова Ю.А.</i> Славянский вопрос в мировых политических процессах	238
<i>Ярков А.П.</i> О наших боевых традициях и памяти.....	247

Раздел 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА, БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

<i>Басырова А.С., Немчинова А.Л.</i> Публичная коммуникация власти с обществом.....	253
<i>Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Новикова А.В.</i> Информационные аспекты взаимодействия бизнеса и власти.....	257
<i>Бичин М.О., Богомолова А.В., Калачёв А.П., Лобанова Ю.О.</i> Политические партии в Нижегородской области: к вопросу об участии в выборах губернаторов и мэров областного центра в 1990-х гг.....	262
<i>Бугай Н.Ф.</i> Институты гражданского общества – центры работы с населением: опыт сотрудничества, итоги (на примере Камчатского края). 1990-2020 гг.....	267
<i>Волкова Н.В., Позднякова Т.В.</i> Коммуникация органов власти муниципальных районов Алтайского края с населением посредством официальных Интернет-порталов.....	277
<i>Григорьева Е.Л., Донскова В.В., Федотова М.И.</i> Спорт не «вне политики»? : практика бойкотов Олимпийских игр.....	283
<i>Гришин Н.В.</i> Международные рекомендательные акты по вопросам конституционного регулирования избирательных систем.....	289
<i>Губаненкова С.М.</i> Проблема обратной связи в политико-коммуникативном пространстве современных социальных медиа.....	296
<i>Зуйкина А.С., Никитина В.Л.</i> Роль института публичных слушаний в процессе территориальных преобразований муниципалитетов в Пермского крае.....	301
<i>Каминченко Д.И.</i> Сетевизация современного пространства публичной политики.....	309
<i>Капацкая В.М., Михеева О.С., Рыбкина О.С.</i> Гражданская и политическая активность: где находится грань. Отечественный опыт.....	315
<i>Кефнер Н.В., Моргун А.В.</i> Экологические некоммерческие организации в Российской Федерации в условиях принятия закона «об иностранных агентах»: последствия и способы адаптации.....	320
<i>Киняшева Ю.Б.</i> Специфика развития политической коммуникации в системе «власть – общество» в современной России.....	331
<i>Кобелева Х.А.</i> Кризис доверия к власти и протестный потенциал современного российского общества.....	337
<i>Костарев С.В.</i> Урбанполитика: основание и омские практики развития общественных пространств.....	344
<i>Крутова Е.А.</i> Взаимодействие образования и бизнеса как путь решения проблемы безработицы.....	353

<i>Муратишина К.Г., Хамзин И.Р.</i> Институциональная структура гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан.....	358
<i>Наронская А.Г.</i> Региональная идентичность как фактор развития международной деятельности Свердловской области.....	367
<i>Никовская Л.И., Якимец В.Н.</i> Особенности институтов и механизмов публичного взаимодействия власти и гражданского общества на муниципальном уровне (по результатам социологического исследования)....	371
<i>Пахомова Е.А.</i> Союз правых сил: опередившие время или пережиток прошлого века.....	375
<i>Савченко И.А., Николаева А.А.</i> Социальное партнерство как институт взаимодействия общества и власти в современной России.....	381
<i>Семушенкова А.С.</i> Обзор проектной активности некоммерческих организаций Республики Мордовия.....	389
<i>Сересова У.И.</i> Парадигма социальных инвестиций в предметном поле публичной политики: теория и практики европейских социальных государств.....	396
<i>Солдатова А.С.</i> Соотношение политических идентичностей на национальном, региональном, локальном уровнях (на примере Республики Мордовия).....	406
<i>Трыканова С.А.</i> Актуальные вызовы развития форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления в РФ.....	412
<i>Тульчинский Г.Л.</i> Символическая коммуникация в публичной политике: концептуальная инвентаризация.....	418
<i>Чилькина К.В.</i> Государство и церковь ФРГ: правовые основы и сферы взаимодействия.....	427
<i>Шмелева О.Ю.</i> Спиндокторинг как технология формирования позитивного образа современного российского государства: политическая теория и практика.....	435
<i>Ямалнеев И.М.</i> Образы культурного ландшафта моногородов Приволжского Федерального округа в рамках брендинга территорий....	443

Раздел 4

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ВЕКТОРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

<i>Абрамова М. Г.</i> Лингвистический вектор посткоммунистического транзита: к вопросу о правовом статусе русского языка в странах СНГ.....	450
<i>Баженов А.М.</i> Российские политические партии в контексте социально-политических преобразований.....	458
<i>Воронова Т.Э., Янчук Э.Т.</i> Религия в транзитном обществе.....	466
<i>Кандауров Б.И.</i> Сравнительная характеристика демократических политических режимов в странах современной демократии.....	470

<i>Ланцов С.А.</i> Социал-демократия в условиях посткоммунистической трансформации: сравнительный анализ восточноевропейского и российского опыта.....	477
<i>Мармилова Е.П.</i> К вопросу о конфликте «консерватизма и либерализма» в начале 1990-х годов.....	485
<i>Попова Ю.В.</i> Содержание, процедура подготовки и принятия поправок к Конституции РФ 1993 г.: направление режимных изменений.....	490
<i>Руженцев С.Е., Смирнов А.В.</i> Противоречия постсоветского транзита в России.....	499
<i>Чепель С.Л.</i> Электоральная активность и проблемы консолидации демократических режимов в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы.....	507

Раздел 5

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

<i>Берг Т.Б.</i> Женское представительство в законодательных органах власти стран постсоветского пространства: сравнительный анализ.....	516
<i>Буянов Н.А.</i> Коллективный портрет членов Общественной палаты Свердловской области.....	524
<i>Головина А.М.</i> Роль социальных медиа в повышении гражданской активности среди молодежи.....	534
<i>Греков И.А.</i> Факторы и особенности политической активности российской молодежи.....	538
<i>Засыпкина А.Н.</i> Политическая поляризация стран Латинской Америки как современный политический процесс в регионе.....	546
<i>Зейналова С.М., Косулин А.А., Рукина Е.С.</i> Развитие молодежной политики в Нижегородской области: политико-правовые аспекты.....	551
<i>Золотарев Ф.Е.</i> Политическое отторжение: издержки для демократической системы Германии на примере февральских выборов в Тюрингии.....	556
<i>Зыков А.А.</i> Трансграничное сотрудничество Дальнего Востока России в период транзита конца XX века.....	563
<i>Киселев Н.Е.</i> Определение понятия сообщество и его типов: «реальные», «виртуальные» и «гибридные сообщества».....	571
<i>Костиневич К.И.</i> Телевидение как канал политической коммуникации власти и общества в Республике Беларусь.....	579
<i>Кузовенкова К.Е., Нгома Лухуоло Г.Ж.</i> Отношения США и Республики Конго на современном этапе: надежды на прагматизм не оправдались.....	588
<i>Куликов Д.А.</i> Развитие GR-менеджмента в России в сфере экологического сотрудничества.....	592
<i>Курбанова А.А., Мурашко П.А.</i> Репертуары коллективных действий: особенности форм гражданского онлайн-активизма.....	599

<i>Лекоди Б.К., Рыбкина А.С.</i> Кения в восточноафриканском сообществе: политические и экономические аспекты.....	608
<i>Маркина М.И.</i> Деятельность российских политических партий по подготовке молодых кадров для органов представительной власти и местного самоуправления в 2019 году.....	613
<i>Морозова Я.С.</i> Анализ подходов реализации совместных образовательных программ в России и Китае.....	617
<i>Парфенов А.Д.</i> Европейский союза в программах современных крайне правых партий.....	623
<i>Пен К.О.</i> Освещение терактов в СМИ (на примере г. Керчь).....	635
<i>Прыткова А.О.</i> Коронавирус: сравнение мирового опыта в сфере ограничения миграции.....	640
<i>Рзаев Э.Э.</i> Вопросы кадровой безопасности и методы снижения коррупциогенности государственной службы России.....	646
<i>Стемасова В.Ю.</i> Коммуникативное взаимодействие властных и общественных институтов в контексте реализации приоритетных задач экологической политики РФ.....	652
<i>Тадевосян Ж.А.</i> Проблема национальной идентичности в контексте процессов глобализации: теоретический аспект.....	657
<i>Тишкевич Э.В.</i> Метод формирования конфликтов идентичностей в контексте объединенного гражданского единства.....	666
<i>Толкунов Н.С.</i> Роль Великой Отечественной войны при изучении и преподавании этнополитики в контексте формирования общегражданского самосознания.....	671
<i>Устюгова В.А.</i> Публичная дипломатия США: Экспо.....	675
<i>Хомякова Н.И.</i> Формирование имиджа политических лидеров в массовом сознании россиян.....	679
<i>Чекмасова М.В.</i> Лоббизм как эффективный способ политической коммуникации.....	683
<i>Черкашина А.А.</i> «Президентский резерв» и конкурс «Лидеры России» как ориентир определения компетенций депутатов законодательных органов власти.....	687
<i>Чикова Ю.А., Остроброд Д.В.</i> Роль женских общественных организаций в российском политическом процессе.....	692
<i>Шукушева Е.В.</i> Центральная Азия в политике Европейского союза.....	699

**УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ
ПРОЦЕССАМИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR**

УДК 321.022

А.В. Балчугов

асп., ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

В.Е. Долинина

студ. НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

К.А. Калакина

студ. НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

А.Н. Шигарева

к.и.н., доц., КГУ им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КРИМИНАЛИЗИРОВАННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В
ОППОЗИЦИОННОМ ПОЛИТИЗИРОВАННОМ СЕГМЕНТЕ
БЛОГОСФЕРЫ**

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме использования криминальных по своей природе дискурсивных практик в российском политизированном сегменте блогосферы. Проанализирован ряд блогов в Живом журнале оппозиционной направленности. Сделаны выводы о том, что в рамках оппозиционной части политизированного ЖЖ часто используется «язык ненависти». Для подчёркивания ненависти к политическим противникам (сотрудникам силовых структур, сторонникам действующей власти, сторонникам Новороссии и т.п.) применяются криминальные по своему происхождению слова и эпитеты.

Ключевые слова: Блогинг, дискурсивные практики, криминализация, язык ненависти.

A.V. Balchugov

Asp., NNSU named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

E.V. Dolinina

stud., NIU - Ranepa, Nizhny Novgorod, Russia

K.A. Kalakina

stud., NIU - Ranepa, Nizhny Novgorod, Russia

A.N. Shigareva

PhD in historical sciences, associate professor, KSU, named after N.A. Nekrasov, Kostroma, Russia

FEATURES OF THE USE OF CRIMINALIZED DISCURSIVE PRACTICES IN THE OPPOSITIONAL POLITICIZED SEGMENT OF THE BLOGOSPHERE

Abstract: This article is devoted to the problem of using criminal discursive practices in the Russian politicized segment of the blogosphere. A number of blogs in the opposition-oriented Live journal are analyzed. It is concluded that "hate speech" is often used in the opposition part of the politicized LJ. To emphasize hatred of political opponents (law enforcement officers, supporters of the current government, supporters of Novorossiya, etc.), criminal words and epithets are used.

Keywords: Blogging, discursive practices, criminalization, hate speech.

Проблема криминальных по своей природе дискурсивных практик в политизированной части блогосферы является весьма актуальной. В самом деле, в рамках блогосферы, с одной стороны, меньше цензуры и самоцензуры, нежели в традиционных СМИ, а, с другой стороны, влияние блогосферы в последнее время имеет тенденцию к росту.

Нами проанализировано большее количество блогов в Живом журнале, приём сложно выделить тот из них, что дал нам наибольшую «пищу для размышлений». Отметим также, что анализировались нами под маркой оппозиционных по преимуществу блоги либеральной и русской национал-демократической ориентации. Известно также, что весьма активно криминализированный дискурс использовался и используется членами Партии «Другая Россия» (лидер – Э.В. Лимонов), однако большая часть партийных активистов с тюремным опытом ЖЖ не ведёт. Сам же партийный лидер в использовании криминальных дискурсивных практик мало чем отличался от других представителей российской оппозиции.

Необходимо отметить, что если представители провластной части блогосферы прежде всего используют криминально-гомофобские пассажи, то для оппозиционной части политизированной блогосферы характерно прежде всего использование обвинений в сотрудничестве с правоохранительными органами. Как следствие, ими часто применяется выражение «подментованный» или же производные от него. В этой связи подчеркнём, что такой подход весьма характерен для криминального мира, представители которого позиционируют себя как людей несотрудничающих с полицией (в прошлом с милицией). Известно, что даже в случае совершения преступления в их отношении (включая даже покушения на убийство) давать показания на совершивших преступление нельзя (в криминальном мире категорический запрет такого рода называется «западло» и в чём-то он подобен «хараму» в шариате).

Приведём и некоторые примеры, дополняющие антиполицейскую часть оппозиционных дискурсивных практик. Один из гражданских активистов писал у себя в ЖЖ нижеследующее: «Подментованный «судья» Советского «суда» Валерий Цветков, грубо нарушив все мыслимые нормы ГПК, проштамповал

решение по «Делу о полицейях» на основе «лингвистического исследования», выполненного по заказу полицейев подлым экспертом. Подментованная коллегия облсуда проигнорировала все эти нарушения, включая факты прямого подлога в исполнении полицейев. Подментованные приставы сверхоперативно выставили мне требование об оплате «задолженности» в размере 12 тысяч рублей» [1]. Итак, у автора все представители власти, выполняющие по сути закон, есть «подментованные», то есть исключительно исполняющие указания сотрудников полиции (судя по всему, ЦПЭ).

Ещё один интересный пассаж заимствован нами из ЖЖ Алины Витухновской – довольно-таки известной современной российской поэтессы. Она писала, в частности, следующее: «Одной из основных задач движения РА (как и партии «Другая Россия») должна стать, ИМХО, возвращение реального смысла Слову “либерализм”. Задолбали уже эти слизняки-соплежуи, всякие подментованные “правозащитники”, узурпировавшие себе право (и опозорившие, запарафинившие сам изначальный смысл слова) называться “либералами”. Свобода – она на баррикадах и в приморских лесах, а не при этой склизкой трусливой двужопой до бабла охочей плесени» [2].

Нам представляется, что А. Витухновская по сути пыталась сказать то, что ещё в далёком 1885 году написал М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Либерал», обвинив российских либералов в том, что они либералы «по возможности» и «применительно к подлости» [3] (то есть, либерализм российского либерала продиктован веяниями моды и дозволением «начальства» и связан с возможностью получения благ). А. Витухновская обвинила в своём пассаже тех, кого принято именовать «системные либералы» (они же «систлибы») и «гламурных либералов» [4], то есть опять-таки тех, кто декларируя свой либерализм ничуть не озабочен отстаиванием прав и свобод, но по факту поддерживает власть. Признаем при этом, что литератор века XIX сказал тоже самое, что и литератор века XXI, но значительно эстетичнее.

Небезынтересно, кстати, по нашему мнению, что, используя слово «подментованный», представители оппозиционного сегмента политизированной блогосферы почему-то не употребляют слово «козёл», означающее в криминальных кругах заключённого, не только признавшего власть пенитенциарного учреждения, но и открыто ему помогающего. С чем связано игнорирование этого слова, нам до конца не ясно. Возможно тем, что а). сами авторы блогов не отбывали наказание в местах лишения свободы и б). основная часть их аудитории также лишь поверхностно знакома с российским арго (то бишь феней) и рядом криминальных дискурсивных практик.

Отметим и ещё один связанный с критикой силовых структур момент в оппозиционных дискурсивных практиках. Так, например, Ю.Л. Латынина, видный публицист, автор детективов и фэнтази, чьи статьи многократно репостились в ЖЖ писала, в частности, следующее: «Чем в России менты отличаются от бандитов? Тем, что бандиты убивают в подворотне и жертва считается потерпевшим. А менты убивают в тепле и не торопясь. И на жертву заводят уголовное дело» [5]. Другая цитата совсем недавняя по мере своего

появления, но также, по нашему мнению, характерная: «пост с размышлениями о том, как «взбодрить мусорское сообщество» следствие считает «публичными призывами к осуществлению террористической деятельности». Постановление о привлечении Дмитрия Богатова в качестве обвиняемого подписано следователем по особо важным делам ГСУ СК по Москве Феликсом Сабановым, который в 2012 году входил в состав следственной группы по «болотному делу» [6]. Ещё одна цитата касалась части русской-патриотической тусовки, видимо, членов Национально-освободительного движения – «"Русские националисты" в ЖЖ – подментованные клоуны» [7]. И в завершении этого ещё один краткий пассаж: «Мент (из тех, кого в народе называют МУСОП)» [8]. В связи с вышеприведёнными цитатами отметим следующее. Во-первых, имеет место что-то похожее на оправдание идеи о том, что бандиты лучше полиции (вполне себе криминализированное представление!). Во-вторых, авторы цитат активно применяют в своих политизированных постах. Во-вторых, а вторые активно используют слова «мент» и «мусор». Оба эти слова, судя по всему, пришли из языка идиш [9]. Первое, например, использовалось даже нобелевским лауреатом в области литературы И. Бешевисом-Зингером и обозначало плащ как часть форменной одежды полицейского, а второе, видимо, произошло не от дореволюционной аббревиатуры МУС – московский уголовный сыск, но от идишского слова «мосер», что означает доносчик. Так или иначе, но сами эти слова очень прижились к российском аргю. В принципе в постах можно было использовать и литературные слова «полицейский» и производные от него, но, видимо, запрос от аудитории требовал, как казалось авторам, именно «ментов» и «мусоров». Применялись эти слова не только к представителям силовых структур (в первую очередь, естественно, полицейских), но также и в контексте критики политических оппонентов, а также жителей ДНР и ЛНР.

На стыке антиполцейской тематики и использование понятия «терпила». Приведём интересную цитату из ЖЖ русского национал-демократа Е. Холмогорова: «Путин, дорогой, посади, пожалуйста, их всех в тюрьму. А Наталье Холмогоровой найди хорошего русского мужика. Не такого терпилу, как её бывший муж-проститутка, а нормального русского мужика. Чтобы у нее больше не было желания растрчивать свои жизненные силы и молодость на ту херню, которой она занимается последние годы. Жалко бабу. Совсем пропадает. Собственно, в этом тексте содержится очень важное разоблачение (и исаморазоблачение) всего этого блатного дискурса. Это давно уже не столько криминальный, сколько ментовской дискурс» [10]. Итак, автор, отвечая Д. Кубареву, вполне мог бы использовать и слова исключительно русские литературные, благо как сам он вроде писал «...об антирусском мышлении в стиле блатных понятий» [16], но требования читательской аудитории (или видение автором таковых) привели к появлению именно такого поста.

Гомофобско-криминальная тематика, как уже было отмечено нами выше, сравнительно мало используется представителями оппозиции в сетевых дискуссиях. Впрочем, это отнюдь не означает, что таковой нет в принципе.

Ярчайший пример – сведения (судя по всему, не соответствующие реальности!) о факте изнасилования уроженцами Северного Кавказа казака, воевавшего в Новороссии и ставшего широко известным как «Бабай» [11].

По нашему мнению, правды во всём этом фрагменте ничуть не больше, чем в известии об изнасиловании А.А. Навального в период его административного ареста в 2011 году. Важно другое: в посте нет ни слова сочувствия к человеку, в отношении которого совершено тяжкое преступление (это было бы вполне естественным!). Наоборот, подчёркивает, что именно так и надо.

Есть и примеры в политизированном ЖЖ коллективной ненависти, связанной опять-таки с применением криминально-гомофобского дискурса. Один из авторов, либерал по своим убеждениям, написал нижеследующее: «Задача нормального либерала – загнать всех чинуш под шконку, чтобы их, сволочей, было не видно и не слышно» [12]. Напомним, что выражение «загнать под шконку» по сути означает перевести человека в низшую тюремную касту (сам факт отсутствия сексуального насилия – подчеркнём ещё раз – роли тут не играет). Разумеется, мы признаём возможность существования концепции сервисного государства [13–18], хотя и не видим пока ещё широких перспектив перехода в Российской Федерации к таковому, однако столь радикальный способ борьбы с бюрократией, мягко говоря, является излишним. Собственно, автор вполне мог бы выразить своё видение сервисного государства несколько иначе, но представление о собственной читательской аудитории сделало своё дело.

Ещё одна цитата принадлежит ныне покойной либералке В.И. Новодворской. Нам сначала показалось, что эта цитата – фейк, однако приведённые рядом цитаты в ходе проверки оказались истинными, так что на основании этого нами был сделан вывод о высокой степени вероятности принадлежности приведённого ниже поста именно ей. Итак: «Гражданские права существуют для людей просвещенных, сытых, благовоспитанных и уравновешенных. В зоне все откровеннее. Там есть права для всех, кроме как для “опущенных”, “для петухов”. И дело здесь не в физиологии, а в силе духа, в моральном уровне. Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параша и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества. Так что апартеид – это правда, а какие-то всеобщие права человека — ложь. Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параша и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных “петухов” дать им самоуправление. Представляете, что сказали бы воры в законе? Сейм Латвии и парламент Эстонии ответят то же самое» [19].

Текст цитаты довольно удивительный – в самом деле, В.И. Новодворская неоднократно подчёркивала своё высочайшее презрение к

«быдлу» (тех, кого сейчас часто именуют в радикал-либеральной среде «ватниками» и «колорадами»), а потому применение столь распространённых в этой среде языковых конструкций, представлений о жизни и т.п. Казалось бы для такого человека, как В.И. Новодворская, было бы логичным угрожать русскоязычным жителям стран Балтии новым Нюрнбергом, Гаагой и т.п., то есть сугубо правовыми судебными инстанциями западного мира, но никак не переводом в низшую тюремную касту, существующую в столь ненавистных ей российских реалиях. Тем не менее, В.И. Новодворская поступила так, как иногда поступали российские инакомыслящие за решёткой – признавали власть уголовников и принимали (пусть и лишь в местах лишения свободы) криминальные понятия.

Ещё одна криминальная по своему происхождению проблематика, используемая в оппозиционном сегменте российской блогосферы – тематика «беспредела». Это слово, получившее широкую известность в стране после выхода в 1989 году на экраны фильма с одноимённым названием, означает право силы. В криминальных кругах считается, что беспредел может быть установлен как сотрудниками правоохранительных органов («ментовской беспредел»), так и представителями криминального мира, по тем или иным причинам отрицающим криминальные понятия («махновщина»). Российские инакомыслящие пишут о первой из двух разновидностей беспредела. Так, например, ныне покойный А. Носик упоминал, что «Но тот беспредел, который в отношении Навального совершается, он касается всех нас» [20]. Другие либералы и нацдемы мыслят в целом схожим образом.

Таким образом, следует признать, что в рамках оппозиционной части политизированного ЖЖ часто используется «язык ненависти». Для подчёркивания ненависти к политическим противникам (сотрудникам силовых структур, сторонникам действующей власти, сторонникам Новороссии и т.п.) применяются криминальные по своему происхождению слова и эпитеты – «подментованные», «петухи» и т.п. Кроме того, для подчёркивания неприятия власти вместо слова «беззаконие» используется слово «беспредел».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кorb, В. Свободу Борису Стомахину! [Электронный ресурс] / Кorb В. – Режим доступа: <http://victor-korb.livejournal.com/638766.html> Дата обращения: 30.12.2019
2. Витухновская, А.: Республика – Общее Дело! [Электронный ресурс] / Витухновская А. – Режим доступа: <http://vassilio.livejournal.com/151149.html> Дата обращения: 30.12.2019
3. Салтыков-Щедрин, М.Е. Либерал // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Правда, 1988. – Т. 8. – С. 492 – 497.
4. Пахомова, Е.А. Системный либерализм: Истоки теории и практики // Научное мнение. – 2015. – № 1-1. – С. 87-91.

5. Латынина о полициях [Электронный ресурс] – Режим доступа: / <http://ico.livejournal.com/2334583.html> Дата обращения: 30.12.2019
6. Канье Уэст и «мусорское сообщество». Почему арестовали математика Дмитрия Богатова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evgen-gavroche.livejournal.com/1385545.html> Дата обращения: 30.12.2019
7. "Русские националисты" в ЖЖ - подментованные клоуны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://xaliavschik.livejournal.com/301863.html> Дата обращения: 30.12.2019
8. Типичный «герой»-содомит из Недоносии (Донбаве-Луганды) и его закономерная эволюция [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://staatsieherheit.livejournal.com/13099.html> Дата обращения – 30.12.2019
9. Крюков, А. Мас+Кавуа. Ивритские корни в русской речи // Родина. – 2002. – № 4-5. – С.26-29.
10. Разговоры о самоопределении русского народа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://holmogor.livejournal.com/5679446.html> Дата обращения: 30.12.2019
11. Жестокое преступление кадыровцев на юго-востоке Украины! Зверьки зверски изнасиловали Бабайку [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://v-n-zb.livejournal.com/7145473.html> Дата обращения: 30.12.2019
12. Либералам надо учиться говорить либерально [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://saporjnik.livejournal.com/2128518.html> Дата обращения: 30.12.2019
13. Большакова, Ю.М. О государственном управлении как институте сервиса: Анализ зарубежных концептов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2014. – № 2 (180). – С. 16-21.
14. Зайковский, В.Н. «Сервисное государство»: Новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 24. – С. 18-28.
15. Коженко, В.Я. Принципы сервисного государства: Теоретико-правовой аспект // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 545.
16. Коженко, В.Я., Мамычев, П.Ю. Сервисное государство: Проблемы теории и практики реализации // Власть. – 2010. – № 3. – С. 44-46.
17. Мартынова, С.Ю. Концепция «сервисного» государства в контексте постиндустриальной парадигмы социального управления // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2013. – № 8. – С. 165-173.
18. Фалина, А.С. Сервисное государство: Истоки теории, элементы практики // Социология власти. – 2012. – № 1. – С. 132-140.
19. Либеральный цитатник [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://matveychev-oleg.livejournal.com/610474.html> Дата обращения: 30.12.2019

20. Навальный сегодня: химический ожог правого глаза [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dolboeb.livejournal.com/3132074.html> Дата обращения: 30.12.2019

УДК 323.232

А.В. Богданов

к.полит.н., доцент, СГУ имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

**МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ:
ПРИНЦИПЫ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация: В работе рассматривается механизм реализации государственной политики, анализируются основные принципы и технологии в рамках осуществления государственной молодежной, культурной и образовательной политики в современной России. Освещается существующая проблема дихотомии государство/общество в рамках реализации российской государственной политики. Также анализируется использование принципов и технологий механизма реализации государственной политики применительно к формированию политической культуры российской молодежи.

Ключевые слова: Механизм реализации государственной политики, политическая культура, российская молодежь, принципы и технологии государственной политики, государственная молодежная, культурная и образовательная политика.

A.V. Bogdanov

PhD in political sciences, associate professor, Saratov State University,
Saratov, Russia

**MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF STATE POLICY:
PRINCIPLES AND TECHNOLOGIES OF FORMATION OF POLITICAL
CULTURE OF MODERN RUSSIAN YOUTH**

Abstract: The paper considers the mechanism of implementation of state policy, analyzes the main principles and technologies in the implementation of state youth, cultural and educational policy in modern Russia. The article highlights the existing problem of the state / society dichotomy in the implementation of Russian state policy. It also analyzes the use of principles and technologies of the mechanism for implementing state policy in relation to the formation of political culture of Russian youth.

Keywords: Mechanism of implementation of state policy, political culture, Russian youth, principles and technologies of state policy, state youth, cultural and educational policy.

Актуальность темы работы обусловлена, на наш взгляд, тем, что формирование соответствующего уровня культуры в стране является важным направлением государственной политики. Здесь следует обратить внимание и

на то, что неотъемлемой частью высокого уровня культуры выступает политическая культура граждан и, в первую очередь, молодежи как будущей основы государственной системы. В этом смысле формирование политической культуры также должно являться частью государственной политики. Такая ориентация на создание активного деятельностного подхода к повышению уровня политической культуры молодежи будет способствовать появлению полноценного гражданского общества в современной России, утверждению демократических ценностей и установок, и в целом демократизации социально-политического процесса.

Так, по нашему мнению, совместная работа органов государственной власти и общественных структур по формированию рационального типа политической культуры позволит уйти от дихотомии государство/общество в современной социально-политической российской действительности. Так нередким явлением становится противопоставление в политической практике двух, по идее, взаимодополняющих друг друга систем государственной и общественной.

Проявляется это, в-первую очередь, в ориентации политического поведения российского общества, особенно старшего поколения, на институт государства при решении возникающих проблем, другими словами, часть общества не готова нести ответственность за свои «действия и бездействия»[1]. Примером такой модели политического поведения выступает продуцирование решения существующих проблем в российской государственной системе путем перекалывания ответственности на нижестоящий управленческий уровень, и, в целом, отсутствия четкой правовой регламентации персональной ответственности руководителей органов государственной власти [2].

Во-вторых, уже существующие или вновь созданные общественные структуры, по сути своей, являются в большей степени государственно-общественными по своему характеру и способу принятия решений [3]. Это усложняет процесс удовлетворения, защиты и выражения общественных интересов, как конкретных социальных групп, так и общества в целом. Тогда как отстаивание общественных интересов и есть основная задача общественных организаций.

В-третьих, преобладание государственно-центристского подхода к нивелированию существующих проблемных ситуаций, в том числе и в рамках деятельности общественных структур, автоматически проецирует дисфункциональные особенности работы бюрократического аппарата и на результативность участия общественных ассоциаций в решении значимых для социальных групп проблем. Например, это может проявляться в так называемом «дискуссионном параличе», когда та или иная проблема не находит разрешения и по сути «заговаривается» в рамках постоянных обсуждений, дискуссий без реализации конкретных шагов по ее изменению в лучшую сторону [4]. И при этом, как раз общественные организации и призваны избежать данных существующих дисфункций в работе управленческого аппарата органов власти.

Имеют место и другие проблемные точки дихотомии государство/общество в социально-политическом российском процессе. Однако необходимо отметить, что представляется возможным преодолеть данную дисфункциональную тенденцию в работе органов государственной власти и общественных структур.

В целом, на наш взгляд, изменить ситуацию можно на основе формирования рационального типа политической культуры, а также за счет полноценной реализации механизма государственной политики, который представляет собой набор конкретных принципов, методов и технологий деятельности органов государственной власти [5].

Среди основных принципов, которые оказывают влияние на совершенствование системы государственной политики, можно выделить такие как:

- объективность в решении возникающих социально-политических проблем;
- конкретность при реализации тех или иных предложений;
- оптимальность при использовании соответствующих ресурсов;
- обратная связь, как с внутренними элементами организации, так и с внешними субъектами политико-административной деятельности;
- соответствие юридическим законам, заключающееся в соблюдении предписанных правовых норм;
- главное звено, суть которого в выделении основной задачи и в сосредоточении усилий для ее решения [6].

Это так называемые базовые или универсальные принципы осуществления механизма государственной политики, перечень которых может быть дополнен. Но уже отмеченные принципы указывают на то, что их соблюдение и реализация могут вполне способствовать выстраиванию более эффективного взаимодействия между субъектами и объектами политического процесса в рамках реализации государственной политики. В-первую очередь эффективность такого взаимодействия может повыситься в рамках исполнения государственной молодежной, культурной и образовательной политики, что будет способствовать и формированию соответствующего более рационального и активного типа политической культуры.

Также, повышению эффективности работы системы государственной политики будет помогать следование следующим, так называемым специальным или отраслевым принципам:

- социальная справедливость, равномерное распределение социальных благ, а также помощь наиболее нуждающимся категориям граждан со стороны органов власти, и, конечно, справедливые и честные взаимоотношения между обществом, индивидом и государством;
- неприкосновенность личности и собственности, важный принцип, суть которого заключается в возможности обеспечить определенный уровень независимости, автономности и защищенности в обществе;

- стабильность общественного развития, наличие средств и инструментов в рамках социально-политической системы, позволяющих адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы, преодолевать их планомерно, адаптироваться к изменениям без разрушения существующей институциональной структуры и осуществлять дальнейшее поступательное развитие [7].

Среди специальных принципов механизма реализации государственной политики особенно продуктивными с точки зрения повышения политической и правовой культуры молодежи и общества в целом, закрепления демократических ценностей, являются на наш взгляд те, что в свое время выделил и описал М. Мишеллети:

- народовластие, где народ выступает источником власти и может осуществлять свою власть как непосредственно (самовыдвижение), так и через представителей (выборы), а самое важное – мнение общества по ключевым вопросам государственной политики должно учитываться;

- конституционность правительства и иных государственных структур означает, что их функционирование опирается на юридически закрепленные и поддержанные большинством участников социально-политического процесса нормы и правила, и деятельность данных структур признана легальной;

- разделение властей, т.е. определение компетенции каждой из ветвей власти, их ресурсного потенциала и возможностей координации деятельности, с ограничением попыток к доминированию тех или иных органов власти при принятии и реализации решений;

- подотчетность, наличие соответствующей иерархически организованной структуры, а также возможность контроля разноплановых по своим функциональным полномочиям органов власти;

- открытость, т.е. возможность гражданам участвовать в различных формах (общественные палаты, советы, экспертизы и т.д.) в разработке и реализации решений органов государственной власти, а также оперативность в получении информации о деятельности соответствующих государственных структур и оказание качественных государственных услуг;

- восприимчивость, т.е. адекватная реакция на внешнюю среду, заключающаяся в том, что используется соответствующий набор методов и технологий для корректирования деятельности основных компонентов государственной системы в режиме тонкой настройки. При этом структуры общественной системы, также спокойно и планомерно перестраивают свою активность, нацеленную на быстрое решение возникающих проблемных ситуаций;

- эффективность, т.е. выработка соответствующих критериев и индикаторов результативности деятельности государственных структур, при этом в оценке эффективности органов власти задействованы общественные структуры, которые могут реально повлиять на качество измерения функциональности государственных органов;

- соответствие процессуальным нормам, это означает, что все участники социально-политического процесса при осуществлении своей деятельности опираются на определенные общепринятые и закрепленные в нормативно-правовых актах процедуры достижения результата, особенно в официальном публичном дискурсе [8].

Указанные выше принципы могут быть дополнены, но по нашему мнению, именно перечисленные – позволяют грамотно, продуктивно и функционально выстроить работу органов государственной власти, в том числе, в сфере государственной молодежной, культурной и образовательной политики.

Помимо принципов государственной политики возможным и необходимым представляется выделение соответствующих технологий. Они бывают разного характера, управленческие, образовательные, игровые и т.д. Более подробно мы хотим остановиться на определении места и роли игровых технологий в рамках реализации государственной молодежной, культурной и образовательной политики.

Игровые технологии, на наш взгляд, дают отличную возможность для формирования соответствующей рациональной, осознанной политической культуры, и деятельностной модели политического поведения современной российской молодежи в рамках разработки и реализации государственной молодежной, образовательной и культурной политики на основе вышеперечисленных принципов. Тем более, зачастую игровые технологии уже включены в реализацию культурной и образовательной политики. Но, возможности их применения куда шире и их правильное использование может повысить уровень эффективности проводимых мер государственной политики как системы.

Функциональный потенциал игровых технологий заключается в высокой степени адаптации их использования в различных сферах жизнедеятельности человеческого сообщества. Так, игровые практики довольно эффективно могут применяться при решении социально-политических конфликтов на этнической и религиозной почве. Но самое главное, что в рамках применения игровых технологий в образовательном процессе появляется возможность формирования активной, рационально мыслящей личности, которая будет в дальнейшем воспроизводить деятельностную модель политического участия и поведения, что будет способствовать повышению степени демократизации российской политической системы.

Наряду с явными положительными характеристиками функциональных особенностей игровых технологий не стоит забывать и об определенных трудностях при их использовании. Одна из таких особенностей заключается в том, что необходимо определить когда, при каких условиях и как должен происходить переход от игры к реальности, может ли игровая технология учитывать все многообразие возможных вариантов развития событий. Также нельзя отталкиваться в формировании политической культуры российской молодежи в рамках реализации государственной политики только от

соответствующего применения игровых технологий без учета воздействия и других факторов на развитие личности молодых людей.

Таким образом, реализация механизма государственной политики на основе вышеперечисленных принципов и технологий позволит преодолеть существующее противопоставление государство/общество в российском социально-политическом процессе, а также будет способствовать повышению уровня политической культуры молодых людей в рамках выработки государственной молодежной, культурной и образовательной политики в современной России. Однако следует отметить, что недостаточно простого декларирования данных принципов и технологий, а необходимо их конкретное наполнение, непосредственная реализация всеми участниками системы государственной политики, а также их соответствующая поддержка во времени и на всех уровнях принятия решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухаметшина, Е. Большинство россиян не хотят нести ответственность за действия властей [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/07/24/807239-rossiyan-otvetstvennost>. Дата обращения: 08.04.2020

2. Поддубровская, А.Ю. Ответственность государственных служащих [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 3 (часть 4). Режим доступа: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15232> Дата обращения: 08.04.2020

3. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Монография / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д. ю. н., профессор Авакьян С. А. – М.: Юстицинформ, 2015.

4. Ибрагима, Д. Феномен бюрократии: классические концепции // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. - № 6.

5. Слепышев, А.Л., Довженко, Д.В., Зырянов, С.Г. Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект [Электронный ресурс] // Социум и власть. – 2012. – №6 (38). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svoystva-i-osnovnye-komponenty-mehanizma-gosudarstvennogo-upravleniya-regionalnyy-aspekt> Дата обращения: 09.04.2020

6. Сивова, С.А. Принципы государственного управления // Приоритетные направления развития науки и образования: монография /Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 140-152.

7. Миронов, А.Л. Виды и принципы государственного управления [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России.

2012. №6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-printsipy-gosudarstvennogo-upravleniya> Дата обращения: 09.04.2020

8. Научные доклады по проблемам государственного и муниципального управления // Вып. 2: Государственное управление в демократическом обществе / Мишель Мишелетти; [Пер. с англ. Н. П. Дроздовой]. – СПб.: ПетроРИФ, 1998. – 34 с.

УДК 324

А.Н. Веряскина

к.филос.н., доцент НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

А.В. Титко

ст. преп. НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

А.А. Фоменков

д.и.н, проф. НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ,
ПРИМЕНЯВШИХСЯ ШТАБОМ В.П. ШАНЦЕВА НА ВЫБОРАХ
ГУБЕРНАТОРА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ 2014 ГОДА**

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам проведения выборной кампании действовавшего губернатора Нижегородской области В.П. Шанцева в 2014 году. Выявлены основные применявшиеся выборные технологии. Упомянуты ошибки штаба В.П. Шанцева и причины, почему ошибки не были использованы его конкурентами.

Ключевые слова: выборы, Нижегородская область, губернатор, административный ресурс, технологии, блогинг.

A. N. Veryaskina

PhD in philosophical sciences, associate professor, NIU-RANEPA, Nizhny
Novgorod, Russia

A. V. Titko

chief lecturer, NIU- RANEPA, Nizhny Novgorod, Russia

A. A. Fomenkov

doctor of historical sciences, professor, NIU- RANEPA, Nizhny Novgorod,
Russia

Abstract: This article is devoted to the election campaign of the current Governor of the Nizhny Novgorod region V.P. Shantsev in 2014. The main election technologies used were identified. The errors of V.P. Shantsev's staff and the reasons why the errors were not used by his competitors are mentioned.

Keywords: elections, Nizhny Novgorod region, Governor, administrative resource, technology, blogging.

Как известно, с декабря 2004 по октябрь 2012 года в Российской Федерации не было всенародных выборов глав регионов. В настоящее время в суть таковой заключалась в следующем. В целом губернатор В.П. Шанцев проводил вполне традиционную кампанию для действующего главы региона, уверенного в своих силах. Он принял участие в ряде мероприятий, в том числе и как бы не декларируя таковые как предвыборные. Например,

посещая вновь открытые детские площадки вместе с нижегородским сити-менеджером О.А. Кондрашовым [1] и молодежный форум «iВолга» (в ходе последнего он посетил арт-объект – уменьшенную копию Дмитриевской башни нижегородского кремля [2]). Однажды В.П. Шанцев даже посетил свадьбу [3]. Кроме проблем жителей городов уделялось внимание и селу. Так, например, В.П. Шанцев участвовал в присутствии прессы в выездных заседаниях, посвящённых проблемам развития сельского хозяйства [4; 5].

Имела место также встреча с блоггерами, в ходе которой обсуждались вопросы «...безопасности дорожного движения, по культуре вождения, по пьянству за рулем, в том числе по предложениям, которые поступали в блог» [6].

Следует отметить, что В.П. Шанцев и его штаб использовали новые технологии, связанные с блоггингом в ходе своей предвыборной кампании. Как известно, «в XXI в. эта форма политической коммуникации является одним из самых популярных способов доведения информации до населения» [7]. Важность блоггинга была осознана главами российских регионов сравнительно недавно [8]. В.П. Шанцев считается скорее продвинутым блоггером, хотя, по нашему мнению, считать его блог эффективным способом политической коммуникации вряд ли следует. Тем не менее, отрицать участие блога В.П. Шанцева в качестве инструмента предвыборной кампании 2014 года вряд ли следует.

Нельзя также не отметить, что именно В.П. Шанцев пытался позиционироваться как выдвиженец от гражданского общества. Проявлялось это в первую очередь в провозглашении его единственным кандидатом, выдвинутым представителями общественных организаций [9].

Важнейшими ресурсами В.П. Шанцева в ходе предвыборной кампании 2014 года являлись доверие президента В.В. Путина [10], а также большое количество дел для региона, уже сделанных при его личном участии, а также тех, что продолжают реализовываться.

Важнейшая задача для команды действующего губернатора заключалась в сохранении в регионе внутриэлитного и внутрипартийного консенсуса [11]. Иначе говоря, было недопустимым участие в губернаторских выборах другого члена «партии власти». Таковым мог, например, быть В.Е. Булавинов, являвшийся в прошлом оппонентом В.П. Шанцева (укажем, что конфликт между ними не имел какой-либо идейной подоплёки и заключался в контроле над областным центром). Уместно указать, что в прошлом в НРО «Единая Россия» уже имел место конфликт, связанный с противостоянием В.П. Шанцева и депутата Государственной Думы А.Е. Хинштейна [12]. То есть, внутрипартийный конфликт в регионе вполне мог иметь место и в 2014 году, однако его удалось не допустить. Вполне уместно предположить, что роль в недопущении такого конфликта сыграла и федеральная власть – впрочем, это не умаляет достоинств команды В.П. Шанцева, которая сумела эффективно распорядиться этим.

От КПРФ на пост губернатора Нижегородской области в 2014 году должен был баллотироваться видный предприниматель и в прошлом крупный региональный чиновник В.А. Буланов. По нашему мнению, выбор этой кандидатуры был более чем оптимальным (есть и иное мнение [13], но оно представляется нам ошибочным). Как показала практика прошлых десятилетий, представители КПРФ добивались успехов на выборах губернатора и мэра областного центра только в том случае, когда кандидат был во многом «внепартийным». Именно таким был Г.М. Ходырев, в 1997 году проигравший во втором туре губернаторских выборов И.П. Склярору и взявший у него же реванш в 2001 году. Глава же НРО КПРФ В.П. Киреенко, как известно, оказался совершенно неконкурентоспособен в 1998 год на выборах мэра Нижнего Новгорода, не сумев оказать сколько-нибудь серьезной конкуренции ставленнику областной администрации В.Н. Горину, наиболее яркому в регионе внесистемному кандидату А.А. Климентьеву и бывшему главе города Д.И. Беднякову и опередив лишь другого партийного кандидата – лидера местной организации ЛДПР А.Б. Курдюмов, получившего всего 0,3% голосов избирателей [14, с. 36].

В. Буланова вполне можно признать самостоятельным политиком регионального значения. Его членство в КПРФ отнюдь не означало, что он во всём будет прислушиваться как к позиции своих однопартийцев в регионе, так и лидеров Компартии из Москвы. Таким образом, изначально было ясно, что В.А. Буланов будет бороться отнюдь не только за голоса традиционного коммунистического электората, но также и будет пытаться заручиться поддержкой представителей среднего имущественного класса. О необходимости смены главы региона он заявлял ещё в 2013 году, подчёркивая, что лучшим событием для региона будет смена губернатора и его команды [15].

В.А. Буланов позволял себе довольно критические высказывания даже по весьма актуальной крымской проблеме, идя во многом против течения. Например: «Крым – дюже модная нынче тема. Только ленивый не едет туда и не пытается выстроить какую-то политику в отношениях с местным руководством. Но федерация уже наметила закачку на полуостров такого большого количества денег (порядка триллиона рублей), что смысла подтягивать к этой теме регионы уже не стоит. Я ничего не имею против развития Крыма, но идея приобрести и содержать там для нашего города детский лагерь – это чистый популизм. И эта инициатива исходит не от федерации, а именно от администрации Нижнего Новгорода» [16]. Впрочем, нельзя не признать, что один из лидеров НРО КПРФ в данном случае выступал не столько как противник присоединения Крыма, сколько как технократ – часть крымской проблемы интересовала его исключительно с позиций разумности бюджетных трат. Часть трат из регионального бюджета неразумна – следовательно, не нужна, а «модность» или же отсутствие таковой вроде как и не при чём.

Впрочем, не обвиняя В.А. Буланова ни в проукраинских симпатиях, ни в поддержке русской национал-демократической идеи «хватит кормить Кавказ»,

предположим, что часть голосов противников присоединения Крыма (по стране таковых около 14 процентов) В. Буланов в регионе мог и получить уже даже за эти два вышеупомянутых поста.

Открыто В.А. Буланов высказывал и продолжает высказывать свою позицию относительно развития спорта в регионе. Им, в частности, критиковалась система финансирования хоккейных и футбольных команд региона [17].

Данный пост одного из лидеров НРО КПРФ наглядно свидетельствует, что в плане взглядов на взаимоотношения власти и большого спорта В. Буланов близок по сути к либертариям, которые скорее негативно относятся к спорту и выступают против любого его финансирования со стороны государства [18]. Впрочем, ещё более важно, с нашей точки зрения, что обращение к спортивной проблематике наглядно демонстрирует, что а). В. Буланов не боится ставить острых вопросов, б). для него нет «священных коров» в лице хоккейного «Торпедо», которое в отличие от прошлых лет по своему составу отнюдь не «нижегородское» и в). хорошо разбирается в вопросах областного бюджета, в том числе и проблемах неэффективного расходования средств в дотационном регионе.

Разумеется, В.А. Буланов высказывал и идеи, отнюдь не идущие вразрез с линией российского руководства. Например, это касается инвестиций российским бизнесом в российскую же экономику в условиях санкций [19]. Впрочем, в этом же вопросе опять-таки можно признать В. Буланова не популистом или же приспособленцем, но прагматиком – недаром в пример он ставил китайский и белорусский опыты, а не опыт США и других стран, которые являются «маяком» для либеральной общественности.

Таким образом, для избежания сложностей на выборах команде В.П. Шанцева было весьма желательно не допустить участия В. Буланова в губернаторских выборах. Наиболее технологичным было препятствие для прохождения представителем КПРФ «муниципального фильтра», составлявшего в регионе 325 голосов депутатов муниципального уровня [20]. Этого команде действующего губернатора удалось добиться. Как минимум 2 депутата-члена КПРФ отказались поддерживать своего однопартийца [21] (по другим данным таковых оказалось целых 46 [22]), не говоря же о членах «партии власти», которых среди муниципальных депутатов в регионе было большинство. Кроме того, 9 депутатов муниципального уровня-членов КПРФ поддержали выдвижение В.П. Шанцева [23]. Сам В.А. Буланов распространял сведения о давлении, которое оказывалось на разных депутатов с целью недопущения участия его в выборах. Подтвердить или же опровергнуть данные сведения пока возможным не представляется. Остаётся лишь признать, что а). проблема участия в выборах «опасного» кандидата была решена и б). при этом выглядело странно, что известный в регионе политик, представляющий крупнейшую оппозиционную партию, сито «муниципального фильтра» не прошёл, в то время как кандидаты от малоизвестных партий, обладающие минимальной личной узнаваемостью в регионе, этот же фильтр благополучно

миновали. Упомянем также, что кроме В.А. Буланова «муниципальный фильтр» не прошло ещё несколько кандидатов, но никакой мало-мальски серьёзной опасности для фаворита предвыборной гонки они не представляли.

Нельзя не признать, что в предвыборной кампании В.П. Шанцева имели место и недостатки. Первая из них касалась ситуации с беженцами из Юго-восточной Украины, точнее с их незавидным положением на территории Нижегородской области. В СМИ отмечалось, в частности, что «Сейчас драматическая ситуация складывается в Кстовском районе. В течение июня туда приехали более сотни жителей Донецкой и Луганской областей. Кого-то приютили родственники. А 72 человека, в том числе дети, были размещены в пансионате «Янтарь» в Работках. В основном это беженцы из Славянска, Краматорска и Горловки. Все они обеспечены питанием и медикаментами. Однако эти люди могли оказаться у разбитого корыта, если бы не добрая воля директора пансионата Сергея Гуторова. «Янтарь» за свой счет принимает беженцев. Помогают им, чем могут, и местные жители. ...Вот только от областных властей не наблюдается, никакой помощи. В регионе принята специальная программа по приему беженцев. Но она вообще не работает! О сложившейся в Кстовском районе ситуации был извещен врио губернатора. Но за все это ни один из девяти его заместителей так и не удосужился посетить пансионат с украинскими беженцами. Тем более туда не приехал сам Валерий Шанцев» [24].

В условиях острой политической конкуренции другие кандидаты не преминули бы воспользоваться этим обстоятельством, благо представители других политических партий (кроме, возможно, члена «Гражданской платформы» Р. Досаева) следуя линии своих партий, поддержали бы беженцев из Донецкой и Луганской областей. В самом деле, о поддержке ДНР и ЛНР в той или иной форме заявляли и «эсеры», и ЛДПР, и ПВО, и «Патриоты России». Мало того, М.С. Кузнецов даже проводил акцию помощи беженцам из Донецка [25], однако не обвинял своих оппонентов (и, прежде всего, фаворита избирательной гонки) в невнимании к проблемам беженцев.

Второй недостаток был связан с недоучётом «татарского» фактора. Как известно, в Нижегородской области издавна проживают татары-мишари, исповедующие ислам суннитского толка. «Все предшественники губернатора Шанцева прекрасно осознавали важное значение мусульманского фактора для региона. Особо актуальной тема выглядела в местах компактного проживания татар. В Нижегородской области это Краснооктябрьский, Пильниский, Сергачский районы. Большое внимание этому вопросу уделялось при губернаторе Немцове. В то время у полпреда президента по Нижегородской области Евгения Крестьянинова числился в штате специальный помощник «по вопросам взаимодействия с национальностями» – Олег Уланов. Это был большой специалист в области межнациональных проблем. Он тщательно мониторил все, что происходит на «татарском» юге области; тонко и деликатно отстраивал связи между представителями татарской общины и властью» [26].

Важно упомянуть, что В.П. Шанцев уже «проигрывал» татарской общине – так, в 2005 году на выборах главы МСУ Краснооктябрьского района победил противник губернатора Т. Хайретдинов, причём в дальнейшем последний на более поздних выборах проиграл ставленнику главы региона с результатом всего в 1 голос (имеет место информация, что даже эта победа была достигнута только с применением административного ресурса). С целью заручиться голосами татар-мишарей в Краснооктябрьский район совершил визит шейх Равиля Гайнутдина. «Совершенно ясна цель данного визита – скрытая агитация правоверных татар за Шанцева. Однако, нам представляется, что это вряд ли сработает: «Восток – дело тонкое». Люди духовному лидеру головой покивают, но на избирательные участки все равно отправятся с фигой в кармане. И проголосуют на свое усмотрение. Тем более, что к областной власти и к врио губернатора там отношение сложилось не самое тёплое» [26].

Таким образом, в условиях острой политической конкуренции противники В.П. Шанцева вполне могли бы побороться за голоса татар-мишарей. А.А. Бочкарёв и М.С. Кузнецов, к примеру, могли бы совместить в своих обращениях к татарской общественности региона идеи о развитии малого и среднего бизнеса (в татарских сёлах немало людей, занимающихся предпринимательством – особенно в Рябушкино) и подъёме сельского хозяйства (татарско-мишарские районы – аграрные) с идеей социальной справедливости (сельские жители положительно относятся к таковой). А.И. Завьялов и М.А. Сурайкин могли бы большое внимание уделить историческому прошлому и вкладу татар-мишарей в создании мощного российского государства. Р.А. Досаев мог бы уделить внимание не только вопросам развития малого и среднего бизнеса, но также и местного самоуправления (тут вполне можно было бы привлечь на свою сторону сторонников Т. Хайретдинова). Вполне мог бы найти свою «нишу» и А.Б. Курдюмов. Всего этого, однако, сделано не было.

Кроме того, в качестве слабости В.П. Шанцева можно было бы указать отсутствие у него своего рода «кардинала Ришелье» в предвыборном штабе [27]. Однако в нижегородских реалиях образца 2014 года действующему главе региона тонкий политтехнолог в сущности и не требовался, поскольку во многом требовалось не столько в ходе предвыборной кампании увеличивать рейтинг, но требовалось скорее его удерживать [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кей, Н. Очередные решения // Нижегородский рабочий. – 2014. – 23 июля.
2. Папилов, О. Разогнался и в ... рюкзак // Нижегородская правда. – 2014. – 8 июля.
3. Свадьба в прямом эфире [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://shantsevvp.livejournal.com/2014/07/25/> Дата обращения: 30.12.2019
4. Миронова, Н. Время работать на селе // Курс-Н. – 2014. – № 28.

5. Михайлов, С. Завершается уборка озимых // Курс-Н. 2014. – № 30. – С. 2.
6. Встреча с блогерами [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://shantsevvp.livejournal.com/2014/08/04/> Дата обращения: 30.12.2019.
7. Волков, С.Ю. Блоггинг как форма политической коммуникации / С.Ю. Волков, В.Н. Никитенко // Огарев-Online. – 2015. – № 17 (58).
8. Калакина, К.А. Новые медиа и новые опасности: о российском политизированном блоггинге / К.А. Калакина, Д.С. Насонов, Е.А. Пахомова, А.А. Фоменков // Культура, образование и искусство: партнерство семьи и дополнительного образования в формировании профессиональных ценностей сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции ученых-исследователей, специалистов; преподавателей вузов, колледжей, школ, учреждений дополнительного образования; руководителей образовательных учреждений; аспирантов, студентов. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – 2018.
9. Тарасов, В. Через муниципальный фильтр // Земля нижегородская. – 2014. – 8 авг.
10. Доверие президента // Нижегородская права. – 2014. – 5 июля.
11. Деменев, В. Теория элит: «шанцевский стабилизец» // Ленинская смена. – 2014. – 10 июля.
12. Дахин, А.В. Региональный политический режим и становление структуры региональной политической конкуренции (на примере Нижегородской области) // PolitBook. – 2013. – № 1.
13. Бриккенгольц, Е. Осторожные коммунисты // Ленинская смена. – 2014. – 21 авг.
14. Распопов, Н.П. Формирование партийной системы региона. Основные тенденции политических и экономических трансформаций в Нижегородской области // Основные тенденции политических и экономических трансформаций в Нижегородской области. Информационный бюллетень ВВАГС. Под ред. Проф. А.В. Дахина. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2002.
15. Буланов, В. Охотничьи угоды губернатора [Электронный ресурс] / Буланов В. – Режим доступа: <http://www.apn-nn.ru/552151.html> Дата обращения: 30.12.2019
16. Буланов, В. Популизм на модной теме [Электронный ресурс] / Буланов В. – Режим
17. доступа: <http://www.apn-nn.ru/553936.html> Дата обращения: 30.12.2019.
18. Буланов, В. Гонорар с возвратом [Электронный ресурс] / Буланов В. – Режим доступа: <http://www.apn-nn.ru/558240.html> Дата обращения: 30.12.2019
19. Марголис, Н.Ю. Особенности современной либертарной критики феномена «большого спорта» / Н.Ю. Марголис, Е.А. Пахомова, М.И. Федотова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2014. – № 2.

20. Буланов, В. Диктатура? Я не против [Электронный ресурс] / Буланов В. – Режим доступа: <http://www.apn-nn.ru/553567.html> Дата обращения: 30.12.2019
21. Лужин, А. Фильтрация пока на троих // Нижегородская правда. – 2014. – 22 июля.
22. Буланов, В. Второй тур был неизбежен [Электронный ресурс] / Буланов В. – Режим доступа: <http://www.apn-nn.ru/554749.html> Дата обращения: 30.12.2019
23. Бриккенгольц, Е. Шанцев – 2014: вперёд, в будущее или назад, в прошлое? // Ленинская смена. – 2014. – 14 авг.
24. Лужин, А. Региональная независимость // Нижегородская правда. – 2014. – 15 июля.
25. Бриккенгольц, Е. Губернатор Шанцев предаёт украинских беженцев? // Ленинская смена. – 2014. – 3 июля.
26. Выберем самого достойного // Курс-Н. – 2014. – № 29.
27. Бриккенгольц, Е. Шанцев тонет в исламском вопросе // Ленинская смена. – 2014. – 10 июля.
28. Бриккенгольц, Е. Шанцев: один в поле воин? // Ленинская смена. – 2014. – 3 июля.
29. Боязнь неудач // Нижегородская правда. – 2014. – 24 июля.

УДК 321.01

С.А. Денисов

к.ю.н., доцент, Гуманитарный университет г. Екатеринбурга, Россия

ИМИТАЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ НОРМ КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТОВ

Аннотация: В мире широко распространена имитация республиканской формы правления. Ее осуществляют государства с монархической и олигархической формами правления. Одним из средств этой имитации являются ложные и формальные конституционные акты.

Ключевые слова: Форма правления, республика, монархия, олигархия, имитация республик, ложная конституция, формальная конституция.

S.A. Denisov

PhD in law, associate professor,

Liberal Arts University – University for Humanities, Ekaterinburg, Russia

IMITATION OF THE REPUBLICAN FORM OF GOVERNMENT USING THE NORMS OF CONSTITUTIONAL ACTS

Abstract: In the world, imitation of the republican form of government is widespread. It is carried out by states with monocratic and oligarchic forms of government. One of the means of this imitation is false and formal constitutional acts.

Keywords: Form of government, republic, monarchy, oligarchy, imitation of republics, false constitution, formal constitution.

Правящие группы обычно стараются придать управляемому ими государству **позитивный имидж**. Одним из направлений, создания этого имиджа может быть придание монархическому или олигархическому по форме правления государству видимости республики. Средством реализации этой политики часто является официальное позитивное право и конституционный акт, в частности.

Имитация республиканской формы правления государствами, где пожизненно правит один человек (монархия) или группа лиц (олигархия) имеет давнюю историю. Еще в I веке до н.э. в Древнем Риме возникает такая форма правления, которая была названа принципатом. Формально, на основании норм писаного права – это была республика. Сохранялись все республиканские институты. Фактически власть пожизненно принадлежала одному человеку – императору Октавиану [1, с. 183-186]. Широкое

распространение имитации республики получила в Новое время. О.А. Омельченко пишет, что в Нидерландах, освободившихся из под власти Габсбургов, формально был провозглашен республиканский строй. «Реально

республиканизм был весьма относительным, и значительные полномочия сохранялись за представителями параллельной военно-монархической власти» [2, с. 10]. Акт под названием «Орудие управления» был издан Кромвелем в Англии 13 декабря 1653 г. «Он устанавливал внешне республиканскую, а по сути диктаторскую систему власти», – пишет О.А. Омельченко [2, с. 10]. Имитацией сохранения республики занимался Наполеон Бонапарт в первые годы своего правления [3, с. 313]. В XX в. монархии стали настолько не популярны в мире, что все видные диктаторы (И.В. Сталин, А. Гитлер, Ф. Франко, А. Салазара, Сукарно, Х.М. Сухарто, С. Хусейн) вынуждены были прикрывать свое единоличное правление именем республики. Сегодня признается, что так называемые советские республики на самом деле имели диктаторскую форму правления [4, с. 5]. На современном этапе создают видимость наличия у них республики ряд фактических монархов или диктаторов Азии и Африки. И.В. Столяров обращает внимание на то, что Северная Корея и Сирия только формально являются республиками, а на деле представляют собой наследственные монархии [5, с. 10]. Именем республики могут прикрываться самые традиционные патримониальные диктатуры, которые сегодня называют султанизмом [6, с. 334-335].

Республиканскими одеждами может прикрываться олигархическая форма правления, при которой высшая власть принадлежит группе людей. В.З. Роговин пишет, что после болезни В.И. Ленина в России сложился триумvirат – Зиновьев, Каменев, Сталин. Он получил полуофициальное название «руководящего ядра» [7, с. 100]. Р. Медведев показывает, что после смерти И.В. Сталина триумvirат восстанавливается [8, с. 62-68].

Обычно, в современных условиях, монархии одеваются в форму президентской [9] или супер-президентской республики, которую часто называют смешанной [4, с. 5]. Супер-президентская (сверхпрезидентская) республика провозглашается в большинстве бывших республик СССР [10, с. 154]. По этому же пути идет большинство стран Африки [11, с. 130]. Сегодня, в ряде стран Азии традиционная неограниченная монархия в форме султанизма прикрывается формальным институтом президентства, пишет А.Н. Медушевский [6, с. 313]. Правитель в октроированной им конституции называет себя президентом. Но это не обязательно. Наполеон Бонапарт некоторое время правил Францией в должности «первого консула Республики». Иногда диктаторы правят страной занимая формально должность председателя правительства: Пакистан при Бхутто [12, с. 98], Эфиопия по Конституции 1995 г. [14, с. 131]. Формально в коммунистическом Китае парламентская форма правления, пишет А.Н. Медушевский [6, с. 329]. Монархии труднее прятаться за парламентскую систему, но и такое возможно, пишет Х. Дж. Линц [13, с. 3-24].

Правитель может не занимать никакой государственной должности. Так делал И.В. Сталин, Дэн Сяопин. Правитель Ирана после 1979 г. не является главой государства. Он занимает должность имама, который согласно ст. 2 Конституции Ирана 1979 г. опекает общество [14, с. 28]. Исследователи

отмечают, что С. Милошевич стоял вне конституционных норм Югославии. Он занимал должность президента Сербии, одного из государств, входящих в Югославию. Но фактически он назначал на должность президента Югославия и председателя правительства Югославии верных ему людей и смещал их с должности, если они выходили из его подчинения [15, с. 190].

Важнейшим инструментом имитации республиканской формы правления является ложный (фиктивная конституция) или декларативный (формальная конституция) конституционный акт. Ложной называется конституция, не содержащая эффективных средств ограничения власти главы государства. Декларативной конституцией называется акт, закрепляющий ограниченное правление, но не реализуемый на деле [16, с. 179-180, 194-198]. А.Н. Медушевский говорит о «конституционном лицемерии» [6, с. 313]. В отечественной литературе признается, что содержание конституций стран Азии, бывших республик СССР очень далеки от реально существующих в них общественных отношений. Фактическая организация власти не соответствует юридической [4, с. 12].

Ложный или декларативный конституционный акт октроируется самим правителем. В нем содержится республиканское название страны (Корейская народно-демократическая республика, Социалистическая Республика Румыния и т.д.), декларируется наличие республиканских институтов (президент, парламент, разделение властей, выборы в органы власти).

Ложные конституции достаточно примитивно имитируют республику. Они только провозглашают ее, но тут же, закрепляют сверхвысокие полномочия правителя. Примером ложного конституционного акта является «Орудие управления», принятое в Англии в 13 декабря 1653 г. Этот акт закреплял диктатуру лорда-протектора, которым являлся О. Кромвель [2, с. 25]. В документах наполеоновской Франции «управление республикой вверялось императору» [17, с. 63].

Ложные конституционные акты не ограничивают время пребывания одного человека на должности главы государства (конституция Беларуси, Туркмении). В 2014 г. бессменный правитель Никарагуа Д. Ортега провел реформы, которые позволили ему занимать пост президента до самой смерти [18, с. 21]. Формальные конституции могут создавать видимость сменяемости лиц на должности главы государства. В Нигерии военный диктатор Обасанджо после истечения двух конституционных сроков поставил на пост президента мало известного бывшего губернатора северной провинции Катсина – Умара уаг Адуа [19, с. 95-96]. По этому же пути пошел Н.А. Назарбаев. Как отмечалось выше, правитель может вообще не занимать должность главы государства, а править страной через своих доверенных лиц. В странах, где отсутствует правовое государство, все вопросы решаются через расставленные правителем верные ему кадры. Правящая группа представляет собой сплоченную организацию, похожую на мафию, где действуют строгие корпоративные нормы подчинения вассалов своему сюзеру (патрону).

Легитимность диктатора опирается не на писанный акт, а на его харизму или обычаи вождизма, существующие в стране.

Положения конституционного акта, прикрывающего монархию, могут копировать положения конституций демократических стран. Но помещенные в недемократическую среду они приобретают совершенно иное значение. Конституционные акты стран Латинской Америки копировали Конституцию США. Но в результате, во многих странах этого континента рождалась достаточно жесткая диктатура, а не республики. А. Куртов отмечает, что авторитарные лидеры умеют достаточно безболезненно для себя инкорпорировать отдельные элементы, присущие демократической форме правления, переработать и видоизменить их, приспособив для потребностей авторитарной по своей сути системы власти одного человека [20, с. 6-7].

Конституционный акт при имитации республики должен закреплять выборность органов власти. В условиях отсутствия оппозиции или ее слабости проводить управляемые выборы не представляет никакого труда. С помощью обмана, подкупа, репрессий, фальсификации результатов выборов правитель получает в свою поддержку максимальное количество голосов избирателей.

Иногда правители прибегают к имитации наличия в стране плебисцитарной демократии (Наполеон Бонапарт, Луи Бонапарт).

Ложные конституции прямо закрепляют право правителя назначать себе преемника. Кромвель добился получения этого права в 1657 г. Согласно формальным конституционным актам, новый глава государства получает свою должность в ходе управляемых выборов.

Часто конституционные акты не ясно формулируют полномочия правителя. Подчиненные ему органы всякую неясность толкуют в пользу расширения власти своего хозяина. З. Кусовец отмечал, что Ф. Туджман в Хорватии расширял свои полномочия посредством широкого толкования норм Конституции [21, с. 16].

Формальный конституционный акт может закреплять ответственность правителя, занимающего должность президента страны за результаты его деятельности. Согласно этому акту президент может быть отрешен от должности за нарушение закона. На деле реализовать все эти нормы конституции невозможно, поскольку весь государственный аппарат подчинен правителю и никто не сможет собрать доказательства совершения им преступления, никто не осмелится предъявить ему какие-либо претензии. Кроме того, в монархических государствах вся ответственность за деятельность правителя возлагается на его подчиненных, например, на председателя правительства, на заместителей правителя в регионах. Время от времени он отправляет их в отставку или даже в места лишения свободы, приобретая себе славу строгого «отца» и «заступника народа».

Формальные конституционные акты могут декларировать наличие разделение властей в государственном механизме (ст. 57 Конституции Ирана 1979 г., ст. 9 Конституции Таджикистана 1994 г., ст. 4 Конституции Туркмении 1992 г.). Правитель легко устраняет его, расставляя на все ключевые должности

в государственном аппарате преданных ему людей. Разделение властей подменяется разделением труда между органами власти, подчиненными правителю. Ст. 57 Органического закона Испании, принятого генералом Франко прикрывала господство диктатора фразой о том, что он обеспечивает согласованность действий всех государственных институтов путем разрешения споров о компетенции между высшими органами власти [22, с. 199].

Обязательным признаком республики является наличие выборного представительного органа. В условиях отсутствия оппозиции или ее слабости этот представительный орган легко формируется правителем из своих сторонников. В учебниках отмечается, что в странах Латинской Америки до 1980-х гг. парламент был превращен в придаток президентской власти [23, с. 66]. Если правитель не обладает способностью полностью управлять результатами выборов, то конституции усложняют процесс выборов. Например, вводятся двухступенчатые выборы представительного органа. По Конституция Франции 1799 г. низовые избиратели только косвенно участвовали в формировании органов государственной власти: «избиратели коммуны делегировали 1/10 себя в т.н. коммунальные списки, те – 1/10 в следующий, департаментский, 1/10 тех составляли национальный список, из которых назначались члены законодательного корпуса и других институтов» [2, с. 145-146]. Многоступенчатые выборы применялись в СССР до 1936 г.

Формальный конституционный акт может наделять полностью зависимый от правителя представительный орган широчайшими полномочиями. Например, Конституция СССР 1977 г. объявляла, абсолютную власть Верховного Совета СССР. «...законодательные органы в африканских странах по формальным признакам имеют примерно такие же полномочия, как и во многих других регионах мира, но фактически являются придатком всеильной исполнительной власти», – пишут отечественные исследователи [24, с. 253].

Созданные под контролем правителя ассамблеи изображают из себя представителей народа. Конституционные акты называют их парламентами. Одной из их функций является имитация законотворчества. На деле они всего лишь придают законный вид указаниям, спущенным правителем, легитимируют его волю. Фактически они являются не законодательными, а законорегистрационными органами государства.

Имитационная конституция может наделять ассамблею при правителе правом принимать законы вопреки воле правителя (преодоление его вето на закон). На деле, это право у нее отсутствует. У депутатов ассамблеи не может возникнуть даже мысли о том, чтобы конфликтовать с правителем. Конституция Беларуси позволяет ассамблее отменить декрет Президента 2/3 голосов каждой палаты (ст. 137 Конституции). Но они еще ни разу не посмели это сделать [25, с. 47].

При имитации парламентаризма, ассамблея при правителе (олигархии) формирует правительство или утверждает на должность председателя правительства, министров правительства, заслушивает их отчеты. Ст. 129

Конституции СССР 1978 г. устанавливала, что Правительство СССР образуется Верховным Советом СССР. Ст. 130 утверждала, что Правительство СССР ответственно перед Верховным Советом и подотчетно ему. На деле, все перечисленные действия ассамблеи являются всего лишь реализацией установленного в конституции ритуала. Ассамблея не может не утвердить кандидата на должность главы правительства (как английская королева не может не назначить премьер-министром главу победившего на парламентских выборах большинства). Она всего лишь кукла-марионетка в руках правителя.

Конституции, имитирующие республиканский строй могут декларировать самостоятельность правительства в реализации законов. На деле правитель формирует так называемое техническое правительство, передавая исполнительную власть своему временному фавориту. В литературе его называют «административном» [23, с. 286] или техническим премьер-министром. Как правило, диктатор самостоятельно контролирует министров правительства, осуществляющих важнейшие государственные полномочия (например, силовых). Правительство превращается в исполнителя воли правителя.

В имитационных республиках может создаваться конституционный суд, который, согласно конституции обязан ее охранять. Но подчиненный правителю, он делает все, чтобы обеспечить его всевластие. Конституционный Суд Киргизии в 1998 г. решил, что А. Акаев может нарушить ограничения срока пребывания в должности Президента и вновь баллотироваться в 2000 г. по новой конституции. По Конституции Никарагуа 1987 г. президент не мог выдвигаться на второй срок. Но Верховный Суд Никарагуа разрешил это делать Д. Ортеге [18, с. 21].

Конституции стран, имитирующих республику, декларируют независимость судебной власти и деятельность ее в соответствии с законом. Эта норма легко нейтрализуется правом правителя назначать судей непосредственно или через послушную ему ассамблею. В демократических странах президенты, назначающие судей, приходят и уходят, а судьи остаются на своих местах пожизненно. При монархиях наоборот, судьи приходят и уходят, а правитель остается все тот же. Таким образом, судьи здесь вынуждены служить не конституции и закону, а реализовать волю своего хозяина, который может в любое время лишиться их хорошо оплачиваемой должности.

Чем прочнее диктатура правителя, тем более широкими полномочиями он может наделить подконтрольные ему и якобы независимые органы власти. Упрочение диктатуры И.В. Сталина позволило ему безбоязненно записать в Конституцию СССР 1936 г. статьи декларирующие демократизацию избирательного процесса.

Исследователи говорят о создании в ряде государств виртуальных политических систем [26, с. 75]. Правитель и его подчиненные формируют объединение бюрократии и ее клиентелы, которое называют «партией власти». Под руководством правящей группы или с ее согласия создаются организации,

которые изображают из себя «системную оппозицию». Таким образом, в стране имитируется многопартийность, альтернативные и свободные выборы в органы власти.

Эксперты обычно не решаются откровенно заявить: «Король то голый!». Они используют для обозначения имитационных республик компромиссные названия, не отражающие реальность. Например, монархии Северной Африки исследователи именуют «президентскими монархиями» [24, с. 196]. В.О. Никишин называет абсолютную власть Октавиана в Древнем Риме «республиканской монархией» [27, с. 103].

Вводить в заблуждение окружающих помогают юристы-позитивисты, которые не хотят видеть ничего, кроме официально декларируемых норм и голословно утверждают, что нормы, записанные в конституционный акт, отражают реалии политической жизни страны. Так видные отечественные исследователи в учебной литературе заявляют, что Узбекистан, Беларусь и Казахстан - это республики [28, с. 222-223].

Итак, имитация республики монархическими или олигархическими по форме правления государствами является типичным явлением истории и современности. Политологи должны уделять им достаточное внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Древнего мира. Древний Рим. – Минск, Харвест, 1998. – 862 с.
2. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права. Учебник в 2 т. – Т. 2. – М.: ТОН – Остожье, 2001. – 496 с.
3. Манфред, А. Наполеон Бонапарт. – М.: Мысль, 1998.
4. Гребенников, В.В., Дмитриев, Ю.А. Развитие республиканской формы правления на постсоциалистическом пространстве // Государство и право. – 2006. – № 7.
5. Столяров, И.В. Введение к системной морфологии государства // Государство и право. – 2003. – № 8.
6. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 576 с.
7. Роговин, В.З. У истоков сталинизма // Научный коммунизм. – 1989. – № 6.
8. Медведев, Р. Н.С. Хрущев. Политическая биография. – М.: «Книга», 1990. – 268 с.
9. Куралай, Б. Конституция Республики Казахстан и международный опыт президентских режимов // Analytic. – 2005. – № 5.
10. Зазнаев, О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. – 2007. – № 2.
11. Косухин, Н.Д. Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI вв. – М.: Институт Африки РАН, 2007. – 237 с.

12. Белокреницкий, В.Я., Сикоев, Р.Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. – М.: ИВ РАН, 2013. – 173 с.
13. Линц, Х. Дж. Опасности президентства // Пределы власти. – 1994. – № 2-3.
14. Манучихри, А. Политическая система Ирана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.
15. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. – М.: Весь мир, 2007. – 352 с.
16. Денисов, С.А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. – Кн. 1. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – 281 с.
17. История государства и права зарубежных стран. – Ч. 2. – М.: Изд-во Московского университета, 1991. – 336 с.
18. Дабагян, Э.С. Президентские и парламентские выборы в Никарагуа // Латинская Америка. – 2016. – № 12.
19. Joseph, R. Challenges of a «frontier» region // Journal of Democracy. – 2008. – Vol. 19. – Iss. 2.
20. Куртов, А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 2.
21. Кусовац, З. Хорватия после Туджмана: перспективы изменений // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 3.
22. Алексеева, Т.А. Законодательное оформление диктатуры Франко в Испании // Правоведение. – 2005. – № 3.
23. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов. – М.: Изд-я группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 832 с.
24. Современная Африка: метаморфозы политической власти. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 494 с.
25. Реут, В. Декреты Президента Республики Беларусь: теоретические аспекты и практика издания // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1998. – № 4. – 1999. – № 1.
26. Коктыш, К.Е. Трансформация политических режимов в Республике Беларусь. 1990-1999. – М.: ООО «Издательский центр научных и ученых программ», 2000. – 187 с.
27. Никишин, В.О. Императоры, граждане и подданные в эпоху принципата: идеал и реальность // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М.: Институт Африки РАН, 2009. – 307 с.
28. Ковешников, Е.М., Марченко, М.Н., Стешенко, Л.А. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 449 с.

УДК 324

Е.В. Жулина

к.п.с.н., доцент НГПУ им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Д.С. Насонов

независ. исслед., г. Нижний Новгород, Россия

А.Н. Уварова

студ. НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ,
ПРИМЕНЯВШИХСЯ ШТАБАМИ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1994 ГОДУ**

Аннотация: Актуальность настоящей статьи связана с усилением политической конкуренции на выборах регионального уровня в современной России. Целью статьи является выявление эффективности применения различных технологий на выборах депутатов Законодательного Собрания Нижегородской области. Указано на слабость политических партий как акторов региональной политики. Выявлены причины использования кандидатами в депутаты популистских обещаний.

Ключевые слова: выборы, Нижегородская область, Законодательное Собрание, депутаты, технологии, особенности.

E. V. Zhulina

PhD in psychology, associate professor, Nizhny Novgorod
State pedagogical University named after K. Minin,
Nizhny Novgorod, Russia

D. S. Nasonov

Independent researcher, Nizhny Novgorod, Russia

A. N. Uvarova

Student, NIU- RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia

**FEATURES OF ELECTION TECHNOLOGIES USED BY THE
STAFFS OF CANDIDATES FOR DEPUTIES OF THE LEGISLATIVE
ASSEMBLY NIZHNY NOVGOROD REGION IN 1994 Y.**

Abstract: The relevance of this article is related to the increased political competition in regional elections in modern Russia. The purpose of the article is to identify the effectiveness of various technologies in the election of deputies Of the legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region. The weakness of political parties as actors in regional politics is pointed out. The reasons for the use of populist promises by candidates for deputies are revealed.

© Жулина Е.В., Насонов Д.С., Уварова А.Н., 2020

Keywords: elections, Nizhny Novgorod region, Legislative Assembly, deputies, technologies, features.

Прежде всего важно упомянуть, что: а). в начале 1990-х годов проходил демонтаж старой, советской системы управления и б). был высокий уровень политической активности населения [1, с. 127; 2, с. 95]. Применительно к тематике настоящей статьи укажем прежде всего, что под влиянием крайне значимых политических событий сентября – октября 1993 года Нижегородский областной совет народных депутатов XXI созыва, сформированный в марте 1990 года областной Совет народных депутатов и состоявший из 255 депутатов, 30 ноября принял решение о роспуске и о назначении выборов в Нижегородское областное законодательное собрание – имеется в виду Постановление № 357-м «Об избрании представительного органа власти Нижегородской области» [3, с. 21], которым были утверждены «Положение о Законодательном Собрании Нижегородской области», «Положение о выборах депутатов Законодательного Собрания Нижегородской области». Датой выборов депутатов Нижегородского областного законодательного собрания было назначено 27 марта 1994 года. Кроме того, крайне важным законодательным актом, регламентирующим проведение выборов в региональные легислатуры, являлось Постановление Государственной Думы от 11 февраля 1994 г. «О правовой основе выборов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и об обеспечении избирательных прав граждан» [6].

Общее число депутатов Нижегородского ОЗС сравнительно с Нижегородским областным советом народных депутатов снизилось на порядок – с 255 до 45, из которых 17 представляли областной центр, а 28 – районы области. В регионе утвердилась мажоритарная система простого большинства. Кандидаты в депутаты выдвигались избирательными объединениями или же инициативными группами или же путём самовыдвижения, для регистрации было необходимо собрать подписи избирателей в поддержку своего выдвижения.

Нельзя не признать, что для выборов регионального уровня были характерны следующие черты. Прежде всего, нельзя не отметить более низкий уровень финансовых возможностей у региональных кандидатов по сравнению с теми, кто действует на федеральном уровне. Исключение могут составлять только кандидаты в губернаторы, которые, как правило, получают поддержку от различных финансовых групп национального уровня (впрочем, губернаторские выборы выходят за рамки нашего исследования). Однако можно сказать, что более низкий уровень финансовых возможностей компенсируется меньшим масштабом самой избирательной кампании, особенно это характерно для выборов в областное законодательное собрание. В связи с этим избирательная кампания на уровне региона (за исключением, как сказано выше, губернаторской) выглядит более примитивной и простой с точки зрения технологий и применения информационных средств. Во-вторых, имеет

место более высокая степень влияния «административного ресурса». На федеральном уровне существует больше оппозиционных сил, которые располагали в 1990-е годы значительными ресурсами, чтобы в той или иной степени противостоять «административному воздействию». В регионах этого нет. В-третьих, наличествуют особые «местные» проблемы и болевые точки электората на уровне «субрегионов» и отдельных районов, что накладывает специфику на «областную» проблематику [1, с. 118–119].

Так или иначе, всего на выборах в Законодательное собрание Нижегородской области 27 марта 1994 года было зарегистрировано 206 кандидатов, претендовавших на 45 мандатов. При этом 42 кандидата, или 20,4% избирались ранее депутатами представительного органа власти области (имеется в виду Нижегородский областной совет народных депутатов). 191 или 92,72% кандидатов имели высшее образование, 2 или 0,97% – незаконченное высшее, 12 или 5,82% – среднее специальное и 1 или 0,49% – среднее. 12 кандидатов декларировали свою принадлежность к КПРФ, 5 – к Аграрной партии России, 4 – к ЛДПР, по 3 – к Социал-демократической партии РФ, Движению «Демократическая Россия», Демократической партии России и Общественному объединению «Союз-весна», по 2 – к РКРП и Народной партии «Свободная Россия», по 1 – к РКП, Социалистической партии трудящихся и Республиканской партии России.

На повторных выборах в 4-х округах ситуация была схожей. В частности, высшее образование имело более 80 процентов от общего числа кандидатов.

Следует отметить, что все кандидаты достаточно активно вели свою избирательную кампанию. Ими использовались различные средства коммуникации и пропаганды. Имеются в виду, телевидение (предвыборные ролики и участие в теледебатах); печатные СМИ (прежде всего имеются в виду газеты регионального значения «Нижегородская правда» и «Нижегородский рабочий») агитационные материалы, распространяемые по домам избирателей, а также в местах скопления потенциальных избирателей.

Как показала практика, выигрышными в борьбе за голоса избирателей стали несколько основных линий позиционирования. Прежде всего, наличие управленческого опыта (знание жизни не по книгам, а по собственному опыту). Яркий пример – победитель по округу № 5 (Ленинский район г. Нижний Новгород) глава администрации Ленинского района И.Н. Яковлев. «Выручает приобретенный за эти годы опыт, почти детальное знание узких мест и неплохо подобранная, как сейчас принято говорить, «команда»» [4, с. 75]. Другим примером может служить Б.С. Духан (округ № 16 – Советский район г. Нижний Новгород). «За два года работы в администрации Нижнего Новгорода Борис Духан приобрел большой опыт организатора крупных программ по поддержке населения, ему не нужно проходить и «школу молодого депутата» – всё это уже есть за его плечами, и избиратели смело могут положиться на него» [4, с. 113].

Отдельно в этой связи можно упомянуть о позиционировании себя в качестве не только успешного управленца, но также и управленца местного,

всей своей деятельностью связанного со своим районом. Яркий пример – округ № 39, Городецкий район, кандидат – победитель В.А. Труфанов: «Вся основная трудовая жизнь прошла в Городецком районе, где работал заместителем председателя райпо и директором торгова, а затем торгового объединения. Начались экономические реформы. Не растеряться в этой ситуации, выбрать правильную позицию – вот что требовалось от главы администрации района».

Выигрышной являлось также обращение к проблеме борьбы с преступностью, хотя, как известно, правоохранительные органы имеют федеральное подчинения, а не зависят от региональных властей (неважно – законодательной или исполнительной ветви власти). В данном случае важно подчеркнуть не столько знания, умения и навыки кандидатов-победителей в области противодействия преступности, сколько именно важность упоминания о необходимости усиления борьбы с таковой в своей предвыборной кампании. Вопрос о том, какой именно вклад в итоге данные депутаты внесли в ходе своей работы в ЗС НО, мы рассматривать не будем уже даже по причине того, что в целом противодействие преступности не входит и не входило в компетенцию региональных депутатов. Так или иначе, но о важности этой проблеме часто упоминал, например, кандидат-победитель А.Б. Блудышев – «Ужесточение борьбы с преступностью. Борьба с коррупцией: гласность и открытость работы государственных органов. Декларирование доходов чиновников и руководителей предприятий». Его коллега по тележурналистскому цеху Н.В. Зверева в своих выступлениях утверждала следующее: «Особая забота – борьба с преступностью. Отчетность и гласность в работе милиции. Человеческие усилия для заключенных. Декларирование доходов чиновников. Борьба с коррупцией». Не отставал от них и С.Т. Метла – мэр г. Арзамас, баллотировавшийся по 24-у округу – «борьба с преступностью. Здесь нужно исходить из одного условия: жизнь человека – высшая ценность, которая должна надежно защищаться всей силой власти и закона» [4, с. 113]. В.А. Ополченцев, округ № 21, Володарский район Нижегородской области: «Укрепление материальной базы правоохранительных органов. Усиление борьбы преступностью». Относительно последних предвыборных тезисов вообще следует сказать, что они носили абсолютно популистский характер, ибо финансирование правоохранительных органов осуществляется из федерального бюджета. С таким же успехом В.А. Ополченцев мог заявлять о необходимости финансирования армии – тема вполне выигрышная, но совершенно от регионального депутата не зависящая.

Выигрышным являлось также позиционирования кандидатом себя в качестве сторонника реформ, но без пресловутой «шоковой терапии», что объяснялось неоднозначностью итогов преобразований, начатых на федеральном уровне в 1992 году исходя из реалий 1994 года. Особенно это касалось районов Нижегородской области с большой долей сельского населения. Классическим примером можно признать округ № 21 (Володарский район), а именно его главу В.А. Ополченцева – «В экономике я выступаю за реформы без «шоковой терапии», без снижения жизненного уровня населения.

Поддержка предприятий всех форм собственности, производящих товары для населения, за счет государства. Реформа налогообложения: снижение или полное освобождение от них предприятий, выпускающих жизненно необходимые товары для населения. Контроль со стороны государства за ценообразованием на продукты и товаров первой необходимости. Контроль банковских систем со стороны органов власти». Сходным образом выступал и упоминавшийся нами выше В.А. Труфанов – «За экономические реформы, но без тяжелых последствий для населения».

Приносили успех также обещания улучшения материального благосостояния населения, в том числе и, в общем-то, заведомо невыполнимые. Нам представляется, что в более поздний период (начиная с конца 1990-х годов) такого рода обещания могли бы стать поводом для судебных исков, связанных с попыткой снять кандидата-конкурента за попытку подкупить избирателей, пусть и в завуалированной форме. Характерным примером такого рода обещания могли служить обращения кандидата-победителя от округа № 8 (Московский район г. Нижний Новгород) Д.А. Аржанова – «Нижегородская область – без нищих: дотации тем, кто не может себя обеспечить, чьи доходы ниже прожиточного минимума. Каждой семье свой дом или отдельную квартиру. Каждому нижегородцу – участок земли. Поддержка молодых и многодетных семей. Пособие при рождении ребенка –1.000.000 рублей».

Имели место и выигрышные обращения к тематике, связанной с необходимостью остановить спад в промышленном производстве, который имел место в РФ в целом, и в Нижегородской области в частности, в 1990-е годы. Яркий пример – выступления А.А. Зорина, избравшемуся в ЗС НО по округу № 6 (Ленинский район г. Нижний Новгород) – «Не могу равнодушно смотреть на то, как рушится отечественная промышленность, как наступает паралич производства. Не получают зарплату рабочие, инженеры, учителя и врачи».

Впрочем, ряд обращений к производственной тематике, оказавшейся выигрышной, выглядел более реалистичным – имеется в виду, что кандидаты не просто позиционировали себя в качестве людей, думающих также, как их избиратели, но и предлагали некие меры, направленные на улучшение ситуации с промышленностью в регионе. Например, А.Б. Блудышев декларировал необходимость финансовой поддержки конкурентоспособных производств, а также установления ставок налогообложения, стимулирующих развитие производства. Б.С. Духан обещал став депутатом, обеспечить всемерную поддержку местного товаропроизводителя независимо от форм его собственности, сохранять мощный индустриальный потенциал области. Б.А. Бревнов (победитель по округу № 23, г. Павлово) заявлял, что надо Дать вздохнуть производителям. Максимально упростить налоговую систему и вернуть людям смысл творческого коллективного труда, обеспечив рабочими местами и достойной зарплатой.

Выигрышными являлись также обращения к сельскохозяйственной тематике, а именно к необходимости поддержки сельскохозяйственных

предприятий. Это помогло победить не только в округах с большой долей сельского населения, но даже в Нижнем Новгороде. Яркий пример тому – Б.П. Видяев (округ № 2, Автозаводский район) – «Внимание и конкретную помощь сельскому хозяйству области как основному поставщику продуктов питания жителям Нижнего Новгорода». Б.А. Бревнов призывал решить проблемы переработки сельхозпродукции прямо на местах, причём одним из важнейших путей для решения этой проблемы им виделся в льготном кредитовании производителей. В.А. Ополченцев призывал развивать переработку в самих сельхозпредприятиях, а также поддерживать за счёт республиканского, областного и районного бюджетов сельхоз-производителей. Впрочем, каким именно образом можно было обеспечить поддержку сельскохозяйственных предприятий за счёт федерального и муниципальных бюджетов нам не ясно, поскольку и то, и другое было отнюдь не в компетенции ЗС НО. Иначе говоря, в данном случае можно было вести речь лишь о популистских обещаниях со стороны В.А. Ополченцева.

Выигрышными были также темы в предвыборных кампаниях, связанными с необходимостью поддержки социально незащищённых слоёв населения. С.Т. Метла, в частности, призывал совершенствовать дальнейшее развитие структуры социальной помощи пенсионерам, семьям с детьми, молодежи, инвалидам, безработным. В.А. Труфанов заявлял о необходимости помочь людям строить жильё, получить землю. Одними из ключевых тезисов программы А.Б. Блудышева были «Каждой семье свой дом или отдельную квартиру. Каждому нижегородцу – участок земли. Поддержка молодых и многодетных семей». Н.В. Зверева декларировала необходимость заботы о стариках, детях, инвалидах.

В целом нельзя не признать, что победители на выборах в ЗС НО в 1994 году в основном либо были связаны с работой в органах государственной власти и местного самоуправления, либо же являлись представителями бизнес-структур или же электронных СМИ. Нет сомнений в том, что главы администраций районов или же районных центров в той или иной мере использовали административный ресурс. Имеется в виду, что они, в отличие от своих конкурентов, могли чаще появляться в СМИ и, соответственно, приписывать себе успехи в улучшении жизни в контролируемом муниципальном образовании. Впрочем, информации о каком-либо принуждении к голосованию со стороны глав местного самоуправления на территории того или иного округа у нас нет. Тележурналисты А.Б. Блудышев и Н.В. Зверева также имели большую медийную известность у своих избирателей. Б.П. Видяев не один год являлся главой ГАЗа, в связи с чем его известность и ресурсы в Автозаводском районе были на порядок выше, нежели у его конкурентов. Нельзя также не отметить, что кандидаты-победители часто давали заведомо невыполнимые обещания (хотя бы по причине того, что выполнение таковых находилось вне пределов компетенции депутатов ЗС НО) популистского характера. В ряде случаев выигрышным было позиционирование себя в качестве именно выразителя «местных интересов».

Стоит также отметить, что некоторые кандидаты-победители всерьёз поднимали в своих выступлениях необходимость налаживания законотворческой работы и усиления позиций органов местного самоуправления в регионе (например, А.А. Козерадский). В Нижнем Новгороде успешным также оказалось позиционирование себя в качестве деятельного и активного человека, готового не только критиковать власть в узком кругу, но также и желающего самостоятельно реализовывать новые проекты, могущие улучшить жизнь населения (С.Б. Сперанский).

Нельзя также не отметить, что политические партии оказались слабыми политическими акторами [3, с. 21], поскольку практически все избранные депутаты декларировали свою беспартийность. Впрочем, нельзя не упомянуть, что отделение КПРФ в ходе тех выборов ограничилось минимальными финансовыми затратами, так как в условиях малой размытости электората коммунисты ориентировались на индивидуально-массовую работу [4, с. 140]. Именно такого рода работа в ходе предвыборной кампании успешно применялась отделением КПРФ и в более поздний период, в частности, в ходе федеральных выборов 1995 – 1996 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дахин, А.В. Чем живет провинция? // Человек. – 1994. – № 6.
2. Пахомова, Е.А. К вопросу об отечественных традициях прямой демократии // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1 (31).
3. Некрасов, А.И. Выборы Законодательного собрания Нижегородской области. Возвращение к истокам – Земству / А.И. Некрасов, Н.П. Есмельянов. – Н. Новгород: Нижполиграф, 1995. – 294 с.
4. Боярских, А.В. Анализ специфики региональных выборов и влияние избирательных технологий на электоральное поведение (на примере опыта избирательных кампаний в Тюменской области) // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 118-126.
5. Казаков, М.А. Постсоветский транзит региональной элиты в современном политическом процессе России. Автореф. дис.докт. полит. наук: 23.00.02. – Н. Новгород, 2005. – 48 с.
6. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.2.1994 «О правовой основе выборов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и об обеспечении избирательных прав граждан» [Электронный ресурс] – <https://base.garant.ru/71467828/> Дата обращения: 30.06.2019

УДК 323.2

Ю.В. Ирхин

д. филос. н., профессор, РГГУ, г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Проанализированы особенности цифровизации современных государственно-управленческих отношений.

Ключевые слова: Цифровизация, цифровое общество, государственно-управленческие отношения.

I.V. Irkhin

doctor of philosophical sciences, professor, Russian State Humanitarian University, professor of RANEPА, Moscow, Russia

FEATURES OF DIGITALIZATION OF MODERN STATE- MANAGEMENT RELATIONS

Abstract: Analyzed features of digitalization of modern state-management relations.

Keywords: Digital society, digitalization, state-management relations.

Новая постиндустриальная волна, связанная с ней цифровая парадигма и логика общественного развития ставят перед нами острые проблемы, которые требуют выработки инновационных подходов к их решению. Возрастающую роль в изменяющемся и усложняющемся мире приобретает управление коммуникационными процессами в быстро изменяющейся экономической, технологической, социальной и политической среде; эффективное использование цифровых технологий в политическом, государственном, бизнес-управлении [1].

Вызовы цифровой революции и соответствующие новые требования к уровню и качеству государственного управления, государственно-управленческих решений, предполагают осуществление целого комплекса мер в этих направлениях [2].

Основатель Всемирного экономического форума в Давосе К. призвал руководителей крупнейших корпораций и представителей политических кругов осознать тот факт, что четвертая промышленная революция изменяет мир невиданным образом. По его мнению, резкое ускорение вычислительных мощностей означает, что инновации не только происходят со все увеличивающейся скоростью, но и проникают в новые сектора и приводят к массовым изменениям в системах, включая правительственные, о которых едва ли можно было подумать еще вчера [3, p.3].

На Форуме в Давосе был представлен список ключевых технологий

четвертой промышленной революции, в который вошли новые вычислительные мощности обработки, доставки и хранения данных, аналитика больших данных, телемедицина, интернет вещей, технологии распределенного реестра (блокчейн), искусственный интеллект и др. Эти технологии уникальны по сочетанию их масштабности и охвата, их взаимосвязанности и скорости адаптации. Темп происходящих изменений носит экспоненциальный характер, то есть открытый, цифровой, глобальный, стремительно ускоряющийся, в отличие от существовавшего до него линейного — закрытого, аналогового и локального [3].

Целесообразно рассмотреть ряд инновационных технологий, актуальность которых возрастает для всей системы управленческих процессов [См. 4].

В этой связи, следует выделить, прежде всего, необходимость дальнейшего развития и совершенствования современной, широко распространенной, повсеместно доступной и постоянно действующей сети интернета, как единой информационно-технологической основы управленческих процессов.

«Большие данные» выступают необходимой предпосылкой и основой для развития управления, основанного на цифровой информации и увеличение скорости передачи цифровых данных по интернету, а также объема информации на инновационных носителях (технологии 5G-сетей, а в перспективе и 6G-сетей).

Особое значение приобретает развитие нейросетей (искусственного интеллекта), выступающих инструментом работы с большими данными и квантовые коммуникации (квантовые сети);

Интернет вещей выступает как способ накопления данных, расширения и углубления информационно-управленческого пространства и инфраструктурный вызов для скорости и доступности интернета.

Растущая цифровая прослеживаемость любых информационных операций и проектов способствует повышению их качества, повышению доверия к транзакциям и товарам, операторам данных.

Системы распределенного реестра (блокчейн, как одна из перспективных технологий для государственного и бизнес-сектора) могут быть использованы для совершенствования качества управленческих решений.

Разумеется, сами инновационные технологии не решат сложнейшие управленческие проблемы. Роль человеческого фактора на этапах проектирования, принятия решения, контроля за их исполнением, «обратной связи», будет только возрастать.

В Указе Президента России В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» подчеркивается принципиальное значение высокотехнологической (цифровой) ориентированности среднесрочного и долгосрочного целевого планирования и государственного управления в целом, их социальной направленности [См. 5].

В этой связи представляется важной разработкой оптимальных вариантов проектирования развития России с широким использованием современных технологий. Речь идет о формировании связанных цифровых платформ, на технологической основе которых будут приниматься, координироваться и функционировать все государственно-управленческие отношения в режиме текущего времени, включая как систему государственного управления по вертикали (от муниципалитетов до федерального центра), так по линии: государство – бизнес-сообщества – организации гражданского общества – университеты – «фабрики мысли» и др.

Умному производству и обществу, необходимо умное государство, которое опирается на науку, теоретически обоснованные рекомендации, и которое использует самые современные системы управления – не только цифровизацию, но и всю совокупность технологий, включая социальные, обеспечивающих максимально полное использование интеллектуального потенциала всех граждан страны для решения задач государственного управления [6, с. 4].

Управленческий подход «государство как цифровая платформа» можно рассматривать в виде дальнейшего количественного и, главное, качественного развития «электронного государства», электронного портала государственных услуг. Акцент при этом делается на формировании новых, управленческих технологий и соответствующих навыков (компетенций) субъектов управления и взаимодействия на основе общей цифровой платформы, курируемой государством и, в принципе, открытой для любого компетентного пользователя ее услуг.

Важным элементом этого подхода является возможность создания независимыми поставщиками приложений для конечных потребителей, работающих на базе платформы.

Подход нацеливает на обеспечение ряда качественно новых эффектов.

Так, должен быть обеспечен переход «от документов – к данным»: обеспечение сбора, хранения, обработки и упорядочивания всех необходимых данных, определение правил разграничения доступа к данным (включая отнесение их к различным степеням секретности) и защиты данных, перевод процессов в цифровую форму после их качественного реинжиниринга, а также перевод государственных информационных систем на платформу, позволяющую обеспечить «бесшовность» при использовании хранимых данных и функционала на основе единых нормативных правил и принципов [См.: 7, 8, 9].

Принятие решений во многом будет осуществляться на основе данных, поступающих в реальном времени, а также достоверных исторических данных; прозрачность принимаемых решений и внедрения автоматизированных технологий их принятия. Это в свою очередь повышает уровень доверия к системе государственного управления [10].

Соответственно, создается цифровая экосистема, в которой граждане и бизнес будут взаимодействовать с государством в режиме мультимедийности с использованием различных мобильных устройств, обеспечивая необходимое

удобство и скорость; совершенствование процессов на основании системы обратной связи от пользователей относительно уровня удовлетворенности решением их задач.

Очевидно, что государственные структуры в перспективе должны переходить на программное обеспечение, внедряя которое, национальные, региональные и местные органы власти могут не только обмениваться решениями, но и совместно разрабатывать услуги с ключевыми заинтересованными сторонами (субъектами).

Наконец, очевидна оптимизация затрат на государственный аппарат за счет устранения ненужных процессов, функций, штатных единиц.

С точки зрения последующей трансформации государственной службы, – у чиновников и граждан должен развиваться «цифровой менталитет». Речь идет о принятии и понимании цифровой реальности, умениях в ней эффективно работать, иметь продвинутые цифровые навыки.

В результате формируется единая (или совмещенные) цифровая платформа взаимодействия для государственных служащих, бизнеса и граждан; актуализируется предиктивный анализ; шире используется искусственный интеллект, сокращаются рутинные операции.

Реализовать цифровую трансформацию государства достаточно сложно. Желательно организовать плановый процесс перехода от сложившихся методов управления к перспективным. Его необходимо координировать и поддерживать на высоком уровне [См.: 3, 11, 12].

У всех участников цифровой трансформации государства и бизнеса должна быть выстроена система выработки необходимых современных управленческих компетенций, умения работать в «платформенно-цифровых» технологиях и др.

Так, «жесткие» компетенции включают: знание нормативной базы, аналитики, умение работать с «большими данными», владение стратегиями и техниками инноваций и управления проектами, веб-девелопментом, навыки работы в цифровых платформах, компетенции в сферах интернет-маркетинга, блокчейна, взаимодействия с искусственным интеллектом, нетворкинга и сетевого взаимодействия, технологий telegram. Важны умения работы в онлайн-приложениях и цифровых сервисах (социальных сетях, мессенджерах, информационных порталах), способности создавать цифровой контент; работать с информацией – собирать, структурировать, проверять на достоверность, хранить и защищать данные.

Мягкие компетенции включают: креативность, командное взаимодействие, коллаборативность, умение слушать и говорить, когнитивная гибкость, эмоциональный интеллект, определенная социальная направленность, экологическое мышление (как в обычном смысле этого слова, так и в смыслах гуманитаризации технологий современного управления. Сюда можно включить также умение работать в команде, критическое мышление.

Желательно владеть современными методиками организации гибкой командной работы по взаимодействию людей с акцентом на конечный

результат (Agile), кураторства командного поэтапного генезиса проекта по спринтам-периодам (Scrum), сбалансированной команды по выполнению стадий проекта: планируется, разрабатывается, тестируется, завершение (Kanban), навыками риск-менеджмента [См.: 13, с. 40-42].

Возрастает значение формирования навыков работы с общественностью, участия в переговорных процессах и разрешении конфликтов, работы в условиях гласности и подконтрольности обществу; умения создавать культуру сотрудничества, владения навыками кроссфункционального и лидерского взаимодействия [См.: 14, с. 142].

Можно выделить трудности на пути цифровизации управленческих процессов. Среди них: недостаточный уровень владения современными управленческими компетенциями; медленное принятие необходимых нормативных актов и плохое их знание управленцами; сопротивление ряда традиционных структур управления цифровизации, если не учитывается их специфика и не проводится соответствующая переподготовка кадров; слабый и не постоянный уровень финансирования и внимания руководящих органов власти к этим процессам; в целом пока мало опыта и необходимых теоретико-методологических и методических разработок в сфере цифровизации управления; определенная «инертность части населения», которая слабо разбирается в современных информационных технологиях; недостаточное количество и качество данных в существующих хранилищах («все, что может быть оцифровано, – должно быть оцифровано»); острые проблемы компьютерной, цифровой безопасности и др.

Есть ряд достижений на пути цифровизации государственно-управленческих и бизнес-управленческих процессов.

Так, Российский портал государственных услуг стал одним из самых посещаемых государственных сайтов в мире: порядка одного млрд. посещений за 2018 г. и 39 млн. скачиваний. Единая система идентификации и аутентификации включает до 53 млн. цифровых профилей. Система межведомственного электронного взаимодействия обеспечивает в сутки до 100 млн. защищенных и юридически значимых транзакций.

В целом общение с органами власти в цифровой среде становится всё более популярным среди граждан. За 2018 г. число пользователей портала государственных услуг увеличилось на 21 млн. человек, до 86 млн. уникальных посетителей. Количество посещений портала за год возросло более чем на 30%. В 2018 г. через портал граждане отправили более 60 млн. электронных форм заявлений на получение государственных услуг, это более чем в половину превышает показатели предыдущего года.

Сегодня в России порядка 200 тыс. государственных и подведомственных сайтов. Их необходимо оптимизировать и объединять в рамках единой экосистемы. Это создаст условия для возникновения сквозных информационных «суперсервисов», бесшовной интеграции ключевых государственных систем для качественного ведомственного взаимодействия и подключения частных сервисных операторов.

К 2021 г. запланировано завершить работы в части оборота данных между такими магистральными цифровыми федеральными системами, как Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЗВ), Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРПР), Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Реестр населения, Реестр юридических лиц. Это повысит качество управления и позволит запускать во взаимодействии с частными операторами дополнительные сервисы для населения и бизнеса.

Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий, имеет чёткое социальное измерение. Важнейшее технологическое базовое условие цифрового развития – это подключённость, возможность пользоваться коммерческими услугами и социальными сервисами вне зависимости от места проживания в нашей, огромной по размерам ее территории, стране.

Важность и доступность Интернета в России была специально отмечена в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. В частности, сегодня Россия находится на четвёртом месте в мире по дешевизне услуг скоростного интернета, на шестом месте в мире по количеству абонентов сотовой связи на 100 человек населения. Стоимость мобильного интернета в Российской Федерации на порядок ниже, чем в США, Японии или Южной Корее.

Федеральная Налоговая служба в Российской Федерации, по качеству и эффективности своего цифрового портала и его услуг, эффективности работы, признана мировым сообществом экспертов одной из лучших в мире. Избрание 16 января 2020 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ Председателем Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина, – специалиста в области компьютерных систем, доктора экономических наук, возглавлявшего эффективно работавшую Федеральную Налоговую Службу России, – свидетельствует, в частности, о запросе в обществе на специалистов, высоко-квалифицированно владеющими современными управленческими компетенциями.

М.В. Мишустин неоднократно обращал внимание на то, что правительству «пора думать о том, чтобы стать цифровой платформой, которая помогает людям не замечать сложные сервисов». Например, создание специального, удобного приложения в Nalog.ru для самозанятых граждан, обеспечило ежедневную регистрацию таких лиц численностью более 1 тысячи ежедневно.

В Российской Федерации определен ряд сервисов по жизненным ситуациям. Граждане смогут в течение секунд оформить онлайн европротокол в случае ДТП (это касается миллионов лиц), оперативно снять все ограничения для выезда за границу, оплатив свои задолженности и штрафы. Приняты поправки в Гражданский кодекс, вводящие понятия цифровых прав и электронных сделок. Ведется работа над законопроектами по цифровым финансовым активам и краудфандингу, переводу государственных слуг по

лицензированию отдельных видов деятельности в электронный вид по реестровой модели, введению электронных архивов.

Рассмотренные подходы к цифровизации государственного управления в Российской Федерации показывают как его значительный потенциал, так и проблемы, при осуществлении этого подхода, в том числе, отставание по срокам его реализации. Творческое и социально ответственное использование цифровых подходов может в значительной мере способствовать повышению качества современных государственно-управленческих решений и процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возможности и угрозы цифрового общества: сб. ст /под ред. А.В. Соколова, А.А. Власовой – Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018 – 145 с.
2. Предметное поле экономической политологии: монография /Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Аспект Пресс,, 2018. – 249 с.
3. Neal, O. The future of digital government services. In: Benay A. Government digital: the quest to regain public trust. – Toronto: Dundurn Press. 2018. – P. 132–144.
4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018. №204.
6. Резолюция Московского Академического экономического форума (МАЭФ-2019). – М.: Российская Академия наук, Вольное экономическое общество России. – 140 с.
7. Акаткин, Ю.М., Ясиновская, Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. – М.: ДПК Пресс, 2018. – 48 с.
8. Государство как платформа: люди и трансформации. Материалы программы «Руководитель цифровой трансформации» Высшей школы государственного управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы. Науч. руководитель программы М.С. Шклярчук. Авт. колл.: И.В. Бегтин, Г.А. Бряннов, О.А. Виниченко и др. – М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2019. – 120 с.
9. Петров, М., Буров, В., Шклярчук, М., Шаров, А. Государство как платформа. Цифровая трансформация. – М.: Центр стратегических разработок, 2018. – 128 с.
10. Павлютенкова, М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – М.: АО «ВЦИОМ», 2019. – № 5 (153). – С. 120-136.

11. Open Government. Collaboration, Transparency and Participation in Practice. Ed. by Daniel Lathrop and Laurel Ruma. – O'RELLY: Beijing, Cambridge, Tokyo. – 402 p.
12. Rhodes, R.A., Tiernan A. Lessons in Governing. – Melburn University Press, 2014. – 180 p.
13. Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт [Электронный ресурс]: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 26 апреля 2019 г.) /редкол.: Д.И. Попов (отв. ред.), И.А. Ветренко (отв. ред.) и др. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – 310 с.
14. Социокультурные и психологические детерминанты политических отношений: монография. Книга IV. Серия «Философия политики» в пяти книгах /ред.: Б.Н. Бессонов, Ю.В. Ирхин, В.В. Крапивин. – М.: Изд-во «Луч», 2013. – 200 с.
15. Schwab, K. The fourth industrial revolution. – New York: Grove. 2016-2018. – 90 p.

Н.В. Клочкова

к.полит.н., преп., Нижегородский губернский колледж,
г. Нижний Новгород, Россия

О.А. Костина

к.пс.н., доц., НИУ РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

К.А. Эскобар Веласкес

студ., ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

РОССИЙСКО-НИКАРАГУАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Статья посвящена двустороннему сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Никарагуа. Обозначены важные вопросы развития международных отношений, по которым полностью совпадает позиция обоих государств. Указаны отдельные трудности, наличествующие на сегодняшний день в отношениях между странами.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Никарагуа, двустороннее сотрудничество, перспективы, сложности, геополитика.

N.V. Klochkova

PhD in political sciences, NGK, Nizhny Novgorod, Russia

O.A. Kostina

PhD in psychological sciences, associate professor, NIU- RANEPА,
Nizhny Novgorod, Russia

Ch.A. Escobar Velazquez

stud., Nizhny Novgorod state University named after N. I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russia

RUSSIAN-NICARAGUAN COOPERATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Abstract: The Article is devoted to bilateral cooperation between the Russian Federation and the Republic of Nicaragua. Important issues in the development of international relations are outlined, on which the position of both States fully coincides. Some of the current difficulties in relations between the countries are indicated.

Keywords: Russian Federation, Republic of Nicaragua, bilateral cooperation, prospects, challenges, geopolitics.

Как известно, у СССР имелось немало союзников за пределами Европейского континента, в том числе и в Латинской Америке. Касается это

утверждение далеко не в последнюю очередь и Никарагуа. Это государство справедливо считалось большим другом Советского Союза и какое-то время даже не признавало КНР, считая, что установление дипломатических отношений с Пекином может привести к ухудшению взаимоотношений с Москвой.

В постсоветской России взгляды на внешнюю политику существенно поменялись по сравнению с советским периодом. Прежние враги чуть ли не априори рассматривались как друзья и союзники, и наоборот – именно так обстояло дело в тот период, когда главой МИД РФ был А.В. Козырев. Как следствие, в течение более 10 лет после распада СССР отношения между Российской Федерацией и Республикой Никарагуа развивались медленными темпами. Основная причина тому – малая заинтересованность Российской Федерации в контактах со странами Центральной Америке (упор был сделан на сотрудничестве с США и европейскими государствами [1, с. 47; 2, с. 16]). Упомянем лишь, что Российская Федерация приняла на себя большую часть активов и обязательств бывшего СССР. В результате уже в 1992 году из 3,11 млрд. долл., причитающихся Никарагуа, 2,55 млрд. долл. были списаны путем прощения, а затем продолжали поставки продукции до достижения суммы в 3,4 млрд. долларов, из которых в 1996 году 90% причитающихся сумм вновь были прощены, а остальные 600 млрд. долл. были реструктурированы.

В 2007 году после того как к власти в Никарагуа пришел сторонник Сандинистского Фронта Национального Освобождения Даниель Ортега, сотрудничество между государствами стало развиваться более активно [3, с. 200; 4, с. 146]. Одним из знаковых событий в никарагуанско-российских отношениях стала поддержка российской политики на Кавказе, признание в качестве суверенных государств Абхазию и Южную Осетию главой Никарагуанского правительства Даниелем Ортегой.

Глава никарагуанского внешнеполитического ведомства С.А. Сантос посетил Республику Южная Осетия 13–15 апреля 2010 года. Данное событие явилось подтверждением правильности курса руководства Южной Осетии на мировой арене, а также свидетельством того, что молодая закавказская республика не является «failed state». По итогам переговоров между Никарагуа и Южной Осетией были подписаны Совместная декларация об установлении дипломатических отношений между Никарагуа и Южной Осетией и протокол о консультациях между министерствами иностранных дел двух государств.

После визита в Южную Осетию последовал и визит С.А. Сантоза в Абхазию (он состоялся 16–17 апреля 2010 года). Президент Абхазии Сергей Багапш заявил на встрече с С. Сантосом, что у Абхазии и Никарагуа, несмотря на географическую удаленность, есть много возможностей для развития двусторонних отношений. Приоритетное внимание будет уделяться экономическому и политическому сотрудничеству. В ходе переговоров в Цхинвали и Сухуми была достигнута договоренность о дальнейших визитах президентов Абхазии и Южной Осетии в Никарагуа.

Никарагуа является одним из первых государств, которые поддержали вхождение Крыма в состав Российской Федерации (переоценить этот шаг довольно сложно!). Отметим также, что Республика Никарагуа тесно координирует совместные действия с Российской Федерацией в Организации Объединенных Наций и в других международных организациях, участниками которых являются обе страны. Вопросами практических торгово-экономического сотрудничества рассматриваются в рамках созданной между двумя странами Межправительственной комиссией [5, с. 97]. В 2010 году в столице Никарагуа Манагуа вновь возобновило работу Торговое представительство Российской Федерации.

Укрепление отношений между Никарагуа и Россией сопровождалось несколькими визитами на территорию Никарагуа высокопоставленных российских деятелей, в том числе в мае 2014 года министра иностранных дел России С.К. Лаврова и последующим визитом в июле 2014 года президента В.В. Путина, который стал первым визитом главы российского государства в Никарагуа. Визит Путина проходил в то время, когда Никарагуа планирует построить межокеанический канал, соединяющий Атлантический океан с Тихим океаном, и Россия, заинтересована в обеспечении его безопасности.

Важно отметить, что между Российской Федерацией и Никарагуа был заключён ряд военных соглашений, многие из которых носят конфиденциальный характер, среди которых можно выделить следующие: проникновение судов и военнослужащих на территорию Никарагуа, сотрудничество России в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, создание российского антинаркотического центра в Никарагуа, обеспечение военной безопасности Российской Федерации при строительстве Никарагуа межокеанского канала и соглашение об установке системы станций ГЛОНАСС¹ в Никарагуа. Последнее, по мнению обоих правительств, преследует гражданские цели, однако его исследование представляет интерес, поскольку эта система может также использоваться в военных целях. Увеличение военного потенциала Никарагуа за счет модернизации ее армии, поддерживаемой главным образом Россией, также заслуживает внимания в контексте пограничного спора Никарагуа с Колумбией и геополитического интереса России и Никарагуа к строительству Большого межокеанского канала. Упомянем также, что никарагуанская армия была модернизирована за счет приобретения военной техники, оружия и современных военных материалов.

В 2015 году по инициативе бывшего посла Республики Никарагуа в Российской Федерации Хуана Суареса, который также является Главой Комитета по международным делам Национальной Ассамблеи Никарагуа, был принят закон, в котором утвердили 12 декабря «Днём дружбы между Республикой Никарагуа и Российской Федерацией» [6, с. 136]. В целом же признаем, что политическое и культурное сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Никарагуа развито в настоящее время весьма сильно, и оно не имеет тенденции к ослаблению.

¹ GLONASS por sus siglas en inglés: Global Navigation Satellite System

Однако при этом же исследователями справедливо отмечается, что нынешний уровень экономических отношений между Россией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна ниже потенциальных возможностей, а в структуре экономических связей преобладают продукты с низкой добавленной стоимостью [7, с. 140]. Объём взаимных прямых инвестиций тоже пока ещё невелик. Перспективы развития возможны и в этом направлении, однако объективные трудности в российской экономике не дают оснований полагать, что в ближайшей перспективе будет наблюдаться рост экономического сотрудничества между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков, М.А. Распад СССР и Латинская Америка / М.А. Бычков // Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. – 2016. – С. 46-48.
2. Пахомова, Е.А. Либералы против большинства: На примере отношения к "пятидневной войне" / Е.А. Пахомова // Научное мнение. – 2014. № 10-3. – С. 14-20.
3. Рябова, Е.Л. Россия-Никарагуа: Развитие и взаимодействие международных отношений / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2009. – № 4 (20). – С. 198-205.
4. Эскобар Веласкес, А.К. Сотрудничество Российской Федерации и Никарагуа: не только экономика, но более глобальные вопросы являются двигателем развития межгосударственных отношений / А.К. Эскобар Веласкес // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук: Сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. – Н. Новгород: Изд-во ФГБОУ ВО "ВГУВТ", 2018. – С. 145–147.
5. Добронравина, С.Н. Вызовы и перспективы российско-никарагуанских отношений в условиях многополярного мира / С.Н. Добронравова // Клио. – 2017. – № 6 (126). – С. 92-99.
6. Мартинез, Э.Н. Россия и Никарагуа: стратегическое сотрудничество в XXI веке / Э.Н. Мартинез, В.А. Русиков // Россия в XXI веке: новые тенденции развития Материалы Международной научно-практической студенческой конференции. – 2017. – С. 135-138.
7. Хейфец, В.Л. Центральная Америка и Россия: Перспективы экономического и политического сотрудничества / В.Л. Хейфец // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2016. – № 4 (12). – С. 137-145.

УДК 323.2

Д. А. Колотовкин

студент-бакалавр АГТУ, институт Нефти и газа, г. Астрахань, Россия

А. Л. Немчинова

к.ф.н, доцент АГТУ, г. Астрахань, Россия

УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR

Аннотация: Средства массовой коммуникации в политической сфере служат для сбора, распространения контента. Они играют очень большую роль в создании или разрушении имиджа политика. Что препятствует формированию качественного имиджа политического лидера и каким он должен быть?

Ключевые слова: Имидж политического лидера, механизмы формирования политического имиджа, проведение правильной рекламной кампании.

D. A. Kolotovkin

Stud., AGTU, Institute of Oil and Gas, Astrakhan, Russia

A. L. Nemchinova

Ph. D., associate professor, AGTU, Astrakhan, Russia

MANAGING MODERN POLITICAL SYSTEMS PROCESSES AND POLITICAL PR

Abstract: mass media in the political sphere serve to collect and distribute content. They play a very large role in creating or destroying the image of a politician. What prevents the formation of a high-quality image of a political leader and what should it be?

Keywords: The image of a political leader, mechanisms for forming a political image, and conducting a proper advertising campaign.

Среди российских политических деятелей на сегодняшний момент становится достаточно популярным и необходимым вкладывать ресурсы в формирование и продвижение собственного имиджа. В современном мире имидж является не только продуктивным средством воздействия на общество, но и форматом, который позволяет оптимизировать стратегии и роли политического лидера.

Имидж политического лидера представляет собой понятие относительно новое и актуальное, имеющее междисциплинарное значение.

Однозначного понимания феномена политического имиджа на сегодняшний день не существует. Очевидно, что самым эффективным и

мощным каналом распространения политического контента являются средства массовой коммуникации. Во многом именно для СМИ (и в значительной степени именно самими СМИ) создается имидж политического лидера, который имеет либо положительное, либо отрицательное воздействие на избирателей.

Д.В. Ольшанский в своих работах давал следующее определение политического имиджа: «воображаемый образ, создаваемый профессиональными имиджмейкерами в сознании аудитории. Имидж – не просто психический образ сознания как отражение реальности. Это специально моделируемое отражение отражения, т. е. отражение уже созданного образа; имидж это – вымышленный образ человека, группы, организации, события, процесса или явления, создаваемый в сознании аудитории профессиональными имиджмейкерами» [1, с. 36].

Механизмы формирования политического имиджа представляет собой комплекс определенных способов конструирования необходимых (желаемых) образов политиков, соответствующих ожиданиям и требованиям целевых аудиторий. Выделяют следующие четыре базовых элемента:

1. Процесс «очеловечивание» образа лидера, т.е. максимальное сближение его с народом. Для этого политик должен постоянно подчеркивать, что он такой же, как и все, что он один из них. Это позволяет добиваться понимания и симпатии у определенной части общества, которая чаще всего «люди любят тех, кто похож на них». Тот, из политиков, кто доказывает, что он «обыкновенный человек», обладающий теми же слабостями и привычками, что и окружающие его люди, чаще всего и получает одобрение общественности на то, чтобы стать его политическим лидером.

2. Политик должен также выглядеть как лидер, чтобы не возникало непонимание, почему именно он, а не другой стал лидером. Поэтому лидеру должен быть присущ определенный набор лидерских характеристик, отличающих его от других претендентов (чаще всего к таким лидерским качествам относят – смелость, убежденность, уверенность, искренность, активность, целеустремленность, решительность, ответственность и т.п.).

3. Процесс наделения политика превосходными качествами, такими, как, например: интеллектуальное превосходство, честность, бескорыстие, справедливость, ответственность, решительность, готовность бороться до победного конца, умение предвосхищать угрозы и риски и т.д.

4. Проведение правильной рекламной кампании – образ деятельного политика, наделенного лидерскими качествами, конструируется не только и не столько совершенными им реальными действиями, сколько при помощи СМИ, PR, политической рекламы, пропаганды и т.п. Чтобы быть популярным и иметь поддержку общественного большинства, политик должен отвечать двум требованиям: быть достаточно радикальными и поражать воображение людей.

Важным моментом в создании политического имиджа лидера является процесс позиционирования – создание оптимальной «ниши», благоприятной для политического субъекта, обладающего отличительными характеристиками

и выражающего особые потребности конкретного сегмента политического рынка. Такой процесс начинается с определения содержания и особенностей политической обстановки страны.

В первую очередь определяется свободный сегмент рынка, на котором еще не артикулированы интересы других политических сил. Поскольку «свободных» сегментов на политическом рынке чаще всего уже не бывает, то возникает острая политическая борьба конкурентов, которые при помощи специализированной рекламы и PR-пропаганды убеждают аудиторию в том, что именно их претендент способен наиболее точно понять, эффективно выразить и успешно защитить основные интересы данной социальной группы. Предполагается, что такое позиционирование позволяет политическому лидеру соотнести свой образ с электоральными представлениями об идеальном политике, способным эффективнее других выполнять свои профессиональные обязанности [2, с. 136].

На сегодня СМИ являются одним из самых активных и мощных каналов осуществления политической коммуникации между властью и обществом. При этом их высокая значимость понималась и ранее, практически, всегда. Показательно в этом плане замечание Г. А. Абатова, который в своей книге воспоминаний пишет: «Брежнев понимал и значение для власти средств массовой информации. Особенно главных из них – Гостелерадио и «Правды». И там, и там, у руководства стояли люди, полностью ориентирующиеся на него» [3, с. 17].

Другое дело, что сегодня СМИ выглядят особенно мощно, располагая огромными возможностями, предоставляемыми информационной эпохой.

Средства массовой коммуникации в политической сфере служат для сбора, распространения контента, формирования общественного мнения и легитимности политических структур, а также являются источником стабильности и нестабильности общества. Совершенствование средств массовой информации и методов изучения общественного мнения, целенаправленного воздействия на него, позволили сознательно формировать и корректировать имидж политического лидера в соответствии со стоящими перед ним задачами, целями и мнением аудитории.

Технический прогресс средств массовой информации позволил создавать информационный контент на новых мультимедийных платформах. С развитием радио, телевидения, компьютерной техники и Интернета работа по созданию имиджа политика стала важной составляющей, которой занимается профессиональная пиар-группа. Политическая жизнь сегодня очень быстротечна, политические лидеры национального масштаба практически ежедневно становятся главными героями новостных материалов.

Стоит отметить, что одним из действенных способов средств массовой коммуникации по формированию и стабилизации в сознании избирателей положительного образа политического лидера является телевидение. Например, одним из первых «телевизионных» политиков является В. В. Жириновский. Трудно не согласиться, что практически каждый гражданин РФ знает

Владимира Вольфовича. Его яркие выступления, и не только на политической трибуне, неоднозначные действия, стиль во внешнем имидже – все это достаточно эффективно работает на имидж политика в целом. Можно сделать вывод, что контроль над СМИ и, в особенности, над телевидением дает кандидату бесспорные преимущества в борьбе за голоса избирателей. Имидж лидера может быть создан за достаточно короткое время при условии массивной обработки общественного мнения и присутствия яркой фигуры, личности [4].

Средства массовой информации пользуются огромным преимуществом в воздействии на сознание населения и играют очень большую роль в создании или разрушении имиджа политика. Деятельность политиков становится известной в общероссийском или региональном масштабе, когда ее освещают средства массовой коммуникации. Эта особенность радикально изменила способ ведения избирательных кампаний, позволила значительно повысить в них роль манипулятивных методов. Именно поэтому обострились проблемы, связанные с контролем, качеством и распространением контента, поступающего в СМИ [5].

Отношение к политическому лидеру в России во многом определяется общей традицией отношения и восприятия русским народом образа начальника. Политик в России зачастую ассоциируется с нечто сакральным и божественным. Именно поэтому традиционные утверждения в сфере политических технологий, что человек, стремящийся к власти должен быть понятен народу, можно считать неверными. Политик может быть близок к народу, но при этом необходимо удерживать четкую дистанцию – близость в биографическом аспекте («народные корни») имеет, конечно, позитивное значение, но он все-таки должен быть на ступень выше в интеллектуальном аспекте. Если же ничего подобного на самом деле нет, вот тогда и нужно постараться сделать хотя бы его позитивный «образ» в целом.

Современные технологии формирования политического имиджа позволили немного сэкономить в предоставлении контента. Но какова это информация, можно ли ей доверять, кто ее публикует? Одной из ключевых проблем в области PR-технологий, на мой взгляд, выступает нехватка профессионалов, в области журналистики, в том числе и политической. Необходима подготовка таких «универсальных специалистов», которые смогут увидеть допустимые границы в политике и донести до избирателей актуальный, нейтральный и качественный контент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский, Д. В. Политический PR. – СПб.: Питер, 2013 – 544с.
2. Титова, Е.В. Имидж политического лидера. – Ростов-на-Дону, 2006 – 358с.
3. Арбатов, Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.) Свидетельство современника. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 286 с.

4. Цуладзе, А.М. Формирование имиджа политического лидера в условиях становления новой политической системы в России. [Электронный ресурс] / Цуладзе А.М. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-imidzha-politicheskogo-lidera-v-usloviyakh-stanovleniya-novoi-politicheskoi-sis> Дата обращения: 23.03.2020

5. Кузьмина, С.В. Роль СМИ в формировании имиджа политического деятеля. [Электронный ресурс] / Кузьмина С.В. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-formirovanii-imidzha-politicheskogo-deyatelya> Дата обращения: 20.03.2020

УДК 323.2

Д.А. Коновалов

к. полит.н., доцент, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

**СОВРЕМЕННАЯ ЭРИТРЕЯ: БУДУЩИЕ ПОЛИТИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
(ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СЦЕНАРНЫХ ПРОГНОЗОВ)**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности политических и экономических процессов в современной Эритрее, и на основе этого формулируются различные варианты сценариев будущих политических изменений для данной страны.

Ключевые слова: Эритрея, Исаяс Афеверки, сценарий, переход, политические изменения.

D.A. Kononov

PhD in political sciences, associate professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

**MODERN ERITREA: FUTURE POLITICAL AND ECONOMIC
TRANSITIONS AND REGIONAL IMPLICATIONS
(FEATURES OF BUILDING SCENARIO FORECASTS)**

Abstract: the article examines the features of political and economic processes in modern Eritrea, and on the basis of this, various scenarios of future political changes for this country are formulated.

Keywords: Eritrea, Isaias Afewerki, script, transition, political changes.

Эритрея, которую часто называют «Северной Кореей Африки», имеет бурную конфликтную историю, которая включает её эксплуатацию со стороны различных конкурирующих держав и международного сообщества, часто сопровождавшееся игнорированием тех испытаний и невзгод, с которыми эта страна столкнулась в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. С момента обретения Эритреей независимости, государством правит один человек, Исаяс Афеверки, с помощью единомышленников (членов политической партии, боровшихся вместе с ним за независимость Эритреи от Эфиопии), и сумевшие сделать государство своим частным владением. Катастрофическая по своей нелепости и жертвам пограничная война с Эфиопией, конфликты с Суданом и Джибути, а также поддержка Эритреи повстанческими группировками, включая «Аль-Шабааб», изолировали страну на региональном и глобальном уровнях. В 2009 и 2011 гг. Совет Безопасности ООН ввел санкции, фактически сделав Эритрею государством-изгоем.

Эритрея в настоящее время готова вернуться на региональную арену в качестве потенциально разрушительной силы, особенно в связи с уважением международного сообщества к региональной гегемонии Эфиопии, главного врага Эритреи. Региональные державы также признают потенциальную угрозу со стороны Эритреи, персонифицированную в аксиоме «остерегайтесь малых государств».

Ситуация в Эритрее характеризуется полностью закрытой политической и экономической системой, которая характеризуется как «мафиозное» или «гарнизонное» государство [1]. Политико-военная элита с Исаясом Афеверки в качестве центра тяжести, контролирует все аспекты политической власти и экономической организации в государстве. Хотя в этом элитарном кругу, несомненно, существуют разногласия из-за политики диктатора и конкуренции элит, система пережила худшую международную изоляцию и была возобновлена, когда Эритрея возвратилась в региональные структуры власти [1]. Тяжелая тенденция и основа для этого анализа состоит в том, что пока ничего не изменится, если Исаяс Афеверки останется у власти. Он контролирует политику Эритреи от обретения независимости через пограничную войну с Эфиопией и до настоящего времени. Он регулярно манипулирует отношениями между военно-политическими элитами, замораживая карьеры, перестановками подчиненных в более или менее прибыльные посты, и даже осуществляет прямой контроль над военными во время войны. До его смерти или пока он не будет отстранен от власти, он не потеряет способность контролировать страну, как и на протяжении предыдущих десятилетий. Поэтому ожидается, что общество останется закрытым и непрозрачным. Будет мало стимулов, чтобы изменить вопрос о неопределенной национальной службе; тысячи людей будут продолжать пересекать границу каждый месяц, несмотря на опасность, а Эритрея и Эфиопия будут продолжать играть в опасную игру контроля своей общей границы и поддержки оппозиционных движений друг друга.

Доступ к информации в Эритрее строго ограничен, что приводит к высокой степени неопределенности. В этой стране есть несколько НПО, и ограниченное число межправительственных организаций. Кроме того, дипломаты и приезжие журналисты ограничены в своих переездах в крупные города и их ближайшие окрестности. Это, вместе с историей ограничений, репрессии и ликвидация оппозиционных партий и независимых эритрейских журналистов означают, что Эритрея является одним из самых непрозрачных, закрытых обществ на земле. Вот почему приведенное выше предположение имеет с большой долей вероятности вариант статуса-кво.

В качестве главных политико-экономических проблем современной Эритреи укажем следующее:

- 1) Военно-политическая элита практически полностью контролирует все аспекты экономики, включая импорт-экспорт, ключевые бизнесы и финансовый сектор; однако не существуют записи о прибыльности или конкретном финансовом состоянии экономического сектора.

2) Эритрея граничит с Эфиопией, которая переживает одну из худших засух; тем не менее, не существует механизма мониторинга продуктов питания или раннего голода в стране. Однако об увеличении миграции не сообщалось, и никто не может адекватно объяснить почему.

3) Эритрея поддерживает свою экономику, несмотря на годы санкций ООН, вероятно, благодаря двусторонним соглашениям с Ливией, Катаром, Ираном и Израилем в прошлом и Саудовской Аравией и ОАЭ с 2015 г. Переговоры с ЕС о потоках беженцев также расширили возможность оказания помощи в целях развития, несмотря на политические последствия.

4) Несмотря на обязательную национальную службу и один из самых высоких показателей мобилизации в мире, неясно, есть ли у Эритреи рабочая сила или профессионализм для использования своих вооруженных сил в случае открытого конфликта.

5) В последние годы наблюдается растущая обеспокоенность по поводу разрыва отношений между христианами / мусульманами, горной местностью / низменностью и тигриньями / меньшинством. По данным ICG, более 10% населения было мобилизовано на войну, выше общепринятого порога, при котором общество перестает нормально функционировать [2].

Как указано в базовом сценарии, в эритрейской политике доминирует президент Исаяс Афеверки. Это характеризуется тоталитарной политической идеологией без жизнеспособных альтернатив, единственной партией во главе с одним человеком и его сотрудниками, которые никак не могут быть изгнаны, и полностью развитыми силами тайной полиции с монополией на массовые коммуникации, оперативное оружие и все организации, включая экономические, что приводит к высоко централизованной плановой экономике [3]. Эта политическая система развивалась из освободительной борьбы, и после войны с Эфиопией (1998-2000) и мутировавшей после распада экономики в 2008 г. Исаяс Афеверки развил свою репутацию безжалостного политического и военного лидера в борьбе за независимость. Это сыграло положительную роль для Афеверки, поскольку он сохранил страну в результате войны, чтобы оправдать бедность, лишения и отсутствие развития. Тоталитарный характер страны поддерживался благодаря хитрым манипуляциям Афеверки во внутренней политике. До международных санкций и эмбарго на поставки оружия Исаяс тщательно следил за партией и армией, разделяя их: претенденты в партии, которые имели доступ к политическим бюджетам и возможности патронажа, не имели средств организации насилия. Точно так же у генералов было мало возможностей мобилизовать экономические ресурсы и коалиции [4]. Он подкрепил эту систему разделения более продуманной стратегией контроля со стороны классического африканского диктатора: перестановка позиций его противников, «заморозка» их карьеры, использование их заместителей в качестве теневых министров, которые будут шпионить за своим начальством и отчитываться непосредственно перед президентом. Афеверки не терпел никакой оппозиции, особенно после 2001 г., когда 15 видных чиновников написали открытое письмо, критикуя войну с

Эфиопией и требуя от президента соблюдения конституции 1997 года, документа, который вышел из трехлетних консультаций с эритрейским народом, но никогда не был реализован. Группа 15 (О-15) была арестована в сентябре 2001 г., и практически все журналисты, оппозиция и гражданское общество оказались в тюрьмах или ссылке. После репрессий Исаяс Афеверки все чаще разрешал военной элите участвовать в экономике, адаптируя его тактику, чтобы обеспечить общую стратегию выживания. Он разделил страну на пять военных зон, создавая то, что было, по сути, современными герцогствами для его высокопоставленных депутатов. Это привело к значительной коррупции и эксплуатации, особенно на рынке труда, поскольку национальная служба все чаще приближалась к наемному рабству (если не к прямому рабству) в сельскохозяйственных и полугосударственных проектах [3]. Помимо дешевой рабочей силы и законного бизнеса, эти депутаты часто участвовали в незаконной экономической сети, включая контрабанду оружия и торговлю людьми. Это заложило основу для политической системы на месте сегодня. Постепенно эта договоренность начала превращать систему в политический рынок. Теоретически, экономическое давление в июне 2008 г., когда страна исчерпала твердую валюту и не могла позволить себе импорт топлива, должна была привести к серьезным политическим разрушениям, поскольку элиты дезертировали из-за своих экономических интересов. Действительно, согласно нескольким источникам, 2008/2009 гг. были самыми близкими к краху страны, но она была спасена только после того, как канадский горнодобывающий конгломерат «Невсун» запустил в эксплуатацию золотой рудник «Биша», передав крупные экономические ренты в центр, поскольку международное давление начало сдерживать незаконный оборот сетей [5]. Это вернуло Исаяса Афеверки в центр политического и экономического контроля, но также сделало его уязвимым для переворота, поскольку его положение «крестного отца» политической системы было наиболее прибыльным.

Смерть президента, недееспособность или уязвимость к перевороту будут иметь наибольшее влияние на эту систему. На данный момент Исаяс Афеверки является стержнем политико-деловой корпорации, которая рискует распасться, когда он уйдет. Однако вопросы, касающиеся его здоровья, давно преследуют его. Исаясу Афеверки исполнилось 70 лет в феврале 2016 г., и ходят слухи о его неблагоприятном физическом и психическом здоровье. Однако эти слухи никогда не подтверждаются из-за боязни породить нестабильность. Сообщается, что у Исаяса нет плана преемственности, а это в будущем может привести к борьбе за власть, хаос и, возможно, гражданской войне. Многие из власти Афеверки проистекает из его революционных полномочий и его статуса отца независимости. Неясно то, что граждане, проживающие в Эритрее или диаспоре за рубежом, в случае управляемого перехода смогут поддерживать статус-кво принудительной воинской повинности, неопределенной национальной службы, а также основополагающую экономику и коррупцию высокого уровня.

Эритрея остается на поверхности относительно закрытой страной из-за пограничной войны с Эфиопией, в которой Эритрея потеряла своего крупнейшего торгового партнера и вынудила эфиопов обратиться к Джибути, чтобы заменить потерянный доступ к портам Красного моря. Импорт товаров в последние годы был строго ограничен через использование лицензирования, в связи с тем, что Торговая корпорация Красного моря имеет почти монополию. Однако черный рынок процветает, особенно на границе с Суданом. Коррупцированные суданские и эритрейские чиновники сотрудничают в контрабандной продаже товаров, но они могут делать это только до тех пор, пока военная элита получает их сокращение. Отсутствие свободной торговли означает, что даже основные товары, включая зерно, рис, сахар и растительное масло, являются очень дорогими, несмотря на обратные заявления правительства [5]. Эритрея не является самодостаточной в своем производстве зерновых, и это означает, что годы изоляции привели к обнищанию населения и серьезной угрозе продовольственной безопасности. По словам экспертов, в хороший год Эритрея может удовлетворить только 80% её потребности в еде [6]. В ситуации засухи, особенно связанной с явлением Эль-Ниньо (аномальная жара), возможно, что Эритрея могла потерять весь свой урожай, что заставило бы некоторых беспокоиться о потенциале страны, страдающей от «тихого голода». Хотя некоторые люди в гуманитарном сообществе опасаются, что острая нехватка продовольствия может привести к новым перемещениям или политической нестабильности, у представителей диаспоры есть свои сомнения. Многие из тех, кто участвовал в эмиграции из Эритреи в последние годы, это молодые люди, которые стремятся избежать службы в армии. Тем не менее, при строгой политике в отношении эмиграции, включая политику «стреляй, чтобы убить» на границе выезд из страны часто возможен только при использовании многочисленных контрабандистов. Действительно, некоторые полагают, что «стрелять, чтобы убить» на самом деле лучше политики «платить, чтобы уйти», причем торговля людьми происходит по тем же формам, что оружие, контрабанда и черный рынок. Однако катастрофическим для эритрейской экономики стало исчезновение целого трудового поколения. Население Эритреи оценивается в пять миллионов, но по другим оценкам, население составляет менее 2-х миллионов из-за бегства сотен тысяч людей из страны. Подавляющее большинство тех, кто покинул страну, рабочего возраста [6]. Это оказало значительное влияние на сельскохозяйственную продукцию, строительство и производство, хотя использование принудительного труда продолжало позволять этим отраслям генерировать прибыль для элитных бенефициаров. Те, кому удастся покинуть страну, по-прежнему вносят экономический вклад посредством денежных переводов и налог на диаспору. Эритрея в значительной степени зависит от иностранных переводов. По оценкам, денежные переводы составляют до 38% ВВП, из которых каждая третья семья зависит от этого дохода [6]. Кроме того, желающим из диаспоры, чтобы поехать в Эритрею или получить официальные документы, необходимо заплатить 2% от их зарплаты (или пособия выплаты из системы социальной

защиты принимающей страны) в эритрейское государство. Обычно она собирается в посольства и консульства, но была ограничена в последние несколько лет западными правительствами, обеспокоенными разрешением санкционированному государству эксплуатировать свою диаспору и таким образом поддерживать свое финансовое состояние.

Когда Эритрея вернется на мировую арену, ее политическая жизнеспособность и региональное влияние будут определяться её экономическим здоровьем. Хотя Эритрея может избежать коллапса из-за своей способности переключения союзников и лояльности и жесткого контроля над своей политической и бизнес-моделями, ее сила на данный момент заключается в развитии экспорта полезных ископаемых наряду с очень низкими ценами на нефть. Дорогая нефть или коллапс в товарах могут создать проблему для Эритреи, которая не имеет возможности или желания диверсифицировать свою экономику и открыть себя для более сильного роста.

Учитывая базовый сценарий, Эритрея вряд ли изменится, а Исаяс Афеверки останется у власти. Экономические сети слишком переплетены, и Исаяс находится в центре обширной сети политических и экономических сил. Что может произойти, когда Исаяс Афеверки уйдет из власти из-за болезни, смерти или переворота? Следующие, сформулированные нами, сценарии, показывают, что может быть в будущем Эритреи после Исаяса.

1. Управляемый переход. Военно-политическое руководство управляет переходным процессом и сохраняет власть. Центральная группа военачальников может представлять единый фронт как гарант стабильности и национальной безопасности Эритреи. В новом эритрейском политическом подходе нет серьезных изменений в правительстве внутри страны или во внешней политике, и роль Эритреи на региональном уровне постепенно восстанавливается. Неопределенности подхода. Если сторонники власти останутся в ней, мало что изменится, как Эфиопия после смерти З. Мелеса. Тем не менее, новому руководству очень трудно сохранить контроль, которым Исаяс управлял на протяжении всего своего срока пребывания во власти. Более того, диаспора не может принять военную диктатуру без Афеверки. Большинство лидеров революционной борьбы потеряли власть, поскольку он уничтожил фигуры, которые могли бросить вызов его правлению. Без поддержки диаспоры, дни «гарнизонного» государства будут сочтены.

2. Новое начало под контролем старой элиты. Реформаторы военно-политического истеблишмента берут власть под свой контроль и объявляют новое начало после отстранения Афеверки от власти. Они надеются нормализовать отношения со своими соседями и военными, снимая чрезвычайное положение и постепенно возвращаясь к национальной службе. Они все еще смотрят на защиту промышленности Эритреи, но медленно открывают торговлю и инвестиции для поддержания национального характера эритрейской экономики. Неопределенности. Если реформаторы получают власть, как в сценарии управляемого перехода, элитный статус-кво останется таким же.

Однако вполне вероятно, что реформаторы попытаются сблизиться с Эфиопией, устраняя необходимость воинской повинности и бессрочной национальной службы. Это может оказаться чрезвычайно подрывной позицией в краткосрочной и среднесрочной перспективе, и реформаторам, вероятно, придется каким-то образом уступить власть оппозиции в диаспоре. Такое поддержание контроля элиты с помощью конституционных средств очень похоже на нынешний переход Мьянмы к демократическому правлению.

3. Власть хаоса. Битвы начинаются между реформаторами и сторонниками жесткой линии, и внутри обоих лагерей. Отсутствие продовольственной безопасности вынуждает гражданских лиц покидать поля в условиях растущего конфликта. Увеличение потока беженцев. Фрагментация военно-политической элиты при разваливающемся политическом рынке. Неопределенности. Раскол в обществе, вызванный годами манипуляций по этническому, религиозному или географическому признакам, может привести к гражданской войне или полному краху. Годы бедности и отсутствия продовольственной безопасности порождают гуманитарную катастрофу, поскольку тысячи людей пересекают границу Судана и Эфиопии. Соседние страны надеются получить некоторый контроль через их границы, поддерживая ополченцев по доверенности. Это помогает разрушить государство в том виде, как сейчас выглядит Эритрея.

4. Защита государственных интересов. Подобно расколу среди военно-политической элиты, но не полному хаосу, Эфиопия, Судан, и, возможно, Джибути надеются заполнить пустоту выбранным преемником. IGAD может вмешаться со значительным давлением со стороны соседних государств, которое может вывести страну в неофициальные зоны влияния (очень похоже на то, что произошло в Сомали). Стабильность будет недостижима, однако с различными поддерживаемыми фракциями, желающими получить власть.

5. Демократический переход. Хотя это крайне маловероятно, вполне возможно, что второй сценарий может перерасти в управляемую демократию. Если военное ведомство может принять конституцию 1997 года, реформировать армию и попытаться положить конец диктатуре. Из-за этнорелигиозных разногласий, возникших за последние несколько лет, очень трудно осуществить настоящий переход к демократии, и этот сценарий столкнется с огромным вызовом разрушению политической власти, что может привести к третьему сценарию. Однако если эти разделения могут стать основой для политических партий, различные подконтрольные фракции привержены переходу к многопартийным выборам и восстановлению законодательной власти.

Эритрея спроектировала поворот от своего почти экономического краха и своего статуса как международного государства-изгоя лишь несколько лет назад. Тактические альянсы с государствами Персидского залива, а также пилотный проект по доставке южно-суданской продовольственной помощи через порт Массауа представляет большую степень регионального сотрудничества, чем государство видело в прошлом. Тем не менее, недавнее

расследование ООН о состоянии прав человека в стране показывает: внутренне мало что изменилось [7]. Эритрея по-прежнему является государством, характеризующимся военно-политической иерархией, «гарнизонным государством», где тысячи человек бегут каждый месяц. Хотя доходы от добычи полезных ископаемых дали стране небольшой экономический рост. Это произошло за счет превращения Эритреи в более традиционный политический рынок, который начинает создавать этнические и религиозные различия, которые могут быть трудно преодолены в случае перехода государства от диктатуры Исаяса Афеверки. Извечная проблема на Африканском Роге, Эритрея должна будет решить, что она сделает со своей возникающей силой. Возобновит ли это старые антагонизмы, или она превратится в более стабильного партнера в регионе? И как её традиционный конкурент, Эфиопия, отреагирует на возрождение страны на региональной арене?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ogbazghi, P.V. Personal Rule in Africa: The Case of Eritrea [Электронный ресурс] / Ogbazghi P.V. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/292371827_Personal_rule_in_Africa_The_case_of_Eritrea/citation/download Дата обращения: 30.03.2020
2. Moehler, D.C., Leonard, D. K. The Political Economy of Pro-Poor Livestock Policy in Eritrea [Электронный ресурс] / Moehler D.C., Leonard D.K. – Режим доступа: https://cgspace.cgiar.org/bitstream/handle/10568/24947/IGAD_LPI_PB_Eritrea.pdf?sequence=1 Дата обращения: 29.03.2020
3. Horwood, Ch., Hooper, K. Protection on the move Eritrean Refugee Flows through the Greater Horn of Africa [Электронный ресурс] / Horwood Ch., Hooper K. – Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/research/protection-move-eritrean-refugee-flows-through-greater-horn-africa> Дата обращения: 31.03.2020
4. Eritrea: A Country Under the Sway of a Dictatorship, Desertion, Refuge & Asylum [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://en.connection-ev.org/pdfs/2018_Eritrea_ACountryUnderTheSwayOfADictatorship.pdf Дата обращения: 06.04.2020
5. Doing Business 2018. Eritrea. Economy Profile of Eritrea [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30725> Дата обращения: 02.04.2020
6. ВТИ 2018. Eritrea Country Report [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/402068468/VTI-2018-Eritrea> Дата обращения: 01.04.2020
7. Dirar, U.Ch. Colonialism and the Construction of National Identities: The Case of Eritrea [Электронный ресурс] / Dirar U.Ch. – Режим доступа:

<https://wslide.com/colonialism-and-the-construction-of-national-identities-the-case-of-eritrea> Дата обращения: 04.04.2020

УДК 323.2

С.З. Кунсбаев

кандидат педагогических наук, директор ГБПОУ Уфимский
колледж статистики, информатики и вычислительной
техники (ГБПОУ УКСИВТ), г. Уфа, Россия

ПОЛИТИКА ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье, на основе анализа предложенных уже в отечественной науке периодизаций, предлагается оригинальная формулировка основных этапов формирования политики инклюзивного образования в современной России.

Ключевые слова: политика инклюзивного образования, основные этапы, Россия.

S.Z. Kunsbaev

PhD in pedagogical sciences, director of GBOU Ufa College of statistics,
computer science and computing equipment (GBPOU UKSIVT),
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

INCLUSIVE EDUCATION POLICY IN MODERN RUSSIA: MAIN STAGES OF FORMATION

Abstract: The article, based on the analysis of the periodizations already proposed in Russian science, offers an original formulation of the main stages of forming the policy of inclusive education in modern Russia.

Keywords: The policy of inclusive education, the main stages of Russia.

Политика инклюзивного образования, несмотря на сравнительно недавнее начало ее теоретической разработки и практической реализации за рубежом и в нашей стране, приобрела уже в отечественной науке несколько подходов к периодизации этого особого феномена общественно-педагогической деятельности. Как показывает анализ, наибольшую популярность данная тема получила в диссертационных исследованиях по проблематике инклюзивного образования. Это вполне закономерно, так как, для определения современного состояния отношения в обществе к детям с ограниченными возможностями здоровья и к их образованию, необходимо выявить основные, качественно отличающиеся друг от друга, этапы этого процесса в ходе всей общественной эволюции во всем мире, в сопряжении с отечественным опытом.

Если анализировать имеющиеся исследования в хронологическом

порядке их появления, абсолютное большинство которых приходится на последнее десятилетие, то одну из первых обоснованных периодизаций развития инклюзивного образования в России и за рубежом, разработанных на основе системы оригинальных критериев (динамика ценностных ориентаций общества и системы образования, количество образовательных учреждений и категорий учащихся с особыми образовательными потребностями, качественные изменения в системе инклюзивного образования), предложила Н. А. Медова, которая считает необходимым выделить следующие периоды в развитии этого сложного и противоречивого процесса: а) первый этап – динамика ценностных ориентаций в обществе и системе образования; б) второй этап – формирование системы специального образования; в) третий этап – развитие международного законодательства; г) четвертый этап – развитие интеграционных процессов, кризис системы специального образования; д) пятый этап – зарождение инклюзивного образования. При этом автор данной периодизации специально подчеркивает, что «временные периоды прохождения указанных этапов на Западе и в России несколько отличаются». Например, в западных странах, по мнению автора, длительность основных этапов имеет следующие хронологические рамки: первый этап – до XII в. н. э.; второй этап – с XII по XVIII вв.; третий этап – с XVIII в. до начала XX в.; четвертый этап – начало XX в. до 70-х годов XX в.; пятый этап – 70-е годы XX в. В нашей стране, с точки зрения Н. А. Медовой, общественное «освоение» инклюзивного образования несколько отставало от аналогичных процессов на Западе и выглядело следующим образом: первый этап – до XII в. н. э.; второй этап – с XVII в.; третий этап - с конца 20-х годов XX в.; четвертый этап – 70-е годы XX в.; пятый этап – 90-е годы XX в. [1, с.13].

Основывая свою точку зрения на позиции известного отечественного исследователя специального образования Н.Н. Малофеева [2, с.292], и проанализировав все основные международные и отечественные политико-правовые документы, начиная со Всеобщей Декларации прав человека (ООН, 1948), в которой закреплено неотъемлемое право каждого человека на образование, а также отмечается, что «образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами... Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей» (статья 26), доктор педагогических наук В.В. Хитрук выделила пять периодов на пути эволюции отношения государства и общества к инвалидам, в том числе: 1) первый - период обретения детьми-инвалидами права на жизнь; 2) второй - период обретения детьми-инвалидами права на признание; 3) третий - период обретения детьми с нарушением слуха, зрения, умственной отсталостью права на специальное обучение; 4) четвертый - государство гарантирует право на образование большинству детей с отклонениями в физическом и умственном развитии; 5)

пятый – от равных прав к равным возможностям, от институализации к интеграции [3, с.28].

Ограничившись только новейшей историей развития инклюзивного образования в мире и стране, отметила важнейший для современности качественный переход в осмыслении смысла этого феномена О.С. Кузьмина: «Предпосылкой для утверждения инклюзивного подхода в образовании явилось изменение понимания обществом инвалидности. На смену медицинской модели, просуществовавшей до середины 1960-х гг. и предполагавшей изоляцию, сегрегацию людей с ОВЗ, пришла модель нормализации, которая бытовала до середины 1980-х гг. и предполагала интеграцию людей с ОВЗ в общественную жизнь. Модель нормализации в период с середины 1980-х гг. до настоящего времени сменилась на социальную модель, представляющую инвалидность ребенка не с позиции носителя проблемы. Согласно социальной модели, диаметрально противоположной медицинской, барьеры и проблемы в обучении ребенка с ОВЗ может создавать общество, несовершенство общественной системы образования и взаимоотношений с окружающими людьми» [4, с.38]. Таким образом, О.С. Кузьмина выделила три качественно отличающихся периода утверждения инклюзивного подхода в образовании в новейшей (послевоенной) истории: 1) до 1960-х годов; 2) 1960-е – середина 1980-х годов; 3) с середины 1980-х годов по настоящее время.

Наконец, наиболее аргументированную и подробную периодизацию формирования политики инклюзии предложила, в своем диссертационном исследовании о современном состоянии и тенденциях развития инклюзивного образования за рубежом, Н.Г. Сигал. Автор считает обоснованным выделение трех основных исторических этапов, каждый из которых имеет свои специфические особенности, подробно описанные в работе. Так, по мнению автора, первый этап (до середины XVIII в.) характеризуется социальной и педагогической изоляцией детей с ограниченными возможностями здоровья, что нашло свое отражение в полном отрицании права данных детей на образование и отсутствии медицинской и социокультурной их поддержки. Однако в данный период представлены фрагментарные сведения о зачатках гуманного отношения к данным детям.

На втором этапе (середина XVIII – начало XX вв.), предлагает Н.Г. Сигал, прослеживаются изменение и расширение **государственной политики в области образования детей с ограниченными возможностями здоровья** (выделено мной – С.К.), формируется научно-методологическая основа для их включения в массовые школы и наблюдаются первые избирательные попытки совместного обучения, направленные в целом на формирование у них детей социальных компетенций. Принятие в ряде зарубежных стран закона «О всеобщем начальном образовании» явилось значимым шагом в зарождении интеграционных процессов в образовании, свидетельством чему служат, например, открытие первого интегративного учреждения в Германии (1841 г.), организация специальных классов в массовых школах для обучения детей с

разными видами нарушений в психофизическом развитии в Англии, Австрии, Германии, США, Франции, Швейцарии и других странах. В то же время изменения, происходившие в обществе в целом, и, в частности, в системе образования в большей степени положили начало организации специальных образовательных учреждений, выделению специальной педагогики в отдельную область научного знания, ориентированного на изучение потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья, что одновременно способствовало их социальной и образовательной сегрегации.

На третьем этапе (40-е гг. XX в. – 90-е гг. XX в.), по мнению автора, происходит кардинальная трансформация идеологии зарубежного общества по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья, принятия значимых правовых основ инклюзивного образования. Зарубежными учеными разрабатываются и внедряются инновационные экспериментальные концепции, явившиеся революционной альтернативой представлениям, лежавшим в основе «медицинской модели» и способствовавшие продвижению идеи инклюзии в общество (Концепции нормализации (Н. Бенк-Миккельсон, Б. Нирье, Дания), валоризации социальной роли (В. Вольфенсбергер, США), совместного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (Т. Хелльбрюгге, Германия), Модель «Услуг» (М. Рейнольдс, США), Модель «Каскад» (И. Дено, США) и др. Принципиально важными достижениями зарубежных ученых является то, что в этот период актуализируются вопросы обеспечения комплексного сопровождения детей данной категории в общеобразовательных школах: реализация дифференцированного подхода и методов диагностики к выявлению детей с «особыми образовательными потребностями»; оказание психолого-педагогической и медицинской помощи и поддержки на основе классификации и групп различий; организация работы с родителями и педагогами; усиление индивидуализации в обучении. Вопросы инклюзии становятся общим предметным полем для широких междисциплинарных научных дискуссий.

Проведенный автором данной периодизации анализ зарубежных источников показал, что отсутствие широкого взгляда на инклюзию обусловило возникновение таких понятий, как «наименее ограничительная среда» («least restrictive environment»), «обучение в общем потоке» («mainstreaming») и снижение роли педагогов общего образования в учебно-воспитательном процессе в связи с отсутствием у них специальных знаний при одновременном усилении значимости специального педагога и организации в общеобразовательных школах вспомогательных классов («pull-out»), ресурсных комнат («resource room») и специальных классов. Важная роль в утверждении идеи инклюзивного образования должна быть отведена М. Уилл (США) и М. Уорнок (Великобритания). М. Уилл подвергла жесткой критике систему вспомогательных классов («pull-out») и выступила с настоятельной инициативой по слиянию систем специального и общего образования и по разработке альтернативных моделей педагогического сопровождения детей и их семей в общеобразовательной школе. Результаты педагогических

исследований М. Уорнок, направленные на изучение проблем детей, испытывающих трудности в усвоении учебного материала, способствовали введению термина «особые образовательные потребности» и привели к пониманию важности изучения исходных характеристик ребенка в тесной взаимосвязи с результатами педагогической деятельности.

Наконец, на четвертом этапе, который, с точки зрения Н.Г. Сигал, начинается с 1994 года и длится по настоящее время, происходит совершенствование национальных систем образования в аспекте сближения систем специального и общего образования и развитие инклюзивных школ как «школ для всех детей», обусловленных официальным принятием идеи инклюзивного образования Саламанкской декларацией (1994г.), которая получила свое развитие в качестве инновационной образовательной парадигмы в большинстве стран мира («Дакарская рамочная концепция действий» (Dakar framework for action) и «Цели тысячелетия в развитии образования» (Millennium Development Goals on Education).

Резюмируя свои размышления об эволюции политики инклюзивного образования, Н.Г. Сигал пришла к аргументированному выводу, который во многом согласуется и с нашей точкой зрения, о том, что процесс **постепенного перехода зарубежных стран** (выделено мной – С.К.) к реализации инклюзивного образования обусловлен изменениями в идеологии общества по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья, усилением внимания к вопросам их образования, принятием значимых правовых основ и уровнем развития общества. К аналогичному выводу мы пришли, анализируя развитие отечественной политики инклюзивного образования в позднесоветское и постсоветское время.

В отечественной науке и политической практике, которые приступили к реализации концепции инклюзивного образования, в силу определенных исторических причин, несколько позже, также повторяется зарубежная ситуация, которая во многом осложняет осуществление единой государственной политики в реализации этого направления педагогической деятельности. Считается, что в нашей стране (в рамках обновленного российского государства), нормативно, то есть – за пределами общественных дискуссий, проблема инклюзивного образования начала разрабатываться в таких отечественных законодательных документах, как: письмо Министерства образования и науки РФ от 18 апреля 2008 г. «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами»; в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», представленной Президентом Российской Федерации (2008 год); в Указе Президента Российской Федерации «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» (2012 год) и более поздних документах.

Рассматривая только постсоветскую историю эволюции политики инклюзивного образования, нам представляется, что можно выделить три основных этапа в развитии этого процесса. **Первый этап**, на наш взгляд,

начинается с образования суверенного российского государства и распада Советского Союза, а выражается в текстах его базовых нормативных документов, в том числе: Закона Российской Федерации «Об образовании» (ФЗ № 3266-1 от 10.07.1992); Конституции Российской Федерации (12.12.1993); законодательных актов Российской Федерации в сфере образования (ФЗ № 124 от 24 июня 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» и Федерального закона «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» (ФЗ от 2 июня 1999 года). Таким образом, первый этап развития политики инклюзии в нашей стране начался с периода деидеологизации образования в целом и создания предпосылок для создания современной системы инклюзивного образования, с применением стандартов, выработанных мировым сообществом. Хронологически первый этап охватывает период приблизительно с 1992 по 2007 годы.

На втором этапе (с 2008 по 2012 годы) завершается создание специальной нормативной базы политики инклюзивного образования в стране (письмо Минобрнауки Российской Федерации от 18.04.2008 № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами», национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», представленная Президентом Российской Федерации (2008 год)), Россия ратифицирует международные документы в этой области (24 сентября 2008 года РФ подписала Конвенцию о правах инвалидов, а в декабре 2010 года Государственная Дума Российской Федерации приступила к практической работе по изменению российского законодательства в целях приведения его в соответствие с Конвенцией о правах инвалидов – в рамках подготовки к ратификации Конвенции). Наконец, на этом этапе понятие инклюзивного образования закрепляется в основном законе, регулирующем образовательную деятельность, в пункте 27 статьи 2 ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» впервые в федеральном законодательстве инклюзивное образование трактуется как «...обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [6]

На третьем этапе, который начинается хронологически с 2012 года и продолжается по сей день, продолжается совершенствование нормативно-законодательной базы политики инклюзивного образования (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» [7]) и происходит интенсивная реализация данного направления образовательной деятельности на всех уровнях обучения. В особенности это относится к высшей и средней специальной профессиональной школе.

Таким образом, в рамках постсоветской эволюции российского образования, выделяются, на наш взгляд, три качественно отличающихся этапа политики инклюзивного образования: первый – с 1992 по 2007 годы; второй – с 2008 по 2012 годы; третий – с 2012 года до сегодняшних дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медова, Н. А. Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы. Дисс. к.пед.н. – Томск, 2013. – 189 с.
2. Малофеев, Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа: учеб. пособие для студентов педагогических вузов. – М.: Просвещение, 2009. – 319 с.
3. Хитрук, В.В. Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов в условиях высшего образования Дисс.....док. пед. н. – Калининград, 2015. – 317 с.
4. Кузьмина, О.С. Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования. Дисс...к.пед.н. – Омск, 2015. – 245 с.
5. Сигал, Н.Г. Современное состояние и тенденции развития инклюзивного образования за рубежом. Дисс....к.пед.н. – Казань, 2016. – 196 с.
6. «Об образовании в Российской Федерации». – Закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ 14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/zakonodatelstvo/federalnyy-zakon-ot-29-dekabrya-2012-g-no-273-fz-ob-obrazovanii-v-rf> Дата обращения: 21.02 2020
7. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> Дата обращения: 18.02 2020

УДК 342.9

Ю.О. Лобанова

к.пед.н., доц. АГТУ, г. Астрахань, Россия

Н.Ю. Марголис

к.техн.н., доц., ТГУ, г. Томск, Россия

К.Э. Романова

прокуратура Автозаводского р-на гор. Н.Новгорода, Россия

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕГРАДА НА ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРРУПЦИИ: ЕСТЬ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ?

Аннотация: Настоящая статья посвящена возможностям использования норм КоАП РФ в борьбе с коррупцией. Было обращено внимание на практику применения ст. 19.29 КоАП РФ. Сделаны выводы относительно действенности данного положения КоАП РФ в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, Российская Федерация, противодействие, КоАП РФ, «запасные аэродромы», государственные и муниципальные служащие, политическая система.

Yu. O. Lobanova

PhD in pedagogical sciences, associate professor, AGTU, Astrakhan, Russia

N.Y. Margolis

PhD in technical sciences, associate professor, TSU, Tomsk, Russia

K. E. Romanova

the Prosecutor's office of the Avtozavodsky
distr., Nizhny Novgorod, Russia

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A BARRIER TO THE SPREAD OF CORRUPTION: IS THERE A POLITICAL ASPECT?

Abstract: This article is devoted to the possibilities of using the norms of the administrative Code of the Russian Federation in the fight against corruption. Attention was drawn to the practice of applying article 19.29 of the Administrative Code of the Russian Federation. Conclusions are made regarding the effectiveness of this provision of the administrative Code of the Russian Federation in the fight against corruption.

Keywords: corruption, Russian Federation, counteraction, administrative Code of the Russian Federation, "spare airfields", state and municipal employees, political system.

Общепризнанно, что коррупция является огромной проблемой для большинства стран мира. Не случайно, что в «Конвенции Организации

Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН), сказано, что последняя является источником «...проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку» [1], таким образом, подтверждая тот факт, что по своей сути коррупция является едва ли не в первую очередь именно политической проблемой [2, с. 79]. На уровне государств-членов ООН действует множество нормативно-правовых актов, призванных если не полностью искоренить коррупцию (это, к сожалению, невозможно [3, с. 39]), но снизить её уровень. Не является исключением, разумеется, и Российская Федерация.

Важно отметить, что одним из факторов коррупции является так называемый «конфликт интересов». Суть его заключается в следующем: государственный или муниципальный служащий в ходе своей служебной деятельности может получить возможность для оказания покровительства той или иной коммерческой организации. Поддавшись на уговоры представителя последней, он начинает действовать именно в её интересах, а не в интересах государства, муниципального образования и общества [4, с. 221]. Разумеется, исключить полностью возможность возникновения «конфликта интересов» невозможно.

Следует отметить, что спектр мер, призванных снизить уровень коррупции, применяемых в мире, весьма широк [5, с. 144]. Сюда можно отнести и практику пристального контроля – как государственного, так и общественного – за доходами и расходами публичных должностных лиц, и операции со стороны специальных ведомств (включая провоцирование коррупционного поведения), и практику высоких зарплат для государственных служащих, и стремление сделать процесс принятия решений на государственном и муниципальном уровнях наиболее прозрачными, и даже снижение государственного регулирования.

Подчеркнём, что одной из форм вознаграждения чиновника за оказание противоправных услуг коммерческой организации является возможность его последующего вслед за уходом с государственной (или муниципальной)) службы в эту самую коммерческую структуру. С проявлениями такого рода «благодарности» сложнее бороться правоохрнительным органам – в отличие, например, от банальных взяток. Укажем также, что в настоящее время законодательно создан ряд трудностей для государственных служащих, когда взятка камуфлировалась под трудоустройство кого-либо из ближайших родственников в заинтересованную коммерческую компанию с установлением им в таковой высокой заработной платы.

Важно подчеркнуть, что борьба с коррупцией ведётся не только в рамках уголовно-правовых, но также и в рамках административно-правовых отношений [6]. В первую очередь применительно к отечественным реалиям уместно обратиться к Кодексу об административных правонарушениях (КоАП

РФ) и особенно Ст. 19.29, озаглавленной «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего» [7]. Предполагается, что такая мера позволит осуществлять борьбу с так называемыми «запасными аэродромами» для государственных и муниципальных служащих. Имеется в виду следующая ситуация: государственные/муниципальный служащий, используя своё служебное положение, оказывал покровительство коммерческой организации, а после своего ухода с занимаемого поста (в том числе и по компрометирующим обстоятельствам) был в эту самую организацию трудоустроен, причём с высоким должностным окладом.

Как известно, «в соответствии со статьей 12 Федерального закона N 273-ФЗ работодатель при заключении трудового договора с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации. Данные требования антикоррупционного законодательства, исходя из положений п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2010 N 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»» [6, с. 43]. Важно также подчеркнуть, что экс-служащие, категориально включённые в перечень в Указе Президента РФ от 21 июля 2010 г. N 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»» [8] не могут заключать гражданско-правовой договор с работодателем больше чем на сумму в 100 тысяч рублей в месяц без предварительного обращения в специальную комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

При этом несоблюдение работодателем обязанности о сообщении прежнему работодателю (на государственной и муниципальной службе) (эта обязанность для них прописана и в Ст. 64.1 ТК РФ [9]) попадают под действие Ст. 19.29 КоАП РФ [7]. Таким образом, уместно признать, что законодательно созданы трудности – пусть, на первый взгляд и не самые значительные – для трудоустройства бывших государственных и муниципальных служащих в том числе и в те компании, которым они покровительствовали.

Важно отметить, что Ст. 19.29 КоАП РФ является работающей, что подтверждают в том числе и региональные – например, нижегородские материалы. Так, за последние годы имелось немало привлечений к административной ответственности по данной статье. Важно также отметить, что выносимые судами в Нижегородской области наказания являются

стандартными: 20 тысяч рублей для должностных лиц и 100 тысяч рублей для организаций. Нельзя также не упомянуть, что имеют место в нижегородских судах и решения частично в пользу ответчика или же по сути полностью оправдательного характера.

Необходимо признать, что в основном имела место халатность руководителей организаций и/или их сотрудников, занимающихся подбором кадров. Впрочем, отдельные проявления «благодарности» со стороны прежде всего коммерческих структур (и даже ИП) в отношении своих бывших покровителей могли иметь место, однако заявить об этом со всей ответственностью можно только при наличии всесторонней, в том числе и, возможно, оперативной информации, каковой мы на сегодняшний день не обладаем.

Следует также подчеркнуть, что обращение к материалам судопроизводства по Ст. 19.29 показывает, что в основном такое связано с государственными и муниципальными служащими, не являвшимися высокопоставленными и не имеющими из собой шлейфа коррупционных скандалов. То есть, либо высокопоставленные коррупционеры трудоустраиваются более изощренным способом, либо же пока эта статья при всех её положительных сторонах пока мало работает именно как антикоррупционная.

Означает ли это, что административно-правовые меры борьбы с коррупцией в сегодняшних отечественных реалиях неэффективны!? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, должен быть отрицательным. В самом деле, административно-правовое регулирование должно быть направлено не только на привлечение виновных в коррупции к ответственности, но также и на минимизацию таковой [10, с. 94]. Минимизация же является крайне действенным средством – в самом деле, разумные внешние ограничители позволяют снизить риски от деятельности даже весьма недобродетельных по своей природе индивидов, на которых не оказывают влияния моральные ограничители.

Кроме того, следует подчеркнуть, что административно-правовые меры противодействия коррупции не являются единственными, а должны быть дополнены мерами иного характера – в первую очередь уголовно-правовыми, а также, что особенно важно, политико-управленческими. Последние призваны убрать или снизить государственное вмешательство в экономику в тех случаях, где такое является излишним, а также обеспечивать максимальную прозрачность процесса принятия значимых решений, как на государственном, так и на муниципальном уровнях. Кстати, прозрачность также прописана по сути и в упоминавшийся нами выше Ст. 19.29 КоАП РФ, объективно направлена в том числе и против «запасных аэродромов» для государственных и муниципальных служащих.

В целом же, признаем, что Ст. 19.29 КоАП РФ должна быть сохранена в нынешней редакции и имеет возможность стать вполне действенным антикоррупционным средством. Признаем также, что препятствием для

политиков-коррупционеров данная норма КоАП РФ вряд ли является, поскольку, как показывает региональная прежде всего правоприменительная практика, в основном в судах рассматриваются дела по данной статье. Фигурантами которых являются отнюдь не политические тяжеловесы. Тем не менее, более активная борьба с коррупцией – в том числе и с использованием норм КоАП РФ – будет объективно способствовать повышению эффективности функционирования политической системы Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2563049/> Дата обращения: 30.12.2019
2. Федорченко, С.Н. Коррупция и политические проблемы ее профилактики // Вопросы политологии. – 2015. – № 1 (17). – С. 78-88.
3. Смагин, В.Н. Модель взятки и оценка потерь от коррупции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 39-45.
4. Пахомова, Е.А. Влияние теневой экономики и квазирыночных институтов на развитие постсоветского социума // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2017. – № 50. – С. 219-222.
5. Soliev, Sh.Kh. Methodological aspects of investigation of corruption in the system of socio-political relations // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2018. – № 2 (75). – С. 141-150.
6. Романова, К.Э. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за коррупционные правонарушения // Законность и правопорядок. – 2017. – № 1-2(16). – С. 40-44.
7. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ Дата обращения: 30.12.2019
8. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> Дата обращения: 30.12.2019).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ Дата обращения: 30.12.2019
10. Лаврентьев, А.Р., Фролов, А.Н., Елисеева, В.С. О концепции административно-правового ограничения прав граждан // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 5 (97). – С. 89-104.

УДК 323.2

А.В. Маковейчук

ведущий специалист отдела по связям с общественностью и онлайн-образованию Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И ВОПРОСЫ ЕЁ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в рамках данной статьи рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования системы цифрового государственного управления в современной России, а также цели и задачи, преследуемые органами государственной власти в реализации данной цифровой трансформации своих исполнительских функций.

Ключевые слова: цифровое государственное управление, электронные государственные и муниципальные сервисы, управление по результатам.

A.V. Makoveychuk

leading specialist, Department of Public Relations and Online Education, Nizhny Novgorod National Research State University named after Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

DEVELOPMENT OF THE DIGITAL PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA AND ISSUES OF ITS LEGAL REGULATION

Abstract: This article discusses some issues of legal regulation the digital public administration in modern Russia, and also the goals and objectives pursued by public authorities in realizing digital transformation of their performing functions.

Keywords: public administration, electronic state and municipal services, management by results.

Актуальность проблемы развития механизмов цифрового государственного управления в России обусловлена необходимостью оптимизации и повышения эффективности качества государственного управления посредством реализации новых форм взаимодействия между гражданами и органами власти на различных уровнях и по самому широкому кругу вопросов.

Причём вопрос цифровизации системы государственного и муниципального управления в России можно разделить на два важных, на наш взгляд, направления:

1. Цифровизация и перевод в электронный формат ряда государственных функций, а именно создание комплексной системы электронного документооборота, что и находит сегодня отражение в реализации системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Здесь представляется важным дальнейшее развитие данной системы в части более глубокой интеграции федеральных и муниципальных структур, разветвления и повышения эффективности системы межведомственных взаимодействий, дальнейший отказ от бумажных носителей информации в пользу электронных с созданием защищённых баз данных.

2. Развитие рынка государственных и муниципальных услуг, расширение количества сервисов по жизненным ситуациям гражданина, предоставляемых в электронной и доступной для пользователя форме. Здесь актуальным становится проработка удобных, дружественных пользователю, интерфейсов специальных сайтов, в том числе дальнейшее развитие мобильных сервисов получения государственных и муниципальных услуг. Главным и достаточно успешным проектом в данном направлении следует отметить федеральный портал «Госуслуги», предоставляющий широкий спектр государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Перспективными направлениями развития здесь представляется возможность интеграции информации ряда социальных учреждений таких как ЗАГСы (например, информации о рождении ребёнка), медицинские учреждения (повсеместное создание индивидуальных цифровых медицинских карт), военные комиссариаты (в данном случае вопрос касается военнообязанных граждан, создание индивидуальных цифровых профилей) и тд. в имеющуюся единую систему «Госуслуг» и Личные кабинеты пользователей с целью выстраивания индивидуальных траекторий обеспечения государственными и муниципальными услугами по самому широкому спектру жизненных ситуаций.

Практическая сторона использования современных информационно-коммуникационных технологий в системе государственного и муниципального управления, а также новых форм, методов и технологических решений в данной сфере заключается в создании новых условий и возможностей для выстраивания диалоговой коммуникации и взаимодействия между органами государственной власти на местах и населением той или иной территории. Это становится актуальным, прежде всего, с точки зрения организации эффективных механизмов реализации целей и задач государственного управления, формирования политики информационной открытости институтов власти и принципов человекоориентированного государственного менеджмента.

Цифровизация системы государственного управления прямо или косвенно затрагивает ряд отдельных конституционных прав граждан Российской Федерации (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также

участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ), право на обращение (ст. 33 Конституции РФ), право на образование (ст. 43 Конституции РФ).

Более детально вопросы цифровизации системы государственного и муниципального управления регулируются различного рода федеральными законами, указами Президент РФ, распоряжениями Правительства РФ, иными подзаконными актами.

Принятие Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 г., утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, и Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, заложили общую ориентацию на устранение административных барьеров и снятие ключевых правовых ограничений для развития цифровых технологий.

До настоящего времени, несмотря на определенную в указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» национальную цель «внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг», сама официальная позиция по цифровизации и цифровой трансформации остается недостаточно определенной.

Так, основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утв. Правительством РФ 29.09.2018, содержат специальный подраздел 6.3 «Цифровые технологии в государственном управлении», в рамках которого предусматривается, что в целях развития цифровых технологий в государственном управлении будут законодательно урегулированы вопросы формирования и ведения государственных информационных ресурсов, определены правила систематизации информации в указанных ресурсах, а также гармонизации информации между различными информационными ресурсами органов государственной власти. Кроме того, будут осуществляться меры по внедрению цифровых технологий и платформенных решений («цифровизации») в практическую деятельность органов государственного управления федерального, отраслевого и регионального уровней.

Указанные положения основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утв. Правительством РФ 29.09.2018, свидетельствуют о смещении этапов информатизации и цифровизации в планировании государственного управления, а также отсутствии ориентации на внедрение и применение собственно цифровых (прорывных информационных) технологий, в том числе технологий обработки больших объемов данных, распределенного реестра, Интернета вещей, искусственного интеллекта – данные технологии никак не упомянуты в данном документе. Аналогичная ситуация, связанная со смещением этапов информатизации, характерна и для других программных и нормативных документов по цифровизации и цифровой трансформации.

В то же время вопросы внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей находят своё отражение и регулируются в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [1]

Вопросы открытости системы государственного управления в России, ориентированности её на граждан в части предоставления государственных услуг и сервисов отражены в федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», распоряжении Правительства РФ от 17.12.2009г. № 1993-р «Об утверждении сводного перечня первоочередных государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде учреждениями и организациями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями и организациями», плане перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 17 октября 2009 г. № 1555-р.

Упомянутые выше нормативно-правовые акты не составляют полный перечень документов, регулирующих сферу цифрового государственного управления в России, однако они являются наиболее ключевыми документами, регламентирующими развитие данной технологической составляющей государственного менеджмента.

Практика повсеместного развития системы цифрового государственного управления должно стать внедрение программных решений, построенных на современных цифровых технологиях, в сферу регионального и муниципального управления, призванное автоматизировать ряд управленческих процессов, а также процессов, связанных с интеллектуальной обработкой больших массивов данных, в том числе в системе подбора кадров, межведомственном документообороте, системе обработки обращений граждан и тд.

В последние два десятилетия мы можем наблюдать ускорение процессов децентрализации системы электронного управления за счет внедрения новых механизмов для комплексного и индивидуализированного взаимодействия между гражданами и разного рода государственными структурами. [2, с. 12]

Возникают понятия «электронное правительство», «электронный муниципалитет», запускаются новые федеральные электронные сервисы и так называемые суперсервисы, крупнейшим из которых является портал «Госуслуги», предоставляющий возможность электронного взаимодействия гражданина и многих органов государственной власти по актуальным вопросам функционирования общества.

Важным направлением развития технологий электронного правительства сегодня призвано стать повышение эффективности функционирования системы органов государственного управления «на местах»

(электронный муниципалитет), упрощение и ускорение реализации ряда административных процедур для населения, при грамотном планировании данной деятельности снижение экономических издержек и расходов на содержание деятельности органов государственной власти, создание условий для снятия ряда дублирующих функций, имеющих сегодня место в деятельности органов государственной власти. [3]

Из года в год заметно растёт число граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронном виде. Более того согласно приведённому ниже в таблице прогнозу, рынок данных услуг в России имеет высокий потенциал роста, как по количеству вовлечённых потребителей, так и по финансовому обеспечению данных процессов.

Табл. Доля взаимодействий граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемых в цифровом виде и финансирование данного направления с 2018 по 2024 гг. [4]

Годы	Доля взаимодействий граждан в цифровом виде, в %	Объем финансового обеспечения по годам реализации (млн. рублей)
2018	20	0
2019	25	6 764,00
2020	30	9 722,00
2021	40	12 087,00
2022	50	18 408,00
2023	60	12 513,00
2024	70	9 330,00

Использование информационно-коммуникационных технологий, новых форм, методов и технологических решений в системе государственного управления создаёт новые условия и возможности для выстраивания диалоговой коммуникации и взаимодействия между органами государственной власти на местах и населением той или иной территории. Это становится актуальным, прежде всего, с точки зрения организации эффективных механизмов реализации целей и задач государственного управления, формирования политики информационной открытости институтов власти и принципов человекоориентированного государственного менеджмента.

Вместе с тем функционал системы цифрового государственного управления на уровне муниципалитетов может иметь определённые расширения применения в части создания специальных платформ и условий для вовлечения активных граждан (прежде всего городского населения, жителей крупных и средних городов) в развитие территорий, на которых они проживают. [5, с. 87]

Не всегда есть возможность провести оперативно общественные слушания одновременно сразу по многим направлениям, есть временные и организационные ограничения. Запуск же специализированных сервисов и активная их популяризация и продвижение в городском информационном пространстве (под названиями, к примеру, «Моя земля», «Мой район», «Мой

город» и тд.) позволит подключить к процессу выработки решений и стратегий по развитию тех или иных территорий большее количество жителей того или иного населённого пункта; каждый человек сможет почувствовать себя причастным к тем, прежде всего, позитивным изменениям в общественном пространстве, которые будут происходить, сможет принимать участие в определении приоритетов развития территории и тд.

В рамках реализации целей развития цифрового государственного управления как части комплексной системы в рамках цифрового государства, электронного правительства перспективным направлением представляется внедрение программных решений, построенных на технологиях искусственного интеллекта.

К примеру, данные программные решения могут найти применение в сфере учёта кадрового потенциала в системе регионального и муниципального управления, призванной автоматизировать процесс подборки кадров, сократив время на проведение проверок кандидатов и повышая качество соответствия кандидатов той или иной должностной позиции.

Цифровая трансформация государственного управления является не просто механизмом автоматизации и оптимизации отдельных процессов при оказании государственных функций, в том числе при предоставлении государственных услуг, но и механизмом внедрения и использования тех или иных современных информационно-коммуникационных технологий в интересах обеспечения деятельности государственных органов.

Внедрение технологий цифрового государственного управления в России является важным направлением создания качественно новой системы государственного управления в России, где профессиональные возможности человека, а также его личные характеристики (физические, умственные и тд.) могут быть эффективно дополнены и найти своё наиболее эффективное приложение благодаря внедрению цифровых программных продуктов и технологий искусственного интеллекта в сферах обработки больших объёмов информации, автоматизации межведомственных взаимодействий, оценке кадрового потенциала. Всё это создаёт основы для перехода к новым условиям деятельности государственных органов с учетом ожиданий потребителей услуг и сервисов и в целом в интересах гражданского общества. [6, с. 21]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> Дата обращения: 28.03.2020
2. Маковейчук А.В. Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4 (34). Т. 8. 2018. С. 10-15.

3. Латыпова Р.Т. Нормативно-правовое обеспечение электронного правительства [Электронный ресурс] / Молодой ученый. – 2016. – №1. – С. 401-405. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/105/24730/> Дата обращения: 27.03.2020

4. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»

5. Елисеев С.М. Цифровые технологии как фактор расширения информационного пространства современной политики // Информация–коммуникация–общество. 2017. Том 1. С. 84-90.

6. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 114с.

Н.М. Морозова

к.полит.н., доцент, НГЛУ им Н.А. Добролюбова,
зам.директора ПРИФ ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород, Россия

Д.А. Леушкин

студент-бакалавр, НГЛУ им Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород,
Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ЕС

Аннотация: В статье обозначены ключевые векторы взаимодействия России и ЕС на современном этапе сотрудничества, механизмы реализации дорожных карт" для формирования четырех общих пространств (экономического пространства; пространства свободы, безопасности и правосудия; пространства внешней безопасности; пространства науки и образования). Проанализированы основные исторические факторы, влиявшие на формирование отношений и взаимодействий между ЕС и Россией. По своему характеру цели и задачи, поставленные в четырех Дорожных картах, а также меры и действия, предусмотренные в них для создания четырех общих пространств, представляли собой план и области развития отношений между Россией и ЕС на ближайшую перспективу. Однако с учетом действия санкционного режима ЕС в отношении России их реализация, прежде всего, в сфере экономики и внешней безопасности, крайне затруднена.

Ключевые слова: Россия, Евросоюз, сотрудничество.

N.M. Morozova

Associate professor, Dobroljubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod; deputy director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia

D.A. Leushkin

Stud., Dobroljubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE EU

Abstract: The article outlines the key vectors of interaction between Russia and the EU at the present stage of cooperation, the mechanisms for implementing the "roadmaps" for the formation of four common spaces (economic space; space of freedom, security and justice; space of external security; space of science and education). The main historical factors influencing the formation of relations and interactions between the EU and Russia are analyzed. By their nature, the goals and objectives set in the four Road Maps, as well as the measures and actions provided for in them to create four common spaces, represented a plan and areas for the development of relations between Russia and the EU in the near future. However,

given the effect of the EU sanctions regime on Russia, their implementation, primarily in the sphere of economy and external security, is extremely difficult.

Keywords: Russia, EU, cooperation.

Формирование взаимоотношений

Основой того, что сейчас известно как Европейский Союз, было «Общество угля и стали», основанное в 1946 году (1951, «Европейская ассоциация угля и стали»), которое регулирует движение этих стратегически важных товаров между Францией и Германией. В 1958 году был создан прототип «Общего рынка», в который вошли Франция, Германия, Италия и страны Бенилюкса [1]. Европейская интеграция была запущена, развита и получила импульс. 1973 – Великобритания, Ирландия и Дания; 1981 – Греция, 1986 – Испания и Португалия; 1990 – территория Германской Демократической Республики, которая стала частью Федеративной Республики Германия, в 1995 году Австрия, Швеция и Финляндия вступили в ЕС. Официальные отношения на уровне СССР-ЕС были установлены 2 марта 1989 года после вручения верительных грамот и открытия Постоянного представительства СССР при ЕЭС в Брюсселе. 23 декабря 1991 года Европейский Союз полностью признал Россию преемницей бывшего Советского Союза, а 24 июня 1994 года было заключено двустороннее соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией. Первое заседание Совета сотрудничества Россия-ЕС состоялось в Лондоне 27 января 1998 года [2].

21-22 июня 1993 г. на сессии ЕС в Копенгагене было выдвинуто предложение о проведении регулярных встреч президентов Совета Европы и Европейской комиссии с Президентом России (в формате «один плюс два»). Первая встреча по этой формуле состоялась в Москве 11 ноября 1993 года. Эта встреча положила начало регулярному политическому диалогу между ЕС и Россией. Идея ОЕЭП была предложена Романо Проди в 2001 году на саммите Россия-ЕС и работа реализации данного пространства длилась вплотную до 2014 года.

ЕС и Россия с начала 2000-х постепенно продвигаются к диалогу равных: они совместно финансировали проекты и формировали области стратегического интереса. Следует отметить, что ЕС является основным торговым партнером России, компании из ЕС являются основными инвесторами в России до настоящего времени, а Россия, в свою очередь, является основным поставщиком энергоресурсов в ЕС. До 2014 года отношения Россия-ЕС находились в фазе активного подъема, но 6 марта 2014 года на экстренном саммите ЕС было решено, что «в отсутствие ослабления напряженности в Крыму» ЕС будет применять «меры давления на Россию». С тех пор диалог сторон значительно ухудшился. Расхождение обострилось в 2014-2015 годах, когда российские парламентарии в ПАСЕ были лишены ряда прав из-за позиции по Крыму, и когда была приостановлена работа формата G8. Утверждение документа Второго минского соглашения ноября 2015 года не привело к каким-либо активным действиям сторон, и за 5 лет существования

документа почти ничего сделано не было. Расхождения во мнениях относительно режима Б. Асада в Сирии (по ситуации на 2019г.) и в целом вооруженного конфликта показывает отдаленность ЕС и России. Но эксперты утверждают, что предпосылки для улучшения российско-европейских отношений всё еще есть [3].

Украинский кризис и его влияние на взаимодействие России и ЕС

ЕС вместе с США стал одним из главных зачинщиков украинского кризиса [4]. Цель была та же, что и во время Оранжевой революции, – провести еще одну цветную революцию, чтобы прозападные политики пришли к власти в Украине. После воссоединения Крыма с Россией и начала войны на Донбассе отношения между Россией и ЕС значительно ухудшились. Также ЕС занял и продолжает занимать чисто антироссийскую позицию по поводу гибели малазийского Боинга под Донецком. На самом деле позиции России и ЕС по украинскому кризису диаметрально противоположны. Кризис в Украине, несомненно, является самой серьезной угрозой безопасности для постбиполярной Европы. Фундаментальное расхождение между Россией и ЕС в подходе к этому внутреннему конфликту пока не дает оснований надеяться, что они скоро достигнут взаимопонимания. Понятно, что на Западе совсем иначе, чем в России, видят отправную точку событий, которые произошли на Украине, что определяет дальнейший анализ и выводы политиков, экспертов, политологов и СМИ. Это оставляет Москве, по-видимому, мало надежды на скорое изменение курса стран-членов ЕС в отношении Российской Федерации, приостановление и снятие антироссийских санкций [5].

Конфликт между РФ и ПАСЕ

Отношения между Россией и Советом Европы переживают сложный период. Конфликт обострился в 2014-2015 годах, когда российские парламентарии были лишены ряда прав из-за позиции по Крыму. Москва заявила о невозможности работать в таких условиях и прекратила участие в заседаниях [6]. В следующем году организация не только не сняла санкции, но и ввела новые ограничения. Российская сторона заявила о невозможности работать в таких условиях, прекратила участие во встречах, а с 2016 года не направила документы, необходимые для аккредитации своей делегации. В конце июня 2017 года конфликт между Москвой и Страсбургом вышел на новый уровень, Россия заявила, что намерена прекратить выплачивать часть взносов в бюджет Совета Европы на 2017 год до полного восстановления полномочий российской делегации в ПАСЕ. На апрельской сессии 2019 года ПАСЕ приняла резолюцию, в которой призвала российскую сторону сформировать свою делегацию, а также внести взнос в бюджет Совета Европы. ПАСЕ призвала к активному диалогу между всеми заинтересованными сторонами с целью сохранения общеевропейской миссии Совета Европы. В июне 2019 г. российская делегация вернулась в ПАСЕ.

Исключение РФ из G8

В 2006 году Россия стала председателем G8, местом проведения 32-го саммита тогда стал Константиновский дворец в Санкт-Петербурге. В 2014 году

Россия вновь председательствовала в G8, а местом проведения саммита был выбран Сочи. Однако в результате событий на Украине и последующего кризиса в отношениях США и Европы с Россией западные члены Ассоциации решили вернуться к формату «семерки». Они не могли исключить Россию из G8, потому что такой процедуры просто не существует. Члены должны были объявить о приостановке своего участия в Группе восьми, чтобы заморозить формат. В 2018 году, в преддверии саммита G7 в Ла-Мальбе, Канада, Д. Трамп высказался за повторное присоединение России к Группе семи [7]. По его мнению, Россия должна быть на встрече, быть ее участником. Позже его поддержал председатель Совета министров Италии Джузеппе Конте. Однако, Россия находится под санкциями стран «семерки», и гипотетический возврат России к этому формату при неизменных обстоятельствах означал бы осознанное признание неравенства прав и возможностей ее участников.

Введение и пролонгация санкций ЕС в отношении РФ

6 марта 2014 года на экстренном саммите ЕС было решено, что «в отсутствие ослабления напряженности в Крыму» ЕС будет применять «меры давления на Россию». В то же время переговоры о безвизовом режиме и новом базовом соглашении о сотрудничестве были приостановлены. Затем ЕС ввел три пакета санкций против России: персональные, секторальные и так называемый крымский пакет. Первоначально ограничительные меры были введены в течение шести месяцев, затем они начали обновляться раз в полгода. 29 января 2015 года Совет ЕС на уровне министров иностранных дел продлил на шесть месяцев санкции против физических и юридических лиц Российской Федерации и ополченцев в Украине. Во время санкций черный список неоднократно корректировался (несколько человек, включенных в него, погибли или были убиты). 12 сентября 2019 года Европейский союз продлил на шесть месяцев отдельные ограничительные меры в отношении 170 физических и 44 юридических лиц России и Украины, срок действия которых истек 15 сентября [3].

Второе минское соглашение

Этот документ был согласован 11-12 февраля 2015 года на саммите в Минске лидерами Германии, Франции, Украины и России в формате «нормандской четверки» и подписан Контактной группой по мирному урегулированию ситуации в Восток Украины, состоящий из представителей Украины, России, ОБСЕ и непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик. Позднее минские соглашения были утверждены специальной резолюцией Совета безопасности ООН. 26 ноября 2015 года представитель Украины в Контактной группе по Украине Леонид Кучма заявил, что Минские соглашения не могут быть полностью выполнены до конца 2015 года. 30 декабря лидеры стран «нормандской четверки» договорились об окончательном продлении Минских соглашений на 2016 год. Таким образом, за почти 5 лет, прошедшие с момента подписания Минских соглашений, практически ни один из их пунктов не был реализован.

Сирийское урегулирование

Вооруженный конфликт в Сирии начался весной 2011 года как локальное гражданское противостояние и постепенно перерос в восстание против режима Башара Асада, в который со временем не только основные государства региона, но и международные организации, военно-политические группы и мировые державы стали вовлеченными. Изначально Брюссель был убежденным противником Б. Асада, и за 2018-19 гг. позиция ЕС не претерпела изменений. Брюссель, судя по всему, пытается убедить региональных игроков потерпеть Б. Асада еще несколько лет – период политического перехода, но при этом забывает, что у сирийского президента есть собственные планы на будущее, повлиять на которые не может даже Россия.

Российский подход к сирийскому кризису не менялся. Впрочем, Москва меньше стала говорить о том, что не держится за Б. Асада, но по-прежнему осторожно дает понять, что все возможно, если на то будет свободное волеизъявление сирийцев. В отличие от европейской, российская дипломатия неустанно подчеркивает необходимость не только политического урегулирования, но и борьбы с «Исламским государством» [8].

Торгово-экономическое сотрудничество

Позитивное влияние вступления России в ВТО в 2012 году, к сожалению, было компенсировано последствиями новых российских требований к локализации производства, политикой импортозамещения, а также ухудшением экономической ситуации в России. В связи с этим объем двусторонней торговли между ЕС и Россией снижается в течение последних 7 лет, начиная с 2012 года, в результате чего Россия переместилась с 3-го на 4-е место среди ключевых торговых партнеров ЕС. Тем не менее, ЕС по-прежнему является ключевым торговым партнером для России: например, в 2018 году товарооборот между ЕС и Россией достиг 253,6 миллиарда евро, что составляет около 42,8% российского товарооборота [7].

В свою очередь, Россия является 4-м по величине и ключевым торговым партнером ЕС и 4-м крупнейшим импортером товаров из ЕС (85,3 млрд евро на конец 2018 года). В то же время РФ является третьим ключевым поставщиком товаров в ЕС (168,3 млрд евро на 2018 год) [7]. Импорт товаров из России в ЕС увеличился на 16,7% в 2018-19 годах. Увеличение произошло за счет роста импорта энергоносителей в ЕС, доля которого составляет около 70% от общего импорта товаров из России в ЕС. В то же время ЕС является ключевым инвестиционным партнером России. Так, по данным ЦБ РФ, общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций в Россию из ЕС в 2018 году составил 235,2 миллиарда евро.

Факторы, мешающие полноценному сотрудничеству

Первым фактором является «фактор постсоветского пространства». Это, несомненно, останется одним из определяющих факторов в отношениях между Россией и ЕС, и российская сторона должна сформулировать свою повестку дня для этих территорий с учетом повестки дня, предложенной Европейским союзом и его странами-членами. Проблемы взаимодействия в регионе «общего

соседства» являются наиболее сложной частью отношений между Россией и Евросоюзом.

Вторым фактором служит мировой финансово-экономический кризис. Основные проблемы – это уменьшение количества инвесторов и уменьшение предложения экспорта, импорта.

Третий фактор - события в связи с военным авантюрой Грузии в Южной Осетии, которое способствовало «торможению» развития отношений между Евросоюзом и Россией. Специальная комиссия, созданная Европейским союзом для расследования причин трагических событий августа прошлого года на Кавказе, которую европейцы называли «Миссией правды», завершила свою работу. В Брюсселе глава комиссии швейцарский дипломат Хайди Тальявини представила итоговый отчет о проделанной работе, которая заняла около десяти месяцев. Этот отчет ясно указывает на вину Тбилиси в разжигании вооруженного конфликта на Кавказе. Заключительный фактор – в марте 2014 года европейские лидеры приостановили переговоры с Москвой о визовом режиме, и двусторонние саммиты прекратились. Воссоединение Крыма с Россией и конфликт на востоке Украины оказали значительное влияние на двусторонний политический диалог. В результате некоторые механизмы сотрудничества сейчас временно заморожены, и ранее были приняты санкции, чтобы побудить Россию пересмотреть свои действия в Украине. В то же время Россия по сей день остается территориальным партнером ЕС и стратегически важным игроком, способствующим решению локальных и глобальных проблем.

Возможные сценарии развития отношений Россия-ЕС

В отношениях Россия-ЕС представлены три гипотетических сценария в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Ключевым фактором, который позволит реализовать самый позитивный сценарий, является изменение мышления равным образом, как в Москве, так и в Брюсселе. Без этого любые другие изменения не могут гарантировать успешного разрешения кризиса.

1. Зстой является наиболее вероятным сценарием, поскольку ни Москва, ни Брюссель еще не показала готовность изменить свою линию. Стороны будут продолжать «управлять» политическими и дипломатическими конфликтами. Экономическая взаимозависимость будет продолжать играть стабилизирующую роль. Однако взаимная диверсификация потоков энергии может ускориться. Тяжесть конфликта на востоке Украины несколько снизится по сравнению с текущей ситуацией, соглашение о прекращении огня будет в целом соблюдаться, но о политическом решении речи не идет. Не будет дестабилизации ситуации в Приднестровье, не будет попыток «объединить» Россию и Белоруссию [9]. Политическое взаимодействие в Сирии и на Ближнем Востоке будет иметь взлеты и падения, но не остановится полностью. В случае отсутствия экономического роста в РФ Европейский неэнергетический бизнес начнет терять интерес к России из-за относительной слабости ее экономики и политических рисков.

2. Нормализация может произойти, если Россия придет к пониманию того, что нынешний тупик постепенно ослабляет ее позиции. В этом могут сыграть роль экономические и финансовые соображения, а также взгляды тех российских элит, которые хотели бы поддерживать связи с Европой. Однако если Европа сначала проявит инициативу – например, если произойдет смена руководства в таких странах, как Германия и Франция, и санкции будут ослаблены, то в лучшем случае произойдет так называемое укрепление «менталитета победителя», которое сегодня пронизывает умы российских политиков. Устойчивая нормализация отношений предполагает некоторую комбинацию прогресса в следующих областях:

- Конфликт в Украине будет частично разрешен, а не просто заморожен. В ответ на отмену западных санкций появится реальная перспектива реинтеграции юго-восточных территорий в Украину на условиях, приемлемых для Киева;

- удастся найти работающую модель взаимодействия в Сирии;

- будет заключено всеобъемлющее соглашение в области энергетики.

3. Ухудшение отношений. Этот сценарий также не исключен. В случае новой эскалации на востоке Украины ЕС будет вынужден отреагировать, тем более что Вашингтон, похоже, менее готов к прямому вмешательству. Европейские члены НАТО могут ответить увеличением военных расходов, что постепенно сделает военную конфронтацию основным фактором в отношениях. Мосты к взаимопониманию будут окончательно сожжены, если Россия начнет восприниматься в Европе как страна, которая намерена вмешиваться во внутренние дела стран ЕС: влиять на результаты выборов, финансировать радикальные партии и движения против истеблишмента и уничтожать Европейская кибербезопасность. В свою очередь, подобный эффект будет получен, если европейские лидеры предпримут действия, которые Москва сочтет умышленными провокациями, например, если начнется открытый процесс по «делу МН17», и Россия предстанет перед обвиняемым [8].

Отношения между Россией и ЕС инерционны, и сегодня они находятся на траектории конфликта, даже если общая ситуация все еще находится под контролем. Отношения между Москвой и Брюсселем улучшатся, когда Евросоюз накопит «критическую массу политической воли», отношения между сторонами далеки от нормальных, но все же политический диалог продолжается [10]. Обе стороны осознают необходимость выстраивания новой парадигмы отношений, которая должна основываться на прагматическом партнерстве. Предпосылки для улучшения российско-европейских отношений есть, однако неизвестно, сколько на это уйдет времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торкунов, А.В., Мальгин, А.В. Современные международные отношения. – М., 2012. – 288 с.

2. Богатуров, А.Д, Аверков, В.В. История международных отношений 1945-2008. – М., 2012. – 518 с.
3. Давлетгильдеев, Р.Ш., Вашурина, Е.В., Евдокимова, Я.В. Интеграция России в европейское исследовательское пространство // Современная Европа. – 2020. – №1.
4. Колтон, Т., Чарап, С. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Европу [Электронный ресурс] / Т. Колтон, С. Чарап – Режим доступа: <http://sg-sofia.com.ua/preodolenie-igri-s-otrizatelnoj-summoj> Дата обращения: 02.03.2020
5. Damen, M. Fact Sheets: EU-Russia relations // Fact Sheets on the European Union, 2015г. [Электронный ресурс] / Damen M. – Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/177/russia> Дата обращения: 11.03.2020
6. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Президент России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> Дата обращения: 21.03.2020
7. Дубинин, С.В. Европа и Россия в меняющемся мире // Вестник Европы. – 2018. – Том L.
8. Якунин, В.И. Россия и Европа: опорные точки для ведения диалога // ИнтелРос [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2016_05/1.pdf Дата обращения: 14.03.2020
9. Christen, E., Streicher, G., Fritz, O. Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward. – W., 2015. – 57 p.
10. Интервью Постоянного представителя России при ЕС В.А. Чижова // РИА Новости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20190607/1555352057.html> Дата обращения: 20.03.2020

УДК 325.1

Н.М. Морозова

к.полит.н., доцент, НГЛУ им Н.А. Добролюбова,
зам.директора ПРИФ ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород, Россия

А.Е. Маслов

студент-бакалавр, НГЛУ им Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Е.А. Зотенко

студент-бакалавр, НГЛУ им Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА МИГРАНТА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Аннотация: Представленная статья посвящена исследованию особенностей правового статуса мигранта в Германии. Правовой статус будет определять область прав, обязанностей, в каких-то случаях, и возможностей для мигранта. В статье анализируются нормативно-правовые основы, регламентирующие правовой статус мигранта в Германии.

Ключевые слова: Россия, Евросоюз, сотрудничество.

N.M. Morozova

Associate professor, Dobroljubov State Linguistics University, Nizhny
Novgorod; deputy director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia

A.E. Maslov

Stud., Dobroljubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

E.A. Zotenko

Stud., Dobroljubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

The Problem of the Legal Status of a Migrant
in the Federal Republic of Germany

Abstract: The presented article is devoted to the study of the legal status of a migrant in Germany. The legal status will determine the area of rights, duties, in some cases, and opportunities for a migrant. The article analyzes the legal framework governing the legal status of a migrant in Germany.

Keywords: migration, migrants, migration processes, integration of migrants, Germany, legal status.

На сегодняшний день значительное количество исследований в разных областях посвящено оценке воздействия иммиграции. Особое внимание уделяется влиянию миграционных процессов на социально-экономическую

сферу [1]. Авторы часто фокусируют внимание на воздействии феномена иммиграции на образ жизни местных жителей и во многих случаях полностью игнорируют вопрос о возможностях и «социальном самочувствии» мигрантов, уже проживающих на территории государства [2].

Именно поэтому, основной целью данного научного исследования стало системное изучение и детальный анализ современных международных документов и законодательных актов ФРГ о правовом положении беженцев с целью выявления особенностей их статуса в зависимости от происхождения.

Для достижения данной цели, мы поставили следующие задачи: выявление объема прав, свобод и обязанностей беженцев через анализ основных конституционно-правовых актов ФРГ, а также выявления оснований для отказа иностранцам в пребывании на территории ФРГ.

В этой работе рассматриваются четыре основных вопроса исследования: во-первых, какие основные стандарты в области прав человека поставлены на карту при применении политики ограничительной интеграции в отношении иммигрантов и беженцев. Во-вторых, какая национальная политика в области интеграции существует в Германии. Какова их форма и содержание. Являются ли они добровольными или обязательными. Каковы последствия невыполнения обязательных требований политики интеграции. В-третьих, каковы правозащитные последствия ограничительной политики интеграции. Основное внимание уделяется интеграционной политике, которая устанавливает условия или требования, которым должны соответствовать граждане третьих стран, чтобы воспользоваться преимуществами воссоединения семьи или получения долгосрочного проживания; и в-четвертых, существуют ли какие-либо национальные интеграционные практики, представляющие позитивные черты или составляющие «многообещающие практики» в содействии и поощрении социально-экономической интеграции и прав человека.

Под интеграционной политикой здесь понимаются меры государственной политики, включающие один или несколько из следующих компонентов: гражданская интеграция и языковые требования; и другие соответствующие меры политики, ограничивающие или предусматривающие санкции, затрагивающие возможность воссоединения семей и долгосрочного проживания граждан третьих стран, включая доступ к занятости, социальным пособиям и социальной помощи. Однако граждане стран, которые являются членами ЕС и которые квалифицируются как граждане Европы, члены их семей из третьих стран, граждане третьих стран с неурегулированным статусом, национальные меньшинства и лица без гражданства, выходят за рамки этого анализа.

Положения об интеграции также можно найти в Директивах ЕС в Blue Card, частично в Директиве об исследователях и студентах, а также в Директиве о квалификации, которая устанавливает критерии для претендентов на получение статуса беженца или дополнительной защиты.

Директивы о воссоединении семьи 2003/86 и долгосрочном проживании 2003/109 предусматривают конкретные положения об интеграционных

требованиях, которые устанавливают критерии для граждан третьих стран в отношении доступа к правам и гарантиям, например, прохождение обязательных языковых или гражданских интеграционных курсов или прохождение тестов.

Различные формулировки этих интеграционных положений используются в директивах, которые попадают под действие прецедентного права CJEU. Эти пункты могут упоминаться как интеграционные меры или условия интеграции. Между этими двумя понятиями существуют значительные различия в сфере действия законодательства ЕС. Эти различия обычно касаются степени ограничения и возможности применения обязательных, а не добровольных, интеграционных тестов, экзаменов или программ.

Статья 15 (3) указания «Blue Card», которая применяется к высококвалифицированным работникам из третьих стран, Статья 26 (3), касающаяся исследователей в Директиве (указание) исследователей и студентов, и Статья 19 (3) Директивы об ИКТ законодательно закрепляют привилегированный доступ к семье воссоединение в ЕС. Они предусматривают, что условия и меры интеграции, содержащиеся в последнем подпункте статьи 4 (1) и статьи 7 (2) Директивы о воссоединении семьи, могут применяться только после того, как членам семьи будет предоставлено разрешение на воссоединение семьи. Это не позволяет государствам-членам применять предварительные требования к интеграции для этих категорий граждан третьих стран.

В нескольких указаниях ЕС по миграционному праву рассматриваются вопросы интеграции, в основном связанные с равным обращением, доступом к работе, образованию, безопасному проживанию и праву на воссоединение семьи. Долгосрочный вид на жительство и воссоединение семьи традиционно рассматриваются в политике ЕС как ключевые компоненты для успешной интеграции, что отражено в преамбуле как указания о воссоединении семьи, так и Директивы о долгосрочном проживании.

В Германии существует программа воссоединения семей. В случае, если один из членов семьи обладает разрешением на жительство, разрешением на долгосрочное пребывание в ЕС, вид на жительство или Blue Card ЕС, то он имеет право перевезти своих членов семьи в Германию [3]. Граждане третьих стран, которым предоставлено право на убежище, которые являются признанными беженцами и имеющими право на дополнительную защиту, имеют равные возможности, что и люди с видом на жительство. Однако для получателей дополнительной защиты, в настоящее время в основном из Сирии, право на воссоединение семьи было приостановлено до 30 июня 2018 года и в настоящее время ограничено 1000 случаев в месяц. Как ранее отмечалось членом комиссии по правам человека, это ограничение серьезно и негативно влияет на право на семейную жизнь получателей дополнительной защиты.

Спонсор должен быть в состоянии обеспечить достаточное жилое пространство в соответствии с разделом 29 подраздела 1 номер 2 Закона о проживании [4]. Спонсор также должен иметь достаточные средства к

существованию для себя и членов своей семьи. Прожиточный минимум гражданина третьей страны считается безопасным, когда он или она может зарабатывать себе на жизнь, а также членам семьи (предполагаемое требование по обслуживанию), не прибегая к государственным средствам, игнорируя определенные государственные пособия. Это также включает медицинское страхование. Считается, что иностранец, зарегистрированный в государственном фонде медицинского страхования, имеет достаточную медицинскую страховку [5]. Супруги и зарегистрированные партнеры обычно должны быть не моложе 18 лет в соответствии с частью 1 статьи 30, предложение 1, номер 1 Закона о проживании [6].

В 2019 году Германия приняла спорный пакет законопроектов, в результате которого произошли серьезные изменения в миграционной политике страны после ожесточенных дебатов в парламенте.

Пакет включал в себя так называемый закон «упорядоченного возвращения» (Geordnete-Rückkehr-Gesetz), который облегчает депортацию, нуждающимся в убежище, мигрантов, и расширяет соответствующие полномочия полиции и миграционных властей.

Цель нового закона, согласно его предварительному варианту [7], состоит в том, чтобы «значительно увеличить» число депортаций. По данным Министерства внутренних дел, примерно половина из запланированных 188 000 депортаций из Германии с 2015 года провалилась или не была проведена [8].

Тем не менее, данный пакет, также включал меры по улучшению доступа к рынку труда Германии для квалифицированных мигрантов. Например, мигранты без статуса беженца, прибывшие до прошлого лета, могут остаться на время, если у них есть работа и они говорят по-немецки. Кроме того, он отменил предыдущие правила, которые требовали от немецких работодателей доказать, что они не нашли ни одного гражданина Германии или другого гражданина ЕС, который мог бы устроиться на работу для того, чтобы нанять квалифицированного мигранта, не входящего в ЕС.

Меры по борьбе с нелегальной миграцией в Германии происходит не только при въезде в страну, но и при последующем пребывании иностранных граждан в стране. В основном они сводятся к следующим моментам: контроль над законностью пребывания иностранных граждан. Огромное количество иностранцев становятся нелегальными после разрешенного въезда на территорию данной страны (например, по туристическим визам) и в результате последующего нелегального трудоустройства. Незаконное проживание за пределами установленного срока может быть наказано лишением свободы на срок до одного года или штрафом; санкции, налагаемые на работодателей за прием на работу нелегальных мигрантов без наличия соответствующих разрешений у тех и других. В нарушение действующих законов к работодателям, занимающимся нелегальным трудоустройством, применяются административные или уголовные санкции. Лица, занимающиеся контрабандой иностранных граждан или заставляющие их работать без

надлежащего разрешения, будут оштрафованы на сумму до 100 000 евро или лишены свободы на срок до трех лет. При особых обстоятельствах (например, нелегальное трудоустройство на высокорентабельных работах) немецкие работодатели будут подвергнуты тюремному заключению максимум на пять лет или штрафу в размере до 500 000 евро.

Вместе с другими странами Германия усердно борется с коренными причинами перемещения и нелегальной миграции. В то же время Германия принимает юридические и гуманитарные обязательства по оказанию помощи тем, кто был вынужден покинуть свои дома, особенно путем предоставления финансовой помощи странам, которые приняли беженцев в своих регионах проживания. По данным UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees), около 84 процентов беженцев и перемещенных лиц в настоящее время проживают в развивающихся странах.

Снова и снова люди, спасающиеся от преследований и войн, нашли свой путь в Германию. Иногда это отдельные лица, а иногда и более крупные группы, в том числе вьетнамские «лодочники» в 1970-х годах, беженцы от гражданской войны, которые в 1990-х годах разорвали Югославию, и люди, которые с 2015 года бежали от гражданской войны в Сирии.

Ни в одной стране мира нет неограниченных возможностей принимать людей, ищущих защиты. Миграция должна быть управляемой. И только если люди, которые обращаются к нам в поисках защиты и которые имеют право оставаться здесь, действительно интегрированы в наше общество, они могут успешно работать. Это означает, что они должны найти жилье, выучить немецкий язык, познакомиться с законами и обычаями принимающей страны, найти работу и участвовать в жизни общества.

Таким образом, следует отметить, что Германия находится на грани принципиального решения в сфере регулирования миграционными процессами. Необходимо адаптироваться к новой реальности экономики, инфраструктуры и социального обеспечения. Поэтому наиболее актуальной национальной задачей в области миграции является необходимость постоянного определения баланса между интересами иммигрантов и основными демократическими и социальными приоритетами государственной власти в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Borjas, 2017; Card, 1990; Ceritoglu et al., 2017; Jaeger et al., 2018; Peri and Yasenov, 2019; Tumen, 2016; Fallah et al., 2019), crime rate (Bell et al., 2013; Bianchi et al., 2012; Butcher and Piehl, 1998; Dehos, 2017; Huang and Kvasnicka, 2019; Mastrobuoni and Pinotti, 2011; Spenkuch, 2014), housing market (Kürschner Rauck and Kvasnicka, 2018; Tumen, 2016), education (Brunello and Rocco, 2013; Brunello et al., 2017; Hunt, 2017), health (Escarce and Rocco, 2018), political outcomes (Harmon, 2018).

2. Гризовская, Д.В. Миграционные процессы в Германии во второй половине XX – начале XXI века // Вестник ЧелГУ. – 2017. – №5 (401).

3. Grote, J. «Family reunification of third-country nationals in Germany», Focus-study by the German National Contact Point for the EMN, Working Paper (2017) [Электронный ресурс] / Grote J. – Режим доступа: www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Publikationen/EMN/Studien/wp73-emn-familiennachzug-drittstaatsangehoerige-deutschland.html?nn=3838642 Дата обращения 30.03.2020.

4. Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Inneres und Heimat (4. Ausschuss). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/107/1910706.pdf> Дата обращения 09.04.2020

5. Rund die Hälfte aller Abschiebungen seit 2015 gescheitert» // WELT. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article189541857/Innenministerium-Rund-die-Haelfte-aller-Abschiebungen-seit-2015-gescheitert.html> Дата обращения 09.04.2020

УДК 321.02

И.С. Палитай

к.с.н., доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация: В статье автор описывает субъект-объектный характер молодого поколения по отношению к политической системе, а также особенности процесса политического рекрутирования и его основных каналов.

Ключевые слова: Политическое лидерство, молодежь, рекрутинг, каналы политического рекрутирования.

I.S. Palitay

PhD in social Sciences, associate professor,
Moscow State University, Moscow, Russia

INSTITUTIONAL PROCESS FEATURES YOUTH POLITICAL LEADERSHIP

Abstract: The author describes the subject-object character of the young generation in relation to the political system, as well as the features of the process of political recruitment and its main channels.

Keywords: Political leadership, youth, recruitment, political recruitment channels.

Введение

Если обратиться к истории нашей страны с точки зрения системы рекрутирования кадрового состава, то мы заметим, что в советское время было множество идей и подходов, но все они, в основном, сводились к встраиванию во властную иерархию людей, имеющих опыт восхождения по этой лестнице. После распада Союза и образования Российской Федерации едва ли можно было говорить о какой бы то ни было системе или стратегии в процессе обновления власти, несмотря на то, что именно в первое десятилетие существования нового государства на федеральном уровне власть обновилась на 58,5 %, а на региональном – на 30,8 % [1, с. 122]. Ряд исследователей считает, что ротация проводилась «бессистемно, неоправданно быстрыми темпами, без учета возможных отрицательных последствий» [2, с. 45]. В 2011 г. 27% государственных гражданских служащих были моложе 30 лет, а в возрасте 30-49 лет было порядка 52% от всего кадрового состава [1, с. 123]. Однако, если посмотреть не на чиновников, а на политиков того времени, то их возраст составлял 52,6 года, а в 2017 году вырос до 55,5 лет [3].

Необходимость ротации и стадиальности изменений качественного и персонального состава политической элиты была отмечена еще В. Парето. Именно эти условия, по мнению ученого, дают возможность политической элите не вырождаться и эффективно отвечать на возникающие вызовы, минимизируя грубые политические ошибки [4]. На сегодняшний день эти требования к элите выглядят еще более актуально, поскольку в настоящее время в нашей стране наблюдается старение населения из-за отрицательной демографической динамики. Помимо этого, необходимо учесть, что происходящий на сегодняшний день процесс цифровизации и достаточно высокая ритмо-динамика всех происходящих в мире и в обществе событий требует более гибкого сознания от людей, принимающих решения, и умения быстро реагировать. Как результат – происходит усиления роли молодежи в протекающих социально-экономических и политических процессах, поскольку именно она является «важным актором преобразований: от ценностных, культурных, до глобальных экономических и политических процессов» [5, с. 20].

Все это актуализирует вопрос омоложения кадрового состава среди политиков и, соответственно, налаживания системы рекрутирования, что в своей совокупности представляет некоторые аспекты формирования института молодежного политического лидерства.

Субъект-объектный характер молодого поколения в политике

Говоря о процессе формирования института молодежного политического лидерства, который способен обеспечить молодежными лидерами и квалифицированными кадрами органы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, необходимо уделить внимание процессу взаимодействия политической системы с молодым поколением российских граждан, где оно выступает одновременно и как объект, и как субъект воздействия. При этом под молодым поколением мы будем понимать людей в возрасте от 18 до 35 лет.

Сложившиеся в нашей страны социально-экономические и политические условия, способствуют тому, что молодежь все больше проявляет свою субъектность в политическом процессе [6]. На формирование политических установок в соответствующих моделях поведения оказывает влияние также личностные, социальные, культурные изменения, происходящие на сегодняшний день не только внутри страны, но и в мире в целом.

Всю политически активную молодежь можно разделить на две категории: одна из них проявляет свою субъектность в качестве системного участника политических процессов, другая – находится вне системы и зачастую носит оппозиционный характер [7]. Стартовой площадкой для первых из указанных групп чаще всего являются молодежные формальные и неформальные движения, после которых они осуществляют свою деятельность в политических партиях, различных движениях, в федеральных и региональных организациях. По мнению Мясоедовой В.А., «высокая политическая активность молодежи может объясниться тем, что на политической арене России

фактически нет молодежных лидеров, за которыми могло бы пойти молодое поколение. Поэтому молодежная общность все чаще предпринимает попытки самостоятельно выделить из своей среды этих лидеров – молодых политиков, обладающих определенным личностным потенциалом, способных выражать интересы всей молодежи» [5, с. 21]. Будучи активным участником политических процессов, представители молодой элиты представляют собой определенную прослойку властной элиты страны, за которой в будущем принятие решений и определение вектора развития государства.

Вторая составляющая политически активных молодых людей зачастую реализуют свою субъектность в качестве противников действующей власти. Как показали исследования, проведенные кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, запрос на подобного рода активизм либерального характера довольно ярко проявился примерно в 2010 году, что позднее дало о себе знать в протестных выступлениях 2011-2012 гг. [8].

Причинами того, что современное молодое поколение российских граждан, будучи в целом не самой политически активной частью населения, склонно к протестным действиям, исследователи называют и внутреннюю характеристику культуры цифрового гражданства, и достаточно большую роль социальных медиа, которые сегодня формируют отличную от общепризнанных систему ценностных ориентиров и, соответственно, вполне определенную стратегию поведения. [9].

Указанные обстоятельства ведут к тому, что на сегодняшний день идет настоящая война за сознание молодых людей и, как следствие, происходит активизация различных политических институтов в направлении, связанном с формированием представлений, системы ценностей и политического сознания молодого поколения. Одним из основных способов реализации данного вида деятельности является процесс политического рекрутинга, в ходе которого молодые люди представляется объектом воздействия политической системы.

Особенности процесса политического рекрутинга

Говоря о необходимости формирования института молодежных политических элит в современных условиях, стоит отметить, что на первый план здесь выходят принципы и механизмы отбора кандидатов в элиту, то есть *процесс рекрутинга*, под которым зачастую понимается «исторически сложившаяся практика и способ взаимодействия индивидов, связанные с изменением их властно-политического статуса», а также малоизученные на сегодняшний день особенности и модели карьерного роста и каналы рекрутации [10, с. 72]. В процессе рекрутирования молодых политических лидеров выделяются разные составляющие (системы, каналы, механизмы и пр.). Ниже мы рассмотрим существующие каналы рекрутирования, под которыми в традиционном политологическом смысле принято считать институциональные пути продвижения людей к вершинам властной иерархии.

Основными каналами рекрутирования молодых политических лидеров в современной России принято считать следующие:

- политические партии и их молодежные отделения;
- молодежные движения и организации политической и неполитической направленности федерального и регионального уровней;
- молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти;
- органы государственной и муниципальной власти (бюрократический аппарат).

Рассмотрим конкретные примеры работы этих каналов.

В 2017 г. федеральные органы власти в лице Администрации Президента РФ запустили конкурс «Лидеры России», который был направлен на обновление управленческого корпуса и своей главной задачей ставил поиск перспективных менеджеров нового поколения. В результате данного проекта 45 его участников получили новые назначения, в том числе в Администрации Президента РФ, федеральных и региональных органах исполнительной власти и различных корпорациях [11]. В 2020 г. был не только набран второй состав участников, но и начал работать подконкурс «Лидеры России. Политика», который им имеет своей целью выявление перспективных лидеров, обладающих необходимыми знаниями, навыками и мотивацией для законотворческой деятельности.

Партией «Единая Россия» за последние 15 лет было реализовано два крупных проекта, направленных на вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны, рекрутирование молодых людей в органы законодательной власти в рамках предвыборных кампаний.

Первым можно считать проект «Политзавод» (2006 г.), реализованный с целью привлечь молодежь в качестве депутатов в представительные органы власти. Результатом явилось то, что в составе Государственной Думы пятого созыва фракция этой партии насчитывала 34 депутата моложе 35 лет [12]. В 2011 году был осуществлен второй проект – проведены «Молодежные праймериз – 2011», нацеленные на отбор кандидатов на региональные и федеральные выборы. Всего в возрасте 21-35 лет было 1900 участников. Участниками были 1900 молодых людей в возрасте от 21 до 35 лет. Победители и призеры проекта имели возможность участвовать в предварительном народном голосовании для определения кандидатур в списки партии на выборах депутатов Государственной Думы или выдвигаться на внутрипартийное голосование в рамках региональных и муниципальных выборов.

Коммунистическая партия РФ в Центре Политической учебы ЦК КПРФ регулярно проводит обучение молодых коммунистов. Для слушателей проводят курс лекций по марксистско-ленинской философии, основам политэкономии, критике фальсификаций истории СССР и другим идейно-теоретическим дисциплинам.

У партии ЛДПР есть образовательный проект «Лидеры ЛДПР 3.0». В 2019 гг. в разных регионах страны (г. Брянск, г. Санкт-Петербург, г. Сочи, г.

Нижний Новгород) прошли обучение более 200 руководителей региональных отделений партии и активистов молодежных организаций, местных отделений ЛДПР. Наряду с вопросами партийного строительства, нюансами работы с избирательными комиссиями, законодательными инициативами, особое внимание уделялось диагностике и развитию лидерского потенциала участников, созданию личного бренда и бренда организации.

Партия «Справедливая Россия» (СР) с 2015 года реализует партийный проект «Молодежный кадровый резерв “Справедливой России”». Обучение проходит в форме деловой игры, связанной с проведением выборов. По данным на начало 2018 года двенадцать представителей проекта стали депутатами законодательных органов различных уровней власти, четверо возглавляют региональные отделения партии. 27 октября 2018 года прошел Первый Всероссийский слет выпускников Молодежного кадрового резерва СР.

Молодежные движения и организации политической и неполитической направленности способствуют повышению социальной активности молодых людей, включению их в социально значимую деятельность, развитию их лидерского потенциала, образовательного уровня и профессиональной компетентности. Можно привести примеры конкретных проектов, направленных на поддержку молодых лидеров: Саммит студенческих лидеров стран ШОС (Всероссийский студенческий союз), Форум молодых политологов «Дигория» (Молодежное отделение Российского общества политологов), Всероссийская кадровая школа молодёжных НКО (Российский союз молодежи), Всероссийская школа студенческого самоуправления «Лидер 21 века» (АСО России), Образовательный семинар для молодых парламентариев и молодёжных лидеров России (Ассоциация общественных объединений «Национального совета молодёжных и детских объединений России»), *стажировка для лидеров волонтерских центров, НКО и государственных организаций Российской Федерации (Ассоциация волонтерских центров РФ).*

Молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные общественные палаты, молодежные избирательные комиссии) являются значимым институтом политической социализации молодежи и вовлечения ее в политическую деятельность. Данные институты развиваются в нашей стране с 2000-х годов и в настоящее время существуют и действуют (с разной степенью активности и результативности) во всех регионах России. Несмотря на то, что формально задача содействия формированию, подготовке и обучению кадрового резерва для органов исполнительной власти регионального и муниципального уровней стоит только перед молодежными правительствами [13, с. 60], в реальности все эти институты являются средой для подготовки политических лидеров и управленческих кадров.

Органы государственной и муниципальной власти осуществляют рекрутирование молодых лидеров как в процессе своей непосредственной деятельности (путем приема на работу в индивидуальном порядке), так и через

специальные проекты, например, «Кадровый резерв». В России осуществляется формирование кадрового резерва на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В настоящее время существует Президентский резерв управленческих кадров, федеральный резерв управленческих кадров, региональный резерв управленческих кадров, из которого вышли четверо из министров нового Правительства РФ (Министр экономического развития Максим Решетников, Министр труда и социальной защиты Антон Котяков, Министр здравоохранения Михаил Мурашко, Министр науки и высшего образования Валерий Фальков). Такие специальные программы для привлечения кадров для государственных институтов, как «Президентская сотня», «Президентская тысяча», «Кадровый резерв — Профессиональная команда страны», получили широкую общественную известность и в определенной степени являются эффективным каналом формирования когорты потенциальных руководителей государственных структур.

Заключение

Таким образом, сегодня довольно активно идет процесс формирования института молодежного политического лидерства, что является весьма своевременным ответом на вызовы современности. Однако стоит отметить, что несмотря на достаточно успешный опыт реализации описанных в статье программ и каналов рекрутирования, в настоящее время у молодого поколения (в том числе и у молодых политиков) наблюдается несформированность системы ценностей и национальных интересов, что подтверждает ряд политико-психологических исследований [14; 15, с. 356-364].

Помимо этого, как отмечает Мясоедова В.А., в качестве социально-экономической основы активизации профессиональной деятельности молодежи в политической сфере, необходимой при формировании обозначенного института, выступают:

- «результаты» государственной политики (состояние политико-правовой, социально-экономической др. сфер);
- само государство (в т.ч. его стратегии и приоритеты развития);
- мотивационные аспекты (престиж, власть и пр.)
- гражданское общество [5, с. 22].

Все это ведет к тому, что требуются достаточно серьезная работа в указанных направлениях, поскольку обозначенные в статье каналы и формы рекрутинга, а также различные технологии, методы и инструменты поиска, отбора, развития и сопровождения молодых политических лидеров [16], зачастую, носят фрагментарный характер, и в условиях необходимости становления и развития института молодежного политического лидерства требуют значительных усилий по своей оптимизации и систематизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слатинов, В.Б. Кадровый состав государственных гражданских служащих в постсоветской России: факторы, условия и особенности

трансформации // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. С. 120 – 123.

2. Государственная кадровая политика: концептуальные основы, приоритеты, технологии реализации / Под ред. С.Пирогова. – М.: РАГС, 1996.

3. Osborn, A. Putin plan to rejuvenate Russian politics makes slow progress // Reuters. 2017. November 20 [Электронный ресурс] / Osborn A. – Режим доступа: URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-election-putin-analysis/putin-plan-to-rejuvenate-russian-politics-makes-slow-progress-idUSKBN1DK14E>. Дата обращения: 6.04.2020

4. Pareto, V. The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1966.

5. Мясоедова, В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН, серия Политология. – 2016. – №4. С. 19-28.

6. Самсонова, Т.Н. О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 7. С. 18-24.

7. Палитай, И.С. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2019. – № 3. С. 7-22

8. Шестопад, Е.Б., Ракитянский, Н.М., Смутькина, Н.В., Палитай, И.С. и др. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. Круглый стол журнала “Полис” и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова // Полис. Политические исследования. – 2013. – №6. С. 46-63.

9. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. С. 3-18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>

10. Покатов, Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. – 2019. – Том 6, вып. 1. С. 71-97.

11. «Лидеров России» устроили в администрацию президента // lenta.ru. 2018. 12 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/12/lideru>. Дата обращения: 06.04.2020.

12. Турчак, А. Между друзьями не должно быть недомолвок // Молодая гвардия. 2008. 20 октября [Электронный ресурс] / Турчак А. – Режим доступа: URL: <http://www.molgvardia.ru/nexthday/2008/10/16/2253>. Дата обращения: 06.04.2020

13. Вихорева, М.В., Черепанов, Д.А. Роль молодежных правительств в профессиональной подготовке кадров для государственной службы //

Государственное регулирование и устойчивое развитие муниципальных образований: сб. науч. тр. Иркутск. – 2012. – Вып. 5. С. 59-64.

14. Палитай, И.С. Политико-психологический анализ молодого поколения российских политиков: итоги научно-исследовательского проекта // Апгрейд социальных проектов: этапы стартапа. Обновление 2025: всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: 24-25 октября 2019 г. - Ульяновск: Зебра, 2019. - С. 114-119.

15. Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б.Шестопал, А.В.Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 448 с.

16. Палитай, И.С., Селезнева, А.В., Попова, С.Ю. Наставничество как технология работы с молодыми лидерами в современной России: психологические основания и возможности реализации // Образование личности. – 2019. – №3-4. – С. 19-27.

УДК 323.2

Д.И. Попов

д.и.н., профессор, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

**СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В ЖУНЧЭНЕ:
ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПИЛОТНОГО ПРОЕКТА
В НАЧАЛЕ XXI В.**

Аннотация: В статье характеризуются содержание и результаты эксперимента по строительству региональной системы социального кредита в городском уезде Жунчэн (провинция Шаньдун, Китай).

Ключевые слова: Китай, Жунчэн, социальное управление, система социального кредита, эксперимент.

D.I. Popov

Doctor of historical sciences, professor,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

**RONGCHENG SOCIAL CREDIT SYSTEM: EXPERIENCE
IN IMPLEMENTING A PILOT PROJECT AT THE BEGINNING OF
THE XXI CENTURY**

Abstract: The article defines the content and results of the experiment on the construction of a regional social credit system in Rongcheng urban area (Shandong province, China).

Keywords: China, Rongcheng, social management, social credit system, experiment.

В 2014 г. Государственный совет КНР объявил о начале широкомасштабной реформы социального управления – создании всекитайской системы социального кредита, представляющей собой механизм комплексного управления общественной стабильностью в стране. С помощью этого механизма предполагалось эффективно реагировать на многочисленные и разнообразные проблемы государственного управления, экономического и социально-политического развития Китая не с помощью исключительно репрессивных методов или политической либерализации, а посредством технократических стратегий, основанных на постоянно совершенствующихся информационных технологиях. В опубликованном 14 июня 2014 г. директивном документе «Плане строительства системы социального кредита (2014–2020 гг.)» (далее - «План строительства») были намечены основные цели, принципы, а также самые общие контуры преобразований [1].

На центральном уровне первые шаги по реализации «Плана

строительства» имели ограниченный характер, акцент был сделан на создание Всекитайской объединенной платформы кредитной информации, призванной осуществлять сбор, обработку, хранение огромного массива данных о юридических и физических лицах, а также обмен этими данными между местными и центральными органами власти, отраслевыми, региональными системами социального кредитования, а также в будущем национальной кредитно-рейтинговой системой, формирующей и хранящей кредитные истории граждан КНР. Опираясь на многочисленную и разнообразную информацию о государственных и частных компаниях, а также о китайских гражданах, партийно-государственное руководство КНР в 2016 г. получило возможность запустить ключевой механизм всей конструкции – систему стимулов и ограничений. Опубликованный в январе «Меморандум о сотрудничестве в сфере совместного наложения мер дисциплинарной ответственности в отношении лиц, утративших доверие» явился результатом совместной работы 45 партийных и государственных органов и ввёл в действие так называемую Объединённую систему наказаний за неправомерное и дискредитирующее поведение [2]. Списки утративших доверие лиц публикуют две специально созданные «кредитно-информационные платформы» - «Credit China» и «Национальная система публичного информирования о кредитоспособности компаний». В частности, в «черных списках», размещаемых на интернет-платформе «Credit China» оказываются имена нарушителей правил пользования общественным транспортом, граждан, уклоняющихся от исполнения судебных решений, недобросовестных плательщиков налогов, участников различных интернет-сообществ, критикующих действия властей и т.п. Об охвате санкциями китайских граждан свидетельствуют следующие цифры: в 2017 г. только в названных списках находилось более 12 млн. человек; им было отказано в более чем 17 млн. авиабилетах и 5 млн. билетах на скоростные пассажирские поезда [3, р. 61]. В 2015-2016 гг. в результате публикации чёрных списков лиц, не исполнявших судебные решения, было оштрафовано 6,72 млн. человек [4, р. 90].

Однако эти мероприятия стали лишь первым шагом в деле создания принципиально новой, не имевшей аналогов в истории, основанной на новейших информационных технологиях широкомасштабной и всеохватывающей системы социального управления. Более точный по смыслу перевод термина «кредит» - доверие (основанное на таких высоких моральных достоинствах, как законопослушность, надёжность, честность и вежливость), поэтому система социального кредита в своём завершённом виде, как предполагается, должна представлять собой механизм оценивания этого доверия применительно к каждому гражданину Китая, а также каждому юридическому лицу. Формирующийся в режиме реального времени рейтинг доверия должен, в свою очередь, быть основанием предоставления различных социальных и экономических льгот, либо становиться причиной различных административных санкций [5].

Очевидно, что решение такой грандиозной задачи возможно только ценой мобилизации огромных ресурсов, методом проб и ошибок, путём проведения различных социальных экспериментов и т.п. Не решаясь на скоропалительное создание национальной социально-рейтинговой системы, партийно-государственное руководство КНР предпочло провести соответствующие эксперименты на региональном уровне. В 2015-2016 гг. Государственный комитет по развитию и реформам как ответственный за проведение реформы орган власти распорядился создать в 43 административно-территориальных единицах различных уровней (провинциях, городах, городских уездах и т.д.) местные системы социального кредита. Каждая из территорий, где проводился эксперимент, могла разработать и внедрить собственную модель социального кредита, учитывающую местные особенности и финансовые возможности [3, р. 36; 7, р. 6]. Бóльшая их часть ориентировалась на принцип публикации красных и чёрных списков, взяв его за основу своих социально-кредитных систем. Другие территории разработали и внедрили оригинальные модели, построенные на оценивании уровня доверия к каждому жителю и формировании соответствующих рейтингов.

Большой резонанс в китайском обществе вызвал опыт городского уезда Жунчэн городского округа Вэйхай провинции Шаньдун [8]. Заместитель директора Центра кредитного рейтинга и сертификации Министерства торговли КНР Сюй Дешунь, в одном из своих выступлений отметил, что «опыт Жунчэна в области кредитного строительства способствовал экономическому развитию и прогрессу цивилизации, а также формированию хорошего социального кредитного пространства, которое можно воспроизвести по всей стране». Анализ больших данных, собранных в ходе эксперимента в Жунчэне, выявил существенное снижение социальной напряженности в городском уезде, уменьшение на 26% количества «плохих кредитов» в местных финансовых учреждениях, более ответственное поведение арендаторов (приведшее к сокращению на 72% жалоб на них со стороны арендодателей), а также рост законопослушности бизнеса в целом [9]. Число волонтеров, участвующих в реализации различных социально значимых проектов за два года возросло с 5 тыс. до 88 тыс. человек [10]. В 2018-2019 гг. Национальный кредитный центр Китая опубликовал отчет о мониторинге систем социального кредита в 375 административно-территориальных единицах страны. На основе мониторинга был составлен рейтинг кредитных систем, первое место в котором занял Жунчэн [11]. По мнению экспертов, успех эксперимента заключается в том, что в Жунчэне построена завершённая, хорошо функционирующая и сравнительно эффективная система социального кредита, которая может быть воспроизведена, как в других регионах страны, так и на общекитайском уровне в целом. Охарактеризуем её основные элементы.

Разработка и реализация проекта реформы составила компетенцию специально созданного муниципального управления по социальному кредитованию, действующего под руководством местного партийного комитета. Управлением было издано более 300 нормативных документов, в том

числе «Каталог сбора информации о социальных кредитах». Последний перечисляет более 600 видов сведений об экономической и социальной деятельности юридических и физических лиц, поступающих в базу данных уездной платформы кредитной информации. Поставщиками сведений являются 142 учреждения, в том числе территориальные подразделения центральных органов государственной власти, муниципальная администрация, правоохранительные структуры, суды, налоговые органы, общественные организации, государственные и частные компании [5; 9]. Ещё одним источником данных является связанная в единую сеть и работающая круглосуточно система видеонаблюдения, состоящая из большого числа размещённых в общественных местах видеокамер [12]. Их программное обеспечение позволяет идентифицировать любого жителя Жунчэна, сопоставляя получаемый поток данных с хранящимися в цифровых профилях фотографиями из удостоверений личности. Кроме того, возрождая традиции, заложенные в IV в. до н.э. политическим деятелем, одним из основоположников легизма Шан Яном, власти Жунчэна разделили всех жителей города по территориальному принципу на группы, объединяющие по 400 человек. Члены группы обязаны информировать специально назначенных ответственных лиц о поступках своих соседей, влекущих «утрату доверия». Собранные материалы, включая фото и видеосвидетельства, направляются на серверы уездной платформы кредитной информации [5]. В сельской местности эти задачи выполняют чиновники сельских администраций, специально сформированные комиссии оценщиков, состоящие из местных активистов, самоорганизовавшиеся группы жителей, а также отдельные добровольцы [10; 12].

Таким образом власти Жунчэна формируют огромный массив данных, являющихся информационным фундаментом местной системы социального кредита. На этом фундаменте функционирует ключевой механизм всей конструкции – бально-рейтинговая система. Она охватывает четыре группы объектов социального кредита: во-первых, сотрудников местных партийных и административных учреждений; во-вторых, городских жителей Жунчэна; в-третьих, жителей сельских административно-территориальных единиц, входящие в состав городского уезда и, в-четвертых, юридических лиц. Отличительной особенностью эксперимента в Жунчэне является распространение социально-кредитной системы на местное чиновничество и партийных работников [10].

Социальный рейтинг является интегральной накопительной оценкой физических лиц в совокупности выраженной в баллах. Тот или иной вид их деятельности оценивается соответствующими баллами по специально разработанной рейтинговой шкале. Рейтинговая система включает непрерывный мониторинг повседневной деятельности жителей Жунчэна. Каждый из них (примерно 740 тыс. человек) получает стартовые 1000 баллов, число которых может возрастать или сокращаться. Правонарушения, поступки, противоречащие требованиям моральных норм, нарушения дисциплины влекут

лишение определённого количества баллов. Список причин падения социального рейтинга весьма обширен и включает участие в незаконных собраниях или протестных акциях, нарушение правил дорожного движения, рождение ребенка без необходимого административного разрешения, задержки в оплате жилищно-коммунальных услуг или махинации со счётчиками электро и водопотребления, различные нарушения в сфере уплаты налогов, безбилетный проезд или неправомерное применение льгот, грубость при общении с соседями или коллегами, просмотр порнографических фильмов, загрязнение мусором или продуктами жизнедеятельности животных придомовой территории и т.п. В свою очередь начисление рейтинговых баллов осуществляется за благотворительность, волонтерскую деятельность в рамках местных общественных проектов, уход за нуждающимися в помощи больными и престарелыми гражданами, донорство крови, своевременное погашение кредитов, безаварийную езду на транспортном средстве, «образцовое ведение бизнеса», информирование властей о правонарушениях или безнравственных поступках сограждан (т.е. доносы) и т.п. [9; 12; 13; 14, p. 14; 15].

Развитие «гармоничного социалистического общества», согласно «Плану строительства», должно опираться на три главные социальные ценности – доверие, честность и дисциплину граждан. Их формировать и поддерживать призвана рейтинговая система, основанная на механизмах стимулирования и наказания. В «Плане строительства» указано, что различные виды поощрений в отношении оцениваемых системой социального кредита лиц должны позволить «благонадежным людям извлечь выгоду», а санкций в отношении «утративших доверие» должны создать все условия для их «публичного разоблачения», «позора» и «сдерживания».

Порядок расчета рейтинговой оценки определяется суммой баллов, заработанных жителями Жунчэна. Начисляемые им баллы разделены на шесть рейтинговых групп: ААА, АА, А, В, С, D. Каждая из них предполагает либо набор определённых поощрительных мер в отношении включённых в данную группу граждан, либо те или иные санкции. Например, обладатели рейтинга ААА (более 1050 баллов) имеют право получить по сниженной ставке потребительский кредит в размере до 200 тыс. юаней без залога и поручителей, пользоваться различными льготами при обращении в медицинские учреждения (в том числе бесплатной встречей на крыльце и сопровождением младшим медицинским персоналом), арендовать общественные велосипеды без уплаты депозита, а также ездить на них бесплатно в течение полутора часов, получать существенную скидку при оплате коммунальных услуг т.д. «Высокорейтинговые» граждане, нуждающиеся по состоянию здоровья в помощи, находятся в центре внимания различных волонтерских групп, выполняющих функции социальных работников [5; 9; 15]. Напротив, обладатели рейтинга D (менее 599 баллов) включаются в черный список и становятся своего рода изгоями. Их не берут почти ни на какую работу, не дают кредиты, не продают билеты на скоростные поезда и самолеты, не дают в аренду автомобиль и велосипед без залога. Эти лица не могут претендовать на

меры социальной поддержки, лишаются бизнес лицензий и т.д. Некоторые поступки жителей Жунчэна влекут весьма суровые наказания: лишение очень большого количества баллов и автоматическое перемещение виновного в рейтинговые группы С или D. Например, вождение автомобиля в нетрезвом виде или обращение с ходатайствами в вышестоящие органы власти минуя нижестоящие [5; 12; 14, p. 14].

Вообще, «меры сдерживания» для лиц «нарушающих дисциплину и моральные нормы» предусматривают не только снижение рейтинга и обязательные денежные штрафы. Неотъемлемой частью системы социально кредита являются репутационные механизмы влияния на поведение граждан. Репутация традиционно имеет большое значение в китайском обществе, поэтому граждане весьма чувствительны к снижению её уровня и постоянно заботятся об укреплении своего авторитета. Утрата репутации не только влечет за собой формальные санкции, но и подвергает гражданина ещё большему общественному контролю, оставляя ему меньше свободы действий. Разработчики системы социального кредита в Жунчэне учли важность репутационных факторов в повседневной жизни китайцев. Фотографии лиц, нарушивших те или иные законы, правила или моральные требования, демонстрируют на местных телеканалах, в кинотеатрах, предваряя киносеансы. Они размещаются на уличных билбордах, видеоэкранах, специальных информационных табло. В сетку вещания местного телеканала включена ежедневная телепрограмма, транслирующая видеокadres нарушений местными жителями правовых и морально-этических норм. Среди прочего аудитории демонстрируют нижнее бельё, развешанное на балконах жилого комплекса, выброшенную прямо на тротуар старую мебель, автомобили, не останавливающиеся на специально оборудованных переходах, пешеходов, переходящих улицы на красный свет светофора и т.п. При этом особое внимание зрителей заостряется на лицах нарушителей и их именах. В сельской местности имена нарушителей транслируют установленные на центральных улицах громкоговорители [12].

В конце 2017 г. китайскими властями были подведены первые итоги эксперимента и определены 12 образцовых территорий, из опыта функционирования социально-кредитных систем которых «можно извлечь важные уроки». Жунчэн вошёл в их число. Как отмечалось в правительственном сообщении, образцовый город системы социального кредитования «взял на себя инициативу по решению ключевых задач строительства, создал систему социального кредита, активно проведя её пилотное тестирование, а также представил передовой опыт и методы, достойные тиражирования по всей стране» [8]. Результаты эксперимента в Жунчэне получили столь высокую оценку экспертов по целому ряду причин. Но в первую очередь стоит выделить его поощрительно-стимулирующую направленность, в отличие от многочисленных других региональных экспериментальных систем. Таких, например, как кредитная система уезда Суйнин городского округа Суйчжоу провинции Цзянсу. Лозунг системы

социального кредита в Жунчэне звучит так: «Добрые люди, добрые дела». Местные активисты разъясняют землякам, что цель системы «состоит не в том, чтобы доставлять людям неприятности, а в том, чтобы сделать их более цивилизованными» [12]. Санкционная составляющая в жунчэнском эксперименте хоть и присутствует, но не занимает центральное место и не носит ярко выраженный репрессивный характер, в отличие от суйнинской модели. Детальное регламентирование жизни зарегистрированных в Суйнине китайцев, чрезвычайно общо сформулированные основания для лишения баллов (например, «необоснованная подача жалоб властям» или «нарушение общественного порядка»), применение непропорциональных совершённым проступкам санкций, трудности с получением информации о рейтинге и сложная процедура исправления многочисленных ошибок – всё это вызвало протесты местных жителей и позволило ведущим китайским СМИ сравнить кредитную систему Суйнина с сертификатами «хорошего гражданина», выдаваемых китайцам японскими оккупантами в годы Японо-китайской войны (1937-1945 гг.) [4, p. 92-93; 15; 16; 17; 18].

Таким образом, жунчэнский эксперимент по созданию системы социального кредита показал, что проводимая центральными и местными властями реформа социального управления вполне соответствуют китайским бюрократическим традициям принуждения и патернализма, основанным на контроле и вмешательстве в частную жизнь граждан. Создаваемая в стране социально-кредитная система не только использует традиционные формы поддержания правопорядка, но вторгается в область морально-этических норм как социальных регуляторов, нацеливается на социальное воспитание граждан, и формирует для них с помощью механизма репутации соответствующие поведенческие стимулы. Стремясь, в конечном счёте, превентивно решать многочисленные и разнообразные проблемы развития современного китайского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «План строительства системы социального кредита (2014–2020 гг.)» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm Дата обращения: 23.09.2019
2. Меморандум о сотрудничестве в сфере совместного наложения мер дисциплинарной ответственности в отношении лиц, утративших доверие. 28.01.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://credit.mot.gov.cn/zhengcefagui/guojia/201607/t20160706_2058154.html Дата обращения: 12.01.2020
3. Suqian, Jiangsu. Keeping tabs. China's "social credit" scheme uses cajolery and sanctions to make people behave // The Economist UK. - 2019. March 30 – April 5. - P. 60-61.

4. Blomberg, M. von. The Social Credit System and china's rule of law // Mapping China Journal. – 2018. – № 2. – P. 78-112.

5. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/71546> Дата обращения: 21.09.2019

7. Meissner M. China's social credit system. A big-data enabled approach to market regulation with broad implications for doing business in China [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.merics.org/sites/default/files/2017-09/China%20Monitor_39_SOCS_EN.pdf Дата обращения: 03.12.2019

8. Опубликован список образцовых городов, первыми создавших систему социального кредита [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.creditchina.gov.cn/toutiaoxinwen/201801/t20180108_105887.html Дата обращения: 03.02.2020

9. Строительство системы социального кредита в Жунчэне (провинция Шаньдун) даёт положительные результаты: каждый имеет кредитное удостоверение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://new.zzcredit.gov.cn/wddt/20180309/2893.html> Дата обращения: 18.02.2020

10 Жунчэн ищет возможности «свободно дышать» в социальной кредитной среде [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paper.people.com.cn/zgcsb/html/2018-08/13/content_1874599.htm Дата обращения: 18.02.2020

11. Жунчэн занял первое место в национальном кредитном мониторинге [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sohu.com/a/335672492_759511 Дата обращения: 18.02.2020

12. René, R., Ling Xi. Discipline and Punish: The Birth of China's Social-Credit System [Электронный ресурс] / René R., Ling Xi. – Режим доступа: <https://www.thenation.com/article/china-social-credit-system> Дата обращения: 02.08.2019

13. Kobie, N. The complicated truth about China's social credit system [Электронный ресурс] / Kobie N. – Режим доступа: <https://www.wired.co.uk/article/china-social-credit-system-explained> Дата обращения: 12.11.2019

14. Mac Sithigh D., Siems M. The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? [Электронный ресурс] / Mac Sithigh D., Siems M. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3310085> Дата обращения: 15.09.2019

15. Mistreanu, S. Life Inside China's Social Credit Laboratory [Электронный ресурс] / Mistreanu S. – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2018/04/03/life-inside-chinas-social-credit-laboratory> Дата обращения: 12.01.2020

16. Big data, meet Big Brother China invents the digital totalitarian state [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state> Дата обращения: 20.01.2020

17. Creemers, R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control [Электронный ресурс] / Creemers R. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3175792> Дата обращения: 12.09.2019

18. Creemers, R. Disrupting the Chinese State: New Actors and New Factors [Электронный ресурс] / Creemers R. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2978880 Дата обращения: 15.07.2019.

УДК 323.2

А.А. Фролов

к. полит.н., доцент, Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

А.Н. Данилов

Студент-магистрант, Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о сетевых аспектах управления городскими конфликтами в современной России. Дается анализ сетевого управления городским конфликтом на примере экологического конфликта в Ярославле в 2018 году. Авторы статьи приходят к выводу, что городские конфликты являются неизменной составляющей развития города.

Ключевые слова: Сетевой анализ, городской конфликт, гражданская активность, сетевая организация, мобилизация.

A. A. Frolov

PhD in political sciences, associate professor,
Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

A. N. Danilov

Master's student, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Abstract: The article discusses the network aspects of urban conflict management in modern Russia. The analysis of network management of urban conflict is given on the example of the environmental conflict in Yaroslavl in 2018. The authors of the article conclude that urban conflicts are an invariable component of the development of the city.

Keywords: Network analysis, urban conflict, civic engagement, network organization, mobilization.

Изучение моделей управления городскими конфликтами последних лет показало, что тенденция деструктивных сценариев имеет взаимосвязь между местной властью и гражданской активностью. Это напрямую связано с невысоким уровнем сетевой активности локальных сообществ, которые могли бы выполнять функцию разумного диалога с властью, озвучивая альтернативные планы развития городских процессов. Особенно это характерно для городов с большой динамикой развития и роста, где есть определенные дефициты ресурсов и неравномерность их распределения. В связи с этим, для поддержания баланса, необходимо учитывать мнение всех заинтересованных сторон: гражданских активистов, местной власти и предпринимателей и др.

При этом гражданские активисты, как правило, имеют наименьшие возможности для диалога на равных и отстаивания своих интересов.

В современных исследованиях нет единого подхода к понятию гражданской активности. Зачастую она становится воздействующим механизмом влияния на формализованные структуры общества и государства, а также на простых граждан. В нашем понимании, гражданская активность является целенаправленной, относительно скоординированной, добровольной деятельностью граждан. На данный момент времени активно развиваются горизонтальные сетевые формы её организации.

Определим, что такое сетевая организация. Исходя из теории стратегического управления, сетевая организация имеет свободную, гибкую, горизонтально организованную сеть равноправных, независимых, разных по выполняемым ролям и функциям партнеров. Такая структура предполагает взаимодействие участников, которые отличаются друг от друга, но при этом взаимопользуются и обладают какими-то ограниченными ресурсами [1, с. 249; 2, с. 208].

Также следует выделить основные показатели сетевой структуры. Во-первых, это форма организации. При горизонтальном взаимодействии происходит включение любого числа объектов. Может быть использована матричная структура: одновременное выполнение нескольких проектов, которые имеют одновременно несколько руководителей при наличии одного постоянного лидера. Непосредственно лидер в сетевой организации – это человек или группа, которые являются носителем интеллектуального, финансового, материального, коммуникативного, экспертного или иного ресурса, актуального и важного для работы в конкретное время. Субъект сетевой организации должен быть готов к использованию своего ресурса для достижения общих целей работы, параллельно с реализацией собственных целей. [3, с. 34]

Во-вторых, это характеристики процессов, т.е. ориентированность на результат, мобильность перегруппировки, краткосрочность существования, достижение общего согласия по обсуждаемым вопросам.

В-третьих, это управление – использование внешних ресурсов. Равноправные центры отличаются наличием разных ресурсов и механизмов выполнения решений. Лидер «управляет, не командуя», выстраивая эффективные контакты с теми людьми и организациями, которые не может контролировать, но на которые он способен влиять [3, с. 35].

Отсюда можно сделать вывод, что основной принцип сетевой организации – это принцип сетевого взаимодействия, т.е. способа деятельности по совместному использованию сил, средств и ресурсов. Также можно говорить о том, что при иницировании сетевой гражданской активности используются принципы равноправия участников, добровольного участия, без иерархического управления и ресурсного взаимодействия.

Изучив зарубежный и отечественный опыт формирования городских конфликтов, можно сделать вывод, что чаще всего городские проблемы

связаны с территориальным развитием города и его застройкой. Кроме того, источниками конфликта выступают вопросы развития городской инфраструктуры, слабая взаимосвязь с властью, национальные вопросы, экологические аспекты и другие составляющие жизни города. При этом предметом конфликта, как правило, выступает возможность осуществления интересов различных представителей гражданской активности при решении возникающих вопросов и результат их взаимодействия.

Если посмотреть на конфликт в общем плане, то Л. Козер считает: «Конфликт, с другими группами, способствует упрочению и подтверждению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума» [4, с. 58]. В ходе конфликтов происходит формирование противоборствующих групп, вовлечение активистов, объединенных общими интересами, становление лидеров, и ряд других процессов, указывающих на увеличение гражданской активности.

В свою очередь, Д.В. Трофименко отмечал: «Городское сообщество - это локальное полиструктурное соединение социально-территориальных общностей жителей города, которые обладают низкой степенью взаимозависимости в социальной жизни. Локализация социальной жизни происходит в соответствии с социально-территориальными принципами проживания людей и сопровождается автономизацией индивидов» [5, с. 8]. Т.е. городское сообщество характеризует слабость связей и привязанность к конкретной территории. Но, здесь мы упускаем момент, что зачастую, в больших городах, участниками конфликтов выступают не столько общественность, а сколько её часть, чьи интересы затрагивает проблема.

При этом, согласно Е.Л. Рябовой, можно выделить ряд переменных, характеризующих социальный конфликт: структурные (предмет конфликтного взаимодействия, его направленность, вызываемые им изменения, участники, формы проявления, масштаб конфликта), динамические (стадии конфликтного взаимодействия, его продолжительность, темп, интенсивность, интенциональность, состояние и обратимость), функциональные (деструктивные и конструктивные функций), факторные (источники, условия, факторы). [6, с. 142]

Также ряд ученых выделяет три основных уровня реализации интересов городских сообществ: соседский, на котором внимание направлено преимущественно на внутреннюю проблематику сообщества; гражданский, позволяющий транслировать её вовне и выносить в публичное пространство города для включения в контекст общегородских процессов; политический, где действия направлены на защиту данных интересов в случае возникновения противоречий и конфликтов с другими акторами в городском пространстве. При этом переход на более высокие уровни возможен при условии достаточной степени организованности сообщества и его готовности к коллективным действиям. Такие переходы могут быть эпизодическими, спонтанными, не всегда имеют характер осознанной стратегии [7, с. 45].

Как выделялось ранее, одной из причин городских конфликтов является экологический вопрос. Связанные с такими конфликтами разногласия могут приводить к мобилизации значительной части граждан и выступать катализатором развития гражданской активности и локальных сообществ. Как отмечают Е. В. Тыканова и А. М. Хохлова, характеристики локального сообщества играют важную роль в процессе развития городских конфликтов [8, с. 109]. При этом анализ хода и последствий активизации сообщества в процессе экологического конфликта также требует учета таких факторов, как сформированность ядра сообщества, характер коммуникации между участниками («соседская» или «гражданская», онлайн или офлайн), организация сообщества и его функционирование в постконфликтный период (наличие ядра, проявление активности, характерной для «мирного времени»).

Рассмотрим конкретную ситуацию городского конфликта на примере кейса с выраженным участием локальных сообществ, а также выделим сетевые аспекты управления, в основе которых находится экологическая проблематика. Конфликт будет рассмотрен по следующей структуре: проблема, лежащая в основе гражданской активности; временные рамки гражданской кампании/движения; хронология гражданской кампании/движения; субъекты гражданской кампании/движения; освещение гражданской кампании в СМИ; ресурсы, возможности, ограничения гражданской кампании/движения; итоги гражданской кампании и решение заявленной проблемы; характер сетевого взаимодействия.

Ярким примером можно назвать активную гражданскую кампанию против ввоза мусора из Москвы на полигон «Скоково» под Ярославлем в 2018 году. Основная активность развернулась в период предвыборной кампании в Ярославскую областную Думу и до единого дня голосования, с апреля по сентябрь 2018 года.

Власти Ярославской области в начале апреля 2018 года заявили, что ведут переговоры с правительством Москвы о размещении на полигоне твердых бытовых отходов «Скоково» под Ярославлем мусорных отходов из столицы. В середине апреля 2018 года стало известно, что отходы уже везут на полигон. Губернатор Ярославской области Дмитрий Миронов заявил, что речь идет о 200 тысячах тонн в год, при этом на тот момент времени полигон был заполнен лишь на половину и регион получит за утилизацию 500 миллионов рублей. Данные заявления вызвали быстрый отклик от общественных и экологических активистов.

Компания имела большую активность, как онлайн, распространяя информацию с призывами к гражданской активности, так и офлайн, собирая акции протеста против утилизации мусора из Москвы на территории полигона «Скоково». В ходе кампании в Ярославле проходили согласованные акции протеста. Основными лидерами можно назвать представителей региональных оппозиционных политических партий и экологических активистов. При этом создававшаяся сетевая структура имела большое влияние на общественное мнение за счет широты распространения информации. Политические лидеры

активно использовали экологический вопрос в своей предвыборной программе. В независимых СМИ и социальных сетях активно освещался ход протестной кампании, с призывом принять участие в митингах и подписать петицию за прекращение ввоза мусора. Так группа «Московский мусор в Ярославской области» в социальной сети Вконтакте насчитывала, в период активности, более 8 тысяч участников. Петицию против ввоза мусора из Москвы подписало более 55 тысяч человек. Большой популярностью пользовались визуальные атрибуты протеста (наклейки на автомобили, статусы и аватары в социальных сетях).

Представители общественности, создали экспертную группу по мониторингу экологической ситуации на полигоне «Скоково», запрашивали у руководства полигона договор на ввоз мусора из Москвы. Кроме того, общественники отбирали пробы на полигоне, чтобы проанализировать качество очистки водных стоков.

Так как основной пик кампании пришелся на период перед выборами депутатов в Ярославскую областную Думу седьмого созыва в 2018 году, то кампании стала сильно политизирована. Отсутствие единого лидера делило протест на ряд направлений. Оппозиция добивалась отставки действующего областного правительства, губернатора и мэра города Ярославля. Экоактивисты – выступали за немедленное прекращение ввоза мусора из Москвы. В ходе диалога с властью было достигнуто соглашение, что на полигоне «Скоково» установят очистные фильтры, заработает комплекс сортировки крупногабаритных отходов и начнется введение отдельного сбора мусора. После выборов в Думу активность кампании со стороны политически мотивированных акторов резко сократилась. Ввоз мусора из Москвы продлился до конца 2018 года, после чего договор на региональном уровне не был продлен. Это еще раз подтверждает, что интересы ряда лидеров протеста были направлены на конкретные выборы, а сам городской конфликт был сильно политизирован.

В конце 2018 года были организованы компании по отдельному сбору мусора, направленные на вывод экологического вопроса из протестной активности и конфликта в русло диалога. Они продолжаются и до сих пор, представляя собой разовые ежемесячные акции, где жители могут сдать отдельно на утилизацию мусор. Хотя акции и носят постоянный характер, но степень вовлеченности всех жителей города остается достаточно низкой.

При этом сообщество борьбы с московским мусором можно назвать сообществом «одной проблемы». Конфликт, возникающий на почве этой проблемы, ведет к их активизации. Поскольку окончание конфликта предполагает решение проблемы, для продолжения функционирования сообщества в его сложившемся виде нужен новый вызов. Отсутствие такового ведет как минимум к исчезновению форм активности. Группа в социальной сети Вконтакте «Московский мусор в Ярославской области» продолжает вести активную кампанию и сейчас, но процент вовлеченных людей стал значительно

меньше. И сама протестная повестка скорее носит федеральный характер, нежели региональный.

Говоря о путях урегулирования городских конфликтов, можно выделить три основных способа: рыночные инструменты, управление бизнесом и социально направленное управление. Кроме того, ряд ученых выделяет также государственное регулирование, предполагающее использование наиболее жестких инструментов (правовое регулирование, стандартизация, силовые методы подавления конфликтов); совместное управление, основанное на создании «мультиагентов» (сотрудничество властных структур, бизнеса и общественных структур, вовлечение граждан в принятие решений); экономическое стимулирование, ориентированное на рыночные формы урегулирования конфликтов (выплата компенсаций, снижение налогов или освобождения от их уплаты для сообществ, чьи интересы затронуты) [9, с. 25]. При этом отметим, что независимо от механизма регулирования, в приоритете остается конструктивная позиция в разрешении проблемы, которая устраивала бы всех участников, поскольку способствует развитию гражданского общества и демократических механизмов на местном уровне, ускоряя процесс разрешения конфликта.

Подводя итог, отметим, что городские конфликты являются неизменной составляющей развития города. На приведенном примере мы можем проследить сетевые аспекты в управлении городскими конфликтами, имеющую горизонтальную структуру, без одного яркого лидера. Это имеет как свои плюсы – достижение поставленной задачи становится более всеохватывающим, так и минусы – наличие своих интересов у каждого лидера, что может привести к потере интереса к теме конфликта после достижения одним из лидеров поставленной цели.

Локальные городские сообщества являются одним из элементов городского пространства, связывающих его территориальное и социальное измерения, за счет сетевых аспектов. Существование подобных сообществ возможно в различных форматах, отличающихся уровнем организации и гражданско-политической активности. В самой идее сообщества заложены возможности совместного продвижения и отстаивания общих интересов, что делает их потенциальными акторами городских конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапоненко, А.Л., Панкрухин, А.П. Стратегическое управление: учеб. – М.: Омега-Л, 2004. – 472 с.;
2. Жуковицкая, Н.Н. Модели сетевого взаимодействия образовательных учреждений в региональной образовательной системе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – 310 с,
3. Василевская, Е. В. Сетевая организация как новый тип отношений и деятельности в современных условиях // Сетевая организация методической

работы на муниципальном уровне : метод. пособие. – М.: АПКиППРО, 2007. – 387 с.;

4. Козер, Л. Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.;

5. Трофименко, Д.В. Городское сообщество: Разрешение институциональных конфликтов в полиэтничной среде: Дис. ... канд. соц. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 411 с.;

6. Рябова, Е.Л. Культура конфликтного взаимодействия в современном российском социуме как фактор общественной стабилизации : дис. ... д-ра полит. наук / Е. Л. Рябова. – М., 2010. – 337 с.;

7. Глухова, А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – № 4. – 189 с.;

8. Тыканова, Е.В., Хохлова, А.М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. – М., 2014. – № 2. – 289 с.;

9. Кольба, А. И. Конфликты в процессе функционирования городских сообществ: современное состояние исследований // Социальные и гуманитарные знания, Т. 6, № 1, 2020. – С. 20-29;

10. Кольба, А.И. Развитие представлений о городском конфликте в современных социальных исследованиях // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – № 3. – 517 с.;

11. Медведев, И.Р. Разрешение городских конфликтов. – М.: Инфотропик, 2017. – 372 с..

УДК 325.1

А.Е. Шапаров

д.полит.н., профессор САФУ им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск,
Россия

М.Ю. Калачникова

аспирант САФУ им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть интеркультурализма как альтернативу мультикультурализма в интеграции мигрантов.

Ключевые слова: Интеркультурализм, мультикультурализм, интеграция мигрантов.

A.E. Shaparov,

Doctor of political sciences, professor, Northern Arctic Federal University
M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

M.Y. Kalachnikova

Postgraduate, Northern Arctic Federal University
M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract: The purpose of the article is to consider interculturalism as an alternative to multiculturalism in the integration of migrants.

Keywords: Interculturalism, multiculturalism, migrant integration.

Проблемы интеграции мигрантов и изучение эволюции подходов к выстраиванию межкультурного взаимодействия находятся в центре внимания исследователей и практиков выработки иммиграционной политики развитых стран. В 2010 г. о провале политики мультикультурализма помимо ученых и маргинальных политиков заговорили лидеры ведущих европейских стран. На смену дискредитировавшей себя парадигме мультикультурализма в качестве подхода к выработке интеграционной политики демократическими странами предлагается интеркультурализм.

Отметим, что поиски альтернативы мультикультуральной парадигмы начались несколько ранее официальных признаний ее провалов и неэффективности. В 2005 г. Конференция ООН в Париже приняла Конвенцию «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», в которой содержится определение интеркультурности: «Межкультурное взаимодействие» означает существование и равноправное взаимодействие различных культур, а также возможность создания общих форм культурного самовыражения на основе диалога и взаимного уважения» [1]. В последующие годы интеркультурная парадигма получила политическое

оформление в двух документах – Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» (2008 г.) и докладе ЮНЕСКО «Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами» (2009 г.). В Белой книге Совета Европы межкультурное взаимодействие рассматривается как основа европейской идентичности, не имеющая альтернативы. В докладе ЮНЕСКО формулируется задача утверждения и развития общепринятых ценностей в поликультурном обществе, формирующихся благодаря взаимодействию существующих культурных особенностей. Основой межкультурного взаимодействия в политических документах обозначен диалог, означающий расширение возможностей всех участников путем создания потенциала и проектов, допускающих взаимодействие доминирующих групп и меньшинств без ущерба для личной и коллективной идентичности. Предполагается, что таким путем напряженность между различными идентичностями может стать движущей силой для нового национального единства, основывающегося на понимании социальной сплоченности как интеграции разнообразия ее культурных компонентов [2].

Кроме того, институционализация интеркультурализма происходит и через систему образования развитых стран. Включение в образовательные программы межкультурных компетенций предполагает формирование когнитивных, аффективных и поведенческих способностей, которые непосредственно формируют общение между носителями разных культур. Обладание навыками и компетенциями межкультурного взаимодействия является обязательным для работников социальной сферы, образования, здравоохранения, госслужбы в США и развитых европейских странах.

Напомним, что мультикультурализм изначально появился в Канаде в 1971 г. как идеология государственной политики, направленная на решение внутренних проблем сосуществования билингвистических сообществ – англофонов и франкофонов, а также аборигенов. Расовое, этническое и конфессиональное разнообразие провозглашалось историческим наследием, нуждающимся в сохранении в целях обеспечения равенства возможностей для меньшинств. Канадский мультикультурализм позиционировался как альтернатива американскому ассимиляционизму. В условиях Канады, где каждое сообщество имеет четкую территориальную локализацию, такая политика виделась адекватной и оправданной для формирования общеканадской идентичности. Однако взятый либеральными демократиями в качестве идеологической основы иммиграционной политики, мультикультурализм неизбежно породил серьезные препятствия для интеграции мигрантов. Отметим, что и идеология интеркультурализма имеет канадские, а точнее квебекские корни. Правительство Квебека развивает интеркультурализм в противовес мультикультурализму. Используя законодательные полномочия в проведении своей иммиграционной политики, Квебек развивает интеркультурализм, считая, что мигранты должны принять основные ценности, включая гендерное равенство, светский характер общества и обучение детей в школе на французском языке [3, p. 136].

Мультикультурализм в восприятии его критиков выступает как угроза национальному единству. В отличие от «статичного» по своему характеру мультикультурализма, допускавшего формирование сегрегированных сообществ, «динамичный» интеркультурализм постулирует необходимость взаимодействия культур, акцентируя внимание на эволюционировании процесса, целью которого должно стать повышение сплоченности общества.

Британские разработчики концепции интеркультурализма (Ф. Вуд, Ч. Ландри, Дж. Блумфилд) рассматривают этническое и культурное разнообразие в качестве фактора развития городских сообществ и внедрения инноваций, но только тех городских сообществ, которые сумели достичь взаимодействия различных групп и межкультурного диалога. Интеркультурализм выходит за мультикультурные рамки равных возможностей и существующих культурных различий, сосредотачиваясь на плюралистической трансформации общественного пространства, институтов и гражданской культуры, отрицает застывшие культурные формы, настаивая на их изменении и модернизации. Межкультурный подход направлен на содействие диалогу, обмену и взаимодействию между людьми разного происхождения [4, р. 9]. Апеллируя к Р. Флориде, британские исследователи указывают, что успех на уровне местной и региональной экономики также будет зависеть от степени, в которой города могут предложить открытую, терпимую и разнообразную среду, привлечь и удержать мобильных создателей богатства. Отечественный исследователь А.И. Куропятник отмечает важную особенность межкультурного диалога: «в постмультикультуральной дискуссии интеркультурализм выступает в качестве основной стратегии управления этническим и культурным разнообразием, которая предполагает изменение моделей социальной интеграции и характера социальных отношений в процессе смещения акцентов с групповых, институционально организованных структур, отражающих отношения группа-государство, на отношения между индивидами и между государством и индивидом» [5, с. 253]. Интеркультурализм выступает одновременно и как альтернативный, а, по мнению некоторых экспертов, и как обновленный вариант ассимиляционизма. Х. Джоппке характеризует это состояние как противоречивую смесь мультикультурализма и межкультурного взаимодействия, от взаимоисключающих и замещающих до тесно связанных, если не почти идентичных [6].

Интеркультурализм в качестве парадигмы иммиграционной политики в сфере интеграции мигрантов означает приоритет обязанностей над правами. На практике это воплощается в требования к мигрантам, претендующим на долговременное пребывание в стране наличия минимального уровня владения национальным языком и знаний о ее истории и культуре [7]. Важная роль в замене мультикультурной парадигмы интеркультурной в либеральных демократиях принадлежит процессу секьюритизации миграции, результатом которого становится рассмотрение ситуации с мигрантами сквозь призму общественной безопасности [8]. Еще одним детерминантом замены мультикультурной политической парадигмы стал вызов транснационализма как

практик формирования диаспор мигрантами, обосновавшимися в странах приема, но сохраняющих связи со странами исхода. Разнообразные культурные, экономические, идеологические перемещения, происходящие между отдающими и принимающими странами, воспринимаются как вызов основополагающим принципам национальных государств в отношении территориальности, гражданства и членства в едином политическом сообществе [9]. В этих условиях принимающие страны вынуждены сотрудничать со странами происхождения для обеспечения интеграции мигрантов. Кроме того, выдвигание интеркультурализма в качестве мейнстримной парадигмы взамен мультикультурной можно характеризовать как уступку истеблишмента набирающим популярность праворадикалам, националистам и евроскептикам.

Таким образом, интеркультурализм призван разрешить противоречие между общественными интересами стран-реципиентов, прежде всего в сфере безопасности и правами мигрантов, трактуемыми в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека, с одной стороны, а с другой, обеспечить сплоченность общества, не допустить формирования сегрегированных сообществ.

Понятие интеграция, являясь широко распространенным, в миграционном контексте не имеет однозначных трактовок. Причины, на наш взгляд, лежат в различиях в методологических подходах к целям, практикам и ограничениям интеграции мигрантов в принимающее общество. К тому же, как справедливо отмечают И. Цапенко и Г. Монусова, интеграция подразумевает и процесс, и результат этого процесса, и политику в этой области [10, с. 82]. По нашему мнению, интеграция означает процесс включения мигрантов в социально-экономическую и политико-культурную сферы принимающего общества. Результатом процесса интеграции должно стать инкорпорирование мигрантов в общество, которое не создает угроз его национальной идентичности и целостности. Политика интеграции является частью иммиграционной политики и предполагает взаимодействие, как минимум, трех субъектов: государства, принимающего общества и мигрантов. Каждый из них внутренне дифференцирован, имеет совпадающие и несовпадающие цели, вследствие чего процесс интеграции приобретает сложный, порой противоречивый, конфликтогенный характер. Как вывод: политика интеграции мигрантов представляет собой многоуровневый процесс, должна иметь различные объекты регулирования, следовательно, и стратегии, быть дифференцирована по целям и задачам. Для развитых европейских стран проблемой составляет интеграция инокультурных мигрантов, претендующих на проживание в стране. Адаптация мигрантов выступает необходимым, начальным, но не достаточным условием интеграции. Интеграция мигрантов, анализируемая как процесс, имеет многоуровневую структуру взаимодействий мигрантов и принимающего общества (индивидуальный, коллективный и институциональный уровни) и социально-экономическое, политико-правовое и культурно-религиозное измерения [11, р. 28]. Важно отметить, что все три

измерения процесса интеграции мигрантов взаимозависимы и комплементарны.

Таким образом, в современных развитых странах происходит замена мультикультурной парадигмы на интеркультурную, детерминирующую изменения как концептуального каркаса политики, так и практик взаимодействия государства, регионов, сообществ и мигрантов. Большой акцент на взаимодействия, «процессуальность» политики, перенос ракурса политики на уровень местных сообществ, а в отношении к мигрантам с прав на обязанности, позволяют характеризовать изменения как реальные. Сможет ли интеркультурализм компенсировать провалы мультикультурной политики покажет время. По нашему мнению, важен вектор политики интеграции, направленный на формирование у мигрантов гражданских ценностей и практик, присущих обществам, в которых им предстоит жить и предоставляющим им гораздо больше возможностей и прав, чем страны, которые они покинули.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Принята 20.10.2005 Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml.

Дата обращения: 18.03.2020

2. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. Доклад ЮНЕСКО 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000184755_rus. Дата обращения: 18.03.2020

3. Vickers, J., Isaac, A. *The Politics of Race: Canada, the United States, and Australia*. – Toronto, University of Toronto Press, 2012 г. – 332 p.

4. Wood, Ph., Landry, Ch., Bloomfield, J. *Cultural Diversity in Britain: A Toolkit for Cross-cultural Cooperation*. – London: Joseph Rowntree, 2006. – 106 p.

5. Куропятник, А.И., Куропятник, М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции. – Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 250-261.

6. Joppke, C. War of words: interculturalism v. multiculturalism. *Comparative Migration Studies*, 2018. № 6. [Электронный ресурс] / Joppke C. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0079-1>. Дата обращения: 18.03.2020

7. Zapata-Barrero, R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defence. *Comparative Migration Studies*. 2017. № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>. Дата обращения: 18.03.2020

8. Шапаров, А.Е. Тенденция секьюритизации иммиграционных политик Великобритании и Канады // Социум и власть. – 2012. – № 4. – С. 50-56.

9. Kastoryano, R. Multiculturalism and interculturalism: redefining nationhood and solidarity. // Comparative Migration Studies. – 2018. – № 6. [Электронный ресурс] / Kastoryano R. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0082-6>. Дата обращения: 18.03.2020

10. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.

11. Penninx R., Garcés-Mascreñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept. // Garcés-Mascreñas B., Penninx R. (Eds.), Integration Processes and Policies in Europe. IMISCOE Research Series. – Springer, Cham, 2016. – 206 p.

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ

УДК 323.2

В.А. Берковский

к.социол.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: В статье рассматривается история становления и развития советской семейной политики. Показаны дискуссионные оценки роли семейной политики в послеоктябрьский период.

Ключевые слова: Семейная политика, семья, социализация, семейные ценности, нуклеарная семья, кризис семьи, патернализм.

V. A. Berkovsky

Candidate of social Sciences, associate Professor
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

THE EVOLUTION OF SOVIET FAMILY POLICY

Abstract: The article discusses the history of the formation and development of Soviet family policy. Discussion evaluations of the role of family policy in the post-October period are shown.

Keywords: family policy, family, socialization, family values, nuclear family, family crisis, paternalism.

Семейная политика, как относительно самостоятельная область социальной политики государства, начала формироваться в советский период развития России. В этой связи в отечественной науке наметилось дискуссионное отношение к вопросу о роли семейной политики советской власти в послеоктябрьский период.

Так, по оценке В.В. Елизарова, вплоть до начала 80-х годов «семейная политика сводилась, по сути дела, к экономической и моральной поддержке и даже поощрению многодетности, начиная с мер, введенных в 1936 году и усиленных в 1944 году и к экономической поддержке малообеспеченных семей с 1974 года»[1].

По мнению А. И. Антонова: «... естественный процесс трансформации семьи, процесс перехвата ее социальных функций другими институтами ... был насильственно ускорен и стимулирован всей мощью тоталитарного государства (индустриализация народного хозяйства и коллективизация). С этим же была связана и гипертрофированная роль государства, выразившаяся не только в ускорении и «подталкивании» процессов семейных изменений, но и в том, что семейные функции «перехватывались» именно государством или органами, а не какими-то социальными институтами»[2, с. 242].

Господствовавший в обществе бюрократический стереотип отношений проник из области трудовой деятельности, где не было места для проявления творческой инициативы, и процветала халтура, в область семейной жизни. Семья превратилась в сферу отчуждения личности, примерами которого может служить массовая установка на однодетность, разрыв поколений отцов и детей, утрата фундаментальных ценностей семейной жизни.[2, с.243].

Концепция и меры социальной политики, согласно Г. И. Климантовой, носили патерналистский характер. В довоенный период – обеспечивая возможности для сочетания занятости женщин в сфере общественного труда с материнством, а в период войны и послевоенные годы – стимулируя повышение рождаемости. То есть, очевидна сначала гендерная, а затем пронаталистская направленность политики. Все меры были адресованы, как правило, не семьям, а женщинам-матерям. При этом собственно семейная политика как бы «растворялась» в социальной политике.[3, с.32].

Е. М. Черняк, изучив источниковедческую основу семейной политики, пришла к выводу, что утопические установки, направленные на ликвидацию индивидуального семейного союза, были характерны только для первых лет советской власти, в период «военного коммунизма», когда было осуществлено тотальное обобществление собственности, разрушена многовековая экономическая основа семьи [4, с.193-195]

Ушла в историческое прошлое вместе со своим классом дворянская семья с неповторимой культурой, традициями, стилем жизни. Погибла буржуазная семья. Исчезло духовенство со своим семейным укладом. Крестьянская семья утратила традиционный семейный уклад. Была разрушена семья мещан и ремесленников [4, с.193-195]

Семья, по образному выражению А. Толстого, была обречена на «хождение по мукам». Революционные идеологи-утописты вскоре сошли с исторической сцены, в своем большинстве уничтоженные сталинским террором, как «враги народа». Тоталитарное государство стало по-своему укреплять семью, как основу своего государства. Семейная сфера складывалась из семьи рабочих, кооперированных крестьян и социалистической интеллигенции. Такое положение вещей просуществовало до начала 90-х гг.[4, с.193-195]

Конкретные изменения и особенности семейной политики, были детерминированы определенными идеологическими установками, значение которых было предельно велико в СССР, где идеология всегда превалировала

над экономикой. По утверждению О. Н. Яницкого, «идеология сконструировала политический режим, а он уже сформулировал тот процесс модернизации, разрушительные плоды которого мы пожинаем сегодня».[5, с.73]. Идеология обусловила характер всех социально-экономических преобразований общества, в том числе цели и методы политики новой власти в отношении семьи.

В течение первого года советской власти провозглашается свобода брака и развода. Утверждается независимость от церкви сферы регламентации брачно-семейных отношений, юридическую силу имели только браки, зарегистрированные в органах ЗАГС; брачные и внебрачные дети уравниваются в правах; отменяется институт частной собственности, наследование и усыновление и др.

Переход к обязательной гражданской регистрации брака не был предопределен желанием укрепить институты брака и семьи, а объяснялся стремлением к максимальному ослаблению позиций церкви и ее влияния в обществе.

Во имя идеологических установок и классовых интересов ущемлялись и права детей, что особенно проявилось в отмене института усыновления. Как замечает М. В. Антокольская, «учитывая, что огромное количество детей осталось в то время без родительского попечения из-за непрекращающихся с 1914 года войн, более «удачного» времени для отмены института усыновления нельзя было выбрать. Его отмена была связана с боязнью «эксплуатации детского труда в деревне под видом усыновления»[6, с.64].

«Новая власть предпочла полностью отказаться от института усыновления, – отмечает С. А. Сорокин, – не затрачивая каких-либо серьезных усилий и средств, для решения проблемы цивилизованными способами, оставить за собой право определять ценности жизни нового поколения»[7, с.23].

Особенностью данного периода является предпринятая впервые в истории попытка сознательной деинституционализации семьи. Известный партийный деятель А. М. Коллонтай писала: «Семья, как хозяйственная единица, с точки зрения народного хозяйства, должна быть признана не только бесполезной, но и вредной... Коммунистическое общество упраздняет семью, семья утрачивает значение хозяйственной ячейки с момента перехода народного хозяйства в эпоху диктатуры пролетариата»[8, с.18].

В 1919 г. И. Арманд писала: «Мы должны и мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми»[9, с.40]. И хотя временно удалось блокировать реализацию ряда семейных функций, государственная семейная политика того времени не смогла полностью отменить действие традиционных социокультурных норм.

Принятие новой экономической политики благоприятно отразилось на функционировании института семьи и сопровождалось некоторой стабилизацией ее экономических основ. Государство официально признает семью в качестве одной из основных хозяйственных единиц. Так, в Земельном

кодексе было зафиксировано: «Двором признается семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство»[10, с.65].

В период НЭПа, советская власть была вынуждена признать необходимость (правда, временную) сохранения семьи, как важного социального института до тех пор, пока у государства не появятся больше реальных возможностей для полного огосударствления семейных функций. В условиях, когда общественное воспитание еще не в состоянии конкурировать с семейным, стать его достойной альтернативой, «государство рабочей диктатуры было поставлено перед необходимостью сохранения на переходный период семьи, как первичной общественной ячейки, многие функции которой общество, в эпоху перехода от капитализма к социализму, еще не в состоянии принять на себя»[11, с.379].

Исследователи 20-х годов А.В. Горбунов, Д.И. Ласс констатировали, что под воздействием новых норм морали и права у определенной части населения, в основном молодежи, сформировалось резко отрицательное отношение к браку, выразившееся в росте добровольного безбрачия, ориентации в фактических браках на кратковременное сожительство.

Все это отразилось на ускорении распада расширенных семей. О. А. Квиткин, один из руководителей переписи населения 1926 г., отмечал, что в городе «основным типом является семья, состоящая из мужа, жены и их детей»[12]. Характерно, что новый семейный кодекс 1926 г. был сориентирован уже на нуклеарный тип семьи. «Наш кодекс под семьей понимает только родителей и детей, – констатировал народный комиссар юстиции Д. И. Курский. Препжний кодекс об актах гражданского состояния не знал этой узкой семьи»[13, с.120].

В годы сталинского правления, сохранившиеся элементы экономической независимости семьи, в очередной раз встали в противоречие стратегии индустриализации и коллективизации. Курс на форсированную индустриализацию означал практически полную ликвидацию семейной экономики и минимизацию хозяйственно-производственной функции семьи. Наиболее остро это отразилось на функционировании крестьянской семьи в процессе сплошной коллективизации. По некоторым данным, ко времени завершения коллективизации было ликвидировано 3,2 млн. крестьянских хозяйств и около 20 млн. сельских жителей были отлучены от своих домов и семей[14, с.195].

С середины 30-х годов власть начала предпринимать действия по нейтрализации увеличения разводов, роста внебрачной рождаемости и абортотв и т.д. В течение двух десятилетий, в условиях усиливающейся реакции были законодательно преобразованы и строго регламентированы все основы семьеобразующих отношений родительства, супружества, родства.[15].

Практически все сферы жизнедеятельности семьи попадали под строгий партийно-государственный контроль. Как описывают Л. А. Гордон и Э. В. Клопов, сугубо личные дела колхозников – «от простейшей поездки в соседний город и получение материалов для строительства или ремонта дома, до

определения судьбы детей, скажем, их поступление в ремесленное училище или техникум, оказывались в колхозах 30-40-х годов зависящими от председателя, членов правления, районного начальства» [16, с.211-212]. Таким образом, в основу строжайшей регламентации личной, семейной и общественной жизни людей была положена забота об интересах самого государства.

В 50-е годы появляются признаки таких семейных отношений, которые можно охарактеризовать как начало институционального кризиса семьи. Так, для советской семьи 60-80-х годов уже вполне характерны были высокий уровень разводов и внутрисемейная конфликтность, массовая малодетность и ухудшение условий социализации детей. Как следствие: рост детской девиации, ослабление ориентации на семейные ценности и семейный образ жизни. Показатели рождаемости во все послевоенные годы были значительно ниже предвоенного уровня. А рождаемость городского населения уже с конца 50-х годов не обеспечивала даже простого воспроизводства населения страны [17, с.70].

В целом преобладание и неуклонное усиление ряда негативных социально-демографических тенденций в указанный период, отразивших, по меткому замечанию В. А. Борисова, в «однонаправленный процесс постоянного ухудшения выполнения семьей почти всех своих функций» [17, с.70], свидетельствовали об уже сформировавшемся ценностно-институциональном кризисе семьи.

Основные аспекты в политике государства начали смещаться в сторону стимулирования рождаемости путем материальной поддержки многодетности, преодоления малообеспеченности семей за счет пособий и других льгот семьям с детьми. Семья, поставленная в зависимое положение от государства, не могла уже самостоятельно существовать без его поддержки.

Государство переложило значительную часть обязанностей и материальных затрат на воспитание и социализацию детей с семьи на многочисленные государственные учреждения.

В постсоветский период, переход страны к новым экономическим условиям осуществлялся без четкой концептуальной программы, обеспечивающей синхронность изменения общества в целом и его социальных институтов. В результате такой несогласованности в планировании реформ, без учета их последствий, смена одних общественно-экономических отношений на качественно противоположные, производилась не поэтапно, а стихийно. Эта особенность развития российского общества вызвала естественную растерянность большинства семей, озабоченных поиском своего места в новой социально-экономической системе, поставившей российскую семью на грань физического выживания.

Следует отметить, что семья, как основополагающий институт любой общественной системы, обладает высокой приспособляемостью к новым жизненным условиям. Сегодня можно констатировать, что уже имеются определенные признаки, свидетельствующие об адаптации российской семьи к

современным социально-экономическим условиям. Присущий семье здоровый консерватизм со стремлением ее к адаптации, позволяет семье, как социальному институту, выстоять в условиях кризисных явлений, но адаптационные возможности семьи не беспредельны. И об этом следует всегда помнить в первую очередь, принимая новые меры в социально-экономической политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаров В. В. Семейная политика: прошлое, настоящее, будущее. // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. – М.: Эконом-инфор. 2013. – С. 10–28.
2. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304с.
3. Климантова Г. И. Государственная семейная политика современной России. – М.: «Дашков и К», 2004. – 192с.
4. Черняк Е. М. Социология семьи. – М.: «Дашков и К», 2004. – 238с.
5. Яницкий О. Н. Альтернативная социология // Социологический журнал, 1994. - №1. – С.70-84.
6. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву. – М.: Юрист, 1995. – 336с.
7. Сорокин С. А. Российская семья и три законопроекта по ее охране. – М.: Экономика, 1999. – 167с.
8. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. Пг.: ВЦИК Советов, 1919. – 61с.
9. Арманд И.Ф. Коммунистическая мораль и семейные отношения. – Л., 1926. – 40с.
10. Земельный кодекс РСФСР. – М., 1922.
11. Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. – Минск: БГУ, 1929. – 423с.
12. Квиткин О. А. Основные линии разработки переписи семей 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 1926 г. Структура городской семьи. Итоги специальной разработки. Вып.1. – М.-Л., 1931.
13. Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву / под ред. Д. И. Курского. – М.: НКЮ РСФСР, 1926. – 223с.
14. Тихонов В. Ликвидация класса // СССР: демографический диагноз. – М., 1990. – С. 187-195.
15. Филиппова Т. Н. Государственное воздействие на институт семьи: на примере анализа брачно-семейного законодательства 30-х годов // Вестник Моск. Ун-та. Сер.18. Социология и политология, 1997. – №2. – С.35-42.
16. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 318с.

17.Борисов В. А. Деграация института семьи и пути ее преодоления // Семья в России, 1995. –№1–2. – С.43-72.

УДК 32.019.51

О.Е. Глебова

студентка 3 курса направления подготовки «политология»
ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

И.В. Мельникова

к.филос.н., доцент кафедры политологии
ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА НАЦИЗМА В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАМЯТИ XX ВЕКА НА МАТЕРИАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА ЛАРСА ФОН ТРИЕРА

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискурса нацизма в контексте особенностей конструирования образов прошлого, воспроизведению европейской памяти через средства современного кинематографа на примере творчества Ларса фон Триера. Нацизм интерпретируется в качестве дискурсивной практики, с помощью которой возможно выражение не только фактических проявлений, но социальных, психологических, онтологических оснований нацизма как культурного явления. Датский режиссер формирует центральную тему истории Европы XX века с целью предотвращения проблем в современности.

Ключевые слова: Дискурс нацизма, европейская память, современный кинематограф, политика прошлого.

O.E. Glebova

3rd year student of the «political science» Department of the Federal state university named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia

I.V. Melnikova

PhD in philosophy, associate Professor of the Department political science of the Federal state university named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia

FEATURES OF THE DISCOURSE OF NAZISM IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTING IMAGES OF THE EUROPEAN MEMORY OF THE TWENTIETH CENTURY ON THE MATERIAL OF LARS VON TRIER'S CINEMATOGRAPHY

Abstract: The article is devoted to the study of the discourse of Nazism in the context of the features of constructing images of the past, the reproduction of European memory through the means of modern cinema on the example of the work of Lars von Trier. Nazism is interpreted as a discursive practice through which it is possible to Express not only the actual manifestations, but also the social, psychological, and ontological foundations of Nazism as a cultural phenomenon. The Danish Director forms the Central theme of the history of Europe of the XX century

in order to prevent problems in modern times.

Keywords: Discourse of Nazism, European memory, modern cinema, politics of the past.

Политическую позицию влиятельного датского кинорежиссера Ларса фон Триера в контексте анализа им современных мировых процессов сложно обнаружить на протяжении всей его фильмографии. В реальной жизни Ларс фон Триер какое-то время испытывал симпатии к коммунизму, и даже в интервью профессору университета Копенгагена, Питеру Шепелерну, заявил, что собственные внутренние ощущения продолжают приводить его к социализму [1]. Однако режиссёр работает с внутренним миром своих персонажей и оголяет их, как нацистов. Важно отметить, что феномен нацизма интерпретируется Триером расширительно. Датский режиссер подразумевает под нацизмом не только конкретно-историческую идеологию, систему политических ценностей, реализованную в определенный период времени в определенном географическом пространстве. Нацизм интерпретируется в качестве дискурсивной практики, с помощью которой возможно выражение не только фактических, ограниченных конкретной эпохой проявлений, но также социальных, психологических и онтологических оснований нацизма как культурного явления, понятого в динамическом ракурсе. Дискурс – это измерение, задающее условия возможности языка и мышления. Дискурс всегда динамичен, поскольку разворачивается во времени-пространстве. Дискурс конструирует, а не отражает мир. Поэтому все авторские аллюзии на предмет нацизма, которые мы находим у Ларса фон Триера, – это всякий раз попытка не только фактографического отображения той или иной реальности с последующей ее оценкой, но – мышления за пределами исторического факта как такового. Подобная позиция предполагает простор и для последующих интерпретаций творчества кинорежиссера. Так, власть, представленная в дискурсе нацизма, является единственной целью, а насилие – единственным средством достижения. Критики, игнорирующие философскую позицию кинорежиссера, зачастую упрекают его в симпатиях к нацизму. Полагаем такую позицию лишенной фундаментальных оснований, поскольку положительной оценки подобных взглядов мы не обнаруживаем, в строгом смысле, ни в одной из его кинокартин, так как в них, даже при поверхностном прочтении, можем выявить: недовольство Гитлером, неодобрение его действий, страх перед тем, что внутреннее зло человека может быть вновь возрождено. Его фильмы служат транслятором иных идей, но именно с помощью них он обращается к зрителям посредством создания визуального мира воспоминаний, политике прошлого, обнажившую эрозию человеческого общества, принявшего такой вид из-за трагических событий, связанных с диктатурой Гитлера.

Если переходить к изучению его фильмографии, то начнем с трилогии «Е», включающей фильмы: «Элемент преступления», «Эпидемия», «Европа».

Первый фильм «Элемент преступления» (1984) в ракурсе выражения, выявления общего фона, декораций и концептуальной идеи являлся

продолжением короткометражного фильма «Картина освобождения». Уже с самого начала фильма прослеживается неприязнь и разочарование главного героя по имени Фишер от увиденной, хоть и послевоенной, Германии: «Я снова увидел Европу, впервые за 13 лет. Но Европа уже не та» [2]. Детектив, который приехал в Европу расследовать преступления, отчетливо понимал, что сам элемент преступления кроется не в законах общества, а в самой человеческой природе. В одном из интервью Ларс Фон Триер заявил, что «один из главных уроков, которые нам преподала история – внутри каждого из нас сидит нацист, или Гитлер» [3]. Заявленный им тезис является центральным в его творчестве и по инерции сопровождает не только всю трилогию «Е», но и, например, отображает действительность главного героя в фильме «Дом, который построил Джек». Его слова в реальной жизни соотносимы с содержанием кино, которое им производится, поэтому важно помнить о человеческой природе и уметь ее контролировать, чтобы не допустить возможных трагедий.

«Элемент преступления» – метод, который основан на реконструкции того, что нам известно о жизни преступника. И весь этот фильм будет строиться на одной из концептуальных идей, поднятых Триером посредством придания демонстративного характера этому методу, точнее через описание психологического отождествления детектива с преступником, в силу чего сознание человека получает доступ к неизвестной сфере деятельности преступника. Поэтому данный метод является опасным и разрушительным для общества, т.к. человек, который разбирается в тонкостях «элемента преступления», начинает мыслить, как преступник. Изображённые в немецких городах жители показывали отчаяние, фон фильма лишь нагнетал обстановку и сопровождался не только серыми тонами, но и кровавыми пятнами, от которых уже сложно отмыться этому государству. Обреченности людей сопутствует «преступный» ритуал, при котором люди совершают прыжки с высоты с канатом, привязанным к щиколотке.

Другой фрагмент, а именно вскрытие врачом трупа, показал внутреннюю непоколебимую жестокость, отложившуюся в человеческом сознании: «Прекрасный труп! Взгляните. Понимаете, труп безличен. То, на что мы смотрим – работа человеческого ума. Вот почему это так завораживает. Мы восхищаемся убийцей, а не жертвой. Ее уже нет. А он остался – где-то там, и нам оставляет следы. Своей скромной личной системы».[2]. И этот монолог не мог вызывать одобрения со стороны Фишера, поэтому он задает ему ответный вопрос: «Где вы проходили подготовку? В Аушвице? И получает ответ: «были и такие практики» [2]. Можно сделать промежуточный вывод о том, что даже после войны мышление человека может оставаться прежним: война закончилась, а жестокость в людях продолжает сохраняться. Последний тезис подтвердим и на примере выстрелов, осуществляемых со стороны начальника Фишера (Краймера) и впоследствии самого Фишера, в воздух, а также в пробегающих по городу людей. И сам детектив Фишер после идентификации себя с преступником стал наносить удары по людям и чувствовать свою безнаказанность: «Мое лицо – это город. Это следующая ступень по методу

элемента преступления» [2]. Так же как Гитлер, сам главный герой не мог остановиться и совладать с элементом преступления. Триер ведет нас через разбитую душу Европы, через призрачные вокзалы и лифты, спускающиеся в подземелье, убийства и кровавые ритуалы [4, с.225]. Он конструирует этот образ через период истории, характеризующийся агрессией и насилием, поэтому в показанных городах демонстрируется анархия и отсутствие свободы.

Второй фильм под названием «Эпидемия» (1987) повествует о группе сценаристов, работающих над фильмом. После исчезновения киносценария в течение 5 дней они создают новый проект, который в дальнейшем будет посвящен истории об эпидемии, и параллельно станет сведен к Германии и Второй мировой войне. Главный герой, доктор Месмер, изображается как наивный идеалист, не понимающий неизлечимость болезни и масштабность трагедии, по аналогии сопоставим с самим Гитлером. Фигура упомянутого диктатора заключала в себе зло, как и персона Месмера олицетворяла собой вспышку чумы. Однако коллеги Месмера пытались вернуть его к реальности: «когда вы покинете стены нашего защищенного города, вы попадете в другой мир, чем ближе к зараженным районам, тем страшнее будет казаться, что все вокруг настроено против вас» [5]. Сама неизбежность трагического финала Второй мировой войны для Германии привела Гитлера к самоубийству и этот конец был показан на примере главного персонажа, умиравшего от распространившегося вируса: «Доктор распространяет инфекцию. Если бы не его идеалы, не было бы никаких проблем», – повествует нам голос за кадром [4]. Даже представленные в этом фильме города, обозначающие сердце европейской промышленности, режиссером были названы «худшими районами Европы» и введены с целью обращения кинозрителей к событийному ряду, складывающемуся во время Второй мировой войны. В 1941 году из упомянутых Триером «оккупированных эпидемией» Крефельде и Дусбурге была осуществлена перевозка евреев в концентрационный лагерь Юнгфернхоф. Так же на западе Германии в окрестности Дюссельдорфа располагались такие концлагеря как «Берта» и «Дюссельдорф-Лохаузен», а Кельн, например, известен бомбардировками, проведенными военно-воздушными силами Великобритании.

Последний в списке городов оказался связан с воспоминаниями матери одного из второстепенных героев, поэтому обратимся к монологу Удо: «Мама рассказала о том дне в больнице, когда я родился. В тот день были воздушные бомбардировки. Через стеклянную стену она наблюдала, как медсестра пыталась перенести младенцев в другую палату. Она рассказала, как на ее глазах стена стала рушиться. Медсестра попыталась защитить детей и бросилась на эту стену. Все погибли» [5]. Впоследствии Удо рассказал о том, как удалось выбраться его близкому человеку, и как сложно было ей покинуть место, вокруг которого полыхал пожар, после второй воздушной бомбардировки Кельна: «В качестве эксперимента англичане впервые применили фосфорные бомбы, и, вдруг, она очутилась у воды. Люди пытались укрыться в воде от фосфорных бомб, они думали, что в воде их не заметят с

воздуха» [5]. Его мать жила с этой историей всю жизнь и смогла её донести своему сыну перед смертью. Недопонимание – чувство, которое их объединило: «бедные люди кричали от боли, они же не были нацистами» [5]. К последнему дню авторы сценария придумали неизлечимое заболевание, а в основу этого проекта легли человеческие страдания, которые продолжались в течение 12-ти страниц, как и само время нахождения Гитлера у власти (1933 – 1945 гг.).

Завершение трилогии сопровождается фильмом «Европа» (1991), который в отличие от предшествующих фильмов наиболее полно отображает политические идеи потому, что сюжет строится вокруг проблемы спасения Германии со стороны США после окончания Второй мировой войны. Анализ вышеперечисленных фильмов показал, что режиссер осуществлял свою работу путем проведения аналогий и отсылок к Германии через кинематографические образы героев и их диалогов, а не напрямую изучал объект и предмет политики, как это было показано в фильме «Европа». В нем главный герой (Леопольд Кесслер) представлен жителем Америки, приехавшим устроиться проводником для того, чтобы внести свой вклад в установление мира в Германии. Продолжим этот тезис с помощью обращения к дате, выбранной Триером для построения сюжетной линии.

Послевоенное время. Октябрь 1945 г. Он символизировал образование Организации Объединенных Наций, параллельно пересекающееся с формированием полюса «США – Германия», где Америка изображалась как помощница в установлении международного порядка. Складывающаяся социально-экономическая ситуация в данный период казалась крайне неблагоприятной и отрицательно влияла на жизнь немецких граждан. Сначала непонимание, а вскоре осознанность происходящего и самого состояния разгромленной Германии приводит Кесслера на мысль: «По-моему, я начинаю понимать, почему в Германии так много безработных. Людям слишком дорого здесь работать», а военные долги перед Скандинавией заставляют пассажиров движущегося поезда оставаться в морозное время без обогревателей [6].

Религиозные мотивы также пересекались с трагическими событиями, ведь «когда идет война, все просто, но проблемы возникают после», поэтому в некоторых фрагментах фигура священника выводится на первый план потому, что она должна помочь в осуществлении мира путем сближения граждан друг с другом и обращения их к Богу. Примечательно, что этот фильм сфокусирован не только на социально-экономических проблемах и духовных поисках, но и на глубоких ментальных установках немцев и американцев: «Немецкие граждане могут показаться дружелюбными, но не забывайте, что на самом деле им всем от вас что-то нужно. Все мы живы по милости американцев», - слова родственника Кесслера [6]. Меняющаяся оценка в отношении немцев и их действий была продемонстрирована с помощью другого диалога, развернувшегося между проводником и руководителем «Центропы» (Хартманном): «Вы американец, и «центропа» должна быть международной кампанией. Ведь теперь быть немцем постыдно» [6]. Структурно проявление

власти можно перенести сразу на две плоскости: полковник Харрис и в противовес ему – партизанское ополчение «Вервольф». Отчетливо показано психологическое давление со стороны Харриса в сторону Хартманна, которое доводит его до самоубийства от заполнения анкеты на установление связей с нацистской партией. Чистая репутация руководителя должна сопровождаться на протяжении всего сотрудничества, чтобы сохранить кампанию по обслуживанию и перевозке граждан. В другом фрагменте вырисовывается третья власть, «американская», которая работает по своему уставу и запрещает сборы, процессии, в итоге конфискуя труп Хартманна. Со слов его дочери (Катерины): «Война сделала из отца старика, и вся Германия казалась ему игрушечной железной дорогой. Ему хотелось бы верить, что вагоны реальных составов так же пусты, как и вагоны игрушечных» [6]. Путешествие проводника по вагонам показало мрачную реальность, которая заключалась в перевозке истощенных евреев в вагонах для скота, а после – американских офицеров первым классом. По направлению «Франкфурт – Берлин» дорога открывала виды на казненных американцами немецких партизан, которые пытались бороться в условиях прекращающейся войны.

Лишь внешние проявления Лео, когда-то уклонившегося от призыва в армию, на протяжении длительного периода были соотнесены с пацифизмом: «Если бы меня интересовало оружие, я бы приехал сюда раньше» [6]. Но его судьба была крепко связана с Катериной, которая всегда давала разные показания по поводу сотрудничества с «Вервольф». Однако святой отец пытался обелить ее репутацию в глазах Лео: «Она не член Вервольфа, и раскаивается в своих грехах, пытается их искупить» [6]. Спустя время один из сотрудников «Вервольф» пытался манипулировать развернувшейся любовной историей между этими людьми, диктуя проводнику задания, от которых зависела жизнь Кейт. Леопольд должен был обмануть свою природу миролюбивого человека и по приказу поместить взрывчатку под вагон, который в дальнейшем будет взорван на мосту. Концептуальная идея «американец, спасающий Европу», сначала отходила от правильности и давала волю Лео, согласившегося на взрыв спальных вагонов, но далее снова приветствовалась в фильме, а затем оттянула момент до конца фильма. Спасение жены – это та абсолютная мысль, которая затмила его разум, и даже проведение экзамена с целью трудоустройства оставалось для него уже незначимым событием. Можем продемонстрировать обеспокоенность дяди поведением главного героя: «Лео, стой. Тебе все равно на работу? На тебя жалуются офицер высокого ранга. Это будет отмечено во время экзамена» [6].

Заключительной сценой была встреча полковника, проводника и его жены, представленной как преступницей и показанной в наручниках, а так же признание со стороны полковника, которое начало распутывать историю с манипуляцией, совершенной членом «Вервольф» над Кейт: «Я как-то сказал тебе, что твоя работа на железной дороге может быть полезна для нас. Ты не мог знать, что твои отношения с Оборотнем Катериной Хартманн – вот, что действительно интересовало нас» [6]. Как выяснилось, за Кейт была назначена

слежка из-за обнаружения писем с угрозами, адресованными своему отцу. Однако, сказанные еще в самом начале фильма Леопольдом слова о том, что «нужно проявить доброту по отношению к немцам», оставались до последнего с ним, так же как и позиция Кейт в отношении к американцам: «Ночью я писала отцу письма, но я не желала ему смерти, хотя мне было так больно наблюдать за тем, как он унижается перед американцами»[6]. Исходя из этого фрагмента, мы понимаем, что конфронтация «США – Германия» продолжает ярко прослеживаться до конца фильма. Непонимание друг друга происходит из-за разных мировоззренческих установок, политических взглядов и жизненного опыта. Зафиксируем в подтверждение этой мысли диалог между Катериной и Лео: - «Лео, Вам нужно было всего лишь взорвать мост; - Всего лишь?; - С Вами ничего бы не случилось; - А все эти люди в поезде?; - Все в этом поезде пережили войну. Каждый здесь убивал или предавал, просто чтобы выжить; - Кейт, ты говоришь об ужасных преступлениях; - Мне кажется, что здесь единственный преступник – это Вы; - Но я ничего не сделал! Я ни на чьей стороне! — Вот именно» [6]. Развернувшийся между ними диалог повлиял на Лео и стал поводом для агрессивности, выплёскивающейся на пассажиров поезда: резкая остановка стоп-крана и обход по вагону с оружием, которое когда-то не принималось им со стороны полковника для обеспечения собственной безопасности, стало новым витком в выражении его личности. Трагический конец, если быть точнее, совершенный им взрыв поезда, показал неспособность выбраться из проблемы недоверия и примирения сторон в установлении мирного порядка. Лео не удалось выполнить свою главную миссию, как только он понял, что каждый встречающийся ему человек, в этом не заинтересован. Вскоре, как и самая идея мира, так и спальный вагон нашли пристанище на дне реки. Таким образом, у главного героя отсутствовала возможность проснуться и избавиться от видения той Европы, которая навсегда стала для него разгромленной и разлагающейся, показанной на примере членов немецкого ополчения «Вервольф».

Однако, уже в последнем фильме «Дом, который построил Джек» (2018) Триеру удалось сильнее, чем в остальных кинофильмах, выразить один из главных своих тезисов – «внутри каждого из нас сидит нацист, или Гитлер» [3]. Вне зависимости от региона, в случае с серийным убийцей – история насилия была развернута в Америке. Триер создавал символическое поле, которое направляло и отсылало зрителей к эпохе нацизма – политике прошлого. И примечательно не только то, что для Джека убийства служили продуктами искусства и творчества, но и его цель – создание дома для собственного проживания, является следствием теории о «исторической ценности руин» А. Шпеера. В контексте сотрудничества названного архитектора и А. Гитлера родилась идея о том, что в случае с обрушиванием здания, на его месте должны оставаться эстетически приятные для человеческого восприятия руины, которые станут символом величия Третьего Рейха. Архитектурные сооружения за собой закрепляли историческую память, выражавшуюся в донесении духа времени и эпохи до далеких потомков. Режиссер путем демонстрации

определенных символов пытался вернуться к истории нацизма и соотнести её с проявлениями психических патологий Джека, понудивших его на серийные убийства. Один из маркированных концептов является «Юнкерс 87» – пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны, который воспринимается Джеком, как «самый красивый самолет на свете». Однако в истории этот самолет воспроизводит дискурс зла, а для Джека упомянутый символ в разговоре с Вёрджем (аллюзией на героя поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия») открывает ключ к пониманию экстравагантного искусства. Этот страшный звук, исходящий от немецкого бомбардировщика, можно соотнести с не менее ужасным звуком жертв, пострадавших от убийцы. В частности, другой символический конструкт, концентрационный лагерь «Бухенвальд», воспринимается как место человеческих страданий, и Вёрдж, на примере поэта Гёте, сидевшего под дубом, находившимся посреди этого лагеря, пытался выразить мысль о том, как «гуманизм и достоинство культуры и доброты по иронии судьбы оказалось в самой гуще одного из самых величайших преступлений против человечества во всей истории» [7]. Но главная мысль Джека, также как и Фишера в фильме «Элемент преступления», заключается в том, что любое преступление кроется в человеческой природе, а зверства, которые в дальнейшем могут обрести форму реальности, прорастают из глубинных желаний людей. Этот герой пытался выразить эти зверства с помощью искусства, но основа этого творчества формировалась благодаря заложенным символам, примеры которых были приведены нами выше.

Если в «Элементе преступления» режиссер пытался ввести в дискурс метод идентификации с преступником и влияние его власти на человеческое сознание, которое приводит человека в губительное состояние и делает его преступником, то в «Эпидемии» он показывает идеалиста, не понимающего масштаб трагедии, к которой приводит его главная идея «спасения». В «Европе» же им была предпринята попытка сформулировать одной из сторон предложения мирного разрешения конфликта, ставшая разрушительной. Крайний фильм Триера «Дом, который построил Джек» служит визуальным результатом того зла, на которое может пойти человек. В целом, конфигурация «Европы» условна. Центральным звеном Европы для Триера служит Германия, поэтому и первостепенна история именно этой страны [8, с.11]. Поэтому воссоздание европейской памяти Ларсом Фон Триером – это, прежде всего, визуализация трагедий, которые возникли в Германии и распространились на всю Европу. Он это делает с целью предотвращения новых проблем, и для этого стоит, с его точки зрения, совершить путешествие в сердцевину греха европейской цивилизации XX века, в невыразимые ужасы нацизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларс фон Триер. (2018) Искусство создается в условиях диктата (интервью): [Электронный ресурс] – Режим

доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HaOcoyLVBug&t=774s> . Дата обращения: 10.04.2020.

2. Элемент преступления / Forbrydelsens Element (1984, реж. Л. фон Триер, Дания), игр.

3. Ларс фон Триер. (2019) Sein Kampf |ОСТОРОЖНО СОБЧАК. (интервью): [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3FdQzycicvM>. Дата обращения: 10.04.2020.

4. Ö. Denli. Political Claustrophobia in Lars von Trier's Europa and America Trilogies // Cinema Journal. Volume 7.1 (2018). –P. 225 – 237.

5. Эпидемия / Epidemic (1987, реж. Л. фон Триер, Дания), игр.

6. Европа / Europe (1991, реж. Л. фон Триер, Дания), игр.

7. Дом, который построил Джек / The House That Jack Built (2018, реж. Л. фон Триер, Дания), игр.

8. Триер фон Л. Догвилль. Сценарий / пер. с англ. Н. Хлюстовой // Долин А., Триер фон Л. Ларс фон Триер: Контрольные работы. Анализ, интервью. Догвилль: Сценарий. – М.: Нов. литер. обозр., 2007. – 144 с.

УДК 32.019.51

Т.В. Жмакина

старший преподаватель кафедры социальной политики и идеологии
Института государственной службы Академии управления при
Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ПРАГМА- ДИАЛЕКТИКИ

Аннотация: Статья посвящена определению характерных особенностей политической аргументации с позиции прагма-диалектики и рассматривает эмпирические прототипы диалектических этапов критической дискуссии аргументативного типа коммуникативной политической деятельности.

Ключевые слова: теория аргументации; прагма-диалектическая теория аргументации; политическая аргументация.

T.V. Zhmakina

Senior lecturer at the department of social policy and ideology of the Institute of civil service of the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

POLITICAL ARGUMENTATION FROM THE PERSPECTIVES OF PRAGMA-DIALECTICS

Abstract: The article analyses specific characteristics of political argumentation from the perspectives of pragma-dialectics and studies the empirical prototypes of dialectical stages of a critical discussion of an argumentative political communicative type.

Keywords: theory of argumentation; pragma-dialectical theory of argumentation; political argumentation.

Вторая половина XX века отмечена существенным рывком в становлении и развитии исследований аргументации, который был вызван значительным прогрессом в ряде смежных с ней наук. В становлении теории аргументации как научной дисциплины можно выделить два этапа. Первый приходится на 50–60-ые гг. XX столетия, когда выходят фундаментальные труды Х. Перельмана, Л. Ольбрехтс-Титеки и С. Тулмина. Вторым этапом приходится на 1980-ые гг., когда теория аргументации завоевала всеобщую популярность. Мировое научное сообщество исследователей начинает исследовать и изучать различные аспекты философской аргументации. Представители канадской школы Блэр (J. Anthony Blair), Джонсон (Ralph H. Johnson), Вудс (John Woods) и др. разрабатывают концепцию неформальной логики.

Формально-логические исследования методов аргументации ведутся логиками. Решер (Nicholas Rescher), Барте и Краббе (E. M. Barth, E. C. W. Krabbe) разрабатывают модели формальной диалектики. Широко популярны риторические концепции аргументации Вензеля (J. W. Wenzel), Ребуля (O. Reboul) и лингвистическая концепция радикального аргументативизма Дюкро (O. Ducrot). В Калининграде сложилась школа под руководством В. Н. Брюшинкина, представляющая системный подход к аргументации, который включает логический, когнитивный и риторический аспекты процесса аргументации. Широкое распространение получают исследования, посвященные рассмотрению определенного аспекта: концепции научной аргументации (В. Ф. Берков, А. А. Ивин, Е. Н. Лисанюк и др.), концепции философской аргументации (А. П. Алексеев, Е. А. Кротков, Е. Н. Шульга и др.), концепции историко-культурной аргументации (А. А. Базаров, И. А. Герасимова и др.), модели общественно-политической аргументации и эристики (В. И. Чуешов и др.), управленческой и юридической моделей аргументации (А. П. Бойко, Ю. В. Ивлев и др.), концепции риторической аргументации (Н. Л. Абрамян и др.). В последнее время произошел заметный рост числа международных журналов, специализирующихся на аргументации. В число таких новейших изданий входят «Argumentation» (издательство Springer), «Informal Logic» (издательство SSHRC, University of Windsor), «Argumentation and Advocacy» (издательство AFC), «Argument and Computation» (издательство Taylor and Francis).

Широкую известность приобретают идеи и труды голландской школы аргументации Франса ван Еемерена и Роба Гроотендорста (Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst), в рамках которой развивается прагма-диалектическая концепция аргументации. Прагматический компонент, связанный с теорией речевых актов и дискурсивным анализом, был введен в прагма-диалектическую теорию аргументации под влиянием взглядов представителей философии языка, а диалектический компонент был включен в концепцию под влиянием работ представителей критического рационализма, прежде всего Карла Поппера. Концепция получила свое изложение в таких работах как «Речевые акты в аргументативной дискуссии» («Speech Acts in Argumentative Discussions», 1984), «Аргументация, коммуникация и ошибки» («Argumentation, Communication, and Fallacies», 1992), «Речевые акты в аргументативных дискуссиях» («Speech Acts in Argumentative Discussions», 1994) и др.

В рамках прагма-диалектической теории аргументации разработана критически-рационалистская философия разумности, которая получила свое выражение в идеальной модели критической дискуссии. В модели представлены четыре стадии, выделяемые в процессе аргументации, а также описаны речевые акты, совершаемые на каждой из этих стадий. На всех стадиях критической дискуссии, как протагонист, так и антагонист должны следовать основополагающим принципам, каждый из которых представляет стандарт или норму, согласно которым должна проходить критическая

дискуссия. Нарушение любого из этих правил ведет к неправильному ходу дискуссии, препятствуя рациональному разрешению разногласий. Неверные аргументативные шаги представляют собой определенное нарушение принципа рациональности.

Фундаментальным принципом, на котором строится прагма-диалектическая концепция, является уход от объяснения аргументативных ошибок с позиций логики и понимание их как неверных шагов в коммуникативном процессе аргументирования. В рамках прагма-диалектической теории аргументативная ошибка рассматривается как помеха на пути к разрешению разногласий, а природа конкретной аргументативной ошибки зависит от того, каким образом она препятствует разрешению разногласий по существу вопроса. Таким образом, термин «аргументативная ошибка» связан с понятием правила ведения критической дискуссии и определяется как речевой акт, частично или полностью блокирующий попытки участников дискуссии разрешить различия во мнениях.

Ф. ван Еемерен и П. Хоутлоссер (van Eemeren, Houtlosser, 1999) вводят в прагма-диалектический метод анализа аргументативного дискурса риторический аспект, акцентируя, что каждый этап диалектического процесса разрешения конфликта мнений всегда представлен сопутствующей риторической целью. Вводится модель стратегического маневрирования, которая используется на каждой диалектической стадии и представляет собой выбор того или иного дискуссионного действия из ряда возможных, что составляет потенциал топик говорящего, учет предпочтений аудитории и использование в дискурсе наиболее эффективных средств аргументации.

Понимание и определение природы политической аргументации с научной точки зрения, с точки зрения прагма-диалектики может быть осуществлено с учетом роли, которую играет аргументация в процессе разрешения конфликта мнений посредством ведения критической дискуссии. Процесс политической коммуникации невозможен без использования аргументации и ее форм – доказательства (полного обоснования приемлемости тезиса), опровержения (полного обоснования неприемлемости тезиса), подтверждения (частичного обоснования приемлемости тезиса) и критики (частичного обоснование неприемлемости тезиса).

С точки зрения прагма-диалектической теории аргументативная политическая коммуникация может быть определена как социальная, рациональная, вербальная и целенаправленная деятельность, направленная на сохранение демократической политической культуры посредством ведения критической дискуссии. Политическая коммуникация, как правило, осуществляется в рамках четко организованного институционального формата, определенного регламентом осуществления интеракций. Целью политической коммуникации является реализация институционального смысла того или иного типа коммуникативной деятельности. В качестве примера можно привести предвыборные дебаты как тип коммуникативной аргументативной деятельности, институциональный смысл которой направлен на достижение

кандидатом положительного имиджа и формирование негативного имиджа оппонента у аудитории, убеждение первичной аудитории посредством ведения критической дискуссии с вторичной аудиторией в рациональности выдвигаемой предвыборной программы, завоевание доверия потенциальных избирателей, с тем, чтобы, в конечном счете, получить их голоса на выборах.

Политический дискурс рассматривается нами как преимущественно аргументативный тип коммуникативной деятельности, институциональный смысл которого заключается в сохранении демократической политической культуры. Модель ведения критической дискуссии является теоретическим конструктом и эффективным инструментом определения реального контекста существования политического дискурса как аргументативного. Данная модель не описывает определенную реальную аргументативную дискуссию, а представляет собой разумную диалектическую матрицу, в которую должен вписываться любой аргументативный дискурс, первоочередная цель которого заключается в разрешении конфликта мнения по существу. Аргументативный политический дискурс проходит этап определения разницы во мнениях (стадия конфронтации), этап установления четко сформулированных начальных условий (стадия открытия дискуссии), обмен аргументами и критическими высказывания (этап аргументации) и этап достижения исхода дискуссии (стадия закрытия дискуссии). Участники политической коммуникации должны, как правило, поддерживать баланс между эффективностью, которая является проекцией риторической цели, и разумностью, которая представляет собой диалектическую цель дискуссии. Диалектическая цель каждой стадии критической дискуссии заключается в попытке разрешить конфликт мнений по существу. Риторическая цель каждого этапа направлена на разрешение данного конфликта мнений в свою пользу.

Принимая во внимание этапы ведения критической дискуссии, выделяют четыре составляющие, которые соответствуют четырем стадиям контекстуализованного аргументативного дискурса: исходную ситуацию обмена аргументативными шагами, которая соответствует стадии конфронтации; процедурные и материальные исходные положения аргументативного обмена, которые соответствуют стадии открытия дискуссии; средства аргументации и критические высказывания, которые соответствуют стадии аргументации; и возможный результат дискуссии, который соответствует стадии закрытия дискуссии.

Определение характеристик политической аргументации требует рассмотрения эмпирических прототипов диалектических этапов критической дискуссии аргументативного типа коммуникативной политической деятельности [1].

Начальная ситуация

Начальная ситуация политического дискурса представлена разницей во мнениях по существу вопроса. С позиции прагма-диалектической концепции, разница во мнениях может быть представлена расхождением во мнениях и позицией сомнения по существу вопроса (mixed and non-mixed difference of

opinion at issue) [2, с. 60]. Участники дискуссии в силу институциональных требований контекста обязаны, отстаивая свою позицию и защищая состоятельность своей точки зрения, ответить на критические высказывания оппонента.

Исходные положения

Обмен аргументативными шагами в политическом дискурсе осуществляется в соответствии с правилами, регламентом и процедурой ведения того или иного типа коммуникативной деятельности, что составляет процедурные исходные положения дискуссии, а также в соответствии с материальными исходными положениями. Вступая в дискуссию, участники имплицитно выражают согласие следовать данным исходным положениям.

Права и обязанности участников институционального аргументативного политического дискурса регулируются эксплицитными и имплицитными конвенциями. Эксплицитные процедурные конвенции определяются институтом, регулирующим данный тип коммуникативной деятельности. Имплицитные конвенции включают в себя морально-этические нормы, принимаемые участниками определенного типа политического дискурса.

Особая роль в политической коммуникации отводится ведущему (модератору), чья обязанность объективно и беспристрастно следить за соблюдением норм и положений, регламентирующих ведение и участие в данном типе коммуникативной деятельности; следить за отсчетом времени; извещать участников об окончании времени; по истечении времени прерывать выступающего, выступающий при этом обязан подчиниться требованию ведущего. Ведущий (модератор) имеет право поставить или уточнить вопрос, прервать выступление участника или предоставить слово.

Средства аргументации

В политическом дискурсе обмен аргументативными и критическими высказываниями является важным этапом, ведь убеждение и обоснование точки зрения вряд ли возможно без аргументации. Убеждение является диалектическим видом деятельности, который требует от протагониста держать ответ, прояснять и находить обоснование выдвинутой точки зрения, а от антагониста – призывать посредством вопросов, оценки или критики протагониста обосновывать свою точку зрения.

Эксплицитные и имплицитные конвенции ведения критической дискуссии предписывают и определяют аргументы и критические высказывания, которые могут быть использованы в данном типе коммуникативной деятельности. Как правило, политическая коммуникация – интервью политика, обращение к нации, дебаты по вопросам общественной и политической значимости, предвыборные дебаты, парламентские дебаты и др. – является регулируемым институциональным типом коммуникативной деятельности, аргументация которой контекстуально и конвенционально определена темой дискуссии. Аргументация, используемая в процессе дискуссии, должна соотноситься с точкой зрения, которая выдвигается и защищается публично. Протагонист должен опровергать и(или) доказывать

несостоятельность критических высказываний и сомнений антагониста, которые, как правило, направлены на предоставление отрицательной оценки позиции протагониста. Аудитория оценивает приемлемость аргументации, критики, опровержений и контраргументации как протагониста, так и антагониста.

Возможный результат

Результат дискуссии представляет собой завершение стадии закрытия дискуссии, цель которой разрешить конфликт мнений по существу. Как правило, результат определен институциональными условиями коммуникативного типа. Например, предвыборные дебаты не имеют своей целью убедить противоположную сторону в (не)приемлемости точки зрения по существу вопроса. Более того, участники предвыборных дебатов остаются сторонниками своей первоначальной позиции, твердо уверенными в своей правоте. В случае предвыборных дебатов результатом достижения институциональной задачи данного типа коммуникативной деятельности является убеждение первичной аудитории, которая является потенциальными избирателями, в приемлемости и рациональности выдвинутой аргументации в пользу разумности предвыборной программы посредством ведения дебатов с вторичной аудиторией, а также завоевание их доверия с целью получения голосов на выборах.

Конвенционализация политического дискурса, как типа коммуникативной деятельности, направлена на реализацию институционального смысла определенной политической коммуникативной практики посредством следования определенным условиям. Данные условия отражают институциональные задачи, на достижение которых направлена политическая коммуникативная практика. Участники политической коммуникации осуществляют аргументацию в соответствии с эксплицитными конвенциональными нормами типа коммуникативной деятельности и имплицитными конвенциями, которыми они соглашаются руководствоваться, вступая в данный тип коммуникативной деятельности. Данные конвенции определяют и способ разграничения точек зрения по существу вопроса, и исходные положения, и средства аргументации и критики, а также ее возможный результат. Модель критической дискуссии представляет собой эвристическую процедуру определения политического дискурса как аргументативного типа коммуникативной деятельности, ядром которой является аргументация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жмакина, Т. В. Предвыборные дебаты как разновидность политической аргументации // Иппокрена. – 2019. – № 2(35) – С. 49–62.
2. van Eemeren, F. H. A Systematic Theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach. – New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.

УДК 32.019.51

Н.А. Коровникова

к.полит.н., старший научный сотрудник ИНИОН РАН, г. Москва, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается понятие и основные характеристики термина «историческая память». Показаны угрозы исторической памяти и развитию «ментального пространства» в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, историческая память, ментальное пространство.

N.A. Korovnikova

Candidate of political science, senior researcher, INION RAS, Moscow, Russia

HISTORICAL MEMORY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract: The article considers the concept and basic characteristics of the term «historical memory». Shows the threats of historical memory and of the «mental space» development in the context of digitalization.

Keywords: digitalization, historical memory, mental space.

В условиях глобальной эволюции цифровизация стала одним из основных трендов инновационного мирового развития, роста конкурентоспособности и технологизации всех сфер жизнедеятельности социума. Тотальный характер цифровизации объясняет не только трансформации материально-технической сферы, обусловленные переходом на стадию цифровой экономики, но и значительные изменения ментально-аксиологического пространства, в первую очередь, «в сфере когнитивных процессов, к которым обычно относят память, внимание, восприятие, понимание, мышление, процессы принятия решений» [1, с. 133], а также духовно-культурного измерения нового постиндустриального общества, важнейшей составляющей которого является историческая память, в контексте цифровизации характеризуемая как «устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании», которой присуща «не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого», содержащая исторические образы в качестве фундаментальной основы, коммеморация которых, в свою очередь, рассматривается как целенаправленная актуализация и визуализация исторической памяти народа [2, с. 133-134].

Переход к цифровой формации предполагает, с одной стороны, постоянную адаптацию и готовность всех поколений к динамично изменяющейся среде путем своевременного освоения и применения новейших знаний и компетенций, а с другой стороны, опору на исторический опыт, традиции, образцы мышления и поведения, накопленные за всю историю эволюции конкретного социума, которые формируют фундамент интеллектуального капитала и духовно-нравственной целостности общества. В этой связи риски и перспективы цифровизации требуют более детального изучения с точки зрения сохранения и аккомодации ключевых элементов исторической памяти, которая представляется актуальным объектом междисциплинарных исследований в эпоху цифровых технологий.

Эффективное функционирование и поступательная эволюция социума в контексте диджитализации представляются возможными только при условии соблюдения и выполнения следующих функций исторической памяти, в том числе: осознание личности, общности и чувства причастности к конкретному человеческому сообществу, формирование в качестве преобладающей макрогосударственной идентичности; определение жизненных приоритетов и целей на всех уровнях социума (микроличностном, мезогрупповом, макрогосударственном); обеспечение поколенческой культурно-аксиологической преемственности для ориентации социума в историческом времени и социальном пространстве; укрепление патриотизма в качестве важнейшей основы исторической памяти; уверенность в будущем страны, нации, социума [3]. В данном контексте историческая память рассматривается как системообразующий фактор, генерирующий и детерминирующий особенности и потенциал ментального пространства народа.

Очевидно, что цифровые трансформации предполагают качественные преобразования социума во всех областях путем формирования цифровых моделей на базе облачных технологий и социальных сетей; «агрессивные стратегии» технологических компаний; «гипер-драйв бизнес-процессов»; цифровую реорганизацию производственной деятельности; формирование массовых сетевых структур [4, с. 401-403], а также цифровизацию, виртуализацию и технологическую визуализацию ментального пространства, согласно четырем основным процессам (по П. Штомпка): во-первых, постепенное замещение «природного мира совокупностью созданных человеком реальностей» с различной степенью симулятивности, которые представляют собой инструменты визуализации и виртуализации; во-вторых, доминирование городского стиля жизнедеятельности с «избыточностью визуальности» и обособленностью от традиционных символов исторической памяти; в-третьих, коммерциализация исторической памяти, которая превращается в особую индустрию по визуализации и репрезентации прошлого (сувенирная продукция, туризм и т.п.); в-четвертых, главный способ социальной коммуникации потребительского общества – обмен и диффузии визуальных образцов в виртуальном пространстве [5, с. 36-37].

Однако компьютеризация и цифровизация значительной части мирового ментального пространства² несет не только положительные эффекты (динамичное поступательное развитие, экономический рост, улучшение качества жизни и других социальных показателей, совершенствование кадрового потенциала, личностный прогресс, возможности самоактуализации и др.), но и отрицательные последствия для дальнейшей аксиологической эволюции, а также предполагает деструктивное воздействие на сохранение и поколенческую трансляцию исторической памяти, которые выражаются в :

- распространении ментальных вирусов и эпидемий (психоэмоциональные и психосоматические девиантные состояния индивидуального и общественного сознания), для изучения которых развивается новое научное направление – «ментальная эпидемиология», с целью обеспечения «адаптивной защиты общественного ментального здоровья» [7, с. 85];

- увеличении разновидностей и проявлений ранее неизученных ментальных расстройств, например: «синдром рассеянного внимания» [1, с. 134]; «синдром ментального иммунодефицита»; «синдром экзистенциальной безысходности»; «деструктивный социогенез, психогенез, анимогенез» (культурально-аксиологическая деформация и деградация всех социальных субъектов) [7, с. 89-90];

- культурной гипертекстуальности, которая проявляется в «нелинейной, ассоциативной» генерации мыслей и является результатом языковых трансформаций, повсеместной ценностно-культурной визуализации виртуальной коммуникации («кнопочная культура», «киберязык» и др.) [1, с. 134-136, 140];

- появлении субкультур деструктивной направленности, к примеру группа NEET, для которой характерно удовлетворение потребности в коммуникации исключительно в виртуальном пространстве, псевдозанятость, несформированность важных морально-нравственных качеств [8, с. 583], которые объясняют неспособность воспринимать исторические образцы и традиции;

- переходе к фрагментарности, алогичности и гетерогенности восприятия информационных потоков, к снижению словесно-логической памяти, которые приводят к «отсутствию целостной картины восприятия окружающего мира» [1, с. 137-138, 140];

- «утечке мозгов» и интеллектуальных ресурсов в социальные сети [9, 2018];

- и, наконец, в поляризации и фрагментации социума, которые приводят к крайним (деструктивным) формам индивидуализации, к росту социально-экономической дезинтеграции, к появлению и распространению различных форм терроризма (в том числе ментально-информационных, морально-

² Например, по данным Международного союза электросвязи (ITU), доступ в интернет в 2019 году превысило 4,1 млрд. пользователей цифровых технологий (53%) при том, что их численность непрерывно возрастает [6].

аксиологических) [8, с. 578], к девальвации духовных ценностей, отсутствию четких нравственных ориентиров [10, с. 119] и разрыву поколенческих ценностных систем;

Таким образом, основные характеристики культурно-аксиологического ментального пространства современности включают тенденции цифровизации, визуализации и виртуализации. Данные процессы носят всеобъемлющий необратимый характер, и необходимы для дальнейшей поступательной эволюции социума как на локальном, так и на глобальном уровнях. Например, виртуализация визуальных образцов исторической памяти, связанная с внедрением интернет-технологий, позволяет расширить «границы «воображаемых сообществ», создать общие «виртуальные точки» восприятия и отношения к прошлому [5, с. 37]. Тиражирование визуальных образов в сетевом пространстве способствует гибкости социальных идентификационных структур, которые формируются на «полиморфных визуальных образах» с крайне широкими пределами вариативности [5, с. 37]. С одной стороны, подобные процессы позволяют обеспечить высокую степень свободы и креативности в конфигурации и представлении отдельных исторических образцов и событий. С другой стороны, «цифровая свобода» может привести к девальвации реальных исторических ценностей, что, в свою очередь, станет препятствием на пути эффективного и поступательного развития личности, общества, государства в цифровую эпоху XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики. Монография / Научн. ред. проф. А.М. Старостин. – Режим доступа: Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. – 228 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjzyJHxhNvoAhXcwcQBHWZ-C7UQFjABegQIARAB&url=https%3A%2F%2Fhub.lib.sfedu.ru%2Fstorage%2F1%2F389108%2F2194b49c-bddb-4714-80ab-9c53ec7b1e15%2F&usg=AOvVaw2v_bETITwrFoSgkV1TE5JI. Дата обращения: 04.04.2020.
2. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – Вып. 63. – № 6 (361). – С. 132–137.
3. Бельков О.А. Историческая память в координатах идеологической борьбы – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://histrf.ru/magazine/article/7>. Дата обращения: 05.04.2020.
4. Вызовы цифровой экономики: итоги и новые тренды // Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т, 2019. – 696 с.

5. Аникин Д.А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе // Logos et praxis. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 32-39.
6. Интернет-доступ (мировой рынок) // TADVISER. – 2020. – 21.01.– [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-доступ_\(мировой_рынок\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-доступ_(мировой_рынок)). Дата обращения: 04.04.2020.
7. Сидоров П.И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. – 2015. –Т. 15. –№4. – С. 82-95.
8. Ломоносовские чтения–2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. – 1046 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56275&p=attachment>. Дата обращения: 01.04.2020.
9. Почепцов Г. Как информационные технологии атакуют ментальное пространство человечества // ResearchGate GmbH. – 2018. – 05.11. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/328738753_Как_информационные_технологии_атакуют_ментальное_пространство_человечества. Дата обращения: 02.04.2020.
10. Золотухин М.А. Концепция безопасности образовательного пространства // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018. –№1(43). – С. 117-120.

УДК 32.019.51

А.С. Мартынов

Историк, свободный исследователь, Донецкая народная республика
(ДНР), г. Донецк

НОВЕЙШИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

Аннотация: Автор рассматривает проблему политической ревизии итогов Великой Отечественной войны и прославления нацистских пособников в современной Украине. В статье анализируются мероприятия по реабилитации украинских военных коллаборационистов, осуществленные официальной историографией властями Украины в 2019 г. – начале 2020 г. Исследованные материалы характеризуют гуманитарную политику нового президента Украины В. Зеленского.

Ключевые слова: украинский национализм; коллаборационизм; фальсификация; историография.

A. S. Martinov

Historian, freelance researcher
Donetsk people's Republic (UPR), Donetsk

THE NEWEST NATIONALISTIC FALSIFICATIONS OF HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN UKRAINE

Abstract: An author views the problem of political revision of results of the Great Patriotic War and glorification of the Nazis supporters in modern Ukraine. In the article there is analyzed measures on rehabilitation of the Ukrainian war collaborators that had done by the official historiography and authorities in Ukraine in 2019 – early 2020. Studied data serve as characteristic of the humanitarian politics of new Ukrainian President V. Zelensky.

Keywords: Ukrainian Nationalism; collaboration; falsification; historiography.

В данной статье рассматривается проблема политического ревизионизма и националистических фальсификаций истории Великой Отечественной войны в «постмайданной» Украине за период первого года президентства шоумена Владимира Зеленского, избранного в апреле 2019 г. На основе данных официальной украинской историографии и сообщений СМИ анализируются основные тренды «национальной политики памяти» на Украине применительно к интерпретации событий Второй мировой войны.

Следует отметить, что основы историко-политического ревизионизма на Украине были заложены еще в 1990-е годы при президенте Л. Кучме, который

теперь, спустя 20 лет, заявляет, что *«все проблемы из-за того, что история Украины писалась в Москве»* и страна должна сама решать, кого считать своим героем, например – Степана Бандеру [1]. Официозная украинская историография фактически поддерживает подобный подход и увязывает ревизию национальной истории с проектами политической и гуманитарной «реинтеграции» отделившихся в 2014 г. от Украины Донбасса и Крыма. При участии директора академического Института истории Украины В. Смолия [2] и его коллеги Л. Якубовой [3] в 2019 г. были подготовлены два аналитических доклада, в которых по сути предлагается методами политической пропаганды изменить общественное сознание населения Крыма и Донбасса, навязав ему украинский националистический дискурс и русофобскую версию исторической идентичности. По мнению В. Смолия и Л. Якубовой, Донбасская региональная общность представляет собой *«поздно колонизированный регион, в историческую память которого менее всего по времени имплементирована украинская история»* [2, с.86], а «Крымский узел» требует *«качественного прорыва в украинском нациостроительстве и втягивание Крыма в свое поле притяжения»* [2, с.87]. Предложения В. Смолия и Л. Якубовой сводятся к продолжению политики президента П. Порошенко по «декоммунизации» и изменению исторической памяти Донбасса и Крыма [2, с.103-108], в том числе путем «демонтажа русско-мирного нарратива» [2, с.110]. По мнению Л. Якубовой, *«миф о Великой Отечественной войне в его советской версии входил в конфликт с сегментами региональной исторической памяти»* на Украине [2, с.108], а концепция Русского мира *«отрицает право украинцев выбирать свое будущее на свое усмотрение»* [2, с.275]. Борьба против традиционной «российской» патриотической версии истории Великой Отечественной войны является идейным и методологическим принципом украинских историографов. В качестве примера можно сослаться на сборник «Ревизия истории. Российская историческая пропаганда и Украина», подготовленный в 2019 г. на гранты фондов Евросоюза в рамках программы «Восточное партнерство» и фонда Дж. Сороса «Возрождение» [4]. В этой работе украинские историки - грантополучатели дискредитируют вклад СССР и лично И.В. Сталина в Победу над фашизмом во Второй мировой войне [4, с. 26-28], в глумливых выражениях бульварной публицистики отрицают коллаборационизм украинских националистов, террор ОУН-УПА против мирного населения, нацистское происхождение бандеровского лозунга «Слава Украине» и т.д. [4, с.30-35]. Один из авторов сборника, львовский историк Я. Грицак частично признал коллаборационизм «украинской полиции», которая, по его словам, *«этнически не была полностью украинская. Там были разные группы и прослойки, вместе с солдатами бывшей Красной Армии»* [4, с.91]. По мнению Я. Грицака, во время войны многие украинцы надеялись, *«что немецкая армия освободит их от Сталина и сталинского режима»* [4, с.94], теперь же необходимо *«приближение к фронтовой правде, чем к той официальной «правде», которая идет из Кремля»* [4, с.95].

Подобный нигилистический, антисоветский и русофобский взгляд вообще на всю историю Украины в её официальных границах формулируется не только «центральной» украинской историографией, но и навязывается региональной историографии русско-культурных регионов. Так, в материалах конференции «Юг Украины: этноисторическое, языковое, культурное и религиозное измерение», проведенной в 2019 г. в Одесском национальном морском университете, был опубликован целый ряд националистически ангажированных публикаций, содержащих антироссийскую интерпретацию истории [5].

В 2019 г. украинская историография «отмечала» 80-летие «пакта Риббентропа-Молотова», организовав вместе с польскими историками международную научную конференцию «Пакт для войны: сговор Гитлер-Сталин 23 августа 1939 г. Украинские и польские историки еще раз повторили традиционные антисоветские и антироссийские мифы о «сговоре» между СССР и Третьим рейхом, проигнорировав при этом факты активного участия украинских коллаборационистов-диверсантов в гитлеровской агрессии против Польши в сентябре 1939 г. [6]. В концептуальной статье ведущих сотрудников Института истории НАНУ С. Виднянского, В. Грицюка и А. Лысенко, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны, утверждалось о совместной войне Германии и СССР против Польши, хотя общеизвестно, что Красная Армия начала свой поход в Западную Украину и Белоруссию только 17 сентября 1939 г., т.е. уже после фактического поражения Польши в войне с Германией [7]. По утверждению украинских историков, якобы *«по просьбе немецких союзников в войне против Польши советское командование создало мощнейшую и мобильную группировку на южном направлении»* и таким образом помогло немецким войскам разбить польскую армию [7, с.18]. В 2019 г. Институт истории Украины также отметил 80-летие провозглашения украинскими националистами в марте 1939 г. «Карпатской Украины», которая просуществовала всего несколько дней и была уступлена Гитлером Венгрии. В «Украинском историческом журнале» - официальном издании НАН Украины – была помещена статья доктора исторических наук С. Виднянского с положительными оценками «Карпатской Украины» как региональной формы «украинского державотворения» [8].

Традиционным для украинской ревизионистской историографии является и отрицание или как минимум снижение уровня ответственности формирований ОУН-УПА за геноцид польского населения во время «Волынской резни» 1943-1944 гг., которая именуется «украинско-польским конфликтом». Так, в 2019 г. Институт истории НАНУ опубликовал статью львовского историка А. Козицкого, в которой утверждалось, что на основе научных «геноцидных штудий» карательные акции ОУН и УПА против польского населения Волыни якобы нельзя трактовать как форму геноцида, поскольку украинские националисты будто бы не обладали для этого соответствующими «социальными механизмами» и не имели четко сформулированной «антипольской идеологии» [9]. Вопреки очевидным

историческим фактам, А. Козицкий бездоказательно заявил: *«Украинская сторона не осуществляла никаких мероприятий, которые можно было бы квалифицировать как подготовку к геноциду... Оценивать антипольские акции украинского партизанского движения на Волыни в 1943 г. как заранее спланированный и организованный геноцид оснований нет»* [9, с.16]. Подобные категорические и безапелляционные суждения, противоречащие общеизвестным документальным данным об убийстве бандеровской УПА десятков тысяч поляков в «Волынской резне», наглядно характеризует антинаучную политико-пропагандистскую позицию украинской историографии по «проблемным» страницам истории: всё, что не вписывается в официозную бандеровскую трактовку событий, не просто замалчивается, а в духе одиозной «геббельсовской пропаганды» показательным, доктринерски игнорируется.

Героизация ОУН-УПА уже многие годы является задачей «Украинского института национальной памяти» (УИНП), что был создан в 2006 г. президентом В. Ющенко и систематически организует бандеровские выставки-экспозиции по всей Украине. В 2019 г. при участии активного ревизиониста, директора УИНП В. Вятровича была организована очередная пропагандистская выставка «Украинская повстанческая армия: ответ непокоренного народа», в рамках которой экспонировались стенды с фотографиями С. Бандеры, Р. Шухевича и других «вождей» ОУН-УПА, а также украинских эсэсовцев из одиозной дивизии «Галичина». По материалам выставки был издан специальный буклет с предисловием В. Вятровича, где говорилось: *«Представить воинов УПА как предателей своего народа и преступников теперь трудно для тех, кто не видит Украину свободной и сильной в будущем. Ведь история украинских повстанцев показывает, каким решительным может быть ответ украинцев на посягательство на их свободу»* [10]. В рамках организованной «Украинским институтом национальной памяти» и лично В. Вятровичем политико-пропагандистской кампании по «декоммунизации» на Украине было изменено 52 тыс. топонимов, переименовано 987 населенных пунктов и демонтировано больше 2, 5 тыс. *«памятников вождям коммунистического тоталитарного режима»*. По словам В. Вятровича, все эти меры были приняты для борьбы против «агрессора» - России, которая использует «имперское прошлое» для влияния на Украину [11]. По существу, формирование новой «национальной памяти» в современной Украине проводится методами массового государственного вандализма в отношении топонимики, памятников истории и культуры.

Избрание в апреле 2019 г. президентом Украины шоумена В. Зеленского не остановило политику «декоммунизации» и «бандеризации» украинского общества. Достаточно отметить, что В. Зеленский получил на выборах большинство голосов даже в такой националистической среде, как родное село Бандеры – Старый Угринов Ивано-Франковской области [12]. Сам В. Зеленский сразу же после избрания поддержал «декоммунизацию», заявив, что это «выбор общества», а также одобрил героизацию Бандеры: *«Степан Бандера – герой для какого-то процента украинцев, и это нормально и классно. Это один из тех*

людей, которые защищали свободу Украины» [13]. На День Победы 9 мая 2019 г. новый украинский президент лично принял участие в пропагандистской акции «примирения» советского ветерана войны и связной УПА. По словам В. Зеленского, *«в День памяти и примирения, мы чтим и поклоняемся перед всеми, кто боролся против нацизма и погиб за Украину»* [14]. Таким образом, В. Зеленский солидаризовался с националистической конъюнктурой и прежней государственной политикой героизации украинских коллаборационистов.

В начале 2020 г. Институт истории Украины НАНУ к 70-летию своего директора академика В. Смолия выпустил историографический сборник трудов, в котором было опубликовано очередные «исследования» националистического, антисоветского и русофобского характера [15]. Данная академическая книга служит некой квинтэссенцией новейшей украинской историографии, которая по своей сути перестала быть научно-исследовательской профессиональной группой и превратилась в кадрово-бюрократическую пропагандистскую машину украинского неонацистского государства. Оправдание и прославление украинского национализма, русофобская и «европоцентристская» интерпретация (вернее сказать, фальсификация) всей истории Украины, формирование враждебного образа России как государства, страны и цивилизации – таковы основные задачи сегодняшней украинской историографической «касты», что готова обслуживать бандеровскую конъюнктуру что при президенте П. Порошенко, что при В. Зеленском. Среди многочисленных работ, опубликованных в историографическом сборнике к юбилею В. Смолия, следует особо выделить статью бывшего сотрудника Донецкого национального университета, доктора исторических наук Е. Стяжкиной, которая в 2014 г. не поддержала создание ДНР, эмигрировала в Киев и заняла откровенно русофобскую националистическую позицию. В статье «Вторая мировая война в жизни и смерти украинцев: попытка наладить методологическую оптику» Е. Стяжкина повторяет устоявшиеся антироссийские мифы, нивелирующие прогрессивную роль СССР-России во Второй мировой войне и в обеспечении победы над фашизмом, постоянно ссылается для подтверждения своих ревизионистских измышлений на сомнительные «авторитеты» из числа западных «советологов», отождествляет нацистскую Германию и сталинский СССР [15, с.587-607]. Оправдывая украинский национализм, которых репрессировала советская система, Е. Стяжкина доходит до утверждений о *«государственном коллаборационизме в его советско-российской версии»* (с Третьим рейхом в 1939 г.) и о том, что *«украинцы, которые оказались под оккупацией в годы Второй мировой, не соответствуют советскому определению коллаборационизма»* [15, с.602]. Свои ревизионистские размышления о Второй мировой Е. Стяжкина завершает выводами о том, что украинцы тогда не имели собственного государства и потому *«интересы украинцев были объективированы присвоены кремлевским руководством»*. По мнению Е. Стяжкиной, осмысление военной истории возможно только *«после завершения агрессии РФ против Украины»* и понимания событий [15, с.607]. В

представлении Е. Стяжкиной и других украинских фальсификаторов истории традиционная патриотическая «победная» концепция Великой Отечественной войны служит современным внешнеполитическим интересам враждебной им России, поэтому украинские ревизионисты навязывают не просто антисоветскую и русофобскую, но и подчеркнуто нигилистическую, «жертвенную», «пораженческую» анти-концепцию событий 1939-1945 гг., представляя Украину и украинцев жертвой Сталина и Гитлера, нивелируя и отрицая прогрессивное, освободительное, всемирно-историческое значение Великой Победы. При прочтении украинских «научных трудов» создается устойчивое впечатление, что украинские историки чуть ли не сожалеют о разгроме Третьего рейха, поражении бандеровских коллаборационистов и победе СССР.

В оккупированных Украиной в 2014 г. районах Донбасса практическая реализация политики «национальной памяти» сводится к проведению пропагандистских акций по героизации украинских националистов и дискредитации традиционных ассоциативных образов, связанных с тематикой Великой Отечественной войны. Примером может служить выставка «Защитники Украины», организованная в декабре 2019 г. в краеведческом музее г. Славянска: на данной выставке была устроена публичная демонстрация военной формы и оружия украинских коллаборационистов из дивизии ваффен СС «Галиция» [16]. Очевидно, именно таких «защитников Украины», как присягавшие Гитлеру эсэсовцы, теперь навязывают жителям Славянска и Донбасса при новом украинском президенте В. Зеленском (впрочем, как и при его политическом предшественнике П. Порошенко). В январе 2020 г. в Славянске была проведена акция по чествованию бандеровской УПА: украинская молодежная организация «Националистический Конгресс» устроила театрализованный рождественский «вертеп», в котором участвовали «украинские повстанцы», персонажи Сталина, «черта» из НКВД и т.д. По сценарию «вертепа», Сталин хочет послать на украинские села «орды голодных генералов», но «повстанцы» с автоматами в итоге побеждают Сталина и НКВД. Задача «вертепа» якобы состояла в объединении Украины от Тернополя до Славянска [17]. Данное действие довольно близко напоминает пропагандистские мероприятия нацистских оккупантов, о которых сообщает российский исследователь коллаборационизма Б.Н. Ковалев: в период оккупации в школах вывешивались портреты Гитлера, а перед Рождеством проводили утренник «Как детей чекист советский чудной елочки лишил, но затем солдат немецкий детям ёлку возвратил» - тогда в образе Бабы-яги представляли работника НКВД [18]. Инцидент в Славянске еще раз подтверждает, что возрождение практик и проявлений коллаборационизма неизменно приводит к копированию и воспроизведению (возрождению) аналогичных практик нацизма и фашизма. Особо примечательно, что объектом и реципиентом националистической пропаганды на Украине в первую очередь является школьная и студенческая молодежь, чье мировоззрение находится еще в стадии формирования и в

значительной степени зависит от образовательной среды, воздействия СМИ, повседневных практик в школе и вузе.

Обобщая выше изложенное, приходится констатировать, что современная украинская историография Второй мировой войны давно уже отошла от принципов научности, историзма, элементарной этики и выступает в качестве некой идеологической бюрократии правящего на Украине националистического режима. К 75-летию Великой Победы украинскими властями и обслуживающими их ангажированными историографами дискредитирован и запрещен даже сам термин «Великая Отечественная война», а события Второй мировой либо сфальсифицированы, либо частично проигнорированы с целью создания совершенно антинаучной, мифологизированной, антисоветской и русофобской по своей идеологической направленности версии прошлого. В сущности, украинский государственный аппарат и его конъюнктурная историографическая бюрократия взяли на вооружение идеологию украинского национал-коллорабационизма, застывшую на уровне 1940-х годов, поверхностно модернизировали её под потребности текущего политического момента и навязали населению Украины в качестве варианта «исторической памяти» и ложной национальной идентичности. В результате «постмайданная» Украина отказалась от наследия Великой Победы, ассоциировав себя с побежденным в 1945 г. коллаборационизмом (и соответственно с нацизмом), при этом дискредитировал и дегуманизировал как саму Победу, так и поколение ветеранов-победителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучма назвал источником проблем Украины «написанную в Москве» историю страны. 17.05.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/world/1417250-kushma/>. Дата обращения 1.04.2020.

2. Смолій В., Якубова Л. Крим і Донбас: проблеми й перспективи інтеграції в модерний український проект (аналітична записка). / Смолій В., Якубова Л. – К.: Інститут історії України НАН України, 2019. – 116 с.

3. Якубова Л. Інтеграція Донбасу і Криму vs дезінтеграція України: історичний досвід, сучасні виклики (аналітична доповідь). / Якубова Л. – К.: Інститут історії України НАН України, 2019. – 333 с.

4. Ревізія історії. Російська історична пропаганда та Україна. / За редакцією В. Єрмоленко. — К.: «Інтерньюз-Україна», 2019. – 99 с.

5. Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Збірка наукових праць. Вип. 7. / Відп. ред. М.І. Михайлуца. – Херсон: Одеський національний морський університет, 2019. – 608 с.

6. Лисенко О., Панто Д. Міжнародна наукова конференція «Пакт для війни: змова Гітлер – Сталін від 23 серпня 1939 р. з перспективи 80 років від початку Другої світової війни» / Лисенко О., Панто Д. // Український історичний журнал. 2019. № 4. – С.228-231.

7. Початок «Другої імперіалістичної війни» та «українське питання»: деякі дипломатичні, політичні, воєнні аспекти / Віднянський С., Грицак В., Лисенко О. // Український історичний журнал. 2019. № 5. – С.4-24.
8. Віднянський С. Карпатська Україна як етап українського державотворення / Віднянський С. // Український історичний журнал. 2019. № 2. – С.67-93.
9. Козицький А. Українсько-польський конфлікт 1943 р. на Волині: аналіз за методикою геноцидних студій / Козицький А. //Український історичний журнал. 2019. № 6. – С.4-19.
10. Українська повстанська армія: відповідь нескореного народу. /Ред. В. В'ятрович. – К.: Український інститут національної пам'яті, 2019. – С.2.
11. В Украине декоммунизировали 52 тысячи объектов – Вятрович. 8.04.2019. – Режим доступа: <https://gordonua.com/news/society/v-ukraine-dekommunizirovali-52-tysyachi-obektov-vyatrovich-872240.html>. Дата обращения 1.04.2020.
12. Большинство жителей родного села Бандеры выбрали Зеленского. 22.04.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/04/22/bandera/>. Дата обращения 1.04.2020.
13. Зеленский назвал героизацию Бандеры «классной». 18.04.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://lenta.ru/news/2019/04/18/ze_sui_bandera/ . Дата обращения 1.04.2020.
14. Зеленский «помирил» ветерана ВОВ и партизанку УПА. 9.05.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/world_news/zelenskiy-pomiril-veterana-vov-i-partizanku-ura-368777/ . Дата обращения 1.04.2020.
15. 1. Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смолія .У 2-х книгах. Книга 1. Простори історії. /Ред. Г. Боряк. – К.: Інститут історії України НАН України, 2020. – 672 с.
16. Бойцов Ваффен СС закрепили в статусе защитников Украины. 10.12.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golospravdy.eu/bojcov-vaffen-ss-zakrepili-v-statuse-zashhitnikov-ukrainy/> . Дата обращения 1.04.2020.
17. Сталин, черт из НКВД и УПА: в Славянске показали «повстанческий» вертеп. 18.01.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glavred.info/ukraine/10140899-stalin-chert-iz-nkvd-i-ura-v-slavyanske-rokazali-povstancheskiy-vertep.html>. Дата обращения 1.04.2020.
18. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. / Ковалев Б.Н. –М.: Молодая гвардия, 2011. – С.562.

УДК 321.6

А.В. Меликов

к.т.н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет», г. Волгоград, Россия

НЕТИПИЧНОЕ РАЗВИТИЕ МОНАРХИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Греческая монархия по своим признакам оказалась далекой от классической. Через историко-хронологическое описание основных этапов ее формирования выявлены особенности, позволяющие характеризовать процесс развития как нетипичный для этой формы правления.

Ключевые слова: Король Греции, греческая монархия, форма правления государством, конституция.

A. V. Melikov

Candidate of technical Sciences, associate Professor, Volgograd state agrarian University, Volgograd, Russia

ATYPICAL DEVELOPMENT OF THE MONARCHY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN INDEPENDENT GREEK STATE

Abstract: The Greek monarchy was far from classical in its characteristics. Through the historical and chronological description of the main stages of its formation, we have identified features that allow us to characterize the development process as atypical for this form of government.

Keywords: The King of Greece, Greek monarchy, Form of State Rule, Constitution.

С XV в. по 1820 г. Эллада была под властью османской Империи. В 1821 г. в Греции началось освободительное восстание на фоне общего роста национально-освободительной борьбы нетурецкого населения, понимавшего состояние глубокого социального кризиса Османской империи, ее экономический и военный упадок [1]. Сбросить оковы ига грекам помогала поддержка европейских держав, – Соединенного Королевства, Франции и Российской империи – решавших на тот момент свои геополитические задачи.

Президентом молодого независимого греческого государства был выбран бывший статс-секретарь иностранных дел Российской империи, – И. Каподистрия (1830-1831) – сыгравшей решающую роль по принуждению турков-османов к подписанию мирного договора.

Однако факт скорого убийства первого президента Греции, якобы вошедшего в конфликт с местными кланами, «потребовал» незамедлительной помощи «старших товарищей», что позволило великим державам Старого Света вмешаться в судьбу страны и решительно сделать ее королевством. Российской империи, достигшей основной цели прикрытия южных границ и не желавшей раздора в отношениях с партнерами по военному альянсу, оставалось лишь согласиться с их решением. Таким образом, монархия в Греции была определена крупными державами того времени [2] на основе соглашения Лондонского протокола 1830 г, по которому ее трон предложен второму сыну короля Баварии 17-летнему принцу Оттону I (1831-1862), принадлежавшему к немецкой династии Виттельсбахов и унаследовавшему от отца-монарха, единственного увлекшегося греческим восстанием, симпатию к греческому народу.

Историй становления новых независимых европейских государств в XIX в. было немало, однако греки «инициировали этот процесс» раньше. Первая республиканская форма правления греческим государством, выбранная Национальным собранием, словно опережала время и совершенно не внимала влиянию внешних факторов, которое было всегда. А «навязанная свыше» монархия, принимавшаяся за эталон европейской формы государственного устройства, по своим признакам оказалась далекой от классической. Через историко-хронологическое описание основных этапов формирования греческой монархии выявлены особенности, позволяющие характеризовать процесс развития как нетипичный для этой формы правления.

В течение первых лет господства Оттона I группа баварских Регентов, приехавших с принцем для управления страной до его совершеннолетия, сделала себя очень непопулярными, пытаясь навязать немецкие мысли твердого иерархического правительства на греках, сконцентрировав все органы власти в своих руках. Тем не менее, они положили начало греческой администрации, армии, системам правосудия и образования, а также административно-территориальным единицам. Баварский принц был искренним в своем желании дать Греции хорошее правительство, но пострадал от двух больших «напастей»: его римско-католической веры и бездетного брака с королевой Амалией Ольденбургской. По настоянию Соединенного Королевства и Франции баварские Регенты управляли Грецией вплоть до 1837 г.; взамен последним были назначены греческие министры, однако баварские чиновники по-прежнему управляли большей частью администрации и армией [3].

Греческий народ был крайне недоволен засильем баварской власти, угнетавшей местное самоуправление. Внутри страны царил политический раскол: три политические группировки ориентировались соответственно на Российскую империю, Францию и Соединенное Королевство. «Русская партия» пользовалась влиянием среди ветеранов национально-освободительной войны, французская – объединяла представителей интеллигенции, средних слоев и коммерсантов, английская – собирала вокруг себя финансовых магнатов и судовладельцев, тесно связанных с английским капиталом.

Благодаря действиям патриотических сил Греции, общественное недовольство вылилось в восстание в Афинах 3 сентября 1843 г. Собравшиеся перед дворцом короля мятежники, объявили свои требования антикатолического и антибаварского толка, после которых Оттон I согласился принять конституцию (обнародованную в марте 1844 г.), определившую присутствие греков в Совете и православного наследника греческого престола, а также созыв постоянного национального собрания. Новая конституция создала двухпалатный парламент, в котором нижняя палата (Ассамблея) избиралась всеобщим голосованием, а верхняя «Сенат» – назначалась королем. У короля было право роспуска парламента и назначения судей. Закреплялся принцип исповедования православия наследником короля. Однако монархия в Греции уже приняла форму конституционной; иначе говоря, статус короля стал носить ограниченный характер [4]. Власть перешла в руки группы политиков, большинство из которых были командующими во время войны Независимости против османов. Правительство Греции возглавил А. Метаксас (1843-1844) – лидер «Русской партии», верный сподвижник политических идей И. Каподистрия.

Вопреки данной королем Оттон I присяге на верность конституции Греции, последовавшее его управление государством свидетельствовало о систематических ее нарушениях. Сам факт присяги был определен напуганной реакцией короля на французскую революцию 1848 г. Взгляд через историко-хронологическую призму на деятельность баварского принца обнаруживал ни самостоятельности убеждений, ни способностей государственного человека. Попеременно поддаваясь влиянию борющихся партий, сперва Регентству, потом русской, французской и английской, «иностранный» монарх не оправдал надежд греков и под давлением восставшей армии в 1862 г. был вынужден подписать отречение.

Претендентов на свободный престол оказалось несколько, за каждым из которых снова стояли «старшие товарищи». Единственным кандидатом, устраивавшим великие державы, стал принц Кристиан Вильгельм Фердинанд Адольф Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский [5], второй сын будущего датского короля Кристиана IX, в то время наследника престола.

30 марта 1863 г. Учредительное собрание избрало принца Георга (Георгиоса) I (1863-1913) греческим королем, несовершеннолетнего и не знавшего греческого языка. Лондонский трактат 13 июля того же года санкционировал перемену династии державами-покровительницами [6]. Так корона Греции была признана наследственной в Глюксбургском доме.

Пятидесятилетнее царствование короля Греции оказалось бурным и драматичным. Исповедовавший лютеранство новый король был встречен уличными схватками между его сторонниками и противниками. Ему досталась экономически крайне отсталая сельскохозяйственная страна, наиболее развитые территории (Крит, Фессалия, Эпир) которой продолжали находиться под властью османов. Греческое государство, безнадежно оказавшееся в долговой яме перед лондонскими финансовыми компаниями, испытывало

недостатки в сырье, инфраструктуре и капитале.

Несмотря на юный возраст и непростое состояние дел, Георг I (по рекомендациям английского правительства) сделал политически верный первый шаг – в 1864 г. была принята новая конституция, отличающаяся от предшествующей более демократическими институтами власти. Полномочия Короля были уменьшены, Сенат был отменен, институт парламента начал развиваться, и привилегия была расширена на всех взрослых мужчин. Тем не менее, греческая политика осталась в большой степени династической.

На внутривластной карте Греции развитие инфраструктуры ее значимой части – Афины утвердили свой статус политического, идеологического и интеллектуального центра греческого государства – характеризовалось увеличенными расходами на ее создание и масштабной коррупцией. Перенапряжение слабой греческой экономики и наложение Международных полномочий Финансового контроля страны-должника вызвали декларацию общественного банкротства в 1893 г., что способствовало крупномасштабному оттоку населения, в частности, в Соединенные штаты Америки [7].

На международной арене успехи Георга I тоже воспринимались неоднозначно. В 1866 г. против турецкого владычества восстало население Крита, потребовавшее воссоединения с Грецией. Великие державы помешали греческому правительству оказать помощь восставшим критянам, что не прибавило популярности королю. В 1877 г. в начале военных действий между Российской и Османской империями «популистское» чувство греков, сплоченное с интересами русских, требовало незамедлительного участия. Однако Греция была слишком зависима от британского мнения, предлагавшего ей воздержаться. Несмотря на неполную решительность и частую смену действий, такая политика дала результат – в 1881 г. под натиском великих держав Османская империя пошла на уступки Греции, освободив Фессалию и часть Эпира [8]. Спустя 15 лет военных и политических «истязаний» великие державы вынудили Османскую империю предоставить Криту полную автономию и вывести с острова свои войска. По предложению Российской империи греческий король Георг I в ноябре 1898 г. был назначен сроком на три года верховным комиссаром острова в качестве представителя держав, но под сюзеренитетом султана.

В 1910 г. к власти в Греции пришло правительство вождя критских либералов Э. Венизелоса, которое «яро» приступило к реализации великогреческой идеи [9], более 30 лет согревающей умы граждан консервативного толка. Не полный решимости и противоречивый, «квазиверховный» комиссар король Греции уже не управлял настроением народных масс, которое с каждым годом усиливалось сторонниками нового правительства.

Неожиданное убийство короля Греция Георга I в Салониках в 1913 г., в разгар военных действий на Балканах, психопатом-анархистом, прямо не преследующим политических целей, оказалось на руку австро-венграм,

стремящимся развалить Балканский союз, дипломатам из Германской империи, желавшим усилить влияние решений династии на политику Балканского полуострова, и болгарам – по географическим причинам. Так или иначе, долгое царствование Георга I оказалось прологом к периоду нестабильности последующих царствований, постоянных войн и переворотов, преследовавших Грецию более 60 лет.

На престол вступил старший сын короля Георга – Константин (Константинос) I (1913-1917, 1920-1922). Родившийся в Греции православный король, носивший имя, усиливающее дух романтического греческого национализма, впервые мог претендовать на народного и любимого. Однако, в отличие от отца, Константин I твердо верил в военную мощь не Греции, а Германии. В начавшейся мировой войне 1914-1918 гг. греческие правящие круги разделились [10]: Э. Венизелос возглавил Временное правительство национальной обороны, которое было признано союзниками Антанты de-facto, а греческий монарх всячески препятствовал действиям Англии и Франции. И как результат, в июне 1917 г. верховный комиссар держав после совещания с экс-премьер-министром и командующим союзными войсками потребовал отречения Константина I от престола в течение суток.

Без видимой поддержки от прусского короля греческий монарх был вынужден отречься от престола в пользу своего второго сына Александра (Александроса) I (1917-1920); в обход наследного принца Георга, который, как и отец, был германофилом. Король Греции, в силу сложившихся обстоятельств прихода к власти и сильного авторитета премьер-министра Э. Венизелоса, не имел реальной власти. Александр I, выполняя роль «свадебного генерала», большей частью путешествовал по местам военных действий, поддерживая боевой дух солдат. Осенью 1920 г. от укуса комнатной обезьянки скончался Александр I [11].

После смерти короля Греции Э. Венизелос заявил о создании республики. На выборах в правительство действующий премьер-министр потерпел поражение, потому что его идея не была поддержана ни народом, не до конца понимающим ее сути, ни «старшими товарищами», не желавшими кардинально менять сложившиеся условия. В декабре 1920 г. новая палата, проведя референдум, вернула трон Константину I, изгнав на этот раз экс-премьер-министра.

Однако король вместо решения внутривнутриполитических проблем Греции возглавил войска и направил их в сторону Османской империи, подойдя к Анкаре. Успешное движение, объясняющееся инерцией всех сопутствующих военной активности служб, после лишения хорошего руководства армией (уволена команда военачальников Э. Венизелоса) сменилось отступлением и сдачей в плен главного штаба. Такой исход событий не мог оставить солдат равнодушными, связывавшими унижительное поражение напрямую со слабой личностью короля. «Катастрофа» греческой идеи углубила политический кризис в стране, оставила Грецию в финансовом отношении исчерпанной, не способной накормить свой народ, деморализованной. И, как следствие, в

греческой армии вспыхнуло восстание, в результате которого королю Греции Константину I эфемерно пришлось вторично отречься от престола, теперь уже в пользу старшего сына Георга II (1922-1924, 1935-1947).

Царствование Георга II было непродолжительным. Полученное в наследство военно-политическое и экономическое состояние дел было сложно запутанное, противоречивое и беспокойное. «Революционный Комитет», проводивший политику охоты на ведьм против сподвижников короля, напрочь запугал сторонников монархии [12]. Идея создания национального собрания, наскоро переписывавшего старую конституцию, тоже оказалось неудачной. Как результат неудавшихся идей, в декабре 1923 г. на выборах в правительство победили республиканцы, по требованию которых король Греции должен был отправиться в изгнание в Лондон. Лишенный гражданства Георг II покинул Элладу и уехал, но не в Лондон, а в родную страну его жены Румынию.

25 марта 1924 г. Учредительное собрание провозгласило Грецию республикой. Государственное управление, впервые озвученное 4 года назад Э. Венизелосом, при этих социально-экономических и военно-политических обстоятельствах оказалось вдруг понятным и актуальным народу. Хотя и в республиканской Греции по-прежнему не прекращалась ожесточенная борьба партий между прореспубликанцами и монархистами, отказывавшимися признавать легитимность республики. К этой поляризации в обществе была добавлена дестабилизирующее участие военных в политике, с «завидной» периодичностью осуществлявших попытки переворотов. Великая депрессия имела катастрофические последствия для экономики Греции.

Итак, ограниченный характер статуса короля, смена династий, монарх, не олицетворявший ни единство нации, ни историческую преемственность традиции, постоянное вмешательство извне, специфическая передача власти, а также отречение от престола и возвращение к нему – все эти особенности характеризуют развитие греческой монархии как нетипичное для этой формы правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мировая история 19 века. Османская империя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldhis.ru/osmanskaya-imperiya>. Дата обращения: 28.02.2020.
2. Рассел, Дж. Королевство Греция / Дж. Рассел. – М.: ООО «Книга по требованию», 2012. – 58 с.
3. История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / С.П. Пожарская, А.С. Намазова (отв. ред.). – М: Наука, 2000. – С. 186.
4. Соколовская, О. 200 лет истории греческих конституций: от эпидавр-ской – к европейской / О. Соколовская // журнал «Европа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.greek.ru/news/culture/13239/>. Дата обращения: 29.02.2020.

5. Μοναρχи Европы: Судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов [и др.]. – М.: ТЕРРА, 1997. – 74 с.
6. Петрунина, О.Е. Греческая нация и государство в XVIII-XX в.: Очерки политического развития / О.Е. Петрунина. – М.: Книжный дом «Университет», 2010. – 743 с.
7. Vergopoulos, K. The last administration of Trikoupis and the bankruptcy [Text] / K. Vergopoulos // History of the Greek Nation. – Athens, 1977. – vol. 14. – pp. 35-37.
8. Sowards, S.W. The Greek Revolution and the Greek State [Electronic source] / Steven W. Sowards // Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History. – Режим доступа: <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan/lecture6.html>. Дата обращения: 03.03.2020.
9. Великая идея (Греция) // Интернет-энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.wikiwand.com/ru/Великая_идея_\(Греция\)](http://www.wikiwand.com/ru/Великая_идея_(Греция)). Дата обращения: 05.03.2020.
10. Χρονόπουλος, Γ. "Ο Στρατιωτικός Σύνδεσμος και ο Ελευθέριος Βενιζέλος". Γουδί (1909), το κίνημα που άλλαξε την Ελλάδα (Ελευθεροτυπία) / Γ. Χρονόπουλος. – Αθήνα, 2011. – σελ. 270.
11. Van der Kiste, J. Kings of the Hellenes: The Greek Kings, 1863–1974 / John Van der Kiste. – Dover, New Hampshire and Stroud, Gloucester-shire: Sutton Publishing, 1994 – 200 p.
12. Улунян, А.А. Политическая история современной Греции: конец 18 – 90-е гг. 20 вв. / А.А. Улунян. М.: ИВИ РАН, 1998. – 331 с.

УДК 32.019.51

О.В. Михина

к. пед. наук, доцент Магнитогорского ГТУ им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, Россия

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ЖЕРТВАХ ВОЙН В ГЕРМАНИИ

Аннотация: Сохранение культурно-исторической памяти о жертвах войн в Германии необходимо как для самих немцев, так и для остального мира, чтобы учиться на уроках прошлого.

Ключевые слова: Память, холокост, покаяние, война, прошлое.

O.V. Mikhina

PhD in pedagogical Sciences, associate Professor of Magnitogorsk state
technical University named after G. I. Nosov, Magnitogorsk, Russia

KEEPING CULTURAL HISTORICAL MEMORY ABOUT VICTIMS OF WARS IN GERMANY

Abstract: Keeping cultural historical memory about victims of wars in Germany is necessary both for the Germans themselves and for the rest of the world in order to learn from the lessons of the past.

Keywords: Memory, Holocaust, repentance, war, past.

К проблеме сохранения исторической памяти о войне в Германии приковано пристальное внимание как самих немцев, так и различных международных организаций и сообществ.

Интерес к этой теме извне понятен. Ни один здравомыслящий человек не хочет повторения ужасов войны, и поэтому любые попытки реваншизма национал-социалистов вызывают опасения и тревогу [1].

Как известно, смена поколений происходит примерно каждые 40 лет. Т.е. в 2025 г. сменятся уже 2 поколения людей, живущих без войны, и коммуникативная память уходит в прошлое. В последние десятилетия предпринимаются усиленные попытки переписать историю в угоду тому или иному политическому режиму. Чтобы учесть ошибки прошлого и не допустить забвения, необходимо сохранять культурно-исторические памятники, свидетельствующие о лишениях войны, и документы, в которых зафиксированы факты, проливающие свет на исторические события уходящей эпохи.

С точки зрения историка Я. Ассманна [2, с. 171], воспоминания обращены в прошлое.

Морфемный разбор немецкого слова «воспоминание» *Er-innerung* указывает на корень *inne* и означает *вызывание внутрь, доведение до сознания*. Именно через воспоминания народ осознает свою идентичность как помнящая культура, а культурная идентичность складывается в культурную традицию или, другими словами, в культурную преемственность. Чтобы к прошлому можно было обратиться, необходимы некие свидетельства о нем, и эти свидетельства должны отличаться от дня сегодняшнего. Таким образом, мы выстраиваем цепь коммуникативной памяти через прошлое, связывая его с настоящим и будущим.

Национальная память немцев хранит, в том числе и печальные страницы своей истории. Тема геноцида евреев – позорная страница в истории Германии. Холокост уничтожил 6 млн. евреев во время Второй мировой войны. Это нацистское пятно надолго легло на Германию. Некоторое время в обществе говорилось о необходимости «преодоления прошлого», предпринимались попытки сделать тему гитлеровской диктатуры табуированной, стереть из памяти период истории с 1933 по 1945 г.г. Однако невозможно было построить будущее, не освободившись от «коричневого прошлого». Нужно было осмыслить прошлые ошибки и обрести новые человеческие ценности, уничтоженные нацизмом [3].

После войны вышли в свет дневники Анны Франк, еврейской девочки, которая во время оккупации Нидерландов вела записи и рассказывала вымышленной подруге о жизни обитателей убежища, где укрывались евреи от нацистов. Сначала Анна вела дневники для себя, но весной 1944 г. по радио она услышала призыв министра образования Нидерландов сохранять любые документы, которые позже смогут стать свидетельством испытаний, пережитых еврейским народом в годы оккупации [4]. Т.е. еще во время войны люди понимали, что нужно сохранять историческую память для будущих поколений.

В 2009 г. дневник Анны Франк был признан объектом реестра «Памяти мира» ЮНЕСКО – программы ООН по вопросам образования, науки и культуры, которая призвана защищать всемирное документальное наследие. «Память мира» сохраняет уникальные документы, которые оказывали в течение какого-то промежутка времени влияние на ход истории, чье исчезновение нанесет урон наследию человечества [5].

Сохранение исторической памяти взывает к осознанию прошлого. После войны в Германии выходили книги, ставились театральные пьесы, которые повествовали о неприглядном прошлом Германии. Писатели Г. Бёлль и Г. Грасс, члены немецкого литературного объединения «Группа 47», удостоились Нобелевской премии за свои послевоенные произведения, раскрывающие моральную катастрофу личности молодых немцев и изобличавшие нацизм. Молодежь того времени болезненно переживала позорное наследие своих отцов и дедов, критически переосмысливая то зло, которое их страна принесла человечеству. И это нацистское прошлое оставило на Германии вечную незаживающую рану [6].

В 1995 г. Гамбургским институтом социальных исследований была создана передвижная выставка, рассказывавшая о преступлениях национал-социализма. Выставка вызвала огромный резонанс, т.к. повествовала о «войне на уничтожение» и изобличала не только нацистов, но и солдат германского вермахта. Тем самым авторы выставки разрушали миф о нежелании и неучастии большинства немцев в преступлениях фашизма [7].

Первым попытку признания вины предпринял канцлер ФРГ В. Брандт в 1970 г., совершив акт коленопреклонения перед памятником Героям и Жертвам Варшавского гетто. Сам В. Брандт был не замешан в преступлениях Третьего рейха. Этим поступком он выразил раскаяние за грехи нацистской Германии красноречивее самых высокопарных слов. «Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов. Таким образом, я почтил память миллионов жертв» [8]. Газета «Таймс» назвала В. Брандта человеком года, а в 1971 г. он был удостоен Нобелевской премии мира.

30 лет спустя канцлер Г. Шредер, давая оценку поступку В. Брандта, назвал этот акт символичным. Германия признала свою вину за гитлеровский режим перед всем миром. Только через покаяние можно было встать с колен и строить будущее, не забывая о прошлом [9].

В 1985 г. президент ФРГ Р. фон Вайцеккер в своей речи по случаю сорокалетия окончания Второй мировой войны призвал «считать 8 мая 1945 года конечным пунктом ложного пути германской истории, зародившим надежду на лучшее будущее» и призвал принять прошлое, чтобы помнить, ибо «без воспоминания не может быть примирения». Он также процитировал еврейскую мудрость: «Желание забыть продлевает ссылку, а тайна искупления кроется в воспоминании» [10].

В 1993 г. у немецкого художника Г. Демнига родилась неординарная идея коллективного признания вины перед жертвами нацизма. Демнинг создал камни преткновения (нем. *Stolpersteine*) [11]. Они представляют собой бетонные камни с латунными надписями имен – жертв режима, которые встроены в мостовые или тротуары по всей Германии. Идея заключается в том, чтобы человек, желая прочесть имя, написанное на камне, остановился и наклонился к нему. Тем самым преклонил голову в знак памяти о невинно убиенных.

Федеральный президент Германии с 1994 по 1999 г., Р. Херцог, давая оценку прошлому Германии, сказал: «*Unser Erbe ist Verantwortung*» / *Наше наследие – это ответственность*. Он же ввел в обиход термин *die Zukunft der Erinnerung* / *будущее воспоминания*, призывая перейти от воспоминания о пережитом к воспоминанию о сообщенном, приобретенном знании и извлечь уроки из прошлого, чтобы строить будущее [12].

Политика покаяния была продолжена А. Меркель. В своей речи на пресс-конференции по случаю 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в Москве она сказала: «*Als deutsche Bundeskanzlerin verneige ich mich vor den Millionen Opfern, die dieser Krieg, vom nationalsozialistischen Deutschland*

entfesselt, gefordert hat» / *В качестве канцлера я преклоняюсь перед миллионами жертв, которые вызвала эта война, развязанная национал-социалистической Германией. «Ich erinnere an die Verbrechen des Holocaust, die uns Deutschen als immerwährende Mahnung in Erinnerung bleiben werden» / Я помню преступления холокоста, которые останутся для нас, немцев, в памяти как вечное напоминание. А. Меркель упомянула и историческую ответственность за национал-социалистическую Германию и уроки, которые нужно из этого извлечь: «Deutschland das nationalsozialistische Deutschland hat diesen Zweiten Weltkrieg begonnen, und wir haben die historische Verantwortung, das immer wieder im Gedächtnis zu behalten und daraus auch die Lehren zu ziehen» [13].*

Многие политические партии Германии используют в своих выступлениях лозунги и призывы, выражающие решительный протест против любого насильственного разрешения конфликтов: «Nein zum Krieg!» / *Нет войне!*, «Nie wieder Krieg!» / *Никогда снова война!* «Niemals wieder» / *Никогда больше*. Тем самым показывая свою готовность к диалогу и поиску компромисса, в каких бы то ни было спорных вопросах [14].

И наоборот лозунги, относящиеся к нацистскому прошлому Германии, являются табуированными в современном языке Германии, как например, призывы на воротах концлагерей *Jedem das seine!* / *Каждому свое* или *Arbeit macht frei!* / *Работа делает свободным*, т.к. они сохранили в исторической памяти народа негативную коннотацию, связанную с постыдным периодом в истории Германии [Там же].

Современную политику интеграции беженцев в Германии многие рассматривают как политику преодоления прошлого. Стала знаковой фраза канцлера А. Меркель «Wir schaffen das!» / *Мы справимся с этим*, которой она призвала оказать помощь мигрантам из Ближнего Востока, тем самым воплощая в жизнь политику толерантности. Германия протягивает руку помощи всем тем, кто в этой помощи нуждается. Политика гостеприимства по отношению к беженцам последовательно претворяется руководством Германии во главе с ныне действующим канцлером А. Меркель [15]. В ответ на критику своего курса А. Меркель парирует: «*weil es zur Identität unseres Landes gehört, Größtes zu leisten*» / *т.к. это относится к миссии нашей страны совершить великое* [16].

Еще один показательный пример сохранения культурно-исторической памяти о жертвах Холокоста - это включение в качестве кандидатов на занесение в список всемирного наследия ЮНЕСКО еврейского кладбища в Альтоне (г. Гамбург). Еврейские кладбища осквернялись и уничтожались по всей Европе. В Германии действует государственная программа по уходу за мемориалами в бывших концлагерях, в Берлине создан Мемориал Холокоста, действует мемориал «*Neue Wache*» памяти жертв фашизма и милитаризма. В нем перезахоронены неизвестный узник концлагеря и неизвестный солдат. По инициативе канцлера Г. Коля здесь установлена копия скульптуры К. Кольвиц «*Мать с погибшим сыном*».

Очевидно, политика покаяния приводит к ценностному повороту и обретению нового взгляда на историю, переосмысление ее уроков. Помнить необходимо, чтобы преодолеть прошлое. Помнить необходимо, чтобы не повторилось прошлое зло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михин, А.Н., Михина, О.В. Отношения России и Германии в период правления А. Меркель: Россия – партнер или соперник? (на материале немецких СМИ) / А.Н. Михин, О.В. Михина // Образ России в условиях информационной войны конца XX –начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск.гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. – С. 63 – 83.
2. Ассманн, Я. «Культурная память» / Я. Ассманн. Языки славянской культуры. – Москва, 2004 – 363 с.
3. Борозняк, А. ФРГ: Волны исторической памяти [Электронный ресурс] / А. Борозняк // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2. –Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html>. Дата обращения: 10.03.2020.
4. Дневник Анны Франк [Электронный ресурс] /Википедия. –Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Дневник_Анны_Франк. Дата обращения: 25.02.2020.
5. Память мира. Общие руководящие принципы сохранения документального наследия [Электронный ресурс] – Режим доступа:<http://libed.ru/knigi-nauka/441108-1-pamyat-mira-obschie-rukovodyaschie-principi-cohraneniya-dokumentalnogo-naslediya-otdel-voprosam-informacionnogo-obsch.php>. Дата обращения: 01.03.2020.
6. Пленков, О. Ю. Национальное покаяние за нацизм в Германии в контексте сегодняшней европейской интеграции / О.Ю. Пленков // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. – Вып. 4. – С. 91-100.
7. Агаев, В. Последняя легенда Второй мировой войны [Электронный ресурс] / В. Агаев// DW. 28.11.2001. – Режим доступа:<https://www.dw.com/ru/последняя-легенда-второй-мировой-войны/a-339293>. Дата обращения: 10.03.2020.
8. Брандт, В. [Электронный ресурс] / В. Брандт. Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%82_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8. Дата обращения: 25.02.2020.
9. Малкин, А. Символ покаяния или как канцлер Германии попросил прощения за преступления своего народа [Электронный ресурс] / А. Малкин. 07.12.2017. – Режим доступа: <https://grzegorz.livejournal.com/2851316.html>. Дата обращения: 25.02.2020.

10. Вайцзеккер Р. Речь, произнесенная 8 мая 1985 г. по случаю сороколетия окончания Второй мировой войны [Электронный ресурс]. –Режим доступа:http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/02/150202-RvW-Rede-8-Mai-1985-russisch.pdf%3F__blob%3DpublicationFile. Дата обращения: 10.03.2020.

11. Камни преткновения [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F. Дата обращения: 25.02.2020.

12. Herzog, R. Die Zukunft der Erinnerung /R. Herzog / Was bleibt von der Vergangenheit? Die junge Generation im Dialog über den Holocaust. Stiftung für die Rechte zukünftiger Generationen.– 1. Aufl. – Berlin, Links, 1999. S. 17-24.

13. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10. Mai 2015 in Moskau [Электронный ресурс] / Die Bundesregierung. – Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenzen/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-staatspraesident-putin-am-10-mai-2015-in-moskau-848730>. Дата обращения: 25.02.2020.

14. Михина, О.В. Сопоставительный анализ публицистических арсеналов общественных движений России и Германии / О.В. Михина. Публицистический арсенал общественных движений России и Германии : колл. моногр. – Магнитогорск, 2015. – С. 249 - 289.

15. Михина, О.В., Михин, А.Н. Дискурсивная личность бундесканцлера Германии / О.В. Михина, А.Н. Михин // Политическая лингвистика. 2019. – № 5 (77).– С. 81-87.

16. Es gehört zur Identität unseres Landes, Größtes zu leisten [Электронный ресурс] // Die Presse, Print-Ausgabe. 15.12.2015. –Режим доступа: <https://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/4887385/Es-gehoert-zur-Identitaet-unseres-Landes-Groesstes-zu-leisten>. Дата обращения: 22.03.2018.

УДК 32.019.51

И.И. Олейник

д.ю.н., профессор Ивановского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново, Россия

ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация: Раскрывается значение патриотизма как фундаментальной общенациональной ценности и одного из ключевых факторов формирования демократической государственности в современной России.

Ключевые слова: патриотизм, общенациональные ценности, гражданское единство, политико-правовые процессы.

I.I. Oleynik

Doctor of law, Professor of the Ivanovo branch of the Russian Academy of
Sciences
national economy and public service
under the President of the Russian Federation, Ivanovo, Russia

PATRIOTISM IN MODERN RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

Abstract: The implications of patriotism as a fundamental national value and one of the key democratic state system formation factors in modern Russia are discussed.

Keywords: patriotism, national values, civil unity, social identity, political and legal processes.

В условиях усиления трансграничных угроз и осложнения проблем развития российского общества, важной составляющей современных политико-правовых процессов в России является всестороннее и надежное обеспечение национально-государственного и гражданского единства.

Одним из существенных факторов, влияющих на характер решения этой задачи, является патриотизм. Он представляет собой особый политический дискурс [1], духовно-нравственный и идейно-политический конструкт, активно участвующий в создании социальной действительности.

В патриотизме получает выражение исторический транзит преемственности поколений: как в сознании отдельной личности, так и в судьбе каждой национальности, всего народа.

В известном смысле, патриотизм имеет действительно судьбоносное значение: для отдельного человека, поскольку формирует определенные ценности и стандарты восприятия окружающего мира, является одним из критериев социальной идентичности; для народа – поскольку выражает его культурно-историческое единство и служит активным стимулом его сплоченности и солидарности; для государства, – поскольку оказывает влияние на его способность давать адекватный ответ глобальным вызовам, на политическую стабильность и эффективность государственного управления, на выбор путей исторического развития.

Патриотизм связан, прежде всего, с особым национально-историческим духовно-культурным пространством как объектом идентификации. В этой пространственно-временной основе формирования патриотизма лежат цивилизационные горизонты, а не идеологические границы и политические барьеры. Поэтому крушение какого-то политического режима не означает гибель одного Отечества и рождение другого. В патриотизме выражается историческая преемственность в существовании именно народа, а не государственного строя. Последний может меняться, а Отечество, народ при этом остаются прежними.

Патриотизм на уровне индивидуального и общественного сознания воплощает единство российского многонационального народа. Он представляет собой фундаментальную общенациональную ценность, являясь одним из ключевых факторов формирования демократической государственности и гражданского общества, а также российской идентичности.

Российская идентичность представляет собой концепт, объединяющий гражданскую и национальную составляющие и означающий осознание индивидами и этносоциальными группами причастности к сообществу граждан РФ [2, с. 61]. Одной из ее существенных черт является обусловленность национальным многообразием населения России. Вместе с тем, единым субъектом гражданского единства в нашей стране выступает многонациональный народ России и в этом смысле нередко используются понятия «национальная идентичность России», «национально-гражданская идентичность россиян», «российская национальная идентичность» [3]. Поэтому проблема формирования российской идентичности должна рассматриваться в контексте задач достижения гражданского единства в условиях национального многообразия.

Гражданское единство проявляется не только в отношении к своему государству и народу, но и в юридически значимом поведении: стремлении исполнять законодательство России, быть гражданином, верным своим конституционным обязанностям и долгу.

В нем интегрируется любовь к Отечеству с толерантным восприятием национальных, конфессиональных и культурных различий в обществе, частный интерес с общественным, человеческое достоинство с гражданской ответственностью, внутренняя свобода личности с уважением к закону.

Однако «измерить» патриотизм и выразить его уровень и степень влияние – задача достаточно сложная [4]. Точно так же непросто определить место патриотизма и в современном правовом поле.

Между тем, патриотизм имеет несомненную юридическую ценность, поскольку способствует упрочению легитимности власти, поддержанию правопорядка, повышению уровня правовой культуры и правосознания граждан, проявляется в их правовом поведении и отношении к своим обязанностям.

Хотя в Конституции РФ термин «патриотизм» не встречается, но в качестве одной из предпосылок ее принятия в Преамбуле указывается «любовь и уважение к Отечеству». Это прямо соотносится с патриотизмом, его нравственной и правовой ценностью. То же можно сказать и о ст. 59, в которой установлено, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Исследователями сегодня не случайно подчеркивается важность конституционно-правового регулирования идеи патриотизма как одного из условий обеспечения стабильности современного общества [5].

Согласно Модельному закону «О патриотическом воспитании», принятому в 2015 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, патриотизм представляет собой «любовь к Родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов». В этом правовом акте дается еще одно немаловажное определение: «Отечество – родная для человека, социальной или национальной общности людей страна, принадлежность к которой они воспринимают как необходимое условие своего благополучия» [6].

Вопросам формирования патриотизма уделяется значительное место в современной российской правовой политике.

Уже в своем первом Послании Федеральному Собранию в 2000 г. Президент РФ отметил: «Демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму, не мешают находить собственные ответы на вопросы духовности и морали» [7]. В 2013 г. Президент РФ особо подчеркнул: «Если мы хотим сохранить свою идентичность в целом, то мы, конечно, должны культивировать здоровое чувство патриотизма» [8]. В данной позиции выражается понимание того, что патриотизм составляет фундамент «самостояния» народа как фактор социальной идентичности и инструмент противодействия глобальным вызовам и угрозам, но при этом не противоречит принципу открытости для взаимовыгодного мирного сотрудничества с другими народами.

Сегодня все больше внимания уделяется правовому регулированию процессов формирования патриотизма в контексте укрепления российской идентичности.

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в подпункте «а» п. 21.1 формирование патриотизма характеризуется как одно из основных направлений

государственной национальной политики Российской Федерации в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов России [9].

В 2017 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О патриотическом воспитании в Российской Федерации», направленный, прежде всего, на создание единого терминологического аппарата и содержащий, в том числе, определения «патриотизма» и «Отечества», а также целей, принципов и направлений государственной политики в сфере патриотического воспитания. Однако законопроект, ввиду отрицательного заключения Правительства РФ и большого количества критических замечаний юридико-технического и лингвистического свойства, все еще находится в стадии доработки и пока не утвержден даже в первом чтении, несмотря на обращения ряда законодательных органов субъектов Российской Федерации об ускорении его рассмотрения.

По мнению Председателя Совета Ассамблеи народов России С.К. Смирновой «Феноменом российского патриотизма является то, что он не имеет этнической, конфессиональной или какой-либо иной окраски» [10, с. 7].

Однако сегодня в условиях глобализации во многих странах с полиэтничным и поликонфессиональным населением природа патриотизма выходит за рамки традиционных национально-религиозных основ. А в некоторых государствах они никогда не были определяющими, что было обусловлено исторически: США, например, изначально формировались как «страна эмигрантов».

Тем не менее, нельзя отрицать, что патриотизм, в отличие от космополитизма, нераздельно связан с ассоциативным восприятием личностью ее принадлежности к определенному народу. Это проявляется даже в условиях территориальной дискретности существования определенного народа – в феномене «диаспорального патриотизма». Поскольку в мире не так много народов, компактно проживающих в пределах только одного политико-государственного образования, то «диаспоральный патриотизм» всегда имел и имеет достаточно широкое распространение. И не всегда это означает трагедию разрыва с Отечеством, а бывает обусловлено сознательным выбором человека, где ему лучше жить, исходя из своих возможностей, потребностей и интересов. Особенно в современных условиях глобализации и юридического закрепления во многих странах демократического принципа свободы передвижения и выбора места жительства как естественного права личности. Кроме того, не все граждане руководствуются патриотическими идеями по отношению к своему государству. Это не делает их правонарушителями, если они соблюдают законы и выполняют свои обязанности.

Таким образом, патриотизм не всегда связан с гражданством, но всегда предполагает осознанную и активную гражданскую позицию и соучастие в судьбе своего народа и Отечества.

Еще один аспект, обуславливающий важное место патриотизма в современных российских политико-правовых процессах, определяется тем, что

он способен в определенной степени уравнивать и сглаживать социальную дифференциацию, идейно-политическую конфронтацию, протестные настроения, т. е. поддерживать социальную стабильность. Его мобилизационная составляющая, таким образом, способствует консолидации гражданского общества, а также упрочению легитимности власти и, в конечном итоге, укреплению существующего государственного строя. С другой стороны, применительно к конкретно-историческим условиям патриотизм может служить своего рода «барометром» отношений между властью и гражданским обществом или его частью. При этом не только дефицит патриотизма (выраженный в равнодушии к судьбе Отечества и своему гражданскому долгу), но и ультрапатриотический накал (оправданный или спровоцированный) в равной мере несут в себе опасность дестабилизации общественных отношений и нарушения правового порядка. Таким образом, патриотические отношения могут находиться как в действующем правовом поле, так и выходить за его пределы. Однако никогда патриотизм не преступает границ интересов Отечества и народа и не ставит выше него интерес личный либо групповой.

Корни патриотизма — в ценностном восприятии человеком своей принадлежности к определенному Отечеству как социально-государственной целостности. Соотечественники являются таковыми в силу единственности для них отечества. Их деление по политическим, религиозным или национальным критериям данного статуса не меняет. «Пусть взгляды различны, отечество — одно», — говорили по этому поводу древние римляне. Патриотизм выступает квинтэссенцией социальной идентичности личности, ее национального самосознания, политической коммуникации и духовно-нравственных приоритетов [11]. В нем проявляются особые субъектно-волевые отношения, ориентированные на определенные идеалы и цели, которые всегда и неразрывно связаны с идеей национально-государственного укрепления Отечества.

В этом смысле патриотизм — мера не только единства, но и достоинства народа. Заметим, что в современной юридической литературе встречается выражение «национальное достоинство России», которое отождествляется с достоинством ее многонационального народа, как «духовный источник, главная движущая сила» и неотъемлемая составная часть ее национального достояния» [12].

Патриотизм не может быть «безнациональным» или «вненациональным», он неразрывно связан с категориями «народ», «нация», «национальность», в том числе, — в юридическом отношении.

В правовое поле сегодня все более активно включается понятие «российская нация». Еще в 2003 г. было предложено ее легальное закрепление в законопроекте ««Об основах государственной национальной политики Российской Федерации»». Последовавшее обсуждение выявило неоднозначное отношение к этому понятию со стороны научного сообщества. Хотя в 2012 г. указанный законопроект был отклонен, данное понятие в том же году было включено в текст «Стратегии государственной национальной политики

Российской Федерации на период до 2025 года», нацеленной на «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Это же целеполагание сформулировано в Государственной программе «Реализация государственной национальной политики», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 30.11.2019), также рассчитанной на период до 2025 г.

В указанную выше Стратегию Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 года № 703 был дополнительно включен пункт 4.2, в котором раскрывается ряд основных терминов. В том числе, в подпункте «б» определяется: «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием». В этом определении аккумулируются понятия «многонациональный российский народ», «российская нация» и «граждане Российской Федерации». Гражданское единство рассматривается как основа российской нации. Следует также отметить, что в подпункте «г» пункта 4.2. Стратегии в качестве тождественных фигурируют понятия «гражданское самосознание» и «общероссийская гражданская идентичность», под которыми понимается «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества».

В п. 11 Стратегии подчеркивается, что «на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству». На наш взгляд, словосочетание «историческая территория Российского государства» достаточно расплывчато. Если в отношении понятий «патриотизм» и «служение Отечеству» не вызывает сомнений возможность их ретроспективного применения в указанном выше смысле и к СССР, и к Российской империи, и к Московскому царству, и к Древнерусскому государству, то применительно к термину «российская нация» здесь нет достаточной ясности. С одной стороны, представляется, что он связан непосредственно с территорией Российской Федерации и народами, проживающими на ней сегодня. С другой, – исторические корни «российской нации», так же, как и понятия «патриотизм», могут прослеживаться применительно к различным этапам развития нашего Отечества.

Приведенные выше определения, содержащиеся в Стратегии, пока не стали отправной точкой для их законодательного закрепления. Патриотизм и патриотические отношения еще не получили определения в каком-либо нормативно-правовом акте. На наш взгляд, ввиду этого нельзя говорить о «патриотических правоотношениях». Хотя в юридической литературе в

последние годы уже достаточно широко используются понятия «этнические правоотношения», «этнические и национальные правоотношения», «национально-этнические правоотношения», «межнациональные правоотношения». Однако, в отличие от них, патриотизм, как и любовь, вряд ли может быть объектом правового регулирования и предметом «объективации» в правовых нормах.

Сегодня стратегия внутреннего и геополитического развития страны объективно определяется национально-этакратическими приоритетами и опирается на концепцию отстаивания суверенных интересов России как многонационального Отечества при определении задач и перспектив функционирования государства. Особое значение проблема патриотизма приобретает в условиях информационного общества и перехода существенной части социально-политических процессов и коммуникаций в киберпространство, не имеющее границ [13].

Стремление России выстроить новую, адекватную существующим вызовам, конструкцию государственности и занять достойное место в современном мировом сообществе детерминирует сегодня определенную модификацию факторов социальной идентичности, среди которых патриотизм занимает ключевое место.

В этой связи возрастает актуальность осмысления политико-правовых оснований и «качества» патриотизма [14] в контексте геополитической трансформации отношений между различными странами и народами, порождающей новые реалии в восприятии проблем суверенитета, безопасности, межнациональных коммуникаций, политических процессов, правового положения личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартынов, М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М.Ю. Мартынов, Л.А. Фадеева, А.И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 109–121.
2. Санина, А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 57–65.
3. Мирзоян, Г.В. Российская национальная идентичность: Основные факторы её образования. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – 43 с.
4. Мартынов, М.Ю. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия / М.Ю. Мартынов, А.И. Габеркорн // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 31–43.
5. Христофорова, Е.И. Конституционно-правовое регулирование идеи патриотизма как условие стабильности современного общества // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 106–108.

6. О патриотическом воспитании. Модельный закон, утвержденный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2015 года № 42–6 [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. Официальный сайт. – Режим доступа: https://iacis.ru/upload/iblock/fc0/prilozhenie_k_postanovleniyu_42_6.pdf. Дата обращения 5.04.2020.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/22401>. Дата обращения 5.04.2020.
8. Путин, В.В. Встреча со студентами юридических вузов Москвы // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19778>. Дата обращения 5.04.2020.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350. Дата обращения 5.04.2020.
10. Патриотизм как фактор развития российской государственности / под общ. ред. И.В. Бочарникова. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.
11. Шадже, А.Ю. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции / А.Ю. Шадже, Н.А. Ильинова, С.А. Сетова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 3 (204). – С. 188–197.
12. Панченко, П.Н. Национальное достоинство и национальное достояние Российской Федерации как факторы обеспечения экономической безопасности страны и как приоритетные объекты уголовно-правовой охраны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 75–79.
13. Таскаева, А.В. Патриотизм в современной информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 10 (432). – С. 172–176.
14. Иванов, Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. – 2019. – № 4. – С. 21–26.

УДК 303.7

А.М. Олешкова

к.ист.н., доцент Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОБЗОР ТРАДИЦИЙ

Аннотация: В статье раскрываются две традиции методики дискурс-анализа (Н. Фэркло и Р. Водак), обозначены возможности использования критического метода применительно к политическим процессам и явлениям, отмечен междисциплинарный статус подходов, которые вынуждают исследователя использовать знания философии, лингвистики, социологии.

Ключевые слова: дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, власть, коммуникация, квазиполитический дискурс, Фэркло, Водак, Фуко.

A.M. Oleshkova

PhD in historical Sciences, associate Professor of Nizhny Tagil state socio-pedagogical Institute (branch) Russian state vocational pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia

DISCOURSE ANALYSIS IN POLITICAL THEORY AND INTERDISCIPLINARY STUDIES: REVIEW

Abstract: The article describes two major trends in discourse analysis (N. Fairclough and R. Wodak). We outline the possibilities of critical discourse analysis application to political process and political realia. We underline the interdisciplinary status of these approaches, which combine advances in philosophy, linguistics and sociology.

Keywords: discourse analysis, critical discourse analysis, power, communication, quasi-political discourse, Fairclough, Wodak, Foucault.

Методы дискурс-анализ и критический дискурс-анализ (КДА), также как и само понятие дискурса, в гуманитарных и социальных науках имеет многообразие трактовок. В данной статье мы уделим внимание характеристике и выявлению потенциала применения двух основных традиций, которые способствовали формированию методологии КДА как в англоязычной, так и отечественной науке.

На сегодняшний день существует две традиции в разработках методологии и процедуры применения дискурс-анализа, позволяющие обратиться к анализу политических феноменов и явлений: критический дискурс-анализ Н. Фэркло и исторический дискурс-анализ Р. Водак.

Оба варианта использования методов позволяют говорить, с одной стороны, о междисциплинарности вопроса, поскольку существует взаимообратная связь между дискурсом и культурой; с другой стороны, исследуемая методология дает возможность использовать категорию «квазиполитического дискурса», в котором сущностным понятием является «власть» (одна из базовых политологических дефиниций), а борьба за власть и за дискурс воспринимаются как единое целое. Кроме того, сама категория власти обладает социальным смыслом, распространяющимся на любое явление культуры, которая по определению является феноменом, построенным на иерархии и соподчинении.

Первоначально скажем, что любая редакция данного метода восходит к философским, политологическим и филологическим корням, в частности, работам М. Фуко, А. Грамши, Л. Альтюссера, С. Жижека и др. Кратко остановимся на идеях этих авторов.

В теории Грамши нас интересует взгляд на феномен гегемонии. Фактически сопоставляя гегемонию с властью, отмечается важный момент – неосознаваемость этого управления со стороны объекта управления. При этом следует понимать, что в результате такого воздействия формируется ощущение, иллюзия всеобщего согласия с гегемоном. Кроме того, объекту важно ложное ощущение своей субъектности, того, что он является частью силы гегемона [1].

Отдельно следует обозначить взгляды С. Жижека относительно властных отношений в современном обществе. В частности, Сверх-я философ описывает как Публичный закон, проявление группового отождествления, применительно к легитимизации насилия [2, с. 83, 84]. Характеризуя «гедонистическо-потребительское общество» [3, с. 100,101], Жижек описывает дискурс Господина и работника, который в отличие от первого, всегда зависим и всегда имеет ограничения, представляется, что в этой связи он должен быть сильнее ориентирован на сплоченность с другими «работниками».

Мишель Фуко, оказавший влияние на философию дискурс-анализа, предполагал, что в любом обществе дискурс упорядочен, можно зафиксировать его производство, отбор, выявить соподчинение разных типов дискурсов как совокупности различных принуждающих принципов. При этом дискурс сам является производным от запретов, соединяя власть и желание воедино [4].

Теория идеологии Альтюссера [5] позволяет по-новому посмотреть на субъекта, который становится таковым через идеологию, идеология делает его сопричастным чему-то большему, чем он сам. Фактически идеология формирует нового субъекта.

Таким образом, философский обзор показывает важность разработки категорий дискурс, власть, идеология. Сильное влияние на тему оказывают

неомарксистские и психоаналитические теории, в частности, франкфутская школа. Так, политологический базис дискурс-анализа строится на неомарксистских установках, согласно которым конституированию власти способствуют не только экономические, но культурные механизмы. Важным явлением в этой связи является идеология, которая обладает консолидирующим потенциалом, позволяет сплачивать коллективы, определяет специфику политических институтов, состояние гражданского общества. Идеология – производное институтов, в функционал которых входит медиация, установления баланса между социальными силами и способами коммуникации между ними.

В рамках дискурс-анализа идеология связана с дискурсом и является частью социальной практики. Каждый субъект – часть влияния идеологии, язык – ее инструмент. Текст – это всегда серия текстов, зависимых от социальных (культурных) условий.

Первый подход Н. Фэркло позволяет проследить изменения в дискурсе. Как правило, то, какие конструкции мы используем для характеристики политических процессов и явлений основываются на категориях, употребляемых ранее. Такие ранние структуры дискурса говорящий субъект интериоризирует с учетом определенных, конкретных значений. В этой связи важна теория итертекстуальности Фэркло, согласно которой элементы данного текста использует элементы других текстов. Такой подход позволяет проследить трансформации социальных и культурных процессов, увидеть изменение отношения субъекта к политической ситуации. Изменения дискурса в конечном счете определяют изменения социокультурного пространства (предельно широкий термин, включающий политические процессы и явления, отношение к ним со стороны субъекта и их интерпретации). Кроме такого достаточно концептуального взгляда на связь дискурса и культуры, важная особенность подхода Фэркло заключается в его технологичности. Автор предлагает исследовать три измерения, в которых одновременно существует событие и его коммуникативная составляющая. От исследователя требуется их пошаговое изучение, позволяющее описать, интерпретировать и объяснить текст.

Первый элемент – текстовый анализ, предполагает изучение лингвистической формы дискурса, уделяется внимание формальным признакам функционирования жанров и дискурсов. Второй элемент – дискурсивный. Он связан с изучением того, как продуцируется текст, и как текст воспринимается. Третий элемент, самый важный с точки зрения социальных дисциплин – анализ социальной практики, обращение к более широкому контексту, который лингвисты бы назвали экстралингвистическим фактором. На этом уровне исследователь должен понять социальные условия порождения дискурса. Следует отметить, что дискурсивная практика – медиатор. Этот уровень позволяет увязать текст и социальный контекст.

Вторым подходом к дискурс-анализу является исторический подход Рут Водак. Данный вариант дискурсивной методологии строится на выявлении намерений говорящих субъектов и учете экстралингвистических факторов,

оказывающих влияние на создание текста. Уделялось особое внимание социологическим переменным: принадлежность к социальной группе, возраст субъекта, образование, профессиональный статус; а также психологическим переменным, связанным с опытом индивида, способность следовать нормам, актуальным для конкретной социальной ситуации. Как следствие, подход Водак оказал влияние на развитие социолингвистики.

Кроме того, помимо социально-психологических факторов в методике Водак учитывался когнитивный аспект. В терминологии Водак планирование текста следует изучать через характеристику плана, фрейма, схемы, скрипта.

1) Понятие «фрейм» можно сопоставить с категорией паттерна, образа ситуации. Это образ важен и достаточно масштабен, глобален, чтобы сохраняться в памяти субъекта и определять его дальнейшие представления и, в конечном счете, действия. Фрейм связан с общим представлением о ситуации, является теоретическим представлением о логике, динамике ее развертывания. Это общий учет ситуации, представление о том, как обычно ситуация складывается, как она может сложиться.

2) Более локальны и точны (в значении «узкие», конкретны по смыслу) «схемы», так как связаны не с феноменом вообще, а с конкретной ситуацией.

3) Стратегии нужны для достижения целей говорящего субъекта, при этом они не всегда сопровождаются осознанностью, не обязательно артикулированы и могут не подлежать операционализации субъектом.

4) Непосредственным результирующим фактором, определяющим порождение конкретного текста и влияющим на модель поведения говорящего субъекта является «скрипт».

На связь плана и скрипта оказывают влияние обозначенные социально-психологические факторы. Кроме того, план, общий образ ситуации, связан с разной степенью осознанности ситуации. Например, анализируя расистские высказывания субъекта, следует принимать в расчет отсутствие понимания произнесенной (написанной) фразы, при этом ответственность с субъекта при ненамеренном характере использования человеконенавистнической лексики сниматься не может. В конечном счете, тип текста детерминируется множеством факторов, которые нужно выявить и учесть, что нужно учитывать в обоих подходах [6, с. 209, 213, 214].

Важной процедурой в историческом дискурс-анализе, который, как мы видим, по праву сопоставляется с теорией планирования текста, является интерпретация. Интерпретативность – сложное свойство текста, и предполагает, что реципиент, который одновременно может быть в позиции актора, конструирует и текст, и контекст, в свою очередь, тесно взаимодействующие и нередко взаимообуславливающие друг друга. В этой связи дискурс также является социальной практикой.

Для политологических исследований важен выход на манипулятивный характер изучения дискурсивных практик. Дискурс-анализ позволяет исследовать этический аспект коммуникации с возможностью обращения к

таким социально-политическим измерениям темы, как социальная справедливость и неравенство, права человека.

Таким образом, оба подхода могут быть использованы при изучении медиадискурса [7], способов конструирования образа врага, идентичностей с опорой на дихотомию «свой – чужой», свойственную функционированию любой социальной группы и индивиду как части этой группы. В этом отношении подход Водак представляется более локально ориентированным на изучение политических процессов, позволяет исследовать спектр политических партий, сосредоточиться на дискурсе правых партий [8].

Важными категориями, с помощью которых проводится анализ, являются жанр, тема, дискурс, инаковость. Последняя как раз и отражает оппозиции при восприятии социальных и политических событий: мы – они, свой – чужой, друг – враг и т.д. Условный Другой (Иной) может быть понят собирательно, как группа, обладающая нежелаемыми, порицаемыми, с точки зрения субъекта, чертами. Дискурс в этой связи следует понимать как особый способ использования языка как социальной практики. Социальная практика характеризуется через проявления дискриминации, доминирования, неравенства, иерархичности отношений. Именно на эти проявления социальных отношений позволяет обратить внимание критический дискурс-анализ. Ученый на основе языкового материала выявляет признаки реализации власти над другим субъектом.

Благодаря Водак и Фэркло мы можем оперировать особой аналитической схемой, которую можно применять к любому тексту. С учетом идей Фуко о связи дискурса и власти можно любой текст трактовать как политический, в нашей интерпретации как квазиполитический.

Аналитическая схема включает в себя следующие компоненты, требующие от исследователя междисциплинарной компетентностью:

- выявление условий и контекста порождения текста, понимание генезиса темы, знание истории явления и процесса;
- анализ интертекстуальной основы текста, особенностей аргументации, стратегий коммуникации, характеристика темы и содержания текста, определение связи между ними;
- лингвистическая форма текста, акцент на семантике, пунктуации, орфоэпических нормах и др.

В условиях «лингвистического поворота» представленные методики позволяют решить ряд вопросов, намеченных классиками политической, социальной и философской мысли. Упомянутые представители франкфуртской школы помимо изучения феномена идеологии обращались к механизмам кристаллизации авторитарной личности, объясняли поддержку миллионами диктаторских установок, антигуманных тезисов, с выходом на исследования предубеждений, проблему меньшинств, идеологические конфигурации [9, с. 5]. Представители критического дискурс-анализа трактуют власть не только как форму действия, но как форму социального взаимодействия [10, с. 49-50].

В этой логике самым показательным источником анализа являются средства массовой информации, блоги, заголовки новостей, комментарии к ним, паблики и посты в социальных сетях. В совокупности критический дискурс-анализ применим к медиадискурсу и повседневному дискурсу, которые в парадигме дискурс-анализа в совокупности могут быть поняты как квазиполитический дискурс. Такой тип дискурса подразумевает, с одной стороны, категорию власть в максимально широком смысле (как социально-политическое, социально-психологическое явление), во-вторых, как следствие, любой текст, порождаемый субъектом (индивидуальным или коллективным), нацелен на доминирование над условно Другим (ипостаси Другого: Иной, Чужой, Враг). В-третьих, в более частном порядке, любые темы, обсуждаемые в СМИ, в рамках Интернет-коммуникации сводятся к политическим дискуссиям. «Политизации» подлежит широкий спектр тем: экология, религия, спорт, шоу-бизнес, гендерные отношения и т.д.

Суммируем сказанное: важность для политологических исследований в контексте применения методов КДА заключается в анализе дискурса как языка власти, изучении реализации власти посредством дискурса, как следствие, возможен акцент на конкретных социальных проблемах общества и отдельных акторов: для этих целей изучается язык власти, под властным субъектом понимается коллективный или индивидуальный актор, имеющий доступ к контролю над дискурсом. В контексте теории М. Фуко дискурс может пониматься как синоним власти. В дискурсе через КДА в фокусе изучения оказывается язык вражды, стереотипы, предрассудки, фобии, свойственные «мы»- и «они»-группам. В конечном счете, в политико-правовом измерении КДА позволяет определить стигматизированные группы, формы угнетения этих групп, установить связь между обществом и моделями его поведения офлайн и онлайн, дает возможность выяснить, насколько социальное неравенство и его производные процессы по своей механике отличаются в онлайн- и офлайн-коммуникации. В современных условиях особенно показательным (и во многом основным) является виртуальное пространство, где политология в междисциплинарной связи с социологией, философией, филологией позволяет увидеть процессы дифференциации и стратификации, а также дискриминации и стигматизации, характерные для любого типа общества, и нуждающихся в анализе и изучении, а в конечном счете, регуляции и решении, что немаловажно – на основе четко понимаемых, конвенционально непротиворечивых критериях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамши А. Тюремные тетради // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetrad.pdf>. Дата обращения: 14.04.2020.
2. Жижек С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и

причинности. Пер.с англ. Шаши Мартыновой. – М.: Издательство АСТ. 2016. – 320 с.

3. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. – М.: Издательство «Европа», «КДУ» 2016. – 272 с.

4. Фуко М. Порядок дискурса. Лекция // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/777>. Дата обращения: 14.04.2020.

5. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Rulit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-read-551073-1.html>. Дата обращения 14.04.2020.

6. Тичер С., М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер.с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. – 356 с.

7. Fairclough N. Media Discourse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=2258072&pg=1>. Дата обращения 15.04.2020.

8. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер.с англ. – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / Кочергина Е.Н., Гритчина О.В., 2018. – 404 с.

9. Адорно Т. Исследование авторитарной личности: [пер.с нем.]. – М.: Астрель, 2012. – 473 с.

10. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер.с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

А.В. Плетнев

к.социол.н., доцент Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

ТРЕНДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ АНОМИИ СВЕРХСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Социализация представителей поколения Z в значительной мере происходит в цифровом пространстве. Цифровая социализация обуславливает особый способ конструирования жизненного мира и специфический характер усвоения политических ценностей среди этих молодых людей. Социализация в цифровой среде также способствует развитию аномии. Развитие аномии у представителей поколения Z приводит к девиантному поведению. Эти обстоятельства обуславливают особые формы ценностных ориентаций и политической активности поколения Z.

Ключевые слова: поколение Z, нормы, аномия, цифровая среда, политические ценности.

A.V. Pletnev

PhD in sociological Sciences, associate Professor at the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

TRENDS IN THE FORMATION OF POLITICAL VALUES AMONG REPRESENTATIVES OF THE Z GENERATION UNDER THE INFLUENCE OF THE DIGITAL ENVIRONMENT IN THE ANOMIE OF AN ULTRAMODERN SOCIETY

Abstract: The socialization of representatives of the Z generation is largely going on in the digital space. Digital socialization determines a special way of constructing the life world and the specific nature of assimilation of political values among these young people. Socialization in a digital environment also contributes to the development of anomie. The development of anomie among representatives of generation Z leads to deviant behavior. These circumstances determine the special forms of value orientations and political activity of the Z generation.

Keywords: generation Z, norms, anomie, digital environment, political values.

В эпоху интенсивной сверхсовременности все большая доля межиндивидуального взаимодействия происходит в цифровой среде, что в свою очередь оказывает существенное влияние на социализацию молодого поколения.

В этом отношении крайне интересно изучить генезис политических норм у представителей поколения Z под влиянием цифровой среды. Еще со времен Дюркгейма теоретики социологии при рассмотрении вопросов политики обращали внимание на наличие кризиса нормативно-ценного регулирования в обществе – аномии. С появлением нового поколения вопрос о соотношении процессов появления новых политических норм и эрозии существующих резко актуализировался, поскольку поколение Z – это первое полностью цифровое поколение. Для изучения указанного исследовательского вопроса будут использоваться методы теоретического синтеза и реконцептуализации. Метод реконструкции концепции имеет огромный эвристический потенциал при применении классических социологических концепций для объяснения принципиально новых социальных явлений [1, с.68]. Целью данного исследования является выявление сущности и особенностей процесса конструирования политических норм и ценностей в жизненном мире поколения Z. Эпистемологической ориентацией исследования является интерпретативизм. Онтологическими ориентациями исследования являются номинализм и конструктивизм. Исследование выполнено в рамках индуктивной стратегии.

Для изучения генезиса политических норм у поколения Z необходимо понимание особенностей этого поколения. Исследования, посвящённые изучению поколений, опираются на работы Хоува и Штрауса [2, р. 97], которые предложили классификацию поколений и обосновали тезис о том, что каждое поколение имеет определенные культурные отличия. Впоследствии эта классификация поколений была дополнена поколением Z. К поколению Z по разным оценкам [3, с. 3350] относятся люди, родившиеся с 1995 – 1996 по 2004-2010. Изначально в книге Тулгана представители Z были определены как вторая волна миллениалов [4, р.5], однако после его публикации в газете USA TODAY «High-maintenance Generation Z heads to work» в 2012 году поколение Z стало считаться самостоятельным явлением. Широкому распространению этого термина способствовала публикация результатов маркетингового исследования поколения Z, проведенного компанией Sparks and Honey в 2014. В качестве синонимов понятия «Поколение Z» в научной и профессиональной литературе могут употребляться понятия «iGen» и «Post-Millennials».

Особенности поколения Z во многом обусловлены особой структурой их жизненного мира. Чем моложе люди, тем в меньшей степени они склонны разделять события реального и виртуального мира. Постоянный обмен информацией между молодыми людьми обуславливает постоянное сопереживание событий жизни друг друга. Это порождает феномен ощущения себя участником события, даже если участие в этом событии заключалась только в восприятии информации о нем из интернета. Этот уникальный и нехарактерный для более старших поколений феномен формирования сопереживания заставляет представителей поколения Z формировать собственные сообщества и слабо контактировать с представителями более старших поколений.

В целом конструирование смыслов жизненного мира для поколения Z является совместным процессом, который протекает одновременно в реальном и виртуальном мире. По сути «они не видят разницы между жизнью в сети и вне ее. Появление этой особенности поколения Z обусловлено феноменом нового вида взаимодействия, который объединяет мир физический и виртуальный, его определяют как *phygital* взаимодействие» [5, с.34]. Эта особенность представляет большой интерес, поскольку сильно отличает поколение Z от всех предшествующих поколений. Соответственно и политическая жизнь для поколения Z - это во многом деятельность в сети.

Крайне важным фактором, сильно влияющим на социализацию поколения Z, является феномен цифрового неравенства. Речь идет не только о демонстрации традиционной стратификации в цифровой среде, но и о принципиально новых явлениях. Также цифровое неравенство проявляется в обладании молодыми людьми дорогой цифровой техникой. К примеру, в социальных сетях значки могут указывать, что пользователь заходил или отправлял сообщения с техники Apple, находящейся в верхнем ценовом сегменте. Однако наиболее деструктивной формой цифрового неравенства является трансляция в цифровой среде практик символического потребления. Символическое потребление подразумевает приобретение дорогих ненужных, однако, подчеркивающих статус обладателя вещей. Такая модель потребления превращает даже обеспеченного индивида в постоянно нуждающегося, сверхнового бедного [6, с.24]. Цифровое пространство активно используется поколением Z для демонстрации статусного потребления. Даже посетив хороший ресторан, индивид с мышлением сверхнового бедного, вероятно, сфотографирует еду и выложит фотографию в Instagram. Без публичной демонстрации потребления прием пищи с его точки зрения превращается в пустую трату денег. Постоянная демонстрация символического потребления наиболее успешными представителями поколения Z вызывает у менее обеспеченных чувства раздражения и несправедливости. Это обстоятельство усиливает протестные, оппозиционные настроения в среде молодежи.

Результатом социализации поколения Z в цифровом пространстве является их наилучшая приспособленность к жизни в современном обществе. Если предшествующим поколениям приходилось осваивать цифровую среду и её закономерности, то представители Z родились в ней и чувствуют там себя «как рыба в воде». Марк Пренски удачно концептуализировал это явление, назвав поколение Z «цифровыми аборигенами» [7, р.1]. При этом необходимо понимать, что лучшая адаптация этих молодых людей заключается не только во владении цифровыми технологиями и знании языка цифрового общества, но и в лучшей приспособленности к условиям современной экономики, которая отличается нестабильностью, распространением практик удалённой работы, быстрой сменой трендов, а также необходимостью постоянно отслеживать огромные потоки информации.

Прекрасная адаптация поколения Z к современному обществу порождает и новые политические проблемы. К традиционному конфликту

отцов и детей добавляется то, что можно назвать парадоксом осведомлённости. Если на протяжении всей истории младшие поколения получали знания от старших, то поколение Z само способно рассказать старшим много нового об особенностях цифрового общества и современной экономики. Как отметил исследователь цифровой социализации Тепскот «Впервые в истории дети более способны, осведомлены и грамотны, чем их родители в области инноваций, играющих центральную роль в обществе. Это достигается за счет использования цифровых медиа, которые "сетевое поколение" продолжит разрабатывать и включать в культуру всего общества. Бэби-бумеры остались позади. Теперь эти дети учатся, играют, общаются, работают и строят общественные взаимоотношения иначе, чем их родители. Они — движущая сила грядущей социальной трансформации» [8, p.2]. Эта парадоксальная ситуация приводит к сильному межпоколенческому разрыву и в результате представители поколения Z предпочитают общаться в своей среде. Подобное обособление поколения Z затрудняет усвоение ими общепринятых норм и ценностей, в том числе и политических. Следует отметить, что старшее поколение во все времена были склонны критиковать молодых и их новую моду. Эту ситуацию хорошо описала Литкотт-Хаймс, которая была деканом Стенфордского университета и провела масштабное исследование поколения Z: «Мы видим негатив в том, что они не выходят на улицу, не могут смотреть людям в глаза, не прикладывают усилия, чтобы позвонить по телефону. Существует много недостатков этого поколения, которые демонстрируют нам социальные медиа, но есть и очевидные положительные стороны» [9, p. 196].

Противоположной тенденцией, затрудняющий генезис социальных норм, является развитие ценностного и нормативного кризиса – аномии. Начиная с конца XX века, многочисленные кросс-культурные исследования свидетельствуют о росте её уровня, что приводит к ослаблению нормативного регулирования и противоречивости самих нормативных требований.

Особенностью коммуникации в цифровой среде является мгновенная передача информации в любую точку мира, что приводит к свободному общению представителей всех культур. Однако необходимо учитывать, что разные культуры имеют различные, а иногда и взаимоисключающие ценностные основания. Это приводит к тому, что на социализирующегося представителя поколения Z оказывают влияние ценности нескольких культур и это может привести молодого человека к ценностной дезориентации - аномии. Аномия в среде поколения Z приводит к трудностям в социализации и возникновению девиантного поведения. Взаимосвязь девиации и аномии, которая была обоснована ещё Дюркгеймом, в среде поколения Z проявляется в развитии девиантных практик. Наиболее показательной из них является практика «хейта», когда идентифицировавший себя пользователь подвергается травле и оскорблениям со стороны анонимных пользователей. Практики хейта стали частью культуры общения в интернете и воспринимаются поколением Z как вариант нормального поведения.

Практики хейта политических оппонентов становятся частью политической активности поколения Z. Вообще молодёжный протест может проявляться как в классических формах участия в партийной жизни, митингах, так и в форме протеста в интернете. Формами протеста в интернете является изготовление политических YouTube роликов, практики объединения политических сторонников в группах и пр.

Поколение Z озабочено несоответствием окружающей действительности своим представлениям о жизни. Огромным источником аномии поколения Z, как и предыдущих поколений, остаётся противоречие между западными культурными влияниями и остатками советского коллективистского, патерналистического мышления. В итоге главным трендом формирования ценностных ориентаций молодежи является то, что при общей либеральной и индивидуалистической настроенности молодого поколения в их жизненном мире причудливым образом остаются патерналистические элементы, которые порождают конфликты и непонимание в молодежной среде. Так, при общей ориентации молодёжи на рыночное мышление в решении своих проблем огромную роль они отводят государству. Также, несмотря на ориентацию на гражданское общество, молодёжь не склонна создавать его институты на практике. Зачастую политическая активность ограничивается активностью в интернете.

На представителей поколения Z оказывает влияние общемировая аномия, свойственная культуре потребления. Это обстоятельство будет усиливать количество проявлений девиантного поведения.

По результатам представленного исследования можно сделать вывод, что западные классификации поколений подходят для изучения российского общества и существенные особенности поколения Z одинаковы как для России, так и для Запада. Социализация в цифровой среде сформировала у поколения Z специфический способ конструирования жизненного мира, при котором виртуальное взаимодействие воспринимается также, как и реальное. Представленные результаты интересны как для теории, поскольку они раскрывают неизученные особенности поколения Z, так и для практики, поскольку они могут послужить основой для разработки эффективных политических программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатьева О.А. Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. –2012. – № 2. –С. 67-73.
2. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy. – Broadway Books. 1997. – 382 p.
3. Малетин С.С. Особенности потребительского поведения поколения Z // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. – № 21. – с. 3347-3360.

4. Tulgan B. Not Everyone Gets A Trophy: How to Manage the Millennials. 18-th edition. – JosseyBass. 2016. – 193 p.
5. Мамина Р.И., Толстикова И.И. Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. – № 1. –С. 34-41.
6. Иванов Д.В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. – № 5. – С. 9-28.
7. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. Vol. 9– No. 5. – pp. 1-6.
8. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. –McGraw-Hill Education. 2008. – 384 p.
9. Lythcott-Haims J. How to raise an adult. –Griffin. 2016 – 368 p.
10. Плетнев А.В. Развитие социальной аномии как фактор изменения педагогических практик в условиях виртуализирующегося общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. –№ 3 (79). –С. 190-193.
11. Ballantine J. H., Spade J. Z. Schools and Society: A Sociological Approach to Education. – SAGE Publications, Inc. 2014. – 504 p. (p. 179).

УДК 32.019.51

Е.А. Плотникова

Студентка 1 курса магистратуры по направлению Международные отношения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Н.Ю. Гусевская

к.полит.н., доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОЛЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В последнее время информационная война Запада против России резко усилилась. Ее масштабы сейчас превосходят самые мрачные периоды холодной войны. Деструктивная мощь информационно-психологического воздействия в контексте итогов Второй мировой войны на слои общества настолько велика, что под сомнением может оказаться не только история государства, но и сам факт правомерности существования Российской Федерации (РФ) как державы-победительницы, ключевого актора современного миропорядка.

Ключевые слова: Фальсификация истории, ревизия истории, Вторая мировая война, информационная война, Российская Федерация.

E.A. Plotnikova

1st year master's student in International relations, Zabaykalsky state University, Chita, Russia

N.Yu. Gusevskaya

candidate of political science, associate Professor, Zabaykalsky state University, Chita, Russia

HISTORICAL POLITICS AS A FIELD OF INFORMATION WARFARE

Abstract: Recently, the information warfare of the West against Russia has sharply intensified. Its scale now exceeds the darkest periods of the Cold War. The destructive power of information and psychological impact in the context of the Second World War is so great that doubt may be not only the history of the state, but the fact of legality of the Russian Federation (RF) existence as the victorious power, a key player in contemporary world order.

Keywords: history falsification, history revision, Second World War, World War II, information warfare, the Russian Federation.

Изменению геополитической обстановки в мире в конце XX в. способствовали развал Советского Союза (СССР) и крах биполярной системы международных отношений времен «холодной войны», которые и обусловили становление однополярного мира во главе с Соединенными Штатами Америки (США) и их союзниками.

При этом Российская Федерация (РФ) как правопреемница СССР продолжает оставаться государством, которое проводит суверенную от Запада политику, являясь тем цивилизационным полюсом, который открывает окно возможностей для построения многополярной системы международных отношений. Россия не желает оставаться в арьергарде Запада.

Таким образом, апологеты сохранения однополярного мира объективно заинтересованы в принижении роли РФ в международных делах через «новое прочтение» итогов Второй мировой войны (далее ВМВ), что предоставит возможность перевести Россию из разряда страны-победителя в разряд государства-агрессора. И эти попытки длятся вот уже более 70 лет.

В последнее время информационная война Запада против России резко усилилась. Ее масштабы сейчас превосходят самые мрачные периоды холодной войны. Деструктивная мощь информационно-психологического воздействия на слои общества настолько велика, что под сомнением окажется не только история государства, но и сам факт правомерности существования как цивилизационной общности. И именно этим пользуются фальсификаторы, стремясь внедрить в сознание человечества новую версию событий: Так, Запад в предлагаемой концепции нового прочтения истории ВМВ является спасителем человечества от тоталитаризма в форме нацизма и «сталинизма», а РФ предстает наследником агрессивной тоталитарной советской империи.

Фальсификация итогов Второй мировой войны (ВМВ) – войны, изменившей ход мировой истории, изменившей представления человечества о добре и зле, ведет к обезчеловечиванию. После Победы людям казалось, что Бухенвальд, блокадный Ленинград, газовые камеры, Бабий Яр, Хатынь, Освенцим – все это никогда не сможет случиться, не сможет повториться ни при каких обстоятельствах, что они будут помнить об этом всегда, вечно. Они заблуждались – прошло почти 75 лет и вот уже бывших эсэсовцев чествуют в странах Европейского союза, им дарят цветы, водят в школы, повышают пенсии. Они вдруг стали не военными преступниками, которые избежали Нюрнберга и виселицы, которые кричали «Хайль Гитлер» и вырезали мирное население, но стали вдруг отважными героями, борцами за независимость и спасителями Отечества. И вот уже их внуки и правнуки со свастикой на стягах и факелами в руках маршируют по улицам Европы, и вот уже день «освобождения» от оккупации СССР – национальный праздник, а солдат Красной Армии – агрессор, насильник и оккупант. А, соответственно, памятник оккупантам подлежат уничтожению, а героям со свастикой – слава [1][2]. Увы, таковы сегодняшние реалии этой самой цивилизованной Европы и всем, кто себя к этой цивилизации относит. Все это стало возможным в результате

целенаправленного и не менее губительного по своим последствиям процесса по ревизии истории Второй мировой и Великой Отечественной войн [3].

Сегодня при контактах с представителями Запада россияне поражаются глубиной русофобских и антисоветских мифов в их сознании, которые приобрели в современных условиях антироссийскую направленность. Патриотизм граждан России за последние годы значительно возрос и стал еще сильнее раздражать иностранных «доброжелателей», вследствие чего можно наблюдать тенденцию массовой атаки на историю российского государства, что в свою очередь влияет на систему международных отношений и РФ в частности.

Историческая политика – это важнейший приоритет для правительств стран Восточной Европы. Они занимаются переписыванием истории и принимают репрессивное законодательство против тех, кто пытается оспорить официальную позицию. И именно по этому пути сейчас идут Молдавия, Украина, Польша, страны Прибалтики и прочие бывшие советские республики. Так на Украине бойцы ОУН и УПА официально уравниваются в правах с ветеранами РККА и признаны национальными героями, боровшимися за независимость. В Молдавии в 2015 г. снесли советский мемориал героям-танкистам, была учреждена государственная «комиссия по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима», а бывший вице-премьер Молдавии Г. Брега разместил в Facebook пост о жертвах сталинской депортации 1941 г., сопроводив текст фотографиями. После проверки информации выяснилось, что фотографии были сделаны в Аушвице в день освобождения концлагеря 1945 г., и в «поезде смерти» Яссы-Поду Илоаией, в котором везли на уничтожение евреев. То есть материалы не связаны со сталинскими депортациями, они о Холокосте, причем с участием местных коллаборационистов [2].

В настоящее время особая активность в процессе фальсификации итогов ВМВ проявляется именно на поприще национализма и нацизма. Значительное по численности русскоязычное меньшинство в некоторых странах ЕС рассматривается определенными политическими силами как «пятая колонна» и «рука Москвы», так русскоговорящие все еще относятся к категории неграждан и полностью не интегрированы в общественно-политическую жизнь. В Восточной Европе безнаказанно проходят антироссийские и антисемитские выпады, покрываемые властями, на которые Западная Европа «смотрит сквозь пальцы». Все это дает населению индульгенцию ненавидеть русских и евреев совершенно свободно, что в частности привело к маршам «факелоносцев». Так, например, в 2019 г. в День Независимости Эстонии на главную площадь вышли националисты с факельным шествием, скандируя: «За Эстонию» [4].

«Факельное шествие задумано для всех эстонских националистов, которые хотят выразить благодарность нашим предкам, сражавшимся за нашу страну и показать, что и сегодня необходимо защищать нашу независимость и свободу», - определяют это действие организаторы [4]. Эстонцы не ассоциируют марш с фашистскими демонстрациями, просто «патриотично настроенные граждане проходят маршем по центру города». Участниками

являются молодые люди лет 30, те, кто реально что-то может сделать, если этого захочет. Стоит отметить, что на первое факельное шествие пришло всего человек 30, но по прошествии 4-5 лет их уже тысячи: в прошлом году их было 5 тыс., в этом уже 20 тыс. Растут и их рейтинги, так, несколько лет назад националисты получали на выборах в парламент меньше 10%, а по итогам парламентских выборов 2019 г. прославившаяся факельными маршами и почитанием нацистских преступников ЕКРЕ значительно прибавила – 17,8% проголосовавших, так в парламенте у партии теперь 19 мест из 101, а это уже реальная власть [1].

В странах-членах НАТО и Европейского союза, шутят над Холокостом в средствах массовой информации, что никак не порицается обществом этих государств. Так, газета «Eesti Ekspress», напечатала шуточную рекламу таблеток для похудения, сопроводив ее фотографиями истощенных узников концлагерей. Рекламный слоган гласит «Eins, zwei, drei... Dr. Mengele salendavad tabletid teevad sinuga imet! Buchenwaldis polnud ühtegi paksu!» (Раз, два, три... таблетки для похудения доктора Менгеле сотворят с тобой чудо! В Бухенвальде не было ни одного толстого) (Рис.1) [5].

Рис.1. Реклама таблеток для похудения в газете «Eesti Ekspress»

А в 2012 году газовая компания «GasTerm» разместила на сайте рекламу своей продукции с надписью «газовое отопление – универсальное, удобное, эффективное» на воротах Освенцима (Рис.2) [6].

Рис.2. Реклама продукции на сайте газовой компании «GasTerm»

И в отличие от Германии, которая до сих пор «раскаивается» за преступления нацистского режима, в некоторых странах бывшего СССР практически не скрывают гордости за деятелей, принимавших участие в этнических чистках. Главным аргументом «активистов фальсификационной нацистской пропаганды», отстаивающих «невиновность» лидеров эсэсовцев, является то, что лично они не расстреливали евреев [7]. Однако сужение понятия холокоста только до тех, кто лично убивал евреев – несостоятельный аргумент и опасный прецедент, так как трудно представить себе холокост без гетто, а, следовательно, люди, занимавшиеся подобными вопросами, были частью преступления, ведь олицетворяющийся с холокостом Адольф Гитлер лично тоже не убил ни одного еврея. Впрочем, за высказывание обвинений в адрес «невиновных» публично предусмотрено уголовное наказание.

Так пытались осудить Станисловаса Дрелингаса, Игнаса Лауцюса и даже первого министра внутренних дел независимой Литвы Марийонаса Мисюкониса. А бывшего старшего оперативного сотрудника Министерства государственной безопасности Литовской Советской Социалистической Республики Витаутаса Василяускаса Каунасский районный суд обвинял в геноциде дважды – в феврале 2004 года и летом 2011 года. И хотя Европейский суд по Правам Человека не удовлетворил оба иска, он был все же близок к этому, так как постановление было вынесено с минимальным перевесом – девять голосов против восьми [8]. В случае оправдательного вердикта в будущем это станет важным прецедентом для подобных однотипных дел. Европа, не реагируя на все нацистские провокации в государствах союза, искажая историю, потворствуя и защищая преступную войну гитлеровского альянса, направленную на уничтожение СССР и населявших его народов, в особенности евреев, на практике заново готова совершить все эти преступления, готова сделать с евреями все то, что причинили этому народу нацисты. Именно вследствие этого специализирующиеся на искажении истории «активисты» представляют собой опасность не только для России, но и для всего мира, поскольку они дестабилизируют систему глобального

политического равновесия и защищенности. Это также дает народам стран-фальсификаторов индульгенцию прославлять нацизм совершенно свободно, таким образом, действия прибалтийских стран являются мировым прецедентом, поскольку никакое другое государство не прославляет нацизм столь открыто и откровенно.

Крупные научные центры США – Гриннелский колледж и Йельский университет совместно с Европейским союзом прогрессивного иудаизма, рассматривая сохранение памяти о Холокосте в Европе, отношение власти и общества к организаторам и исполнителям политики массового уничтожения еврейского населения, 25.01.2019 г. опубликовали масштабное исследование «отношение к истории Холокоста в странах ЕС» [9]. Так, согласно исследованиям страны Евросоюза были разделены на 3 категории: опасность ревизионизма незначительна; имеются существенные проблемы; происходит фальсификация истории Второй мировой войны, история Холокоста замалчивается и пересматривается вплоть до отрицания факта нацистского геноцида как такового [10].

Табл. 2. Опасность ревизионизма

Опасность ревизионизма незначительна	Имеются существенные проблемы в отношении памяти об истреблении нацистами еврейского населения	Происходит фальсификация истории Второй мировой войны, история Холокоста замалчивается и пересматривается вплоть до отрицания факта нацистского геноцида как такового
Белоруссия	Австрия	Венгрия
Бельгия	Дания	Литва
Германия	Италия	Польша
Греция	Латвия	Украина
Люксембург	Молдавия	Хорватия
Нидерланды	Словакия	
Румыния	Словения	
Финляндия		
Франция		
Чехия		
Эстония		

В докладе авторы констатируют следующее: многие правительства ЕС реабилитируют коллаборационистов и военных преступников ВМВ, при этом минимизируя собственную вину в попытке уничтожения евреев [10].

Поднимая тему оправдания нацизма в ЕС, стоит также отметить факт размещения на официальной странице НАТО в Twitter ролика 2017 г., который героизирует «лесных братьев» [10]. Это является историческим извращением, сознательно распространяемое НАТО с целью подрыва итогов Нюрнберга.

Более того 24 сентября 2009 г. президент РФ Д.А. Медведев с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН объявил о необходимости противодействовать попыткам пересмотреть закрепленные в Уставе ООН итоги ВМВ. В мае 2010 г. на специально проведенном заседании члены приняли подготовленную Россией

совместно с государствами-членами ОДКБ резолюцию по данному вопросу [3]. Генеральная Ассамблея ООН также подавляющим большинством одобряет еще одну инициативу – резолюцию о недопустимости практики, которая способствует эскалации расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости, основной направленностью которой является осуждение прославления нацистского движения Ваффен-СС, и недопустимость героизации нацизма. Из года в год расширяется круг государств, поддерживающих эту российскую инициативу, но США, ссылающиеся на принцип свободы мнений, выступают против резолюции, а государства ЕС воздерживаются [3].

Проблема заключается также в том, что подобную «заразную» тактику переняли бывшие советские республики, где правые экстремистские движения контролируют власть. В этих странах ревизия истории действует следующим образом: изменение истории, воспитание нового поколения, получение нового народа, изменение ситуации в мире – довольно знакомый сценарий для Украины и Польши. И в результате постоянного и массированного воздействия на сознание нации качественно меняется ее менталитет, ценности, что ведет к разрушению монолита нации, к потере национальной идентичности, и приводит к исчезновению нации с политической карты мира, поэтому для предупреждения и пресечения фальсификации итогов ВМВ в России были приняты акты нормативного и уголовно-правового характера, выпускаются высокобюджетные фильмы о Великой отечественной войне, позволяется работать с рассекреченными документами, проводятся военные парады в городах, осуществляется просветительская деятельность в области образования [11][12].

Однако как можно заметить большинство из актов носят нормативный характер, нежели уголовно-правовой. К уголовной ответственности за высказывания, искажающие историю РФ, в основном, привлекают по статье 354.1 УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Стоит отметить тот факт, что данная статья была принята лишь в 2014 году. И, хотя количество заключений по ней хоть и медленно, но методично растет – в 2014 г. не было осужденных, в 2015 и 2016 гг. было вынесено по 5 приговоров, в 2017 г. осудили уже 8 человек – мы считаем, что сложившаяся ситуация требует более тщательного законодательного закрепления уголовной ответственности за фальсификацию итогов ВОВ и оскорбление памяти погибших [13].

К административной же ответственности россияне привлекаются, в основном, по статье 20.3 КоАП об ответственности за пропаганду или публичное демонстрирование нацистской символики. С 2012 г. количество осужденных увеличилось в 10 раз с 238 до 2063 в 2017 г., только за первые 4 месяца 2019 г. было вынесено 57 приговоров [14]. В общей сложности, в 2013-2018 гг. за демонстрацию нацистской символики были наказаны 6622 человека, три четверти из которых были подвергнуты административному аресту [13]. Можно проследить тенденцию увеличения наказуемых в геометрической прогрессии (Диаграмма 1).

Как в России наказывают за запрещенную символику

по ст. 20.3 КоАП (АГОРА)

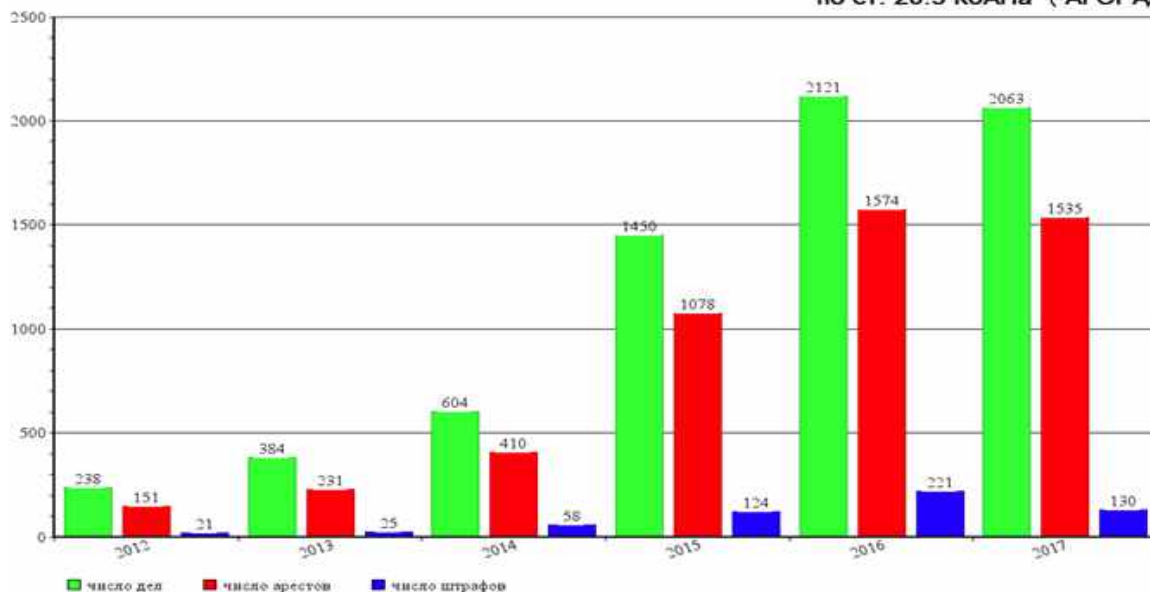

Диаграмма 1. Привлечение к административной ответственности по статье 20.3 КоАП

И так как все эти нормативные акты в большинстве своем посвящены именно борьбе с пропагандой нацизма и фашизма и регламентируют ответственность за посягательства в отношении сооружений и мест захоронения участников борьбы с фашизмом или жертвам фашизма, лишь частично затрагивая фальсификацию истории РФ, целесообразнее было бы сформулировать самостоятельную уголовно-правовую норму, посвященную борьбе с актами фальсификации российской истории. И для реализации этой идеи нам представляется рациональным дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей о «Фальсификации исторических данных и сведений истории Российской Федерации».

Во внешнеполитическом плане противодействие РФ искажению истории войны на международной арене выражается в незамедлительных комментариях МИД на акты или попытки фальсификации, в проведении внутри страны и в «форпостах русской и православно-славянской цивилизации» международных конференций, посвященных ВМВ, и в издании сборников по их материалам, в популяризации и поощрении со стороны властей акции «Бессмертный полк» [11][15].

Принятие внешнеполитических решений сопряжено с противодействием искажению итогов и ослаблением, а в дальнейшем и устранением одного из рычагов этой деятельности – антироссийской политики. Да, на решительное порицание, негодование, заявления со стороны Москвы страны не обращают внимания, однако действия имеют совершенно другой результат. В условиях развернувшейся информационной войны побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна заинтересовать людей, и так как Россия в состязании «привлекательности» не способна «перетянуть канат», то именно политически оправданные действия являются тем самым действенным

способом ответа фальсификаторам, так Россия может устанавливать свои «условия».

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в государствах Европейского Союза против России ведется агрессивная информационная война путем ревизии истории Второй мировой войны из политических соображений.

В странах Восточной Европы проходят безнаказанными такие националистические выпады, которые не остались бы без последствий в Западной Европе или Америке. И подобную «заразную» политику перенимают Молдавия, Украина, Польша, при этом страны ЕС и блока НАТО являются «пассивными наблюдателями», не порицающими происходящее. Разумеется, в Европе есть лояльно настроенные к России страны, такие как Словакия, Бельгия, Финляндия. Однако это все же исключение, нежели константа, гораздо больше случаев «понимания» Западом националистической политики восточноевропейских стран. В таком случае будет ли Западная Европа оставаться источником будущих «оплеух» для руководства стран Прибалтики? Ответ на этот вопрос очевиден – нет. Подобная политика может привести к погромам, и в таком случае спрашивать, «откуда это взялось и как такое стало возможным в XXI веке в странах НАТО и Евросоюза», будет незачем.

Вывод из этого следует очень простой: России не стоит рассчитывать на поддержку европейского авангарда «антирусобии», а, следовательно, не стоит рассчитывать на мир в информационной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В эстонском Синимяэ чествовали сражавшихся в рядах СС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20170729/6623975/estonskij-sinimjaje-tsectvovali-srazhavshihsja-rjady-eses.html> Дата обращения: 31.03.2020

2. Фальсификация истории – неотъемлемая часть «балтийского пути в Европу» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/170616-falsifikatsiya-istorii/> Дата обращения: 28.03.2020

3. Капто, А.С. Фальсификация как оружие антиистории. [Электронный ресурс] / Капто А.С. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/20446298.pdf> Дата обращения: 1.04.2020

4. TV Center. (2019) Прибалтика. Изображая жертву [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=mvn_krztoVY Дата обращения: 28.03.2020

5. Eesti Ekspress: «Таблетки для похудения от доктора Менгеле...» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/962772/eesti-ekspress-tabletki-dlya-pohudaniya-ot-doktora-mengele> Дата обращения: 29.03.2020

6. Шутка эстонской газеты про Менгеле возмутила еврейскую общину // LENTA.RU, 06.09.12. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2012/09/06/badjoke/> Дата обращения: 30.03.2020
7. «Опасный прецедент»: почему в Литве героизируют нацистских преступников / Н. Алексеева [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/441352-litva-nacisty-gtroizaciya> Дата обращения: 30.03.2020
8. Европейский суд против литовского национального мифа / Шамшиев А. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/231015-sud-protiv-mifa/> Дата обращения: 31.03.2020
9. Героизация «лесных братьев» вывела Литву в лидеры отрицания Холокоста в ЕС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/01022019-geroizatsiya-lesnykh-bratev-vyvela-litvu-v-lidery-otritsaniya-kholokosta-v-es/> Дата обращения: 26.03.2020
10. William Echikson, Holocaust remembrance project // Researchers from Yale and Grinnell Colleges travelled throughout Europe to conduct the research. – 2019. – P. 143.
11. Празднование Дня Победы и акция «Бессмертный полк» (Опрос населения) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fom.ru/Proshloe/13330> Дата обращения: 26.03.2020
12. Российская Федерация. Правительство. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.»: Постановление Правительства РФ [от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 13.10.2017 г. № 1245; от 20.11.2018 г. № 1391) (с изм.и доп.)] // информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296398/> Дата обращения: 30.03.2020
13. Как в России судят за «фальсификацию истории»: доклад «Агоры» / Ангора [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/05/10/kak-v-rossii-sudyat-za-falsifikatsiyu-istorii-doklad-agory> Дата обращения: 30.03.2020
14. Административные дела по ст. 20.3 КоАП [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2019/> Дата обращения: 28.03.2020
15. Честная история – ключ к формированию доверительных отношений между народами / С.Е. Нарышкин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/departments/118980/> Дата обращения: 28.03.2020

УДК 323.2

А.В. Радонова

к.ист.н., доцент Алтайского государственного института культуры
г. Барнаул, Россия

ОБЪЕКТИВНЫЕ СЛОЖНОСТИ НА ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990-Е ГГ.

Аннотация: В представленной статье рассмотрены особенности реализации одного из основных конституционных принципов Российской Федерации – гарантированности социальной защиты населения. Приведён анализ основных форм реализации данного принципа на примере Алтайского края.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социально уязвимые слои населения, среднедушевые доходы, социальные услуги, социальная поддержка.

A.V. Radonova

PhD in historical Sciences, associate Professor of the Altai state Institute of
culture, Barnaul, Russia

OBJECTIVE DIFFICULTIES AT THE STAGE OF SOCIAL POLICY OF THE ALTAI REGION IN THE 1990S

Abstract: The article deals with the implementation of one of the main constitutional principles of the Russian Federation – the guarantee of social protection of the population. The analysis of the main forms of implementation of this principle on the example of the Altai territory is given.

Keywords: social policy, social protection, socially vulnerable segments of the population, per capita income, social services, social support.

На этапе трансформации единого экономического пространства, регресса промышленного и сельскохозяйственного производства в 1990-е гг. социальная политика Российской Федерации была направлена, в первую очередь, на уменьшение напряженности по наиболее сложным направлениям социосферы. Для этого в конце XX в. начали применяться современные методы соцподдержки и соцзащиты. С нашей точки зрения, российскую социальную политику 1990-х гг. можно разделить на три отдельных течения.

Первое – это поддержка слабозащищённых слоев населения (граждане пенсионного возраста, лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные семьи, обучающиеся).

В сложный переходный период правительство Российской Федерации предполагало перейти к дифференцированной помощи семьям с учетом возраста детей и имущественного положения их родителей. Планировалось пересмотреть имеющийся перечень денежных выплат с учетом среднедушевого дохода каждого члена семьи.

Дополнительно предусматривался порядок индексации денежных выплат по инвалидности, нетрудоспособности, по возрасту, предоставление остро нуждающимся горячим питанием или минимальными продуктовыми наборами на безвозмездной основе [1, с. 52].

Не вызывает сомнений, что наиболее распространённым методом соцзащиты обучающихся выступают стипендии. В период 1990-х гг. учащиеся могли оформить дополнительную стипендию с обязанностью её возврата по окончании учебного заведения, т. е. российское государство выделяло учащейся молодёжи беспроцентный заём, при условии его возврата в течение оговорённого срока по завершении обучения.

Второе течение соцполитики – корректировка механизма финансирования соцсферы. Общеизвестно, что в предыдущий временной период СССР бесплатно предоставлял своим гражданам жилье и другие материальные ценности. При этом у последних отсутствовало права выбора и возможность влиять на качество услуг соцсферы. Российское государство в 1990-е гг. намеревалось эту ситуацию изменить и легально закрепить за россиянами свободный выбор жилья, образования, медобслуживания, реальной возможности влиять на уровень качества услуг соцсферы [2, с. 114].

В качестве специфического признака соцполитики Российской Федерации первой половины 1990-х гг. названа пенсионная реформа, проводимая с целью ликвидации монопольного положения Пенсионного фонда России (ПФР), создания личных пенсионных накоплений граждан.

Третье направление соцполитики – переработка внутренней государственной политики занятости и организация контроля и надзора на рынке труда. По мнению специалистов, к середине 1990-х гг. количество вакантных рабочих мест было недостаточным, поэтому возможность трудоустройства понизилась. Возникшие обстоятельства потребовали прекратить использование пассивной политики занятости (длительные выплаты высоких пособий по безработице), организовать дополнительные рабочие места и поощрять оперативный поиск работы или получение новой специальности [3, с. 71].

Следствием произошедших изменений стало упрочение позиций официальной службы занятости и трудоустройства: обратившимся гражданам оказывалось содействие в переобучении или предлагалась общественная работа на оплачиваемой основе; пособие по безработице назначалось только тем лицам, которым не удалось найти подходящую работу или предложить курс переобучения.

По мнению М. Д. Красильниковой, категорию первостепенных потребностей человека образуют: «в пище, в передвижении, в жилище, ведении

домашнего хозяйства, одежде, труде, отдыхе, образовании, охране и укреплении здоровья, социальном обеспечении, воспитании детей, культуре, творческой деятельности и другие» [4, с. 43]. Причём, статьи Конституции РФ, как основного закона нашего государства, закрепляют гарантии удовлетворения основных потребностей граждан.

В последнее десятилетие XX в. Российская Федерация переживала переходный период от тоталитаризма к рыночной экономике, поставивший перед российским обществом совокупность задач, и, в первую очередь, необходимость организации социальной поддержки народонаселения.

Развитие экономики с целью повысить качество жизни, требовало пересмотреть сложившиеся подходы, нормативы и т. п. Для этого требовалось отказаться от «остаточного принципа» финансирования социальной инфраструктуры [1, с. 54].

Поскольку темпы роста населения в Алтайском крае оставались значительно ниже, чем по СНГ и России, на его территории в начале 1990-х гг. сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, характеризующаяся хроническим недостатком свободных рабочих кадров.

Для преодоления этих сложностей, параллельно с интенсификацией промышленности, требовалось повышение качества жизни народонаселения: усовершенствовать планирование, применять материальное стимулирование; повысить заинтересованность работников в увеличении выпуска продукции. Для этого предприятия переходили на полный хозрасчет, самостоятельное финансирование и управление. Указанные нововведения привели к регионализации менеджмента, активизации территориального компонента, причём в соцсфере, т. е. в Алтайском крае и в других регионах, происходил переход к рыночной системе экономики [2, с. 118].

В нашем крае к началу 90-х гг. XX века был накоплен определенный опыт разработки и осуществления территориальных комплексных целевых программ, которые по объёмам, значению и разрешаемых вопросам, можно подразделить на социально-экономические, территориально-отраслевые и территориальные целевые программы соцразвития.

Социальная направленность экономики, актуальные региональные способы реализации, в конечном итоге, способствовали повышению качества жизни народонаселения.

В первой половине 1990-х гг. Алтайский край выступает как крупный производитель сельхозпродукции с развитой, хотя и узкоспециализированной промышленностью, что отрицательно сказывалось на потребительском рынке.

Непродуманная внутренняя политика 1950-1960 гг. по распределению производительных сил, желание в сжатые сроки создать производство средств производства негативно сказалось на социальном развитии края. В частности, строительство, как самостоятельная отрасль, стала складываться в нашем крае только в 1960-е гг. Поэтому при стремительном подъёме промышленного потенциала, краевой строительный комплекс в конце XX в. не справлялся с требованиями по своевременному вводу жилья. Это привело к тому, что

к началу экономической реформы народное хозяйство края подошло с тяжелым грузом проблем [1, с. 55].

Для разрешения этих вопросов за короткий срок предполагалось вдвое увеличить площади орошаемых земель, усовершенствовать материально-техническую базу хранения и переработки сельхозсырья, провести приближение перерабатывающих предприятий к месту производства, ускорить темпы создания новых и реконструкцию старых теплоэлектростанций, что исправило бы проблему теплоснабжения и обеспечило регион собственной электроэнергией.

Обеспечение необходимого финансирования региональных предприятий, с нашей точки зрения, смогло бы улучшить качество выпускаемых ими продукции и услуг.

Соответственно, для эффективного развития непромышленной сферы субъектов федерации в конце XX в. следовало учитывать не только социально-демографическую структуру народонаселения, но и вклад всей территории в решение хозяйственных задач [5, с. 64].

Достойный уровень социальной сферы способствует внедрению эффективных форм организации труда и создаёт предпосылки для роста жизненного уровня народонаселения. Поэтому, при расстановке промышленных предприятий должно применяться правило опережающего социального развития, которое позволит в минимальные сроки развить производство.

Однако, развитие социальной сферы в конце XX в. с учётом состояния здоровья, образования и культурного обеспечения жителей, не предоставляло должного качества жизни ни государства в целом, ни его отдельного региона. Положение, в котором на рубеже XX-XXI вв. оказался Алтайский край было не блестящим: реальные денежные доходы народонаселения составили в 1995 г. 1/4 к уровню 1990 г., численность безработных достигла 151 тыс. человек.

Конечно, руководство региона предпринимало попытки по улучшению экономической ситуации в сельском хозяйстве и промышленности. В первую очередь, был сделан уклон в сторону планирования, позволяющего работать на перспективу: были восстановлены пятилетки; совершенствовалась финансово-кредитная система, структура управления АПК и др. Кроме того, в крае возродили испытанную форму технического сервиса через МТС – было организовано 34 таких станций. Однако, по причине ограниченных финансовых возможностей не всё из запланированного удалось осуществить [1, с. 53].

За период 1990-1995 гг. Министерство экономики РФ не полностью профинансировало Алтайский край и на погашение задолженности в 1996 г. было запланировано 0,5 млрд. рублей: при нехватке собственных материальных средств это означало недостаточное субсидирование жилищного строительства, машиностроения, металлургии, лесного комплекса и т. д.

Недофинансирование больше всех коснулось бюджетных сфер образования, здравоохранения и культуры. Крайне тяжёлой была ситуация

с выплатой зарплаты их работникам, хотя задолженность в начале 1990-х гг. была по всем направлениям их деятельности [2, с. 126].

В общем-то, положение было типичным для всех субъектов федерации. Страна находилась в кризисном состоянии: по ВВП РФ уступала Бразилии, Индонезии, Испании, Мексике; по размеру доходов на одного человека РФ опустилась на 100-ое место в мире, пропустив вперед Ботсвану, Колумбию, Марокко, Намибию, Перу и Тунис. Предполагалось ежегодное понижение расходов на образование до 0,1 % от ВВП, при установленном по закону уровне 10 %, на науку – 2,37 % расходной части федерального бюджета при установленном в законе уровне – 4 %. Расходы на инвестиции в 1996 г. были снижены в два раза, а в промышленности, энергетике и строительстве – в 1,7 раза.

Таким стал итог деятельности наших реформаторов: богатое природными и людскими ресурсами государство оказалась нищим.

Исправление кризисной ситуации виделось в изменении политического и экономического курса Российской Федерации: без искоренения коррупции нельзя было надеяться на успех в сфере экономики.

По-нашему мнению, в действующую конституцию было необходимо:

- внести дополнения для устранения порядка единоличного управления с целью восстановить реальное народовластие;
- установить контроль подотчетности исполнительной власти органам представительной власти;
- наделить властные структуры реальными правами и обязанностями.

Причём эти рекомендации в новых условиях хозяйствования могли быть полезны и мини-конституции края.

Справедливости ради, необходимо отметить, что Администрация Алтайского края в начале 1990-х гг. рассчитывала только на собственные ресурсы и на деловые контакты с соседними регионами – партнерами по ассоциации «Сибирское соглашение». В результате, были подписаны соглашения с Кемеровской и Томской областями, позволившие оформлять бартерные сделки без посредников.

Новым направлением стала реорганизация финансово-кредитной системы в области повышения эффективности использования банковского капитала.

По примеру нескольких западно-сибирских регионов краевая администрация организовала собственную банковскую структуру с целью кредитования крупных промышленных предприятий, что выходило за рамки финансовых возможностей мелких коммерческих банков. Для этого начался выпуск ценных бумаг, шел поиск и по другим направлениям, затруднявшийся, опять-таки, отсутствием федеральной поддержки.

Первостепенной задачей, с нашей точки зрения, было создание трудоспособных подразделений исполнительной власти на межрегиональном уровне, что в полной мере относилось и к Алтайскому краю в конце XX в.

Бесспорно, Алтайский регион находился в зоне экономического и социального риска, но главная, на наш взгляд, проблема заключалась в не полном финансировании бюджетных средств, что, в конечном итоге, вело к дезорганизации в сферах здравоохранения, образования и культуры. Сложилась очень сложная ситуация и способ её разрешения отразился на дальнейшем развитии социальной сферы Алтайского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меньшиков, О. Н. Новые подходы к формированию социальной политики // Плановое хозяйство. – 2018. – № 5.
2. Бурджалов, Ф. Э. Современная социальная политика: между планом и рынком. – М.: Гардарика, 2016. – 265 с.
3. Мисихша, С. А. Социальные выплаты и льготы в Российской Федерации: распределение по группам с различным уровнем дохода // Вопросы экономики. – 2019. – № 2.
4. Красильникова, М. Д. Субъективные оценки уровня бедности в России // Экон. и соц. перемены: мониторинг обществ, мнения: Информ. бюл. – 2015. – № 6.
5. Гладкий, Ю. Н. Социально-экономическая география России. – М.: Гардарика, 2016. – 752 с.

УДК 321.6

И.В. Упоров

д.ист.н., профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, Россия

**СМЯГЧЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ
СТАЛИНА**

Аннотация: Раскрываются политико-правовые особенности восстановления законности в правоохранительной сфере после смерти Сталина в 1953 г. Анализируются соответствующие партийные документы, законодательные акты, научные труды по исследуемой проблематике, при этом акцент сделан уголовно-процессуальном аспекте. Отмечается, что к концу 1950-х гг. в основном был закончен слом прежнего государственно-правового механизма, позволявшего необоснованно репрессировать сотни тысяч советских граждан.

Ключевые слова: репрессии, государство, закон, права, свободы, законность, прокуратура.

I.V. Uporov

Doctor of historical Sciences, Professor, Department of constitutional and administrative law, Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

**MITIGATION OF THE REPRESSIVE COMPONENT
IN THE LAW ENFORCEMENT AFTER THE DEATH OF STALIN**

Abstract: It reveals the political and legal features of the restoration of law in the law enforcement sphere after the death of Stalin in 1953. The relevant party documents, legislative acts, scientific papers on the issues under study are analyzed, with the emphasis on the criminal procedural aspect. It is noted that by the end of the 1950s. basically, the demolition of the previous state-legal mechanism was completed, which made it possible to unreasonably repress hundreds of thousands of Soviet citizens.

Keywords: repression, state, law, rights, freedoms, legality, prosecutors.

Довольно длительный период в истории советского государства был связан с существенными ограничениями прав и свобод граждан.

Уже к концу 1920-х гг. в СССР была сформирована жесткая административная система управления обществом, имевшая к тому времени вполне определенную, уже ставшей монопольной, политико-идеологическую доктрину построения социалистического государства в СССР и в целом мировой социалистической революции.

Для достижения поставленных глобальных целей советская правящая элита выбрала методы, связанные с активными действиями правоохранительных органов и применением последними мер государственного принуждения в значительных объемах. Это было хорошо видно, в частности, по известному всплеску политических репрессий (1937-1938 гг.) и роли в них правоохранительных органов. Так, один из ответственных партийных работников того времени Н.С. Миронов в 1964 г. делился своими воспоминаниями: «Очень широко применялись репрессии во внесудебном порядке, через так называемое Особое совещание, образованное при НКВД, через различные «тройки», созданные в краях и областях. Здесь судьбу человека решали без его вызова, без рассмотрения доказательств его вины. Дело было поставлено так, что органы НКВД сами арестовывали и вели следствие, сами выносили т.н. приговоры и сами приводили их в исполнение» [1, с. 11].

Следует заметить, что власть находила объяснение для такой позиции: это и обострение классовой борьбы, и необходимость индустриализации для усиления военной мощи государства, и важность коллективизации сельского хозяйства. И все это нужно было осуществлять в кратчайшие сроки, отсюда и обоснование «твердой руки» советской власти. На этот счет имеются разные точки зрения, но бесспорно то, что десятки тысяч советских граждан подверглись необоснованным лишениям и ограничениям своих прав и свобод. Такие ограничения и лишения во многом, а по мнению ряда авторов - прежде всего, связываются с руководителем СССР Сталиным, поскольку именно на период его правления (1920-е гг. – 1953 г.) наблюдался культ его личности и приходился наибольший объем репрессий. После его смерти ситуация стала заметно меняться, и довольно быстро – советское общество явно устало от предшествовавших напряженных периодов своей жизни. Как отмечается в литературе, «наиболее уродливым проявлением режима, возвращенного Сталиным, стало осуществление массовых репрессий, затронувших практически все общественные слои и долгие годы державших людей в неослабевавших тисках страха. Поэтому перемены в повседневной жизни страны, начавшиеся после 1953 года, были немыслимы без восстановления и укрепления законности и правопорядка. Необходимо было не только разобраться в прошлом с его репрессивным произволом, беспрецедентными нарушениями конституционных прав граждан, но и создать гарантии от подобных явлений в будущем» [2, с. 273]. Политическая оценка указанным негативным явлениям была дана Н.С. Хрущевым в 1956 г. в его известном докладе на XX съезде КПСС, после это был принят ряд других политических решений, в том числе, например, Постановление ЦК КПСС «Об улучшении

деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» (1957 г.) и др. О том, что общество ждало решений именно в таком духе, говорит тот факт, что в защиту еще вчера, казалось бы, непререкаемого авторитета Сталина никто публично и не выступил.

Характерным с точки зрения изменения содержания карательной политики стало издание актов амнистии. В частности, были проведены крупномасштабные амнистии 1953 и 1957 гг.; интересно, что инициатором первой из них был Берия, который, как известно, являлся одним из самых активных проводников репрессивной политики. Так, 26 марта 1953 г. он направил в Президиум ЦК КПСС записку с приложением соответствующего законодательного акта об амнистии. В записке отмечалось, в частности, что в исправительно-трудовых лагерях и других местах лишения свободы находятся 2526402 заключенных, и о масштабе проведенной амнистии может свидетельствовать тот факт, что были освобождены 1 млн 181 тыс. заключенных [3, с. 1681] (но, как известно, эта инициатива не помогла Берии, который был расстрелян). Следующая крупномасштабная амнистия (объявлена законом СССР от 1 ноября 1957 г.) предусматривала освобождение от наказания лиц, осужденных к лишению свободы на срок до трех включительно, в частности, освобождению подлежали женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, несовершеннолетних до 16 лет включительно, а осужденным на срок свыше трех лет, неотбытая часть наказания сокращалась в два раза.

В правоохранительной сфере меры по укреплению законности связывались прежде всего с изменением содержания уголовного процесса. И хотя в рассматриваемый период (вплоть до принятия в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) действовал прежний УПК РСФСР 1923 г. (новый УПК РСФСР появился только в 1960 г.), тем не менее были приняты решения, которые существенно укрепляли законность при производстве уголовных дел как на предварительном следствии, так и во время судебного рассмотрения. Причем, первым в данном контексте решение было символическим – 1 сентября 1953 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» [4], согласно которому Особое совещание при министре внутренних дел упразднялось и соответственно Постановление ЦИК и СНК от 5 ноября 1934 г. «Об Особом Совещании при Народном Комиссаре внутренних дел СССР» было признано утратившим силу. Тем самым некогда могущественные органы госбезопасности, пожалуй, впервые в истории нашей страны были лишены полномочий выносить решения (по сути – приговоры, точнее, квазиприговоры, поскольку эти органы не являлись органами правосудия) о привлечении к уголовной ответственности лиц за совершение деяний, содержащих признаки государственных преступлений.

Мы полагаем, что это очень важное и принципиальное решение. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оно было принято до судебного процесса над упомянутым выше Берией, то есть Хрущев и его

сторонники в высшем эшелоне власти сознательно отказывались от возможности использования Особого совещания для репрессии Берии, хотя, очевидно, при желании новые власти СССР вполне могли воспользоваться этим механизмом для того, чтобы скрытно уничтожить своего новоявленного политического противника (мы оставляем без рассмотрения и не высказываем свою позицию по спорным вопросам, в частности, о том, был ли вообще суд над Берией или же он был умерщвлен вскоре после ареста в июне 1953 г., как предполагают некоторые историки, в частности, Е. Прудникова, и исходим из того, что имеющиеся документы о том, что суд все же был [5], не опровергнуты, и в этой связи нет оснований считать недействительной обширную информацию о суде над Берией и о приведении приговора в исполнение в официальной «Правде» [6]).

Если иметь в виду изменения в структуре и полномочиях собственно судов, но они обуславливались необходимостью укрепления судебного надзора за принимаемыми судами решениям. В этом смысле необходимо отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР [7]. Данным законом предписывалось: «Образовать президиумы Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей в составе председателя суда, заместителей председателя и двух членов суда ... Президиум Верховного суда союзной и автономной республики утверждается соответственно Президиумом Верховного Совета союзной или автономной республики, а президиум краевого, областного суда и суда автономной области – исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся края, области или автономной области ... Президиум Верховного суда союзной республики рассматривает уголовные и гражданские дела в порядке надзора по протестам Генерального Прокурора СССР, Председателя Верховного суда СССР, прокурора союзной республики и председателя Верховного суда союзной республики и их заместителей на приговоры, решения и определения судебных коллегий Верховного суда союзной республики ... постановления Президиума Верховного суда союзной республики могут быть опротестованы Генеральным Прокурором СССР и Председателем Верховного суда СССР в соответствующую судебную коллегия Верховного суда СССР» [7]. Несколько позже на том же законодательном уровне был определен порядок рассмотрения дел президиумами судов.

В контексте исследуемой темы важным представляется принятый 28 июля 1956 г. закон «О подсудности дел о государственных преступлениях» [8]. В этом акте указывалось, в частности: «дела о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, подсудны областным, краевыми Верховным судам автономных и союзных республик, а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. Дела о шпионаже подлежат рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами округов (флотов)» [8]. Помимо этого, законодатель установил, что перечисленные судебные инстанции получали право «рассматривать протесты на приговоры, определения или постановления по

делам данной категории до издания настоящего Указа. Приговоры трибуналов военных округов и бывших трибуналов войск НКВД-МГБ-МВД союзных республик и округов могли быть пересмотрены Верховными судами соответствующих союзных республик или Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Приговоры других военных трибуналов, а также постановления, вынесенные во внесудебном порядке, могли быть пересмотрены президиумами областных, краевых и Верховных судов автономных республик» [8].

Этим же законом утрачивало свою юридическую силу Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным Комиссариатом внутренних дел СССР и его местными органами» [9]. Бесспорно, закон 1956 г. значительно повысил значимость судов общей юрисдикции, что, в свою очередь, не могло не отразиться позитивно и в части укреплении законности в судебной системе. В 1957 г. с учетом новых политических условий был уточнен статус Верховного Суда СССР – в соответствующем союзном законе предписывалось внести изменения в Конституцию СССР. Так, теперь согласно ст. 104 Верховный Суд СССР представлял собой высший судебный орган. При этом на данный орган возлагался «надзор за судебной деятельностью судебных органов СССР, а также судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом» [10]. В ст. Конституции СССР указывалась, что «Верховный Суд СССР избирается Верховным Советом СССР сроком на пять лет. В состав Верховного Суда СССР входят председатели Верховных Судов союзных республик по должности» [10].

Реорганизации подверглись основные правоохранительные органы – так, в марте 1954 г. из МВД СССР были в очередной раз выделены органы госбезопасности и был образован Комитет госбезопасности при СМ СССР. В литературе в этой связи отмечается, что предпринятыми усилиями Берии укрепление МВД СССР (сразу после смерти Сталина) даже после его расстрела «казалась могучей машиной, представляющей опасность для партийно-политической элиты СССР, опасаящейся, что такие серьезные рычаги власти, оказавшись в одних руках, потенциально могут породить нового диктатора» [11, с. 234].

Спустя некоторое время была устранена чрезмерная централизация руководства органами внутренних дел. Еще одним актом, который нельзя не затронуть, являлось утвержденное законодателем в 1955 г. «Положение о прокурорском надзоре в СССР». В этом акте указывалось, в частности: «высший надзор за точным исполнением законов всеми государственными органами и учреждениями, должностными лицами, а также гражданами возлагался на Генерального прокурора СССР» [12]. Здесь говорится также об обязанности всех работников прокуратуры «быть принципиальными и непримиримыми в борьбе за обеспечение строгого соблюдения законности ... своевременно принимать меры к устранению различных нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили ... внимательно следить за тем, чтобы ни

один гражданин не был незаконно подвергнут аресту или необоснованно привлечен к уголовной ответственности» [12]. Согласно ст.36 этого закона «администрация места лишения обязан не позднее чем в суточный срок направлять прокурору адресованную ему жалобу. Прокурор, получивший жалобу, обязан рассмотреть ее в установленный законом срок, принять необходимые меры и сообщить о своем решении жалобщику ... Администрация места лишения свободы обязана выполнять предложения прокурора относительно соблюдения установленных законом правил содержания заключенных» [12]. Положение, таким образом, придавало именно прокуратуре главную надзирающую роль в местах лишения свободы [13], где долгое время практических бесконтрольно осуществляли свою деятельность органы НКВД СССР. В 1957 г. даже ставился вопрос о том, чтобы исключить из системы МВД СССР следователей (такое мнение высказывал, например, известный процессуалист М.С. Строгович, назвавший следователей органов внутренних дел «незаконным институтом», так как эта функция, по его мнению, должна была выполняться органами юстиции [14, с. 21]), но данная точка зрения была признана слишком радикальной [15, с. 54].

Отмеченные выше и ряд других законов в дальнейшем были трансформированы в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также в принятые в тот же день (25 декабря 1958 г.) Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и Положении о военных трибуналах. Эти законы закрепили обновленную правоохранительную политику советского государства послесталинского периода, главным вектором которой стало следование принципу законности в тех сферах, которые ранее были закрытыми от общества. Тем самым законодательно был отставлен в историю период действий в СССР правовых актов, на основе которых осуществлялось необоснованное привлечение советских граждан к уголовно-политической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов Н.С. Укрепление законности и правопорядка - программная задача партии. – М., Юрид. лит-ра, 1964. – 243 с.
2. Пыжиков А.В. Десталинизация правоохранительной системы в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Общество и право. – 2003. – № 1. – С. 273-298.
3. Конасов В.Б. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных // Отечественная история. – 1998. – №5. – С.164-172.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.09.1953 г. «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР» от 1 сентября 1953 г. // Судебная власть в России. История. Документы. В 6 т. Т. 5. Советское государство / Сост. О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М., Мысль, 2003. – С. 535-536.

5. Лаврентий Берия. 1953. Документы / Составители В. Наумов, Ю. Сигачев. - М.: РОССПЭН, 1999. – 512 с.
6. Информация «В Верховном суде СССР» // Правда. – 1953. – 24 декабря.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.08. 1954 «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 17. – Ст. 360.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07. 1956 «О подсудности дел о государственных преступлениях» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 76-77.
9. Постановление ЦИК СССР от 10.07.1934 «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами» // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 284.
10. Закон СССР от 12.02.1957 г. «Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (основного закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 84.
11. Лушин А.И., Калинин И.В. Трансформация органов государственной безопасности в период хрущевской «оттепели» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – № 2. – С. 125-236.
12. Положение о прокурорской надзоре в СССР (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24. 05. 1955 г.) // Ведомости ВС СССР. – № 9. – Ст.222.
13. Печерский В.А. Прокурорские органы Хакасской автономной области в постсталинский период (1953-1960 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. – № 430. – С. 110-119.
14. Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. – 1957. – № 5. – С. 19-27.
15. Серов Д.О., Федоров А.В. Советское следствие в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941 - 1959 гг.) // Российский следователь. – 2015. – № 21. – С. 50 - 55.

УДК 321.15

С.В. Фоменко

д.ист.н., профессор Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О РЕЗКО НЕГАТИВНОМ ОТНОШЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ
К ДЕМОКРАТИИ**

Аннотация: Анализируется аристотелевское представление о демократии и её различных видах.

Ключевые слова: Аристотель, демократия, олигархия, полития, государство.

S.V. Fomenko

Doctor of historical Sciences, Professor of the Federal state university named
after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia

**ON THE NEED TO OVERCOME THE IDEA OF A SHARPLY
NEGATIVE ATTITUDE OF ARISTOTLE TO DEMOCRACY**

Abstract: The article analyzes the Aristotelian idea of democracy and its various types.

Keywords: Aristotle, democracy, oligarchy, polity, state.

Несмотря на то, что Аристотель является одним из основателей политической науки, в учебной и даже научной литературе превалирует упрощённое представление о его политологической концепции.

Согласно этому представлению, различая правильные и неправильные формы государства и считая неправильными те, при которых «имеются в виду выгоды одних правителей, а не народа», мыслитель выделял, мол, «монархию, или царство, где властвует один для общего блага; аристократию, или господство лучших для общего блага; политию, или господство многих для общего блага»; и каждой из этих правильных форм противопоставлял неправильную: «тиранию, где имеется в виду только польза правителя; олигархию, где правят немногие богатые; демократию, где властвуют многие бедные, имея в виду только собственный интерес» [1, с.169-170].

Часто также утверждается: для Аристотеля «демократия представляет собой неправильную форму..., поскольку отождествляет между собой относительное и абсолютное равенство» [2, с.17].

Такого рода трактовки не совсем адекватно отражают аристотелевский взгляд на мир политики, порождая в том числе впечатление, что Аристотель унаследовал от своего учителя Платона и крайне негативное отношение к демократии, чего в действительности не было.

В «Политике» – главном «политологическом» труде Аристотеля, где уже упоминаются «как республиканские, так и монархические устройства» [3, с.248, 234, 232], фигурируют те же виды политических режимов, что и у Платона (демократия, олигархия, тирания) – но при исчезновении тимократии (правления почётных избранников) и появлении «политии» и «аристократии».

При этом у Аристотеля практически нет однозначного определения выделяемых им государственных форм. «Полития» (политейя, *politeia*) иногда обозначает у него то же самое, что и у Платона: «государственное устройство» [3, с.91]. Но чаще это конкретный вид государства (допустим, в Сиракузах, Мессалии [3, с.207, 212]). Полития и аристократия, можно прочесть также в «Политике», «не далеки одна от другой [3, с.167]; разные виды аристократий «отчасти приближаются к так называемой политии (почему и следует говорить об этих видах как об одном)» [3, с.172].

Указывая, что «основой аристократии является добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода» [3, с.166-167], Аристотель признавал аристократией «только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели», а именно: «это такие *виды*, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами (*aristinden*)» [3, с.164].

Использование «вида» во множественном числе здесь не случайно. Как выразился сам Аристотель, «некоторые думают, будто существует всего-навсего один вид демократии, один вид олигархии» [3, с.147], но сам он находил 4-5 видов царской власти, минимум по 3 разновидности тирании и аристократии, 4 вида олигархии, 5 видов демократии [3, с.133-134, 171, 165, 163,158].

Важно и то, что в отличие от Платона, для которого каждая из последующих государственных форм (тимократия, олигархия, демократия, тирания) являлась как бы ещё одним шагом на пути отпадения от идеального, Аристотель не возводил непреодолимых перегородок между разными типами режимов. Не исключая возможности перехода олигархии в демократию, демократии в тиранию, он писал: «...Бывают изменения и обратного порядка, ...демократия переходит в олигархию, и притом чаще, чем в монархию», тирания может перейти «в тиранию же...либо в олигархию,...либо в демократию, либо в аристократию» [3, с.249-250], а олигархии могут быть преобразованы в политию и в демократию [3, с.204].

Что касается демократии, то она, по словам Аристотеля, «обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой» [3, с.229]: «Основным началом демократического строя, является свобода. По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой» [3, с.254]; «одним из

признаков демократического строя, по признанию всех сторонников демократии, является свобода. Второе начало – жить так, как каждому хочется; эта особенность, говорят, есть именно следствие свободы... Отсюда... стремление не быть вообще в подчинении... И в данном случае это стремление совпадает с началом свободы, основанным на равенстве» [3, с.254-255], которое понимается так, что «решения народной массы должны иметь силу» [3, с.229].

Аристотель также подчёркивал: поскольку «основное начало демократического права состоит в том, что равенство осуществляется в количественном отношении, а не на основании достоинства», «в демократиях неимущие оказываются обладателями большей власти, нежели состоятельные» [3, с.254].

Таким образом, под демократией чаще всего подразумевалась власть не просто большинства, а власть неимущего большинства (но, конечно же, только из числа свободных людей). Аристотель писал: «Демократию не следует определять... просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы»; ею, скорее, следует назвать такой строй, «при котором верховная власть находится в руках свободнорождённых, а олигархическим (строем) – такой, когда она принадлежит богатым, и лишь случаю нужно приписать то, что одних много, а других немного» [3, с.152-153]. Учёный специально подчёркивал: при определении того, что такое олигархия и демократия, «признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства», «есть признак случайный... То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия» [3, с.110]. Согласно же встречающемуся в «Политике» «интегрированному» определению демократии, ею «следует считать такой строй, когда свободнорождённые и *неимущие*, составляя *большинство*, имеют верховную власть в своих руках, а *олигархией* – такой строй, при котором власть находится в руках людей *богатых* и благородного происхождения и образующих *меньшинство*» [3, с.153].

С этим определением, правда, не очень согласуется характеристика «наилучшего» - «первого вида демократии», характерным отличием которого, по определению учёного, «служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чём каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, те и другие равны» [3, с.158]. В условиях этой демократии, по определению Аристотеля, обычным является то, что «весь народ участвует в выборах должностных лиц, в принятии отчётов от них, (он) отправляет обязанности судей, но высшие должности замещаются путём выбора и на основании имущественного ценза, причём чем должность выше, тем больше ценз». Не исключено также, что ни одна из должностей «не замещается на основании ценза, но принимаются во внимание лишь

способности человека» [3, с.260]. Если даже в обществе «и имеется городская чернь, она всё-таки не может получить преобладание в народных собраниях...» [3, с.261-262]. В итоге «неизбежно получается то, что наиболее полезно в государстве, - правят порядочные люди»; «государство, имеющее такого рода устройство, разумеется, будет иметь хорошее правление» [3, с.260].

Судя по всему, имевшиеся и в обществе, и у него самого разночтения в понимании демократии Аристотель связывал с «многообразием» её видов, а оно, в свою очередь, порождалось, по мнению учёного, разными вариантами соединения «особенностей демократического строя», а также тем, что сам «народ бывает различным» [3, с.254, 253].

Две «диаметрально противоположные» части общества Аристотель именовал по-разному: состоятельными и неимущими [3, с.246], богатыми и неимущими, знатными и простым народом [3, с.157], «порядочными и народной массой» [3, с.223]. При этом под последней иногда подразумевались лишь производители продуктов питания – земледельцы [3, с.154], а иногда – ещё и ремесленники, торговцы, моряки, подёнщики, свободные люди, происходящие не от обоих родителей-граждан», и представители «иных подобных разновидностей народной массы» [3, с.157-158]. Реже народная масса противопоставлялась знатным и средним [3, с.262]. А в главах об идеале гражданина и государственного управления «масса» означала уже «свободнорождённых, ни в чём не поступающих вопреки закону» [3, с.136].

Тот или иной тип демократии выводился именно из характера «массы». Согласно Аристотелю, в её состав «входят земледельцы, с другой стороны – ремесленники и подёнщики; если к первым присоединить вторых, а к третьим, в свою очередь, обоих первых, то различие получится не в том, что демократия станет лучшей или худшей, а в том, что она будет не одной и той же» [3, с.253].

Считая «наилучшим» земледельческий «вид народа», учёный полагал: «...Там, где народная масса живёт земледелием или скотоводством», «возможно бывает насаждать демократию» - и пояснял: «Не обладая значительной собственностью, люди не имеют там досуга часто устраивать народные собрания... им приятнее труд, чем занятия политикой и управлением там, где получение должностей не сопряжено с большими материальными выгодами... если у них и есть некоторое честолюбие», оно удовлетворяется «правом участвовать в выборах и принимать отчёт» [3, с.259]. В итоге, подчёркивал Аристотель, если «управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами», ведь эти люди «собираются на народные собрания лишь в случае необходимости» [3, с.161]. В целом там, где «пахотная земля находится на большом расстоянии от города, легко можно устроить и хорошую демократию, и политику» [3, с.261].

Вторым видом демократии назывался очень схожий с первым тип, когда в управлении могут участвовать все граждане «на основании их происхождения», «однако участвуют только те, кто может иметь досуг». Здесь тоже властвуют законы, «потому что для необходимого досуга (всех) не хватает

доходов», но «занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. ...потерявший ценз лишается этого права» [3, с.162, 158].

В демократии третьего вида, по определению Аристотеля, также властвует закон, но «принимать участие в управлении могут (уже) все свободнорождённые» [3, с.162], хотя правом на занятие должностей обладают лишь «граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению». В демократии же четвертого вида правом занимать должности пользуется «всякий, лишь бы он был гражданином» [3, с.158].

Таким образом, в основе аристотелевской классификации государственных форм лежало не только количество людей, имеющих власть, и не только цели, преследуемые этими людьми: общее благо или личная выгода -, но и в какой-то степени социальный состав власть предержащих, а также «конституционные» различия форм государства.

Согласно Аристотелю, «основу каждого из видов государственного устройства» составляют 3 части: совещательная или законосовещательная власть [3, с. 252, 186], «должности» [3, с.269] и судебные органы [3, с.182].

Аристотель обращал внимание на отличие судов в государствах разного вида, которое проявлялось «в трёх отношениях: из кого судьи, что подлежит их суду, каким образом судьи назначаются» [3, с.193]. Но наибольшее значение имеет, понимал он, процедура формирования законосовещательной - «главной власти в государстве» [3, с.186], ибо «законосовещательный орган правомочен решать вопросы о войне и мире, о заключении и расторжении союзов, о законах, о смертной казни, об изгнании, о конфискации имущества, об избрании должностных лиц и об их отчётности». И здесь «демократическим началом является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демократия и стремится» [3, с.182].

Этот же принцип распространяется при демократии и на назначение должностных лиц, которыми, по определению Аристотеля, следует называть всех, «кому предоставлено право для определённого круга дел иметь законосовещательную, решающую и распорядительную власть, в особенности эту последнюю, потому что с понятием "распоряжаться" прежде всего связано представление о всякого рода власти» [3, с.187]. Обращая внимание на то, что «в аристократиях должностными лицами являются люди образованные, в олигархиях – богатые, в демократиях свободнорождённые» [3, с.189], учёный характеризовал 12 известных ему способов замещения должностей, два из которых, по его мнению, отвечают демократическому строю: «все граждане назначают на должности из числа всех граждан... путём выбора, или по жребию, или посредством соединения того и другого, так что одни из должностей замещаются путём выбора, другие – по жребию» [3, с.192].

Но, как обнаружил Аристотель, даже в маленьких полисах «прямая демократия» реализовывалась по-разному. В демократиях первого варианта «решение предоставляется не всем гражданам в полном составе, но между ними соблюдается известная очерёдность», а должности «замещаются всеми

гражданами поочередно...пока не пройдут все» [3, с.182-183]. В демократии второго вида « совещаются все вместе, но сходятся только для избрания должностных лиц, по вопросам, касающимся законодательства, войны, мира и принятия отчёта»; в остальных же случаях действуют «особые для каждой отрасли управления должностные лица», избранные из среды всех граждан или назначенные по жребию. И примерно такая же практика и в третьем варианте демократии [3, с.183]. И только в условиях последнего варианта – четвёртого, как писал учёный, только что упомянувший 5 видов демократии, «все граждане совещаются в объединённом собрании обо всех государственных делах; должностные лица ни по какому вопросу не могут выносить своего решения, но дают только предварительное заключение» [3, с.159].

Этот последний вид демократии – «крайний» – родился, по мнению Аристотеля, «вследствие увеличения государства... и вследствие того, что появилось изобилие доходов»: «...Благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение», в государственном управлении стала принимать участие вся народная масса, которая «особенно (активно) пользуется досугом; забота о своих собственных делах нисколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они очень часто не присутствуют на народных собраниях» и в судах. «Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам» [3, с.162].

Рождение «крайнего» вида демократии Аристотель связывал и с изменением социального состава населения. Считая после земледельцев наилучшим народом «пастухов и живущих скотом», Аристотель полагал, что другие «виды народной массы... почти все хуже этих». И дело не только в том, что ни одно из занятий «массы, состоящей из ремесленников, торговцев, подёнщиков, не имеет ничего общего с добродетелью». В отличие от земледельцев, «все такого рода люди, постоянно торча на площади и в городе, с лёгкостью, так сказать, устраивают народные собрания» [3, с.261], рождая наихудший вид демократии, когда решающее значение имеют «постановления народного собрания, а не закон» [3, с.158].

Этот вид демократии Аристотель решительно отвергал – но не потому, что в его условиях часто допускалось «вольное существование рабов..., женщин и детей» [3, с.263] и нередко давались «права гражданства... незаконнорожденным и тем, у кого (всего) один из родителей... – гражданин» [3, с.262]. (Аристотель не исключал допуска таких людей в число граждан, но лишь «до тех пор, пока народная масса не будет превышать общего числа знатных и средних. Дальше этого, – считал он, – идти не следует» [3, с.262]). «Крайнюю демократию» учёный отвергал, по сути дела, по той же самой причине, по которой отвергал демократию вообще Платон.

Согласно Платону, при наличии в демократическом обществе трутней, богачей и народа трутни в нём «много ядовитее», чем при олигархии: «Там они не в почёте, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей... А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые

ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные ... жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе» [4, с.105].

Не менее страшны в условиях демократии, писал Платон, и льстецы, паразитирующие в основном на понятии свободы, которую демократия «определяет как благо»: «В демократическом обществе только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе» [4, с.103]. В итоге, когда во главе государства с демократическим строем и жаждой свободы «доведётся встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде» [4, с.104]. Иными словами, как выразится в XX в. один почти что наш современник, «для того, чтобы властвовать в демократическом обществе нужно немного – льстить толпе». Тем, кто привык к этому и знает «характер толпы, её настроения, нетрудно руководить ею ради своих выгод» [5, с.83].

Фактически на это же самое обращал внимание и Аристотель, по убеждению которого, решающее значение «постановления народного собрания, а не закона» на деле означает, что «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу» [3, с.158]. Достигается же это при посредстве демагогов: «В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги» [3, с.159].

В «Политике» можно прочесть: «...И демагоги, и льстецы в сущности одно и то же или, во всяком случае, схожи друг с другом; и те, и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение всё. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они (ведь) властвуют над его мнением, так как народная масса находится у них в послушании» [3, с.159].

Поскольку в условиях «крайней» демократии, как и при тирании, «льстецы в почёте: в демократиях – демагог (ведь демагог – льстец народа), а у тиранов – люди, держащие себя униженно», т. е. льстецы [3, с.241], Аристотель считал также, что этот вид демократии соответствует скорее «династической олигархии и тиранической монархии» [3, с.183]. Он даже заявлял: «...состояние, при котором всё управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле» [3, с.160].

Давно уже было высказано мнение, что желательное для государства устройство в политическом отношении принимало у Аристотеля «форму аристократической республики», гражданами которой могут быть только люди «добродетельные». Добродетель же, как написал С.Н. Булгаков, была несовместима для учёного с «неблагородным занятием купца и ремесленника»; а у крестьян «для упражнения в добродетели отсутствует необходимый досуг». Поэтому, «верный своему пренебрежительному отношению к

производительному труду, Аристотель в своём идеальном государстве лишает права гражданства всех этих представителей производительного труда» [5, с.100].

Но, как было показано, это не совсем так. Аристотель готов был признать участие «производительных классов» в управлении государством. Не случайно он писал: «...Если перевес (в населении) будет на стороне массы земледельцев, то возникнет первый из видов демократического строя, а где перевес на стороне ремесленников и подёнщиков, там образуется крайний из видов демократического строя» [3, с.177]. Он также не сомневался, что «когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами» [3, с.161]. (Хочется, правда, добавить: скорее будет управляться законами, но не обязательно).

У Аристотеля немало рассуждений на тему того, что «наилучшее государственное общение – (это) то, которое достигается посредством средних (т.е. людей среднего достатка. – С.Ф.), и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большом количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них по отдельности» [3, с.174]. Учёный пояснял: в этих государствах «не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те, ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворило бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего» [3, с.178]. Отсюда: «...Государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй» [3, с.173], причём по форме оно будет скорее демократией; «государственное устройство, основанное на господстве средних, ближе к демократии, нежели к олигархии» [3, с.200].

Аристотель также не исключал случая, что кто-нибудь пожелает «устроить новый вид демократии или внести в демократию те или иные исправления» [3, с.254]. Сам он считал, что «для демократического строя, как его обычно понимают в настоящее время (я имею в виду такую демократию, где верховная власть народа стоит даже выше закона), было бы полезно в целях лучшего устройства законосовещательной власти применять способ, осуществляемый в олигархиях», где «под угрозой денежного штрафа заставляют отправлять судебские обязанности тех, кого желают видеть судьями». И данный порядок следует распространить и на участников народных собраний [3, с.185]. Кроме того, по мнению учёного, «следует поступать вопреки установившемуся в политиях обыкновению»: народной массе следует предоставлять «право отклонять вносимые законопроекты, но не право самостоятельно выдвигать их – отклонённый законопроект должен опять возвратиться к должностным лицам» [3, с.186] и т.д. и т.п.

Таким образом, вопреки встречающимся трактовкам, у Аристотеля не было полного отрицания демократии, хотя та часто означала власть неимущих. Учёный не только называл демократию «наиболее умеренным из отклоняющихся видов» государства, но и признавал: «...Легко может

оказаться, что для одних демократия подходит более, чем олигархия» [3, с.149-150].

Искажённое представление об аристотелевской политологической концепции закрепилось на том отрезке современной истории, когда возникшие на Западе олигархические, с точки зрения Аристотеля, «виды государства» стали именоваться исключительно либерально- и свободно-демократическими. Трагедия СССР могла стимулировать интерес к наследию великого эллина со стороны отечественных обществоведов, но большинство их по-прежнему, видимо, считает, что обобщённый опыт маленьких греческих городов-государств не может иметь какого-либо значения для наших дней. Между тем явление массовизации современных обществ, составной частью которой является выдающаяся роль демагогов, наглядно показывает, что это совсем не так. Эллинский мир и Аристотель гораздо ближе нам, чем это кажется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. Учебник. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 472 с.
2. Ланцов С.А. Политология. Учебник для академического бакалавриата. 2-е изд, испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 454 с.
3. Аристотель. Политика / Пер. с др.-гр. С.А. Жебелева. –СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с.
4. Платон. Государство // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. –М.: Гардарики. 1999. –С.88-106.
5. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. –М.: Астрель. 2007. – 988 с.

УДК 327

Ю.А. Харламова

д.полит.н., профессор Российского университета транспорта (МИИТ),
г. Москва, Россия

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация: В представленной статье подробно рассматриваются проблемы первой и второй мировых войн в контексте решения славянского вопроса на европейском континенте. Дается подробный анализ исторических событий, которые повлияли на развитие ситуации по определенному антиславянскому сценарию. Показывается историческая, геополитическая и геоэкономическая взаимосвязь двух мировых войн XX столетия.

Ключевые слова: славянские этносы, мировые войны, криптоистория, национализм, славянская идея, этноцид.

Y. A. Kharlamova

Doctor of political science, Professor, Russian University of transport (MIIT),
Moscow, Russia

THE SLAVIC QUESTION IN WORLD POLITICAL PROCESSES

Abstract: The article deals in detail with the problems of the first and second world wars in the context of solving the Slavic question on the European continent. A detailed analysis of historical events that influenced the development of the situation according to a certain anti-Slavic scenario is given. It shows the historical, geopolitical and geo-economic relationship of the two world wars of the twentieth century.

Keywords: Slavic ethnic groups, world wars, cryptohistory, nationalism, Slavic idea, ethnocide.

Первая мировая война, а точнее говоря, ее итоги во многом определили развитие XX века по тем направлениям, которые устраивали «хозяев мировой игры» (термин, так удачно, предложенный русским писателем О. Маркеевым), поэтому совсем не случайно, что у этой войны есть и второе название - великая. Прав исследователь С.Б. Переслегин в том, что серьезный анализ Первой мировой войны, как столкновения цивилизаций, и ее альтернативных версий, как миров с иными целями и ценностями, структурными связями, понятием об истине, дело будущего.[1, с. 473].

Историкам и исследователям еще предстоит разобраться, почему в 1912 году император Вильгельм II записал, что наступает эпоха третьего великого переселения народов, в ней германцы будут воевать с русскими и галлами. И никакие мирные конференции (в мае 1899 года по инициативе Николая II в Гааге прошла первая мирная конференция по разоружению) не смогут изменить этого, так как это не вопрос политики, а «вопрос выживания расы».[2, с. 85] Как тут не вспомнить генеральный план «Ост» эпохи Второй мировой войны, предусматривающий очищение Восточной Европы от славянских народов для обеспечения жизненного пространства германской расе господ, который был создан нацистами как механизм массового уничтожения людей, как «славянский холокост».

Понятна и тревога в словах русского консервативного политика и публициста того времени М.О. Меншикова, написанные в преддверии новой эпохи: «Вот он, таинственный XX век: неведомый, загадочный и, во всяком случае, еще чуждый нам, надвигающийся как белое привидение с закрытыми глазами».[3, с. 5]

Вполне можно согласиться и с утверждением, что «для людей рубежа хронологических XIX – XX вв. Первая мировая стала изгнанием из чего-то похожего (особенно ретроспективно) на рай и что действительно, по сравнению с «длинными двадцатыми» (1914 -1933/34), было раем, по крайней мере, для образованных классов, творящих культуру и пытающихся облечь собственные групповые надежды в форму общих социальных мифов».[4, с. 248]

Итоги первой мировой войны или Великой войны, на наш взгляд, создали питательную среду для славянского национализма, прежде всего, польского и украинского. В 1887 году будущий рейхканцлер второго рейха Бернгард фон Бюлов писал: «Мы должны пустить русскому при случае столько крови, чтобы тот не почувствовал облегчения, а двадцать пять лет был не в состоянии стоять на ногах. Нам следовало бы надолго перекрыть экономические ресурсы России путем опустошения ее черноморских губерний, бомбардировки ее приморских городов, возможно большим разрушением ее промышленности и торговли. Наконец, мы должны были бы оттеснить Россию от тех двух морей, Балтийского и Черного, на которых основывается ее положение в мире, однако я могу представить себе Россию действительно надолго ослабленной только после отторжения тех частей ее территории, которые расположены западнее линии Онежская губа, Валдайская возвышенность и Днепр...».[2, с. 85 - 86] Кстати сказать, именно в период существования второго рейха, как считают эксперты, немцы объединили свои (континентальные) масонские ложи, которые ранее в разрозненном виде находились в той или иной степени под контролем британских (островных) лож, в одну крупную национальную сверхложу – «Geheime Deutschland» («Тайная Германия») и тем самым не только вышли из-под их контроля, но сделали заявку на самостоятельную игру в мировых процессах. Впервые (и, кстати, единственный раз в истории) англосаксонским наднациональным структурам мирового управления и согласования был брошен вызов на

национальной основе. Мощь этого вызова подкреплялась национально-политической позицией немецкого правящего класса и растущей промышленно-экономической мощью второго рейха, тогда как Великобритания в 1870-е гг. свой пик мировой промышленно-экономической гегемонии уже прошла.[4, с. 266] И по странному стечению обстоятельств именно со второй половины XIX века основным противником славянских движений, имевших целью национальное возрождение славян и их равноправное положение, стал радикальный немецкий национализм пангерманского толка. Именно в среде пангерманцев родился спекулятивный термин «панславизм», вобравший в себя враждебность к славянским народам и откровенную русофобию. Верно подмечено, что изначально спекулятивный и одиозный он превратился в боевой лозунг антирусских и антиславянских планов и действий германского империализма, вошедших в историю под названием «DrangnachOsten».[5, с. 6]

Особое распространение панславизм получил после объединения Германии в 1871 году в результате победоносной франко – прусской войны. Со временем он все более и более приобретал характер пропагандистского стереотипа для обозначения русской угрозы Европе. Накануне и в годы Первой мировой войны его распространили до невероятных пределов, придав формулировку – «Панславизм – мировая угроза».

В частности, одним из итогов первой мировой войны стало то, что район Галиции (нынешней Западной Украины) страны Антанты определили в состав Польши, которая всякие поползновения в направлении украинской «самостийности» быстро и беспощадно подавляла и искореняла. История Польши в XX веке подтверждает, как нам кажется, вывод отечественного филолога и слависта В.И. Ламанского, рассматривавшего эту страну как оплот римско-католического мира среди славянских земель.

Сложность и трагичность внутриславянских отношений вылилась потом в, так называемую, «волынскую резню» в июле 1943 года в результате которой погибло по разным оценкам исследователей от 60 до 200 тысяч мирных жителей западных украинских сел польского и еврейского происхождения. Спланирована эта операция была бандами ОУН и УПА и стала одной из самых кровавых преступлений XX века, последствия которой ощущаются и в XXI столетии.

Действительно Великой войне не повезло с историографией. Сразу по ее окончании произошедшие события были слишком близки и болезненны. Центральные державы проиграли войну, их политики и военачальники нуждались в самооправдании, а не в поиске истины. Тем более генералы-победители не были заинтересованы в анализе своих ошибок, а руководство Антанты – в объективном расследовании происхождения войны [1, с. 8]. Но все же некоторые из русских генералов-победителей, в которых отразилась боль русской революционной трагедии 1917 года и гражданской войны, в частности А.А. Брусиллов, в своих мемуарах писал: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку

народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили» [6, с. 81].

В этой связи, история и культура края, отторгнутого от материнского лона общерусской цивилизации должна стать объектом серьезного и беспристрастного исследования как явление не локального (например, внутриукраинского), а общерусского порядка.

Выразим согласие с тем, что массовый террор и военные преступления против русинского населения, осуществлявшиеся в крайне жестоких формах, позволяют говорить о том, что антирусинская политика австро-венгерских властей с началом Первой мировой войны эволюционировала от последовательного этноцида к откровенному геноциду. Ранее доминировавшая среди русинов русофильская интеллигенция, ставшая главным объектом точечного австро-венгерского геноцида, была в значительной степени уничтожена при деятельном участии галицких украинофилов, которые после Первой мировой войны стали определять этнокультурный облик Восточной Галиции, окончательно превратившейся в «украинский Пьемонт».[7]

В 30-е годы в Западной Европе активно стали набирать силу идеи национал-социализма Гитлера и фашизма Муссолини. Воспользовавшись в своих интересах благоприятной для них политической конъюнктурой, поколение украинских националистов взяло на вооружение идеологию, так называемого, интегрального национализма, т.е. интеграцию идей национал-социализма и фашизма как основы украинского национализма. Они активно начали вести процессы сближения с фашистской Германией, а их политическим лидером стал С. Бандера (при президенте В. Ющенко он был представлен к званию героя Украины). Во время войны украинские националисты фактически стали союзниками гитлеровцев. Вторая мировая война явилась роковым событием в истории славянских народов. В общеевропейском конфликте многие из представителей славянства оказались по разные стороны фронтов. И все-таки большинство славянских народов противоборствовали гитлеризму.

15 марта 1939 года украинский националист Августин Волошин, прислуживавший руководству третьего рейха, провозгласил государство с названием Карпатская Украина и обратился к Гитлеру с просьбой гарантировать суверенитет нового государства. Прогитлеровская Карпатская Украина просуществовала всего три дня, и уже 18 марта её оккупировали венгерские войска. 25 ноября 1945 года по соглашению между СССР и Чехословакией Закарпатье было передано в состав Украинской ССР. Но нельзя забывать того факта, что А. Волошин, будучи прямым агентом нацистов, еще в ноябре 1938 года возле местечка Рахов организовал и открыл концентрационный лагерь для русинов Думен. Как сообщает исследователь этой проблемы М. Ошеров - более 60.000 русинов были вывезены на принудительные работы в рейх. Таким образом, Волошин оплачивал спонсорскую помощь своих кураторов из НСДАП и ОУН живой рабочей силой. Домой из них не вернулся никто.[8]

Захватив власть и свергнув законно избранное правительство русофила Андрея Бродия на Подкарпатской Руси, при широкой поддержке боевиков из ОУН, создавших «Карпатскую Сечь», Волошин стал физически истреблять своих политических оппонентов, повторив австрийский опыт 25-ти летней давности – лагерей смерти для галицких русофилов Галергоф и Терезин.

К сказанному выше, можно добавить, что одним из крупнейших приобретений американцев в свое время стал немецкий генерал Рейнхард Гелен, руководитель гитлеровской разведки на Восточном фронте и создатель «Организации Гелена», позже преобразованной в Федеральную разведывательную службу ФРГ (BND). Именно в результате «мозговых штурмов», проведенных Геленом совместно с президентом Трумэном, главой Стратегических служб (УСС) В. Донованом и А. Даллесом, была реорганизована разведывательная служба США с целью превращения её в высокоэффективную тайную подрывную организацию. Кульминацией этих усилий стало создание в США в 1947 г. Совета национальной безопасности и ЦРУ. Кстати, именно «Аллен Даллес обслуживал «деловую империю» отца и деда президентов США Бушей – Прескота Буша, в виде финансового института Brown Brothers Harriman, представлявшего собой центр финансово-инвестиционных отношений между американскими Brown Brothers, WАНarriman&Co, JPMorgan&Co и немецким Warburg Bank, за которым скрывается длинная цепь отношений подданных этой «империи»».[2, с. 148]

По оценкам ряда североамериканских и западногерманских источников (в том числе, существовавшего с 1950 г. – до начала 1970-х гг. Мюнхенского института по изучению СССР и Восточной Европы), не меньше трети украинских националистов и членов их семей, реабилитированных в середине - второй половине 1950 гг., стали к середине 1970-х руководителями райкомов, обкомов, обл- и/или райисполкомов в Западной, Центральной и Юго-Западной Украине. А также – руководителями разного ранга во многих украинских министерствах, ведомствах, предприятиях, комсомольских и общественных организациях, в том числе областного уровня.[9]

Аналитики службы безопасности Украины, исследователи деятельности ОУН и УПА Д. Веденеев и Г. Быструхин в своей монографии о послевоенной деятельности этих формирований, указывают, например, что весной 1952 года в структуре министерства обороны США возникает «Управление по вопросам особенных методов ведения войны». Оно формирует военные части специального назначения для действий в тылу войск СССР и его союзников.

Каждую из таких частей/групп считали способной развернуть на своей базе в тылу противника до 100 тыс. повстанцев из местного населения. Причем, только в европейском регионе СССР это управление Пентагона определило до 30 оперативных районов для действий таких «спецвойск».[10, с. 432 – 433]

Несомненным успехом тех сил, которые направляли усилия в сторону военного решения мировых проблем был выход на вершины мировой власти потомков германского агента влияния Прескотта Буша и восхождение на Ватиканский престол кардинала Ратцингера. (Кстати, отец последнего, как

пишет А.Б. Рудаков, был коллегой и другом Мюллера в криминальной полиции Мюнхена.) И далее: «Системный исторический анализ показывает: «Германский бизнес-проект» был реализован на оценку «отлично» и в 1945 году заморожен закулисой до лучших времен. Победители — наши деды и отцы — со слезами на глазах любовались Красным Знаменем Победы, гордо развевавшимся над Рейхстагом, а побежденные, ограбив половину мира, растворились и материализовались в других сущностях и государственных субъектах мирового геополитического пространства».[11, с. 232]

Зарубежный исследователь профессор Д. Айххольц в книге «Цели Германии в войне против СССР» также замечает: «Анализируя цели Германии на востоке Европы во Второй мировой войне, прежде всего зададимся вопросом, насколько они отличались от целей, преследовавшихся ею в этом регионе в годы Первой мировой войны. Сравнение целей Германии, а значит и ее элит, в двух мировых войнах позволяет нам с полным основанием говорить о том, что они обнаруживают большое сходство, в том числе в деталях».[2, с. 91]

Кроме прочего, существует также любопытная конспирологическая версия исследователя А.Б. Рудакова, высказанная им в труде «Проект «Подземный рейх»». В частности, он утверждает, что в нацистской Германии активно проводилась программа рождения детей местными красавицами от офицеров СС, которые охраняли ставки и бункеры Гитлера, находившиеся на территории современных Европы, Украины, России, Белоруссии и т.д. «Для реализации объектовой программы «Лебенсборн» были отобраны 5 тыс. самых красивых славянских женщин в Виннице и ближайших деревнях, и 19 июля 1941 г. полевой офис «Лебенсборн» заработал на полную мощь. Сегодня в районе ставки проживают уже внуки тех, кто родился в рамках секретной программы. Развал Советского Союза и отделение Украины от России были реализованы этой генетической агентурной закладкой».[12, с. 308]

В переводе с немецкого «Лебенсборн» означает кладезь или источник жизни. Это была секретная программа, наряду с другими («Гитлерюгенд», «Гемфурт», «Орденсбурген», «Сатурн», «Цеппелин»), которые еще потребует к себе внимания со стороны исследователей, а возможно, и аналитических отделов разведывательных спецслужб.

Секретные технику и методику, которые легли в основу генетических спецпрограмм, нацисты взяли у русских ученых А. Чижевского, А. Богданова и А. Дорогова. К концу 1945 года генетическая программа «Лебенсборн» выдала около 70 тыс. арийцев, большинство которых, по мнению Рудакова, являются агентами глубинного залегания/глубокой генетической разведки и сегодня составляют мировой элитный генофонд агентуры влияния и управления по средству ведической памяти и целевых кодирующих установок. Особое внимание уделялось девочкам: наиболее красивые и интеллектуальные из них планировались на дальнюю перспективу.

По сути Германия была превращена в площадку для гигантского эксперимента по установлению контроля над сознанием. Это была программа полной перестройки человека в соответствии с методами евгеники - как

«позитивной» (формирование «нового человека»), так и «негативной» (превращение в человеческий суррогат).

Современные украинские неонацисты – это контрреволюционная сила, которая при определенных обстоятельствах может быть вынесена на вершину государственной власти и получить если не все, то многие атрибуты власти. Теперь уже окончательно ясно, что украинский неонацизм – это троянский конь определенных финансово-политических кланов США. В частности, в мировых и российских СМИ прошел поток информации, связывающей современный украинский кризис с транснациональной корпорацией Vanguard Corporation.

Американская группа компаний Vanguard является одним из крупнейших в мире объединением паевых инвестиционных фондов, распоряжается капиталом в размере около 3 триллионов долларов и управляется коллективным субъектом, которого сразу непросто обнаружить.

Как считает эксперт А. Медвецкий, заметные связи руководства корпорации с религиозными общинами штатов Пенсильвании и Нью-Джерси указывают на связь Vanguard с католическо-иезуитскими кругами Западной Европы, которые переместились в Северную Америку после наполеоновских войн и Французской революции 1848 года. Кстати, The Vanguard Group, названа так, в память о флагманском корабле флота адмирала Нельсона в сражении против наполеоновских войск при Абукире.

Именно это прошлое компании позволяет ей открыто и настойчиво предлагать не только деловую, но и ценностную альтернативу финансовому проекту «Уолл-стрит»[13]. В частности, эксперт В.Ю. Катасонов связывает корпорацию Vanguard с распространением фальшивых долларов высокого качества подделки по всему миру, включая и современную Украину. Он утверждает, что поддельными долларами Vanguard Corporation платила наемникам в Сирии, Ираке, Украине, Ливии. Компания посредничала и в нефтяных сделках «Исламского государства». Кроме того, «Правый сектор» и, так называемые, добровольческие батальоны украинского олигарха И. Коломойского фактически возникли как подразделения частной военной компании Academi (прежнее название Blackwater), которая перешла под контроль корпорации Monsanto. Акционерный капитал Monsanto, в свою очередь, составляет 49,1 млрд. долл., и первую строчку в списке акционеров занимает Vanguard Group Inc – 3,61 млрд. долл. (7,1 процента капитала).[14]

Monsanto имеет скандальную известность во всем мире. Согласно экспертным оценкам, она уже сегодня контролирует 90 процентов мирового рынка трансгенных семян. Монополизация этого рынка сулит корпорации бешеные прибыли. Monsanto активно продвигает свои интересы, используя лоббистский потенциал Государственного департамента США, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации. Принимая во внимание, что Украина обладает большей частью черноземов планеты и является главной в Европе житницей по производству зерновых,

Monsanto стремится посадить Украину на иглу зависимости от генетически модифицированных семян.

При этом параллельно идет процесс вывоза чернозема (по аналогии с периодом Второй мировой войны) из Украины. По данным неправительственной организации «Зеленый фронт» только на Украине ежегодно продается черноземной почвы на миллиарды долларов.[15, с. 541]

Таким образом, можно сделать вывод, что Украина (а точнее сказать окраина русской цивилизации) являлась полем битвы между Востоком (в лице Российской Империи, СССР, Российской Федерации) и коллективным Западом (Великобритания, Германия периода второго и третьего рейха, США, ЕС) как в идеологическом, так и в экономическом противостоянии на протяжении всего XX столетия. Зачастую территория Украины использовалась как определенный «таран» против российской государственности, нейтрализуя ее геополитические и геоэкономические интересы на евразийском континенте. В начале XXI века при новых исторических обстоятельствах ситуация мало изменилась. В частности, главной задачей США и его союзников является последовательное ослабление субъектности любых крупных организованностей (союзов государств) и, прежде всего, значимых и влиятельных государств.

Конечным итогом любого конфликта для них становится не деструкция, не оккупация, а превращение субъекта в объект, целенаправленное преобразование противника или союзника в функциональный инструмент для реализации транснациональных интересов мировых элит. На наш взгляд, современная Россия не должна быть вовлечена в горячий военный конфликт – ни через технологии поставки «военных холопов», спрос на которых в мире весьма значителен, ни через сомнительные «стратегические партнерства» с военно-политическим блоками. Российскому государству необходима мобилизация собственных сил, составляющих оборонный и экономический потенциал страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переслегин С.Б. Первая Мировая. Война между Реальностями. – М.: Яуза – каталог, 2016.
2. Перетолчин Д. Мировые войны и мировые элиты. – М.: Книжный мир, 2014.
3. Меньшиков М.О. Кончина века. – М.: Грааль, 2000.
4. Фурсов А.И. Великая война: тайна рождения XX века // DeAenigmate / О Тайне. Сборник научных трудов. А.И. Фурсов (сост.). – М.: Товарищество научных изданий КМК. 2015.
5. Волков В.К. Славянская идея и русское национальное самосознание // Славянский альманах. – М.: Индрик, 1999.
6. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1963.
7. Шевченко К. От этноцида к геноциду. Австро-Венгрия и русины в Первую мировую войну.[Электронный ресурс] / Шевченко К. – Режим

доступа:<https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/1-mirovaya-vozvrashchenie-pamyati/1099-ot-etnotsida-k-genotsidu.html>Дата обращения: 11.04.2012

8. Ошеров М. Августин Волошин. Убийца подкарпатских русинов и «герой Украины». [Электронный ресурс] /Ошеров М. – Режим доступа:<https://mikhailosherov.livejournal.com/669726.html> Дата обращения: 12.03.2014

9. Леонидов И. Ползучий нацизм: внедрение бандеровцев в госорганы СССР // Столетие: информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс] /Леонидов И. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/polzuchij_nacizm_944.html. Дата обращения: 15.10.2015

10. Веденеев Д., Биструхин Г. Двобій без компромісів. Протидоборство спец підрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945 – 1980 – ті роки. – Київ, К.І.С., 2007.

11. Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы третьего рейха. – М.: ВЕГА, 2008.

12. Рудаков А.Б. Проект «Подземный рейх» // DeAenigmate / О тайне. Сборник научных трудов. А.И. Фурсов (сост.). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

13. Медвецкий А. Иезуиты в капитале. [Электронный ресурс] /Медвецкий А. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/svyatoj-ignatij-gaspravil-plechi/>. Дата обращения: 11.05.2016

14. Катасонов В.Ю. Империя Vanguard на Украине. [Электронный ресурс] /Катасонов В.Ю. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2015/05/26/imperia-vanguard-na-ukraine-33533.html>. Дата обращения: 26.05.2015

15. Франкопан П. Шелковый путь; [пер. с англ. В.Ю. Шаршуковой]. – М.: Издательство «Э», 2018.

УДК 332.019.5

А.П. Ярков

д.ист.н., профессор ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия

О НАШИХ БОЕВЫХ ТРАДИЦИЯХ И ПАМЯТИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности патриотического воспитания на основе изучения истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война и современность. Патриотизм, Воспитание. Традиции.

A.P. Yarkov

Doctor of historical Sciences, Professor,
Federal STATE Autonomous educational institution «Tyumen state University», Tyumen, Russia

ABOUT OUR FIGHTING TRADITIONS AND MEMORY

Abstract: the article Considers the features of Patriotic education based on the study of the history of the great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war and modernity. Patriotism, Education. Traditions.

Коснулась Великая Отечественная война и территории Тюменской области: случилось так, что в дни своего создания – в августе 1944 г. север региона оказался связанной с военными действиями на Карском море. В 1946 г. началось его разминирование, а последние вражеские мины были нейтрализованы там лишь в 2012 г. О.В. Голубев, тогда командир оперативного морского отряда разминирования, капитан 1-го ранга (ныне вице-адмирал, замкомандующего Северным флотом, удостоенный одного из первых «несухопутных» орденов Российской Федерации – «За морские заслуги») отрапортовал: «Мин в фарватере нет. Обская губа безопасна для судоходства» [1, с. 71].

Между тем, о военных событиях на Севере знали не многие. «Засекречивалось» многое. Помнится, как в октябре 1977 г. в одном из первых «прямых эфиров» Тюменского телевидения, посвященных истории области, финалистов конкурса предупредили, что нельзя называть номера сформированных в области дивизий и бригад... А как не говорить? Если ещё были живы участники многих событий, вдовы погибших на фронте.

Живы были в тот период и их матери: на памятнике 1982 г. на привокзальной площади г. Заводоуковска запечатлены две фигуры прощающихся – солдат и его мама. Прототип – Акулина Алексеевна Перевозчикова, из 12 сыновей которой на фронт ушло 11. Воевал и старший внук. Похоронки пришли на шесть погибших в боях, а трое умерло от ран. Есть в городе на улице Перевозчиковых памятник этим фронтовикам – Порфирию, Степану, Илье, Александру, Ивану, Никите, Дмитрию, Михаилу, Петру.

Замечательно, что на тюменской земле начиналось большое патриотическое движение – «Бессмертный полк» (инициатор идеи – журналист Г.К. Иванов награждён в 2019 г. орденом Дружбы), ставшее уже общемировым явлением, объединившим в 2019 г. наших соотечественников и единомышленников в 110 странах на разных континентах.

Принцип деятельного патриотизма предполагает реальный вклад учёных и краеведов в разработку «сюжетов», связанных с Великой Отечественной войной. Здесь уже есть серьёзные научные труды и краеведческие изыскания, воспоминания ветеранов, а некоторые архивные документы и материалы становятся доступными. Лишь в 1965 г. граждане СССР вновь получили возможность в праздничный день отмечать День Победы. Хотя неформальные объединения бывших фронтовиков возникли в Тюменской области уже вскоре после войны. Стали создаваться музеи боевой и трудовой славы. Тюменский клуб имени Кижеватова – один из первых объединений подростков, занимающихся патриотической работой и подготовкой к воинской службе. Этот прообраз движения юнармейцев, развернувшего свою деятельность во многих районах области.

В 1968 г. В.Л. Мальчевский (прототип комиссара Грачёва в романе «Гроза над Десной») возглавил созданный при Тюменском обкоме ВЛКСМ совет ветеранов войны и труда, разыскивал ветеранов 384-й стрелковой дивизии (первого формирования), с которыми воевал и выбирался из окружения. Призывал он к установке знаков и памятников над братскими могилами павших [2, с. 92]. Мальчевский связался с бывшим комиссаром этой дивизии, преподавателем Академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского М.Л. Альтговзенем, который помог в воссоздании истории.

Тогда же появляются памятники, памятные стелы и обелиски в городах и многих селениях области. К 9 мая 1970 г. был сооружен памятник железнодорожникам в г. Ишиме. Оригинальным по облику был и знак «Древо войны» в этом же городе со снарядами вместо листьев, перенесённый затем во двор школы номер 1, поскольку началось сооружение мемориала к 50-летию Победы.

Часто памятники и обелиски непрофессиональны по облику и исполнению. Но это отражение народной памяти о павших родственниках, знакомых, боевых друзьях. К сожалению, встречаются акты вандализма по отношению к памятникам героям и жертвам войны.

Ещё в 1980-е гг. ветеранские объединения приобрели организованный характер, как и работа по увековечению памяти земляков. С проведения в Москве 17 декабря 1986 г. учредительной конференции Всесоюзной ветеранской организации началось формирование структур и в области, в том числе и таких как «Союз танкистов», «Дети войны», «Комитет ветеранов подразделений особого риска».

В 2015 г. насчитывалось 1 207 ветеранских организаций. Состав их примерно соответствует тому, что было в том году в г. Ишиме, где из 14 689 человек фронтовиками являлось 76. Участников Трудового фронта в городе насчитывалось 977, бывших жителей блокадного Ленинграда – 7, бывших узников концлагерей – 5. С 1987 г. и до своей смерти 27 декабря 2018 г. этот совет возглавлял В.А. Петухов, к боевым наградам добавивший Золотую Звезду Героя Социалистического труда и орден Ленина (1957), орден Отечественной войны I-й степени (1985), медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II-й степени. 30 лет возглавлял совет ветеранов Тобольска В.Т. Исаков (1923 г. р.), с марта 1942 г. командир взвода истребителей танков, а затем – командир пулемётной роты.

На 1 января 2020 г. в области проживало почти 8 тысяч ветеранов. В их числе 400 фронтовиков, 930 вдов погибших (умерших) участников войны, труженики тыла. Учтено более 100 бывших несовершеннолетних узников концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания. Около 90 тюменцев награждены знаком «Жителю блокадного Ленинграда».

С каждым месяцем стремительно тают ряды ветеранов. Сказывается не только возраст, ранения и контузии, но и лишения военных лет. Отразились на здоровье голые скалы Заполярья и холодные волны Балтийского моря, болота Припяти и безводные Сальские степи, высокогорье Кавказа и солёные лиманы Крымского побережья. Трудно досталось и послевоенное восстановление народного хозяйства. И, тем не менее, остающиеся в строю передают свою любовь к Родине, которую они защищали, молодежи. С участием ветеранов только в декабре 2019 г. в области проведены областные уроки памяти, музейные экспозиции, митинги памяти, литературно-музыкальные вечера и спектакли. Открылись общественные приёмные областного поискового центра по установлению судеб погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны в рамках акции «Чтобы помнили».

Активно развивается на территории области поисковая работа. Так, например, военно-патриотический клуб «Кречет» основан в 1994 г. на базе Тюменского линейного казачьего войска, а военно-поисковый отряд под тем же именем создан в апреле 1998 г. на базе Тюменского военно-спортивного технического центра. Поисковый отряд принял участие в 23-х «Вахтах Памяти» на местах боёв Волховского, Ленинградского, Северо-Западного и Западного фронтов. Отрядом подняты и перезахоронены останки более 1 000 красноармейцев и командиров. В результате работы (совместно с другими отрядами) «Кречетом» установлены по медальонам, личным вещам и архивным данным имена более 170 человек. С 2002 г. оперативный поиск проходил на

территории Тверской области по местам боевых действий 29-й армии, а в частности по Ильинской операции. Одной из главных причин выбора района поиска является, большое количество наших земляков из 246-й стрелковой дивизии, воевавших и погибших там.

Прошедшие через поисковые работы повзрослели. Так, В.М. Коротаева в 2016 г. привезла в Волгоград уже своих учеников, занимающихся историей 229-й дивизии.

В двенадцатый раз в д. Зубарева под Тюменью прошла летом 2019 г. историко-краеведческая экспедиция «Русь», которую патронирует О.О. Сметанюк, а духовно окормляет православный священник А. Войнов. С 2007 г. выросло уже несколько поколений людей, отправляющих в лагерь уже своих детей или работающих в нём водителями [3].

При участии подполковника ВВС, Героя России В.П. Шарпатова накануне 9 мая 2019 г. в Тюменской областной научной библиотеке имени Д.И. Менделеева проведён Всероссийский исторический «Диктант Победы». В ХМАО - Югре поисковая работа, как прояснила Т. Астафьева – председатель правления региональной общественной организации «Союз поисковых формирований ХМАО - Югры «Долг и память Югры», ведётся по трём направлениям: экспедиционному, архивно-исследовательскому и просветительскому.

В Ямало-Ненецком автономном округе в 2019 г. действовало 26 поисковых групп, а 17 экспедиционных отряда (230 поисковиков) работали непосредственно на полях сражений Великой Отечественной войны. Для поддержки патриотических акций на 2020 г. запланировано выделение субсидий в 10 млн. рублей [4, с. 10-12].

На месте гибели 229-й стрелковой дивизии (второго формирования) раскопками найден прах красноармейцев, проживших короткую жизнь (1923–1942) Н.А. Шарапова (призван Абатским райвоенкоматом), П.С. Якубенко и А.Д. Зайцева (призваны Викуловским райвоенкоматом), которые долгое время считались без вести пропавшими. Поисковики выявили их родственников в Тюмени и Ишиме, а воспитанники детского военно-патриотического клуба «Миротворец» выезжали под г. Суровикино (с 2017 г. побратим г. Ишима. Они связаны историей 229-й стрелковой дивизии), где приняли последний бой их земляки [5, с. 72-77].

6 мая 2016 г. на кладбище г. Великие Луки произведено захоронение останков экипажа советского самолёта, обнаруженного в ходе поисковых работ возле деревни Ретлё и открытие памятного знака командиру 1276-го стрелкового полка 384-й дивизии майору Б.М. Витлину. На открытии памятного знака присутствовали его сын и внук. Акция по сбору средств называлась «Те, кто погибли, за себя уже не скажут, и судьбы их могут остаться забытыми». Средства собирали школьники и ветераны Упоровского района Тюменской области и учащиеся лицея номер 34 г. Тюмени. В этом лицее в течении ряда лет проводится многогранная патриотическая работа. Так, бойцы отряда «Память сердца» представили выставку фронтовых писем, документов

и газет, показали фильм о поисковой работе «Долина памяти». Она повествовала и о результатах экспедиции 2019 г., когда на территории Старорусского района Новгородской области, где погибли воины 364-й стрелковой дивизии, многие считавшиеся пропавшие без вести в 1942 г. На церемонии торжественного перезахоронения присутствовали родственники трёх найденных бойцов. Тогда же вручили многолетним участникам экспедиций памятные знаки.

В регионе продолжается сооружение мемориалов: 4 ноября 2019 г. в сквере Памяти и воинской славы с. Памятное Ялуторовского района открыт памятный знак четырём Героям Советского Союза – землякам: Н.М. Захарчуку, С.Х. Каримову, Н.И. Сирину и Т.К. Ишмухаметову [6].

В пос. Туртас Уватского района отряд «Югра» организовал митинг с возложением цветов к памятнику землякам, погибшим и пропавшим без вести в годы войны. День Неизвестного солдата прошёл на многих площадках образовательных учреждений, где поисковые отряды организовали единый урок в память о погибших защитниках Родины [7].

В одном из зданий Тюменского государственного медицинского университета, где в годы войны размещался корпус 2475-го госпиталя хирургического и терапевтического профиля прошла акция волонтерского проекта «Тюмень – город госпиталей»³

В Тюменском колледже транспортных технологий и сервиса состоялась церемония награждения победителей IV-го этапа областного конкурса «Узнай героя-земляка». Цель конкурса – напомнить жителям региона имена земляков – Героев Советского Союза и Героев России, полных кавалеров ордена Славы, удостоенных этих званий за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны⁴. Этот конкурс стартовал в год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне по инициативе парламентской газеты «Тюменские известия» и областного Совета ветеранов. Уже на первом этапе конкурс активно поддержал областной Департамент образования и науки, депутат Тюменской областной Думы, региональный координатор партийного проекта «Единой России» «Историческая память» А.В. Крупин.

Давно и плодотворно действует тюменское поисковое движение. Оно не только участвует в раскопках на местах ожесточённых боёв, но и поднимает в архивах материалы о наших земляках, устанавливает подлинные данные опавших, разыскивает родственников. Студенческое научное общество кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института имени П.П. Ершова (филиала Тюменского государственного университета) разработали проект «Односельчане – участники Сталинградской битвы», что позволило выявить

³ Более 60 студентов, актеров, дизайнеров, фотографов, экскурсоводов воссоздали атмосферу военных лет, включая имитации операционных и перевязочных блоков.

⁴ В пяти номинациях: «Лучший альбом», «Лучшая музейная экспозиция», «Лучшая стенгазета», «Лучший урок мужества», «Лучший видеоролик» была представлена 91 работа.

новые материалы и привлечь внимание сверстников к событиям войны [8, с. 23-24].

Среди славных традиций в Тюменской области была и такая – на Праздник Победы съезжались из разных уголков нашей страны и из-за рубежа земляки – участники Великой Отечественной войны. Так, 9 мая 1998 г. выпускник Ишимской железнодорожной школы бригадного ученичества (ныне в составе многопрофильного техникума) Герой Советского Союза М.Н. Гурьев в последний раз приезжал из Майкопа в г. Тюмень как почётный гость.

9 мая 2019 г. Знамя Победы в областной столице⁵ держал в руках на головной машине П.П. Сюткин – последний из наших земляков-фронтовиков – Герой России, по личному разрешению Президента Российской Федерации одевший к Золотой Звезде колодку к медали Героя Советского Союза, которую он не мог получить в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярков, А.П., Зайцев, Г.С. Воюющий Тюменский край // 75 лет великим сражениям: наша семейная память: материалы конкурса исследовательских работ и эссе среди учащихся школ и студентов Тюменской области. – Тюмень, 2019

2. Ишимская энциклопедия [в 2 т.]. Т. 2 / сост. В.И. Озолин, В.М. Касьянов; гл. ред. Г.А. Крамор. – Тюмень; Ишим, 2018.

3. Шаманенко, М. Помнить героев, растить патриотов // Тюменская область сегодня. 2019. 2 декабря.

4. Наумчик, А. Односельчане – участники Сталинградской битвы // 75 лет великим сражениям: наша семейная память: материалы конкурса исследовательских работ и эссе среди учащихся школ и студентов Тюменской области. – Тюмень, 2019. – С. 23-24.

5. Сытник, О. Ямал поддержит бойцов, уходящих на поля сражений // Ямальский меридиан. 2019. Ноябрь.

6. Дело чести. 2019. Ноябрь.

7. Ишим – Суровикино: дорогами памяти: 75-летию Великой Победы посвящается / ред.-сост. О.Н. Гульятеева. – Ишим, 2020.

8. В Тюмени пройдет памятный день неизвестного солдата.// Тюменские известия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://t-i.ru/articles/29104>. Дата обращения: 28.11.2019.

⁵ В «Бессмертном полку» по центральной улице Тюмени в тот день прошло 87 тысяч человек, а с учётом остальных населённых пунктов области – 145 тысяч.

Раздел 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА, БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

УДК 323.2

А.С. Басырова

студент-бакалавр,

Астраханского государственного технологического университета,
г. Астрахань, Россия

А.Л. Немчинова

канд. филос. наук, доцент

Астраханского государственного технологического университета,
г. Астрахань, Россия

ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ С ОБЩЕСТВОМ

Аннотация: В современном государстве главной задачей становится обеспечение эффективной коммуникации для установления отношений между властью и обществом.

Ключевые слова: Публичная коммуникация, информационные технологии, государство, общество.

A.S.Basyrova

student

Astrakhan state technological University, Astrakhan, Russia

A.L. Nemchinova

PhD in Philosophical sciences, docent

Astrakhan state technological University, Astrakhan, Russia

PUBLIC COMMUNICATION BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY

Abstract: In a modern state, the main task is to ensure effective communication to establish relations between the government and society.

Keywords: public communication, public policy, symbolic politics.

Мы живем в современном обществе в век информационных технологий, где публичная коммуникация с обществом является одним из главных движущих сил развития не только социально-экономических отношений, но и общества в

целом.

Коммуникация как форма обмена информацией существует в любом социальном процессе. В.В. Силкин констатирует: «Если общество не ощущает свою сопричастность реформам, то неизбежно нарастает его отчуждение от власти, которое может привести к активному противостоянию общества и власти. В этом случае единственным методом обеспечения действенности власти становится силовое подавление прав и свобод граждан, не имеющее ничего общего ни с правовым, ни с демократическим государством [1]. Следовательно, взаимодействие власти и народа важный аспект в политическом устройстве страны.

Влияние государства можно разделить на два уровня: политическое управление (что делать и почему) и государственное управление (как делать и при помощи чего). Начальным этапом распознавания государственного управления служит понимание его необходимости, общественной обусловленности и целевой направленности.

Коммуникация власти и общества определяется как сложная организационная система, функционирование которой направлено на удовлетворение потребностей граждан. Вместе с каждодневными жизненными потребностями на государственное управление влияют политические цели, что служит упорядочиванию развития в интересах всего общества. А это значит, что государство вторгается в общество, само определяется общественными отношениями, как материальными, так и культурными, то есть другими словами просто-напросто вмешивается. Это предполагает, что его цели и содержание зависят, с одной стороны, от состояния и структуры управляемых государством общественных процессов, с другой – от места и роли государства в обществе, а также от взаимоотношений и характера деятельности отдельных государственных органов.

Функции публичной коммуникации

Любая власть представляет собой сложную информационно-коммуникативную систему. Движение в направлении информационного общества требует изменения принципов организации и функционирования органов государственной власти. С одной стороны, важно акцентировать внимание на управлении экономическими, политическими и социальными отношениями с помощью информации и коммуникации, с другой – на информационно-коммуникативных отношениях и процессах.

Повышение качества государственного управления, социальной эффективности института государственной службы требует системного подхода к развитию коммуникации. Для этого необходимо соединение научных знаний, отражающих закономерности развития коммуникативных отношений, методологии и методики с новейшими управленческими технологиями.

Что же такое публичная коммуникация? Публичная коммуникация – это устное общение для передачи информации большому количеству людей, при этом они должны находиться в поле зрения говорящего [2]. Он затрагивает интересы общества и носит публичный характер. Говоря уже о публичной

коммуникации власти, то можем сказать, что это важный для политической жизни общества субъект отношения между гражданским обществом и государством, между государством и политическими партиями.

Функции публичной коммуникации власти с обществом:

1. Наблюдение за честностью в деятельности государства;
2. Учет интересов и потребностей двух сторон;
3. Влияние на формирования решения власти;
4. Обеспечения получения обществом актуальных новостей.

Наше государство имеет демократическую систему управления, то есть принятие решений непосредственно должно быть принято властью совместно с народом. Ведь факт наличия развитого гражданского общества и его взаимодействия с властью является важным индикатором зрелости государства в целом. А для этого необходимо коммуникация между ними, то есть партнерское взаимодействие власти и общества, то есть когда власть не пытается управлять гражданским обществом, а участвует в различных формах диалога и старается оказывать поддержку.

Сложности в коммуникации между властью и обществом

В современном государстве главной задачей, которой становится обеспечение эффективного коммуникативного дискурса и политики открытой информации в органах власти, в том числе доступа к информации в целях углубления понимания политических, социальных, культурных проблем каждым гражданином и развития его возможностей свободно обсуждать эти проблемы.

Цель этой открытости состоит в способствовании пониманию гражданином действий и политики властей, возможности обсудить эти действия и политику, занять по отношению к ним определенную позицию, соответствующую пониманию гражданином собственных интересов, интересов общества и государства. В этом случае связи с общественностью становятся важнейшим компонентом управления вообще и административного управления в частности [1].

Коммуникация имеет большое значение – доступ граждан к информации государственного сектора как средства обеспечения прозрачности правительства и участия граждан в демократическом процессе. Несмотря на то, что это необходимо для становления и развития страны этот процесс затруднен.

Во-первых, есть сложности в том, что в нашей стране, не смотря на систему управления, существует ряд исключений. Сколько бы ни говорилось, что все делается для гражданского общества, на самом деле все не так просто и не совсем так. Наше государство обладает огромной территорией, что затрудняет процесс коммуникации. К тому же, власть не всегда вступает в коммуникацию с обществом, или вступает, но не идет на встречу к людям.

Во-вторых, низкий уровень гражданской активности основной части населения, незрелости гражданского мышления, присущей значительной части общества. К сожалению, общество не проявляет должной активной гражданской позиции. Они готовы говорить о худшем устройстве, при этом

начать действовать не могут. Хотя некоторые вопросы можно решить, построив публичную коммуникацию с властью, чтобы прийти к общим целям.

В-третьих, отсутствие единого комплекса правовых норм, регламентирующих порядок взаимодействия гражданского общества и государства. С его помощью можно разрешить основные барьеры и затруднения с обеих сторон.

Заключение

Любой государственный или муниципальный служащий включен в конкретную сеть отношений и распространения информации. Потому что публичная коммуникация власти с обществом это одно из способов установления порядка и доверительных отношений между ними.

Однако, гражданское общество существует и функционирует в диалектически противоречивом единстве с государством. Для преодоления этой преграды нашему обществу и государству необходимо быть заинтересованными в улучшении взаимодействия между собой, что может стать начальной точкой для возникновения еще более сильного и сплоченного государства.

Государство и общество изначально содержит в себе коммуникативное начало, которое проявляется в конкретно-исторических формах взаимодействия, и предполагает информационное взаимодействие народа и власти, точнее, информационный обмен, обратную связь между ними [3].

Государственное управление осуществляется, прежде всего, в информационном пространстве. Известный тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» сегодня приобретает огромное значение: информация становится не только технологической основой коммуникации, но и субстратом общественных отношений, в том числе и в сфере государственного управления. Потребности системы государственного управления в средствах коммуникации прямо зависят от его функций в обществе, системы государственной службы, численности агентов, способов принятия управленческих решений, размеров государства и многих других факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарков, Ф.И., Силкин, В.В. Коммуникология: теория и практика массовой информации: Межд. акад. коммуникологии. – 2-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – 160 с.

2. Банных, Г.А., Воронина, Л.И., Зайцева, Е.В. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – 168 с.

3. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. Массовая коммуникация: модели влияния. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 191 с.

УДК 323.2

Т.Е. Бейдина

д.п.н., профессор Забайкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

А.Н. Кухарский,

аспирант Забайкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

А.В. Новикова,

к.п.н., доцент Забайкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

Аннотация: Статья посвящена информационным аспектам взаимодействия бизнеса и власти в субъектах РФ.

Ключевые слова: Информация, бизнес, органы власти, Забайкальский край.

T.E. Beydina

Doctor of Political Science, Professor,
Trans-Baikal State University, Chita, Russia

A.N. Kukharsky

Graduate student,
Trans-Baikal State University, Chita, Russia

A.V. Novikova

PhD in political sciences, Docent,
Trans-Baikal State University, Chita, Russia

INFORMATION ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN BUSINESS AND GOVERNMENT

Abstract: The article is devoted to information aspects of interaction between business and government in the subjects of the Russian Federation.

Keywords: Information, business, authorities, Trans-Baikal territory.

В ходе реализации социально-политических преобразований в современный период общество в России трансформировалось в качественно новое состояние, которое характеризуется, в частности, сращиванием органов государственной и муниципальной власти с бизнес-структурами, что обуславливает пересмотр целей и задач государственных и муниципальных органов, органов обеспечения национальной, региональной и муниципальной безопасности.

Для реализации концепций информатизации государственных и муниципальных органов власти необходима подготовка специалистов по кибербезопасности, которых мало как во власти, так и в коммерческой среде. В лаборатории «Касперского» существуют 134 вакансии на специалистов по кибербезопасности. 01 ноября 2019 г. Минобрнауки объявили о том, что нужны учебно-научные центры по информационной безопасности, чтобы избежать риска снижения уровня образования специалистов по кибербезопасности из-за разницы в условиях подготовки в разных учреждениях, а также чтобы обеспечить «единое многомерное образовательное пространство» [4]. Минобрнауки России совместно с федеральными властями необходимо обеспечить создание учебно-научных центров по информационной безопасности в федеральных округах страны, ибо проблема обеспечения информационной безопасности, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства.

В современный период для эффективного использования электронного документооборота между гражданами и государственными органами начали использовать электронный документооборот «СБИС». «СБИС Электронный документооборот» – единая система для работы с отчетными данными и программный комплекс для автоматизации потока внутренних и внешних организационных документов. Данную систему в основном используют индивидуальные предприниматели и юридические лица при сдаче отчетности в такие государственные органы как:

- Налоговая служба.
- Пенсионный фонд.
- Росприроднадзор.
- Миграционная служба.
- Фонд социального страхования.
- Росстат.
- Центробанк.
- Росалкогольрегулирование.

Многие государственные органы перешли на систему «СБИС» для мгновенной отправки документов и сдачи различной отчетности, как утверждает сама система: «Хранящиеся в СБИС электронные документы можно представить в суд, казначейство или любой другой госорган как в виде файлов-оригиналов, так и в виде бумажных копий со штампом. А в налоговую их удобно отправить через интернет: получив истребование, просто выберите нужные документы из списка и нажмите «Отправить». Далее СБИС сам сделает опись, все отправит и уведомит вас о приеме документов инспектором» [3].

Основные функции электронного документооборота «СБИС»:

- Сдача налоговых, алкогольных, статистических отчетностей в электронном виде.
- Создание электронной подписи для подписания виртуальных документов.

- Принятие писем и уведомлений от государственных органов и наоборот. Это три основных функций программы взаимодействия с государственными органами. Также существуют другие полезные внутренние функции программы для работы организации, такие как: складской учет, кадровая работа, работа с кассами и финансами. «СБИС» является ведущей программой электронного взаимодействия с государственными органами.

Для регулирования бизнес процессов существует программа «Мой бизнес». «Мой бизнес» – национальный проект по поддержке малого и среднего бизнеса, инициированный Министерством экономического развития РФ. В центре реализован современный подход к комплексному обслуживанию предпринимателей по принципу «одного окна».

В структуру центра входят:

- Фонд поддержки малого предпринимательства Забайкальского края.
- Забайкальский микрофинансовый центр.
- Гарантийный фонд Забайкальского края.
- Забайкальская лизинговая компания.
- Центр оказания услуг.
- Центр поддержки экспорта.
- Центр инноваций и поддержки предпринимательства.
- Центр инноваций в социальной сфере.
- Региональный центр инжиниринга.
- Удалённое рабочее место МСП Банка.

Центр призван обеспечить равный доступ субъектов малого и среднего бизнеса к льготным финансовым ресурсам, эффективное развитие предпринимательства на всей территории Забайкальского края.

Основные задачи центра:

- увеличение количества успешных предпринимателей, начавших бизнес;
- увеличение доли предпринимателей, действующих в приоритетных для экономики края видах деятельности;
- повышение национального рейтинга инвестиционной привлекательности региона;
- выявление и преодоление имеющихся барьеров развития малого и среднего бизнеса Забайкальского края;
- поддержка инновационной деятельности предпринимателей, стимулирование разработки и производства принципиально новых видов продукции, содействие в освоении новых технологий и изобретений [2].

В России открыто 44 центра «Мой бизнес», в которых предприниматели в режиме «одного окна» могут получить все необходимые услуги и господдержку для ведения бизнеса. На 1 августа они предоставили более 316,3 тыс. услуг. До конца 2019 года центры открылись практически во всех регионах (кроме Новосибирской и Смоленской областей, Республики Карелия).

Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» запланировано, что всего к 2024 году будет функционировать не менее 100 центров в городах с населением более 100 тысяч человек. На их базе будут проходить образовательные курсы по предпринимательству. В основу лягут как действующие, так и новые обучающие программы, одобренные Министерством экономического развития.

Минэкономразвития начало сбор предложений от регионов по обучающим программам в начале июля. 2019 Качество программ будет оцениваться, исходя из их практической пользы. Среди заявленных тем – управление финансами, продажами и бизнес-процессами, маркетинг, бизнес-планирование, налоги, меры господдержки, привлечение инвестиций, экспорт. Предполагаются разные образовательные форматы: лекции, деловые игры, разбор бизнес-кейсов, компьютерные симуляции.

В центрах «Мой бизнес» обучение можно начать с азов ведения предпринимательской деятельности.

Как утверждает руководитель калининградского центра Кирилл Лило: «Тем, кто начинает свой путь или только задумывается о своем бизнесе, рассказывают, с чего начать, какую выбрать организационно-правовую форму и систему налогообложения, какие аспекты и нюансы есть при взаимодействии с банками».1 Действующих предпринимателей обучают продвижению продукции, расширению географии поставок и масштабированию бизнеса, разъясняют юридические и правовые аспекты. В частности, Кирилл Лило отмечает: «Мы стараемся максимально обучить компетенциями как по ведению бизнеса внутри региона, так по выходу на новые рынки. Делаем акцент на маркетинге, а по линии экспорта – на те компетенции, которые необходимы для общения с зарубежными партнерами» [1]. Экспортерам рассказывают об аспектах зарубежного законодательства и помогают находить для своей продукции перспективные рынки. В центре есть такие форматы обучения, как мастер-классы, тренинги, хакатоны, также проводятся конференции, форумы и стратегические сессии с компаниями.

По словам руководителя калининградского маркетингового агентства «Рекламафия» Александра Варзара: «обучающие программы центров ориентированы, прежде всего, на практические знания, в то время как множество других образовательных мероприятий и бизнес-тренингов часто ставят во главу угла рекламу самого спикера и его продукта» [1]. Таким образом, связь бизнес структур и органов власти в предпринимательской деятельности очевидна и приводит к действенным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационный портал ТАСС. «Мой бизнес». Как в российских регионах обучают предпринимательству. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/msp/6798632> Дата обращения 20.02.2020.

2. Официальный сайт электронного документооборота «Мой бизнес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zabbusiness.ru/> Дата обращения 10.02.2020.

3. Официальный сайт электронного документооборота «СБИС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbis.ru> Дата обращения 10.01.2020.

4. Риа новости. В Минобрнауки рассказали, для чего нужны центры по кибербезопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191101/1560464194.html> Дата обращения 20.02.2020.

М.О. Бичин

студент-бакалавр,

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Нижний Новгород, Россия

А.В. Богомолова

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Нижний Новгород, Россия

А.П. Калачёв

независ. исслед., г. Нижний Новгород, Россия

Ю.О. Лобанова

к.п.н., доцент Астраханского государственного технического
университета г. Астрахань, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В ВЫБОРАХ ГУБЕРНАТОРОВ И МЭРОВ ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА В 1990-Х ГОДАХ

Аннотация: Актуальность настоящей статьи связана с повышением политической активности граждан на региональных и муниципальных выборах, а также с усилением роли политических партий в политической системе страны. Целью статьи является выявление роли политических партий в выборах губернатора Нижегородской области и мэра Нижнего Новгорода в 1990-х годах. Задачи исследования следующие: определение причин неэффективности деятельности партий и партийных кандидатов в означенных выборах, а также причин дистанцирования наиболее успешных кандидатов от политических партий. Определены наиболее значимые слагаемые успеха на анализируемых нами выборах.

Ключевые слова: Нижегородская область, партии, выборы, конкурентная среда, роль.

M.O. Bichin

Student, Nizhny Novgorod Institute of Management - a branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

A.V. Bogomolova

Student, Nizhny Novgorod Institute of Management - a branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

A.P. Kalachev

Nizhny Novgorod, Russia

Yu.O. Lobanova

PhD in Political sciences, Docent,
Astrakhan state chnological University, Astrakhan, Russia

POLITICAL PARTIES IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION: TO THE QUESTION OF PARTICIPATION IN THE ELECTION OF GOVERNORS AND MAYORS OF THE REGIONAL CENTER IN THE 1990s

Abstract: The relevance of this article is associated with increased political activity of citizens in regional and municipal elections, as well as with the increasing role of political parties in the political system of the country. The purpose of the article is to identify the role of political parties in the election of the governor of the Nizhny Novgorod region and the mayor of Nizhny Novgorod in the 1990s. The objectives of the study are as follows: to determine the reasons for the inefficiency of the activities of parties and party candidates in the indicated elections, as well as the reasons for distancing the most successful candidates from political parties. The most significant components of success in the elections we analyze are identified.

Keywords: Nizhny Novgorod region, parties, elections, competitive environment, role.

Роль и политическое значение региональных независимых лидеров общественного мнения в конкурентной политической структуре региона дополнительно высвечивали выборы губернатора Нижегородской области. Такие выборы проводились в 1995 и 1997 гг. В ходе губернаторских выборов 1995 года, совпавших по времени проведения с выборами в Государственную Думу, ни один из кандидатов однозначно не позиционировал себя в качестве члена какой-либо партии. Впрочем, это не означает, что политические партии не пытались проявить себя. Их региональные отделения публично заявляли о поддержке того или иного кандидата. Так, например, НРО ДВР поддерживала Б.Е. Немцова [1, с. 1], а НРО КПРФ – его главного конкурента В.А. Растеряева (при этом сам бизнесмен-противник действовавшего губернатора особых симпатий к марксизму-ленинизму не питал, но, судя по всему, это обстоятельство мало смущало членов НРО КПРФ, стремившихся сместить с поста главы исполнительной власти региона Б.Е. Немцова [2, с. 228–229]). Впрочем, главными слагаемыми победы Б.Е. Немцова в 1995 г. были память о его неформальном начале политической карьеры, индивидуальная харизма и административный ресурс. Поддержка со стороны политической партии существенного значения не имела.

В 1997 г. на пост губернатора от КПРФ был выдвинут Г.М. Ходырев, который в прошлом являлся первым секретарём Горьковского обкома КПСС; в начале 1990-х годов он отошёл от активной политической деятельности. КПРФ выдвигала его по двум причинам – отсутствовал другой кандидат, обладавший столь богатым опытом управления и харизмой: он был известен всему

партийному активу области, являлся своеобразным символом былой институциональной силы и идейной народности власти. «Четыре кандидата хотели идти по пути дальнейших прогрессивных преобразований, которые были намечены прежним губернатором» [3]. Немалому числу экспертов представлялось, что курс Г.М. Ходырева можно было обозначить как «назад к социализму» [3]. КПРФ благодаря данным выборам рассчитывала на то, чтобы сделать Нижегородскую область частью тогдашнего «красного пояса» России. На этих выборах, по замыслу коммунистов, должно было произойти «присоединение Нижегородской области к так называемому «красному поясу» России. Область должна была стать форпостом для развертывания еще более значимой кампании – по выборам Президента РФ, где, по мнению многих политологов, Б.Е. Немцов мог стать одной из главных фигур. Так что бывший губернатор становится водоразделом при размежевании политических сил уже в масштабах страны» [3].

Фаворитом же предвыборной гонки был ставленник Б.Е. Немцова (бывший его вице-губернатор) И.П. Скляр. В июне 1997 г. местные СМИ говорили о безусловном лидерстве И.П. Склера в предвыборной гонке, который также имел партийное коммунистическое прошлое, известный в регионе опыт хозяйственного управления (он успел также поработать вице-губернатором и мэром Нижнего Новгорода). Однако нельзя не признать, что И.П. Скляр не обладал индивидуальной харизматичностью и энергетикой «неформала».

Как представитель региональной «партии власти» И.П. Скляр одержал победу в 37 районах и городах областного подчинения области (в том числе во всех районах Нижнего Новгорода). Безусловно, его преимущество в голосах избирателей областного центра «(41 % против 34,49 % у Г.М. Ходырева)» [3] в значительной степени предопределило и общий перевес. Интересно, что процент голосов, набранных И. Скларом в Нижнем Новгороде и в среднем по «остальной» области, практически являлся одинаковым [3].

Победа основного кандидата от «партии власти» И.П. Склера в первом туре не состоялась. Отрыв его от второго кандидата в губернаторы Г.М. Ходырева составил всего 3,11 %. В ходе повторного голосования И.П. Скляр набрал 52,04 % голосов, в то время как Г.М. Ходырев – 42,15 %. Г.М. Ходыреву пришлось сдать позиции во многих районах и городах, завоеванные им с таким трудом в первом туре. На этот раз он победил лишь в 16 районах из 59 (29 июня – в 22). И.П. Скляр теперь добился успеха в 43 районах и городах областного подчинения (в первом туре – в 37). И если в первом туре отрыв от соперника в областном центре был сравнительно небольшим (6,5%), то на этот раз он составил 22%. Это послужило весомым вкладом в общую победу» [3]. Таким образом, попытка превращения Нижегородской области в часть «красного пояса» не увенчалась успехом.

Стоит обратить внимание на то, что многие избиратели Нижегородской области не имели определённых политических пристрастий и ориентаций, хотя политическая активность по инерции рубежа 1980-х – 1990-х годов ещё была

высокой [4, с. 60]. Довольно незначительный процент избирателей ориентировался на политические партии левой и национально-патриотической ориентации, на которые опирался Г.М. Ходырев. Так или иначе, но Г.М. Ходырев не вызывал отторжения у избирателей, которые не поддерживали в целом КПРФ, но в той или иной степени критически относились к положению дел в регионе.

Слабо освоенными для политических партий были выборы главы Нижнего Новгорода. В 1995 г. на пост мэра областного центра не баллотировалось ни одного партийного кандидата. На первых выборах мэра Нижнего Новгорода в 1998 г. (итоги были отменены под надуманными предложениями после соответствующих обращений из Москвы [5, с. 7]) глава нижегородских коммунистов В.П. Киреенко не сумел оказать сколько-нибудь серьёзной конкуренции ставленнику областной администрации В.Н. Горину, наиболее яркому в регионе внесистемному кандидату А.А. Климентьеву и бывшему главе города Д.И. Беднякову. Другой партийный кандидат – лидер местной организации ЛДПР А.Б. Курдюмов – набрал ещё меньше голосов – 0,3%. Именно это поражение привело к тому, что В.П. Киреенко покинул пост главы регионального отделения КПРФ, и его сменил профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор философских наук Н.А. Бенедиктов [6, с. 36].

На повторных выборах мэра Нижнего Новгорода осенью 1998 года формально партийным кандидатом являлся только уже упоминавшийся выше А.Б. Курдюмов. Он повторил свой весенний результат – имеется в виду в процентах поданных голосов, но не в итоговом месте. Таковое по причине большего числа претендентов оказалось более низким. Обойти он сумел в основном кандидатов, практически не известных нижегородцам до тех выборов, и не получивших известности позднее – имеются в виду В.А. Бушуев (с ним были связаны коррупционные скандалы, ныне уже давно забытые [7]) и А.А. Сулла.

Ещё несколько кандидатов в той или иной степени с партиями связаны были. Касается это, прежде всего, В.В. Семаго – на тот момент депутата Государственной Думы от КПРФ. Впрочем, позиционировался он именно как друг А.А. Климентьева (даже его штаб располагался отнюдь не в обкоме КПРФ, а в помещении ночного клуба «Россо», тесно связанного с находящимся на тот момент в СИЗА несостоявшимся мэром А.А. Климентьевым), а не как ставленник крупнейшей в стране оппозиционной партии. С КПРФ же позднее будет связан другой аутсайдер тех выборов – на тот момент молодой и почти никому не известный предприниматель В.А. Буланов (он получил поддержку 4,32 % избирателей и получил в два с половиной раза меньше голосов, чем было подано против всех кандидатов). Добавим также, что и победитель тех выборов – Ю.И. Лебедев, и занявший второе место экс-мэр города Д.И. Бедняков в тот момент отрицали свою причастность к «партии власти» [8, с. 8], но позднее вступили в неё, став её видными по региональным меркам деятелями.

Таким образом, следует признать, что политические партии в Нижегородской области в 1990-е годы являлись слабым политическим актором [9, с. 10], а их поддержка не давала ощутимых преимуществ кандидатам на пост губернатора и мэра областного центра. Как следствие, большая часть наиболее успешных кандидатов, участвовавших в выборах, губернатор Нижегородской области и мэр Нижнего Новгорода дистанцировались от политических партий и сделали ставку на использование лозунгов, принимаемых большинством населения вне зависимости от политических симпатий, а также на собственную харизму и опыт хозяйственника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Надеждин, Н. Гибкая позиция ДВР / Н. Надеждин // Нижегородские новости. – 1995. – 6 июня.
2. Дегтев, Д.М. Борис Немцов. Слишком неизвестный человек. Отповедь бунтарю / Д.М. Дегтев, Д.М. Зубов. – М.: Центрполиграф, 2017. – 351 с.
3. Распопов, Н.П. Нижегородская область в июне–июле 1997 года / Н.П. Распопов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1997/0797/52.html> Дата обращения: 21.11.2019.
4. Пахомова, Е.А. Развитие отечественной представительной демократии на рубеже 1980-1990-х годов / Е.А. Пахомова // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2014. – № 39.
5. Кочеров, С. Выборы, которые мы проиграли / С. Кочеров // Нижегородский рабочий. – 1998. – 7 апр.
6. Распопов, Н.П. Формирование партийной системы региона. Основные тенденции политических и экономических трансформаций в Нижегородской области / Н.П. Распопов // Основные тенденции политических и экономических трансформаций в Нижегородской области. Информационный бюллетень ВВАГС. Под ред. Проф. А.В. Дахина. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2002.
7. Еремин, Н. «Байкальские вести»: Иркутская область – чемпион страны по «откатам» / Н. Еремин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tauga.info/93211> Дата обращения: 21.11.2019.
8. Камышев, Д. Выборы в Нижнем. Ниже некуда / Д. Камышев, А. Чугунов // Коммерсантъ-Власть. – 1998. – 8 сентября.
9. Устинкин, С.В. Коммуникативная составляющая в позиционировании во власти региональных политических элит (На примере ряда регионов Приволжского федерального округа) / С.В. Устинкин, Ю.С. Полякова // Власть. – 2009. – № 6.

УДК 323.2

Н.Ф. Бугай

г.н.с., профессор, Центр «Историческая наука России»
Института российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

**ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА – ЦЕНТРЫ
РАБОТЫ С НАСЕЛЕНИЕМ: ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА, ИТОГИ
(НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ). 1990–2020 г.**

Аннотация: По итогам изучения истории формирования институтов гражданского общества в 1990-е – 2000-е годы на территории Камчатского края в предлагаемом научном сообщении показан процесс формирования системы общественных институтов (национально-культурные автономии, национальные общественные организации, НОО, центры национальных культур, ассоциации, землячества) в структуре многонационального государства. Выявлены действующие институты в крае, а также их современные лидеры. В рамках сообщения названы формы и методы работы институтов гражданского общества в условиях с определенной спецификой Камчатского края.

Ключевые слова: Камчатский край, общество, этническая общность, институты гражданского общества, органы власти, лидер.

N.F. Bugai

Chief Researcher, Center «Historical Science of Russia», Institute of Russian
History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY – CENTERS OF WORK WITH
THE POPULATION: EXPERIENCE OF COOPERATION, RESULTS (ON
THE EXAMPLE OF KAMCHATSK REGION). 1990–2020**

Abstract: Based on the results of studying the history of the formation of civil society institutions in the 1990s – 2000s in the Kamchatka Territory, the proposed scientific communication shows the process of forming a system of public institutions (national-cultural autonomies, national public organizations, NGOs, centers of national cultures, associations, community) in the structure of a multinational state. The existing institutions in the region, as well as their modern leaders, are identified. Within the framework of the communication, the forms and methods of work of civil society institutions in conditions with certain specifics of the Kamchatka Territory are named.

Keywords: Kamchatka Territory, society, ethnic community, civil society institutions, government, leader.

Президент России, выступая 19 декабря 2017 г. на итоговом «Форуме действий» ОНФ «Россия устремляется в будущее», констатировал... что «у России есть все возможности восстановить свое лидерство... Мы должны быть лидерами в знаниях, в интеллекте, в социальном и культурном развитии... *Культура чрезвычайно важная сфера деятельности, одна из самых важных...* Наша идентификация именно в культуре» [1].

Академик Д. Лигачев в своих выступлениях неоднократно напоминал о том, что великий народ, народ со своей культурой и своими национальными традициями обязан быть добрым, особенно если с ним «соединена судьба малого народа», великий народ «должен помогать «малому» народу сохранять себя, свой язык, свою культуру» [2, с. 160].

Очевидно, именно эти принципы и закладывались в 1990-е годы в основу развития духовной сферы нового многонационального сообщества России. Поэтому вопрос о роли этнических общностей в создании экономического потенциала государства, в развитии культур народов по-прежнему остается актуальным и особое значение приобретает совершенствование форм и методов, способствующих развитию культур народов, от которой в полной мере зависит гармонизации межэтнических отношений.

Обобщение этого опыта необходимо прежде всего для сохранения целостности государства, достижения мира, стабильности в российском многонациональном сообществе, гармонизации межэтнических отношений, воспитания культуры межэтнического общения, представительства народов, особенно этнических меньшинств, в управлении своим государством. Решению этих приоритетных задач вполне осуществимо с опорой на институты гражданского общества, которые обрели новое лицо в условиях Российской Федерации.

Несомненно, в 1990-е годы пришлось столкнуться с мощным обвалом «охаивания» всего прошлого в истории Союза ССР, России. В этом преуспевали СМИ как США, так и стран НАТО, объединившихся и единый союз. Перед российским сообществом народов, особенно элитой возникала задача в разоблачении их вымыслов о российской государственности, искажений ее истории.

Задача такой меры понималась и ведущими учеными страны. Академик РАН В.А. Тишков в связи с этим замечал: «Пришла пора покончить с несправедливо негативным образом нашей страны, с ложными, намеренно политизированными оценками условий жизни россиян» [3, с.1].

В числе приоритетных задач на предшествовавший период В. Тишков выделял следующие: активное продвижение в общество принципов уважения культурного многообразия, борьба с экстремизмом, обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной культуре и конфессии, утверждение в обществе норм и чувств общероссийского патриотизма, лояльности. Развитие культур на основе русского языка и равного

обеспечения доступа к этой культуре граждан страны, усиление внимание к молодому поколению [3, с. 6].

Важными остаются на практике строительства государства в новой обстановке сохранение целостности страны, создание условий по обеспечению ее безопасности, приоритетный принцип – неделимости России, единение ее народов, как в мирной обстановке, так и в условиях экстремальной ситуации.

Надо признать, что в 1990-е годы в государственной национальной политике выработывались совершенно новые подходы к реализации намечаемых мер. В конкретном случае ценное значение приобретал такой социальный фактор как *доверие*, который оставался важным в организации, выработке структур общественно-политической деятельности, игравших роль в формировании прочных основ межэтнических отношений, единении самих народов. С особой силой это как раз и проявилось в работе системы институтов власти гражданского общества, решении ими организационных вопросов российской повседневности.

Во многом от итогов реализации намеченных планов зависел диалог культур народов, направленный в первую очередь на их консолидацию, поиск истины. Именно этой цели в 1990 – 2020 гг. были подчинены многие мероприятия в сфере государственной национальной политики.

В сфере *культурно-просветительской работы* на первый план выступало поддержание диалога культур этнических общностей, в определенной мере нарушенный развивавшимися событиями в начале 1990-х годов. В связи с этим приобретали особую ценность проводимые многие заседания «круглых столов» (инициатор – ассоциация «Женщин Кавказа»). Такая мера была не случайной с учетом того, что «кавказский вопрос» оставался по-прежнему одним из сложных. В связи с этим выработка общественного мнения подходов к осуществлению общественно-массовых мероприятий в этой ситуации приобретала особую ценность в плане поддержания традиций, дружбы, отстаивания прав этнических общностей, развития добрососедских отношений, использования накопленного богатого опыта в этой сфере в прошлом. По этому поводу председатель Комитета общественных и религиозных связей Правительства Москвы Л. И. Швецова замечала: «Наши «круглые столы» важны и полезны именно этим – через организованный обмен мнениями, через сопоставление точек зрения мы можем выяснить и смягчить те процессы, которые уже просматриваются в повседневной жизни, на бытовом уровне и в будущем могут перейти в сферу политики» [4, с. 12].

Комитет общественных и региональных связей Правительства Москвы, проводя работу среди населения города и особенно молодежи, как заявляла Л. И. Швецова, определили свою тактику, преследуя прежде всего цель, чтобы молодежь, находясь в среде представителей этнических общностей, постигала параллельно собственную культуру, традиции, обычаи и, несомненно, русскую культуру. В этом случае усматривалась возможность обогащения культур

народов. Практически эта «модель» была характерной для многих российских национальных республик, краев и областей.

Москва выступала центром не только русской культуры, но и всей многонациональной культуры России. Именно этот фактор был заложен в 1990-е годы в основу развития культур народов, их сближения, обретения общих черт в новых условиях существования России как правового многонационального государства.

Департамент по делам национальностей Миннац России отслеживал эти процессы в стране и особенно в Москве. Более того, следует заметить, что многие субъекты Российской Федерации присматривались к этому опыту и стремились также к возрождению этого движения в своих субъектах. В этот период возникает множество Домов, центров национальных культур, в частности в Казани, Красноярске, Новосибирске, Оренбурге, Самаре, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Лазаревском (Сочи), Петрозаводске, Нальчике (Кабардино-Балкарская Республика) и др.

Эта работа особенно активизировалась во второй половине 1990-х годов, т.е. сразу же после принятия Закона Российской Федерации «Об общественных объединениях» (1995 г.) и о «Национально-культурной автономии» (1996 г.). Большая работа проводилась по формированию системы институтов гражданского общества многонационального региона страны – НОО, НКА, землячества, ассоциации, центры национальных культур. Первый региональный Фестиваль национальных культур Камчатской области 11 декабря 2002 г – 11 декабря 2003 г., проходившей при поддержке Министерства культуры Камчатской области, посвященный 20-летию Конституции Российской Федерации и при усилении Общественного объединения областного масштаба «Содружество» (В. В. Манжос), получил широкий резонанс в камчатском сообществе народов и статус традиционного. Это была истинная демонстрация достижений народов области в сфере культуры – администрацией Камчатской области (с 2007 г. края).

Большой интерес к этому направлению проявлял в ту пору заместитель губернатора Камчатской области, начальник управления по связям с общественностью и работе с обращениями граждан, курировавший национальную политику в области, председатель постоянно действующей редакционной коллегии Книги Памяти Камчатской области Михайлов Александр Николаевич (светлая ему память)⁶.

Помнится в связи с этим были длительные беседы по вопросам совершенствованию этого направления достижению большей эффективности в

⁶ Михайлов Александр Николаевич, бывший заместитель губернатора Камчатской области (с 2002 по 2007 г.); родился 13 января 1952 г. в г. Пятигорск Ставропольского края; в 1974 г. Окончил Камчатский филиал Дальневосточного института рыбной промышленности и хозяйства по специальности: "Эксплуатация судовых силовых установок", инженер-механик; по распределению был направлен в Камчатрыбхолодфлот. В 1978 г. вступил в КПСС; в 1984 г. направлялся на учебу – двухгодичное отделение Хабаровской Высшей школы.

работе институтов гражданского общества и в Департаменте по делам национальностей Миннац России⁷.

А. Н. Михайлов был всесторонне осведомлен в этом вопросе применительно всей территории Камчатской области.

На практике именно губернатору М. Б. Машковцу и зам. губернатора А. Н. Михайлову приходилось переводить на новые рельсы систему межэтнических контактов отношений в области, т.е. выстраивать ее составляющие в условиях рыночных отношений. И для Камчатской области это время не было простым. В данном случае решение многих проблемы этой сферы находилось в зависимости от решения вопросов социально-экономического развития области.

В беседе в Департаменте по делам национальностей Министерства по делам национальной политики РФ зам. губернатора, излагая вопрос о состоянии национальной политики на полуострове, констатировал: «В целом же в прошедший период, традиционно межнациональная обстановка в Камчатской области была относительно стабильная и острых общественно значимых этнических конфликтов не зафиксировано» [5, с. 147]. Несомненно, за этой оценкой стоял многолетний труд работы областных органов власти в системе межэтнических отношений.

А вообще первая половина 2000-х годов явилась своеобразным переменным периодом в изменении подходов к национальной государственной политике. Все более ощущалось применение принципа регулирования системой межэтнических отношений, что придавало ее более демократичную форму и содействовало решению возникавших вопросов. Оно проводилось с активным участием институтов гражданского общества, становившейся системы местного самоуправления. Предпринимались попытки возвратиться и в историческое прошлое, особенно применительно к дальневосточным регионам страны.

По данным Управления Министерства юстиции РФ по Камчатской области, за период с принятия Закона РФ «Об общественных объединениях» (1995), в области были зарегистрированы 37 общественных объединений, куда вошли и объединения этнических меньшинств, а не только коренных народов области. Работа в этом направлении активно продолжалась. В связи с этим в 2000 г. для общей координации работы был создан Союз общин Камчатской области «Яр».

В Елизовском районе стала действовать «ООО Корпорация родовых общин коренных малочисленных народов Севра». Эти меры содействовали росту численности институтов гражданского общества, отражавших коренные интересы этнических меньшинств. В связи со спецификой области, где на территории отсутствуют компактное проживание каких-либо национальностей, учреждений культуры, специализированных школ, то вносились и определенные коррективы в организацию институтов гражданского общества.

⁷ В то время автор выступления занимал пост Директора Департамента по делам национальностей в Минац России (название министерства изменялось, но направление именно этой работы было неизменным).

Применительно к началу 2002 г., как замечал заместитель губернатора области А. Н. Михайлов, работа институтов гражданского общества получала признание среди населения области, они пользуются заслуженным авторитетом. «Достаточно активно и плодотворно, в этом направлении работают национально-культурная автономия украинцев Камчатки, ООО «Татаро-Башкирская община», Ассоциация корейцев Камчатки» «Ханзо» ...и другие национально-общественные объединения» [5, с. 145].

По имеющимся данным, в дополнение к названным, на территории современного Камчатского края к началу мая 2011 г. были зарегистрированы 53 общественных религиозных организаций. Из них 35 общин РПЦ (принадлежали к Петропавловской и Камчатской епархии). Остальные – немногочисленные в регионе приверженцы буддизма, ислама, иудаизма, новых религиозных течений и др.) [6]. В настоящее время (2018 г.) насчитывается в крае более 50 общественных религиозных организаций. Действуют также 56 национальных общественных объединений (организаций) [7], представляющих институты власти гражданского общества.

Если обратиться к деятельности общественного объединения «Корё», то в начале 1990 г. им проводилась работа по сохранению и пропаганде национальных традиций, культуры. Ежегодно организовывались на уровне общины праздники: освобождение Кореи Красной армией, Новый год по Лунному календарю и др. Представители «Хонзо» участвовали в проведении конкурсов корейского языка по линии Камчатского педагогического университета. При содействии организации был создан и работал факультатив по изучению корейского языка на базе одной из школ гор. Петропавловска-Камчатского. Много внимания уделялось работе с пожилыми людьми [8, с. 710].

Все действовавшие общественные объединения в Камчатском крае в 2010-е годы входили в «Содружество» – общую камчатскую *региональную организацию* (рук. Рамазан Гусейнов, Виталий Кибалов и другие) [9]. В их числе ительмены «Пимчах мэлвое», НКА украинцев. Свои общественные организации имели такие этнические общности как калмыки, татаро-башкиры (НОО), татары, тувинцы, армяне, поляки, молдаване, немцы.

Первый этап функционирования общественного объединения в г. Петропавловск-Камчатский длился с 11 октября 2011 г. до очередной перерегистрации в органах краевой государственной власти 2 апреля 2013 года. Возглавлял ассоциация камчатских корейцев – *Юн Николай Юрьевич*.

Корейцы возглавляли и другие объединения хозяйственного назначения в городе, в частности Тян Кен Хо, Бек Сон Зя и многие другие. Так, Бек Сон Зя возглавила государственно учреждение — Камчатское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации.

Энтузиасты корейского движения на Камчатском полуострове и в дальнейшем не оставались в стороне от общественных дел и понимали значение организационного момента, необходимости институционализации самого движения. Вскоре возникло новое общественное объединение –

Корейский этнический культурный центр «Чогук», которое и возглавил Шин Хен Но, пользующийся непререкаемым авторитетом и признанием среди камчатской корейской общественности, а также исполнительных органов государственной власти. Он же сформировал вокруг себя группу активистов – Бек Сон За (Любовь Андреевна), Тен Ен Нам (Сергей), Тё Алексей, Н. Сон, представителей активной части молодежи – Манкевич Маргарита Гынхеновна, Ли Лиза Владимировна, Наталья Мун, и др., которые проводят работу по поддержке самобытной корейской культуры. По данным Хен Но, в Камчатском крае проживает около 2 тыс. граждан корейской национальности.

Ежегодно институты гражданского общества были заняты реализацией мероприятий общественно-просветительского характера с учетом интересов самой ассоциации народов края. Это во многом привлекает и молодежь, которая также структурируется в свои организации при той или иной национальной общине. И это получает истинное признание и поддержку. Правда, имеются организации, в которых молодежь руководствуется наблюдательским принципом, поэтому предпочтение отдается представителям старшего поколения, хотя в последнее время и в этом направлении наблюдается перелом. Популярностью среди молодежи пользовались проводившиеся в 1990 – 2000-е годы Конкурсы красоты.

Такой подход характерен для многих общественных институтов этнических общностей края. Конечно, самостоятельное существование общественных объединений было малоэффективным. Поэтом был найден выход в объединении национальных ассоциаций с целью решения многих общественных проблем. Позитивным моментом стало образование Камчатской краевой организации «Содружество». За основу работы были взяты и расширены комплекс мер общественного порядка возникшего в первой половине 2000-х годов Центра национальных культур «Содружество». Им ставилась цель укрепление мира и создание расширенного сотрудничества между институтами гражданской власти в разных этнических общностях, совместная деятельность общественных организаций, совершенствование контактов, партнерства с органами государственной власти, содействие развитию и сохранение самобытных национальных культур.

На новом этапе ассоциация всех центров этнических общностей «Содружество» (лидеры В. Кабалов, Р. Гусейнов и др.) объединяла усилия таких общественных организаций как «региональная организация «Всекамчатский Союз казаков России» (В. Игумнов), община азербайджанцев «Азерн» (Рамазан Валимамедов оглы), узбеков (Х. Каримов), украинцев (В. Манжос), бурят («Байкал»), калмыков (Н. Тихонов), 52 поляков («Дом польский», Елена Кондрашова), представляющих в основном элиту края.

Дальнейшая практика позволила сделать вывод, что путь на объединение общностей был правильным, исходя из той работы, которая проводилась в культурно-просветительском направлении в масштабах края. Совершенствовались и наполнялись новым содержанием контакты между общественными объединениями и администрацией края (реализация планов

общественно-массовой работы, воплощение прогрессивных идей в практику, совместное проведение мероприятий международного характера, совершенствование информационного пространства в плане познания друг друга, культур народов, проведение «Дней культур народов»).

Что важно для края, так это рассосредоточение общественных организации по всей его территории. Каждая из них учитывала в работе специфику мест (горные, таежные районы). Отличатся своей эффективной работой, ее постановкой и итогами Центр национальных культур г. Вилюченска (Х. Каримов). Активно проводят общественно-массовую работу «Центр белорусского землячества» (Виталий Кибалов), «Культурно-просветительский центр еврейской общины «Цафон», «Север» (Евг. Литман).

Несомненно, Камчатский край отличается своей специфичностью. В составе населения имеется многочисленное представительство коренных народов, которые вносят определенный колорит и в организацию общественной работы. В крае проживают камчадалы побережья р. Камчатки, большеерецкие и пенженские камчадалы, кочевые коряки, олюторцы и др. украинцы и паланцы, чукчи, алеуты, ламуты и др.

Известной остается работа ассоциации малочисленных народов Севера Камчатки (Т. Романова), камчатского землячества «Бумбин ори» («Страна счастья», Н. Тихонова). По мнению лидеров «Содружества», именно многообразие дает стимул к творчеству, способствует выживаемости в сложные времена, трансляция только монокультуры, преимущественно одной нации в такой многонациональной стране – это путь в никуда, истинный пример этому – фашизм, едва не уничтоживший целые народы [10, с. 4–5].

Следует заметить, названные лидеры общественных объединений (НОО, НКА, центры национальных культур, ассоциации, землячества и др.) – это мир людей, влюбленных в свой край, посвятившие себя без остатка общественной работе, это мастера своего дела. «Там, где бываю в отпуске, иногда намного лучше по сравнению с Камчаткой, но все равно недели через две начинаю тосковать по Камчатке, – отмечал в интервью лидер общественного объединения Центр корейской культуры «Чонгук» Шин Хен Но (Михаил Алексеевич) [11, с. 5].

Одним словом, Камчатский край – это единение 134 этнических общностей, для которых Камчатский полуостров их дом. Не случайно особой популярностью в крае пользуется праздник «Дня единения народов России – 25 июня»

Пользуется особой популярностью у народов края и Праздник Земли. Он проходил в очередной раз в конце марта 2019 г. в с. Сосновка Елизовского района под руководством общественного объединения Община ительменов «Пымчах мэлвон» на базе деревни – этнографического музея под открытым небом. Здесь же происходят проводы Зимы. Участники славили Камчатский край, его щедрость и духовное богатство.

Главным лозунгам общин, действующих под эгидой «Содружества» остается – «жить в мире, дружбе, относиться с уважением к культуре каждого

народа, традициям людей разных национальностей, следовать принципу добрососедства, дружбы и сотрудничества многонациональной семьи в крае.

Несомненно, сохранение мира и единства этнической общности в каждом отдельном случае, в целом в масштабе России, Камчатского края как форпоста на Дальнем Востоке во многом зависит от согласованного и целенаправленного взаимодействия разных народов в многонациональном сообществе [12].

Этим же целям была подчинена и действовавшего при краевой библиотеке им. С. П. Крашенинникова Культурно-просветительского центра «В семье единой».

Большую работу проводила действовавшая с 2011 г. группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Камчатском крае, которая занималась обобщением материалов, так и выработкой новых социальных технологий регулирования межэтническими отношениями в многонациональном крае. Объем ее работы включал и такие направления как борьба с экстремизмом, повышение эффективности патриотического воспитания в обществе, воспитание молодежи и др.

В последующем с 2014 г. эти задачи были положены в основу деятельности Агентства по внутренней политике Камчатского края.

Именно об этом отмечалось в публикации «Новый мир» [13, с. 2]. Главными задачами ассоциации «Содружество», объединившего на первых 2000 жителей края, выступали укрепление и развитие межэтнических отношений, их гармонизация. Это находило отражение в общественно-политических мероприятиях, проводимых «Содружеством», в мероприятиях краевого масштаба – фестивалях, в праздничных торжествах по случаю исторических дат России, Камчатского края и народов его населяющих – калмыков, чувашей башкир, татар, азербайджанцев белорусов («Страна огней», «Сабантуй, праздники российского казачества и др.).

Одним словом, исследование вопроса показывает, насколько важным было избрать верный путь, выстроить совершенно новую социальную технологию работы с населением в условиях России. Период перехода в новую сферу хозяйствования был не простым. Благодаря усилиям самих народов решалась задача по консолидации, воспитанию чувств патриотизма. Общество ушло от наблюдавшейся депатриотизации в целом и приступило к формированию российской государственности в новых условиях рыночных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Россия не должна сбиться с избранного пути // Взгляд. 27 декабря 2017.
2. Лихачев Д.С. Без доказательств. СПб.: Блиц, 1996. С. 14; 160 с. // URL: <http://www.myshared.ru/slide/226477/> (дата обращения: 29 июля 2029 г.). 160 с.

3. Тишков В.А. Преодолевая парадигму кризиса: оценка перемен и уроки на будущее. К ежегодному посланию Президента РФ Федеральному Собранию. 10 марта 2002 г. // Текущий архив Департамента по взаимодействию с общественными организациями Правительства РФ. Копия.
4. Швецова Л.И. Эхо Кавказа в Москве // Этнодиалог. Московское эхо Кавказа. М.: Центр «Этносфера», 1997. С. 12.
5. О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в 2001 году (К Всероссийскому совещанию «Вопросы гармонизации межнациональных отношений и взаимодействия с религиозными организациями») М., Декабрь, 2002. С. 147.
- 6 Камчатский край. Энциклопедия // URL: <http://www.pravenc.ru/text/1470165.html>. (дата обращения 26 июля 2018 г.).
7. Многоликая Камчатка: камчатские диаспоры устроили состязание в танцах, песнях, кухнях, обрядах и костюмах Подробно: \\ URL: <https://kamchatinfo.com/news/society/detail/22638/> (дата обращения: 22 июля 2018 ш.) и др.
8. Бугай Н.Ф. Корейцы Камчатского края: «Всегда достойны и уважаемы». М., 2019. 720 с.
9. Кибалов В. Устами друг друга // Многоликая Камчатка № 1. 2015. С. 10.
10. Содружество № 6. 2017. С. 4-5
11. Швецова Л.И. Эхо Кавказа в Москве // Этнодиалог. Московское эхо Кавказа. М.: Центр «Этносфера», 1997. С. 12.
12. Бугай Н.Ф. Корейцы Камчатского края: «Всегда достойны и уважаемы...». М., 2019. 720 с. и др.
13. Многоликая Камчатка. № 6. С. 4.

УДК 323.2

Н.В. Волкова

к.э.н., доцент Бийского технологического института (филиала) АлтГТУ,
г. Бийск, Россия

Т.В. Позднякова

к.э.н., экономист АО «Научно-производственное предприятие «Алтик»,
г. Бийск, Россия

КОММУНИКАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ПОСРЕДСТВОМ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛОВ*

Аннотация: В статье открытость и доступность информации о деятельности органов власти муниципальных районов рассматривается как один из факторов формирования территориальной лояльности населения. Приводятся результаты контент-анализа информационного наполнения официальных интернет-порталов 10 муниципальных районов Алтайского края.

Ключевые слова: Интернет, сайт, территориальная лояльность, муниципальные районы.

N.V. Volkova

PhD in Economics,

Biysk Technological Institute – a branch of the Altai State Technical
University, Biysk, Russia

T.V. Pozdnyakova

PhD in Economics,

Research and Production Enterprise «Altik», Biysk, Russia

COMMUNICATION OF AUTHORITIES OF THE MUNICIPAL AREAS OF THE ALTAI REGION WITH THE POPULATION BY THE OFFICIAL INTERNET PORTALS

Abstract: In the article, the openness and accessibility of information about the activities of authorities of municipal regions is considered as one of the factors in the formation of territorial loyalty of the population. The results of a content analysis of the official Internet portals of 10 municipal regions of the Altai Territory are presented.

Keywords: Internet, site, territorial loyalty, municipal areas.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00233 «Факторы территориальной лояльности жителей сельских поселений (на примере Алтайского края)».

Как известно, открытая деятельность органов власти является важным инструментом повышения эффективности функционирования современного демократического государства. Важной задачей при этом является распространение принципов открытости и доступности информации не только на федеральный уровень, но и на региональный и муниципальный уровни власти [1, с. 184]. Интернет может рассматриваться в качестве канала коммуникации и средства взаимодействия власти муниципальных образований и населения, служить площадкой для дискуссий и обсуждений [2, с. 230].

В Российской Федерации в настоящее время уделяется большое внимание повышению открытости и доступности информации о деятельности государственных структур для граждан. Разработана и соответствующая законодательная база; основным нормативным актом, регулирующим реализацию принципов открытости и доступности информации о деятельности органов власти муниципальных образований, является федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Исходя из того, что информационная открытость органов власти рассматривается нами как один из факторов формирования территориальной лояльности населения [3], в марте–апреле 2019 года был проведен контент-анализ официальных интернет-порталов сельских районов Алтайского края. В выборку исследования вошли районы, миграционный приток населения (рассматриваемый как один из показателей территориальной лояльности населения) в которые в 2016–2017 годах был зафиксирован на достаточно высоком или среднем уровне (Ельцовский, Петропавловский, Первомайский, Крутихинский, Зональный, Целинный, Тальменский районы, далее условно названные **благополучными**) или низким (Заринский, Смоленский, Табунский, Солтонский, Третьяковский, Угловский районы, условно называемые **аутсайдерами**). Все районы имеют официальные порталы органов местного самоуправления.

В результате проведенного контент-анализа установлено, что публикационная активность районных администраций районов-лидеров значительно варьируется – от довольно низкой в Ельцовском, Петропавловском районах (для них в рассмотрение был принят период с 2017 года до настоящего времени), до очень высокой в Первомайском, Целинном, Тальменском районах (рассмотрен только 2019 год). При этом среди районов-аутсайдеров довольно высокую информационную активность демонстрируют только Табунский и Третьяковский районы. Также насыщенным (но не очень структурированным) был новостной блок старой версии сайта Заринского района, однако на новой платформе (с осени 2018 года) новостной раздел обновляется нечасто.

Стилистика публикаций, по большей части, объединяет в себе черты официально-деловой (для информационных сообщений) и публицистической; явно отличается Ельцовский район, на сайте которого практически все публикации имеют выраженную официально-деловую стилистику. Также можно отметить Тальменский район – здесь, напротив, большая часть

публикаций написана в стилистике СМИ, прослеживается журналистская проработка (привлекающие внимание заголовки, интрига, компоновка материала и т.д.). Среди районов-аутсайдеров публицистический стиль ярко демонстрирует, пожалуй, только сайт Табунского района, тогда как новостные разделы Смоленского, Солтонского, Угловского районов выдержаны исключительно в официально-деловом стиле.

Эмоциональная окраска абсолютного большинства публикаций носит нейтральный или положительный характер (последние, как правило, посвящены позитивным новостям о достижениях района, примечательных людях, имеют патриотическую направленность).

К темам, присутствующим практически на всех интернет-порталах, относятся:

– культура, искусство, спорт, массовые мероприятия (тема занимает первое место в рейтинге для всех районов-лидеров, кроме Ельцовского, а также для Табунского и Третьяковского районов из группы аутсайдеров). Как правило, на сайтах публикуется много материалов о результатах спортивных мероприятий (в анализируемом периоде наиболее ярким событием для большинства районов стала зимняя спартакиада); конкурсов в различных областях искусств; поднимаются вопросы библиотечного обеспечения, размещаются анонсы и отчеты о проведении культурно-массовых, развлекательных, патриотических, образовательных мероприятий; т.к. для большинства районов был проанализирован зимний период активности – востребованной стала тема работы в районах «Снежного десанта»;

– здравоохранение, образование, социальная защита и реабилитация, благотворительность; медицинское и социальное страхование. Приоритеты по районам различаются. Например, защита материнства и детства лидирует в Первомайском районе, обязательное медицинское страхование – в Тальменском. Проблемам образования, как ни странно, посвящены единичные публикации, хотя основной тезис, неоднократно озвученный респондентами в ходе глубинных интервью с жителями сельских районов Алтайского края: «село живет, пока жива в нем школа, не станет школы – и село состарится за считанные годы, останутся только «дожители»;

– деятельность органов местного самоуправления; прием граждан, созыв депутатов, сессии, расходование бюджета; предоставление госуслуг. В данном тематическом разделе скомпонована, как правило, наиболее формализованная, безличностно подаваемая информация;

– правоохранение, контакты с МВД, защита граждан, мошенничество, безопасность, ориентировки.

Кроме того, новостные разделы административных сайтов отражают ряд более редких, но регулярно поднимаемых тем. Среди них можно выделить:

– сообщения о погодных условиях, чрезвычайных ситуациях, а также сообщения об авариях, отключениях коммуникаций. Данные сообщения, по большей части, публикуются на основании единой информационной рассылки, а потому становятся относительными лидерами в контенте тех сайтов,

содержание которых носит формальный характер (как, например, Солтонский и Угловский районы из группы аутсайдеров);

- содействие предпринимательству, трудоустройство, содействие занятости, охрана труда;

- имущественно-земельные отношения, Росреестр, взаимодействие с кадастровой службой;

- информатизация жизни в селе и развитие телекоммуникаций;

- транспорт, дорожные и иные коммуникации;

Весь перечисленный блок тематик представлен публикациями информирующего характера, часто носит характер единых информационных рассылок.

Наконец, единичные публикации посвящены таким темам, как:

- сельское хозяйство, животноводство, ветеринария (тематика находит свое отражение, преимущественно, в районах, специализирующихся на сельском хозяйстве - Заринском, Солтонском);

- перерабатывающая промышленность, потребление, качество и безопасность продукции;

- противодействие терроризму и экстремизму;

- профилактика наркомании, алкоголизма, борьба с незаконным оборотом наркотических и алкогольных веществ.

На рисунках 1, 2 представлен тематический анализ структуры сайтов благополучных районов и районов-аутсайдеров.

Подводя итоги исследованию, можно отметить, что многие официальные сайты районов носят формальный характер, демонстрируют низкую публикационную активность и часто – отсутствие площадки для обратной связи (форума).

При этом для органов власти районов, характеризующихся меньшим значением миграционного потока населения (соответственно – более высокой территориальной лояльностью), характерно большее внимание к вопросам трудоустройства и охраны труда населения. В то же время на официальных интернет-порталах в районах с достаточно высоким уровнем миграционного оттока (что характеризует низкую территориальную лояльность населения) наблюдается преобладание информации о транспорте, дорожных и иных коммуникациях, а также об авариях и отключениях коммуникаций.

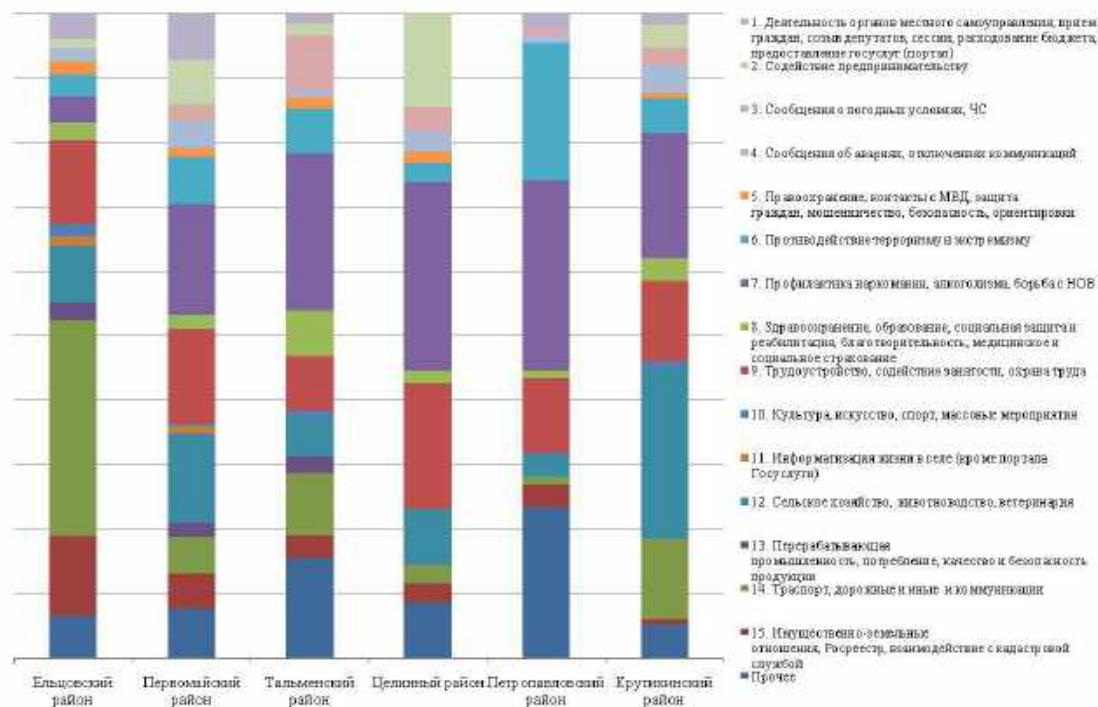

Рис. 1 – Тематическое наполнение официальных интернет-порталов районов, условно благополучных по величине миграционного притока.

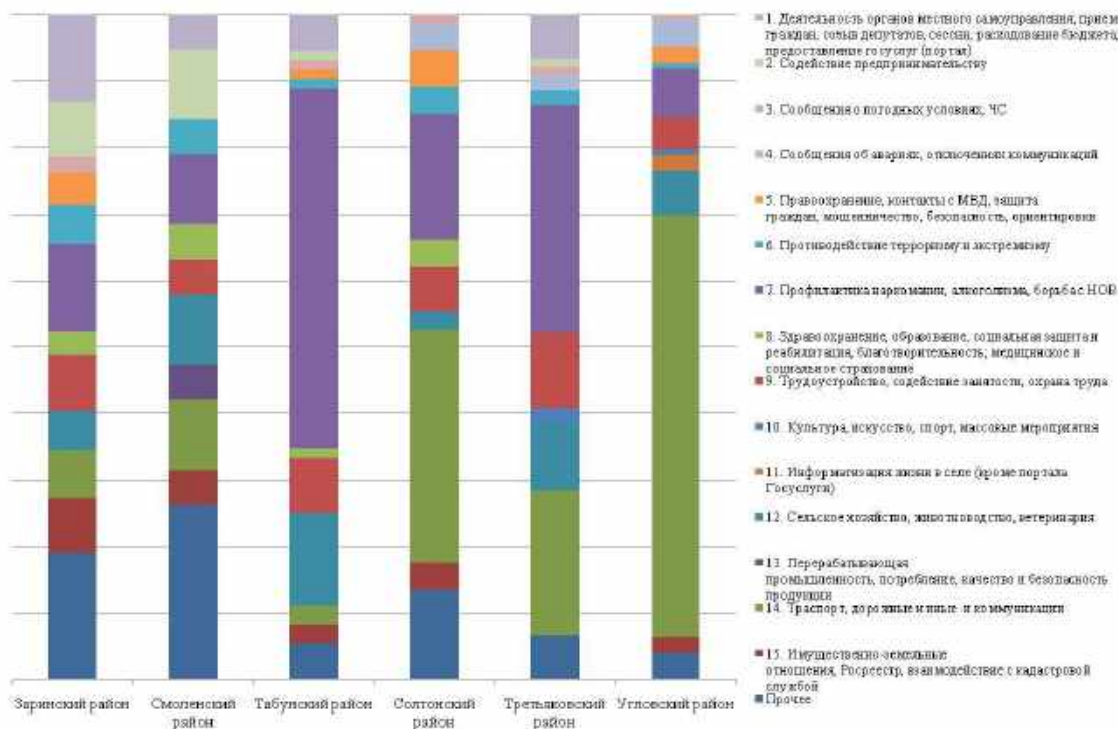

Рис. 2 – Тематическое наполнение официальных интернет-порталов районов-аутсайдеров по величине миграционного притока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перфильев, С.В. Методика рейтинговой оценки сайтов администраций муниципальных образований на предмет открытости и

доступности информации / С.В. Перфильев, Е.А. Кутузов // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2016: Сборник трудов международной научно-технической и научно-методической конференции. В 4 т. Т. 2. – Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет, 2016. – С. 184–188.

2. Крымова, Э.И. Особенности использования интерактивных коммуникативных форм на сайтах Администраций городов (на примере Кемеровской области) / Э.И. Крымова, В.В. Желтов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2010. – № 2. – Т. 17. – С. 229–234.

3. Волкова Н.В. Информационная наполненность интернет-порталов органов власти сельских районов Алтайского края как фактор формирования территориальной лояльности населения / Н.В. Волкова, Т.В. Позднякова // Проблемы развития социально-экономических систем: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов (г. Донецк, 25–26 апреля 2019 г.) / под общ. ред. д.э.н., доц. Ю.Н. Полшкова. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – Том 1 – С. 106–109.

УДК 327.8

Е.Л. Григорьева

ст. преп. Нижегородский государственный университет им. Н.И.
Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

В.В. Донскова

ст. преп. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия

М.И. Федотова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

СПОРТ НЕ «ВНЕ ПОЛИТИКИ»? : ПРАКТИКА БОЙКОТОВ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Аннотация: Актуальность настоящей статьи связана с большой ролью спорта высоких достижений в политических процессах во всём мире. Целью статьи является выявление особенностей применения бойкота Олимпийских игр как инструмента внешней политики. Задачи исследования следующие: выявление фактов отстранения государств от участия в Олимпийских играх, определение роли государств и иных акторов международных отношений в этих событиях. Указано на то, что бойкоты как инструмент «холодно войны» были малодейственными. Выявлены особенности решения об отстранения российских атлетов от участия в Олимпийских играх-2020 в Токио.

Ключевые слова: Спорт, аполитичность, политизированность, бойкот, Олимпийский игры, СССР, США, ЮАР, Россия, Родезия, международные неправительственные организации.

E.L. Grigoryeva

Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russia

V.V. Donskova

Ryazan State University. S.A. Yesenina, Ryazan, Russia

M.I. Fedotova

Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russia

SPORT IS NOT «OUTSIDE POLICY» ? : PRACTICE OF OLYMPIC GAMES BOYCOTT

Abstract: The relevance of this article is associated with the large role of high-performance sport in political processes around the world. The purpose of the article is to identify the features of the use of the boycott of the Olympic Games as an instrument of foreign policy. The objectives of the study are as follows: to identify

facts of the removal of states from participation in the Olympic Games, to determine the role of states and other actors in international relations in these events. It is indicated that boycotts as an instrument of the “cold war” were of little effect. Features of the decision on the removal of Russian athletes from participation in the 2020 Olympic Games in Tokyo are revealed.

Keywords: Sports, political apathy, politicization, boycott, Olympic Games, USSR, USA, South Africa, Russia, Rhodesia, international non-governmental organizations.

В настоящее время решением Исполком Всемирного антидопингового агентства (WADA) российские спортсмены фактически отстранены от участия в Олимпийских играх, которые состоятся в 2020 году в Токио. Разумеется, признавая как необходимость борьбы с применением допинга как такового, так и наличие среди российских спортсменов, тренеров и функционеров отдельных недобросовестных людей, однако, укажем, что это решение WADA нельзя не признать политизированным. В самом деле, спорт – имеется в виду тот, что связан с высокими достижениями, не может находиться «вне политики», как это часто говорилось и говорится с высоких трибун. Он является зрелищем, привлекающим к себе внимание миллионов людей во всём мире, и уже по этой причине является важным инструментом в политической борьбе на мировой арене [1, с. 43; 2, с. 177; 3, с. 18; 4, с. 120; 5, с. 61]. Нередко также именно спортивные успехи выдаются за крайне значимые достижения всего государства и проводимой им политики.

Следует отметить, что важным инструментом в рамках современной дипломатии, связанной со спортивной проблематикой, является бойкотирование крупных международных соревнований и, прежде всего, Олимпийских игр. Другой разновидностью использования крупных международных турниров в международных отношениях является отказ атлетам из той или иной страны участвовать в них [6, с. 158].

История знает немало примеров такого рода. Так, например, СССР долгое время бойкотировал крупнейшие международные спортивные форумы, в том числе и проводимые под эгидой Международного Олимпийского комитета (МОК). В противовес этому он развивал Красный Спортивный Интернационал [7; 8, с. 109; 9, с. 8; 10, с. 89]. В итоге было принято решение отказаться от политики «спортивного изоляционизма» и уже с начала 1950-х годов советские спортсмены стали принимать участие во всех международных турнирах.

Имели место и отказы от приглашений к участию в Олимпийских играх спортсменов из государств, незадолго до того проигравших Мировые войны – имеются в виду Германия, Австрия, Венгрия, Болгария и Турция в 1920-м и Германия и Япония в 1948 году. Кроме того, в 1964 году не смогли приехать на Олимпийские игры атлеты из ЮАР, поскольку стараниями Организации

Африканского Единства(ОАЕ) и некоторых государств – в том числе и неафриканских – это государство было исключено изМОК за проводимую политику апартеида. Вернулись на Олимпийские игры южноафриканцы только в 1992 году.

Своего рода «пионером» среди государств в деле использования бойкота Олимпийских игр стала Танзания. Означенное государство продемонстрировало яркий пример использования спорта в реализации своей внешней политики. Танзания использовала множество мер для поддержки других освободительных движений на континенте, через экономические санкции, помощь освободительным движениям и даже прямого военного вмешательства. Использование таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций и Организации Африканского единства (ОАЕ) также сыграли свою роль в цели политического освобождения на юге Африки, в частности в победе над апартеидом в ЮАР и Родезии.

Танзания как государство появилась в 1964 году, и таким образом не играла никакой роли в деле исключения ЮАР из числа стран-участниц Олимпийских игр в Токио 1964 года. Особого внимания заслуживает позиция Танзании в 1970-х годах. Так, упомянем, что она боролась за исключение Родезии из числа участников Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене (причина – политика сегрегации, проводившаяся администрацией Я.Д. Смита). Хотя Родезия принимала участие в 1964 игр под Юнион Джек, Мексика под давлением исключила Родезию от участия в Олимпиаде. Другие африканские страны присоединился к борьбе Танзании, и тогда Генеральный секретарь ООН вмешался и предупредил правительство ФРГ, что участие Родезии будет признано нарушением резолюции ООН. МОК пересмотрел свою позицию и отказал Родезии в участии в ОИ-1972. Своими успехами в построении коалиций и солидарности с другими народами в организации спортивных бойкотов, Танзания привела к бойкоту африканских стран игр в Монреале в 1976 году в знак протеста против продолжения Новой Зеландии спортивных отношений с режимом апартеида в Южной Африке. Успехи Танзании в использовании спорта в своей внешней политике в отношении Родезии и ЮАР сыграли значительную роль в давлении на режим апартеида и в конечном итоге спорт внёс свою лепту в победе над апартеидом [11; 12, р. 9]. Изоляция из-за апартеида спортивных федераций посредством бойкота и отказ играть против национальных команд в любом виде спорта способствовала сильному символическому осуждению. Наоборот, своего рода наградой ЮАР стало определение этой страны хозяйкой крупных спортивных состязаний после падения апартеида, начиная с чемпионата мира 1995 года по регби и заканчивая чемпионатом мира по футболу в 2010 году [13].

Впрочем, признавая роль Танзании и её союзников в борьбе с апартеидом, отметим, что самыми демонстративными политическими актами, связанными с бойкотами, оказались две летние олимпиады – в 1980 и 1984 гг. В 1980 г. в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан 65 стран, в

том числе США, ФРГ, Канада, Япония, Турция, Румыния и Китай, демонстративно бойкотировали московскую Олимпиаду [14, с. 181].

Решение о бойкоте Игр 1980 г. в Москве, по мнению стратегов Демократической партии, должно было подтвердить решимость 39-го президента США Д. Картера перейти к более жёсткой политике в отношении СССР. Помимо открытого политического противопоставления, данный шаг лишал СССР возможности продемонстрировать своё превосходство над Западом: если главный идеологический и военно-политический конкурент не будет присутствовать на соревнованиях, то пропагандистский эффект Игр резко снизится. В госдепартаменте США был сформирован штаб группы бойкота Олимпиады. Уолтер Мондейл, глава данной структуры, выступая перед Олимпийским комитетом США, призывал голосовать за бойкот, мотивируя решение тем, что речь шла – ни много, ни мало – о будущей безопасности цивилизованного мира. Решение о бойкоте было принято, и позже к акции присоединились 63 страны [15, с. 31].

Отметим также, что частично бойкот поддержал и ряд других государств. Свидетельством тому стало то обстоятельство, что на церемониях открытия и закрытия Игр многие команды, выступавшие на соревнованиях, отказались от государственной символики, выступая под флагом МОК. Упомянем также, что за три дня до открытия Олимпиады в Москве спортсмены из 29 стран собрались в Филадельфии для проведения «Олимпийских игр бойкота». В 1984 г. СССР и другие члены Варшавского договора ответили симметричным бойкотом летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе и организовали альтернативные соревнования «Дружба–84» [14, с. 181].

Впрочем, несмотря на существенное значение для спортивного мира (многие выдающиеся атлеты того времени, например, так и не стали олимпийскими чемпионами, хотя объективно могли бы ими стать!), во многом следует согласиться с рядом исследователей, считающих, что «по сути, бойкоты просто не работали» как инструменты холодной войны».

Можно также в этой связи упомянуть и призывы к бойкоту Олимпийских игр 2014 года в Сочи. В качестве аргументов использовались притеснение в Российской Федерации представителей ЛГБТ-сообщества [16, р. 129] и призыв признать территорию проведения олимпиады землёй, где в позапрошлом столетии был осуществлён геноцид черкесского народа [17, с. 34]. Впрочем, как известно, указанные попытки были совершенно безуспешными.

Относительно настоящего момента важно подчеркнуть, что столь значимое не только для развития спорта, но и важное с политической точки зрения решение принято не просто международной неправительственной организацией, но структурой, которая ранее не играла сколь-либо значимой роли в политике. Судя по всему, пример с усилением WADA можно рассматривать как яркое проявление современных международных отношений, для которых характерно усиление роли международных неправительственных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, А.В. Историческая значимость физической культуры и спорта в развитии общества/ А.В. Агеев, Т.И. Прокопенко // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012.–№1. С. 42–45.
2. Бастраков, К.С. Участие российских спортсменов в Олимпийских играх 2018 г.: Политический аспект / К.С. Бастраков, Н.Н. Устюхова, Г.А. Тимофеев // Власть. – 2018. –Т. 26. №6. С. 176–178.
3. Ищенко, В.В. Олимпиада 1936 г. в Берлине: Борьба за проведение и поиск альтернатив / В.В. Ищенко, И.А. Альтман, Л.С. Белоусов, К. Винклер, Н.Л. Пешин // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018.– №7(71). С. 18.
4. Куприянова, Е. Олимпийские игры и политика. Бойкот Олимпиады как средство международной политической борьбы / Е. Куприянова // Проблемы безопасности в XXI веке и роль СМИ Материалы XI научно-практической конференции студентов и преподавателей, посвященной 50-летию РУДН / Под ред. В.В. Барабаша. – М., 2010.– С. 117–129.
5. Марголис, Н.Ю. Особенности современной либертарной критики феномена «большого спорта» / Н.Ю. Марголис, Е.А. Пахомова, М.И. Федотова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии – 2014. –№2. С. 60–65.
6. Веселова, А.С. Феномен выхода из азиатских спортивных организаций: Спортивный и неспортивный аспект / А.С. Веселова, М.Е. Репина, А.А. Фоменков // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики сборник статей / Под ред. Корнилова А.А. – Нижний-Новгород, 2016.– С. 157–161.
7. Алексеев, К.А. «Каждый рабочий спортсмен - солдат революции»: Пропаганда идей Красного Спортинтерна в журнале «Пролетарский спорт»/ К.А. Алексеев // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. / Отв. ред. В.В. Васильева. – СПб., 2019.– С. 289–290.
8. Боголюбова, Н.М.Красный Спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии/ Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012.–№2. С. 107–114.
9. Хорошева, А. «Пролетарская» Спартакиада 1928 года и «буржуазное» олимпийское движение / А. Хорошева // Свободная мысль. – 2018.– №2(1668). С. 5–22.
10. Хорошева, А.В. Деятельность Красного Спортивного Интернационала в конце 1920-х - начале 1930-х гг / А.В. Хорошева // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – №5. С. 86–105.

11. Lavery, A. Sports Diplomacy and Apartheid SouthAfrica / A. Lavery [Электронныйресурс] – URL: <http://theafricanfile.com/politicshistory/sports-diplomacy-and-apartheid-south-africa/> Дата обращения: 03.10.2019.
12. Mahoney, A. Onward to the Olympics: Historical Perspectives on the Olympic Games. Gerald P. Schaus and Steven R. Wenn, editors. Wilfrid Laurier University Press, 2007. ISBN 978-0-88920-505-5. Pp. Xxviii + 376 / A. Mahoney // Electronic antiquity: communicating the classics, 2008.– Vol. XI, N. 2. pp. 7–16.
13. Nauright, J. South Africa and the Global Game: Football Apartheid and Beyond / J. Nauright // International journal of the history of sport, 2012.–Vol. 29. N. 6. P. 946–947.
14. Мартыненко, С.Е. Диалектическая взаимосвязь спорта и политики и её проявление в средствах массовой коммуникации / С.Е. Мартыненко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2014.–№5. С. 179–186.
15. Воинов, Д.Е. Типологизация влияния политики на современные олимпийские игры / Д.Е. Воинов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. –Т. XVI. №5(70). С. 21–38.
16. Van Rheenena, D. A skunk at the garden party: the Sochi Olympics, state-sponsored homophobia and prospects for human rights through mega sporting events / D. Van Rheenena // Journal of Sport & Tourism, 2014.–Vol. 8. pp. 127–144.
17. Дзидзоев, В.Д. Что такое геноцид, или амнезия по-грузински / В.Д. Дзидзоев, Р.М. Никаев// Вестник Владикавказского научного центра. – 2011.– Т. 11. №4. С. 33–39.

Н.В. Гришин

д.полит.н., профессор СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ПО
ВОПРОСАМ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ***

Аннотация: Статья направлена на выявление позиции международного сообщества по вопросам конституционного регулирования избирательных систем на основе анализа существующих международных рекомендательных документов. Проведенный анализ позволяет судить о степени признания международным сообществом института конституционализации избирательной системы. Рассмотренные документы направлены на разработку критериев, в соответствии с которыми часть электоральных норм должна быть закреплена на уровне конституций.

Ключевые слова: Международные организации, глобальное управление, электоральная политика, избирательное законодательство.

N.V. Grishin

Doctor of Political Sciences, Professor,

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

**INTERNATIONAL RECOMMENDATIONS ON FRAMEWORK FOR
THE ELECTORAL SYSTEM**

Abstract: The article aims to identify the position of the international community on the constitutional regulation of electoral systems based on an analysis of existing international recommendations. The analysis allows us to judge the degree of recognition by the international community of the institution of constitutionalization of the electoral system. The documents considered are aimed at developing criteria in accordance with which part of the electoral norms should be fixed at the level of constitutions.

Keywords: International organizations, global governance, electoral politics, electoral law.

Международные организации активно участвуют в разработке правил в сфере избирательного процесса с середины XX века [1; 2]. Предметом этих правил, известных как международные избирательные стандарты, является содержательная сторона электоральных норм, например, всеобщее избирательное право, права кандидатов и т. д.

В начале XX века международные организации впервые публикуют

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484.

рекомендательные акты, предметом регулирования которых является уже не только содержание электоральных норм на уровне национальных государств, но форма и способ закрепления этих норм. Впервые высказываются рекомендации о том, какие нормы должны быть отнесены к текущему (обычному) законодательству, а какие должны быть зафиксированы в конституции. Сам факт появления рекомендаций такого рода следует расценивать как свидетельство нового этапа в развитии форм воздействия международного сообщества на электоральную политику национальных государств. Обращаясь к этому вопросу, международное сообщество расширяет предел своего воздействия на внутреннюю политику национальных государств.

Целью данной статьи является выявление позиции международного сообщества по вопросам конституционного регулирования избирательных систем на основе анализа существующих международных документов.

Мы рассмотрим 4 документа, представленные разными международными организациями:

1. «Свод рекомендуемых правил при проведении выборов» – Венецианская комиссия Совета Европы (2002 г.) [3];

2. «Принципы электорального менеджмента, мониторинга и наблюдения» – Форум избирательных комиссий стран-участниц Сообщества развития Юга Африки (ECF-SADC, 2002 г.) [4];

3. «Международные избирательные стандарты: руководство по пересмотру правовой основы выборов» – Международный институт демократии и содействия выборам и ОБСЕ (International IDEA, OSCE, 2013 г.) [5];

4. «Энциклопедия ACE Project» – онлайн-сообщество ACE Electoral Knowledge Network [6].

Интересно, насколько различаются между собой перечисленные акторы. Первые 3 из 4 относятся к межправительственным организациям. Венецианская комиссия – один из важных акторов современного глобального управления, представляет множество государств, включая Россию. Сообщество развития Юга Африки (SADC) – типичная международная межправительственная организация регионального масштаба (охватывает 17 государств), в ее рамках как самостоятельный актор действует Форум избирательных комиссий (ECF-SADC). Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA) – межправительственная организация, участниками которой в настоящее время являются 33 государства; ориентирована преимущественно на экспертно-аналитическую деятельность.

ACE Electoral Knowledge Network, в отличие от них, является неправительственным актором. Первоначально созданный в 1998 г. как интернет-проект (ACE project), впоследствии он приобрел статус постоянно действующего экспертного онлайн-сообщества [7]. В обеспечении его деятельности принимают участие выше упомянутый Международный институт демократии и содействия выборам, Международный фонд избирательных

систем (IFES), Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН(UNDESA) и т. д.

В ходе исследования был проведен традиционный внутренний анализ перечисленных документов на предмет выявления позиции международного сообщества по вопросу о закреплении элементов избирательной системы на уровне конституции.

Данные документы могут быть отнесены к категории международных рекомендательных актов [8, с. 112], хотя они обладают различным статусом и форматом. Они являются примером «мягкого права» и не предполагают правовых обязательств для государств. Из этой группы документов по статусу выделяется, безусловно, «Свод рекомендуемых правил при проведении выборов» Венецианской комиссии. За этим документом стоит субъект, по своему авторитету и влиянию значительно опережающий остальные. Венецианскую комиссию отличает также активное воздействие непосредственно на национальные государства и последовательное отстаивание в ходе этих контактов своих рекомендаций. Также следует отметить, что «Свод...» - это один из важнейших документов Венецианской комиссии, к тексту которого она обращается регулярно.

Рассмотренные документы (по крайней мере, в тех фрагментах, где речь идет о конституционном регулировании избирательных систем) относятся к типу международных рекомендательных актов, не являющихся модельными [9]: они не содержат типовые правовые решения в виде модельных норм, предлагаемых для применения в национальных государствах, но допускают выбор правовых вариантов решений в процессе национального правотворчества. Таким образом, уже по своему формату эти рекомендации не принадлежат к группе международных актов, оказывающих наиболее сильное влияние на правовую систему национальных государств.

В анализируемых документах вопросу о конституционализации избирательной системы посвящены настолько небольшие фрагменты, что их можно привести целиком.

Документ Венецианской комиссии: «Следует запретить пересматривать основополагающие элементы закона о выборах, в частности, регулирующие саму избирательную систему, состав избирательных комиссий и определение границ избирательных округов, менее чем за год до проведения выборов или же нужно закрепить их в конституции или в документе, имеющем более высокий статус, чем обычный закон» (II, 2).

Документ ECF-SADC: «Конституция любой страны должна ... служить основой для проведения и обеспечения свободных, справедливых, заслуживающих доверия и законных выборов».

Документ Международного института IDEA и ОБСЕ: «Конституция ... должна обеспечить основу для ключевых элементов избирательной системы. Поскольку внесение конституционных поправок часто требует квалифицированного большинства голосов или других сравнительно обременительных процедур, конституционные нормы о выборах должны

содержать только основные избирательные права и основные принципы избирательной системы. К ним относятся:

- право голосовать и быть избранным;
- органы, которые избираются на демократических выборах, и сроки их полномочий;
- состав избираемых органов;
- орган власти или агентство, на которое возложено проведение выборов.

Также может быть целесообразным включить в конституцию сущностные элементы избирательной системы.

Поскольку конституции, как правило, сложны и требуют много времени для внесения поправок, конституционные положения не должны выходить за рамки описания самих основ избирательных прав и избирательной системы».

Документ ACE Electoral Knowledge Network: «некоторые из норм, обычно устанавливаемых конституциями, – это ... основные принципы, регулирующие избирательную систему... существование избирательных органов и электоральных судов, а также процедурные нормы, которым необходимо следовать.

Некоторые основополагающие принципы, которые могут быть включены в конституцию для обеспечения проведения свободных, аутентичных и периодических выборов в каждой стране, могут быть перечислены следующим образом:

- право голоса является универсальным и должно использоваться в свободных, тайных и прямых путь;
- выборы должны быть организованы автономным государственным органом или агентствами;
- выборы должны проводиться легально, независимо, беспристрастно и объективно;
- кандидаты и политические партии должны иметь равный доступ к СМИ;
- каждый избирательный нормативный акт должен быть рассмотрен судом для подтверждения его конституционности и правомерности.

... Создание конституционных трибуналов, специализирующихся на разрешении избирательных споров,... представляется разумным»

Рассматриваемые документы различаются по объему фрагментов, которые посвящены вопросу конституционализации избирательной системы, а также по содержанию рекомендаций.

Наименее содержательным является документ ECF-SADC, наиболее подробными – документы ACE Electoral Knowledge Network и Международного института IDEA и ОБСЕ.

Таблица 1 в систематизированном виде обобщает, какие виды электоральных норм предполагаются к внесению в конституции в соответствии с каждым из 4 рассматриваемых документов.

Табл. 1. Виды электоральных норм, рекомендуемых к закреплению на уровне конституции.

Субъект	Избирательные права	Избирательные органы	Избираемые органы	Электоральная формула	Делимитация округов	Электоральная юстиция
Венецианская комиссия		+		+		+
SADC	+					
International IDEA / OSCE		+	+	+	+	
ACE		+	+			+

Предсказуемо, что к числу электоральных вопросов, которые удостоились наибольшего количества упоминаний в анализируемых текстах, относятся *избирательные права*.

По нашему мнению, во многом неожиданно, что 3 из 4 документа отмечают целесообразность закрепления в конституции норм об *избирательных органах*. С одной стороны, конституционализация избирательных органов получила в современном мире широкое распространение и является свершившимся фактом более, чем в 75% стран мира [10]. Однако, вопрос о статусе электоральной администрации до сих пор относится к числу весьма спорных [11]. Обратим внимание на то, что только документ ACE Electoral Knowledge Network упоминает о принципе «автономности» электоральной администрации. Но речь не идет обязательно о независимой избирательной комиссии: документ содержит также слово «агентство», которому соответствуют автономные избирательные органы в структуре исполнительной ветви власти, существующие в некоторых западноевропейских странах.

Строго говоря, ни один из документов прямо не говорит о целесообразности закрепления на уровне конституции *электоральной формулы* (избирательной системы в узком значении). Однако, по некоторым косвенным формулировкам можно сделать предположение, что некоторые характеристики электоральной формулы допускаются. В документе Венецианской комиссии говорится – «избирательная система сама по себе» (electoral system proper), в документе Международного института IDEA и ОБСЕ – «сущностные элементы избирательной системы» (essential elements of the electoral system). Это недостаточно ясные формулировки, под которыми можно понимать как класс

избирательной системы (например, пропорциональное представительство), так и более конкретные разновидности.

Отдельная область правового регулирования – *делимитация избирательных округов*. В современных странах мира институты, регулирующие определение границ избирательных округов, достигли высокого уровня развития и специализации [12, с. 104]. Из рассмотренных документов только текст Венецианской комиссии весьма осторожно говорит о возможности закрепления норм делимитации округов на уровне конституции.

Вопрос об *избирательных спорах* и механизмах их разрешения оказался почти вне сферы внимания. Только в документе ACE Electoral Knowledge Network признается существование конституционных трибуналов, специализирующихся на разрешении избирательных споров (но здесь не ясно, приветствуется ли включение норм электоральной юстиции в тексты конституции).

В целом можно отметить, что международные акты содержат предельно осторожные рекомендации по вопросу о конституционализации избирательной системы. Трудно согласиться с предположением, что в этих актах содержится намерение развить степень конституционализации избирательных систем. В документе Международного института IDEA и ОБСЕ наоборот – явно присутствует установка сдерживать тенденцию к внесению на уровень конституции чрезмерно широкого круга электоральных норм. Однако, даже в таком предельно смягченном виде мнение международного сообщества вступает в явное противоречие, например, с текстом Конституции РФ, в котором большинство из названных элементов избирательной системы не отражено.

Высказанные в рассмотренных документах рекомендации даже условно не претендуют на статус международных стандартов. Они могут быть классифицированы как диспозитивные нормы, признающие за национальными государствами большую свободу выбора относительно обязательности их соблюдения.

Какой вклад вносят данные документы в развитие института конституционного регулирования избирательных систем? Прежде всего, эти акты позволяют сделать вывод о признании международным сообществом этого института. Это немаловажное обстоятельство, поскольку в экспертном сообществе еще имеют влияние сторонники «классической доктрины» конституционализма, поддерживающие модель «малых» конституций. Тем не менее, рассмотренные документы скорее фиксируют современную ситуацию с конституционным регулированием вопросов избирательного процесса в большинстве стран мира, нежели вносят вклад в ее развитие или изменение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришин, Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 33–47. DOI: 10.31249/poln/2019.01.02
2. Морозова, О.С. Проектирование избирательных систем: возможности избирательной инженерии. – Рязань: РГУ, 2015. – 150 с.
3. Code of Good Practice in Electoral Matters: Guidelines and Explanatory Report, Venice Commission, 2002.
4. Principles for Election Management, Monitoring, and Observation in the SADC Region. Electoral Commission's Forum of SADC Countries, 2002.
5. International Electoral Standards Guidelines for Reviewing the Legal Framework. International IDEA, OSCE. – Stockholm, 2013.
6. The ACE Encyclopedia. ACE Electoral Knowledge Network. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://aceproject.org/ace-en> Дата обращения: 07.04.2020.
7. Линдерс, А.М.Р. Международные отношения и технологическая обусловленность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – №1. – С. 96-104.
8. Бризкун, К.А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство // Журнал российского права. – 2010. – №8. – С.111-119.
9. Линдерс, А.М.Р. Квант оцифровки производства // Экономические стратегии. – 2019. – №1 – С. 70-77.
10. Chernykh, S. et al. Constitutions and Election Management // Advancing Electoral Integrity (ed. by P. Norris, R. Frank, F. Martinez I Coma). –New York: Oxford University Press, 2014.
11. Гришин, Н.В. История возникновения избирательных комиссий // Полития. – 2018. – №2. – С. 156-169. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-156-169.
12. Гришин, Н.В. Комиссии по делимитации избирательных округов: становление и перспективы политического института // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 100-114. doi.org/10.17976/jpps/2018.04.08

УДК 323.2

С.М. Губаненкова

к.филос.н., доцент Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, г. Орлов, Россия

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы эффективности обратной связи в современных медиа в условиях политико-коммуникативного взаимодействия между властью и обществом.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, обратная связь, эффективность, диалог, новые социальные медиа.

С.М. Gubanenkova

PhD in Philosophical sciences, Docent, Oryol State I.S. University Turgenev, Orlov, Russia

FEEDBACK PROBLEM IN THE POLITICAL AND COMMUNICATIVE SPACE OF MODERN SOCIAL MEDIA

Abstract: The article discusses the effectiveness of feedback in modern media in the context of political and communicative interaction between government and society.

Keywords: Political communication, feedback, efficiency, dialogue, new social media.

Коммуникация является неотъемлемой частью общественной жизни и инструментом воздействия на политическое сознание и поведение людей. Об этом, в частности, довольно чётко высказывались мыслители Античности Платон и Аристотель, которые характеризовали политику как систему общения между гражданами государства для их общего блага. Коммуникационная сущность политики развивалась в идеях представителей Рима, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени.

XX век, особенно его вторую половину, связанную с информационной революцией, можно рассматривать как новый этап в развитии политико-коммуникативного процесса. Его ранние этапы связаны с именами У. Липмана, У. Джеймса, Г. Уоллеса, Э. Бернейса и др., обративших внимание на особенности подачи и восприятия информации, а также роль СМИ в этом процессе. Развивая эти идеи, внёс свой вклад в развитие политических коммуникаций Г. Лассуэлл, сформулировав ставшей классической структуру

коммуникации, выделив источник (кто?), сообщение (что получает?), средство связи (канал), адресат (кому), эффект (какой результат). Он же предложил определение коммуникации как «целенаправленное воздействие коммуникатора на аудиторию с помощью сообщений, передаваемых техническими средствами» [1].

Основываясь на идеях Г. Лассуэла, К. Шеннон и У. Вивер сформулировали линейную модель коммуникации, уточнённую У. Шраммом, предложившим свой вариант модели, получившей название интеракционной. В ней исследователь обратил внимание на важнейшее свойство социальной коммуникации, о котором в трудах предшественников ничего не упоминалось: интеракцию. Последнее рассматривалось как процесс взаимодействия между отправителем и получателем информации. У. Шрамм заложил основу современного изучения процессов коммуникации как интерактивных.

Конечно, не последнюю роль в этих моделях коммуникации сыграли исследования политических систем Д. Истона, К. Дойча, Г. Алмонда и др., которые изучали функционирование политики и роль коммуникации в политическом пространстве. Так, в модели Д. Истона обратная связь играет особую роль в эффективности политико-коммуникативного взаимодействия, помогая политической системе своевременно реагировать на изменяющуюся социально-политическую ситуацию и адаптироваться в зависимости от поступающей информации и реакции окружающей среды. Использование инструментов обратной связи между политической системой и социумом позволяет осуществлять обмен и сигнализировать об имеющихся проблемах.

Современный исследователь Ф.И. Шарков отмечает, что «включение в структуру социальной системы механизма обратной связи позволяет при проявлении негативных тенденций в ее развитии нейтрализовать факторы, вызывающие их. В данной системе обратная связь проявляется как реакция на управленческое действие, которое осуществляет субъект управления, в виде системы информации о состоянии управляемого объекта и его изменении в соответствии с заданной программой» [2, с. 114].

Таким образом, политические системы могут эффективно осуществлять свою деятельность при наличии обратной связи, которая явилась неотъемлемым элементом политико-коммуникативного процесса. Вследствие этого, Р. Ж. Шварценберг определяет политическую коммуникацию как процесс передачи информации в политике, где она распространяется между разными частями политической системы, а также между политической системой и социальной средой. Так же высказывался Л. Пай, отмечая, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элиты к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику» [3, с. 123].

Новый смысл все эти концепции приобретают в связи с трансформацией функций СМИиК, особенно в сфере политики. XXI век характеризуется усиленным использованием Интернета как пространства политической

коммуникации между властью и обществом. В последнее время набирают силу процессы политической коммуникации в т. н. социальных медиа. Общепринятое определение данного понятия в современной науке отсутствует. Тем не менее, социальные медиа можно определить как разновидность массовой коммуникации в сети Интернет, где функционируют различные онлайн-ресурсы, облегчающие создание и функционирование разнообразных сообществ пользователей на основе интерактивности. Выстраивая общение в блогах и группах, пользователи сами создают и распространяют контент. В качестве примеров социальных медиа обычно приводят: Facebook.com; Vkontakte.ru - онлайн-социальные сети; LinkedIn.com (деловая онлайн-социальная сеть); Livejournal.com (блогинг); Twitter.com (микроблогинг); Instagram и др.

Таким образом, в отличие от традиционных СМИиК, носящих однонаправленный характер и пытающихся организовать обратную связь через дополнительные опции, не являющиеся составной частью процесса коммуникации (телефонные опросы, звонки и др.), социальные медиа, имеют возможность оценить эффективность обратной связи в коммуникативном взаимодействии.

Российский исследователь Д.В. Ольшанский определил несколько базовых вопросов, ответы на которые в результате обратной связи должен получить коммуникатор:

- Кто составляет аудиторию (количественный портрет)?
- Какие они, члены аудитории (содержательный портрет)?
- Чего они хотят (специфика запросов и потребностей)?
- Насколько они удовлетворены откликом (степень информационного доверия и довольствия полученной информацией)? [4, с.212].

Несмотря на достоинства социальных медиа в контексте осуществления обратной связи, проблема последней не снимается, особенно в политической коммуникации. Еще относительно недавно политические лидеры осуществляли процесс коммуникации через традиционные СМИиК и игнорировали социальные медиа ресурсы. Например, в период избирательной кампании 2014 г. Г.С. Полтавченко на пост губернатора Санкт-Петербурга у него не было официальных аккаунтов в социальных сетях Facebook и «ВКонтакте», страничка в Twitter систематически не велась и не обновлялась. Его оппоненты по избирательной гонке, в массе своей, также активно не использовали потенциал социальных сетей ни во время избирательной кампании, ни тем более после нее, перенеся работу в привычное русло информирования и агитации граждан через сайты кандидатов [5, с. 95]. Подобная ситуация наблюдалась и у других политических деятелей разного уровня от местного до федерального. Официальных аккаунтов в социальных сетях либо не существовало, либо они были зарегистрированы, но, не обновлялись длительный период времени.

В то же время, мобилизационный потенциал социальных сетей показывает свою эффективность в политическом процессе. Неожиданной для

многих победой Д. Трамп, в ходе выборов в США в 2016 году, обязан активному использованию новых социальных медиа - Facebook, Twitter, Instagram, где у него есть официальные аккаунты. Через них 45-й Президент США общается с народом, комментирует новости, раздает указы и распоряжения подчиненным. Также активно осуществляет политическую коммуникацию через социальные сети канадский политик, премьер-министр Канады Дж. Трюдо. Все они имеют многомиллионную аудиторию подписчиков и довольно длительный период интерактивного общения (дата регистрации аккаунта Дж. Трюдо 2008 г., Д. Трампа – 2009 г.), отвечая на «твиты» пользователей. Для сравнения официальная страничка канцлера ФРГ А. Меркель зарегистрирована в 2014 г. и имеет примерно 61 тыс. читателей, и с точки зрения политической коммуникации и обратной связи используется достаточно редко. В РФ относительно недавно, но довольно активно процесс коммуникации в социальных сетях выстраивают такие официальные представители государства как М. Захарова – Директор Департамента информации и печати, Д. Медведев – Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации и др.

В Орловской области инициатором усиления процессов коммуникации в социальных сетях является губернатор А. Клычков, закрепивший 25 марта 2020 г. [6] на своей официальной странице «ВКонтакте» запись, о социальных сетях как действенных механизмах прямого общения граждан с властью для решения возникающих проблем. Более того, по его распоряжению все руководители областных органов власти обязаны были создать свои аккаунты в соцсетях с целью оперативного решения вопросов и обращений граждан по своему профилю. Ниже на страничке приводится список профилей руководителей департаментов в соцсетях, на которые может подписаться любой желающий или написать сообщение. Конечно, сам А. Клычков активно выступает в своих социальных сетях на злободневные темы, просит присылать материалы на актуальные проблемы региона, отслеживает комментарии, отвечает на вопросы и даже способствует решению ряда проблем жителей; мотивирует на подобные процессы политико-коммуникативного взаимодействия своих сотрудников, что позволяет охарактеризовать орловского губернатора как одного из самых информационно открытых среди всех орловских губернаторов, но проблемы активизации диалога между властью и обществом это не снимает. Использование потенциала обратной связи социальных медиа современными политиками в России и за рубежом осуществляется недостаточно активно, либо часто носит формальный характер.

Формализм и отсутствие эффективной обратной связи между структурами государства и гражданского общества часто приводит к использованию социальных медиа в протестных движениях.

Вместе с тем, как отмечалось ранее, структура обратной связи предполагает получение нужной коммуникатору информации, в результате которой он может составить количественный и качественный срез аудитории, проанализировать специфику интересов и степень удовлетворенности

принимаемыми политическими решениями, их поддержку или наоборот, её отсутствие. При этом, чёткое изложение собственной позиции, как правило, находит гораздо более широкий отклик у пользователей социальных медиа и обеспечивает поддержку коммуникатору, чем, например, традиционные формы сбора подписей в поддержку кандидата в рамках избирательного процесса. Наряду с использованием традиционных СМИиК, мониторинг социальных медиа и механизма обратной связи может способствовать активизации диалога между властью и обществом, развитию структур гражданского общества, их открытости не только в период избирательных кампаний, но и в среде текущих политических кампаний и процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цит. по Терин, В.П. Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. – М., 1999.
2. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. – М., 2002.
3. Цит. по Грачев, М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. – М., 1999.
4. См. Евгеньева, Т.В., Селезнева, А.В. Психология массовой политической коммуникации. – М.: Издательство Московского университета, 2013.
5. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: колл. монография / науч.ред. В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
6. Официальная страница губернатора Орловской области А. Клычкова «ВКонтакте» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/klychkov_andrey_official Дата обращения: 05.04.2020.

УДК 323.2

А.С. Зуйкина

к.пол.н., доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия

В.Л. Никитина

выпускник магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление» Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Аннотация: Статья посвящена выявлению роли института публичных слушаний в вопросах, связанных с укрупнением (объединением) муниципальных образований в отдельно взятом субъекте РФ.

Ключевые слова: Публичные слушания; народовластие; органы местного самоуправления; муниципальные правовые акты; муниципальные образования.

A.S. Zuikina

PhD in Political sciences, Docent, Perm National Research Polytechnic University, Permian, Russia

V.L. Nikitina

Master of Political Sciences, Perm National Research Polytechnic University, Permian, Russia

ROLE OF THE INSTITUTE OF PUBLIC HEARINGS IN THE PROCESS OF TERRITORIAL TRANSFORMATIONS OF MUNICIPALITIES IN THE PERM KRAI

Abstract: The article is devoted to identifying the role of the Institute of public hearings in issues related to the consolidation (unification) of municipalities in a single subject of the Russian Federation.

Keywords: public hearings, democracy, local government bodies, municipal legal acts, municipalities.

Институт публичных слушаний представляет собой правовую форму непосредственной демократии, обеспечивающую участие населения в управлении государственными делами в виде публичного обсуждения проектов правовых актов и иных общественно значимых вопросов в порядке установленной процедуры с непосредственным и обязательным участием населения и представителей органов власти, в результате которого

принимаются решения, имеющие рекомендательный характер.

Целью настоящего исследования является выявление роли института публичных слушаний в вопросах, связанных с укрупнением (объединением) муниципальных образований Пермского края. Проблема исследования заключается в том, что институт публичных слушаний на текущем этапе нуждается в совершенствовании. Наблюдается низкая активность населения на большинстве проводимых публичных слушаний, принимаемые решения носят рекомендательный характер, но к ним зачастую не прислушиваются. Модернизация формы проведения публичных слушаний позволит увеличить активность населения, что автоматически повысит значимость выносимых в ходе публичных слушаний рекомендаций. Эмпирическую базу исследования составили как федеральные (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Градостроительный кодекс Российской Федерации и другие), так и муниципальные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок организации и проведения публичных слушаний (решения органов МСУ по вопросам организации публичных слушаний, а также протоколы и заключения, составленные по итогам публичных слушаний). Кроме того, авторами проведен анализ статистики материалов региональных и местных СМИ, раскрывающих количество и характер проведенных в муниципальных образованиях Пермского края публичных слушаний. Посредством применения метода опроса приведены рекомендации по повышению значимости института публичных слушаний на местном уровне власти.

Федеральный закон №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее ФЗ № 131), определивший универсальные для всей страны принципы территориальной организации местного самоуправления, полностью вступил в силу на территории РФ 1 января 2009г. До 2009 г. со дня обнародования Закона действовал переходный период. По данным экспертов Фонда «Институт экономики города», только 49 субъектов РФ в 2007 г. полностью запустили муниципальную реформу на своей территории[1, с. 110]. В их числе оказался и Пермский край. Депутаты поддержали инициативу исполнительной власти о досрочном проведении муниципальной реформы на территории региона.

До реформы МСУ и объединения двух субъектов РФ в состав Пермской области входило всего 48 муниципальных образований (далее МО), в Коми-Пермяцкий автономный округ – 7. В результате реформы в 2005г. на территории Пермской области было образовано 281 МО, еще 30 – на территории бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа. Таким образом, количество МО в Пермском крае после реформы увеличилось в 8 раз. На территории «объединенного» Пермского края на начало 2018 года насчитывалось 337 МО, в том числе 8 городских округов (Пермь, Березники, Соликамск, Кунгур, Кудымкар, Лысьва, Губаха и ЗАТО Звездный), 40 муниципальных районов, 29 городских и 260 сельских поселений. Однако за

последние два года административная карта муниципалитетов стала напоминать схему территориальной организации МСУ, существовавшую в Прикамье в начале 2000-х гг.

Попытки объединения МО предпринимались в регионе и ранее. Местные власти следовали двумя путями: 1) через преобразование МР в ГО (попытки остановить межэлитные конфликты районных и поселенческих властей); 2) через объединение поселений (в связи с дефицитом бюджета, «кадровым голодом», неэффективным расходованием бюджетных средств на управленческий аппарат, малочисленностью населения).

С начала 2018 года в Пермском крае развернуты процессы, связанные с укрупнением муниципальных образований. Так, ещё в 2017 году исполняющий обязанности губернатора Пермского края М.Г. Решетников отметил, что «в случае его победы в регионе будет актуализирован вопрос укрупнения муниципальных образований» [2, с. 104]. В 2018 году процесс укрупнения охватил 27,5 % районов Пермского края, т.е. 11 из 40. В шести из них преобразование уже закреплено региональным законом.

Гремячинский, Кизеловский, Краснокамский, Чайковский, Горнозаводский, Оханский районы первыми преобразованы в городские округа. Параллельно в регионе протекали объединительные процессы муниципалитетов второго уровня. В конце марта на публичных слушаниях жители семи поселений Соликамского района поддержали присоединение к расположенному рядом ГО Соликамску, что впоследствии отразили решения Советов депутатов поселений, районного Земского собрания и подытожило решение регионального Законодательного собрания. В мае краевой парламент принял аналогичный закон о преобразовании поселений, входящих в состав Усольского района, путем объединения с городским округом Березники.

В первой половине 2019 года вопрос укрупнения муниципальных образований был поднят ещё в 13 муниципальных образованиях. В феврале 2019 г. произошли укрупнения в Верещагинском, Осинском, Суксунском и Чернушинском районах. В марте тренд распространился на Добрянский, Ильинский, Красновишерский, Октябрьский, Очерский, Чердынский, Чусовской районы. В апреле законом Пермского края утверждено создание Нытвенского городского района.

Изменения ФЗ №131 от 1 мая, посредством которых введен новый вид МО – муниципальный округ, позволили продолжить региональную политику укрупнения. Уже 27 мая решением Законодательного собрания Пермского края созданы Ординский, Березовский, Александровский муниципальные округа. В июне завершилось преобразование шести районов бывшего Коми-Пермяцкого округа и Уинского района. В конце года под объединение «попали» Кишертский, Бардымский, Еловский, Куединский и Сивинский районы. Таким образом, на сегодня административно-территориальное деление МСУ, закрепленное реформой МСУ в 2003 году, сохранено только в трех территориях Прикамья – Пермском, Кунгурском и Большесосновском районах.

Изменения территориальной организации МСУ в Пермском крае в период с начала реализации реформы и до конца 2019 года отражены на рисунке 1.

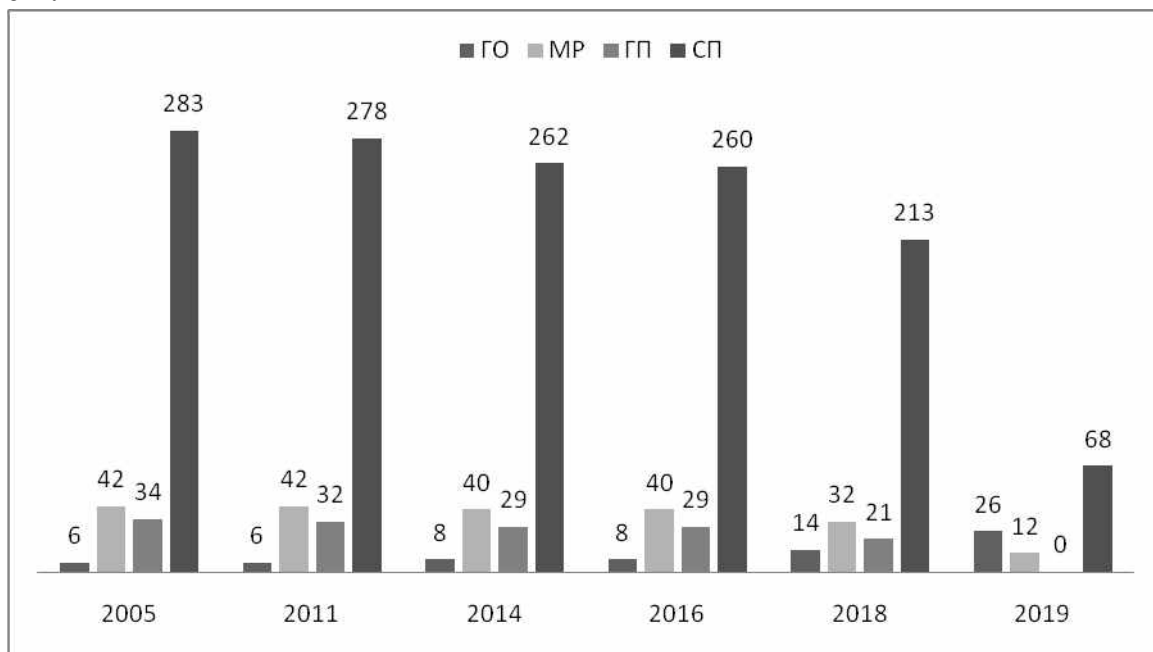

Рис. 1 Динамика количества муниципальных образований Пермского края в 2005-2019гг.

Проведенный автором анализ данных по организации и проведению публичных слушаний по вопросам преобразования муниципалитетов в Пермском крае позволил объединить территории в три группы: в первую группу вошли МО, в которых активность жителей на публичных слушаниях не отмечалась; вторую группу составили территории, где жители активно заявили о своей позиции, противодействуя замыслам региональных и местных властей; наконец, в третьей группе муниципалитетов мнение активной части населения, негативно воспринявшего преобразование, в итоге было поддержано местными депутатами.

Последняя группа по составу оказалась наименьшей, случаи подобной расстановки сил на территории Пермского края единичны. Так, в декабре 2017 года в недрах краевой власти зародилась идея присоединения 19 сельских поселений Кунгурского района (от 1 тысячи до 3 тысяч жителей в каждом) к городскому округу Кунгур. В январе 2018 года во всех 19 поселениях состоялись публичные слушания. Следует отметить, что в отличие от многих других муниципалитетов публичные слушания в Кунгурском районе привлекли большое внимание со стороны местных жителей (от 200 до 300 пришедших на слушания жителей). Население высказалось против данного объединения. В итоге представительные органы власти всех 19 поселений района отклонили проект объединения[2, с. 105].

Твердость в отстаивании консолидированной позиции в ходе рассмотрения вопроса о преобразовании в Гайнском районе проявили жители и

депутаты Иванчинского сельского поселения. На публичных слушаниях жители поселка и представители властей акцентировали внимание на произошедших ранее сокращениях в управленческом штате и перенаправлении бюджетных средств на решение проблем в территории (жилищно-коммунальное хозяйство, ремонт жилья и дорог, освещение улиц). Депутаты Иванчинского поселения отклонили проект преобразования. Приведем несколько случаев из обозначенной выше второй группы МО Пермского края, где публичные слушания также отличались негативной позицией жителей, но местные власти действовали сообразно собственному мнению и идеологии регионалов. Так, решения представительных органов поселений становились объектом критики со стороны группы гражданских активистов в поселениях Оханского (Таборское сельское поселение), Верещагинского (Зюкайское сельское поселение), Добрянского (Полазненское сельское поселение) районов. Траектории сопротивления жителей в данных случаях были схожи: артикуляция оппозиционного настроения на публичных слушаниях; сбор подписей против ликвидации поселения (1,5 тысячи в первом случае; 5,5 тысяч – во втором); озвучивание парламентариям обнаруженных в организации проведения публичных слушаний нарушений и проблемы противоречивости положительного решения муниципальных советов и результатов слушаний, на которых большинство высказывалось против; обращение в суд о признании неправомерными решений представительных органов поселений.

В первой группе МО жители, как правило, вели себя пассивно, выказывая патерналистское отношение к власти (Гремячинский, Кизеловский районы). В таких территориях публичные слушания посещали малое число жителей (30-50 человек). Впрочем, анализ информации с интернет-форумов свидетельствует о наличии и иной проблемы, связанной с качеством организации слушаний: «говорят, что уже были слушания, и еще будут, при этом никто из знакомых не может подробно объяснить, что происходит»; «а анонса слушаний не было»; «а почему горожан не спросили, что-то я по поводу публичных слушаний в городе не слышал или нас не надо спрашивать? Я, например, против!»[3].

В процессе исследования посредством применения метода опроса выявлено отношение жителей к институту публичных слушаний и результатам преобразования муниципального района в городской округ. Опрос осуществлялся в сентябре 2019 г. на территории Краснокамского городского округа методом случайной выборки. Респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты. Было опрошено 100 человек.

Одной из причин неучастия граждан в публичных слушаниях является элементарное незнание об их проведении. Как показали результаты проведенного опроса, более 40 % респондентов дают отрицательный ответ на вопрос «Вы знали о проведении публичных слушаний по вопросу преобразования Вашего населенного пункта?».

Таким образом, следует уделить внимание повышению информированности жителей территории о проведении публичных слушаний.

Население пенсионного возраста может не пользоваться интернетом и не иметь сотового телефона. Для того, чтобы их права не были ущемлены, следует привлекать к сотрудничеству территориальные органы ПФР и социальной защиты. На информационных стендах и стойках, расположенных в их помещениях, следует размещать по договоренности с руководителями территориальных органов ПФР и социальной защиты, информационные материалы о проведении публичных слушаний.

Кроме того, важным каналом информирования населения может стать ТОС. Возможности ТОСов также могут быть использованы для доведения информации до жителей определенных территорий. Информационные листовки могут размещаться в лифтах или на стендах в подъездах жилых домов. В малочисленных населенных пунктах информация может размещаться не только в здании его администрации, но и на информационных досках около магазинов.

Одним из эффективных каналов распространения информации о публичных слушаниях является сеть Интернет. Однако, далеко не все муниципальные образования имеют собственные сайты. Кроме того, посещаемость страниц органов власти не высока. Гораздо большее количество жителей посещает новостные сайты или состоит в группах своих поселений в социальных сетях. Наибольшей популярностью пользуется социальная сеть «ВКонтакте». В настоящее время жителями муниципальных образований в сети «ВКонтакте» создаются группы «Подслушано Соликамск», «Подслушано Кунгур», «Подслушано Краснокамск» и т.д. В частности в группе «Подслушано Краснокамск» около 22 тыс. участников, тогда, как численность жителей города в 2019 г. составляет 53,2 тыс.

В связи с этим рекомендуется размещать информацию не только на официальном сайте органов власти, но и в группах в социальных сетях муниципальных образований. Таким образом, многоканальное распространение информации о проведении публичных слушаний, а также об источниках получения дополнительной информации, позволит повысить доступность данного института для различных групп граждан.

Согласно результатам проведённого опроса, около половины респондентов, знающих о проведении слушаний, указали, что не могли присутствовать на публичных слушаниях, потому что находились на работе. Соответственно необходимо сделать более доступным участие в публичных слушаниях. Для решения данной проблемы рекомендуется внести дополнение в Положения муниципальных образований по вопросу проведения публичных слушаний относительно территориальных преобразований, касающееся назначения их проведения после 19 часов, если выбирается рабочий день.

Следующей рекомендацией авторов является организация интернет-опроса, который будет проводиться параллельно публичным слушаниям. Гражданам будет предложено ответить на те же основные вопросы, которые вынесены на публичные слушания. С окончанием публичных слушаний интернет-опрос также будет прекращен. Жители муниципальных образований

должны быть оповещены о проведении опроса в интернете не менее чем за 10 дней. Информация может быть размещена не только на официальном сайте муниципального образования, но и в сообществах в социальных сетях, таких как «Подслушано ...» и т.п. Кроме этого, в качестве площадки для информирования могут быть страницы руководителей органов власти в сети «Инстаграм». Опрос может быть запущен на официальном сайте муниципального образования. Отметим, участники публичных слушаний должны отвечать определенным требованиям, то для соблюдения данных требований участниками опроса, целесообразно проводить голосование через сайт Госуслуг. В качестве мер безопасности можно принять стандартную авторизацию пользователя через сайт Госуслуг. Регистрация на Госуслугах требует не только заполнения личных данных (в том числе паспортных, страховых и иных), но и подтверждения личности, например, в ФМС. Потому учёт мнения лиц, прошедших регистрацию на Госуслугах, будет обоснованным. Это будет мнение именно граждан МО, а не сторонних лиц.

Итоги интернет-опроса следует зафиксировать протоколом, который составит комиссия, состоящая из сотрудников, ответственных за проведение опроса. Для того чтобы результаты опроса были учтены при принятии решения, необходимо внести в п. 4 ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ норму о проведении интернет-опроса и учете его результатов.

Следовательно, п. 4. ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ будет выглядеть таким образом: «Порядок организации и проведения публичных слушаний и интернет-опроса определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования и должен предусматривать заблаговременное оповещение жителей муниципального образования о времени и месте проведения публичных слушаний и интернет-опроса, заблаговременное ознакомление с проектом муниципального правового акта, другие меры, обеспечивающие участие в публичных слушаниях жителей муниципального образования, опубликование (обнародование) результатов публичных слушаний и интернет-опроса, включая мотивированное обоснование принятых решений». При этом механизм его проведения и определения результатов необходимо закрепить в Положении муниципального образования.

Кроме того, с целью более плодотворной работы представителей органов власти по привлечению населения к участию в публичных слушаниях, автором предлагается внести поправки в статью 13 Федерального Закона № 131-ФЗ в следующей формулировке: «если численность участников, принявших участие в публичных слушаниях, составит менее 100 человек или менее 20 % от граждан, обладающих избирательным правом, в малонаселенных поселениях (численность жителей менее 200 чел.), необходимо признать публичные слушания несостоявшимися и назначить другую дату их проведения в выходной день или в нерабочее время, но не ранее, чем через 2 недели». Так, публичные слушания будут более доступны для населения.

С учетом того, что единственной формой использования результатов публичных слушаний является их опубликование (обнародование), и в законе нет определения понятия «результат публичных слушаний», можно считать, что данный механизм непосредственной демократии представляет собой имитацию участия населения в принятии самостоятельного решения в вопросах местного значения. Население считает результативность публичных слушаний низкой. Распространены следующие мнения: «результативность публичных слушаний нулевая», «сделали вид, что послушали народ, дали выпустить пар, и все на этом закончилось». В связи с этим рекомендуется, чтобы в Положениях МО о порядке проведения публичных слушаний было закреплено требование к содержанию протокола публичных слушаний. В протокол следует включить те предложения, те варианты решения, которые участники слушаний рекомендуют.

Таким образом, по мнению авторов, внедрение данных предложений позволит решить ряд проблем, связанных с участием граждан в публичных слушаниях и реализации ими прав на участие в местном самоуправлении. В результате повышения уровня информированности граждан о проведении слушаний и организации интернет-опроса возрастет количество граждан, которые будут участвовать в публичных слушаниях. А введение критерия минимального количества участников в Федеральном законе № 131-ФЗ позволит повысить значимость и эффективность института публичных слушаний. Трансформация института позволит усилить взаимодействие власти и населения, укрепить доверие жителей к органам МСУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григоров, В.Э. Анализ влияния реформы местного самоуправления и реформы межбюджетных отношений на финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации: аналит. доклад / В.Э. Григоров, Д.В. Жигалов, Л.В. Перцов / под общ.ред. Н.Б. Косаревой, А.С. Пузанова. — М.: Фонд "Институт экономики города", 2009.
2. Зуйкина А.С. Роль населения в процессах территориальных преобразований муниципалитетов (на примере пермского края) // Государство и МСУ, 2018.
3. Форум vsolikamske.ru [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.vsolikamske.ru/forum/obedinenie-raiona-i-goroda.html>. Дата обращения: 07.10.2010.

УДК 323.2

Д.И. Каминченко

к.п.н., старший преподаватель Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

СЕТЕВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: В статье анализируются особенности влияния сетевого общества на действия политических субъектов.

Ключевые слова: Сетевизация, публичная политика, сетевой фронт, политический субъект, ситуативность.

D.I. Kaminchenko

PhD in Political sciences, Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University
N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

NETWORKING OF MODERN SPACE OF PUBLIC POLICY

Abstract: The features of the impact of a network society on the actions of political actors are analyzed in the paper.

Keywords: Networking, public policy, network frontier, political subject, situationality.

Процессы цифровизации оказали существенное воздействие на функционирование различных общественных сфер, в том числе – и политики. В современном обществе происходит сетевизация пространства публичной политики как на акторно-деятельностном уровне, так и в его субъективном поле. Это приводит к изменениям в поведении основных политических акторов, а также – в ценностно-нормативном измерении политической деятельности. В результате, меняются традиционные варианты хода политических процессов и событий, их логика и итоги. На рассмотрение изменений, происходящих на акторно-деятельностном уровне пространства публичной политики и направлена данная работа.

Сетевизация публичной политики отражается в действиях различных политических субъектов. Данный процесс становится одним из факторов, определяющим модели и стратегии поведения политических субъектов, логику политических процессов. Неслучайно в научном сообществе сейчас активно разрабатывается термин «сетевая публичная политика». Сетевая публичная политика представляет собой «одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов

решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику» [1, с. 83]. Публичная политика в Сети, по мнению М.Ю. Павлютенковой, подразумевает «совокупность созданных пользователями средств публичной политики, основанных на применении технологий глобальной сети Интернет — web 2.0 и web 3.0, которые расширяют единое информационно-коммуникационное пространство публичной сферы посредством влияния социальной среды на создание, использование, воспроизводство контента сетевого пространства, влияющего на общество» [2, с. 74].

В сложившихся трактовках сетевой публичной политики особое внимание уделяется действиям политических акторов и используемых ими технологий в публичном поле. При этом различные акторы по-разному вовлечены в процесс использования цифровых технологий. Государственные органы власти применяют современные информационно-коммуникационные технологии как для повышения эффективности внутри- и межструктурного взаимодействия (например, внедряя технологии «электронного правительства»), так и для привлечения общества к участию в обсуждении законопроектов (как один из примеров: «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» [3]). Органы государственной власти также заинтересованы в изучении общественных настроений в современных сетевых социальных медиа, являющихся, как известно, одним из проводников общественного мнения [4, с. 42]. Показательным примером проведения анализа общественных настроений в сетевом коммуникативном пространстве, осуществляемого государством, является система мониторинга текстов, размещенных в современных социальных медиа, «Инцидент». Более того, государства предпринимают меры, направленные на повышение прозрачности выборных процедур, что способствует большей легитимации как самих выборов, так и их результатов (например, онлайн-трансляции с избирательных участков, как это было организовано на выборах Президента РФ в 2018 году). Очевидно, что государство активно использует различные сетевые инструменты для взаимодействия с обществом и решения полифункциональных задач, например: повышение прозрачности выборных процедур, упрощение взаимодействия разных подразделений органов власти друг с другом и с обществом, вовлечение общества в формирование социальных, экономических и политических решений.

Общество также активно использует цифровые инструменты для диалога с властью, причем как те из них, которые создаются непосредственно самой властью (например, Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» [5], Интернет-платформа «Активный гражданин» [6] и др.), так и существующие относительно независимо от того или иного государства (например, онлайн-платформа для петиций «Change.org» [7]). Общество в пространстве сетевой публичной политики представлено как группами (например, сообществами в социальных медиа), так и отдельными гражданами (например, популярными блогерами). Как отмечают ученые, популярные

блогеры сегодня «становятся частью современной политической элиты» [8, с. 180]. Взаимодействие общества в целом в сетевом публичном политическом пространстве с властью и отдельных общественных групп и индивидов между собой во многом сопряжено со стремлением решить конкретные общественно значимые вопросы, что согласуется с идеей о проектной специфике сетевой публичной политики.

Формируя благодаря вовлечению цифровых инструментов пространство сетевой публичной политики, его политические акторы при этом используют и традиционные институты и механизмы для взаимной коммуникации. В результате, сетевое поле является только частью общего пространства современной публичной политики, но, вместе с тем, это поле обладает заметными отличиями от других полей данного пространства. Эти отличия обусловлены в том числе сетевой спецификой используемых инструментов, которая, в свою очередь, способствует распространению свойств гетерархии и децентрализации в общем публичном поле политики. Данные свойства, гармонично сочетаясь с использованием политическими акторами сетевых инструментов, способны при этом препятствовать устойчивому и неизменному функционированию традиционных политических институтов, в ряде случаев способствуя их трансформации.

Таким образом, в пространстве публичной политики сосуществуют как минимум несколько отличных друг от друга сфер, одна из которых складывается на основании взаимодействия политических субъектов, использующих традиционные политические механизмы и институты, а другая – является наглядным отражением цифровизации политики, где зачастую те же политические акторы активно применяют уже сетевые механизмы взаимодействия. Это говорит о существовании между этими полями внутри пространства публичной политики некой подвижной границы. При этом сетевое поле пространства публичной политики устойчиво расширяется благодаря стремительному распространению современных информационно-коммуникационных технологий, а провести точную границу между этими полями становится всё труднее. Подобную границу сетевого и предшествующего ему, более традиционного полей публичной политики иногда обозначают как сетевой фронт. Под сетевым фронтом ученые обычно понимают «подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социальных и культурных практик» [9, с. 86].

Изменения положения сетевого фронта в публичной политике происходит как благодаря использованию различными политическими субъектами сетевых инструментов коммуникации, так и сущностным преобразованиями традиционных политических институтов, возникновением их сетевых модификаций. Одним из примеров здесь служит появление политическими партиями сетевого типа. Как отмечают ученые, Интернет в определенной степени трансформирует «организационную структуру партий,

систему координации с другими акторами, партийную повестку дня и т. д.» [10]. В этой связи, неслучайным выглядит появление на современной политической арене сетевых партий, одним из ключевых преимуществ которых выступает «широкая (ограниченная лишь возможностью доступа в Интернет) аудитория» [11, с. 129], а одной из выдвигаемых базовых идей – идея соблюдения принципа прямой демократии.

Если политические партии являются участниками как традиционного, так и сетевого публичного политического пространства, то сетевые Интернет-сообщества выступают важнейшим звеном именно сетевого политического поля. Сетевые сообщества формируют важнейший механизм построения открытого и прозрачного взаимодействия власти и общества в решении общественно значимых вопросов. Они выражают общественные и политические интересы и настроения общества, поэтому неслучайно, что государства заинтересованы в проведении мониторинга используемых в них коммуникативных практик. Власть также вовлекает сетевые сообщества в решение значимых вопросов общественного развития. Сетевые сообщества способны играть важную роль в публичной политике как на федеральном, так и на региональном, и локальном уровнях, например, ученые отмечают, что сетевые сообщества сегодня являются новыми акторами, представляющими собой стратегический ресурс «развития сетевой локальной политики» [12].

Одним из примеров взаимодействия власти и общества при помощи сетевых сообществ является проект «АнтиЯма-НН», реализуемый с 2018 года Администрацией города Нижнего Новгорода. На Интернет-платформе поддержки социальных сетей «ВКонтакте» был создан общественный паблик «АнтиЯма-НН» [13], где жители города могут высказать своё мнение о необходимости проведения ремонта конкретного участка дорожного покрытия в городе (например, прислать фото участка дороги, требующего проведения ремонтных работ). Проект вызвал немалый интерес горожан, став важным каналом обратной связи в ходе взаимодействия власти и общества.

Сетевизация публичной политики проявляется в целом ряде аспектов. Благодаря сетевым инструментам взаимодействия с властью общество активнее подключается к участию в обсуждении и решении значимых для себя вопросов. Это особенно актуально для тех государств и обществ, где традиционные механизмы и институты взаимодействия власти и общества используются гражданами неактивно или совсем не используются. Для сетевой публичной политики характерно не только возрастание общественной активности, но и активное применение сетевых технологий самим государством, причем сетевизация используемых государством механизмов отвечает необходимости решения целого ряда задач: от вовлечения общества в решение значимых для него вопросов до мониторинга общественных настроений.

Сетевое поле публичной политики более динамично, нежели традиционное политическое пространство, что в очередной раз подтверждает существование некой разграничительной символической линии между ними (сетевой фронт). При этом нередко происходят и взаимопроникновения

традиционного и сетевого полей публичной политики. Действия политических субъектов, связанные с использованием традиционных механизмов, мгновенно транслируются в общество благодаря онлайн-технологиям, наталкиваются на быструю реакцию общества и могут резонировать с общественным восприятием этих действий. Подобные резонансы сохраняются в общественном сознании и могут обретать разные культурно-образительные формы, распространяемые в сетевом коммуникативном пространстве. Возникновение таких форм в ряде случаев позволяет выявить и проанализировать сущность, содержание и атрибуты (и/или модусы) сетевого фронта публичной политики.

Изменения сетевого фронта пространства публичной политики (в сторону возрастания именно сетевого поля) заставляет политических субъектов учитывать специфику современного информационного общества при выборе инструментов и механизмов политических действий. Субъекты, не учитывающие эту специфику и выбирающие неэффективные инструменты для взаимодействия с другими политическими акторами, могут столкнуться со снижением уровня своей поддержки в обществе.

Одним из преобладающих признаков сетевой публичной политики является ситуативность, проявляющаяся посредством частых изменений содержания информационной повестки дня, обусловленных характером современного информационного общества. Политическим акторам необходимо учитывать эту ситуативность при выборе моделей для взаимодействия между собой. При этом, в условиях ситуативности политико-коммуникативного пространства выбор политическим субъектом устойчивой стратегии поведения является крайне непростой задачей.

Таким образом, в условиях современного информационного общества происходит сетевизация публичной политики, проявляющаяся в активном использовании различными политическими субъектами сетевых инструментов взаимодействия. Все пространство публичной политики подразделяется на несколько частей с подвижной границей (сетевым фронтом), отделяющей их друг от друга. Сетевизация приводит к существенным изменениям, а в ряде случаев – трансформациям традиционных политических институтов и механизмов. Политическим субъектам, действующим в пространстве современной публичной политики, крайне важно учитывать сетевую специфику данного пространства при выполнении ими различных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017.– № 2.– С. 82–102.
2. Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.– 2015.– № 3.–С. 71–81.

3. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/>. обращения: 04.04.2020.
4. Каминченко, Д.И. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа // Информационное общество. – 2016.– № 2. – С. 39– 42.
5. Российская общественная инициатива. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/>Дата обращения: 04.04.2020.
6. Активный гражданин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ag.mos.ru/home> Дата обращения: 04.04.2020.
7. Онлайн-платформа для петиций Change.org. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.change.org/> Дата обращения: 04.04.2020.
8. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые ресурсы формирования политических элит в условиях новой политической реальности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (41). – С. 176–183.
9. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтير сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. –2016. –Т. 60. – № 2. –С. 83–97.
10. Курочкин А.В., Антонов Г.К. Особенности информационно-коммуникативного пространства политики в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 9–13.
11. Парфенова Ю.В. Сетевые партии как новые акторы публичной политики в условиях кризиса парламентаризма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2015.– Т. 11. – № 2. – С. 124–130.
12. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Ячменник К.В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной россии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – № 1. – С. 150–163.
13. Общественный паблик «АнтиЯма-НН» в «Вконтакте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/antiyamann>. Дата обращения: 04.04.2020.

УДК 323.2

В.М. Капацинская

к.полит.н., директор, Нижегородский институт Международного инновационного университета, г. Нижний Новгород, Россия

О.С. Михеева,

магистрант Нижегородский институт Международного инновационного университета, г. Нижний Новгород, Россия

О.С. Рыбкина,

к.полит.н., доц., Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Нижний Новгород, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ГДЕ НАХОДИТСЯ ГРАНЬ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Аннотация: Статья посвящена пробеле гражданского и политического активизма в современной Российской Федерации. На конкретных примерах определена грань между гражданским и политическим протестом. Сделаны выводы о возможности перерастания гражданского протеста в политический. Определены возможности для превращения гражданского протеста в конструктивный политический активизм.

Ключевые слова: Гражданская активность, политическая сфера, граница, акции протеста, власть, реакция.

V.M. Kapatsinskaya

PhD in Political sciences, Director, Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University, Nizhny Novgorod, Russia

O.S. Mikheeva

Undergraduate, Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University, Nizhny Novgorod, Russia

O.S. Rybkina

PhD in Political sciences, Docent, Nizhny Novgorod Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia

CIVIL AND POLITICAL ACTIVITY: WHERE THE EDGE IS LOCATED. DOMESTIC EXPERIENCE

Abstract: The article is devoted to the problem of civil and political activism in the modern Russian Federation. On concrete examples, the line between civil and political protest is defined. Conclusions are drawn about the possibility of developing a civil protest into a political one. Opportunities for turning civil protest into constructive political activism are identified.

Keywords: Civic activism, political sphere, border, protests, power, reaction.

Высокая гражданская активность населения характерна в первую очередь для государств с развитыми демократическими традициями [1, с. 14]. В государствах с тоталитарным и авторитарным режимом гражданская активность по большей части носит режиссируемый характер и управляется государством. Наоборот – независимая активность подавляется, даже если организаторами и ставится цель поддержать власть (иначе говоря, власть позволяет поддерживать саму себя только после соответствующей команды и никак иначе).

В современной Российской Федерации в последние годы существенно вырос уровень гражданской активности. Это касается деятельности НКО, блогеров и т.п. [2, с. 100; 3, с. 269]. В ряде случаев гражданская активность населения связана и с неоднозначными действиями властей – в первую очередь региональных и местных (к сожалению, местное самоуправление так и не стало САМОуправлением, но воспринимается скорее как часть государственной власти).

Из событий в России, имевших место в 2019 году, с которыми связана гражданская активность населения, заслуживают упоминания, например, борьба против храмовой застройки в Екатеринбурге и перекрытие трассы в Пензенской области в связи с конфликтом в Чемодановке. В обоих случаях имела место конфликтная ситуация. В первом случае горожане были возмущены фактом застройки рекреационной зоны, во втором – бездействием власти в конфликте, которые многими считается межэтническим. В обоих случаях «активность населения носит конфликтный характер, когда власть не выполняет своих функций или функционирует директивно, а порой и с угрозами санкций» [4, с. 183]. Важно также отметить, что «мотивом для первых шагов на пути к организованному протесту часто служит ощущение угрозы, нависшей над социальным благополучием индивида или семьи» [5, с. 187]. Укажем также, что благодаря «новым медиа» информация об обоих конфликтах стала достоянием широкой общественности в рекордно сжатые сроки. Засекретить информацию о произошедшем, как это было раньше, уже невозможно. Такое положение дел связано, конечно, не с полной ликвидацией медиакратии, но с трансформацией таковой.

Никак нельзя не отметить, что в обоих упомянутых нами случаях политические требования практически не озвучивались. В Екатеринбурге, правда, среди протестующих были сторонники внесистемной оппозиции, однако не они составляли большинство. Мало того, существенная часть протестующих однозначно высказалась за аполитичный характер протеста («Мы – за сквер!»). В Чемодановке никакие политические силы – как системные, так и внесистемные – участие в акции не принимали. Имели место попытки «примазаться», однако неудачные и не сыгравшие никакой роли ни в эскалации конфликта, ни в разрешении конфликтной ситуации.

Необходимо подчеркнуть, что в советском прошлом, а именно в период перестройки изначально имели место выступления, которые вполне можно признать акциями протеста, связанные с сугубо неполитическими вопросами. Именно так, например, обстояла ситуация в г. Горьком, где протестовали против сноса памятников архитектуры, строительства Горьковской АСТ и метро на пл. Горького [6, с. 368]. Политические лозунги, направленные против КПСС и советской системы в целом, были подняты уже позже. Впрочем, нельзя не упомянуть при этом, что часть тех активистов, что изначально позиционировали свою деятельность как аполитичную, затем заметно политизировали свою деятельность, включая, разумеется, и акции протеста.

В ряде автономных и союзных республик такое положение дел проявлялось ещё рельефнее. Так, например, старт политической активности в Чечено–Ингушской АССР, приведшей затем к наиболее яркому проявлению сепаратизма в постсоветской России, был связан с протестами экологов против строительства биохимического завода близ г. Гудермес в 1988 году [7, с. 35].

В Азербайджанской ССР изначально большую роль в создании оппозиционного Народного Фронта сыграло общество «Варлыг» («Богатство»), занимавшееся в основном охраной природы и сохранением памятников культуры [8, с. 56]. Другое дело, что по мере углубления противоречий в Азербайджанской ССР часть активистов «Варлыга» стали выступать с политическими лозунгами, в том числе иногда и антисоветскими.

Сходной была ситуация и в соседней с Азербайджаном Арменией. Изначально общественность также ставила сугубо экологические лозунги. Впрочем, уже «...осенью 1987 г. в Ереване под эгидой экологических митингов впервые звучат лозунги о воссоединении НКАО и Армении» [9, с. 151]. В результате вскоре радетели за экологию стали политическими активистами, главный лозунг которых был связан с присоединением Нагорно-Карабахской автономной области к Армянской ССР.

Можно также признать, что и в некоторых других союзных республиках в 1988–1991 годах была если уж не аналогичная, то, как минимум, схожая ситуация с теми, что были описаны нами выше. Впрочем, утверждения, согласно которым именно экологи и борцы за историческое наследие развалили СССР, вряд ли уместно признать верными. Скорее можно утверждать, что власть, игнорировавшая их требования, сама немало содействовала развитию деструктивных процессов в стране.

По нашему мнению, описанная нами выше модель перехода от гражданского активизма, связанного с защитой окружающей среды и исторического наследия, к политической активности, в том числе и весьма радикальной, во многом была возможной именно ввиду неэффективных действий государства, неспособного вовремя пойти навстречу разумным требованиям гражданских активистов и пресечь действия настоящих экстремистов и, что крайне важно, отделить гражданских активистов, нацеленных на диалог с властью, от радикалов, готовых идти на нарушение законов. Время перехода от гражданского активизма к радикальной борьбе с

существующей властью составляет 1–2 года – именно за такой срок проходили эти процессы в СССР в период «Перестройки».

То есть, следует признать, что именно своевременные действия власти могут пресечь перерастания гражданского протеста в протест политический. Действительно, отказ от обязательного строительства храма в сквере у театра драмы в Екатеринбурге существенно снизил градус напряжения в городе-миллионнике и не привёл к росту радикальных оппозиционных настроений в самом большом городе на Урале. Разрешение конфликта в Чемодановке также привело к тому, что ни одна из политических сил в стране не смогла использовать факт межнациональной напряжённости в Пензенской области в целях ослабления позиций власти как в регионе, так и в стране в целом. Кроме того, важно подчеркнуть, что конфликт в Пензенской области не привёл к обострению межэтнических отношений в Российской Федерации. В прошлом, к сожалению, ситуация была иной – напомним, к примеру, о событиях в карельском городе Кондопога в 2006 году [10, с. 44].

Таким образом, грань между гражданским и политическим протестом находится в плоскости выдвигаемых требований и критики существующих порядков и институтов. Между гражданской и политической активностью грань пролегает примерно по тем же основаниям. Важно подчеркнуть при этом два крайне значимых обстоятельства. Первое – существенная часть граждан, включая недовольных и готовых участвовать в акциях гражданского протеста «...не проявляет ... интереса [к политическим партиям, в том числе оппозиционным и внесистемным – авт.], не пытается реализовать с их помощью свои политические права, гражданские свободы» [11, с. 122]. И, второе – именно власть, идя на встречу разумным требованиям протестующих (а часть требований, как показал опыт Екатеринбурга и Чемодановки, вполне может быть признана разумной!), предотвращает перерастание гражданского протеста в политический. Кроме того, это встречное движение власти может привести к тому, что гражданская активность может перерасти в политическую активность, причём конструктивную, а не внесистемную [12, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колобов, О.А. Демократия в меняющемся мире / О.А. Колобов, Д.Г. Балуюев, В.И. Белоус, А.А. Иудин, Д.В. Кабешев, Р.В. Кабешев, М.А. Казаков, М.И. Рыхтик, О.О. Хохлышева. – Н. Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1995. – 150 с.

2. Патрушев, С.В. Гражданская активность и политическое представительство в социуме недоверия: К постановке проблемы / С.В. Патрушев // Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты. – Москва, 2009. – С. 92-103.

3. Радиков, И.В. Активность российского гражданского общества как ресурс политической модернизации / И.В. Радиков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8. № 1. – С. 261 – 272.
4. Дергунова, Н.В. Гражданская и политическая активность населения как фактор реформирования политической системы России (Региональный аспект) / Н.В. Дергунова // Симбирский научный вестник. – 2012. – № 3 (9). – С. 181 – 186.
5. Круглов, М.С. Социально-политические факторы развития гражданской активности в России / М.С. Круглов // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 4. – С. 185 – 190.
6. Пахомова, Е.А. Усиление политической активности в г. Горьком во второй половине 1980-х годов / Е.А. Пахомова, А.А. Фоменков // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность Нижний Новгород, 2017. – С. 366 – 370.
7. Аракелян И.С. Особенности политического и социально-экономического развития Чечено-Ингушской АССР в 1985-1991 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т.6. № 6-1. – С.35 – 37.
8. Латов Ю.В., Алтуфьев Д.Ю. Социально-экономические детерминанты ксенофобии и националистического экстремизма / терроризма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 4 (12). – С. 42-48.
9. Салганова, Е.И. Общественно-политическая активность как фактор гражданского становления молодежи / Е.И. Салганова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 119 –122.
10. Лаврентьев, С.Н. "Гражданская корпорация" как форма политической активности российского общества: Партийный аспект / С.Н. Лаврентьев, Р.Ф. Латыпов // Власть. –2012. – № 12. – С. 4-8.

УДК 323.2

Н.В. Кефнер

к.и.н., доцент кафедры политологии, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

А.В. Моргун

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА
«ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ»:
ПОСЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ**

Аннотация: В статье анализируются основные проблемы, с которыми столкнулись экологические общественные объединения и способы их адаптации к новым правовым условиям деятельности, сформировавшимся после принятия закона «Об иностранных агентах».

Ключевые слова: Закон «об иностранных агентах», экологические некоммерческие организации, гражданское общество.

N.M. Kefner

PhD in historical sciences, Docent, Omsk State University F.M. Dostoevsky,
Omsk, Russia

A.V. Morgun

Student, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

**ENVIRONMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN
FEDERATION UNDER CONDITIONS OF ADOPTION OF THE LAW «ON
FOREIGN AGENTS»:
CONSEQUENCES AND METHODS OF ADAPTATION**

Abstract: The article analyzes the main problems faced by environmental public associations and how to adapt them to the new legal conditions of activity that emerged after the adoption of the law «On Foreign Agents».

Keywords: Law on foreign agents, Environmental ngos, Civil society.

2019 г. маркируется повышением интереса мирового сообщества, особенно молодой его части, к вопросам охраны окружающей среды, в частности, проблемам изменения климата. Именно в этом году появилось новое

международное общественное экологическое движение школьников и студентов «Пятницы ради будущего»⁹ и прошли серии акций по борьбе с последствиями глобального потепления. Мероприятия за реализацию климатических соглашений поддержали и в ряде российских городов. По данным некоторых СМИ и официальных сайтов экологических организаций подобная солидаризация с межгосударственными акциями не прошла без ограничений со стороны российской власти [1]. Отметим, что в целом на фоне повышения активности экологических объединений в мире, проявленного интереса к проблемам природоохранной деятельности со стороны молодого поколения, в России не наблюдается высокого роста подобных гражданских инициатив. По данным опроса ВЦИОМ от 10 января 2019 г. лишь незначительная доля россиян готова участвовать в экологических акциях протеста (5 %) и жертвовать средства на деятельность экологических организаций (3 %) при этом достаточно активно поддерживает другие формы природоохранной деятельности: озеленение и очистка территории (79 %), сортировка бытового мусора (72 %), сдача опасного мусора в специальные приемники (40 %) и т. п. [2] Актуальность обращения к исследованию заявленной темы обусловлена необходимостью выяснения причин достаточно низкого уровня вовлеченности российского общества в решение вопросов защиты окружающей среды. Одной из них видится изменение институциональных условий функционирования некоммерческого сектора, появление ограничительных мер со стороны государственных структур в отношении общественных объединений, в том числе и экологических.

Около восьми лет прошло с момента принятия Федерального закона от 12 июня 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (далее – Закон № 121-ФЗ), который, по сути, представляет собой документ, предусматривающий совокупность поправок в ряд действующих федеральных законов и кодексов¹⁰ [3]. Как отмечает А.И.

⁹ Движение явилось ответом-продолжением деятельности шведской школьницы Греты Тунберг, которая выбрала в качестве борьбы против климатических изменений форму одиночных пикетов у здания шведского парламента с плакатом «Школьная забастовка за климат» (именно так еще называют новое молодежное движение «Пятницы ради будущего»). Попытка привлечь внимание к проблемам глобального потепления в ходе «прогулов» школы по пятницам переросла в более активную общественную деятельность Г. Тунберг. В 2018-2019 гг. шведской школьнице удалось встретиться с общественными и политическими лидерами национального и международного уровня, выступить перед различными аудиториями, в том числе на саммите ООН по климату, перед евродепутатами и т. д.

¹⁰ Перечень документов, в которые вносились поправки: Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ; Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ; Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Уголовный кодекс Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Василенко, «в конце 2012 г. в российской правовой действительности появилось новое понятие – "некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента"» [4, с. 45]. В публичной сфере данная поправка получила название: закон «Об иностранных агентах». Российские общественные объединения, занимающиеся политической деятельностью и получающие финансирование из иностранных источников, наделялись статусом «иноагента» и сопутствующими ему обязанностями. По оценкам различных экспертов подобные шаги со стороны органов государственной власти можно рассматривать как их наступление на общественных сектор.

В конце 2019 г. список «иностранцев» пополнился в связи с принятием нового Федерального закона от 02 декабря 2019 г. № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (далее – Закон № 426-ФЗ)¹¹ [5]. «На СМИ–иноагентов распространяются те же требования, что и на некоммерческие организации (НКО) – иностранные агенты» [6]. Безусловно, это было негативно воспринято представителями общественности [7].

Последствия нового законодательного акта еще предстоит оценить. Целью же данной статьи является выявление проблем и способов их преодоления экологическими некоммерческими организациями в условиях принятия так называемого закона «Об иностранных агентах».

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» был направлен на урегулирование деятельности российских НКО, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников, участвующих в политической деятельности. Согласно ему, подобные общественные объединения (кроме политических партий) должны самостоятельно регистрироваться в реестре Министерства юстиции РФ в качестве «иностранцев» и обязаны выполнять ряд требований в связи с присвоением этого статуса. НКО, выполняющие функции иностранного агента, вынуждены осуществлять усложненные варианты отчетности (о своей деятельности, по персональному составу руководящих органов, бухгалтерской (финансовой)), обязательную процедуру аудита и маркировку своих публикаций (печатных, электронных) – «изданы и (или)

¹¹ Первый закон, введивший понятие «средства массовой информации, выполняющие функции иностранных агентов» появился еще в конце 2017 г. Также как и ФЗ № 121 он получил неформальное название Закон о «СМИ-иноагентах». Отметим, что, несмотря на отрицательное заключение Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, глава государства его подписал. На тот момент представители власти указывали на «зеркальный» характер законодательных мер, вызванных подобными же мероприятиями правительства США в отношении российских СМИ. Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» от 02 декабря 2019 г. № 426-ФЗ, по аналогии с Федеральным законом № 121, вносит поправки в указанные в названии Федеральные законы и ряд кодексов. Поправка 2019 г. позволила статусом «иностранец» наделять и физических лиц.

распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента». В противном случае государство предусмотрело ряд санкций (штрафы для организации и персонально, принудительные работы до трех лет, лишение свободы до трех лет) [3].

4 июня 2014 г. были приняты очередные поправки, отраженные в Федеральном законе «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях"» (далее – Закон № 147-ФЗ), которые предусматривали усиление полномочий Министерства юстиции в отношении НКО. Минюстом было получено право принудительного включения некоммерческих организаций в реестр «иностранцев», и оно развернуло активную кампанию, реализуя свое право [8].

Нельзя однозначно назвать причину появления Законов № 121-ФЗ, № 147-ФЗ но, на наш взгляд, законодательные инициативы власти были обусловлены общественно-политической ситуацией в России конца 2011 г. – начала 2012 г. и событиями 2014 г. Законодательные акты можно рассматривать как ответ на протестную волну и попытку ограничения вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику России. Подтверждение этому находим в заявлениях на самом высоком уровне: например, в ходе «прямой линии с президентом» в 2016 г. В.В. Путин отметил, что НКО, финансируемые транснациональными корпорациями, могут представлять настоящую угрозу жизнеобеспечивающим секторам национальной безопасности. Своей работой они могут дискредитировать властные институты, формируя и направляя протестную активность в оппозиционное русло [9].

Говоря о последствиях указанных поправок, отметим, что в настоящее время в реестре НКО, выполняющих функции иностранного агента, числится три экологических общественных объединения: Калининградская региональная общественная организация «Экозащита!-Женсовет», Фонд содействия устойчивому развитию «Серебряная тайга», Автономная некоммерческая организация информационных и правовых услуг «Гражданская инициатива против экологической преступности». По данным архива сайта Министерства юстиции из всех экологических организаций, внесенных с 2012 г. по настоящее время в реестр одна половина из них была ликвидирована (большинство по своей воле), другая половина осуществила перерегистрацию, отказавшись от иностранного финансирования [10]. Примеры экологических НКО – «Зеленый Мир» и «Экозащита!-Женсовет» являются показательными в своем роде. Это были одни из крупнейших экологических организаций, действующих преимущественно в сфере атомной и ядерной энергетики. Долгое время они успешно проходили плановые проверки, несмотря на факт иностранного финансирования и активной деятельности в публично-правовом пространстве по защите окружающей среды. После того, как они выступили против построения сооружений, связанных с ядерной энергетикой, в отношении этих организаций стали осуществляться внеплановые проверки на выявление признаков некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного

агента. У эко-НКО «Зеленый Мир» их было пять, каждая из них совпадала по времени с общественными обсуждениями строительства ядерного могильника [11]. Пятая проверка, инициированная жалобой гражданина г. Екатеринбурга, оказалась результативной. В обоих случаях фигурировала Государственная корпорация «Росатом», имевшая с каждым из регионов крупные госконтракты и договоренности с местными властями на реализацию проектов.

Динамика появления и исчезновения НКО, задействованных в сфере защиты окружающей среды и животных, наиболее красноречиво свидетельствует о негативном влиянии закона «Об иностранных агентах». Периоды внесения поправок, направленных на осуществление контроля за деятельностью некоммерческих организаций, финансируемых из иностранных источников и преследующих при этом политические цели, совпадают с резким снижением количества действующих эко-НКО, отраженным в инфографике (Рис. 1).

Рис.1. Количество действующих экологических НКО в период с 2011-2018 гг. Составлено авторами по данным Официального сайта Федеральной службы государственной статистики [12].

В 2012 и 2014, 2015 гг. произошло наиболее существенное сокращение экологических общественных организаций. В год появления в российской правовой практике нового понятия «некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента», количество природоохранных организаций уменьшилось более чем в два раза. Безусловно, подобные изменения численности объединений связаны с мерами государства в отношении третьего сектора. Характеризуя в начале 2017 г. портрет социально ориентированных НКО (СО НКО) в России, заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Г.Н. Карелова отмечала в целом при их

росте (2015, 2016 гг.) сокращение защитников окружающей среды на 10%. Что подтвердила и Е.А. Тополева-Солдунова (председатель комиссии по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО Общественной палаты РФ), обозначив основной причиной снижения количества экологических некоммерческих организаций – недостаточность финансирования: «...Это не приоритетное направление для господдержки. Раньше хорошей опорой для этой сферы были международные фонды. Российской замены им пока нет» [13]. Подобные данные отражены и в исследовании благотворительного фонда «Нужна помощь» [14]. Положительная динамика наблюдается лишь с 2016 г. Именно к этому году удалось достигнуть примерного выхода на уровень числа эко-НКО до принятия закона «Об иностранных агентах» (уровень 2011 г.). Адаптация российских экологических организаций к новым условиям деятельности хоть и проходит достаточно тяжело, но относительно положительно. Представители Общественной палаты РФ связывают прирост общественных организаций, с увеличением ассигнований государства на поддержку СО НКО [15, с. 76]. Увеличения численности некоммерческих организаций в последующие годы связывается поддержкой проектов Фондом президентских грантов.

Одним из способов адаптации экологических организаций к новым условиям стала переориентация их исключительно на российские источники финансирования. В ходе исследования были проанализированы данные сайта Фонда с целью выявления доли грантовой поддержки проектов по направлению «Охрана окружающей среды и защита животных». Для сравнения были взяты данные трех последних конкурсных периодов: за 2019 г. (первый и второй конкурсы) и 2020 г. (первый конкурс). Отметим, что подобная форма государственной поддержки осуществляется по 13 направлениям. В указанный период наблюдается увеличение интереса к конкурсам Фонда президентских грантов среди некоммерческих организаций в целом и со стороны экологических некоммерческих организаций, в частности: в 2019 г. было подано 8183 заявки из них 284 заявки по направлению «Охрана окружающей среды и защита животных» (3,5% от общего числа поданных заявок) (первый конкурс) и 8347 заявки из них 312 заявки по направлению «Охрана окружающей среды и защита животных» (3,7% от общего числа поданных заявок) (второй конкурс); в 2020 г. – 8398 заявки из них 335 заявки по направлению «Охрана окружающей среды и защита животных» (4% от общего числа поданных заявок), (первый конкурс). В 2019 г. было поддержано 1644 проекта на общую сумму 3,3 млрд руб. (среди экологических проектов – 64 проекта (3,9% от общего числа победителей), на которые перечислено 98 667 122 руб.) в рамках первого конкурса и 2128 проектов на общую сумму 4,35 млрд руб. (среди экологических проектов – 92 проекта (4,3% от общего числа победителей), на которые перечислено 148 830 546 руб.) в рамках второго конкурса. В первом конкурсе 2020 г. наблюдается снижение количества поддержанных проектов в целом (2017 проектов) и общей выплаченной суммы (4,09 млрд руб.). При этом количество проектов-победителей в сфере охраны

окружающей среды и защиты животных осталось неизменным (поддержано 92 проекта (4,6 % от общего числа поданных заявок)) со снижением общей суммы выплат на их реализацию (132 439 713 руб.). Т. е. активность в подаче конкурсных заявок со стороны НКО увеличилась (экологических организаций сохранилась на уровне второго конкурса 2019 г.), а сумма выплат победителям и их количество сократилось. Завершившийся 31 марта 2020 г. приём заявок на второй конкурс 2020 г. свидетельствует о дальнейшем увеличении интереса к этой форме государственной поддержки со стороны некоммерческого сектора [16]. Фонд президентских грантов с 2017 г. является единым оператором грантов Президента Российской Федерации (с 2006 г. в нашей стране функционировало 7 таких операторов, которые выступили учредителями единого Фонда). Анализируя данные о грантовой активности экологических организаций Сибирского федерального округа, было выявлено, что из поданных 6619 заявок с 2017 г. по 2020 г. доля заявок по природоохранной тематике составила всего 5% (327 заявок). Из них поддержано было 86 проектов эко-НКО, что составляет приблизительно те же 5 % от общего числа НКО (1742), выигравших в своих номинациях. Наибольший пик получения грантов эко-НКО пришелся на 2018 г. [16]. Помимо Фонда президентских грантов в России проводят конкурсы для НКО отдельные федеральные ведомства, также выделяются средства из региональных бюджетов [15, с. 76-79]. Для сравнения приведем данные о полученных средствах некоммерческими организациями из-за рубежа: «В 2017 году российские НКО - их гораздо больше, чем "агентов" – получили из-за границы 69,4 млрд рублей, в 2018 году - 85,9 млрд рублей ("агенты" 603,5 млн рублей в 2017 году и 759,2 млн рублей в 2018-м)» [17]. При этом Фондом президентских грантов победителям было выделено 6,65 млрд руб. в 2017 г. и 7,85 млрд руб. в 2018 г. [16]. В структуре государственной поддержки на федеральном уровне президентские программы обычно составляют около половины средств, выделяемых НКО. По данным Общественной палаты Российской Федерации общий объем средств предоставленных государством СО НКО в 2017 г. составил 12,9 млрд руб., что в разы ниже суммы иностранного финансирования [18, с. 66-71].

Отметим, что принятие Закона № 121-ФЗ в 2012 г. существенно изменило жизнь экологических некоммерческих организаций. Во-первых, ключевые понятия законодательного акта не позволяют однозначно интерпретировать их содержание, например, такие как «политическая деятельность», «политическая акция». Под ними могут пониматься широкий спектр действий эко-НКО, направленных на принятие решений государственной власти или воздействующих на сознание граждан. Во-вторых, даже частное пожертвование гражданина иностранного государства российской некоммерческой организации является основанием причисления этого объединения к «иностранным агентам». Сама формулировка «НКО, выполняющая функции, иностранного агента», а не «агента иностранного принципала» вызывает нарекания. Сложившаяся ситуация побудила

экологические организации выбирать различные стратегии для собственного сохранения и выполнения природоохранной деятельности: 1) максимальная формализация деятельности с отказом от иностранного финансирования; 2) использование полуформальных практик, выражающихся в поиске «лазеек» в законе; 3) выход из зоны государственного контроля и функционирование в формате инициативной группы; 4) прекращение деятельности на территории РФ [19]. Как правило, ключевую роль в определении подходящей стратегии играют ресурсы, имеющиеся у организации. Это могут быть либо неформальные связи, характер сотрудничества с органами государственной власти, наличие связей и партнерств с международными организациями, финансовая обеспеченность. Сочетание этих факторов влияет на то, какой путь выбирает организация: ликвидируется, перерегистрируется с возможностью влиять на принятие государственных решений без иностранного капитала, либо экологическая организация уходит в деинституциональную среду без возможности доступа к инструментам государственной власти.

Аудит экологических некоммерческих организаций, инициированный Общественной палатой Российской Федерации с целью создания реестра организаций, занимающихся природоохранной деятельностью, показал, что в базе Министерства юстиции РФ на 2018 г. числится 4526 эко-НКО. Лишь по 22% организаций доступна контактная информация, 37 % из них имеют сайт. Основные проблемы, которые артикулировались эоактивистами во время так называемой переключки зеленых НКО: «финансовая нестабильность; эмоциональное выгорание; недостаточное освещение в СМИ; сложность в получении грантов» [15, с. 90-91].

Еще одной часто озвучиваемой проблемой представителями экологических организаций, столкнувшимися с попытками внесения их реестр иноагентов или внесенных в него, является наличие ярлыка «иностраный агент». В декабре 2016 г. (на тот момент Закон № 121-ФЗ уже действовал 5 лет) Аналитический центр Юрия Левады¹² провел опрос в 48 городах об отношении россиян к закону «Об иностранных агентах». Результаты зафиксировали следующие показатели: низкую осведомленность российских граждан о существовании и содержании закона («около 70 % – про него не знает; около 20% россиян слышали о нем, но не имеют ясного представления о сути дела; 2-3% населения хорошо (по их собственным оценкам) разбираются в этой теме); «среди тех, кто слышал о законе, больше половины (56%) уверено, что он призван "ограничить негативное влияние Запада на нашу страну", и только четверть (26%) понимают его как "способ давления на независимые общественные организации" [19]. Относительно словосочетания «иностраный агент» у людей преимущественно негативные ассоциации (почти 60 %), нейтральные – 30 %, положительные – 3%. Перечень основных ассоциаций со словосочетанием – «шпион иностранных разведок», «цэрушник», «засланный казачок», «вербовщик», «лазутчик» и т. п. (45 %); образ «врага народа» («врага

¹² В сентябре 2016 г. Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады» была включена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

России», «предателя», «ренегата») (около 7%); «нейтральные ассоциации с экономической деятельностью смогли назвать 4% респондентов»; «"иностранный агент" – это образ из кинофильмов о Джеймсе Бонде или Штирлице» (3 %). Как отмечается в отчете исследования: «Даже сама постановка вопроса об "иностранных агентах" вызывала у некоторых респондентов недовольство и агрессию» [20]. Точно сказать нельзя, умышленно или абсолютно случайно государство использовало такую формулировку в законе. Но одно из значений понятия «агент», зафиксированное в толковых словарях, трактуется как «секретный сотрудник разведки какого-либо государства; шпион» [21]. Общественная практика и опросы демонстрируют резкое отторжение российских граждан от организаций, причисленных к «иноагентам». Экологические некоммерческие организации, причисленные к «иностранным агентам», вынуждены нести серьезные репутационные потери, а несогласные с этим статусом – опровергать его, подавая заявления в Минюст и иски в суд.

Принятие закона «Об иностранных агентах» серьезным образом повлияло на организационную форму и принципы функционирования НКО, в частности, экологических организаций в России. Первоначальной реакцией на него стало сокращение количества организаций более чем на 50%. Возврат к уровню численности периода до принятия поправок организаций, занимающихся природоохранной деятельностью, происходит только с 2016 г. Экологические общественные объединения, желающие влиять на принятие политических решений и на формирование общественного мнения, отстаивать права граждан, имеющие финансирование из зарубежных источников, получили статус «иностранного агента». Внесение их в реестр затруднило ведение деятельности в привычном режиме: наличие «ярлыка» и появление ряда обязательств не является благоприятным условием для деятельности. Наиболее распространенными способами адаптации экологических некоммерческих организаций к изменившейся институциональной среде стали: ограничение масштабов деятельности, отказ от иностранного финансирования, выбор неформальных практик. Отметим, что законодательно не было закреплено запрета на иностранное финансирование, но сложившаяся ситуация практически ограничила возможность его получения. Ориентация российских некоммерческих организаций на отечественные гранты (субсидии) ставит их в зависимое положение от государства, что явно не является благоприятным для развития гражданских инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климатические протесты прошли более чем в 20 городах России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://greenpeace.ru/blogs/2019/09/28/klimaticheskie-protesty-proshli-bolee-chem-v-20-gorodah-rossii/> Дата обращения: 13.02.2020.

2. Забота об окружающей среде: хотим, но не можем? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/zabota-ob-okruzhajushchei-srede-khotim-no-ne-mozhem.html> Дата обращения: 13.02.2020.

3. Федеральный закон от 12 июня 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ Дата обращения: 13.02.2020.

4. Василенко А.И. Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2014. – Вып. 3 (25). – С. 44-58.

5. Федеральный закон от 02 декабря 2019 г. № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339109/ Дата обращения: 13.02.2020.

6. Каков порядок признания СМИ иноагентом и какие издания попали в список [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/info/7117481> Дата обращения: 21.02.2020.

7. «В обществе есть понимание, что власть тем самым защищает лишь саму себя». Социолог Лев Гудков – о смысле и последствиях закона о гражданах-иноагентах [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.znak.com/2019-11-28/sociolog_lev_gudkov_o_smysle_i_posledstviyah_zakona_o_grazhdanah_inoagentah Дата обращения: 17.02.2020.

8. Федеральный закон от 4 июня 2014 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях"» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163934/ Дата обращения: 13.02.2020.

9. Экспертный Информационный Канал «УралПолит.RU» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uralpolit.ru.turbopages.org/s/uralpolit.ru/article/chel/26-12-2016/99087> Дата обращения: 22.02.2020.

10. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> Дата обращения: 17.02.2020.

11. Судьба экологических НКО, попавших в реестр «иностранных агентов» // Экологический правовой центр «Беллона» [Электронный ресурс] –

Режим доступа: <https://bellona.ru/2016/10/24/inagent/> Дата обращения: 25.02.2020.

12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gks.ru/> Дата обращения 17.02.2020.

13. В России растет число патриотических и спортивных НКО [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/news/677126> Дата обращения 17.02.2020.

14. 5 лет фандрайзинга в России: 2012–2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://takiedela.ru/wp-content/uploads/2017/10/NH-5-years-of-fundraising-in-Russia-.pdf?_ga=2.81563668.2016921416.1591749210-907072407.1591749210 Дата обращения 17.02.2020.

15. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. – М., Общественная палата Российской Федерации, 2019.

16. Официальный сайт Фонда президентских грантов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/> Дата обращения 18.03.2020.

17. «Иностранные агенты» в России получили больше денег из-за границы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-48349542> Дата обращения: 18.03.2020.

18. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. – М., Общественная палата Российской Федерации, 2018.

19. Тулаева, С.А., Тысячнюк, М.С, Хенри, Л.А Стратегии экологических НПО в контексте принятия Закона об иностранных агентах: игры с формальностью // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2017. – № 9 (3). – С.18-43; НКО нашли способ обойти закон об иностранных агентах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20130613/943028057.html> Дата обращения: 21.02.2020.

20. Аналитический центр Юрия Левады провел опрос о том, как россияне относятся к закону об «иностранных агентах». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3736> Дата обращения: 18.03.2020.

21. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82&all=x> Дата обращения: 18.03.2020.

УДК 323.2

Ю.Б. Киняшева

к.полит.н, доцент каф. социологии и политологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Россия

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ «ВЛАСТЬ – ОБЩЕСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития политической коммуникации в системе «власть – общество» под влиянием трансформации социально-политической среды. Особое внимание автор уделяет современным формам и каналам осуществления политической коммуникации между государственными структурами и гражданами, в частности, сетевому взаимодействию.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, власть, гражданские инициативы, гражданские коллективы, онлайн-среда, социальные сети.

Yu.B. Kinyasheva

PhD in Political sciences, Docent, Tula state University, Tula, Russia

SPECIFICITY OF DEVELOPMENT OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE SYSTEM «POWER – SOCIETY» IN MODERN RUSSIA

Abstract: The article discusses the features of the development of political communication in the «power – society» system under the influence of the transformation of the socio-political environment. The author pays special attention to modern forms and channels of political communication between state structures and citizens, in particular, network interaction.

Keywords: Political communication, power, civic initiatives, civic groups, online environment, social networks.

В современной России на фоне актуализации противоречий между властью и обществом особое значение приобретает процесс осуществления политической коммуникации, заключающийся «в передаче политической информации субъектам, структурировании их политической деятельности, формировании общественного мнения, участия в политической социализации граждан с учетом их интересов» [1]. Подобная характеристика политической коммуникации определяет взаимосвязанность и взаимообусловленность всех участников политического пространства, что необходимо для поддержания стабильности и устойчивости политической системы в целом. Однако при высокой потребности развития конструктивного диалога между властными и

общественными группами наблюдается их изолированность друг от друга, особенно в ходе принятия политических решений, низкая заинтересованность политических субъектов в стимулировании политического участия граждан, а также значительная инертность в поведении самого населения. Именно это и обуславливает актуальность проблематики взаимодействия власти и общества.

Процесс отношений властных структур и граждан представляется достаточно сложным и многогранным, основанным как на нормативных, социальных, так и политических механизмах регулирования отношений. Во-первых, устанавливаемая коммуникация обеспечивается нормативно-правовыми актами, принятыми в государстве, что закрепляет формы и способы связи представителей власти с обществом (коллективные обращения, официальные письма, приемы граждан, консультации и др.). Во-вторых, социальный статус и положение чиновников, политических деятелей определяет уважительное (почтительное) отношение к ним, их решениям, помощи. В-третьих, политическая роль властных субъектов направляет на диалог с обществом, «заставляет» прислушиваться к позициям, мнениям, проблемам населения (публичные слушания, открытые выступления и т.д.).

Следует отметить, что в ходе формирования политической коммуникации между органами власти и населением выделяются следующие активно действующие группы субъектов:

- организации, гражданские коллективы, отдельные граждане, успешно действующие без обращения к органам власти;

- субъекты, отстаивающие права граждан, организующие публичные площадки для обсуждения социальных вопросов, предоставляющие поддержку населению, осуществляющие взаимодействие с представителями власти, но не оппонировав им;

- организации, социальные группы, выступающие с протестными акциями, пытающиеся контролировать действия властных структур, стремящиеся оказывать на них давление различными методами [2, с.191].

Следовательно, все представленные субъекты в политическом пространстве, находясь во взаимодействии друг с другом, могут трансформировать свои роли, переходя из позиции сотрудничества (консенсуса с властью) в конфронтацию (протест).

Развитие политической коммуникации в системе «власть – общество» в современной России приобрело свою специфику, исходя из влияния правовых, политических, экономических, социальных, культурных и иных условий.

Так, одним из значимых событий было внесение изменений в действующее законодательство, касающееся деятельности общественных организаций, политических партий, гражданских движений, которое усиливало контролируемую роль государства в отношении структур гражданского общества. Например, все неправительственные организации подлежали перерегистрации, многие из них не смогли реализовать эту юридически весьма сложную процедуру [3, с. 185].

Немало важную роль сыграло создание государственных структур, направленных на защиту гражданских прав и интересов. Введены должности Уполномоченного по права человека, Уполномоченного по правам ребенка. В 2004 году Указом Президента утвержден Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, оказывающий содействие президенту в реализации его конституционных прав и защиты прав и свобод человека, формирующий предложения по совершенствованию механизма обеспечения прав и свобод гражданина и т.д. В 2005 году сформирована Общественная палата РФ, деятельность которой направлена на согласование интересов общественных объединений, органов власти, граждан по значимым социальным вопросам. Такие структуры, как правило, в настоящее время носят формальный, консультативный характер, редко оказывая действенную помощь гражданам.

Особое значение в развитии политических коммуникаций в системе «власть – общество» приобрели современные информационные технологии. Активное внедрение интернет-ресурсов, всеохватывающая компьютеризация способствовали развитию новых форм взаимодействия власти и общества – онлайн-трансляции, социальные сети политиков, «электронное правительство», «горячие линии». Подобные политико-коммуникативные взаимодействия повысили гражданскую активность, вовлеченность в диалог с властью, упростили способы обращения населения к чиновникам. Положительным примером использования информационных технологий в политической деятельности является введение впервые системы веб-трансляции в 2012 году на выборах Президента РФ, что позволило оптимизировать избирательный процесс в целом, поднять уровень доверия граждан к процедуре голосования [4].

Осуществляя сотрудничество в информационной сфере, общественные, политические, коммерческие организации в настоящий момент обращаются за сведениями на официальные сайты органов власти, а также размещают информацию на своих сайтах. Наиболее распространенной формой нейтрального взаимодействия является информирование и уведомление властей. Организации нередко направляют информационные материалы о результатах своей деятельности, проводят презентации на мероприятиях перед представителями власти. Далекое не всегда это можно квалифицировать как сотрудничество. Чаще такое взаимодействие можно интерпретировать, как стремление граждан быть законопослушными, а также привлечь внимание к своей деятельности, что обычно не очень действенно, если использовать лишь информирование [5, с. 63].

Формирование политической коммуникации происходило и под воздействием средств массовой информации. Односторонняя модель коммуникации, свойственная официальным СМИ, транслирующая только одну точку зрения на те или иные события, не давала возможности гражданам объективно оценивать происходящее, тем самым подрывая авторитет власти. Соответственно, многие политические действия, процессы приукрашивались,

замалчивались, игнорировались, вызывая в обществе недовольство, разногласия, негативную реакцию общественности. Интересен тот факт, что с развитием интернет-ресурсов многие процессы нашли свое освещение в социальных сетях, на сайтах коммерческих СМИ, а, следовательно, политическая коммуникация приобрела иные масштабы и формы проявления. В результате виртуализация политической коммуникации обеспечила следующие особенности современных отношений в системе «власть-общество»:

- экстрополяция в массовом сознании россиян степени свободы виртуального пространства на реальное пространство;
- аккумулярование общественных ожиданий по поводу адаптации власти к виртуализировавшейся политической коммуникации;
- утверждение запроса гражданского общества на продолжение политической коммуникации с властью как в виртуальной, так и реальной плоскости.

Среди конструктивных способов поддержания диалога между властью и обществом являлись публичные слушания, встречи с населением, где каждая сторона имела возможность донести свои позиции по тому или иному вопросу. В современных условиях такие формы работы государственных структур с населением остаются достаточно успешными, позволяющими обсудить текущие проблемы. Актуальной формой прямого диалога Президента РФ с населением является организация «прямой линии». Также формой прямой поддержки со стороны органов власти является выделение грантов под социально значимые проекты. В данном случае активизируется работа молодежных организаций, коллективов, заинтересованных в общественной работе.

Специфика взаимодействия власти и общества проявлялась и в развитии протестных гражданских форм, когда неправительственные организации, гражданские коллективы не в состоянии добиться справедливости, создавали оппозиционные движения, проводили протестные акции. Однако изменения в законодательстве, ужесточившие правила проведения политических массовых мероприятий, установившие новые требования к регистрации общественных движений, определившие ответственность за их нарушения несколько изменили характер гражданского протеста, блокировали возможность открытых форм противостояния с властью. Так, в 2018 году в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» введены ограничения на организацию и проведение массовых мероприятий без согласования с органами власти, разрешающих документов [6]. В связи с чем, в настоящее время протестные формы актуализируются в онлайн-среде, максимально используя сетевое пространство (распространение информации, пропаганда идей, призывы к свержению власти и др.). С целью большего привлечения масс к протестному движению в социальных сетях используются технологии создания эффекта присутствия на мероприятии за счет публикации фотографий, видеосюжетов, роликов с выступлениями лидеров политических

партий и общественных движений. Распространение информации в социальных сетях происходит и посредством различных механизмов - хештегов, рассылки новостей, онлайн-трансляций и др. Важно отметить, что социальные сети остаются практически основным источником информирования людей об организации митингов и акций протестов. Подобная ситуация обуславливает усиление контроля со стороны государственных структур за социальными сетями, блогами, форумами, сайтами неправительственных организаций и оппозиционных движений.

Формой взаимоотношений с властью активисты называют и обращение в суд с исками. Правозащитники, общественные организации участвуют в защите гражданских прав, выступают с исковыми заявлениями о нарушениях или злоупотреблениях со стороны каких-либо ведомств. В качестве примеров можно привести следующие категории дел: борьба за сохранение памятников культуры, защита чести и достоинства определенной национальной общности, споры, связанные с незаконными парковками, эвакуацией автомобилей, участие организаций в области защиты материнства, детства, в области защиты социальных прав, незаконные отчисления, ущемление прав абитуриентов при поступлении и др. [7].

Таким образом, для современной России характерна своя специфика развития политической коммуникации, где намечается диалог между властью и обществом, внедряются в практику различные формы взаимодействия (такие, как выступления в СМИ, встречи с гражданами, прием граждан, выступления с исками в суды и т.д.). В тоже время наблюдается формальность отношений в складывающейся системе «власть – общество», значительная пассивность граждан в политической сфере, которая увеличивается за счет социального и политического давления со стороны государства, а также малой результативности гражданского участия. Действующие на данный момент каналы политической коммуникации в системе «власть – общество» (выборы, общественные приемные, суды, социальные сети, «горячие линии», электронные приемные и др.) сильно институционализированы, лишены какой-либо гражданской инициативности, что, зачастую, обуславливает низкий уровень интереса граждан к взаимодействию с чиновниками, государственными структурами. В тоже время потребность в защите своих прав и сложность в ее реализации подталкивает участников гражданских действий, общественные организации к протестным формам, а пассивность сменяется протестной активностью. Исходя из этого, оптимальные взаимоотношения в системе «власть – общество», способствующие развитию политической системы, должны выстраиваться по следующей схеме: «от развития конфликтно-конкурентных отношений – поиска компромиссных решений – к становлению партнерской модели взаимодействия». Подобная динамика приведет к балансу общественных и политических интересов, сделает гражданские институты действенными и развитыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселев А.Г., Киричек П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте моциальной модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. №2.
2. Шатилов А. «Электориум – 2013»: власть, элита, народ // Власть. 2013. № 10. С. 191.
3. Понеделков А. Проблема взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса // Власть. 2012. № 6. С. 185.
4. Ермолаева А. Информационно – документационное взаимодействие органов государственной власти и гражданского общества // Власть. 2012. № 12. С. 28.
5. Пименов Н.П. Современные тренды социодинамики политических коммуникаций в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Том 12. №2.
6. Соколов А., Маклашин И. Особенности интернет - пространства как площадки взаимодействия // Власть. 2013. № 12. С. 63.
7. Арлашов А.Н. Об участии общественных организаций в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. №9.

Х.А. Кобелева

Кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

КРИЗИС ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье анализируется кризис институционального доверия и рост протестного потенциала в современном российском обществе. Показано, что сегодня формирование и развитие социальной напряженности в обществе представляет потенциальную угрозу в масштабах страны и на уровне регионов РФ с точки зрения возможности возникновения деструктивных форм социального взаимодействия, конфликтов, социально-политических «взрывов», т. е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые протестные действия, оказывающие негативное воздействие на систему властных отношений. Одним из проявлений социальной напряженности является формирование протестного потенциала населения, который предполагает намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях.

Ключевые слова: Доверие, политическое доверие, гражданское общество, кризис доверия к власти, политическое развитие, протестный потенциал, политические институты, социальный капитал.

К.А. Kobeleva

PhD in Political Sciences, Lecturer of Sociology and Political Science
Department, Historical faculty of Voronezh State University, Voronezh, Russia

CRISIS OF TRUST IN THE AUTHORITIES AND PROTEST POTENTIAL OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Abstract: In the article analyzes the crisis of political trust and growth of protest potential in the contemporary russian society. In article allowing that formation and development of social tension in society represents a potential threat at the national level and at the level of regions of the Russian Federation with regard to possibility of destructive forms of social interaction, conflicts, socio-political “explosion”, i.e. a sharp transition of latent protest moods into open protest actions that have a negative impact on the system of power relations. One of the manifestations of social tension in the certain territory is the formation of population’s protest potential which refers to the intention (inclination) of citizens to participate in protests under certain conditions.

Keywords: Trust, political trust, civil society, crisis of trust in the authorities

political development, protest potential, political institutions, social capital.

На сегодняшний день в гуманитарных науках понятие «социальный капитал» является одним из наиболее актуальных и дискуссионных, поскольку является полисемантическим и многоаспектным. Однако до сих пор не разработан универсальный подход, в котором бы раскрывалась природа данного феномена и процессы, в ходе которых происходит «приращение» социального капитала.

В широком смысле социальный капитал — определённые правила и нормы, которые формально нигде не фиксируются, но соблюдаются всеми членами группы. Это даёт возможность не только поддерживать порядок в отношениях, но и обеспечивать постоянное взаимодействие в обществе.

В узком смысле социальный капитал — способность и возможность отдельных индивидов, групп и общества в целом к объединению и совместным действиям в случае необходимости. Обычно, для решения общих проблем, которые трудно или невозможно решать в одиночку. Подобного рода взаимодействие становится более вероятным, если в группе поддерживается высокий уровень межличностного доверия, единые нормы и ценности, а также получают развитие различного рода гражданские сети (обычно представленные на, так называемом, горизонтальном уровне. Например, соседи по дому, коллеги по работе).

К тому же, доверие способно создать прочную социальную базу поддержки политикам и выбранному ими политическому курсу, государственным органам, институтам власти в целом. Таким образом, доверие способно продуцировать рост легитимности власти и политического режима. Но действует и обратный механизм: снижение уровня политического доверия в обществе может способствовать кризису легитимности. Более того, высокий уровень доверия позволяет укрепить национальную идентичность, сделать более сплочённым и устойчивым всё общество в целом. Например, американский философ и политолог Ф. Фукуяма понимает доверие как «...возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [1, с.52].

При этом социальный капитал рассматривается как некий потенциал общества или отдельных групп, который возникает только при наличии доверия между его членами. Поэтому, не случайно, выделяют две основные формы проявления социального капитала: структурный и когнитивный [2, с.138]. Первый представлен всем многообразием гражданских организаций, ассоциаций, общественных институтов и т.п., существующих в той или иной стране. Второй включает в себя институциональное и межличностное доверие, различные отношения, систему ценностей, нормы и способы поведения. При этом обе формы социального капитала не существуют опосредованно, а взаимосвязаны между собой, поскольку когнитивная форма реализуется в рамках структурной. К тому же, социальный капитал может «накапливаться» и

реализовываться на нескольких уровнях, что так же указывает на его многомерность. Принято выделять три основных уровня: макро-, мезо- и микроуровни.

На макроуровне осуществляется взаимодействие государства, бизнеса и общества. Так называемый трипартизм или система межсекторного социального партнёрства, но возможно взаимодействие и на уровне двух партнеров, без привлечения третьего, например, по линии государство-бизнес или бизнес-гражданское общество. При этом, иногда, эти параллели никак не пересекаются. Кроме того, макроуровень предполагает возможность осуществления контроля со стороны граждан за деятельностью институтов власти, функционированием системы разделения властей, проведением предвыборных кампаний и непосредственно процедуры выборов разного уровня и т. п.

На мезоуровне предполагается конструктивное взаимодействие между разного рода группами: национальными, политическими (партии), профессиональными (через профсоюзы), социальными, гражданскими организациями (экологическими, правозащитными, благотворительными и т.п.).

Возможности использования накопленного социального капитала на мезоуровне американский социолог Дж. Коулман показал на примере сотрудничества ювелиров в Нью-Йорке. Как правило, они заключали дорогостоящие сделки без нотариального заверения, основываясь только на высоком уровне межличностного доверия друг к другу [3].

Микроуровень «накопления» и реализации социального капитала предполагает наличие постоянного взаимодействия человека со своими родственниками, друзьями, соседями, коллегами по работе. Обычно подобное взаимодействие обусловлено наличием определённой проблемы, которую проще, быстрее и эффективнее решить сообща, не прибегая к помощи государственных структур.

Однако, как мы увидели, на любом уровне важным признаком социального капитала является способность и возможность людей к интеграции ради достижения общих целей или решения проблем. Это, своего рода, «позитивный» социальный капитал. Однако, люди, доведённые до отчаяния из-за невозможности решить свои проблемы, способны объединиться, чтобы наказать виновных. Тогда это может приобрести форму социального протеста, угрожающего стабильности политической системы.

В гуманитарных науках понятие «социальный протест» всегда включало в себя большое количество различных действий, среди которых: неприятие существующих порядков, недовольство деятельностью и/или бездействием властей, оспаривание принятых решений, открытая критика обозначенных векторов развития внутренней и внешней политики. Обусловлено это тем обстоятельством, что протест может приобретать разные формы: от пикетов, забастовок, митингов до открытой вооружённой борьбы и терроризма [4].

В широком смысле протест – несогласие с чем-либо, решительное возражение против чего-нибудь. Обычно, когда речь идёт о социальном протесте, акцент делают на проведении открытых действий, целью которых является привлечение внимания представителей власти к существующим, но нерешённым проблемам общества; необходимости проведения глубоких социально-экономических и/или политических преобразований. Подобные массовые выступления граждан демонстрируют не только их крайнюю степень недовольства неэффективностью деятельности политических институтов, но и наличие социального капитала, который позволит людям кооперироваться в случае необходимости действовать сообща.

Как правило, основой для формирования протестных настроений в обществе является проблема неравенства. Как известно, неравенство выражается в разных формах, но всегда порождает недовольство среди граждан существующим положением и может спровоцировать протест. Но если раньше, граждане стремились свергнуть неэффективных политиков, лишив их тем самым власти, то в настоящее время чаще прибегают к действиям, с помощью которых можно оказать давление на власть, без необходимости свержения. Делается это для того, чтобы представители власти наконец-то прислушались к требованиям граждан и начали предпринимать шаги по исправлению сложившейся ситуации.

В XX веке в своих произведениях французский философ А. Камю показал возможность направить протест в конструктивное русло: если люди будут стремиться использовать его не для развязывания войн, революций или межэтнических конфликтов, а с целью борьбы за улучшение условий труда, качества жизни и т.п. Но для этого нужна солидарность, демонстрирующая уровень сплочённости группы, готовность действовать сообща. Поэтому для А. Камю бунт является, прежде всего, средством борьбы с несправедливостью, дающий народу возможность почувствовать себя полноценными гражданами, причастными к чему-то важному, а не просто подданными государства [5, с.126].

Поэтому неслучайно в современной социологии и политической науке актуализируется возможность своевременного выявления и измерения протестных настроений в обществе. Доказано, что потенциальная склонность людей к участию в акциях протеста напрямую коррелируется с уровнем институционального доверия: чем меньше граждане доверяют политикам и институтам власти, тем выше уровень социальной напряженности и недовольства в обществе. До определённого времени недовольство будет латентным, но при определённых условиях приобретёт открытые формы выражения, представляющие прямую угрозу существующему режиму. Поэтому органам власти необходимо делать всё для того, чтобы не только сформировать, но и поддерживать на должном уровне доверие граждан.

Что касается ситуации в России, то, по данным ВЦИОМ, в 2019 г. порядка 30% респондентов говорили о возможном участии в массовых акциях протеста (если таковые будут), обусловленных недовольством граждан

снижением уровня жизни, «антинародными» реформами (например, пенсионная), в защиту своих прав и свобод [6].

При этом, протестные настроения сдерживаются, в том числе, неспособностью российских политических партий и движений полноценно выполнять функции мобилизации населения, а также артикуляции интересов и требований различных социальных слоёв общества. Данное обстоятельство находит отражение в невысоком уровне доверия россиян политическим партиям. Так, согласно данным опросов ВЦИОМ, в 2019 г. доля респондентов «полностью и в основном доверяющих» политическим партиям и движениям РФ составляла 33-35 % (при уровне недоверия в 40,7%), профсоюзам — 33-36% (недоверие — 34%) [7].

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что стало фиксироваться постоянное снижение уровня доверия россиян к президенту РФ В.В. Путину, хотя на протяжении длительного периода времени эти показатели были на высоком уровне, с незначительными колебаниями. Например, если в ноябре 2017 г. рейтинг доверия президенту составлял 59%, то на сегодняшний день только 35% россиян доверяют главе государства (по сравнению с сентябрем 2019г. рейтинг снизился ещё на 4%). В декабре 2019 г. он впервые был ниже 30% – 29,8%.

По мнению директора «Левады-центра» Льва Гудкова, данное снижение уровня доверия объясняется накопившемся недовольством граждан, прежде всего, своим социально-экономическим положением и ухудшением качества жизни: «Его новая риторика, касающаяся социальных тем, дает кратковременный эффект. Падение началось давно, и это даже не эффект пенсионной реформы 2018 г.: оно идет медленно и постепенно, и это более показательный тренд, чем резкие скачки рейтинга. Нарастает неудовлетворенность положением дел в экономике, невозможностью нормально зарабатывать. Однако оценка деятельности во внешней политике остаётся высокая, а во внутренней она постоянно снижается» [8].

При этом, по данным опросов, с сентября 2019 г. стало фиксироваться повышение уровня доверия министру обороны С.К Шойгу (с 13% до 19%) и министру иностранных дел С.В. Лаврову (с 14% до 17%). Однако, как правило, рейтинги доверия ключевым министрам изменяются вслед за президентскими. В данном случае, произошел обратный эффект — возрастание уровня доверия министрам, но — снижение доверия президенту РФ. В тоже время, доверие экс-премьеру Д.А. Медведеву продолжает снижаться (с 9% до 5%), как и недоверие — с 32% (в сентябре 2019 г.) до 27% (в январе 2020 г.). В феврале 2020 г. «Левада-центр» впервые замерил рейтинг нового премьер-министра М.В. Мишустина: доверие оказалось на уровне 3%, а недоверие — 4%. Вероятно, это связано с тем, что для подавляющего большинства россиян, М.В. Мишустин — это новое лицо в большой политике РФ и поэтому, граждане пока не готовы наделять его высоким уровнем доверия. Скорее, срабатывает принцип «поживём-увидим», граждане устали верить «пустым обещаниям». Количество

респондентов, которые не доверяют никому из политиков или затруднились с ответом, составило 39% [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что рост протестных настроений является ответной реакцией общества на бездействие институтов власти, глубокие социально-экономические проблемы, необходимость повышения качества осуществляемой властями социальной политики (в первую очередь в отношении наиболее незащищённых в социальном плане слоёв населения, а не только в интересах привилегированных групп).

В многонациональной России, где уровень и качество жизни, социально-экономическая ситуация в разных субъектах федерации может существенно отличаться, проблема социально-психологического климата всегда будет актуальной. Ведь при постоянном ухудшении своего материального положения, снижении покупательской способности, росте безработицы, граждане не просто откажут представителям власти в доверии и поддержке, но и будут готовы выразить своё недовольство в открытой форме, не видя других возможностей изменения ситуации. Чтобы не допустить этого, политические институты должны на практике продемонстрировать гражданам свою эффективность в решении актуальных проблем внутренней и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 730 с.
2. Беспарточный, Д.Б. Социальный капитал и общественное развитие / Д.Б. Беспарточный // Социальная политика и социология. – 2011. – № 1. – С. 132-140.
3. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С. 121-139.
4. Пинкевич, А.Г. Проблема изучения протестного поведения в конфликтологическом исследовании / А.Г. Пинкевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – № 3. – С. 235-243.
5. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 411 с.
6. Общественный и личный протестный потенциал [Электронный ресурс] // https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 15.01.2020).
7. Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ, 2020, Январь. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ Дата обращения: 15.01.2020.
8. Уровень доверия к Владимиру Путину за два года снизился почти в два раза

[Электронныйресурс]//<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/02/11/822815-uroven-doveriya> Дата обращения: 13.02.2020.

9. Уровень доверия к Владимиру Путину за два года снизился почти в два раза

[Электронныйресурс]//<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/02/11/822815-uroven-doveriya> Дата обращения: 13.02.2020.

УДК 323.2

С.В. Костарев

д. филос. н., профессор Омского государственного университета путей
сообщения, г. Омск, Россия

УРБАНПОЛИТИКА: ОСНОВАНИЕ И ОМСКИЕ ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация: Рассматриваются особенности политического управления в городах на примере развития общественных пространств в Омске

Ключевые слова: Урбанизация, политическое управление, самоорганизация, устойчивое развитие

S.V. Kostarev

Doctor of Philosophical sciences, Professor,
Omsk State Transport University, Omsk, Russia

URBAN POLITICS: BASIS AND OMSK PRACTICES OF PUBLIC SPACES DEVELOPMENT

Abstract: The article considers the features of urban politics in cities on the example of the development of public spaces in Omsk.

Keywords: Urban politics, governance, self-organization, sustainable development.

Продолжительная история расселения человека по территории Земли, проходившего в постоянной борьбе за существование в агрессивной окружающей среде, привела к образованию специфической структуры организации социума, характеризующегося высокой степенью урбанизации – концентрации людей на ограниченном пространстве. На первоначальной стадии становления общества такой результат можно объяснить необходимостью противостояния природным силам, но по мере роста народонаселения и усложнения социальных структур, сформировался запрос на защиту и от внешних общностей [1, с. 233-236]. Соответственно этому создавались и институты власти, которые реализовывали свои политики, с одной стороны, направляя усилия на защиту от внешнего мира, а с другой стороны, на организацию внутренней жизни. Необходимость рационального управления такими сложными распределёнными системами привела к формированию особого направления в политической науке, называемого urbanpolitics (пословный перевод с английского – городская политика, но, во избежание смешения понятий, автором используется термин «урбанполитика»). Урбанполитика характеризуется как новая политическая культура, приходящая на смену прошлым взглядам на политику в городах [2, с. 423-440]. Основные

парадигмы последних десятилетий, использованные при реализации городской политики, постепенно теряли свою значимость в условиях глобализации, снижения влияния государства на жизнь местных сообществ и ряда других современных социально-политических процессов, которые подрывали незыблемость архаичных теорий политики, основанных на признании доминирования иерархических систем управления, возможности выделения социальных классов и режимов. На смену им приходят инновационные лидеры, субстанциональные деятели и новые формы гражданской активности, что требует переосмысления городской политической динамики, как на уровне основных принципов устройства стран, так и на локальном уровне отдельной городской территории.

Институт власти, существовавший продолжительное время в нашей стране, представлял собой иерархический механизм, анализ которого с точки зрения отношений источника и инструмента реализации, уже был проведён автором ранее [3, с. 77-80]. С момента создания СССР существовало фактически, а в 1977 году было закреплено в Конституции, доминирование единственной политической партии: «Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. ... Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Но в этом же документе указывается роль граждан: «Статья 2. Вся власть в СССР принадлежит народу...», «Статья 48. Граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения», «Статья 49. Каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе». Таким образом, источником власти выступал народ, реализующей силой – политическая партия, а граждане являлись участниками политического процесса. Отдельно уровень городской политики не выделялся и входил в общую систему власти, действие которой определялись исходя из квалификации и деловых качеств руководителей партийных и советских органов.

После принятия в 1993 году всенародным голосованием новой Конституции, политический механизм существенно изменился и вместо одной партии, как единственной политической силы, появился комплекс властных акторов, в том числе человек, как высшая ценность, народ, как источник власти, и местное самоуправление, как самостоятельный компонент политической системы страны: «Статья 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». «Статья 3. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации

является её многонациональный народ... 4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». При этом возникла системная проблема, так как, с одной стороны, не было дано однозначного определения такому социальному феномену, как народ, но ему приписывается сущность источника власти. С другой стороны, человеку, как гражданину, приписываются права и свободы, которые непосредственно действуют. Это значит, что в государстве признаётся существование абстрактной сущности – народа, как источника власти, и реальной сущности – гражданина, как источника действий. Для преодоления этого системного противоречия и создания целостной структуры, связывающей всех акторов в единый организм с возможностью целенаправленной деятельности, используют один из двух принципов реализации политики или их комбинацию: «вертикаль власти» и «гражданское общество». Использование исключительно вертикали власти приводит к тому, что замещается источник власти, вместо народа им становится элита, а в крайнем варианте – верховный правитель, и в итоге формируется закрытая система, главной системной целью которой является гомеостазис – сохранение своего состояния, что вынуждает сокращать свободу самостоятельных акторов. В политической интерпретации такая система называется консервативной, а права и свободы граждан в данной системе ограничены установленными пределами, которые определялись исходя из замысла правящей элиты. Субъекты вертикали власти – институты, которые описывают права и свободы граждан, устанавливают эти права и свободы, следят за соблюдением прав и свобод, вынуждают граждан не нарушать права и свободы других, ликвидируют недовольство «нарушителей». Как результат деятельности «вертикали власти»: происходит ограничение не описанных прав и свобод, снижение инициативы и самоорганизации граждан, но сохраняется стабильность системы, приводящая к неизбежному снижению устойчивости в условиях меняющегося окружения. Подобные закрытые системы могут долго существовать только при отсутствии внешних воздействий, либо в том случае, если эти внешние воздействия компенсируются ответными реакциями. Если внешние системы (государства) оказывались более эффективными, противодействие их влиянию неизбежно ведёт к ослаблению закрытой системы и, в итоге, её разрушению. Именно так произошло с Советским Союзом и другими закрытыми политическими режимами, которые не выдержали глобальной конкуренции с более эффективными обществами.

Альтернативой вертикали власти является гражданское общество, которое представляет собой открытую систему, способную не только меняться, в результате внешних воздействий, но и сохранять свою целостность, развивая внутреннюю организационную структуру. Обеспечивается это в том случае, если носителем власти является не абстрактная сущность «народ», а активные деятели, способные объединяться в различные коллективные структуры, устойчивость которых определяется текущим окружением открытой системы, с помощью специального механизма реализации прав и свобод, который

получил название public participation (общественное участие). В этом случае права и свободы человека и гражданина будут непосредственно действовать (ст. 18 Конституции), осуществится поддержка инициативы и самоорганизации, но возрастёт степень ответственности участников и требования к людям. В этих условиях необходимо выравнивание отношений, что и даст системе большую пластичность, а частая смена статусов у людей приведёт к конвергенции прав и свобод граждан. В контексте современной терминологии, в качестве активных участников общественного участия выделяются лица принимающие решения, наделенные полномочиями принимать решения и несущие ответственность за последствия принятого решения, а также стейкхолдеры – отдельные группы агрегированных интересов (жители, НКО, представители бизнеса, власти и другие), интересы которых могут быть напрямую или косвенно затронуты в результате принятого решения [4, с. 85-91].

Анализ современного противостояния принципов «вертикаль власти» и «гражданское общество» в нашей стране, проведённый автором [5, с. 60-66], показывает, что институты гражданского общества значительно эффективнее используют имеющиеся ресурсы, особенно в отдельных общественных сегментах, в том числе и на уровне формирования общественных пространств, а вертикаль власти поддерживает свой гомеостазис экстенсивно, что не может продолжаться долго, особенно в условиях турбулентности современной социально-экологической системы.

Проиллюстрируем реализацию иерархического принципа управления и его пределов использования в современном обществе, опираясь на опыт Омска в озеленении и развитии общественных пространств в период с конца 40-х годов прошлого века до настоящего времени. Точкой отсчёта примем момент смены руководителя Омска, когда председателем Горисполкома был назначен Н.А.Рождественский, который, исходя из личных предпочтений, приступил к созданию так называемого «города-сада». До сих пор не установлен сам факт официального существования такого статуса, но городская мифология настойчиво приписывает его Омску периода 50 – 70 годов прошлого века [6]. Наше исследование не ставит задачу поиска истины по вопросу определения правильности статуса, но нас интересует вопрос о том, как связан механизм реализации городской политики и её последствий с устойчивостью и развитием города.

Итак, публичный статус города-сада стал результатом последовательной городской политики, реализуемой руководством города. Этот бренд был красив, хоть и не совсем верен, если разбирать значение термина «город-сад» с научной точкой зрения. Тем не менее, в степи было высажено большое количество деревьев, организованы парки со скверами, вдоль главных улиц появились яблоневые аллеи [7]. Однако после политических событий начала 90-х годов прошлого века, когда система городского управления кардинально изменилась, преобразовавшись в местное самоуправление – самостоятельную ветвь, отделённую от вертикали государственной власти, городская политика приобрела другие цели, которые формулировались новым руководством

города. Условия экономической трансформации поставили иные задачи для города, прежде всего – монетизацию территории и формирование независимого городского бюджета. Улицы стали расширяться и вдоль них появлялись огромные рекламные конструкции, а деревья и высокий кустарник вырубался. Постепенно город избавился от плотного заслона пешеходных дорожек от проезжающего мимо транспорта, но это не привело к негативному отношению горожан к происходящему, которые в своём большинстве не обладали достаточными компетенциями по урбанистике и городской экологии, потому не знали, что теряли. Руководство муниципалитета, не имея негативной реакции от жителей на свою деятельность, но получая хорошо артикулированный и аргументированный запрос наиболее деятельных предпринимателей, в середине двухтысячных решило, что парки и скверы – это «новый ресурс» для развития территории, если под таковым понимать интенсивное использование пространства для производства товаров и предоставления услуг. Фактически, элементы озеленения, которые создавали комфорт и обеспечивали защиту здоровья омичей от плохого воздуха, превратились в площадки под строительство новых офисов, магазинов, домов, в результате в течении нескольких лет исчезло то, что хоть как-то могло оправдать для Омска публичный статус города-сада. Однако в этой ситуации горожане начали чаще заявлять свои требования к экологии города и общественным пространствам. Эксперты и активисты заговорили о том, что современный город – это не только здания, сооружения и дороги, но и люди, которые в нём живут, работают, отдыхают и занимаются другими разнообразными видами деятельности. Человеку, в своей повседневной активности в условиях существенной урбанизации среды постоянно приходится выходить за пределы своего локального окружения и пользоваться общими пространствами совместно с другими. Горожанину практически каждый день нужно прогуливаться, отдыхать в тени или загорать на солнце, бродить со своим домашним питомцем или играть с детьми во дворе. Современные люди думают о своём здоровье, потому нуждаются в беговых дорожках, тренажёрах, лыжных трассах, стадионах, площадках для игры с мячом или шайбой. Такова повседневная жизнь и именно критерий комфортности общественных пространств становится самым важным для горожан, а в условиях современной глобализации и мобильности, люди могут теперь выбирать лучшее место для жизни. Возникает конкуренция между городами за человеческий капитал, без прироста которого территория перестанет развиваться. И тем, кто руководит городом, надо отдавать себе отчёт, что на эти новые вызовы ответ должен быть получен быстро, иначе Омск опустеет и деградирует, как бывает иногда с крупными городами, остановившимися в развитии.

На подобные утверждения небольшого количества независимых экспертов, руководители города по традиции отвечали, что они знают, что делать и готовы предлагать «свои» проекты благоустройства и развития. Но, в отличие от периода существования «города-сада», горожане не только не

поддерживали «инициативу сверху», но и постоянно протестовали, замечая любое отличие реализованного проекта от обещанного, как следствие, находилось много критиков, как среди простых жителей, так и в сообществах экспертов, которые заявляли, что администрация выполняет свою работу недостаточно качественно. Такой конфликт, как уже было сказано выше, основан на положениях урбанполитики, которая доказала, что решения сверху («вертикаль власти»), даже профессионально подготовленные, не принимаются людьми на уровне города. Тем самым и омский опыт подтвердил общемировую и общероссийскую тенденция повышения важности учёта интереса отдельного человека в решении о развитии территории, где он живёт, тем более что Омск, имеет достаточную для анализа предысторию «роста снизу».

Начиная с 2012 года, когда в Омске одновременно сменились руководители региона и города, был всплеск активности инициативных идей по развитию нашей территории [8, с. 9-17]. Своеобразным рубежом можно считать ряд проектных сессий 2013-2014 года, по разработке стратегии Омской области, инициированные командой нового губернатора, на которые были приглашены и реально участвовали люди самых разных уровней общественных и профессиональных компетенций и статусов в органах власти и гражданском обществе. Уличные, активисты, блогеры, общественники, эксперты по различным направлениям, предприниматели работали вместе с руководителями ведомств, начальниками администраций и директорами предприятий. Возможно, именно на этих сессиях люди поняли, что они не противники друг другу и хотят практически одного и того же – чтобы Омск развивался, только цели и задачи развития могли быть разными и требующими согласования между собой. После этого руководители региона уже регулярно появлялись на неформальных публичных мероприятиях, участвуя в их работе, сокращали социальную дистанцию с горожанами, независимо от их предпочтений. В качестве характерного примера можно привести визит в 2013 году руководителя региона на Городской пикник, который был организован инициативной группой омичей. Губернатор решил подойти к открытой площадке «Строим город сами» и попросил помощи в организации пространства заброшенной территории Омской крепости. Такое движение на сближение позиций было позитивно принято акторами гражданского общества, которые согласились работать без финансирования, но при организационной поддержке Министерства культуры Омской области и местных депутатов всех уровней, и за несколько месяцев провели открытый конкурс видения крепости среди всех желающих. Было собрано 39 предложений от людей и коллективов, выбраны лучшие, переданные для профессиональной переработки четырём командам архитекторов, которые разработали свои варианты для городского пространства «Омская крепость». Однако далее произошёл «системный сбой», так как руководство региона не смогло в должной мере привлечь к проекту администрацию города, у которой был свой вариант развития общественного пространства, а прислушиваться к инициативам «снизу» они оказались не готовы. В итоге, муниципалитет отказался от согласованной ранее процедуры

общественного обсуждения и принял решение «за закрытыми дверями», результаты которого привели к тому, что здания отремонтировали, но сама Омская крепость оказалась в таком виде не нужна городскому сообществу, а конкурс на её освоение признаётся несостоявшимся уже несколько раз.

Затем в Омске был относительно положительный опыт учёта мнения горожан при благоустройстве исторической улицы – Любинского проспекта, несмотря на то, что первоначальный вариант преобразования центра города за счёт помощи крупного налогоплательщика, опубликованный в начале 2015 года, так возмутил омичей, что мгновенно организовалась инициативная группа «ЛУЧ – Любинский удобный для человека», которая смогла показать всю абсурдность создания на исторической улице сплошной парковки в угоду частным интересам нескольких предпринимателей. Надо отдать должное спонсору, он отказался от своего варианта и организовал серию публичных мероприятий по разрешению конфликта с горожанами. Не все замечания были учтены, но Омск получили комфортную улицу, наполненную активностями, а гражданское общество приобрело положительный опыт выполнения своих запросов методами общественного участия.

Ещё одна попытка сделать активного горожанина заказчиком общественных пространств была предпринята в 2017 году, когда институт Стрелка при поддержке государства и инвесторов, разрабатывал концепции благоустроенных общественных пространств в нескольких городах. Омск был включен в их перечень и именно тогда архитектор Ефим Фрейдин предложил инициативной группе реализовать проект «Город решает», основанный на существующем опыте вовлечения горожан в соучаствующее проектирование, в результате которого горожане сформулировали запрос на изменение и видение территории, а две группы архитекторов разработали концепции развития набережных Иртыша и Оми. Концепции получили высокую оценку профессионального сообщества и жителей, были современные, красивые и могли стать драйвером развития Омска, но администрация города исключила готовые решения из рассмотрения и заказала новый проект, вызвавший как критику со стороны профессионалов, так и непонимание со стороны активных горожан. Опять повторился сценарий разрыва социальных связей с победой вертикали власти над гражданским обществом, приведший к усилению социальной апатии и увеличению потока миграции активных людей в более прогрессивные города. И такая ситуация будет повторяться до тех пор, пока руководители города не поймут, что ключевым заказчиком на общественные пространства должен стать активный горожанин.

При этом, процедура, обеспечивающая вовлечение жителей в проектирование общественных пространств с самой первой стадии, хорошо известна и уже имеет опыт применения в Омске. Второй сезон проекта «Город решает: развитие общественных пространств», поддержанный фондом президентских грантов, доказал это ещё раз[9]. Были выбраны небольшие пространства, на которых существовали инициативные сообщества, которые за год обучились современным методам развития территорий, поработали с

заинтересованными сторонами и экспертами, сформулировали видение будущего своего пространства, а архитекторы разработали дизайн-проект. Некоторые элементы проектов удалось реализовать сразу, другие запланированы на будущее, один дизайн-проект победил в конкурсе, организованном администрацией Омска, а его выполнение будет финансироваться в очередном году по федеральной программе. В самом конце проекта администрация города обратила внимания на наши технологии вовлечения и попросила провести подобные мероприятия для городского парка «Зелёный остров». Оказалось, что горожане готовы участвовать в работе, а два мероприятия посетили более 180 человек, при этом, в процессе проектных сессий люди активно вносили очень хорошие предложения и не боялись критиковать стереотипы, которые часто транслировала администрация. Спустя полгода, основываясь на сформулированных видениях, архитектор Андрей Сергеев разработал концепцию городского парка «Зелёный остров», которую омичи вновь активно обсуждали, внося свои пожелания, а архитектурно-градостроительный совет утвердил её для реализации. Остаётся надежда на то, что руководители города доведут начатое дело до логического завершения и парк «Зелёный остров» станет таким, каким его хотят видеть омичи. Тогда этот опыт превратится в комплексный кейс для новой урбанполитики общественных пространств, основанной на технологии формирования запроса от граждан с последующей профессиональной экспертизой и организационным обеспечением со стороны администрации города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костарев, С.В. Урбанизация как фактор динамики культуры // Омский научный вестник. – Омск, 2012. – № 5. – С. 233-236.
2. Handbook of Politics: State and Society in Global Perspective / Edited by Kevin T. Leicht and J. Craig Jenkins. – Springer, 2010. – 668 p. (423 – 440)
3. Костарев, С.В. Феномен общественного участия в реализации естественного права // Международные юридические чтения: Мат. научно-практической конференции. Часть 1. – Омск, 2008. – С. 77-80.
4. Костарев, С.В. Стейкхолдеры социального проекта: определение и анализ // Инновационная экономика и общество. – Омск: ОмГУПС, 2016. – № 3. – С. 85-91.
5. Костарев, С. В. «Гражданское общество» versus «вертикаль власти»: конкуренция в информационном пространстве // Человек и общество в нестабильном мире: материалы международной научно-практической конференции. . – Омск: ОмЮА. 2018. – С. 60-66.
6. История озеленения города [Электронный ресурс] / Омск.РФ. Официальный портал администрация города Омска. – Режим доступа: <https://admomsk.ru/web/guest/news/greenery/history>. Дата обращения: 10.04.2020.
7. Котова, Е.С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды [Электронный ресурс] / Лабиринт. Журнал социально-

гуманитарных исследований, #3/2014. – Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2014/12/Kotova.pdf> Дата обращения: 10.04.2020.

8. Костарев, С.В. Конструктивный протест: опыт общественного участия в принятии решений в городе Омске // Общество и человек в контексте трансформации современной России: Мат. международной научно-практической конференции. – Омск, ОмЮА, 2014. – С. 9-17.

9. Город решает: программа поддержки городских инициатив по развитию локальных общественных пространств [Электронный ресурс] / Сайт проекта. – Режим доступа: <https://urban.ecomsk.ru/> Дата обращения: 10.04.2020.

УДК 323.2

Е.А. Крутова

Учитель истории и обществознания МБОУ г. Иркутска СОШ №5,
г. Иркутск, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕСА КАК ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ

Аннотация: В статье анализируется проблема безработицы среди молодежи и возможные пути ее решения. Предложен путь решения проблемы безработицы через взаимодействие бизнеса и образовательных структур. Предложены формы данного сотрудничества.

Ключевые слова: Бизнес, образование, молодежь, рынок труда, безработица.

E.A. Krutova

Teacher of history and social studies
Irkutsk, Russia

INTERACTION BETWEEN EDUCATION AND BUSINESS HOW TO SOLVE THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT

Abstract: The article analyzes the problem of youth unemployment and possible ways to solve it. The author suggests a way to solve the problem of unemployment through the interaction of business and educational structures. The forms of this cooperation are suggested.

Keywords: Business, education, youth, labor market, unemployment.

Современный рынок труда в России характеризуется дисбалансом спроса и предложения. С одной стороны, выпускники учебных заведений и молодые специалисты не могут найти подходящую работу по ряду причин. С другой стороны, рынок труда испытывает дефицит в специалистах в определенных сферах. Сложившаяся ситуация, при которой рынок труда испытывает переизбыток специалистов в одних сферах и дефицит в других, а многие молодые люди находятся в состоянии безработицы, либо работают не по полученной профессии, отрицательно влияет на экономику России в целом. Следовательно, необходимо использовать новые подходы, которые бы способствовали улучшению ситуации на рынке труда. В этой связи актуальным является вопрос взаимодействия бизнеса и образования, как фактора, который способствует решению проблемы, сложившейся на рынке труда.

В настоящее время практика взаимодействия бизнеса и образовательных учреждений распространена в зарубежных странах (США, Германия, Франция, Япония и т.д.). Как правило, данные партнерские отношения обозначаются

термином «государственно-частное партнерство» [1, с. 158]. В России традиционно взаимодействие бизнеса и образования ассоциируется с практикой студентов в том или ином учреждении. В отдельных городах, как правило, мегаполисах, используются и другие формы партнерских отношений между бизнесом и образованием.

Например, в 2018 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано первое малое инвестиционное предприятие Санкт-Петербургского государственного университета в форме акционерного общества «Исследовательский центр национальной экономики СПбГУ» [2]. В этом же университете реализуются другие формы взаимодействия с бизнесом. Преподаватели и студенты проводят исследования и экспертизы для таких крупных компаний как ОАО «РЖД», ПАО «Газпром» и т.п. И, конечно же, студенты ежегодно участвуют в прикладных исследовательских проектах совместно с сотрудниками компаний, реализуя практику в университете. Так происходит создание выпускных квалификационных работ и подготовка будущих специалистов.

Другим примером взаимодействия является Сибирский федеральный университет. Данное учебное заведение ежегодно участвует в Красноярском экономическом форуме, на котором представители бизнес-структур встречаются с преподавателями, молодыми учеными и студентами. Представители университета являются участниками правления Красноярского городского инновационно-технологического бизнес-инкубатора вместе с представителями городской администрации, регионального союза промышленников и предпринимателей, региональных компаний и предприятий [3, с. 94].

Однако такие примеры являются уникальными для России. В большинстве городов существует пропасть между бизнесом и образовательными структурами. Каждая из систем существует сама по себе. В результате можно наблюдать такие цифры, характеризующие рынок труда в России.

Согласно Росстату, в 2019 г. 3,5 млн. человек в России числились безработными (4,6% от общего количества населения). Среди них доля молодежи, то есть молодых людей до 30 лет, составила 1,9 млн. человек или 54% от общего количества безработных. Согласно исследованиям Росстата, большая часть молодежи (51%) находится в состоянии безработицы, поскольку не может найти работу [4]. Другими словами, в состоянии безработицы находятся выпускники учебных заведений, которые по той или иной причине не могут найти работу.

Поэтому в настоящий момент сложившаяся ситуация на рынке труда в России требует определенных решений. Взаимодействия бизнеса и образования может стать одним из путей решения данной проблемы. Сотрудничество бизнеса и образования может выражаться в следующем:

- 1) инвестирование бизнеса в инфраструктуру образовательной системы;
- 2) посещение представителей компаний учебных заведений, с целью консультирования обучающихся, информирования о вакансиях и требованиях к

ним, предложения различных курсов или семинаров. Участие представителей компании в обучении и научно-исследовательской деятельности обучающихся;

3) совместная разработка образовательных программ, главных и дополнительных дисциплин и т.п. Учебные планы должны быть ориентированы на потребности рынка труда для того, чтобы компетенции выпускников соответствовали требованиям работодателей к их квалификации;

4) продолжение реализации практик и стажировок обучающихся с предоставлением условий для дальнейшего трудоустройства;

5) трудоустройство выпускников. Данная форма взаимодействия должна быть выгодна для обеих сторон, поскольку обеспечивает профессиональную ориентацию обучающихся на определенную работу в каком-либо подразделении предприятия;

6) разработка программы непрерывного образования через систему переобучения и повышения квалификации [5, с. 282].

Данное взаимодействие будет эффективным при соблюдении определенных условий, которые в настоящий момент в России либо отсутствуют, либо находятся в стадии разработки.

Во-первых, необходимо создать нормативно-правовую базу, регулирующую взаимодействие государства, бизнеса и образовательных структур.

Во-вторых, следует разработать механизм информационного сопровождения деятельности бизнеса в сфере образования, а также необходимо выработать показатели и критерии эффективности сотрудничества бизнеса и образования.

Необходимо разработать систему мониторинга рынка труда с целью определения актуальных и нужных вакансий. Данные сведения должны получать учебные заведения с целью подготовки тех специалистов, в которых нуждается рынок труда. Со стороны бизнеса сотрудничество должно осуществляться в форме экскурсий обучающихся на предприятия, которые следует устраивать с 5-го класса. Далее сотрудничество должно быть выражено в практике обучающихся на данных предприятиях с дальнейшим трудоустройством.

В-третьих, сотрудничество бизнеса и образования возможно только при взаимной заинтересованности в повышении качества подготовки специалистов. Стремление получить высококвалифицированных сотрудников должно заставлять бизнес-структуры инвестировать средства в образование. Одновременно они должны иметь право участвовать в оценке выпускников, компетенции преподавателей, учебных программ, научных исследований.

Только создав соответствующую нормативно-правовую базу и выработав механизм взаимодействия бизнеса и образования можно продумывать разные формы данного сотрудничества, которые были предложены выше.

Таким образом, было установлено, что на безработицу среди молодежи влияют следующие факторы.

Во-первых, несоответствие направлений, по которым дают профильное образование в учебном заведении, потребностям рынка труда.

Во-вторых, неспособность молодых специалистов эффективно работать из-за отсутствия практики.

Одним из способов решения данной проблемы должно стать взаимодействие бизнеса и образования. Данные партнерские отношения необходимо усилить в двух направлениях: 1) развитие кадрового потенциала; 2) развитие научно-исследовательской деятельности.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что Россия добьется поставленных целей (создание инновационной экономики и занятие лидерских позиций на мировой арене) только в том случае, если все участники данного процесса будут осознавать важность своего вклада в достижении данных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова, Н.Ф. Взаимодействие образования и бизнеса как путь развития экономики и решения социальных проблем // Вестник Донского государственного технического университета. – 2013. – №3.

2. Бизнес, наука и образование — основа цифровой экономики [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://spbu.ru/news-events/intervyu-rektora/biznes-nauka-i-obrazovanie-osnova-cifrovoy-ekonomiki>. Дата обращения: 15.03.2020.

3. Назарова О.Ю. Экспорт образования: новая роль бизнеса в развитии образования в России и за рубежом // Ученые записки российского государственного социального университета. – 2016. – №6.

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gks.ru>. Дата обращения: 01.03.2020.

5. Крутова, Е.А. Сотрудничество государства и бизнеса по развитию человеческого капитала в современной России // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – №1.

6. Вишневский, В.А. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. – 2010. – № 9.

7. Городнова, А.А. Непрерывное образование и тенденции развития бизнес-образования // Сборники конференций НИЦ социосфера. – 2011. – №25.

8. Илюхина, М.Ю. Эффективность взаимодействия бизнеса и образования // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XVI междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2014. – №1.

9. Каллас, М.С. Взаимодействие науки, образования и бизнеса как основа формирования инновационной среды в России // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №4.

10. Портер, М. Ю. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2005. – 608 с.

11. Сагдатуллин, А.М. Интеграция науки, образования, производства и бизнеса как основа повышения эффективности региональной системы

профессионального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014. – №1.

УДК 327

К.Г. Муратшина

к.и.н., доцент кафедры теории и истории
международных отношений УрФУ, г. Екатеринбург, Россия

И.Р. Хамзин

младший научный сотрудник лаборатории
естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях УрФУ,
г. Екатеринбург, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН*

Аннотация: Цель исследования – выявление институтов, через которые осуществляется гуманитарное сотрудничество (то есть взаимодействие в сферах культуры, науки, образования, работы с молодежью, спорта, туризма, информации и массовых коммуникаций) между Россией и Узбекистаном, их видов и симметрии.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, международные отношения, гуманитарное сотрудничество.

K.G. Muratshina

PhD in historical sciences, Docent, Ural Federal University, Yekaterinburg,
Russia

I.R. Hamzin

Junior Researcher, Laboratory science methods in humanities research, Ural Federal
University, Yekaterinburg, Russia

Abstract: The aim of this article is to identify the institutions, via which Russian–Uzbek humanitarian cooperation (including ties in culture, education, science, information and media, sport, tourism and youth policy) is carried out, as well as their types and symmetry.

Keywords: Russia, Uzbekistan, international relations, humanitarian cooperation.

Гуманитарное сотрудничество является важной и постоянно развивающейся областью межгосударственного взаимодействия. Согласно законодательству Содружества Независимых Государств, к гуманитарной сфере относят следующие области сотрудничества: культуру, науку, образование, работу с молодежью, спорт, туризм, информацию и массовые коммуникации [1]. Для изучения процессов сотрудничества в данной сфере и его развития

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060.

важно знание институциональной структуры, которая может показать симметрии и асимметрии в отношениях между государствами, зрелость связей, содействовать аналитической работе и прогнозированию дальнейшего прогресса контактов. В данной статье изучается институциональная структура сотрудничества в гуманитарной сфере на двустороннем уровне между Российской Федерацией и одним из ее центрально-азиатских соседей – Республикой Узбекистан. Нужно отметить, что гуманитарная сфера – наименее изученная область отношений этих стран, на фоне достаточного числа российских и зарубежных исследований военно-политического и экономического взаимодействия, а также вопросов миграции. В существующих работах по ней изучаются, в основном, конкретные вопросы в областях культуры и образования [2–4].

Для начала необходимо назвать институты двустороннего взаимодействия на межгосударственном уровне. В первую очередь к ним следует отнести регулярные контакты президентов двух стран, премьер-министров, министров иностранных дел (на этом уровне обсуждается весь спектр вопросов в отношениях, в том числе и гуманитарной сферы). Создана Совместная комиссия на уровне глав правительств России и Узбекистана. Ее первое заседание по обсуждению торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества состоялось в мае 2019 г. в Ургенче [5].

Далее, отметим развитость связей отраслевых государственных ведомств. В частности, ведется достаточно интенсивное сотрудничество между Министерствами культуры двух стран: на взаимной основе организуются Дни культуры, Дни кино, гастроли исполнителей, осуществляются связи с узбекистанской стороной подведомственными Минкультуры РФ театрами, музеями, библиотеками. Их партнерами становятся учреждения, находящиеся в ведении Минкультуры РУз [6].

Аналогичная система связей выстроена между Министерствами образования двух стран и подведомственными им вузами. Например, МГУ им. М. В. Ломоносова имеет соглашения о сотрудничестве с семью вузами РУз, по четыре соглашения имеют Уральский федеральный университет, Челябинский государственный университет, Томский государственный университет и т. д. Начиная с 2018 г., в Узбекистане открыты филиалы 7 российских вузов: МГУ, МГИМО, Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова, Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Университета нефти и газа им. И. М. Губкина [5].

Осуществляются связи между Министерством спорта РФ и Министерством по делам культуры и спорта РУз и подведомственными им организациями. Например, представители РУз участвовали в проведенной Минспортом РФ конференции по антидопинговой политике [7]. Кроме того, Россия предоставила Узбекистану возможность использования

подведомственных Минспорту РФ федеральных спортивных баз («Новогорск», «Озеро Круглое», «Юг Спорт») для проведения тренировочных сборов в рамках подготовки к международным соревнованиям [8].

Связи в области туризма осуществляются такими государственными органами сторон, как Федеральное агентство по туризму РФ (Ростуризм) и Государственный комитет РУз по развитию туризма. По данным Ростуризма, ведется обмен статистикой, разработка различных видов турпродуктов, а также организационная помощь узбекской стороне по участию в международных туристических выставках [9].

Значительную нагрузку по организации гуманитарных обменов несут такие государственные институты, как дипломатические представительства. С российской стороны это Посольство РФ в РУз, с узбекистанской – Посольство РУз в РФ, а также консульства в Санкт-Петербурге, Казани, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Новосибирске и Владивостоке. Обращает на себя внимание неравнозначность числа миссий. Логично, что большие объемы миграции из РУз в РФ требуют решения консульских вопросов в разных российских регионах, но для России наличие лишь одной дипмиссии на территории столь важного соседа выглядит недостаточным. Остается лишь предполагать, почему могла сложиться такая ситуация – по причине ли недостатка ресурсов у российской стороны, или из-за возможного нежелания РУз расширять дипломатическое присутствие своего партнера.

В тесном контакте с диппредставительствами работают на взаимной основе государственные культурные центры. По Соглашению 1998 г., созданы Российский центр науки и культуры в Ташкенте и Информационный культурно-просветительский центр РУз в Москве. Они обязаны содействовать реализации программ двустороннего гуманитарного сотрудничества и могут «устанавливать прямые связи с министерствами, другими государственными учреждениями и организациями, местными органами власти, обществами, ассоциациями, фондами, а также с отдельными гражданами государства пребывания» [10]. Центр РУз подчиняется посольству РУз, а РЦНК входит в систему представительств Россотрудничества. Эти центры вместе с дипмиссиями организуют большую часть мероприятий, направленных на продвижение культуры и языка сторон: конкурсов, фестивалей, концертов и т. д. Россотрудничество, кроме того, регулярно передает в дар школам и библиотекам РУз книги, в РЦНК проводятся литературные вечера, методические занятия для учителей, преподается русский язык, есть большая собственная библиотека, кино клуб [11].

Культурные центры небольшого масштаба открываются сторонами в учебных заведениях друг друга. В России при поддержке посольства РУз в 2019 г. открыты Центр узбекской культуры в Казанском кооперативном институте [12] и Центр узбекского языка и культуры в Астраханском государственном университете [13]. Оба выполняют схожие функции – проведение лекций, мастер-классов по культуре Узбекистана, языковых курсов. Аналогичные российские центры в вузах РУз тоже есть, например, в 2018 г. открыт Центр

русского языка в Университете имени А. Навои [14], в 2019 г. – Центр русского языка в филиале Ташкентской медицинской академии в Ургенче [15].

На уровне регионов двух стран гуманитарная сфера также является предметом сотрудничества государственных структур. Местными органами власти РФ и РУз заключаются соглашения, организуются тематические мероприятия (Дни культуры, молодежные форумы и фестивали). В пример можно привести связи Москвы [16] и Санкт-Петербурга [17] с Ташкентом, Свердловской [18] и Челябинской [19] областей с Наманганской областью, узбекских регионов с российским Татарстаном [20]. В 2018 г. был проведен первый форум межрегионального сотрудничества между РФ и РУз, на котором представители регионов имели возможность прямых контактов для обсуждения вопросов экономического и гуманитарного сотрудничества [21].

Далее, есть ряд институтов сотрудничества, которые работают на стыке между государственным и негосударственным уровнями. К ним можно отнести структуры, обеспечивающие связи в области молодежной политики. С российской стороны в них участвуют как государственное ведомство – Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), так и общественная организация – Российский Союз молодежи; со стороны РУз – общественная – Союз молодежи Узбекистана. Эти структуры в сотрудничестве с дипмиссиями государств осуществляют регулярные контакты и провели два форума молодежи РФ и РУз [22].

На стыке государственных и негосударственных структур проходит сотрудничество в области печати и массовых коммуникаций. В 2014 г. Ассоциация книгоиздателей России – общественная организация – провела в Москве «Славянский книжный праздник», на который были приглашены в том числе русскоязычные издатели Узбекистана, и была организована выставка книжных новинок [23]. В то же время среди организаторов Московской международной книжной ярмарки, на которой бывает представлена литература в том числе постсоветских стран, – как общественные структуры (Российский книжный союз), так и государственные (Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) и Правительство Москвы) [24].

Сотрудничество в научно-образовательной сфере также вовлекает разные типы структур. Например, в феврале 2020 г. состоялся круглый стол «Форматы и направления сотрудничества вузов России и Узбекистана в сфере подготовки квалифицированных кадров». Он был организован Самаркандским государственным университетом, Томским государственным университетом и общественной организацией – экспертным клубом «Сибирь–Евразия».

Еще один пример сочетания государственных и негосударственных институтов – совместная работа казенных учреждений с диаспоральными организациями и обществами дружбы. Например, Московским домом национальностей совместно с «Обществом дружбы и сотрудничества России с Узбекистаном» в 2017 г. был проведен круглый стол по творчеству А. Навои [25]. При правительстве РУз в 2017 г. создан Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами. Совместно с

эмигрантскими структурами узбекской диаспоры он организует конференции, семинары, круглые столы, выставки, концерты и другие мероприятия, направленные на продвижение узбекской культуры и языка. Им же контролируется деятельность культурных центров других народов в Узбекистане, в том числе Русского культурного центра [26]. При Комитете функционируют 34 общества дружбы с другими государствами, в том числе созданное в 1998 г. Общество дружбы «Узбекистан–Россия». В его состав вошли деятели науки, образования, культуры, искусства, бизнеса [27].

Теперь обратимся к негосударственным институтам. Первым из них следует назвать Российскую гуманитарную миссию (РГМ). В своих документах она позиционирует себя как неправительственную организацию, «профессионально осуществляющую гуманитарную помощь». В основном, ее работа связана с медицинской помощью и доставкой гуманитарных грузов, но организует она и культурно-образовательные проекты, в том числе на постсоветском пространстве. Например, в 2018 г. в Узбекистане РГМ проведены серия лекций и мастер-классов по русскому языку и русской литературе, выставка картин из коллекции Государственного музея Л. Н. Толстого, мастер-классы для учащихся музыкального колледжа в Бухаре, переданы в дар интерактивный класс русского языка для школы № 2 Бухары и 1800 книг для школьных и муниципальных библиотек РУз [28, с. 1, 8–11].

Вторым типом негосударственных институтов, принимающих участие в гуманитарных обменах, являются уже упоминавшиеся ранее отраслевые сообщества – союзы творческих деятелей, исследователей и т.д. Третий тип – диаспоральные организации. Среди узбекских структур в РФ – «Всероссийский конгресс узбеков, узбекистанцев», Общество соотечественников Узбекистана «Умид» в Санкт-Петербурге, Владимирская региональная общественная организация узбеков «Дружба», «Национально-культурная автономия узбеков Республики Татарстан», «Узбекская община Пензенской области», «Узбекская община г. Новосибирска», «Местная узбекская национально-культурная автономия г. Красноярска», Камчатская региональная узбекская общественная организация «Узбекистон» и многие другие, практически в каждом российском регионе. Помимо содействия трудовым мигрантам, эти структуры участвуют в мероприятиях, организуемых посольствами и консульствами, проводят фестивали узбекской кухни, открытое для всех празднование Навруза и т. д.

Организаций русской общины в РУз значительно меньше. Как отмечает в интервью член президиума правления РКЦ Ю. С. Флыгин, «русская диаспора значительно уменьшилась по сравнению с периодом до 1991 года. Точные данные о численности русского населения в РУз отсутствуют, но по различным экспертным оценкам, русских в республике 450–600 тысяч человек, причем 85–90 % их сосредоточено в Ташкенте и Ташкентской области. Единственной диаспоральной организацией русского населения является Русский культурный центр. В настоящее время РКЦ имеет 23 территориальных подразделения – областные (во всех областных центрах) и несколько городских (в основном в Ташкентской и Навоийской областях). Они ведут определенную работу по

пропаганде русского искусства, сохранению народных традиций – организуют концерты, выставки, различные встречи и вечера, но в силу недостаточной самостоятельности общественных организаций, определяемой сложившимися в Узбекистане политической традицией и практикой, и финансовых причин не могут выступать единоличными организаторами крупных мероприятий, а лишь содействуют в проведении культурных обменов, которые осуществляются по инициативе государственных структур Узбекистана и России, обычно при участии Посольства РФ и Россотрудничества. Также при РКЦ существует образовательный центр «Стандарт образования», осуществляющий платные подготовительные курсы для поступления в российские вузы» [29].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Гуманитарная сфера во взаимодействии РФ и РУз хорошо институционализирована, сотрудничество ведется на постоянной основе конкретными акторами на всех уровнях международного взаимодействия. Институты сотрудничества частично были сформированы еще в 1990-е гг., но многие появились и в последние годы, начиная примерно с 2017 г., что можно связать с общей активизацией российско-узбекистанских отношений после прихода к власти нового президента Ш. Мирзиёева [30]. В системе сотрудничества преобладают государственные институты, что указывает на высокую степень заинтересованности, координации и контроля государств над процессом взаимодействия. Взаимодействие негосударственных организаций часто бывает связано с государственными институтами и координируется посольствами, отраслевыми ведомствами, Россотрудничеством.

В отношении негосударственных институтов результаты исследования показывают количественное и территориально-географическое преобладание узбекских диаспоральных объединений в РФ над российскими в РУз. Узбекская диаспора ведет достаточно интенсивную культурную деятельность. Российские организации в Узбекистане, несмотря на свою меньшую численность, делают очень многое для развития культурных связей. Кроме того, Россотрудничеством и РГМ оказывается чрезвычайно значимая гуманитарная помощь узбекистанской стороне. Для России важно обеспечивать своим культурным миссиям необходимую организационную и финансовую поддержку и иметь четкую стратегию развития сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sotr/. Дата обращения: 13.09.2019.
2. Юн С. М. Реформа и интернационализация высшего образования Узбекистана при президенте Ш. М. Мирзиёеве // Вестник ТГУ. История. 2019. № 62. С. 138–144.

3. Рушанин В. Я. Россия и Узбекистан: грани развития культурно-образовательного сотрудничества // Вестник культуры и искусств. – 2019. – № 1. – С. 173–177.
4. Цыряпкина Ю. Н. Русскоязычное культурное пространство в Узбекистане и «фактор России» // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. – № 33. – С. 193–198.
5. Совместное коммюнике по итогам первого заседания Совместной комиссии на уровне глав правительств России и Узбекистана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://government.ru/info/36865/>. Дата обращения: 09.03.2020.
6. Алла Манилова: «У нашей дружбы с Узбекистаном глубокие корни». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mkrf.ru/press/news/u_nashey_druzhby_glubokie_korni/?sphrase_id=2715983. Дата обращения: 17.11.2019.
7. В Москве прошла Международная конференция «Антидопинговое обеспечение в спорте». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/press-centre/news/34357/?sphrase_id=894368. Дата обращения: 02.04.2020.
8. Встреча Павла Колобкова и президента НОК Узбекистана Рустама Шаабдурахмонова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/press-centre/news/33821/?sphrase_id=894368. Дата обращения: 02.04.2020.
9. Глава Ростуризма Олег Сафонов принял участие в рабочей встрече с чрезвычайным и полномочным послом РУз в России Ботиржоном Асадовым. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.russiatourism.ru/news/16204/?sphrase_id=505189. Дата обращения: 10.11.2019.
10. Соглашение между Правительством РФ и Правительством РУз об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901755604>. Дата обращения: 02.04.2020.
11. Российский центр науки и культуры в Ташкенте. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://uzb.rs.gov.ru/ru/about>. Дата обращения: 09.03.2020.
12. В Казани открылся центр узбекской культуры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rt-online.ru/v-kazani-otkrylsya-tsentr-uzbekskoj-kultury/>. Дата обращения: 09.03.2020.
13. В ноябре в АГУ откроется Центр узбекского языка и культуры. URL: <http://asu.edu.ru/news/8299-v-noiabre-v-agu-otkroetsia-centr-uzbekskoi-kultury-i-iazuka.html>. Дата обращения: 09.03.2020.
14. В Ташкенте начал работу узбекско-российский образовательный форум. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/society/20181018/9732848/V-Tashkente-nachal-rabotu-uzbeksko-rossiyskiy-obrazovatelnyy->

forum.html?_ga=2.112358860.973378662.1585830666-1776648677.1568483879.

Дата обращения: 02.04.2020.

15. Центр русского языка открылся в Ургенче. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/society/20190329/11112067/centr-russkogo-yazika-urgench.html>. Дата обращения: 02.04.2020.

16. Соглашение между Правительством РФ и Правительством РУз о создании экспозиционного центра «Выставочно-культурный центр Республики Узбекистан» в павильоне № 66 на территории Всероссийского выставочного центра в г. Москве. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/560483097>. Дата обращения: 02.04.2020.

17. Ташкент–Санкт-Петербург: взаимовыгодное сотрудничество. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/40196>. Дата обращения: 02.04.2020.

18. Соглашение между Правительством Свердловской области (РФ) и Хокимиятом Наманганской области (РУз) о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и иных сферах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/561757746>. Дата обращения: 02.04.2020.

19. Власти Челябинской области подписали соглашение о сотрудничестве с Наманганской областью. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.kommersant.ru/doc/3773832?query=гуманитарное сотрудничество](https://www.kommersant.ru/doc/3773832?query=гуманитарное%20сотрудничество). Дата обращения: 02.04.2020.

20. Шавкат Мирзиёев принял главу Татарстана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uz24.uz/ru/politics/shavkat-mirziyoev-prinyal-glavu-tatarstana>. Дата обращения: 02.04.2020.

21. Первый форум межрегионального сотрудничества между Россией и Узбекистаном. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58858>. Дата обращения: 18.11.2019.

22. В столице проходит II Фестиваль молодежи России и Узбекистана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/news/50340>. Дата обращения: 03.04.2020.

23. III Славянский книжный праздник. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fapmc.ru/rospechat/newsandevents/events/exhibitions/2016/09/item4.html>. Дата обращения: 03.04.2020.

24. Московская международная книжная выставка-ярмарка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fapmc.ru/rospechat/newsandevents/events/exhibitions/2019/item12.html>. Дата обращения: 03.04.2020.

25. Круглый стол «Творчество А. Навои и значение его творчества в современных российско-узбекистанских отношениях». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mdn.ru/report/obshhestvo-druzhby-i-sotrudnichestva-rossii-s-uzbekistanom-kruglyj-stol-tvorchestvo-a-navoi-i-znachenie-ego-tvorchestva-v-sovremennyh-rossijsko-uzbekistanskih-otnosheniyah>. Дата обращения: 18.11.2019.

26. О Комитете по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при кабинете министров Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nbu.uz/gallery/friendship-society-uzbekistan-japan/o-komitete-po-mezhnatsionalnym-otnosheniyam-i-druzhestvennym-svyazyam-s-zarubezhnymi-stranami-pri-kabinete-ministrov-respubliki-uzbekistan/>. Дата обращения: 09.03.2020.

27. Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при кабинете министров Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://interkomitet.uz/o-komitete/obshhestva-druzhy/#1519473432755-2d9eb418-c37b>. Дата обращения: 09.03.2020.

28. Русская гуманитарная миссия. Ежегодный отчет. – М.: Русская гуманитарная миссия, 2018. – 25 с.

29. Письменное интервью К. Г. Муратшиной с Ю. С. Флыгиным. 04.04.2020.

30. Борисов Д. А. Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 130–139.

А.Г. Наронская

к. полит. наук, доцент Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург, Россия

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Свердловская область является регионом, который на протяжении последних двадцати пяти лет активно развивает международное сотрудничество. Фактором, детерминирующим развитие парадипломатии, стал феномен региональной политической идентичности. Международная активность Свердловской области, институционализация парадипломатии в полной мере соответствовали политике суверенизации властных групп. В результате реформ 2000-х годов региональные элиты утрачивают политическую, экономическую автономию от центральной власти, а их возможности развивать международный связи минимизируются.

Ключевые слова: Международная деятельность, парадипломатия, свердловская область, региональная элита, региональная идентичность.

A.G. Naronskaya

PhD in Political sciences, Docent, Ural Federal University, Department of
International Relations, Ekaterinburg, Russia

REGIONAL IDENTITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ACTIVITIES IN THE SVERDLOVSK REGION

Abstract: The Sverdlovsk region is a region that has actively developed international activities over the past twenty-five years.

The phenomenon of regional political identity has become a factor determining the development of paradiplomacy of Sverdlovsk region. The formation of a paradiplomacy fully corresponded to independent policy of power groups. As a result, of the Federal reform 2000s, regional elites have lost political and economic autonomy and their opportunities to develop international relations have been minimized.

Keywords: international activities, paradiplomacy, Sverdlovsk region, regional elite, regional identity.

В течение последних десятилетий российские регионы активно осваивают различные направления международной деятельности. Этому процессу способствуют глобализация и регионализация, которые размывают национальный суверенитет современных государств. Федеративное устройство также побуждает регионы к развитию парадипломатии. В результате международной деятельности наиболее динамично развивающиеся субъекты федерации могут повышать свою экономическую конкурентоспособность и

привлекать зарубежных инвесторов. В первую очередь, в развитии международной субъектности заинтересованы правящие региональные политико-экономические группы. Это неудивительно, ведь парадипломатия предоставляет региональным элитам не только возможность принимать участие в международной деятельности, обеспечивать социально-экономический рост своего региона, но и значительно повышать свой политический статус.

Стоит отметить, что степень вовлечения российских регионов в международную деятельность различна, она зависит от географического положения того или иного российского региона, его экономического и социально-культурного развития, а также от специфики регионального управления и распределения властных ресурсов между правящими группами субъекта федерации [1, с.17]. Наряду с перечисленными особенностями, фактором, детерминирующим развитие парадипломатии, является феномен региональной политической идентичности. И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин отмечают, что коллективная идентичность – это комплекс представлений, образующих согласованную мотивацию индивидуального и группового поведения [2, с. 40]. Политическая идентичность является маркером политической субъектности, легитимирует ее [3, с. 452]. Добавим, что в случае с парадипломатией речь идет о международной субъектности. В.Я. Гельман рассматривает политику региональной идентичности в качестве “игры на двух уровнях”, которая направлена как по отношению к внутрирегиональным политическим и экономическим акторам, так и по отношению к избирателям [4, с. 95]. В тоже время политика региональной идентичности ориентирована на федеральный центр, от которого регионы стремятся получить приток средств в виде инвестиций, налоговых льгот или политическую поддержку на выборах [4, с.95].

Свердловская область является регионом, который на протяжении последних двадцати пяти лет активно развивает международное сотрудничество. Этому благоприятствовало выгодное географическое положение региона, тот факт, что Свердловская область – это наиболее развитый металлургический регион России, а также заинтересованность властной элиты региона в развитии международной деятельности. В значительной степени становлению региональной идентичности элитных групп Свердловской области в 1990-е гг. способствовали процессы децентрализации и политика «уральского сепаратизма». По мнению Н.А. Комлевой проект создания Уральской республики в 1993 г. возник на почве правовой неравновесности регионов Российской Федерации и имел своей целью выравнивание правовых и экономических параметров деятельности субъектов [5, с.20]. К.В. Киселев, в свою очередь, отмечает, что идея Уральской республики стала отправной точкой процесса локализации уральскости в пределах Свердловской области. Уральская республика связала бренд Урала со Свердловской областью и ее властными элитами [6, с. 142]. Причем несмотря на существенные внутриэлитные противоречия, правящие группы региона достаточно солидарно пытались легитимизировать «особую» уральскую

идентичность перед лицом общества и государства. Как показывает К.В. Киселев, традиционные идентификаторы Свердловской области, такие как металлургия, опорный край державы и т. п., трансформируются в современные составляющие идентификации региона, такие как европейскость, логистический и банковский центр, развитый город, и т. п. [7, с. 208]. В результате международная активность Свердловской области, институционализация парадипломатии в полной мере соответствовали политике суверенизации властных групп. Региональная элита активно поддерживала формирование парадипломатии, прежде всего, как института альтернативного государству. Стоит отметить, что развитие международной субъектности Свердловской области происходило спонтанно, при отсутствии контроля со стороны федерального центра и при активном содействии первого губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя. В 1991 году было принято решение об образовании Управления по международным и внешнеэкономическим связям. В 1994 году Управление было преобразовано в Департамент международных и внешнеэкономических связей, который в свою очередь, в 1998 году указом губернатора Свердловской области был реорганизован в Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области.

Реформы федеративных отношений 2000-х гг. кардинально изменили «правила игры» между центром и субъектами федерации. Главным условием международной деятельности региональной элиты стало проведение единой внешнеполитической линии и соответствие законодательства центра и регионов. В результате региональные элиты утрачивают политическую, экономическую автономию от центральной власти, а их возможности развивать международные связи минимизируются. Несмотря на существующие политические и правовые ограничения региональные группы сохраняют возможности развития экономических, социокультурных международных связей. В частности, Стратегия развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области на период до 2035 года, утвержденная правительством области в 2019 году, отражает взгляд региональной элиты на долгосрочное развитие международной деятельности региона. Показательно, что данный документ затрагивает политику региональной идентичности, в частности отмечается, что «грамотная разработка и позиционирование бренда позволят объединить интересы предпринимательского сообщества, органов власти и населения региона в целом. Региональный бренд будет способствовать увеличению объемов экспорта и количества экспортеров. Разработка маркировки товаров Свердловской области возможна совместно с другими субъектами Уральского Федерального округа под единым знаком «Сделано на Урале»» [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что международная деятельность предоставляет возможности для самовыражения региональных элит через развитие политических, экономических и гуманитарных связей в

рамках современной мировой политики, а также создает условия для интеграции элит на основе единой региональной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгина И.М., Лебедева Е.Б. Субъекты федерации в международном сотрудничестве [Электронный ресурс] / МГИМО (У) МИД России. 2008. Режим доступа: <https://mgimo.ru/files/12597/az-32.pdf>. Дата обращения: 11.03.2020.

2. Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. – 2010. – № 3.

3. Семенов И.С. Концепт идентичности в изучении политики. В книге: Современная политическая наука: Методология. [Т.А.Алексеева и др.] / Отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.

4. Гельман В.Я. Стратегии региональной идентичности и роль политических элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 2.

5. Комлева Н.А. Идея Уральской республики как выражение формалистического характера Российской Федерации / Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития: сборник научных статей. – Екатеринбург: Изд-во «Филантроп», 2001.

6. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 1.

7. Киселев К. В. К вопросу об идентичности Свердловской области // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3 (15-16).

8. Стратегия развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области на период до 2035 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. Режим доступа: <https://mvs.midural.ru/strategiya-razvitiya-mezhdunarodnykh-i-vneshneekon>. Дата обращения 20.02.2020.

УДК 323.2

Л.И. Никовская

д.соц.н., г.н.с ИС ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС, г. Москва, Россия

В.Н. Якимец

д.соц.н., г.н.с. ИППИ РАН, профессор РАНХиГС, г. Москва, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ И МЕХАНИЗМОВ
ПУБЛИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности институционального дизайна муниципальной публичной политики в двух областях ЦФО: Ярославской и Костромской.

Ключевые слова: Муниципальная публичная политика, состоятельность институтов и механизмов, гражданское общество, местное самоуправление.

L.I. Nikovskaya

Doctor of sociological sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

V.N. Yakimets

Doctor of sociological sciences, Chief Researcher, Institute for Information
Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences, Professor, Russian
Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation, Moscow, Russia

**FEATURES OF INSTITUTIONS AND MECHANISMS OF PUBLIC
INTERACTION OF THE AUTHORITIES AND CIVIL SOCIETY AT THE
MUNICIPAL LEVEL (BY THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH)**

Abstract: The article discusses the features of the institutional design of municipal public policy in two areas of the Central Federal District: Yaroslavl and Kostroma.

Keywords: Municipal public policy, the viability of institutions and mechanisms, civil society, local government.

Повышение открытости государственного и муниципального управления в современной России требует эффективного использования инструментов обратной связи в публичной сфере, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов и

производить коррекцию управленческих решений, а населению влиять на формирование «повестки дня» и процесс принятия управленческих решений, участвовать в решении социально-значимых проблем и контролировать качество их исполнения. Местное самоуправление выступает своеобразной школой гражданственности, демократической организации местной жизни. Оно приучает общество к самоорганизации, необходимой для качественного решения вопросов в соответствии с общественными интересами граждан. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий – явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического. Муниципальная публичная политика (далее МПП) – это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества – малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей. Именно на местном уровне публичная политика получает свое полное выражение. Главный акцент при изучении МПП ставится на гражданском и деловом участии в решении социально-экономических проблем местного сообщества во взаимодействии с властью.

В 2019 году нами было проведено исследование состояния институтов и механизмов МПП на базе двух регионов ЦФО – Костромской и Ярославской областей. Оно показало, что муниципальная ПП имеет свои особенности как социально-политическое явление. Опыт функционирования публичной политики на муниципальном уровне позволил подтвердить вывод о том, что публичная политика получает свое полное выражение в утверждении определенного «местного порядка». По мысли французского социолога Е. Фридберга, она являет собой «относительно автономное политическое создание, которое осуществляет на своем уровне регулирование конфликтов между заинтересованными сторонами, а также обеспечивает артикуляцию и приводит в соответствие их индивидуальные и коллективные цели и интересы» [1]. Исходя из этого мы выявили, что предметное поле МПП связано, прежде всего, с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории [2, с. 34].

По специально разработанной анкете в 2-х муниципальных образованиях двух областей ЦФО – *Костроме, Красном-на Волге, Ярославле и Ростове Великом* - проводился опрос 3-х целевых групп респондентов. Всего было опрошено 359 человек, представляющих наиболее активных и компетентных представителей трех сегментов городских сообществ – муниципальной власти (153 респондентов), малого и среднего бизнеса (108 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (98 респондентов). На основе собранной эмпирической информации были

рассчитаны значения индексов состояния МПП для каждого из 4-х муниципальных образований (далее МО). Кроме того, для каждого института и механизма МПП рассчитывалось значение критерия *состоятельности* и полноты функционала субъекта МПП. Полученные количественные показатели были сопоставлены с качественными интерпретациями, которые дали на фокус-группах представители основных субъектов и акторов взаимодействия в поле публичной политики всех 4-х МО. Соединение качественных и количественных подходов для оценки состояния субрегиональной публичной политики и ее институтов с учетом интересов различных субъектов публичной сферы (бизнес, власть, НКО-сообщество), а также использование таких оценок для выявления проблемных зон и дисфункций во взаимодействии власти и представителей гражданского общества, позволило составить представление об особенностях публичной сферы и политики на местном уровне.

Наше исследование подтвердило выдвинутую гипотезу, что в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта РФ, где проводится исследование, формируются различные типы субрегиональной публичной политики. Так, более развитая Ярославская область на уровне городского округа Ярославля показала *центрированный тип* МПП, когда ожидания всех основных акторов МПП не отрываются в оценках друг от друга. По сравнению с посткризисным 2011 г. полученные данные свидетельствуют о сохранении позитивных тенденций, связанных с традициями уважительного диалога власти с активными акторами поля муниципальной ПП. В менее продвинутой Костромской области тип МПП характеризуется более разрывными моментами, когда оценки муниципальной власти несколько завышены и отрываются от ожиданий других игроков МПП.

Нами также было проведено исследование состояния институциональной инфраструктуры МПП по критерию состоятельности для каждого из 4-х МО двух областей ЦФО. Тревожным показателем для системы муниципального публичного уровня власти оказалось то, что несостоятельными оказывается институт отстаивания общественных интересов и система муниципального здравоохранения (так называемая первичка). Также в зону несостоятельных и слабосостоятельных попали институт публичного контроля, защиты частной и муниципальной собственности, противодействия коррупции. Низкой состоятельностью обладают также институты общественных сходов, собраний и деятельности муниципальных общественных палат Ярославля и Костромы. По этим характеристикам институционального среза мы видим, насколько «просела» гражданская составляющая местного самоуправления в двух областях. В целом, по данным исследования, во всех 4-х МО пока воспроизводится модель государственного патернализма, когда социально-значимые решения принимаются в «режиме консультаций», при активном контроле государственно-административных структур.

В целом, институты и механизмы, посредством которых общество может влиять на местную власть, не отличаются высокой дееспособностью, а

инструменты, с помощью которых власть может управлять местным сообществом, напротив, доминируют. Качественный анализ показал, что запрос на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества должно развиваться в направлении нарастания интенсивности и действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления респонсивности муниципальной власти.

Данные выводы вполне укладываются в магистральную идею президентского Совета по развитию местного самоуправления, который состоялся 30.01.2020, где Президент РФ подчеркнул, что разработка проекта новых Основ государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года и внесение соответствующих поправок в новую редакцию Конституции РФ будут «обеспечивать такие условия для каждого муниципалитета в России, чтобы он мог работать эффективно, с максимальной пользой для людей и активно включаться в достижение национальных целей развития как надёжное, а не какое-то слабое или инертное звено во всей системе власти». Тем более что именно на местах «фокусируется» абсолютное большинство национальных проектов, причём роль местного самоуправления в их реализации возрастёт многократно, если будут прочные, действенные контакты между муниципалитетами и гражданским обществом [3]. Усиление финансового статуса муниципалитетов и формирование единой системы публичной власти в стране должны «обеспечить эффективность местного самоуправления, устранить разрывы, несогласованность между регионами и муниципалитетами». Президент, обобщая лучшие практики муниципального развития, особо выделил роль гражданской и деловой инициативы, идущей от местного сообщества: «нужно повышать роль, так называемого, живого или инициативного бюджетирования. В этой связи считаю возможным и необходимым в ближайшие три года довести как минимум до пяти процентов долю расходов муниципалитетов, определяемых с прямым учетом мнения граждан. Сейчас удельный вес таких бюджетных статей не превышает одного процента». Иными словами, мы видим запрос государства на усиление роли муниципальной публичной политики, повышения действенности ее институтов и субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Friedberg E. Le pouvoir et la regles. - Paris. 2015. - 329p.
2. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики. // Социально-политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 34-51.
3. Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления. [Электронный ресурс] – Режим доступа: - <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanie-soveta-po-razvitiyu-mestnogo-samoupravlenija-30-01-2020.html>). Дата обращения: 4.04.2020

Е.А. Пахомова

к.и.н., доцент ВГУВТ, г. Нижний Новгород, Россия

**СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ:
ОПЕРЕДИВШИЕ ВРЕМЯ ИЛИ ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ВЕКА**

Аннотация: Статья посвящена проблематике функционирования партии Союз правых сил в Российской Федерации. Определены основные причины электоральных неудач партии в 2003 и 2007 годах. Определено, что в настоящее время такая же партия имела бы неплохие электоральные перспективы.

Ключевые слова: Союз правых сил, оппозиция, власть, выборы, либеральная идея, «лихие девяностые».

E.A. Pakhomova

PhD in historical sciences, Docent, Volga State University of Water
Transport, Nizhny Novgorod, Russia

**UNION OF RIGHT FORCES:
TIME OR TIME OR LIFE OF THE PAST CENTURY**

Abstract: The article is devoted to the problems of the functioning of the Union of Right Forces Party in the Russian Federation. The main causes of the party's electoral failures in 2003 and 2007 are identified. It was determined that at the present time the same party would have good electoral prospects.

Keywords: Union of Right Forces, opposition, power, elections, liberal idea, «dashing nineties».

В период с 1999 по 2008 годы на политической арене Российской Федерации активно действовала право-либеральная партия «Союз правых сил». Она вобрала в себя в конце XX века почти все организации либеральной направленности. Единственным крупным исключением была партия «Яблоко» (впрочем, нельзя не признать, что последняя являлась скорее лево-либеральной партией с совершенно иной электоральной базой, в связи с чем её функционирование вне СПС было более чем логичным и оправданным [1, с. 35]). На парламентских выборах 1999 года СПС набрал 8,52 % голосов избирателей, что стало очевидным электоральным успехом. На выборах 2003 года партия в нижнюю палату парламента не прошла, набрав 4 % [2, с. 118], а в 2007 году она выступила ещё хуже, заручившись поддержкой менее 1 % избирателей [3, с. 60; 4, с. 117].

Итак, что же привело СПС к краху – сначала электоральному, а затем и окончательному, выразившемуся в самороспуске организации? Представляется,

что идеи о неприятии либерализма как такового населением страны, равно как и представлениями о том, что «Россия – левая страна» (это высказывание обычно приписывается лидеру КПРФ Г.А. Зюганову), не являются главными причинами поражения Союза правых сил. В самом деле, ряд либеральных по своей природе ценностей (свобода предпринимательства, свобода передвижения) вполне прижились в России и имеют большое число сторонников, что подтверждалось и подтверждается данными социологических опросов. Да и «левизна» России не позволила Г.А. Зюганову и другим представителям КПРФ хотя бы раз выиграть президентские выборы.

Важно подчеркнуть, что в 1999 году СПС активно поддерживал и 2-ю чеченскую кампанию, и деятельность В.В. Путина на посту главы правительства. Указанные обстоятельства сыграли свою положительную роль. В ходе же двух других выборных кампаний в Государственную думу СПС ставил во главу угла европейские ценности [5] и даже декларировал свою оппозиционность. Однако, «... данная стратегия вкупе с заигрыванием с электоратом левых себя не оправдала – СПС зашел в тупик. «Потенциальный электорат СПС как раз не склонен к жесткой антивластной позиции. И поэтому при резкой оппозиционно-радикальной позиции СПС объективно терял электоральную базу» [6, с. 281] – именно так комментировали неудачи на выборах российских право-либералов политологи.

В этой связи признаем, что, во-первых, европейская повестка дня не являлась монополией СПС. Во многом ей следовал в первой половине 2000-х годов и глава государства. То есть, продемонстрировать своё уникальное конкурентное преимущество в этом аспекте было достаточно сложно. Во-вторых, ставка на продвинутую молодёжь из мегаполисов (особенно таковая была очевидна в предвыборных роликах партии) также не сработала. Связано данное обстоятельство было в первую очередь с тем, что эта самая потенциальная электоральная база была довольна результатами реформ, авторство которых приписывают Г.О. Грефу и не видела для себя какой-либо опасности, исходившей от власти (включая, разумеется, «партию власти» в лице «Единой России»). В итоге голоса продвинутой молодёжи отошли в основном именно «Единой России», а не её конкурентам. Да, действительно, «В экономической области [СПС] предлагалось снижение налоговой нагрузки на бизнес и граждан, стимулирование частных пенсионных накоплений, стимулирование укрупнения кредитных организаций, либерализация режима деятельности сельскохозяйственных предприятий, укрепление прав собственности» [7, с. 98]. Однако, тоже самое по сути декларировалось тогда и даже реально делалось властью.

В 2004–2007 годах имели место последние электоральные успехи СПС. Связано это было с успешными с электоральной точки зрения действиями партии на выборах в региональных парламентах (о необходимости побед в регионах после поражения на парламентских выборах заявлял лидер партии Б.Е. Немцов [8, с. 189]). Подчеркнём, что в это время выборы в региональные legislatures проводились уже не по мажоритарной, но по смешанной системе

[9, с. 92–93]. Формально такие изменения свидетельствовали о том, что можно говорить о «... реальном становлении политических партий в качестве субъектов региональных электоральных процессов со стороны гражданского общества» [10, с. 75].

Причём важно отметить, что существенных успехов удалось добиться не только в Москве и Пермском крае (лидером партии тогда уже являлся упоминавшийся нами выше выходец из Перми Н.Ю. Белых), но также в Амурской, Калужской, Курганской и Тульской областях [11, с. 123]. Укажем, что Амурская область во второй половине 1990-х годов руководилась членом КПРФ А.Н. Белоноговым, а потому относилась к «красному поясу». Тульская же область имела репутацию устойчивого региона из «красного пояса», причём с 1997 по 2005 год её губернатором являлся бывший член ГКЧП В.А. Стародубцев.

Нельзя не отметить, что все эти электоральные успехи связаны были прежде всего не с усилением популярности либеральных идей в ряде российских регионов, но с весьма успешными выборными кампаниями. Руководил ими известный в 1990-х – 2000-х годах политтехнолог А.А. Баков. Им и его сотрудниками была сделана ставка на агрессивную PR-кампанию. При этом новой электоральной нишей стали пенсионеры. Было решено делать ставку на обещание социальных гарантий для пенсионеров. По большому счёту в основу таких действий было положено представление, согласно которому пенсионеры не готовы поддерживать действующую власть и отчасти разочаровались в КПРФ, поскольку обе означенные политические силы не содействуют качественному улучшению их жизни. Был даже случай блокирования СПС с «Народной партией» в Иркутской области [12, с. 78].

Следует согласиться с известным российским политологом А.В. Кыневым, отмечавшим, что СПС сделало ставку не на либеральные идеалы и принципы, но на банальный социал-популизм [11, с. 123] (объявленная «достройка капитализма» [13, с. 73] тут была не при чём). Кроме того, на выборы от партии часто шли люди, ранее никогда не замеченные в составе партий либеральной ориентации, но при этом же близкие к губернаторам своих регионов [11, с. 123] (впрочем, о необходимости новых лиц в СПС говорилось сразу после поражения на парламентских выборах 2003 года [14, с. 173], так что тактика введения ранее «незамешанных» в либерализме людей была оправданной). Естественно, что возможность выполнить предвыборные обещания, равно как и степень устойчивости восприятия политиков либерального толка новым электоратом не учитывалась. По сути, делалась ставка не на стратегию, но на тактику. Последняя являлась, в сущности, довольно простой: неважна мотивация к голосованию и уже тем более степень усвоения либеральных идеалов и принципов – главное, чтоб в день голосования как можно больше людей поставило в бюллетенях галочку в «нужном» месте.

Наличествует сведения, согласно которым кампания велась по сходному принципу с той, который в 1990-х годах в России проводила фирма «Гербалайф» (она продавала средство для похудения). Итак, «в области,

насчитывавшей миллион избирателей, создавалась «антикоммунистическая сеть «Комитетов защиты капитализма». В сеть набирались 5000 агитаторов, в обязанность каждого из которых входило привести на участки ещё 6 избирателей, готовых отдать голос за СПС. В сумме это давало партии 35 тысяч голосов, что при ожидаемой явке в 50% уже позволяло рассчитывать на преодоление 7% заградительного барьера. Стоимость привлечения одного голоса при этом оценивалась в 500 рублей» [15].

Таким образом, даже без учёта изменений политической системы Российской Федерации и снижения конкурентности политической среды к концу 2000-х годов (одним из следствия этого, кстати, и являлся уход партии с политической арены страны в 2008 году), следует признать, что электоральные успехи СПС, связанные с именем А.А. Бакова, вряд ли могли быть повторены в будущем. В самом деле, нет никаких оснований полагать, что можно регулярно побеждать, причём в одних и тех же регионах, с помощью «политического Гербалайфа». Скорее всего, разочарование населения от депутатов, избранных таким образом, наступило бы в течение первого срока их полномочий. Вполне возможно, что в отдельных регионах члены СПС имели бы шанс на прохождение в региональные парламенты, однако всё равно результаты партии были бы более скромными.

Укажем также, что все попытки «...«правых» дать глубокое теоретическое обоснование своей позиции со ссылкой на авторитет либеральных мыслителей, показать истоки либерализма, укорененность либеральной традиции в России и представить себя в качестве её преемников на новом этапе реформирования общества» [16, с. 96] оказались малоубедительными с электоральной точки зрения.

В целом следует признать, что в рамках СПС образца 2000-х годов имелось противоречие. С одной стороны, большая часть лидеров партии однозначно ассоциировалась у населения с трудностями предыдущего десятилетия (в середине 2000-х годов даже стало употребляться выражение «лихие девяностые» [17, с. 131]). С другой же стороны, почти всё, что декларировал СПС в прошлое десятилетие, весьма востребовано относительно большей частью населения, находящейся в оппозиции к действующей власти. То есть, с полной уверенностью можно заявлять, что СПС в том виде, в котором он существовал тогда, имел бы сейчас электоральные перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ханукаева, И.Р. Либеральные партии в современной России: Становление, развитие, перспективы (На примере "Союза правых сил" и "Яблока"). Дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / И.Р. Ханукаева. – М., 2008. – 178 с.
2. Пахомова, Е.А. О мифологизации политического сознания России и поражении либеральных сил в 2003 году / Е.А. Пахомова // Научное мнение. – 2013. – № 3. – С. 117-120.

3. Богомолу, О.Т. Банкротство "Правого дела" в России / О.Т. Богомолу // Мир перемен. – 2004. – № 2. – С. 54-66.
4. Иванов, А.В. Выборы Государственной Думы Федерального собрания пятого созыва / А.В. Иванов, Б.А. Тюрин // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5 (68). – С. 115-120.
5. Акулова, Е.С. Партия «Правое дело»: становление, итоги выборов 2009 г. / Е.С. Акулова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-1 (68). – С. 281-285.
6. Российский либеральный манифест: Программа политической партии "Союз правых сил". М.: Норма, 2002. 15 с.
7. Головченко, В.И. Идеологический фактор кризиса правых партий в постсоветской России / В.И. Головченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9. – № 1. – С. 96-100.
8. Шаблинский, И. Об эволюции российской партийной системы с учетом итогов федеральных избирательных кампаний 2003-2004 годов / И. Шаблинский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3 (48). – С. 185-190.
9. Медведев, Ю.С. Партийное выдвижение кандидатов в одномандатных округах на выборах в российские региональные законодательные собрания // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 3. – С. 91-105.
10. Чувилина Н.Б. Политические партии как акторы российских региональных электоральных процессов // Власть. – 2009. – № 7. – С. 72-75.
11. Кынев, А.В. В ожидании нового электорального предложения (Выборы региональных законодательных собраний конца 2004 - начала 2005 г.) / А.В. Кынев // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 116-130.
12. Петров А.В. Правые партии в Восточной Сибири в 2000-2010 гг // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 77-81.
13. Попов В.В. Трансформация политического ландшафта в электоральном цикле 2003-2007 гг / В.В. Попов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2009. – № 2. – С. 68-76.
14. Саква, Р. Российские выборы 2003-2004 годов и перспективы демократии / Р. Саква // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3 (48). – С. 169-184.
15. Антон Баков и лебединая песня СПС [Электронный ресурс] – URL: <http://political-technology.ru/index.php/2011-04-30-03-22-09/65-2011-06-08-11-20-44> (дата обращения 03.04.2020).
16. Воробьева, В.С. Медийный образ ДВР, СПС и «Яблоко» по материалам либеральной партийной печати Западной Сибири (1993–2003 гг.) / В.С. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 95-102.

17. Бонч-Осмоловская, А.А. Имена времени: Эпитеты десятилетий в национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти / А.А. Бонч-Осмоловская // Шаги-Steps. – 2018. – Т. 4. – № 3-4. – С. 115-146.

УДК 323.2

И.А. Савченко

к.п.н., доцент Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Россия

А.А. Николаева

к.с.н., доцент Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТИТУТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические подходы к социальному партнерству как современному институту взаимодействия общества и власти. На основе анализа содержания и механизмов социального партнерства делается вывод о необходимости расширения его использования в решении разнообразных социальных проблем.

Ключевые слова: Социальное партнерство, межсекторное взаимодействие, государство, власть, механизм социального партнерства.

I.A. Savchenko

PhD in Political sciences, Docent, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

A.A.Nikolaeva

PhD in Sociological sciences, Docent, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

SOCIAL PARTNERSHIP AS AN INSTITUTE OF INTERACTION BETWEEN SOCIETY AND GOVERNMENT IN MODERN RUSSIA

Abstract: The article considers theoretical approaches to social partnership as a modern institution of interaction between society and government. Based on the analysis of the content and mechanisms of social partnership, it is concluded that it is necessary to expand its use in solving various social problems.

Keywords: Social partnership, inter-sectoral cooperation, state power, the mechanism of social partnership.

Наша страна на протяжении уже более двадцати пяти лет осуществляет целенаправленные преобразования во всех сферах жизни государства и общества. Эти преобразования породили множество проблем, обострили имеющиеся противоречия, привели к росту социального напряжения [1]. В связи с этим появилась необходимость достижения согласия между

различными социальными группами по вопросам общих целей национального развития, а также путей и способов их достижения. При этом практика проведения реформ в России показывает, насколько сложно добиться такого согласия, особенно используя методы административного принуждения и игнорируя интересы субъектов общественных отношений [2].

Построение демократического государства с развитым гражданским обществом, социально ориентированной экономикой, многообразной духовной жизнью, требуют и совершенно иных, новых подходов к регулированию отношений между обществом и властью на всех уровнях: государственном, региональном и муниципальном.

Одним из методов, которые вполне успешно используются для регулирования общественных отношений на основе согласования и учета интересов сторон, является социальное партнерство. Особую значимость социальное партнерство приобретает в условиях ограниченности ресурсов, которые характерны практически для всех территориальных образований нашей страны, когда для решения острых и жизненно важных проблем, для развития территории необходима консолидация усилий всех заинтересованных сторон [3]. Партнерами в данном случае выступают местные органы власти и управления, представители бизнес-сообщества, общественные организации и объединения. При этом важно отметить, что партнерские отношения не допускают одностороннего давления, их базой служит взаимное уважение интересов, а методом реализации – социальный диалог.

Следует отметить, что не все формы взаимодействия между властью и обществом можно охарактеризовать как социальное партнерство, поэтому необходимо рассмотреть подходы к определению данного понятия и выявить характерные особенности социального партнерства.

Одним из первых подходов к определению социального партнерства был подход, в рамках которого партнерство рассматривалось как технология регулирования социально-трудовых отношений [4]. Основной формой реализации социального партнерства в таком его понимании являются трехсторонние комиссии, включающие представителей работников, работодателей и профсоюзов. Также стоит отметить, что содержание партнерского взаимодействия включает в себя только различные аспекты социально-трудовых отношений и не выходит за их рамки, поэтому такое понимание представляется весьма узким. В рамках данного подхода принято уделять основное внимание правовому механизму реализации партнерства, который включает в себя регулятивную и охранительную части [5]. Регулятивная часть состоит из вопросов, составляющих содержание трудовых отношений, определяет права и обязанности сторон этих отношений, их участие в управлении, а также описывает порядок ведения переговоров и консультаций. Охранительная часть правового механизма социального партнерства определяет моменты разрешения трудовых споров и конфликтов.

Второй подход к рассмотрению социального партнерства определяет его как особый способ взаимодействия между различными социальными и

политическими субъектами для решения неких общих социальных проблем [6]. В рамках такого подхода предполагается, во-первых, расширение состава потенциальных участников социального партнерства, которыми могут быть индивиды, общественные организации, бизнес-структуры, органы государственной и муниципальной власти и управления. Соответственно, в рамках данного подхода расширяется и круг проблем, для решения которых названные стороны могут объединять усилия в условиях партнерского взаимодействия. В качестве таковых могут служить не только вопросы социально-трудовых отношений, но и различные аспекты социально-экономического и политического развития территорий.

Наконец, третий подход к анализу социального партнерства предлагает рассматривать его как важнейший фактор интеграции и условие гармоничного развития общества [7]. В рамках данного подхода особо следует выделить концепцию «межсекторного взаимодействия», которая предлагает рассматривать социальное партнерство в качестве наиболее эффективного механизма решения социальных проблем любой сложности и характера. В качестве субъектов социального партнерства выступают представители трех секторов: бизнеса, общества и власти, каждый из которых обладает своими специфическими ресурсами, правами и обязанностями. Основной акцент в таком понимании социального партнерства делается на координации усилий, обеспечивающей конструктивное взаимодействие представителей данных секторов и, следовательно, синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгоды» каждой из сторон [8]. Это определение встречается в научно-исследовательской литературе наиболее часто. В рамках данной статьи такое понимание социального партнерства как межсекторного взаимодействия власти, представителей коммерческого и некоммерческого секторов общества для решения проблем социально-экономического развития представляется наиболее подходящим.

Рассматривая понятие социального партнерства как института взаимодействия общества и власти, хотелось бы отметить работу С.А. Иванова, который выделяет философскую, социологическую, экономическую, политическую и другие трактовки социального партнерства, в зависимости от дисциплинарной принадлежности авторов тех или иных трактовок и определений рассматриваемого феномена [9].

В рамках философского подхода социальное партнерство рассматривается через призму соотношения общественного и государственного в категориях «прогресс», «общественные отношения», «солидарность», «объективные потребности» и пр. В качестве примера можно привести следующее определение: социальное партнерство — «специфический тип общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями. Это процесс создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различие интересов, соблюдать общие «правила игры», партнерские нормы» [10].

Социологический подход заключается в анализе, в первую очередь, социально-структурных компонент, функциональных и социокультурных особенностей рассматриваемого феномена. Одной из социологических дефиниций социального партнерства можно считать определение, данное В.А. Михеевым: «социальное партнерство – это система отношений его основных субъектов и институтов по поводу положения, условий, содержания и форм деятельности различных социально-профессиональных групп, общностей, слоев» [11]. В рамках данного подхода социальное партнерство также интерпретируются как «социальное действие, основанное на чувстве человеческой солидарности и разделяемой ответственности за проблему» [12].

Социальное партнерство также можно рассмотреть как политический институт, развитие которого обеспечивает демократизацию государства и развитие гражданского общества. При этом стоит отметить, что социальное партнерство является инструментом обеспечения политической стабильности общества, согласования и реализации политических интересов различных социальных слоев, групп населения. В таком контексте социальное партнерство трактуется как институт, обеспечивающий «предоставление соответствующих прав различным социальным группам, слоям, участвовать в политических и экономических процессах выработки и принятия решений по актуальным проблемам развития общества» [13]. Отмечается, что «социальное партнерство... неразрывно связано, взаимообусловлено в своем функционировании с политическими институтами и политическими процессами» [14].

Таким образом, понятие социального партнерства включает в себя совокупность методов и механизмов, посредством которых обеспечивается согласование интересов различных субъектов общественных отношений и их совместная деятельность, направленная на решение социальных проблем и обеспечение социально-экономического развития территориального образования.

Социальное партнерство на муниципальном уровне позволяет решать ряд задач на уровне муниципального образования:

- 1) задействовать многообразные ресурсы в решении проблем муниципального образования;
- 2) способствовать интеграции и стабилизации общества;
- 3) разработать и развить механизмы согласования интересов и целей, что, в свою очередь, повысит управляемость и предсказуемость социальных процессов;
- 4) повысить уровень доверия общества к власти;
- 5) выступить фактором социально-экономического развития муниципального образования.

Исходя из данных задач, можно сформулировать следующие функции социального партнерства в муниципальном образовании:

1) функция представительства интересов различных социальных общностей муниципального образования, их выявление, координация и гармонизация;

2) функция социального контроля осуществляемой социально-экономической политики в муниципальном образовании. Данная функция может осуществляться в разных формах: сбор и распространение информации о наиболее важных и перспективных направлениях социально-экономического развития муниципального образования и его текущих характеристиках, внесение, принятие и реализация законодательных инициатив и управленческих решений, направленных на защиту интересов местного сообщества, критика решений муниципальной власти, которые могут нанести ущерб интересам местного сообщества;

3) функция участия в разработке, принятии и реализации программ социально-экономического развития муниципального образования;

4) функция развития муниципального самоуправления, совершенствования демократического гражданского общества;

5) функция повышения благосостояния граждан, справедливого перераспределения имеющихся материальных благ;

6) функция формирования благоприятного социального климата в муниципальном образовании, основанного на взаимном уважении, учете интересов всех сторон социального партнерства.

Таким образом, социальное партнерство является эффективным механизмом решения социально-экономических проблем муниципального образования.

Одной из особенностей социального партнерства на муниципальном уровне является его динамичный, развивающийся характер, что проявляется в появлении разнообразных организационных форм и способов реализации социального партнерства, развитии его механизма. Под механизмом социального партнерства В. Н. Якимец предлагает понимать «разработанную сообществом представителями двух или всех трех (власть, бизнес, общество) секторов правил, способов, технологий и документации по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ, которая встроена в схему функционирования социальной сферы на данной территории, направлена на решение социально-значимой проблемы с учетом действующих нормативных и правовых актов и воспроизводима в будущем без участия создателей» [15]. Классификации форм механизмов социального партнерства в современной научной литературе постоянно дополняются, наиболее часто встречающиеся представлены в таблице 1.

Табл. 1. Классификация организационных механизмов социального партнерства

Критерий классификации	Автор классификации	Виды механизмов социального партнерства
Уровень действия механизма	В. Н. Якимец	федеральный, региональный, городское поселение, муниципальный район/городской округ, сельское поселение

Формы механизма		конкурсы, совещательные процессы/структуры, программы, в том числе целевые, инфраструктурные сервисы, добровольчество и благотворительность, информационные механизмы, контролирующие механизмы, аналитические механизмы
Социально-экономический эффект в решении общегосударственных задач	О. Е. Пазына	институциональные, технологические, экономические
Обобщенная классификация	Я. С. Ясницкая	экономические и неэкономические
закрепленные в федеральных законах правила и формы взаимодействия гражданских структур и органов власти	Н. Ю. Беляева	привлечение экспертов от общественности к работе в государственных органах, учет мнений и предложений и формула «Решение вопроса по согласованию», взаимодействие органов власти и гражданских структур, поддержка деятельности общественных организаций на государственном уровне, а также привлечение экспертов от общественности к участию или право участвовать в подготовке (разработке) законов, иных нормативных актов, решений разного уровня и наделение общественных организаций контрольными полномочиями

Таким образом, можно констатировать, что современная теория и практика государственного и муниципального управления предлагает достаточно разнообразный набор механизмов реализации социального партнерства, выбор которых определяется характером решаемых задач, а также, во многом, степенью развитости структур гражданского общества.

Следует отметить, что на основе обобщения различных критериев, большинство авторов предлагает выделять следующие организационные механизмы социального партнерства [15]:

1. Конкурсные механизмы реализуются на основе разработанной и утвержденной процедуры конкурсного отбора (гранты, социальные заказы и т.п.). Суть данных механизмов – выбрать располагающие наилучшим комплексом ресурсов организации, способные решить социальную проблему.

2. Социально-технологические механизмы. В их основе лежат созданные или переосмысленные способы решения острых социальных проблем, которые могут быть растиражированы и обладают более высокой эффективностью по сравнению с применяемыми ранее органами государственной власти и управления.

3. Организационно-структурные механизмы предполагают создание новых организационных подразделений (либо самостоятельных организаций) с

участием представителей власти и общества, целью которых также является решение социально значимых проблем. Финансирование данных подразделений может осуществляться как за счет бюджетных средств, так и с привлечением внебюджетных источников.

4. Процедурные механизмы как правило не предполагают образования новых организаций или создания новых технологий, кроме того, их реализация не регламентирована какими-либо положениями. Этот вид механизмов предполагает создание правил и процедур для решения какого-либо класса социальных проблем, но при этом решение (как и само партнерство) носит разовый характер.

5. Экспертные механизмы выступают в качестве важного элемента принятия государственных решений и реализуются в различных формах общественного контроля.

6. Коммуникационно-информационные механизмы служат для обмена необходимой информацией участников социального партнерства, а также создание каналов информационного взаимодействия между ними.

7. Комплексные или комбинированные механизмы взаимодействия – это сочетание разных комбинаций вышеперечисленных механизмов.

Реализация социального партнерства предполагает использование весьма широкого круга форм и методов, в совокупности составляющих организационный механизм социального партнерства. Выбор конкретных форм реализации социального партнерства обусловлен характером решаемых задач, а также степенью готовности власти к партнерскому взаимодействию с гражданским и степенью его зрелости.

Развитие механизмов социального партнерства предполагает совершенствование нормативно-правовых основ его реализации и расширение использования инновационных форм взаимодействия местной власти с представителями бизнес-сообщества и некоммерческого сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орехов С.А., Иванова С.П. Концепции и эволюция корпоративной социальной ответственности // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 5 (101). – С. 131-138.

2. Dunets A., Penkova A., Potekhina E., Gribkova O., Nikolaeva A., Smirnov D. Cluster as a form of resort development: organizational and managerial structure // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Т. 9. № 1. – С. 3662-3668.

3. Медведева Н.В., Рябова Т.М., Рогач О.В., Фролова Е.В. Социальное партнерство власти и местного сообщества в России: ограничения и направления активизации сотрудничества: монография. – М.: Некоммерческое партнерство Издательское объединение "Перспектива", 2018. – 130 с.

4. Шулус А. А. Социальное партнерство — российская модель // Социальное партнерство. – 2007. – № 2. – С. 37–42.

5. Лушникова М.В. Социальное партнерство в сфере труда: учебное пособие / М.В. Лушникова, А.М. Лушников; Яросл. гос. университет – Ярославль: ЯрГУ, 2008.
6. Иванов С.А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Том VIII. № 3. – С. 79-99.
7. Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика: Учеб.для вузов. — М.: Экзамен, 2001. — 448 с.
8. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Государственное управление и межсекторное партнерство // Гражданский сектор в государственном управлении / Под ред. А.И. Соловьева. – М., МГУ: Аргмак-Медиа, 2018. – С. 207-225.
9. Сотрудничество в публичной политике и управлении / под ред. Л.В.Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 274 с.
10. Егоров С.А. Международно-правовое регулирование социального диалога в сфере труда: монография / под ред. Крылова К.Д.– М.: Элит, 2015.
11. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство в России // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. Практика межсекторного взаимодействия / под ред. Шадрина А.Е. – М.: АСИ, 2010. – С. 222–239.
12. Савченко И.А., Николаева А.А., Курлянчик А.А., Тимофеева К.С. Реализация проектов социального партнерства в современной России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2018. – Т. 10. № 2 (30). –С. 99-111.
13. Тиховодова А.В. Социальное партнерство: сущность функции особенности развития в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – Вып. 58. – С. 297-301.
14. Фролова Е.В., Медведева Н.В. Социальное партнерство бизнеса и власти: взаимные ожидания и тенденции развития в современных условиях // Социологические исследования. – 2018. – № 2 (406). – С. 146-151.
15. Ясницкая Я. С. Система управления общественным сектором экономики региона в сфере предоставления социально значимых благ: Дисертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.05. – Казань, 2009. – 201 с.

УДК 323.2

А.С. Семушенкова

преподаватель Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саранске, г. Саранск, Россия

ОБЗОР ПРОЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Аннотация: Представления о некоммерческом секторе Республики Мордовия остаются размытыми, формируются на уровне информации, предоставленной для федеральных рейтингов, что не отражает сложившуюся в регионе фактическую ситуацию. Для полноценного анализа и определения статусно-ролевых характеристик местных НКО автор исследует их проектную активность. Изучается статистика поданных заявок местных структур некоммерческого сектора на конкурс президентских грантов, а также их результативность.

Ключевые слова: Некоммерческий сектор; некоммерческая организация (НКО); социально ориентированная некоммерческая организация (СО НКО); президентские гранты; внутрирегиональное пространство; Республика Мордовия.

A.S. Semushenkova

Middle-Volga (Saransk) branch of the Russian Law Academy of the Ministry
of Justice, Saransk, Russia

REVIEW OF PROJECT ACTIVITY OF NON-PROFIT OF ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Abstract: Ideas about the non-profit sector of the Republic of Mordovia remain blurred, are formed at the level of information provided for the federal ratings of indicators, which does not reflect the actual situation in the region. To analyze the characteristics of local organizations, the author examines their project activity. The statistics of the submitted NPO applications for the presidential grants competition is studied. The conclusion about the effectiveness.

Keywords: Non-profit sector; non-profit organization (NPO); socially oriented non-profit organization (SO NPO); the Presidential Grant Program; intraregional space; The Republic of Mordovia.

В конце 2019 г. был опубликован наиболее комплексный рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства..., подготовленный Министерством

экономического развития РФ за 2018 г. [1]. Фактически он в очередной раз зафиксировал позиции властных элит относительно значимости развития некоммерческого сектора в своих регионах, и показал, кто готов (и может) вкладываться в создание инфраструктуры для НКО на местах.

Предложенные показатели для оценки, а среди них количество НКО, размеры субсидий, удельный вес негосударственных организаций социального обслуживания, средняя доля работников в негосударственных организациях «социалки» и пр., демонстрируют общественную действительность достаточно однобоко. Они раскрывают объемы усилий представителей власти и результаты различных внеуправленческих тенденций, но при этом остается непонятным, как те или иные цифры влияют на активность некоммерческого сектора (если влияют), каково самочувствие НКО в условиях того или иного регионального пространства. Так, авторитетные ученые И. В. Мерсиянова и Н. В. Иванова, к примеру, обращают внимание на нецелесообразность увеличения резервов при неутонченной эффективности этой поддержки [2].

Для более полного понимания внутренних процессов автор поставил задачу проанализировать активизм третьего сектора на фоне рейтинговых значений на примере конкретного региона – Республики Мордовия. Она заняла 38 строчку в указанном рейтинге [1], прибавив на 8 позиций за год [3]. Регион отличился количеством СО НКО (1427 на 31.12.2019 г. [4], 9 место с показателем 16,5 на 10 тыс. населения [1]), а также долей работников в негосударственных организациях в общей численности работников, занятых в социальной сфере (6 место, 13,3 % [1]). Что касается ресурсоемких показателей (субсидирование), Мордовия выглядит по сравнению с другими регионами ниже среднего.

Помимо этого, необходимо выделить ряд специфических особенностей в структуре некоммерческого сектора Мордовии [5].

– в настоящее время она остается регионом с наиболее «плотным» некоммерческим сектором в России;

– не смотря на большое количество официально зарегистрированных некоммерческих организаций, реальная активность приходится на неформальный сектор;

– можно диагностировать дефицит НКО в отдельных проблемно-тематических нишах общественного развития;

– в Мордовии не сформировалось крупных авторитетных организаций, которых можно отнести к явным лидерам некоммерческого сектора;

– большая часть активных СО НКО стартовали в 2016-2017 гг. и находятся в процессе организационного созревания;

– только в 2019 г. здесь были созданы первые ресурсные центры для НКО: общего профиля и для организаций, занимающихся проблемой пожилых людей;

– региональной элитой не принят к реализации достаточно широкий перечень практик, которые уже зарекомендовали себя в других регионах

России (нет профильных образовательных программ, специалисты из НКО не привлечены к экспертной работе);

– здесь фактически отсутствует опыт включения некоммерческого потенциала в принятие политико-управленческих решений ввиду закрытого характера политической системы региона;

– уровень общественной поддержки деятельности СО НКО остается достаточно низким;

– список возможных источников финансирования для местных НКО остается существенно ограниченным. Отсутствуют комплексные правительственные программы субсидирования и грантов. В свою очередь, население как потребитель услуг НКО также ограничено в экономическом поведении в силу низких доходов (74 место по доходам населения в 2019 г.) и слабо участвует в социально значимых проектах.

Безусловно, именно последняя особенность обуславливает целую систему проблемности и несостоятельности некоммерческого сектора Мордовии. Местные НКО вынуждены быть запрограммированными на конкурсы Фонда президентских грантов.

Данный механизм поддержки закрепился несколько лет назад. На проведение конкурсов в 2017 г. была выделена сумма в 6,6 млрд. рублей, в 2018 г. – 7,8 млрд. руб. По справедливому замечанию М. Ю. Миловановой таким образом государство пытается инвестировать в активистское ядро СО НКО как агента изменений [6].

В сложившейся ситуации можно констатировать, что основная активность некоммерческого сектора Мордовии находится в прямой зависимости от результативности заявок, подаваемых в фонд. А статистика грантов дает ключ к пониманию происходящего в третьем секторе региона.

Наиболее информативен, на наш взгляд, критерий объема участия НКО в конкурсах Фонда президентских грантов [7]. За 2017-2020 гг. от Мордовии подано 543 заявки, которые подготовили 157 местные организации. Учитывая, что общее количество организаций в республике составляет 1427 структур, всего 11 % НКО оказались проектно активными. Запрашиваемый бюджет заявок за 4 года составил 815 703 966 руб.

Еще более скромно выглядит статистика по победителям. Из общего количества заявленных проектов выиграла всего 87 (или 16 %). Финансирование получили всего 60 организаций (часть дважды-трижды). Только 6 из ежегодно были в числе лучших.

Общая сумма бюджетов заявок в среднем за год установилась на отметке в 250 млн. Если в 2017-2018 гг. из них были делегированы не более 6,2 %, то в 2019 г. этот показатель достиг 15 %. Из запрошенных 267 645 276 руб. мордовским организациям выделили 40 140 279 руб. Рекордным было и количество победителей. В двух конкурсах 2019 г. эксперты рекомендовали 41 заявку.

Заметно снижение средней стоимости разрабатываемых проектов. В 2017 г. показатель составлял 2 574 669 руб., в 2018 г. – 1 472 471 руб., а в 2019

г. уже – 1 244 861 руб. В 2020 г. прошел только первый конкурс, но тенденция, в целом, сохраняется – 1 009 945 руб.

Самая большая по сумме бюджета заявка была подана в 2018 г. Организация запросила 30 753 514 руб., предложив софинансирование в размере 13,5 % от суммы гранта. Самый маленький проект составил 97 549 руб. (софинансирование 41 %). Оба проекта остались без внимания.

Средняя сумма бюджетов проектов-победителей составляет 952 291 руб. В целом, от Мордовии подаются заявки с достаточно небольшим обеспечением, большое количество – до 500 000 руб. Самый большой грант для местной НКО за все 4 года составил 5 239 486 руб.

Всего около 4-х местных организаций можно назвать результативными. За 4 года они реализовали не один грант, сумма каждого из них была более 500 000 руб.

– АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс»: зарегистрирована в 2012 г., 4 проекта, общая стоимость 7 937 489 руб.;

– МОО «Рост» Рузаевского муниципального района: зарегистрирована в 2008 г., 3 проекта, общая стоимость 7 516 903 руб.;

– АНО «Подвиги»: зарегистрирована в 2018 г., 1 проект, общая стоимость 5 239 486 руб.;

– ГМОО «Клуб интеллектуального творчества г. Саранска»: зарегистрирована в 2002 г., 2 проекта, общая стоимость 5 109 300 руб.

Примечательно, что нынешние руководители указанных НКО являются молодыми лидерами (до 35 лет).

Самым популярным направлением для проектирования остается сфера социального обслуживания, социальной поддержки и защита граждан (до 30 %). Здесь сосредоточены самые малоразмерные гранты. Наибольшую активность проявляют НКО муниципальных районов. Начиная с 2017 г. около 4 проектов в год приходится на организации-победителей из районов. Всего за 4 года была одобрена 21 заявка, что составляет 24 % от общего количество поддержанных инициатив.

В регионе не выигрывала ни одна заявка в рамках направления «охрана окружающей среды и защита животных». Всего было подано 5 проектов за все время существования Фонда президентских грантов. В рамках развития институтов гражданского общества отметили только 2 заявки. Однако, суммы их бюджетов являются самыми крупными (от 3 до 5 млн.).

В целом, распределение проектов по грантовым направлениям выглядит следующим образом:

– социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан – 27,4 %;

– охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни – 18,2 %;

– поддержка проектов в области культуры и искусства – 11,8 %;

– поддержка проектов в области науки, образования, просвещения – 10,3 %;

- поддержка семьи, материнства, отцовства и детства – 8,1 %;
- сохранение исторической памяти – 7,6 %;
- поддержка молодежных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 ФЗ от 12.01.1996 г. №7-ФЗ – 4,1 %;
- укрепление межнационального и межрелигиозного согласия – 4,1 %;
- защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных – 3,9 %;
- развитие институтов гражданского общества – 2 %;
- выявление и поддержка молодых талантов – 1,5 %;
- развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников – 0,6 %;
- охрана окружающей среды и защита животных – 0,4 %.

Судя по этим данным, можно сказать, что большая часть направлений общественной жизни региона испытывает значительный дефицит точечной внеадминистративной работы. Сюда можно отнести такие сферы как профилактика социально значимых заболеваний, создание инклюзивной среды, помощь инвалидам и их реабилитация, поддержка людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, экология и пр.

Последнюю отрасль, к примеру, благоприятной назвать трудно. По данным журнала «Greenologia» более 60 % населения Мордовии оценивают экологическую ситуацию территории как негативную [8]. Из многих событий лета 2019 г. жителям запомнился экологический кризис. В разрешении ситуации не принимала участие ни одна некоммерческая организация. Появившиеся лидеры действовали в качестве неформальной гражданской силы.

Полученная статистика, к сожалению, не дает возможность делать вывод о позитивной динамике развития некоммерческого сектора в изучаемом регионе. При огромном количестве НКО сфера фактически остается малоактивной. Показатель работоспособных НКО не превышает 2 %. По сравнению с другими регионами, в том числе с соседями-поволжцами, мордовские организации намного меньше занимаются социальным проектированием, делают это недостаточно качественно. Результативность их попыток составляет всего 28,9 %. Безусловно, 2019 г. дал надежду на переформатирование сектора, его активизацию, однако, уже первый конкурс 2020 г. продемонстрировал спад ранее закрепившейся тенденции.

Нельзя сказать и о большом вкладе некоммерческого сектора в экономическое развитие. В рамках конкурса президентских грантов было привлечено в регион 83 117 246 руб., что составило всего 10,2 % от запрашиваемого. В целом, в ВРП Мордовии эта доля остается незначительной. Заметен экстенсивный характер развития некоммерческого сектора.

Думается, указанные в рейтинге Минэкономразвития РФ меры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций республиканского правительства явно недостаточны. Низкая проектная активность некоммерческих организаций это отлично демонстрирует.

Рекомендации по исправлению ситуации могут касаться создания в регионе ресурсных центров с грамотной образовательной программой для молодых гражданских лидеров, а также формирования партнерских отношений между представителями власти и НКО. Думается, что уверенность в поддержке со стороны региональной и местной администраций может симулировать некоммерческий сектор к действиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/5777a89d-7631-4851-a030-c04d9862f8fb.pdf>. Дата обращения: 01.04.2020.

2. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 1. – С. 29-46.

3. Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных (немуниципальных) поставщиков к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. Дата обращения: 01.04.2020.

4. О деятельности некоммерческих организаций: Материалы информационного портала Министерства Юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. Дата обращения: 02.04.2020.

5. Семушенкова А. С. Статусно-ролевые характеристики некоммерческого сектора: дискрипция регионального пространства Республики Мордовия // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 65-77.

6. Милованова М. Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 4. – С. 66-79. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.6.

7. Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия: Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>.
обращения: 04.04.2020.

Дата

8. Природные ресурсы и экология Саранска: справка / Журнал о качестве жизни «Greenologia». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://greenologia.ru/eko-problemy/goroda/saransk.html>. Дата обращения: 04.04.2020.

УДК 323.2

У.И. Сересова

К.полит.н., доцент, ГБОУ ВО Московской области «Академия
социального управления», Московская обл., Россия

**ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРЕДМЕТНОМ
ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ
ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ**

Аннотация: Государственная и корпоративная социальная политика рассмотрены в предметном поле публичной политики.

На примере стран Европейского Союза проанализированы практики социальных инвестиций со стороны государства и коммерческих компаний. Обозначены различия в социальных инвестициях в отдельных типах социальных государств.

Ключевые слова: Социальное государство, государство социальных инвестиций, публичная политика, корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие.

U.I. Seresova

PhD in Political sciences, Docent, State budgetary institution of higher education in Moscow region «Academy of Public Administration», Moscow region, Russia

**SOCIAL INVESTMENT PARADIGM WITHIN THE FRAMEWORK
OF PUBLIC POLICY: THEORY AND PRACTICES OF EUROPEAN
SOCIAL STATES**

Abstract: The paper describes state and corporate social policy within the framework of public policy. The article analyzes state and corporate social investment practices in European Union. The author reveals different approaches to social investments in conservative, social-democratic, liberal and postcommunist welfare states.

Keywords: Welfare state, social investment state, public policy, corporate social responsibility, sustainable development.

В последние годы вопросы участия государства и негосударственных акторов в публичной политике актуализируются как в научной дискуссии, так и в повседневной практике. Каковы функции государства, его пределы вмешательства в публичную сферу? Как пересматривается современная социальная политика с учетом кризиса социального государства, концепции устойчивого развития и преодоления социальной эксклюзии? Ответам на эти вопросы и посвящена статья.

В работе рассмотрена концепция государства социальных инвестиций как ответ на кризис социального государства; а также феномен социальных инвестиций в рамках корпоративной социальной ответственности. Представлены результаты дескриптивного статистического анализа масштабов государственных и корпоративных социальных инвестиций в европейских странах.

1. Публичная политика: государственные и негосударственные акторы

Публичная политика, будучи многозначным понятием, рассматривается в классических работах с точки зрения деятельности государства «в свете важнейших общественных проблем» [1, р. 554]. В качестве субъекта публичной политики называются, преимущественно, исполнительные органы власти: например, «публичная политика – это то, что правительства делают или предпочитают не делать» [2, р.1]. Современные трактовки в качестве самостоятельного актора публичной политики называют и бизнес, и общественные организации [3, с. 15].

В широком смысле публичную политику можно рассматривать как «организованную деятельность публичных акторов (партий, гражданских ассоциаций, правительства и др.) для решения общественных проблем» [3, с. 15]. К концепции публичной политики тяготеет понятие публичной сферы как объекта управления в процессе реализации публичной политики. Обычно она трактуется как область, в рамках которой реализуются отношения между гражданским обществом и политической властью [4, с.80].

Публичная сфера становится политическим пространством, где пересекаются потребности гражданского общества и властные импульсы и принимаются, таким образом, политические решения по поводу общественных благ. К публичной сфере можно отнести такие сферы, как здравоохранение, образование, налогообложение, рынок труда, социальную защиту и социальное страхование, охрану окружающей среды и т.п.

Таким образом, сутью современной публичной политики становится политика устойчивого развития, экономический рост и повышение качества жизни населения, понимаемого не в узком смысле, как борьба с бедностью, а в широком – как преодоление социального исключения.

С другой стороны, эти же вопросы находятся и в предметном поле теории и практики социального государства.

2. Государство как социальный инвестор

Феномен социального государства, или государства всеобщего благоденствия (welfare state), стал политическим проектом рыночных государств второй половины XX в.

Общепризнанной является типология социального государства Г. Эспинг-Андерсена, в которой на основе трех признаков – уровней декоммодификации (возможности получать социальную поддержку от государства вне зависимости от личного вклада), стратификации и государственной интервенции - выделяются неолиберальный (Великобритания,

США), консервативный (континентальная Европа) и социал-демократический режимы (Скандинавские страны) [5]. Для анализа практик управления социальной сферой конца XX – начала XXI вв. в странах Восточной Европы, входивших в социалистический блок, используется понятие «посткоммунистическое социальное государство» [6].

Социальное государство, достигшее своего пика в 1960-ые годы, к концу XX века стало демонстрировать признаки кризиса, которые начали усиливаться под воздействием процесса глобализации [см., например, 7]. В литературе обозначены три этапа кризиса: экономический (первый, пережитый в 1980-ые годы, связанный с экономической неэффективностью); идеологический (негативная оценка бюрократизации социальной сферы); концептуальный (связанный с переосмыслением концепции социальной солидарности, социальных прав и легитимности вмешательства государства в социальную сферу) [см., например, 8].

Мировым откликом на кризис социального государства стала концепция *new public management* в государственном управлении в целом и неолиберальная парадигма в социальной политике в частности [9]. Меры либерализации государственной социальной политики: сокращение государственных социальных расходов, «приватизация» ряда государственных и муниципальных услуг, усиление требований к получению государственных социальных выплат – фактически описывались в категориях «демонтажа государства всеобщего благоденствия» [3, с. 26]. Сокращение масштабов государственной социальной политики продемонстрировало экономическую эффективность, но стало очевидно, что эти меры не решают проблему бедности, связанной с социальной эксклюзией отдельных категорий населения. Один из вариантов выхода из кризиса социального государства, который обсуждался на рубеже XX и XXI веков, – это переход к государству всеобщего благоденствия смешанного типа (*mix-welfare state*), сочетающему либеральную направленность социальной политики на макро-уровне (государственная регуляция между правами собственности и социальными правами) и социал-демократическую на мезо-уровне (активизация самих граждан для решения своих проблем) [10].

Альтернативой либерализации социального государства в начале XXI века становится строительство государства социальных инвестиций (*social investment state*) [11], [12], концептуальной основой которого становится парадигма социальных инвестиций в публичной политике. Социальная политика с этих позиций рассматривается не как тормоз, а как предпосылка и фактор экономического роста: государство не просто тратит деньги на социальную поддержку населения, а занимается инвестициями в человеческий капитал.

Безусловно, новое социальное государство – государство социальных инвестиций не отказывается от классических функций (в частности, социальных трансфертов для малообеспеченных граждан), однако ключевым

направлением социальной политики в таком государстве становится активная политика в области занятости [13].

Сдвиг в понимании природы социального государства как государства социальных инвестиций произошел в начале XXI века. В Европейском союзе правовой основой стали Лиссабонская стратегия 2000 г. и стратегия развития ЕС «Европа – 2020». Эти документы, кроме экономических задач, ставят целью и реформирование социального государства через снижение социальной эксклюзии, понимаемой шире, чем просто бедность или безработица. Основным инструментом борьбы с социальной эксклюзией становится активная политика на рынке труда.

Социальная политика в целом рассматривается как социальные инвестиции в человеческий капитал и имеет несколько базовых направлений, связанных с активной политикой занятости [14]:

- общее и профессиональное образование, повышение квалификации, переподготовка (для всех граждан, а особенно лиц с риском социального исключения – женщин с детьми, лиц с инвалидностью и других категорий населения);

- социальное страхование – в части возможности получения оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком как для матери, так и для отца;

- система социальных услуг для семьи. Она включает в себя развитие сети дошкольных образовательных учреждений таким образом, чтобы матери маленьких детей могли вернуться к работе сразу после окончания отпуска по беременности и родам. В целом, идея материнской занятости рассматривается как лучшая профилактика детской бедности и социальной эксклюзии.

Таким образом, все эти три направления социальной политики сходятся в общей точке – максимальная занятость на рынке труда и поиск ресурсов гражданами для самостоятельного решения своих социальных проблем.

Социальные инвестиции, понимаемые государством и обществом как активные меры (а не пассивная помощь) становятся общеевропейским трендом в государственной социальной политике.

Концепция государства социальных инвестиций противостоит по смыслу неолиберальной тенденции и не предполагает уменьшение социальных расходов из государственных бюджетов; напротив, ей соответствует их рост, причем во всех типах социальных государств [15]. В среднем в Европейском союзе расходы на социальную защиту (в процентах от ВВП) растут с 26,1 % (2005 г.) до 28,2% (2017 г.). В государствах социал-демократического и консервативного типа этот показатель составляет около 30%, либерального типа – около 20%, в посткоммунистических странах – около 17%.

Три режима социального государства, выделенные Эспинг-Андерсеном, имеют свои особенности при переходе к модели государства социальных инвестиций. Социал-демократические, или северные, социальные государства начинают функционировать в режиме флексикьюрити (flexicurity), предполагающем гибкие (flexible) меры регулирования рынком труда в сочетании с мерами социальной защиты (security) для безработных в частности

и всех граждан в целом (см., например, опыт Дании [16]). Объемные гарантированные социальные выплаты, активная политика на рынке труда, развитая сеть социальных услуг позволяют найти себя на рынке труда тем категориям населения, которые в других странах могли бы оказаться в числе социально исключенных, – женщинам с детьми, людям с недостаточным образованием, лицам с ограниченными возможностями, пожилым, малообеспеченной молодежи без профессионального образования. Статистика свидетельствует о росте государственных расходов по таким направлениям как повышение квалификации, профессиональная переподготовка для тех граждан, кто оказался не готов и не востребован цифровой экономикой постиндустриального общества. При этом активность при поиске новой работы для безработного – не столько право, сколько обязанность. Безработный получает постоянное государственное сопровождение, когда сотрудники службы занятости разрабатывают план возвращения на рынок труда и постоянно контролируют, насколько человек продвигается к цели.

Либеральные государства всеобщего благоденствия трансформируют свою социальную политику по пути формирования т.н. государства возможностей (enable welfare state) [14, p. 483]. Такую модель можно рассматривать как либеральное государство социальных инвестиций. Политика в области занятости нацелена на максимальный, насколько это возможно, отказ от пассивных выплат пособий по безработице и от пособий по бедности. Например, в Великобритании молодые люди, не имеющие работы, могут получать государственные пособия в обмен на профессиональное обучение или курсы повышения квалификации, субсидированную работу в благотворительных или частных организациях. Увеличиваются расходы на такие специфические государственные программы как повышение уровня образования низкоквалифицированных рабочих и изменения в работе центров занятости, ориентированные на индивидуальное сопровождение безработных (т.е. человек получает услугу, а не материальную помощь). Также меняется семейная политика – с целью объединить семью и работу: декретные отпуска и гибкий рабочий график для обоих родителей, развитие системы присмотра и ухода за детьми.

Континентальная (консервативная) модель государства социальных инвестиций основывается также на переходе к активной политике занятости. Отказ от раннего выхода на пенсию, уменьшение выплат, усиление контроля за получающими пособия, стимулирование занятости женщин с детьми, пожилых, молодых и инвалидов – все это находит отражение в консервативной модели социального государства. Отличие от предыдущих вариантов реформирования – в том, что он более радикален, т.к. большое влияние на социальную политику оказывала традиционная модель семьи, где женщина не работала, а занималась домохозяйством.

Для всех постсоциалистических стран в период 1990-ых гг. характерна либерализация в области социальной политики и отказ от коммунистической модели социального обеспечения, а в 2000-ых гг. – небольшой рост

социальных расходов. Но если в Западной Европе либерализация была реакцией на кризис социального государства, то в восточноевропейских странах – прежде всего, следствием экономических проблем (т.н. «шоковыми» реформами), появлением новых акторов на поле социальной политики (некоммерческих организаций, бизнеса и его практик корпоративной социальной ответственности), общей демократизации политического режима (снижение масштабов вмешательства в жизнь граждан, увеличение их самостоятельности и индивидуальной ответственности). Для всех стран Восточной Европы кроме тенденции к урезанию социальных расходов, т.е. либерализации, характерна также и противоположная тенденция – влияние коммунистического прошлого, т.н. фактор *path dependence*, когда население помнит систему государственного социального обеспечения, экономически и социально неэффективную, но охватывающую все население минимальной помощью [17]. Политики, принимая решения в области управления социальной сферой, балансируют между этими двумя полюсами, пытаясь извлечь политические выгоды от того или иного варианта.

Можно отметить уменьшение доли пособий по безработице в структуре всех социальных выплат – во всех режимах социальных государств: в социал-демократических с 6-8% (2005 г.) до 2-4% (2017), в консервативных – с 5-7% до 3-4%, в либеральных – с 2,5 до 1%. [18]. Расходы на пособия по безработице в постсоциалистических странах – в два раза меньше, чем в западноевропейских государствах, и составляют 1-2%.

При этом возрастают расходы – в абсолютной величине – на активные меры на рынке труда (к которым относятся профессиональное обучение и переобучение безработных, субсидированные рабочие места, поддержка стартапов, создание новых рабочих мест). Например, в Дании в соответствии с концепцией *флексикьюрити* расходы на это направление выросли с 2594 млн евро в 2005 г. до 4024 млн евро в 2016 г.; в Швеции – с 2797 млн евро до 4169 млн евро [19]. В целом, остальные страны ЕС также демонстрируют рост по этому показателю, хотя и не такой стремительный, как страны социал-демократического режима.

Важным элементом политики социальных инвестиций становится профессиональное образование. По данным Евростата, в государствах ЕС в среднем 11% населения в возрасте от 25 до 64 лет задействованы в непрерывном профессиональном образовании, причем этот показатель за последние 10 лет демонстрирует устойчивый рост, достигая максимума в 30% в либеральных социальных государствах, в частности Великобритании (2017 г.) [20]. Постсоциалистические страны демонстрируют запаздывающее развитие по этому показателю – так в Польше, Румынии, Сербии в процесс непрерывного образования включено около 4% взрослого населения.

Концепция государства социальных инвестиций предполагает обеспечение профессиональной переподготовки для безработных. Статистика свидетельствует о том, что так называемые северные социальные государства, реализующие концепцию *флексикьюрити*, обеспечивают 30% своих

безработных граждан возможность повысить квалификацию, доучиться или переучиться, чтобы найти новую работу. В других государствах этот показатель ниже, своего минимума он достигает в южных государствах – Греции, Кипре, Италии (3–5%) [21].

3. Бизнес как социальный инвестор

Академическая и практическая проблематизация участия бизнеса в жизни общества, публичной политике и устойчивом развитии началась с утверждением корпораций в качестве субъектов международного политического процесса. Вклад коммерческих фирм в социально-экономическое и политическое развитие описывается в категориях корпоративного гражданства, корпоративной социальной ответственности (КСО), корпоративной социальной политики, социального партнерства, социальных инвестиций и аналогичных терминах.

Феномен корпоративного гражданства можно описать как «стратегию бизнеса по взаимодействию с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «гражданина», полноправного участника такого развития» [22, с. 34].

Современное понимание КСО базируется на международном добровольном стандарте ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» [23]. КСО, с позиции этого документа, включает семь направлений: ответственность в управлении организацией; соблюдение прав человека; добропорядочные трудовые практики; экологическая ответственность; добросовестные деловые практики; соблюдение прав потребителей; участие в жизни сообществ.

Российский вариант понимания КСО, предлагаемый «Ассоциацией менеджеров России», предполагает следующие характеристики: производство качественных товаров и услуг; ответственность в отношении наемных работников; соблюдение законодательства и профессиональной этики; экономическая эффективность; развитие местного сообщества [24].

КСО, таким образом, рассматривается как добровольное решение компании участвовать в улучшении жизни общества сверх того, что фирма должна делать по закону (например, платить налоги). При этом современные источники непременно упоминают, что эффективные социальные программы обязательно приносят экономическую прибыль. Если исторически бизнес занимался традиционной благотворительностью, то сейчас – социальными инвестициями.

Под традиционной благотворительностью подразумевается «передача ресурсов от жертвователя к получателю на безвозмездной основе с целью решения общественно значимых задач; при этом даритель не ставит целью извлечение пользы и достижение собственных целей» [25, с. 16]. Социальные инвестиции – это «целенаправленная долгосрочная политика компании в местных сообществах, направленная на решение общественно значимых задач, предполагающая взаимное вложение ресурсов и приносящая взаимные выгоды всем участникам процесса» [25, с. 16].

На практике корпоративные социальные инвестиции можно операционализировать через внутреннюю корпоративную социальную политику – образование персонала, предоставление медицинских услуг, организацию досуга, помощь в приобретении жилья и т.п., а также отдельные элементы внешней корпоративной социальной политики – влияние на рынок труда, образование, медицину на территориях присутствия бизнеса.

Таким образом, концепции государства социальных инвестиций и корпоративных социальных инвестиций роднит активная политика занятости и основное и дополнительное профессиональное образование.

По данным Евростата, доля организаций в странах Европы, обеспечивающих курсы повышения квалификации для своих работников повышается с 55,6% (2005 г.) до 70,5% (2015 г.) [26] В классических социальных государствах – социал-демократических, консервативных, либеральных – этот показатель составляет около 80-90%, в постсоциалистических и южных – около 40-60% (достигая минимума в Греции в 21% в 2015 г.).

Увеличивается также и доля работников, принимающих участие в образовательных программах, организуемых предприятиями – с 32,9% (2005 г.) до 42,09% (2015 г.) [27].

Заключение

Концепция социальных инвестиций закрепились как в практике государственной, так и корпоративной социальной политики.

Государство социальных инвестиций стало ответом на кризис традиционного социального государства. Парадигма социальных инвестиций не отрицает компенсаторной и редистрибутивной функций социальной политики, но ориентирована, в первую очередь, на активную политику в области занятости.

Бизнес также пересматривает свои социальные функции и переходит от традиционной благотворительности к профессиональному пониманию корпоративной социальной ответственности и социальных инвестиций – в работников в узком смысле и в местное, региональное и мировое сообщество в широком смысле.

Меняется и понимание феномена публичной политики: ее субъектами считаются не только государственные (исполнительные) органы власти, но и коммерческие организации.

Европейский опыт реализации социальных инвестиций показывает, что наибольшего сдвига в пределах социальной политики социальным инвестициям достигают классические социальные государства – социал-демократические, либеральные, консервативные, – в то время как посткоммунистические социальные государства запаздывают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nelson Barbara J. Public Policy and Administration: an overview // a New Handbook of political Science // Ed. by Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann // Oxford University Press, UK, 864 p.
2. Dye Thomas R. Understanding public policy. – 10th ed. – Prentice-Hall Int. – 335p.
3. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 349с.
4. Галкин А.А. Модернизация, обратная связь и публичная сфера // Политика. 2011. №1 (60). С. 69-84.
5. Esping-Andersen G. The Tree Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.
6. Cook L.J. Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe. – Ithaca: Cornwall University Press. 2007. -288p.
7. Castles F.G. The future of the welfare state: crisis myths and crisis realities. – Oxford: Oxford Univ. Press. 2004.
8. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
9. Starke P. The Politics of Welfare State Retrenchment: A Literature Review // Social Policy and Administration/ 2006. Vol.40 №1. pp. 104-120.
10. Шмидт В.Р. Либерализация: единственный путь деинституционализации или одна из возможных стратегий // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. №4. С. 451-464
11. Towards a social investment welfare state? Ideas, policies, challenges // Ed. by Morel N., Palier B., Palme J. – Bristol: Univ. of Bristol, Policy Press. 2012.
12. Deeming C., Smyth P. Social Investment after Neoliberalism: Policy Paradigms and Political Platforms. Journal of Social Policy, 2014. # 44(02), 297–318.
13. Чубарова Т.В. Государство социальных инвестиций – новый поворот в социальной политике? // Общественные науки и современность. 2015. №6. С.14-28.
14. van Kersbergen K., Hemerijk A. Two Decades of Change in Europe: The Emergence of the Social Investment State. // Journal of Social Policy. 2012. Vol. 41. pp 475-492.
15. Eurostat: Expenditure on social protection, % of GDP [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&rcode=tps00098> Дата обращения 06.04.2020.
16. Wilthagen T., Tros F. The concept of ‘flexicurity’: a new approach to regulating employment and labour markets // Transfer: European Review of Labour and Research. Volume: 10 issue: 2, page(s): 166-186
17. Cerami. A., Vanhuysse P. (eds). Post-Communist Welfare Pathways. Theorizing Social Policy Transformations in Central and Eastern Europe. - Basingstoke, Palgrave Macmillan. -2009. Kochanowicz J. Incomplete Demise: Reflections on the Welfare State in Poland after communism // Social Research, 1997 Vol. 64, No. 4 p. 1445-1469.

18. Eurostat: Social benefits by function – % of total benefits (Unemployment) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&rcode=tps00106&language=en> Дата обращения 06.04.2020.

19. Eurostat: Public expenditure on labour market policy measures, by type of action, million Eur [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://webgate.ec.europa.eu/empl/redisstat/databrowser//bookmark/de5f55d8-3038-4b00-8d38-2c271ae355b6> Дата обращения 06.04.2020.

20. Eurostat: Adult participation in learning by sex [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&rcode=sdg_04_60 Дата обращения 06.04.2020.

21. Eurostat: Participation rate in education and training (last 4 weeks) by sex and labour status (Unemployed) – Режим доступа: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> Дата обращения 06.04.2020.

22. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 448 с.

23. ИСО 26000 Социальная ответственность: международный стандарт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.iso.org/ru/iso-26000-social-responsibility.html> Дата обращения 06.04.2020.

24. Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 г. [Текст]/ Под ред. С.Е. Литовченко – М.: Ассоциация менеджеров, 2004.- 82с.

25. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний [Текст]/ Под ред. М.И. Либоракиной – М.: Институт экономики города, 2003. – 135 с.

26. Eurostat: Enterprises providing training by type of training and size class - % of all enterprises [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=trng_cvt_01s&lang=en Дата обращения 06.04.2020.

27. Eurostat: Participants in CVT courses by sex and size class - % of persons employed in all enterprises - [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=trng_cvt_12s&lang=en Дата обращения 06.04.2020.

УДК 316.7

А.С. Солдатова

Младший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Россия

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ, ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)*

Аннотация: В статье рассматриваются результаты фокус-групповых интервью в Республике Мордовия, предметом которых выступило соотношение территориальных идентичностей в общей системе ментальности. Анализируется устойчивость и интенсивность каждого территориального уровня идентичности.

Ключевые слова: Идентичность, политическая идентичность, государственно-гражданская идентичность, менталитет, прикладные исследования.

A.S. Soldatova

Researcher at the Center of science and education «Political Analysis of Territorial Systems», National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

CORRELATION OF POLITICAL IDENTITY AT THE NATIONAL, REGIONAL, LOCAL LEVELS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)

Abstract: The article discusses the results of focus groups in the Republic of Mordovia. They were conducted to study territorial identity. The stability and intensity of each territorial level of identity is analyzed.

Keywords: Identity, political identity, civil identity, mentality, applied research.

Соотношение идентичностей в общей ментальной структуре российских граждан – уникальный индикатор, демонстрирующий широкомасштабный срез проблем в данной сфере. Понимая конфигурацию балансирующих, можно делать умозаключения о состоянии всего процесса нациестроительства. Преобладание элементов общероссийской идентичности – факт очевидный для нашего

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

государства, однако специфика наполнения регионального и локального уровней может сигнализировать о появлении проблемности, активизации или нарастании негативных тенденций. Отсутствие интенсивности выраженности двух последних – фактор локальной неустроенности, неконкурентоспособности, отсутствия жизненной энергии для развития локуса. И в обратном порядке.

Республика Мордовия, с этой точки зрения, – очень показательная площадка для наблюдений. По мнению исследователей, «регион интересен своеобразием ситуации, при которой наравне с "изобретением традиций" и эксплуатацией региональной уникальности особым образом осмысливается и подается идея сопряженности с развитием российского государства» [1]. Также отмечается некая заявка на «стабильность», «оптимальность» и «гармонию» [2; 3], что дополнительно побуждает обратиться к изучению регионального (республиканского) контекста проблемы на примере Мордовии.

Для детализации проблематики авторским коллективом были организованы три фокус-группы. В качестве участников на них были приглашены жители г. о. Саранск и двух муниципальных районов Республики Мордовия. Две из них были укомплектованы гражданами старше 45 лет, одна – от 17 до 45 лет.

Формирование групп осуществлялось с учетом «классических» различий в политических установках жителей города и сельской местности, а также фактора поколенческого разрыва мировоззрения между молодым и пожилым населением страны.

В качестве стимульного материала были использованы различные символы. Рассматривалась государственная атрибутика, республиканские символы, карты, памятники, изображения достопримечательностей и природы, логотипы местных производств и многое другое. Все они, по сути, представляли различные уровни территориальной идентичности и демонстрировались поочередно [4]

Полученные данные явились информацией для анализа специфики восприятия концептуальных конструкций формирования гражданской идентичности. Также с их помощью удалось сделать выводы об интенсивности выраженности идентичностей, укорененности их смысловой и ценностной основы, а также знаковых символах и брендах.

Фокус-группы позволили зафиксировать тот факт, что ценности государственного уровня идентичности (независимость, целостность страны, историческая память) – наиболее актуальные для населения республики. Данный блок устойчив. Символы государственной идентичности для граждан не подлежат пересмотру или корректировке даже на словах.

- «...Я не согласен. Странный разговор. Как можно менять флаг, у которого уже есть история, смысл, традиции, объяснения какие-то.... Тут смысл в каждом цвете, поэтому что менять? Он уже есть, он отражает нашу страну, нас. Как так поменять?...».

- «...Издевательства какие-то над государственной символикой. Лучшие не креативить здесь...».

Здесь же актуализирован политический спектр вопросов. Правда, не всегда в позитивном ключе. Например, «чиновников» можно выделить в отдельное ментальное явление, которое фактически складировуют в своей основе все негативные проявления идентичности.

- «...У меня вызывает это тревогу. Что это они там делают? Что решают?...».

- «...Обалдуй...(недовольно ругается матом). Он сам спит, глазами клюёт...».

- «Ну, понятно, там им делать нечего. Молодёжи сколько? Без работы сидят... Сидят там, дремлют, платите им...».

Однако, следует отметить, что граждане испытывают дефицит коннотационных скреп общероссийской идентичности. Узнавание символьных элементов значительно выше уровня знания их смысловых основ. Население знает, что есть и какое оно, но не знает, зачем и почему именно такое. Чаще всего происходит достраивание, подмена понятий, уход в фольклор [4]. Примерами могут служить следующие высказывания:

- «...Мне нравится первая карта. На ней, скажем так, единство. Нет необходимости думать, что где, нет ли ничего лишнего. Такое общее полотно страны. Единое, неделимое. Целостная картина. Понятная. Логичная...».

- «Голова... что-то я не понимаю, какой-то кувшин, не кувшин...это самогонка, наверное (про российский герб)...».

- «... Я где-то читал про наш герб. У всего есть объяснение, история. А еще вопрос про две головы. Некоторые шутят, что две головы у орла, поэтому согласия нет у народа. Одна смотрит на восток, а другая – на запад...».

Иные процессы сопровождают региональную самоидентификацию. Во-первых, достаточно отчетливо она разветвляется на собственно региональную и этническую (мордовскую) идентичность. В свою очередь, крайне интересно, что «мордовская» представляется единой, целостной структурой без разделения на эрзянскую и мокшанскую, особенно, в плоскости внешнего измерения (вопреки устоявшемуся мнению о разности основ самосознания [5; 6]). Думается, что «мордовское» в данном аспекте воспринимается как феномен, интегрирующий эрзянское, мокшанское и русское.

Региональные бренды оцениваются критически. Однако, основной тренд специфики восприятия – «недостаточность». Респонденты говорят о малом количестве достопримечательностей, инфраструктуры, символов, событий без этнической окраски. Заметна «усталость» от конструирования мордовской идентичности «сверху», в том числе, от участников из числа представителей мордовского этноса.

Острым остается вопрос о внешней идентификации – распознавании Мордовии и ее столицы за пределами региона, который был частично снят Чемпионатом мира по футболу – 2018 (четыре матча в рамках чемпионата были

проведены в г. Саранск). *«...Хорошо это для Мордовии, в целом. Люди узнали хоть, что вообще есть такая Мордовия. И Саранск...».*

Данные выводы пересекаются с полученными данными в рамках других научных исследований, например, коллектива Напалковой И. Г. [7]. Их работы также содержат выводы о недостаточной позитивной индивидуальности региона, в том числе, в плоскости экономического развития. Интерес представляет Pest-анализ, проведенный Майковой С. Э. и Сармаевой Т. А. [8], который позволяет оценить небольшой спектр территориальных особенностей и ресурсов, принятых в работу административным центром Республики Мордовия для конструирования региональной идентичности.

Региональный блок, однако, более остальных сопровождается деятельностным потенциалом. Достаточно развитый «имидж продуктов» позволяет интегрировать местный патриотизм и потребительское поведение: *«...Крупные предприятия наши хорошую продукцию делают. Консервный завод, например. С удовольствием беру. Горох, фасоль, бобы там. Водка, говорят, хорошая... у нас шикарнейшие продукты. Преимущество, конечно, есть...».*

При этом именно этот уровень подвижен. Граждане готовы к изменениям, его реформатизации. Существует запрос на соответствие духу времени, трендам. *«... А вот в Пензенской области...», «... В Москве иначе...».*

Возможно, это связано и с тем, что представители различных социальных групп мало знают об истории появления символов и брендов региона. В частности, это подтверждают комментарии о символе Мордовии – лисе.

- *«...Ну, там же какая-то история?...».*

- *«...Ой, в Мордовии их же всегда много было...».*

- *«... - Какой же символ подойдет Мордовии? - Нужно животное с умом с рассудительностью. А не вот прям хитрое...».*

Этнический блок представлен интенсивно. Что, несомненно, взаимосвязано с политикой идентичности местной элиты, о которой, в том числе, участники сообщали модератору. Этот уровень осознается более четко и целостно. В целом, гражданам понятно «зачем» и «какая цель». В отличие от уровня собственно регионального, который теряется в пространствах брендов других идентичностей.

Как и на общероссийском уровне, здесь сформировано понятие о политическом сообществе. «Мы», «наше» – про россиян, «мы», «наше» – про мордву. Мордовское, однако, не всегда сопровождается позитивной коннотацией. Просматривается двуначалие присваиваемых качеств, в некоторых моментах даже полярность: добродушные – хитрые; гостеприимные – подлые и пр. Также назывались снобизм, провинциальность, позерство и пр.

По интенсивности с этническим уровнем конкурирует локальная идентичность. Однако, если проанализировать специфику восприятия, точнее будет сказать – дополняет, наполняет устойчивым истинно патриотичным

сюжетом. В первую очередь, это символы и смыслы локуса в его физическом качественном состоянии, а именно природа (реки, поля и пр., даже болота!).

- «...*Будто к бабушке в деревню приехала! Хорошее с деревней ассоциируется, с детством...*».

- «...*Зачем эти небоскребы? Вот курочки там, вон баньку топят, вот красота!...*».

- «...*Вот напьешься – упадёшь, но нигде не пропадёшь...*».

Однако, локальный уровень не является исключением в проявлении трендов. Он также деформируется под тяжестью негативизма и критического осмысления современного состояния экономики и «социалки» провинциальных пространств.

- «...*Да и район возьми, колхозов нету...*».

- «...*Потеряли все, ничего нет в районах, дорог даже...*».

- «...*А чего в районах молодежи делать? Спиваться?...*».

В целом, можно подтвердить гипотезу исследования об иерархии как структуре уровней идентичности населения Республики Мордовия. Наиболее широко распространена и укоренена государственная идентичность. Она же является наиболее интенсивной в своем проявлении. На этом уровне сосредоточены и активизированы ценностные ориентации граждан. Здесь сформировано политическое сообщество «мы», которое является ценным само по себе, актуализированы категории «единство», «неделимость» и пр.

Региональная идентичность менее интенсивная и выраженная. Она является многослойной и многофакторной. Для нее характерны такие черты как низкий уровень осознания своей региональной индивидуальности, замена (подмена) регионального этническим. Однако, именно здесь может быть осуществлена широкая работа по производству и формированию идентичности. Тем более, что такой запрос объективно присутствует в обществе.

Локальная идентичность по интенсивности значительно опережает региональную и дополняет этническую. Здесь дислоцируется символическое пространство, способное активизировать территориальную идентичность, в целом. Феномен «малых родин» работает «снизу», за счет чего является максимально естественным в своем проявлении и наполнении.

В изучаемом внутрорегиональном пространстве обеспечивается совместимость различных уровней территориальной идентичности. Уровни в сложившейся системе не являются равнозначными по широте распространения, интенсивности, укоренённости и значимости, однако, в целом, достигается баланс, необходимый для поддержания целостности структуры.

Однако, думается, что такая конструкция поддерживается и политико-экономическими балансами. Едва ли она останется конкурентоспособной при смещении стратегии экономического развития на собственно региональные мощности. Для этого может понадобиться широкомасштабная актуализация региональной самости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ширманов Е. В. Символьная система государственно-гражданской и региональной идентичности жителей Мордовии и Ульяновской области (по материалам фокус-групп) // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 4 (49). – С. 77–83.
2. Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. – 2009. – № 3. – С. 249-260.
3. Она же. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. – 2017. – №1. – С. 117-138.
4. Солдатова А. С., Напалкова И. Г., Грыжанкова М. Ю. Специфика восприятия концептуальных конструкций формирования государственно-гражданской идентичности в современном российском обществе (по материалам фокус-групп) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – Т. 19. – № 4 (48). – С. 464-478.
5. Мокшин Н. Ф. и др. Основные этапы формирования и развития мордовской этничности и государственности // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 1 (25). – С. 144-149.
6. Abramov V. K. Selfidentification of the Mordvins based on the poll of 2007 // European Journal of Natural History. – 2010. – № 5. – С. 74-84.
7. Напалкова И. Г., Десяев Д. Г. Республика Мордовия: историческая дескрипция имиджевого бэкграунда // Финно-угорский мир. – 2019. – № 2. – С. 168-182. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.168-182.
8. Майкова С. Э., Сармаева Т. А. Анализ факторов территориальной индивидуальности г. о. Саранск // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 10 (101). – С. 95-102.

УДК 323.2

С.А. Трыканова

к.и.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права
РГУ имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ФОРМ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ

Аннотация: В статье рассматриваются значимые аспекты реализации организационно-правового регулирования институтов непосредственной муниципальной демократии в РФ.

Ключевые слова: Местное самоуправление, местный референдум, территориальное общественное самоуправление, непосредственная муниципальная демократия.

S.A. Trykanova

Department of Constitutional and Municipal Law of the RSU named after
S.A. Yesenina, Ryazan, Russia

ACTUAL CHALLENGES OF DEVELOPMENT FORMS OF CITIZENS PARTICIPATION IN THE IMPLEMENTATION OF LOCAL SELF-GOVERNANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article discusses the significant aspects of the implementation of the legal regulation of the institutions of direct municipal democracy in Russian Federation.

Keywords: Local government, local referendum, territorial public self-government, direct municipal democracy.

Развитие и совершенствование политики государства в вопросах реформирования механизмов непосредственной муниципальной демократии, являющейся концептуально-социальной основой местного самоуправления в Российской Федерации, на наш взгляд, представляется как эффективный метод выравнивания социальной стабильности и преодоления возможных кризисов в развитии муниципального управления, данное утверждение неоднократно было отражено в стратегических документах Президента Российской Федерации и центральных федеральных органов законодательной и исполнительной власти.

Рассмотрим наиболее популярные институты непосредственной муниципальной демократии

Начнем, по нашему мнению, с самого «базового» института, института *местного референдума*. Исследуя законодательство, регулирующее данный механизм участия и статистические данные можно сделать однозначный вывод

о наличии ряда противоречий в организационно-правовом регулировании реализации данного института непосредственной муниципальной демократии. Так, например, после 2005 года в результате принятия Федерального закона от 21.07.2005 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации» [1] появилась норма о том, что теперь не каждое общественное объединение может быть инициатором проведения референдума. В данной связи невозможно не согласиться с мнением Медведковой С.А., которая отметила, что указанный факт несомненно свидетельствует о явном отстранении гражданского общества от непосредственной муниципальной демократии. В нынешних реалиях только лишь инициативная группа и общественные объединения в отдельных формах может запустить механизм местного референдума, однако совершенно очевидно, что возможность инициирования любыми общественными объединениями является более эффективным субъектом, обладающим большим количеством рычагов воздействия [2, с.323]. Кроме того, существуют и процедурные ограничения. Например, обязанность собирать подписей в целях поддержки инициативы его проведения. Законодательством устанавливается предельная величина таких подписей. Она определяется законом субъекта РФ, но не должна превышать пяти процентов. С одной стороны, усматривается, что величина не слишком большая, однако, как справедливо отмечает Гранкин И. В., в городах миллионниках, при таком условии, достаточно просто установить внушительное количество необходимых подписей и как следствие, фактически полностью исключить вероятность его проведения [3, с.26].

Обращаясь к статистическим данным, которые представлены Центральной избирательной комиссией, отмечается, что за прошедшие десять лет на территории всех муниципальных образований было проведено порядка 4500 местных референдумов, половина из которых по вопросу самообложения граждан, треть по изменению границ [4]. Оставшиеся чуть более 1000 инициирований реально можно отнести к решению насущных вопросов, что в разрезе более 21500 муниципальных образований, образованных на территории Российской Федерации, говорит о крайней степени нераспространённости этого института и как следствие о его неэффективности [4].

Анализируя зарубежный опыт в этом вопросе, представляется возможным отметить следующие его черты:

– В большинстве своем, эта форма непосредственной муниципальной демократии достаточно детально урегулирована как на конституционном уровне, так на уровне крупных территориальных единиц, а так же на локальном уровне [5, с.86]. Часть стран (Латвия, Кипр) вообще не предполагают ее проведение. Часть стран лишь косвенно предоставляют такую возможность как, например, в Чехии;

– На референдум могут выноситься самые разные вопросы. Начиная с налогообложения и заканчивая вопросами экологии муниципального образования;

– Ряд стран предоставляют своим гражданам лишь право на участие в местном референдуме (Италия, Бельгия), в то время как некоторые, например Испания указывает на императивный его характер, что означает необходимость в его участие всем гражданам обладающим таким правом;

– Высокая степень достижения положительных результатов поставленных местным референдумом, высокий показатель заинтересованности граждан в их участие, особенно в Швейцарии и одобрение воли граждан со стороны органов государственной и муниципальной власти [5,с.87].

– Наличие серьезного влияния Совета Европы в становлении этого института [5,с.87].

Анализ развития теории и практики реализации института *Территориального общественного самоуправления* в Российской Федерации также свидетельствует о наличии некоторых противоречий в организационно-правовом регулировании данной формы непосредственной муниципальной демократии. С одной стороны, наблюдаются очевидные трудности со стороны законодательной базы. Отсутствие, зачастую, действенных условий и инструментов реального, масштабного и эффективного воздействия ТОС на благосостояние территории на котором он образован [6,с.111]. О большинстве таких проблем мы уже говорили ранее, поэтому дальнейшее развитие темы в этой части не целесообразно. Однако, с другой стороны, отмечается и большое количество интересных положительных особенностей [6,с.112]. Самым, наверное, убедительным фактом, в данной связи, выступает критерий распространённости ТОС на территории страны. По подсчетам Ассоциации территориальных общественных самоуправлений «Лига ТОС», со ссылкой на ЕГРЮЛ уже в 2016 году в Российской Федерации было зарегистрировано в качестве юридического лица более 2400 ТОС в 58 субъектах РФ. Принимая во внимание приведенный Ассоциацией график динамики их распространения начиная с 2000 года, можно сделать вывод, что в настоящий момент, на территории РФ зарегистрировано порядка 3500 ТОС в 70 субъектах. Однако, обращаясь к данным Министерства юстиции Российской Федерации, уже в 2016 году было зарегистрировано более 24 тысяч таковых, что на наш взгляд является феноменальным показателем распространённости этой формы непосредственной муниципальной демократии, несмотря на явные процедурные трудности в регистрации, а так же прогнозы Ассоциации [6,с.113]. Кроме того, проведенный Ассоциацией опрос среди жителей, проживающих на территориях на которых функционируют ТОС, позволяет сделать вывод о постоянном росте одобрения населением их работы. По состоянию на 2016 год, такое одобрение переваливает за 65 % в некоторых субъектах РФ. Если при этом, брать во внимание общую удаленность населения от любых форм муниципальной демократии, в виде отсутствия знаний об их существовании, показатель представляется очень положительным [7,с.86].

Аналогичная ситуация складывается и в зарубежной практике непосредственной муниципальной демократии. При этом отмечается, что

помимо всеобщей распространенности исследуемой формы, усматривается также множественное разнообразие ее подвидов, что обусловлено, в первую очередь, разными задачами и целями. Детальный же анализ, позволил выявить характерные черты и новеллы, а именно:

- Как и в России, большую распространенность получают ТОС на небольших территориальных единицах, в целях недопущения практики присоединения последних к органам местного самоуправления, что подрывало бы сущностную характеристику этой формы, что, на первый взгляд, весьма парадоксально [7,с.87];

- Существует практика, например в Индии, совмещения института ТОС с институтом старосты, если речь идет о их работе в пределах целой деревни. ТОС, являясь коллективным объединением, старается своими силами решать проблемы, однако в случае недостаточности ресурсов, прибегают к помощи муниципальной власти через старосту. Такое слияние, на наш взгляд, весьма интересно и заслуживает отдельного внимания;

- В некоторых странах наблюдается настолько сильное укрепление этих объединений в структуре общества, что приводит к ситуации, когда ТОС располагает личными средствами не только для ведения местных дел, но так же и владеет ресурсами для дачи консультаций. Предполагается, что такие организации, на постоянной, профессиональной основе оказывают гражданам соответствующую помощь. Самым ярким примером такого опыта является Великобритания.

- Усматривается повсеместная практика, особенно в странах Европы, по государственному и муниципальному финансированию их работы [7,с.178].

Все эти показатели и факты с полной уверенностью дают возможность сказать о состоятельности и эффективности данного института во всем мире.

Зарубежный опыт внедрения и реализации института *отзыва выборного лица* в органах местного самоуправления во многом схож со сложившейся ситуацией в России. Усматривается закрепление этого права за избирателями, как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Большинство стран сходится в не конкретизации оснований отзыва. Однако делается акцент на наличии факта противоправного деяния, его доказывание через суд и инициирование соответствующего голосования. Различия усматриваются в основном в минимальном процентом пороге.

Однако не представляется возможным говорить о всеобщей эффективности и простоте проведения этой процедуры. Например, в США из-за ограничений, установленных на срок сбора подписей в нотариально удостоверенной форме, наличия обязанности на оплату всех процедурных расходов, если выборное лицо не отозвали по результатам голосования, этот институт стал крайне редким явлением. В Японии же дела обстоят несколько лучше. Закон о местной автономии Японии предусматривает простоту процедуры. Благодаря этому, только за период первой половины двадцатого века было отозвано более 700 выборных лиц. Известен даже случай отзыва в Японии мэра г. Дзуси в 1989 году не за противоправное деяние, а за поддержку

вырубке леса для определенных нужд, что не понравилось избирателям, которые в последствии отозвали его [8,с.35].

На территории Российской Федерации по данным Центральной избирательной комиссии за период с 1993 по 2020 год процедура отзыва выборного лица на территории муниципальных образований была проведена все лишь 1 раз. Прецедент имел место в 2014 году в Ханаты-Мансийском автономном округе и отзыву подвергли главу городского поселения. По результатам голосования, глава был отозван. Указанное обстоятельство подталкивает на две мысли. Первое, выборные лица достаточно качественно, целесообразно и законно выполняют данное населением право, что звучит весьма сомнительно. Второе, институт отзыва выборного лица на уровне муниципального образования слишком сложен, коррумпирован, неэффективен и неточен.

Учитывая все вышесказанное, возможно совершенно точно отметить, что общая картина эффективности институтов непосредственной муниципальной демократии в настоящий момент сложилась следующим образом. Указанные институты в той или иной степени находят свое применение в разных странах, с большей или меньшей интенсивностью. Право граждан на них действительно реализуется, а не является декларативностью. Существуют достаточно серьезные отличия в процедурах, основаниях и требованиях в этих процессах у разных стран. Однако, нельзя говорить о полном застое в этой области и о полном отсутствии муниципальной демократии. Отмечается положительная тенденция к дальнейшему их развитию и совершенствованию, что, несомненно, является конструктивной тенденцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 21.07.2005 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации»: [Электронный ресурс] / / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54573 Дата обращения: 28.04.2020.

2. Медведкова, С.А. Местный референдум как форма непосредственной демократии // Актуальные вопросы развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты. 2017. – С. – 323 – 325.

3. Гранкин, И.В. Роль Конституции Российской Федерации и федерального законодательства в определении компетенции законодательных органов субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 10. – С. – 26 – 28

4. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии: [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL:<http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> Дата обращения: 22.03.2020.

5. Чебаненко, О.Д., Грищук О.Ю., Колодяжна Н.В., Евгеньева А. Референдум в Европейском союзе. Киев: ФАДА, ЛТД, 2007. – 326 с.

6. Марков, П.Н., Тхаркахо, М.М. Роль территориального общественного самоуправления в системе местного самоуправления // Colloquium-journal. – 2019. – № 14 (33) – С.110 – 117.

7. Чернова, Э. Р. Институт территориального общественного самоуправления в России и за рубежом // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации. Сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления/под ред. Усанова Р.Ф. – Стерлитамак: Изд-во Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО "Башкирский государственный университет", 2018. – С. 178 – 183.

8. Сенаторов, А. Японская модель местного самоуправления / А. Сенаторов // Знакомьтесь Япония. 1995 – .N 7. – С. 35. – 37.

УДК 323.2

Г.Л. Тульчинский

д.филос.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия

СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ*

Аннотация: Предпринята попытка систематизации содержания концептов публичной политики, публичной коммуникации и символической политики.

Ключевые слова: Публичная коммуникация, публичная политика, символическая политика.

G.L. Tulchinskii

Doctor of Philosophical sciences, Professor
NRU Higher School of Economics – St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

SIMBOLIC COMMUNICATION IN PUBLIC POLICY: A CONCEPTUAL AUDIT

Abstract: An attempt was made to systematize the content of the concepts of public policy, public communication and symbolic politics.

Keywords: public communication, public policy, symbolic politics.

Как учили великие – Платон и Конфуций, любое дело надо начинать с «исправления имен», т.е. уточнения содержания используемых понятий. В нашем случае в таком уточнении нуждаются концепты публичной политики, символической политики и публичной коммуникации.

Начнем с публичной политики – концепта весьма неоднозначного [1; 2; 17; 21; 22], особенно, если учитывать англоязычные термины, с ним связанные. Прежде всего, наверное, необходимо отличать публичную политику (PublicPolicy) от общественного управления, управления обществом (PublicAdministration) [19], хотя иногда публичную политику трактуется как «социальное управление», что в контексте российского «отраслевого» словоупотребления резко сужает предметное содержание публичной политики до социально-культурной сферы.

Публичная политика – не просто «общественная». Очень многое зависит от трактовки термина «публичный». В англоязычном public – речь идет не только об общественном характере деятельности, но и ее публичности,

* Работа выполнена в рамках гранта РФФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

открытости. Ситуацию немного проясняет ситуация с другим термином: PublicPolicy близко к PublicRelations (связи с общественностью) – коммуникативной технологии достижения общности интересов и доверия акторов бизнеса, политики и гражданского общества. Не случайно PublicRelations (PR) так трудно перевести на русский язык (буквальный перевод – «публичные отношения» – нечто вроде семейной склоки при свидетелях).

Если в содержании англоязычного Public вычленяется частная жизнь (private) и собственно public – не частная, не личная сфера, включающая как общество, так и власть, то в русскоязычном политическом дискурсе есть государство и все остальное.

Кроме того, в русском языке в содержании термина «политика» не вычленяются четко различаемые в английском Policy (как выработка и реализация программ решения проблем общества) и Politics (борьба за власть и ее удержание). Существенную роль в проработке содержания концепта публичной политики сыграли подборки публикаций в альманахе «Публичная политика» под редакцией М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова.

Суммируя сказанное, можно сказать, что у концепта публичной политики два измерения: во-первых, это вектор личность – общество – государство, и во-вторых, вектор тайное (скрытое) – открытое, т.е. собственно публичность [18; 23]. Иными словами, публичная политика предполагает участие граждан в выработке и реализации политических решений, а также институционализацию этого участия. А критериями полноценной публичной политики являются нацеленность на решение проблем граждан, прозрачность процедур этих решений и взаимное доверие власти и граждан.

Тогда уже можно предложить определение публичной политики: это процесс подготовки, обсуждения, принятия, реализации властных решений, направленных на решение проблем общества, в котором наряду с органами власти принимают участие также иные акторы, включая общественные, неправительственные организации, НКО, бизнес (включая бизнес-ассоциации), СМИ, академическое сообщество, эксперты и отдельные граждане.

В этом плане публичная политика предстает конструктивным процессом выявления проблем, поиска и выработки их решения, включая обсуждения и продвижения интересов, принятие решений, их исполнение, контроль за реализацией. Этот процесс, по сути дела, можно представить в формате маркетингового комплекса:

- Анализ: выявление, четкая формулировка проблем, доказательство их актуальности, определение социальных групп и сил, чьи интересы с этим связаны;

- Поиск решения: причины и факторы выявленных проблем, имеющиеся ресурсы (финансовые, организационные, информационные), варианты решений, сценарии, версии;

- Продвижение: обсуждения, экспертизы, убеждение сторонников, партнеров, аккумуляция ресурсов, подготовка документов.

- Решение: легитимация.

- Реализация: выполнение, имплементация: оперативное управление, мониторинг, контроль, работа с группами поддержки, коррективы.

И весь этот процесс есть работа с общественным мнением: на всех своих этапах он имеет принципиально коммуникативный характер.

В этой связи важно понимать, что коммуникация – это не просто процесс информационного обмена между системами, а процесс и результат обмена *содержательной* информацией [10; 11]. Социальная коммуникация – коммуникация между социальными субъектами, включая отдельные личности, группы лиц, организации. По сути дела, социальная коммуникация, как и рынок, мораль, магия, религия, есть обмен. Человек, как существо конечное, не полное, нуждается в обменах с окружающей средой для поддержания своего физического существования. А будучи существом социальным (без общения с другими личность не формируется и не развивается) нуждается в диалоге, обмене опытом, знаниями и т.п.

Более того, социальная коммуникация – это взаимодействие вменяемых субъектов (акторов) – в обоих смыслах слова вменяемость: наделенных сознанием, мотивацией, замыслами, которые поддаются рациональной реконструкции, и ответственных за свои поступки, действия, замыслы. Поэтому социальная коммуникация предполагает интерпретацию содержания информации, поиск ее смысла. Смысл – тоже проявление человеческой сущности, как существа конечного, которому недоступна вся полнота знания о бесконечном разнообразии мира, и поэтому постигающего этот мир всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, с какой-то точки зрения, в каком-то смысле.

Поэтому социальная коммуникация – междисциплинарный комплекс, включающий теорию информации, семиотику, теорию коммуникации, лингвистику, психологию, социологию, политологию, когнитивистику и целый ряд других дисциплин [4; 12; 14; 15; 25; 29].

Особое место в социальной коммуникации занимает ее публичный сектор – социальная коммуникация, связанная с презентацией, позиционированием и взаимодействием социальных субъектов в публичном пространстве. В отличие от закрытой (скрытой, тайной) социальной коммуникации, публичная социальная коммуникация связана с неограниченностью доступа к (каналам) реализации, хранению, воспроизводству, интерпретации передаваемой информации. Публичная коммуникация выполняет ряд ключевых политических функций, таких как: решение проблем, воздействие (управление, регулирование, побуждение, манипулирование, впечатление), информирование, разъяснение и понимание, установление и развитие взаимодействия (партнерства, участия), паблисити (известность и узнаваемость) и позиционирование, формирование и продвижение имиджа, репутации.

Даже из такого беглого обзора очевидно многообразие форм публичной коммуникации. По акторам (участникам) она может быть массовой, групповой и личностной. По сферам реализации: в политике, бизнесе, сфере культуры, в

науке, искусстве, образовании, и т.д. и т.п. – вплоть до личной жизни. По технологиям (средствам) она может быть вербальной (языковой), невербальной (включая жесты, позы, предметы), использовать иконические знаки (визуальные средства), символы. В свою очередь, вербальная публичная коммуникация может использовать устную речь, письменность, печатную продукцию, книги, прессу, электронные медиа, включая радио, телефон, ТВ, Интернет. Публичная социальная коммуникация может быть комплексной, примерами чего являются реклама, PR, социальные сети, интегрированные маркетинговые коммуникации. В зависимости от целей, практикуются различные модели публичной коммуникации – манипулятивная, информационная, разъяснительная, партнерская. При этом важную роль играет учет и анализ контактных групп и их коммуникативные ожидания.

Весь этот инструментарий используется в реализации публичной политики, которую трудно сейчас представить без опоры на эти технологические ресурсы.

В этой системе публичной политики и ее осуществления в форматах публичной коммуникации особое место занимает символическая политика. Политика, как деятельность, связанная с формированием, удержанием, передачи власти, обеспечивающая целостность социума, внутренние и внешние условия его существования и развития, в наше время в изрядной степени предполагает активное использование символических ресурсов. В современном мире имеет значение не только, а иногда даже и не столько воздействие на граждан или другие государства в форме прямого властного принуждения или подкупа, сколько влияние, основанное на привлекательности предлагаемых ценностей, норм, стереотипов, и, как следствие, их добровольном принятии. [31] Идеи «мягкой силы» (softpower, smartpower) [32], «символической политики» (как symbolicpolitics, так и symbolicpolicy) [13; 16; 20], «символической власти» [5] не только активно обсуждаются, осмысляются, но и, что самое главное, активно используются в решении политических задач различного уровня, включая реформы и революции, гражданские и межгосударственные конфликты. О возможностях новых технологий в реальной политике заговорили политические и государственные деятели самого высокого уровня. [24]

Идея символической политики, как и другие, примыкающие к ней упомянутые концепции, открывает более широкий горизонт анализа, чем доминирующая в «нормальной» (в смысле Т. Куна) политической науке концепция рационального выбора, восходящая к экономической социологии маржиналистского толка [26]. Правящие элиты не только и не столько реализуют интересы граждан, сколько формируют восприятие и понимание ими реальности, фактически, формируя ожидания, надежды, опасения и другие интересы и запросы. Более того – саму политику можно и следует изучать как «символическую форму» [28].

Согласно П. Бурдьё, символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать

или изменять видение мира». Тем самым она предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир...» [5, с. 95]. Правящий политический класс не ограничивается формированием символической политики как некоего идеологического конструкта. Он сам действует в рамках задаваемых представлений, приоритетов, целей. Поэтому символическая политика не ограничивается манипулятивными технологиями выстраивания смысловых комплексов – она предстает социальной инженерией конструирования реальности [3], которую Д. Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом [30].

Человеку свойственно (и это отличает его от животного мира) строить свое поведение не только генетически определено, но и на основе осмысления и реконструкции прошлого, чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в неких символах, образах, мифах, предопределяющих даже чувственные восприятия и ощущения. Это делает возможным абстрагирование, категоризацию, строить сложные рассуждения, планировать действия, поступки. [28, р.33-35]

Реальное воспринимается и оценивается личностью не само по себе, а через призму воображаемого и символического. Поэтому любое, даже самые рациональные решения и действия принимаются и предпринимаются посредством мотивационных воздействий воображаемого и с учетом символического. В этом плане суть применения «мягкой силы» заключается в представлении целевой аудитории образцов привлекательной идентичности, и обеспечения коммуникации, презентующей и транслирующей эти образцы. Тем самым, реализации мягкой силы и символической политики – как обещание реализации желаемых переживаний, предстает разновидностью маркетинга в сфере публичной политики.

Обычно символическая политика понимается как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование. [13; 16; 20] В этом плане символическая политика предстает выстраиванием картины мира в головах носителей этих интересов, сценариев их поведения. И современные технологии массовых коммуникаций дают для этого мощные инструменты.

Речь идет о широком наборе технологий и инструментов: традиционные и новые СМИ, дискурсивные практики, идеи, образы, нарративы, знаки, изображения, образы, брендинг (стран, регионов, лидеров, программ, проектов) [27], специальные события (праздники, церемонии, конкурсы, фестивали, выставки, соревнования и т.п.) [11]. Даже экономика все в большей степени предстает производством и потреблением знаков, маркетизированных символов. В круг реализации символической политики входят и конкретные действия, принимаемые и реализуемые политические решения.

Собственно, любые (если не все!) феномены социальной реальности (события, тексты, изображения, личности, природные объекты и катаклизмы, артефакты культуры etc, etc) могут выступать предметами (и инструментами) символической политики. Таковыми они становятся при двух условиях:

А : Они становятся предметом публичного дискурса: обсуждений, дискуссий, интерпретаций в публичном коммуникативном пространстве, прежде всего – в медиа. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики.

В : Эти обсуждения связаны с решением проблем сегодняшнего дня. В этих спорах и интерпретациях упомянутые феномены социальной реальности связываются с современным контекстом (проблемами, целями).

Условие (В) втягивает в символическую политику не только прошлое (историю, исторические факты), но и образы будущего, которые тоже становятся средством символической политики. Речь идет не только о художественных образах, но и исследованиях, проектах, программах. Наука, включая точные науки, количественные методы, будучи втянутыми в дискуссии о насущных проблемах развития социума тоже выступают как часть (средства и технологии) символической политики. Такое втягивание пересекается с манипуляцией, но к ней не сводится. Более того, сама разоблаченная манипуляция становится предметом символической политики.

Особый интерес представляет соотношение символической политики и действующих социально-политических институтов. С одной стороны, нормы и средства их реализации и контроля образуют инфраструктуру символической политики – как части политического процесса, инициируют и организуют ее. С другой стороны, сама символическая политика может способствовать формированию новых институтов, прохождению пути от идеи – и далее через общее понимание, формирование сообществ, ассоциаций со своими целями, нормами – до организационной институционализации (структур, организаций, учреждений). За этим процессом стоит коммуникация, ее интенсивность и упорядоченность. Именно этот процесс взаимостимулирования идей, символов, технологий и разных стадий институционализации, единства смыслового и организационного – составляет самое интересное и важное не только в практике символической политики, но и в анализе самого этого феномена.

Функционал символической политики важен и широк: от брендинга как символического дизайна публичного пространства до информационных (смысловых) войн, включая «войны исторической памяти» [6; 7; 8]. Если однонаправленные информационные атаки, действия типа пропаганды, манипуляции и слухов имеют целью убеждения, мнения, то смысловые информационные войны второго рода преследуют кратковременные практические цели, стимулируя определенные действия, необходимые для решения конкретной проблемы. Специфика таких «войн» в том, что нельзя однозначно идентифицировать их акторов, их мотивацию, полученные результаты. Социально-политическая реальность является результатом взаимодействия, столкновения, конкуренции таких проектов и кампаний. Именно это имеется в виду, когда историю понимают, как «равнодействующую волю». При желании за любой новостью, за любым событием можно проследить мотивационную цепочку, «коварный замысел», который можно приписать

неким «врагам». Тем не менее, акторы «информационных войн» во многом оказываются продуктами интерпретаций, дискурсивных практик, которые, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как «информационные войны». Тем самым, сам феномен информационной войны переводится не то что в дискурсивную практику мифотворчества, а в игру ума аналитиков и политтехнологов – кто кого «переинтерпретирует». Это не только и не столько собственно информационные, пропагандистские, манипулятивные атаки, сколько именно *конфликт интерпретаций* этих действий. [33]

Важно и то, что концепты и технологии символической политики, осуществляемой посредством массовых публичных коммуникаций, не только обеспечивают влияние, «мягкую силу». Они также открывают теоретические возможности, дают новые инструменты анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии, социологии и социальной психологии. Более того, сами эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.), как уже отмечалось, сами, в свою очередь становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные интерпретации, объяснения социальной реальности. Особую роль при этом играет их включение в медийное пространство.

Тесная взаимосвязь и даже взаимодополнительность массовых публичных коммуникации и символической политики создают качественно новый характер современной цивилизации, предстающей насыщенным и даже перенасыщенным символическим пространством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Н.Ю. «Публичная политика» как термин, понятие и научная категория // Публичная политика-2005. – СПб.: Норма, 2006. – С. 14-20.
2. Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. – 2011. – № 3. – С. 72-87.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Academia, Медиум, 1995.
4. Больц Н. Азбука медиа. – М.: Европа, 2011.
5. Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.
6. Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн. – М.: Академический проект, 2007;
7. Власенко И.С., Кирьянов М.В. Информационная война: искажение реальности. – М.: Канцлер, 2011;
8. Волконский Н.Л. История информационных войн: в 2-х тт. / Петрова И. (ред.). – СПб: Полигон, 2003.
9. Гавра Д. Основы теории коммуникации. – СПб: Питер, 2011. — 288 с.;
10. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. – М.: Кнорус, 2012. – 256 с.

11. Герасимов С.В., Лохина Т.Е., Тульчинский Г.Л. Менеджмент специальных событий. – СПб: Лань, 2010.
12. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: ВШЭ, 2016.
13. Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006.
14. Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005.
15. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: Гиперборей, 2007.
16. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля. // Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5-16.
17. Мирошниченко И.В. Публичная политика как сложносоставной концепт политической науки // Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2015, – С. 31-49.
18. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором. // Политика. – 2007 – №1. – С. 30-51.
19. Политическое управление и публичная политика XXI века. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008.
20. Поцелуев С.П. «Символическая политика» к истории концепта. //Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012, – С. 5-16.
21. Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2012.
22. Публичная политика: от теории к практике. – СПб.: Алетейя, 2008.
23. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2008.
24. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. // Московские новости. – 2012. – №33 (225).
25. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб: Изд-во В.А. Михайлова, 2002.
26. Тульчинский Г.Л. Политические трансформации в России и современная политическая наука // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 98 (6/2014). – С.95-112.
27. Тульчинский Г.Л. TotalBranding: мифодизайнпостинформационного общества. – СПб: СПб ГУ, 2013.
28. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. – Chicago: Markham publishing company, 1971. – p.7-8.
29. Habermas J. Theory of Communicative Action, V.1: Reason and the Rationalization of Society. – Boston, Mass.: Beacon Press, 1984.

30. Lakoff G. The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics. – New York etc., 2009.

31. Moscovici S. Social influence and social change. – L., N.Y.: Academic Press, 1976.

32. Nye, Joseph S. Yr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – NY: Public Affairs, Perseus books Group, 2004.

33. Tulchinskii, Grigorii. Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party'. // Russian Journal of Communication. – 2013. – Vol. 5. – No. 3. – p. 244-251.

К.В. Чилькина

к.ю.н., доцент, профессор ФГБОУ ВО «Саратовской государственной юридической академии», г. Саратов, Россия

**ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ ФРГ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ***

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о правовом статусе церкви в Германии.

Ключевые слова: Государство, церковь, Германия, Конституция, социальное государство.

K.V. Chilkina

PhD in Juridical Sciences, Docent, Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

**STATE AND CHURCH OF FRG:
LEGAL FRAMEWORK AND AREAS OF INTERACTION**

Abstract: The article discusses the legal status of the church in Germany.

Keywords: State, church, Germany, Constitution, welfare state.

На современном этапе выделяют несколько моделей взаимодействия государства и церкви.

В первой модели государство и церковь зависят друг от друга (государственная церковь, теократия). Такая модель существует в Англии – англиканская церковь, в Шотландии – реформированная церковь Шотландии, в Монако – римско-католическая церковь. В некоторых скандинавских землях и кантонах Швеции существуют государственные церкви, а также в Турции.

Во второй модели государство и религиозные сообщества отделены друг от друга, и тогда говорят о раздельной модели. Такая модель представлена в большинстве регионов Франции, США. В своей последовательной форме, лаицизме, религиозные практики являются только сферой частной благотворительности.

Третья модель представляет собой середину между первыми двумя максимумами и находит выражение в многочисленных модифицированных моделях отношений государство-церковь. В Бельгии и Люксембурге например представлены строгие системы разделения, однако пасторальные службы содержатся из государственного бюджета. Конституция Германии исходит из раздельного сосуществования государства и церкви, однако утвердилось

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00673.

понимание (в том числе и на уровне закона) того, что церковная деятельность должна иметь большие масштабы, чем просто частная сфера, должна приносить пользу всей общественности. Такую кооперацию, согласно терминологии, предложенной Ульрихом Штутцем (известный немецкий историк церковного права XX в.), называют «хромающим разделением».

Отношения церкви и государства являются результатом длительного взаимодействия. В качестве ключевых событий данного взаимодействия в Германии выделяют Реформацию, Аугсбургский религиозный мир 1555 г., Вестфальский мир 1648 г., окончание старого Рейха в начале XIX в., Франкфуртскую конституцию 1848/1849 гг., а также переход Империи к Республике в 1919 г. В других странах (во Франции, например) был иной путь развития данных отношений. В Германии в прошедшие столетия конституционный государственный порядок был принципиально дружелюбен в отношении религии, не только к христианской церкви, но и к другим религиозным конфессиям.

В современной Германии наблюдается оживление отношений государства и церкви по ряду причин, среди которых можно назвать масштабные миграционные процессы, уменьшение численности лиц, относящихся к религиозным сообществам и концессиям по причине роста индифферентности, связанной с секуляризацией отдельных сфер деятельности церкви [1, с.278]. Отношения церкви и государства специалисты рассматривают, по крайней мере, в трех аспектах: в правовом (конституционном), экономическом и теологическом [2, с.108]. Однако, все это происходит в рамках устоявшихся правовых основ взаимодействия церкви и государства.

Отрасль «государственно-церковное право» (Staatskirchenrecht) относится к публичному праву. Термин «государственно-церковное право» или «религиозно (конституционное) право» часто обсуждается в качестве приемлемого и означает гораздо больше правовой материи. Данный термин охватывает регулирование на основе Конституции многочисленных отношений, связанных с религией. Сфера отношений церкви и государства включает регулирование на конституционном уровне (федеральном) – затем на уровне конституций земель ФРГ – на уровне законов земель ФРГ – на уровне так называемых государственно-церковных договоров.

На конституционном уровне в первую очередь имеет значение статья 4, абзацы 1, 2, в которых гарантируются свобода вероисповедания и мировоззрения (Religions- und Weltanschauungsfreiheit). Конституционно-правовое регулирование не ограничивается индивидуально-правовыми масштабами. Правовой порядок ФРГ охватывает в первую очередь многочисленные религиозные и мировоззренческие сообщества как «надивидуальные» институты и организации. Решающее значение имеет также такая конституционная норма как гарантия уроков религиозного воспитания, закрепленная в ст. 7 абз. 3. В ст. 140 Конституции ФРГ говорится о том, что статьи №136-139, 141 Веймарской конституции являются составной

частью действующей Конституции ФРГ [3]. Данные статьи также обозначают, что религиозные сообщества оцениваются как правомочные субъекты, а не как отдельные верующие. Особое значение в свете отношений государства и церкви имеет статья 137 Веймарской Конституции 1919 г., относящаяся к числу действующих, согласно Конституции 1949 г.

Данная статья следующим образом регламентирует отношения государства и церкви: Государственной церкви не существует. Гарантируется свобода образования религиозных обществ. Объединение религиозных обществ в пределах рейха не подлежит никаким ограничениям. Каждое религиозное общество самостоятельно распоряжается и управляет своими делами в рамках обязательного для всех закона. Оно замещает свои должности без содействия государства или гражданской общины. Религиозные общества приобретают правоспособность соответственно общим постановлениям гражданского права. Религиозные общества остаются публично-правовыми корпорациями, если они уже были таковыми. Другим религиозным обществам должны быть предоставлены, по их ходатайству, такие же права, если по своему устройству и числу членов они дают гарантию длительного существования. Если несколько подобных публично-правовых религиозных обществ объединяются в союз, то таковой союз является публично-правовой корпорацией.

Религиозные общества, являющиеся публично-правовыми корпорациями, имеют право взимать налоги на основании гражданских налоговых списков, соответственно постановлениям земельного законодательства. К религиозным обществам приравниваются союзы, которые ставят себе задачей общественное поощрение какого-либо мировоззрения. Поскольку для осуществления этих постановлений потребуются дальнейшие нормы, они устанавливаются в порядке законодательства земли [4]. К числу норм государственно-церковного права относится абзац 3, статьи 33 Конституции 1949 г., где сказано, что пользование гражданскими и политическими правами, допуск к должностям в государственном аппарате, а также приобретаемые на государственной службе права не зависят от исповедуемой религии. Никому не может быть причинен ущерб из-за его приверженности или неприверженности к какому-либо вероисповеданию или мировоззрению.

Также в федеральном законодательстве содержатся нормы, регулирующие отдельные аспекты отношений, связанных с религией. Например, обозначается компетенция по регулированию государственно-церковных отношений на уровне государства, и на уровне земель (в части выходных и праздничных дней, права образования и пр.).

В отдельных землях в Конституции включают самостоятельный раздел, регламентирующий статус религиозных организаций и их значение. Так, в Конституции Саксонии раздел 10 носит название «Церкви и религиозные сообщества». Статья 109 Конституции земли Саксония признает значение церкви и религиозных сообществ для гарантий и упрочения религиозных и духовных основ человеческой жизни (абз.1). Церкви и религиозные сообщества

отделены от государства. Они выполняют свои задачи в рамках действующего для всех закона и свободны от вмешательства государства. отношения земли к церкви и религиозному сообществу регулируются в прочем на основе договора (абз.2). Диаконическая и благотворительная работа церкви и религиозных сообществ гарантируются (абз.3). В соответствии с абз.4 статьи 109 Конституции земли Саксония статьи 136, 137, 138, 139 и 141 Конституции немецкого Рейха от 11 августа 1919 являются составной частью Конституции Саксонии. В статье 110 саксонской Конституции регламентируются финансовые отношения церкви, земли и государства, обозначено, что если в случае организации церковью или религиозного сообщества необходимых для общего блага учреждений, то государство имеет право на возмещение затрат земель в соответствии с законом [5].

Также раздел, регулирующий статус церкви и религиозных общин, включен в Конституцию земли Райнланд-Пфальц. В статье 41 определяется, что церкви являются признанными учреждениями для обеспечения и укрепления религиозных и нравственных основ человеческой жизни. Гарантируется свобода образовывать религиозные сообщества, объединяться в религиозные сообщества (абз.1). Церкви и религиозные общины имеют право свободно развиваться. Они свободны от государственного покровительства и организуют и управляют своими делами самостоятельно. Они предоставляют свои офисы без участия государства или гражданских общин. Церкви и религиозные общины пользуются полной свободой в отношениях с верующими. Пасторальные письма, таинства, инструкции, официальные бюллетени и другие приказы, касающиеся духовного руководства верующих, могут свободно публиковаться и доводиться до сведения верующих (абз.2).

Согласно статье 42 Конституции земли Райнланд-Пфальц, церкви и религиозные общины имеют право создавать и поддерживать свои собственные университеты, семинары и строить общежития для обучения своих священнослужителей и религиозных служителей. Управление, администрирование, обучение и надзор за этими учебными заведениями является независимым делом церквей и религиозных общин. Статья 46 определяет, что социальные учреждения и школы, содержащиеся церковью, религиозными или мировоззренческими общинами или их организациями, признаются общественно-полезными, некоммерческими [6].

К ключевым принципам взаимодействия церкви и государства относятся принцип разделения, принцип нейтралитета и принцип равенства (паритета). Принцип разделения означает разделения сфер деятельности государства и церкви, однако не означает, что церковь исключается из политической сферы. В основном государство руководствуется принципом нейтралитета, который запрещает каким-либо государственным учреждениями идентифицировать себя с религиозными. Данный принцип не исключает различные формы поддержки религии и не налагает на государство обязанность запретить все религиозное в публичном пространстве. Государство должно поддерживать религиозно-мировоззренческую активность своих граждан и/или религиозных сообществ,

допускать религиозную активность в государственной сфере политики (например, уроки религиозного воспитания в школе, военно-церковные службы и пр.) [7].

Немецкое государственно-церковное право предлагает множество различных вариантов действия, в соответствии с которыми религиозные и мировоззренческие сообщества, имеющие статус корпорации публичного права, могут осуществлять свою миссию. Христианские церкви в Германии принимают предложения правового и конституционного порядка и участвуют в выполнении своей миссии в мире в рамках государственных законов. Неотъемлемой областью взаимодействия церкви и государства является социально-благотворительная сфера. Здесь государство признает и поддерживает принцип субсидиарности, поддерживает в лице церкви свободные созидательные силы, организованные в обществе.

История развития государства и права Германии в Новейшее время, в том числе развития Германии как государства социального, тесно связана с католической церковью. На сегодняшний день римская католическая церковь представляет собой одну из двух крупных христианских конфессий в ФРГ. К этой конфессии принадлежит 27,7 % населения ФРГ. Постоянно растет численность лиц, покидающих лоно римско-католической церкви. По прогнозам специалистов (Исследовательский центр договора поколений при Университете им. Альберта Людвига города Фрайбург) численность католиков в Германии в будущем будет неуклонно снижаться [8]. Проблемы увеличения численности католиков, увеличения числа лиц, заботящихся о спасении души и другие обсуждаются на Конференции немецких епископов. Данная конференция собирается в Германии с 1848 г. Её члены на определенных исторических этапах участвовали в законодательном процессе. В настоящее время организационный комитет с секретариатом располагается в городе Бонн. Организационно-правовой основой деятельности современной Конференции является Декрет Второго Ватиканского Собора (1965 г.) [9]. Конференция немецких епископов является членом Европейского Совета епископов и Комиссии конференции епископов Европейского общества. В структуре конференции помимо комиссий, рассматривающих внутренние дела, действуют комиссия по воспитанию и школьному образованию (7), а также комиссия по общественным и социальным вопросам (6). Последняя рассматривает проблемы отношения католической церкви к сообществу работающих, а также экономические и социальные вопросы, отношений церкви и государства, экологии и сельского хозяйства. Масштабность интересов, находящихся в объективе внимания современной римско-католической церкви в Германии, отражается в количестве комиссий Конференции епископов: комиссия по вопросам науки и культуры, комиссия по вопросам брака и семьи, комиссия по вопросам юношества, комиссия по вопросам благотворительной деятельности, комиссия по вопросам миграции [10]. Деятельность Конференции епископов, а также в целом еще сохранение ориентации населения на ценности католицизма, отражается в деятельности высших законодательных органов. В частности

специалисты отмечают влияние католицизма на обсуждение в Бундестаге био-этических вопросов, связанных с человеческим эмбрионом. При этом, однако трудно утверждать тезис о влиянии религиозной принадлежности на содержание решений Бундестага [11, с.84].

В последнее время отношения государства и церкви в ФРГ актуализируются, так как государство переживает кризис социального государства, увеличивается количество лиц, требующих социальной поддержки. В этом смысле именно опыт церкви востребован. Исследователи меняют подходы к осмыслению необходимых участников оказания социальной помощи. В 1996 году в своей монографии «Благотворительные союзы в современном социальном государстве» Джозеф Шмид отмечал недостатки современной ему науки, исследующей проблемы социального государства. Наука обходила вниманием прямых участников процесса оказания социальной помощи нуждающимся – церковь и благотворительные организации. По его мнению, она концентрировалась институционально на системе социального страхования, но не на таком поле деятельности, как попечение; социально на сообществе промышленных рабочих, но не на других клиентах, таких как бедные, ограниченные лица (инвалиды); инструментально на денежных переводах, но не на оказании помощи; организационно на публичном управлении, управлении публично-правовыми корпорациями, но не на государственных учреждениях; функционально на уровне распределения и потребления, но не на сфере продукции в рамках услуг социального государства [12, с.23]. В последующие двадцать лет ситуация начала меняться. Например, на базе университета им. Георга-Августа города Гёттинген в 2016 г. проводилось исследование о взаимодействии церкви и государства с названием «церковь – государство – политика», в ходе которого немецкими учеными были выполнены следующие доклады: «Роль церкви в федеральном государстве всеобщего благосостояния» (немецкие специалисты ставят знак равенства между терминами «социальное государство» и «государство всеобщего благосостояния», например, Кристофф Буттервегге) (автор работы профессор, доктор Вольфганг Шрёдер), «Как связана политика с религией? Актуальная религиозная политика в Германии и Швеции в сравнении» (автор работы профессор, доктор Антониус Лидгегенер), «Религия, гражданское общество, демократия: симбиоз и конфликты на примере ранней немецкой истории» (автор работы профессор, доктор Пауль Нольте) и др. [13]

Таким образом, согласно законодательству ФРГ, государство и церковь – два автономно функционирующих социально-политических института, однако государство признает роль церкви и религиозных общин в укреплении нравственных основ человеческой жизни. Конституции Германии и отдельных земель гарантируют свободы и независимость церкви и религиозных общин. Учреждения, созданные церковью и религиозными общинами, признаются общественно полезными. На законодательном уровне регулируются финансовые отношения государства, церкви, земли. Церковь и государство взаимодействуют в отраслях, определенных законодательно: сфера школьного

образования, сфера социальной помощи (попечения). В законодательном процессе учитываются позиции отдельных религиозных течений, признанных государством, по вопросам био-этического характера, например, вопрос о защите жизни человеческого эмбриона. Вопросы соучастия государства и церкви в политике, в том числе социальной, систематически обсуждаются на уровне фундаментальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Liedhegener Antonius Das Feld der „Religionspolitik“ – ein explorativer Vergleich der Bundesrepublik Deutschland und der Schweiz seit 1990 // Religionspolitik und Politik der Religionen in Deutschland. Springer VS; 1. Aufl. 2016 edition (May 10, 2016). 344 s.

2. Ansgar Hense Ein „Geschäft auf Gegenseitigkeit“? Die Kirchen im deutschen Staat//Achtung Kurzschluss! Religion und Politik,1. Aulage, Dresden 2016. ss.101-128.

3. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru. Дата обращения 15.03.2020.

4. Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation. Дата обращения 15.03.2020.

5. Verfassung des Freistaates Sachsen vom 5. Juni 1992 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.landtag.sachsen.de/dokumente/landtagskurier/SaechsischeVerfassung_Neuaufgabe2017.pdf. Дата обращения 19.03.2020.

6. Verfassung für Rheinland-Pfalz Vom 18. Mai 1947 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://landesrecht.rlp.de/jportal/portal/t/11og/page/bsrlpprod.psml;jsessionid=9E1D6CF72D98661930A2FC766166FB34.jp10?doc.id=jlr-VerfRPrahmen%3Ajuris-lr00numberofresults=13&showdoccase=1&doc.part=X#jlr-VerfRPpArt41>. Дата обращения 17.03.2020.

7. Das Verhältnis von Kirche und Staat in der Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dbk.de/themen/kirche-staat-und-recht/verhaeltnis-von-kirche-und-staat/>. Дата обращения 10.03.2020.

8. Kirchen verlieren bis 2060 fast die Hälfte ihrer Mitglieder. In: Zeit online. 27. Februar 2019, abgerufen am 27. September 2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2019-05/christentum-kirche-mitglieder-verlust-kirchenaustritt-taufe>. Дата обращения 21.03.2020.

9. Dekret CHRISTUS DOMINUS über die Hirtenaufgabe der Bischöfe [Электронный ресурс] // Режим доступа:

http://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_decree_19651028_christus-dominus_ge.html. Дата обращения 14.03.2020.

10. Bischöfliche Kommissionen [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.dbk.de/ueber-uns/bischoefliche-kommissionen/>. Дата обращения 16.03.2020.

11. Caroline Preidel Ist der Katholizismus noch entscheidend? Eine Analyse des Abstimmungsverhaltens im Deutschen Bundestag zum Embryonenschutz [Электронный ресурс] // Religionspolitik und Politik der Religionen in Deutschland. Springer VS; 1. Aufl. 2016 edition (May 10, 2016). 344 s.

12. Schmid Josef Wohlfahrtsverbände in modernen Wohlfahrtsstaaten: Soziale Dienste in historisch-fergleihender Perspektive. Leske + Budrich Opladen, 1996.

13. Öffentliche Vortragsreihe „Kirche–Staat–Politik“ an der Universität Göttingen [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.uni-goettingen.de/en/527548.html>. Дата обращения 17.03.2020.

УДК 32.019.5

О.Ю. Шмелева

к.и.н., доцент Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СПИНДОКТОРИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: В статье рассматриваются практики применения спиндокторинга в современном российском политическом процессе, ресурсный потенциал данной технологии, механизм её воздействия на массовое сознание с целью формирования благоприятного образа государства.

Ключевые слова: Политические технологии, политическое манипулирование, образ государства, спин-докторинг.

O.Yu. Shmeleva

PhD In history, Department of Applied Political analysis and modeling
Institute of international relation and world history of Lobachevsky state university of
Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

SPINDOCTORING AS A TECHNOLOGY FOR FORMING A POSITIVE IMAGE OF A MODERN RUSSIAN STATE: POLITICAL THEORY AND PRACTICE

Abstract: The article discusses the practice of using spindocoring in the modern Russian political process, the resource potential of this technology, the mechanism of its impact on the mass consciousness in order to form a positive image of the state.

Keywords: Political technologies, political manipulation, the image of the state, spindoktoring, perception.

Специфика современной внутри- и внешнеполитической конъюнктуры связана с усилением кризисных (неблагоприятных) тенденций, проецирующихся на процесс перцепции государства. В этих условиях возрастает роль политических технологий, направленных на поддержание благоприятного образа основного института политической системы, позволяющих моделировать систему ценностей, представлений о политическом объекте, задавать определённый контекст восприятия. Широкому применению в практике государственного управления политических технологий способствуют структурные трансформации политико-коммуникативного пространства, цифровизация, сетевизация.

Расширение публичной сферы политики, апробация новых принципов

государственного управления (обратная связь, открытость, гетерархия и др.), увеличение разнонаправленных информационных потоков повышают значимость политико-коммуникативного менеджмента. Признавая существенную роль публичной информации в формировании представлений о политической реальности в сознании граждан, нельзя не согласиться с точкой зрения, что «не столько медиаконтент..., сколько механизмы, технологии и модели коммуникации, которые имеют собственное политическое значение и содержание, определяют процесс восприятия» [1, с. 4]. Поэтому отдельного внимания заслуживают технологии регулирования, координирования информационных потоков в СМИ. В их числе – спиндокторинг, целью которого является воздействие на процесс восприятия населением современного российского государства, общественное мнение через управление новостным и прочим контентом, посредством «искажения сведений, которые публика получает через СМИ» [2, с. 74], формирования представления о государстве в выгодном, благоприятном свете за счёт использования лингвосемантических средств и приёмов, мифотворчества, стигматизации. «Спин – это формат новостного потока (замещающего реальность), который определяет сознание реципиента, не способного этому потоку противостоять» [2, с. 74]. Данный инструмент манипулирования используется различными субъектами политического процесса – властью, СМИ, блогерами, позволяет ретранслировать информацию в желаемом ключе, создавать нужный эмоционально-оценочный фон, воздействовать на массовое сознание (общественное мнение).

Вместе с тем, технологический потенциал управления субъективным пространством политики отличается амбивалентностью, выражающейся в способности технологий как созидать, так и разрушать ценности, смыслы, образы. Поэтому анализ современных технологических трендов и характера их воздействия на субъективные компоненты политики представляется актуальной задачей.

Целью данной статьи является изучение механизма управления информационными потоками, характера и специфики воздействия технологии спиндокторинга, его ресурсного потенциала. В рамках достижения поставленной цели представляется целесообразным изучение коммуникативной стратегии СМИ, конкретных практик управления информацией в условиях меняющейся конъюнктуры. Основными индикаторами, на которых было сфокусировано внимание автора, стали: лингвистические средства, приёмы, тактики, лексемы, формирующие контент, основные направления коммуникативной стратегии СМИ.

Механизм воздействия политических технологий (в том числе спиндокторинга) складывается из «совокупности последовательно применяемых приёмов, процедур, способов деятельности и достижения результата, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта» [3, с. 416], представляет собой сложный, многоуровневый процесс. Управление новостным контентом

осуществляется комплексно – на логическом, эмоциональном, языковом уровнях. На логическом уровне применяются приёмы упрощения информационного сообщения, проведения выгодных политическим аналогий, «неоднозначное информирование», «параллельное наращивание выгодного негатива», «запаздывание плохой информации», замалчивание нежелательных для власти эпизодов и др. [2, с. 76] Так, протестные акции в регионах не придавались огласке на федеральных каналах с целью придать локальный характер событиям. Вместе с тем, протестные кейсы весны-лета 2019 года отличались многообразием: протесты «обманутых дольщиков», дальнобойщиков, митинги против пенсионной реформы, экологические («мусорные») протесты и другие [4].

Активно используется властью тактика «наращивания выгодного негатива» в адрес региональных и муниципальных властей (критика в адрес губернатора Иркутской области в период наводнения в Тулуне, предание огласке резонансных высказываний чиновников различных ведомств по социальным вопросам) с целью формирования благоприятного образа федеральной власти в массовом сознании [5-6].

В современной практике организации коммуникативного пространства также широко применяются приёмы, усиливающие психологическое воздействие на сознание человека, – игра на негативных эмоциях, избирательный подход к подаче информации, использование сенсаций, скандалов с целью привлечения внимания аудитории. Спектр психологических приёмов, обладающих манипулятивным эффектом (культ пяти «Б»), описал А. Шпрингер – немецкий журналист, глава западногерманской информационной империи. В их числе обращение к образам детей, животных, образам, ассоциируемым с кровью – военные действия, уголовные преступления, убийства и др. как коммуникативным символам. Формированию позитивного образа политического деятеля способствует акцент на проявлении заботы о слабых (неимущих), животных. Показательной в этом отношении стали PR-акции, связанные с участием В.В. Путина в сентябре 2012 года в проекте «Полёт надежды» по спасению журавлей – стерхов, в мероприятиях с участием детей.

В активно используется в СМИ приём построения коммуникативной стратегии на контрастах (Россия-Запад, федеральная – региональная/муниципальная власть), позволяющий «переключать внимание аудитории с события на код (язык), вследствие чего происходит искажение информационного фокуса, реальное событие становится поводом для его описания» [7]. Он даёт возможность более выпукло показать позитивные стороны современного российского государства путём сравнения его деятельности с политикой других стран в вопросах обеспечения правопорядка, решения внутривнутриполитических проблем. Данный приём, в частности, использовался Президентом РФ в интервью от 19 августа 2019 г. французским СМИ при оценке действий властей двух стран во время акций протеста и был направлен на демонстрацию позитивных характеристик российских

государственных структур – сдержанности, тактичности, правомерности действий представителей силовых структур, демократичность в противовес жёсткой реакции французской полиции.

Важным слагаемым коммуникативного менеджмента является языковое манипулирование посредством вербальных средств (метафор, эвфемизмов/дисфемизмов, клише, идеологем «с отрицательной коннотацией»), используемых с целью намеренного воздействия на адресата (персуазивная коммуникация), а также литературных образов, «идеологических фантомов», оказывающих опосредованное воздействие (суггестивная коммуникация).

Актуальным средством манипулирования являются «архетипические паттерны» – «запрограммированные на определённое воздействие на аудиторию и находящие выражение в повторяющихся лингвистических конструкциях в речи политика» [9] («сильное государство», «единство» и др.), в опоре на традиции, опыт прошлого, авторитетные мнения, выраженные в цитировании известных русских философов, историков. Обращение к историческому прошлому России (опыту борьбы с эпидемиями) стало инструментом обоснования карантинных мер действующей власти в программе «Вести в субботу» [8].

При манипулировании общественным мнением важную роль играют способы номинации субъектов политического процесса, событий. Данный приём применялся в совокупности со стигматизацией в период акций протеста оппозиции летом 2019 года в Москве различными сторонами политического процесса (властью, оппозицией) для достижения своих политических целей. Создание неблагоприятного образа внепарламентской оппозиции и её лидеров как зачинщиков беспорядков, провоцирующих власть на применение силы и т.п. Официальными СМИ оппозиция репрезентировалась как действующая вне рамок правового поля, поддерживаемая Западом, таящая угрозу государству, его национальным интересам, а её лидеры – как нарушители правопорядка, замешанные в преступлениях (растраты – А. Навальный, коррупция – И. Яшин); в скандалах (Л. Соболь). Контент-анализ ряда информационных источников, новостных лент позволил выделить наиболее распространённые в политико-коммуникативном пространстве СМИ клише. В их числе «несанкционированные шествия» (акции, митинги), «оказывать сопротивление», нарушение общественного порядка, противозаконность [10-12].

На фоне снижения индексов социальных настроений и социального оптимизма с осени 2018 по настоящее время [13], связанного с ростом цен, социальной дифференциации, масштабов бедности в стране, невыполнением майских указов Президента РФ по зарплатам бюджетников в регионах страны и прочих социальных проблем запрос актуальной задачей действующей власти становится включение в информационную повестку значимых для общества позитивных событий, способных изменить ситуацию и скорректировать общественные настроения. В числе основных техник, позволяющих достичь данной цели, - отвлечения внимания общества на позитивные события, как

например, Чемпионат мира по футболу, строительство Крымского моста, на внешнеполитические события.

Основным технологическим конструктом, являющимся воплощением действия технологии спиндокторинга как примера управления новостями, информационной повесткой, служит коммуникативная стратегия официальных СМИ. Поэтому представляется целесообразным остановиться на специфике последней, раскрыть которую позволил качественный контент-анализ информационных ресурсов (новостных сообщений ведущих телеканалов, печатных изданий – «Российской газеты», «Коммерсанта», «Новой газеты» и др.) за период с августа 2016 года по август 2019 г.

Формат статьи не позволяет дать подробный анализ результатов исследования (они нашли отражение в отдельной публикации автора) [14]. Ограничимся констатацией основных тенденций и направлений коммуникативной стратегии. Прежде всего, следует отметить персонифицированный, патерналистский характер информационной стратегии современных СМИ как на федеральном, так и региональном уровнях. На патерналистской характер коммуникативной стратегии СМИ указывает лексический ряд, представленный оборотами «защищать», «поддержать» («господдержка»), «помощь», «изменение положения людей», «государство решит...», «качество жизни», «стандарт благополучия», «гарантировать», «индексировать», «сдержать рост цен» и пр. Смежные языковые единицы используются при репрезентации деятельности региональных структур.

Противоположные лексические конструкции встречаются в СМИ при создании образа муниципальной власти. Применительно к характеристике последней употребляются семантические выражения, связанные с ущемлением, нанесением обиды («лишение социальных льгот», «отмена льгот» и др.); оценочные категории («слабая защита», «непопулярные решения»), усиливаемые использованием эмоционально окрашенной лексики (например, «потуже затянуть пояса», «режут по живому», «экономия на больших семьях и детях»). Дополняет негативный образ муниципальной власти характерный сюжетно-тематический ряд – коррупционные скандалы, непрофессионализм чиновников, непопулярные решения в социальной сфере.

Отдельное направление информационной стратегии связано с формированием позитивного образа государства посредством PR-сопровождения в СМИ инициатив действующей власти (прежде всего, федеральной), рабочих поездках Президента РФ, Председателя Правительства страны, способствующие формированию образа социально ответственного государства, действующего в интересах граждан и в соответствии с их запросами.

Таким образом, можно делать вывод о последовательной работе СМИ по формированию в массовом сознании благоприятного образа современного государства с помощью широкого спектра средств и приёмов синдокторинга. Технологии позволяют корректировать образы политических объектов, формировать нужный ракурс восприятия государства, обеспечивают

возможность манипулирования сознанием, контроля над общественными настроениями, выполняют стабилизирующую функцию.

Вместе с тем, ресурсный потенциал и возможности спиндокторинга и политических технологий в целом ограничены. Данный тезис вытекает из материалов прикладных исследований, реализованных при участии автора на протяжении 2016-2019 гг., позволяющих говорить о многомерности образа, ярко выраженном проблемном поле, критическом восприятии респондентами российского государства, обусловленных проекцией личного опыта, актуальных проблем на перцепцию изучаемого политического института. Негативный фон восприятия связан с рядом актуальных проблем, характеристик современного российского государства, представленных как на бессознательном, так и на рациональном уровнях. В их числе – коррупция, социальная дифференциация, бедность, сырьевой характер экономики, санкции, пенсионная реформа, налоговая политика, тема милитаризации и обороноспособности, ограничений в сети Интернет (закон о «суверенном интернете»), напряжённость международной обстановки. Рамки статьи не позволяют в полной мере раскрыть содержание образа современного государства. Данной проблеме посвящены отдельные статьи автора [15].

В рамках современной коммуникативной стратегии СМИ актуальные проблемы, связанные с ростом цен, налогов, масштабов бедности и социальной дифференциации в стране, повышением критических настроений в обществе, небрежными высказываниями чиновников не являются поводом (основанием/мотивом) для поиска путей и механизмов их разрешения, становятся информационными поводами при конструировании определённого имиджа, формировании общественного мнения.

Управление информационными потоками, новостным контентом сталкивается на сегодняшний день с многочисленными вызовами, учёт которых является залогом результативности применения политических технологий. Среди них – многообразие источников информации (блогеры, рядовые пользователи социальных сетей, участвующих в формировании контента), модификация политико-коммуникативного пространства, управлять которым становится сложнее, ценностное размежевание образа и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володенков, С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций [Электронный ресурс] / Володенков С.В. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 4. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/841>. Дата обращения: 07.04.2020.

2. Федорченко, С.Н. PR-технология спин-докторинга [Электронный ресурс] / Федорченко С.Н. // Вестник московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/154>. Дата обращения: 07.04.2020.

3. Соловьёв, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 559 с.

4. Рейтинг протестной активности регионов, апрель 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html>. Дата обращения: 14.09.2019.

5. Выпуск программы «Время» в 21.00 от 23.07.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2019-07-23/369142-vypusk_programmy_vremya_v_21_00_ot_23_07_2019. Дата обращения: 04.10.2019.

6. Вести. Выпуск новостей от 25.07.2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://russia.tv/video/show/brand_id/58500/episode_id/2188430/video_id/2205476/. Дата обращения: 04.10.2019.

7. Трефилова, Н.Н. Воздействие СМИ на общественное сознание электората в период стабилизации политической системы РФ (региональный уровень) / Н.Н. Трефилова: автореф. дисс. ... канд. полит.наук. – Н. Новгород, 2004. –19 с.

8. Вести в субботу с С. Брилёвым от 04.04.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TDTpury2W0c>. Дата обращения: 04.10.2019.

9. Шомова, С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – 264 с.

10. В Москве, на проспекте Сахарова прошёл согласованный митинг-концерт [Электронный ресурс] <https://www.1tv.ru/news/issue/2019-08-10/21:00#9>. Дата обращения: 04.10.2019.

11. В центре Москвы состоялась несанкционированная акция 27.07. 2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2019-07-28/21:00#14>. Дата обращения: 04.10.2019.

12. В Москве завершилась несогласованная акция оппозиции 31.08.2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3184339>. Дата обращения: 04.10.2019.

13. Индексы социального самочувствия. ВЦИОМ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=176>. Дата обращения: 09.09.2019.

14. Шмелева, О.Ю. Особенности коммуникативной стратегии современных российских СМИ (на примере формирования образа действующей власти). [Электронный ресурс] /Шмелева О.Ю. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2014. – № 4. – Режим доступа: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/613>. Дата обращения: 07.04.2020.

15. Шмелева, О.Ю., Корпусова, А.А. Визуальный аспект восприятия современного государства гражданами РФ и ФРГ: опыт компаративистского исследования [Электронный ресурс] / О.Ю.Шмелева // Россия и современный мир. – 2019. – № 1. – Режим доступа:

http://www.intelros.ru/pdf/Russia_i_mir/2019_01/8.pdf.
09.04.2020.

Дата обращения:

**ОБРАЗЫ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА МОНОГОРОДОВ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В РАМКАХ БРЕНДИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ**

Аннотация: В данной статье рассматриваются образы культурного ландшафта моногородов Приволжского федерального округа через призму брендинга территорий. Территориальный брендинг моногородов в России только формируется, от этого и возрастает актуальность выбранной тематики данной публикации. В статье обосновывается мысль о том, что территориальный брендинг способствует повышению узнаваемости территорий монопрофильных городов, выявлению отличительных особенностей и конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: Брендинг, культура, моногород, идентичность, ландшафт, архитектура, события, наследие, туризм.

I.M. Yamalneeв

PhD in Political sciences, Docent, University of Management «TISBI»,
Kazan, Russia

**IMAGES OF THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITIES
VOLGA FEDERAL DISTRICT WITHIN THE BRANDING OF
TERRITORIES**

Abstract: This article discusses the images of the cultural landscape of single-industry towns of the Volga Federal District through the prism of branding territories. Territorial branding of single-industry towns in Russia is only being formed, and the relevance of the selected topics of this publication also increases. The article substantiates the idea that territorial branding helps to increase the knowledge of territories of single-industry cities, to identify distinctive features and competitive advantages.

Keywords: Branding, culture, single-industry town, identity, landscape, architecture, events, heritage, tourism.

В настоящее время в России наблюдается рост межтерриториальной конкуренции – регионы находятся в поле конкуренции друг с другом за социально-экономические и другие ресурсы развития. В таких условиях возрастает роль позиционирования, позволяющего территории привлекать и наращивать резервы для своего развития.

Целью территориального позиционирования является выделение ключевых характеристик региона (социально-экономических, культурных и проч.), а в некоторых случаях и создание четких ориентиров, указывающих на территориальную особенность города или региона.

Сегодня имидж территории во многом определяет экономическую, социальную и политическую перспективу развития региона [1, с.107-116].

В январе 2008 года Правительство Российской Федерации утвердило концепцию продвижения национального и региональных брендов страны. Одним из направлений данной концепции стал вопрос о брендинге, в том числе городов.

Формирование брендов территорий рассматривается современными исследователями в качестве метода и инструмента государственной культурной политики.

Один из важнейших критериев привлекательности бренда той или иной территории — её культура и наследие. Поэтому можно утверждать, что государственная культурная политика тесно связана с развитием территорий.

Одной из целей государственной культурной политики является формирование единого социально-культурного пространства. По мнению исследователей, развитие социокультурного пространства территории во многом способствует решению сложных социально-экономических проблем монопрофильных муниципальных образований, обеспечивает их устойчивое и динамичное развитие, в том числе и культурное. В этом случае брендинг территорий воспринимается как ресурс, способствующий успешному осуществлению культурных преобразования монопрофильных территорий.

В настоящее время брендинг территорий становится одним из направлений управленческой деятельности муниципалитетов по обеспечению условий социального и экономического развития монопрофильных образований, способствующий повышению конкурентоспособности, поддержанию уникальности, своеобразия и положительного имиджа города, что особенно важно для моногородов.

Необходимо отметить, что самыми устойчивыми из всех видов территориальных брендов считаются бренды городов ввиду того, что они менее подвержены влиянию политических факторов (по сравнению с брендом страны) и экономическим рискам (по сравнению с корпоративными брендами).

Keith Dinnie, определяет основной целью бренда города – сделать его предпочтительным, сформировать лояльность к нему как жителей города, так и туристов, инвесторов [см. 2].

В современных условиях развития городов выстраивание брендов чаще происходит через реализацию федеральных, региональных программ, получение государственных субсидий на развитие, создание новых рабочих мест, привлечение квалифицированных специалистов. При этом по мнению П.Е.Юдина, брендинг территории через образы культурного ландшафта и развитие экономики территории необходимо решать параллельно [3, с.109-111].

Mihalis Kavatzis отметил, что потенциал развития этого направления весьма высок, так как успешный бренд играет важную роль в формировании городской среды и облика города в целом [см. 4].

При формировании бренда важным аспектом является взаимодействие всех заинтересованных сторон (субъектов брендинга): администрации муниципального образования, предприятий, институтов культуры и самого населения [5, с.66-78].

По мнению Fei Yu и соавторы успешность брендинга территории моногорода во многом зависит от слаженных и скоординированных действий субъектов брендинга [6, Р.339-347].

Практический опыт показывает, что инициативы создания территориального брендинга исходят, от государственных и муниципальных органов власти (проекты Соликамск, Баймак, Воткинск). Действительно, в современных условиях экономического развития модернизация общественного устройства моногородов, их брендинг требует активного участия местных администраций. Несмотря на низкое ресурсное обеспечение деятельности органов местного самоуправления, ответственность за социальную сферу, ЖКХ, развитие общественных пространств традиционно закреплена за органами муниципальной власти. Так или иначе органы местного самоуправления являются одними из основных факторов формирования образов территорий.

В дополнение к сказанному, следует отметить, что в современных условиях феномен брендинга моногородов соединяет в себе три уровня управления: федеральный, региональный и муниципальный. На указанных уровнях управления сосредоточены одни из главных ресурсов - бюджетные средства. В этой связи заметный научный интерес представляют политические процессы отечественной бинарной системы государственного управления в части выстраивания образов культурного ландшафта монопрофильных муниципальных образований.

Безусловно сутью бренда города является идентичность. Вопросы идентификации непосредственным образом соотносятся с процессами формирования образов культурного ландшафта моногородов.

Manuel Castells не случайно подчеркивает актуальность локальных идентичностей, особенно в условиях информационного общества, «когда мир становится слишком большим, чтобы быть контролируемым, а социальные субъекты стремятся уменьшить его обратно до осмысливаемого размера... когда люди стремятся ... вспомнить свою историческую память» [см. 7].

В условиях конкуренции городов за привлечение ограниченных ресурсов актуальной становится проблема поиска символических оснований развития городской среды, создания привлекательного образа города, способного улучшить микроклимат внутри территории, сформировать условия для реализации творческого потенциала горожан, предотвратить отток молодых и талантливых жителей, а также привлечь целевые аудитории. Так, основываясь на символической природе идентичности, Н.Г. Федотова отмечает,

что городская идентичность представляет собой символический ресурс города, и акцентирует внимание на возможностях ее стратегического формирования [8, с.32-49].

П.Е. Юдин отмечает, что продвижение бренда территории может быть успешно лишь в том случае, если оно имеет под собой определенные культурные основания [см. 3]. В связи с этим многие авторы [см. 9, 6, 4], исследуя особенности брендинга территорий, отмечают, что в основу формирования бренда моногорода могут быть положены образы культурных ландшафтов, как комплексный объект культурного наследия.

При формировании бренда можно выделить два основных его компонента, которые используются в первую очередь:

- географическое положение территории, рекреационные ресурсы, природный ландшафт, экологическое состояние окружающей среды – все это способствует развитию туризма (Елабуга, Соль-Илецк, Гай и другие);

- историко-культурное наследие моногородов, которое наполняет территорию уникальными смыслами и образами (Чистополь, Сарапул и другие).

Следует отметить, что бренды территорий, как правило, не ограничиваются каким-либо одним из этих компонентов. Отличительной чертой российских моногородов является их культурное многообразие. Разнообразные культурные символы определенного места трансформируются в культурные образы. Таким образом, образы культурных ландшафтов способствуют консолидации различных ресурсов территории: природных, историко-культурных, символических и других [10, с.33-40].

Следует отметить, что в каждом моногороде набор брендовых природных, историко-культурных характеристик неповторимый и концепция брендинга определенной территории формируется на основе его уникальных черт [2, с.14-20]. В качестве последних неизменно фигурируют соотношенность с общечеловеческими ценностями.

Одним из основных смысловых значений образов культурных ландшафтов моногородов является архитектура. Особенно наглядно это просматривается в городах с богатым историческим прошлым. Одним из возможных направлений развития таких моногородов может стать использование исторического ресурса при формировании миссии, бренд-имиджа города.

В настоящее время, когда территориальное брендинговое в России стремительно преобразуется в мейнстрим городских образов, проблема архитектурного облика моногородов становится особенно актуальной.

Неотъемлемым элементом городского пространства являются парки, зоны отдыха и другие общественные пространства. Опыт зарубежных стран демонстрирует, что городские парки становятся «визитной карточкой» города, его «лицом» [см. 11]. Парки становятся не только культурно-развлекательным центром, но и средством для борьбы с экологическими проблемами промышленных моногородов [см. 4].

К факторам формирования территориальных брендов относятся места проведения событий. Практика показывает, что бренд, основанный на событийных явлениях, является эффективным ресурсом продвижения моногорода.

В последние годы событийное брендинг превратилось в важный элемент государственной политики. Многие страны, в том числе и Россия, активно соревнуются за право проводить на своей территории различные мероприятия международного и мирового масштаба. Многие страны включают эти глобальные события в свои стратегии как экономического, так и политического развития, решая за счёт них сразу несколько задач, модернизацию инфраструктуры, продвижение и узнаваемость на мировом уровне и, как следствие, привлечение большого туристского потока в страну.

В формировании образов культурного ландшафта моногородов важную роль играет культурно-историческое наследие.

Мировым опытом доказано, что культурно-историческое наследие может использоваться при формировании бренд-имиджа города [см. 5, 12, 9, 13, 14]. В этой связи Н.А. Лёвочкина отмечает, что через объекты культурно-исторического наследия происходит «прочтение» ландшафтов и их образов [15, с.446-453].

В настоящее время из числа российских монопрофильных городов наберётся достаточное количество, которым удалось сохранить свою историческую пространственную структуру. Некоторые из них богаты такими уникальными историческими территориями, как древние города, усадебные и дворцово-парковые ансамбли, комплексы культовой архитектуры, исторические постройки, историко-культурные памятники и другие.

Поиск культурно-исторического наследия становится важнейшим способом регенерации монопрофильных городов и городского сообщества.

Культурный бренд моногородов может создаваться на основе местных традиций, самобытности народностей. Именно местным традициям в муниципально-правовом регулировании общественных отношений отводится важное место.

Уникальность местных традиций является существенным элементом культурного ландшафта моногорода. Нет необходимости отмечать, что разнообразные туристические ресурсы региона обладают высокой инвестиционным потенциалом для развития инфраструктуры. Туризм активизирует различные сферы экономики, способствует производственному и социально-культурному развитию региона.

Поэтому туристско-рекреационный потенциал всегда был одним из привлекательных образов территории и является важным фактором эффективного социально-экономического развития моногорода [см. 16, 17].

Примеров использования туристско-рекреационного потенциала в рамках брендинга территорий достаточно много. Так, преимуществом территории города Елабуга в Татарстане является обширная рекреационная зона, основу которой составляет расположенный здесь федеральный

Национальный парк «Нижняя Кама» с его знаменитыми «шишкинскими» лесами и пойменными лугами, придающими парку неповторимый колорит и привлекательность. Эту особенность рассматривается как важная основа для формирования туристического бренда города.

Образы культурного ландшафта территории вдоль реки Камы, включающей муниципальные образования «город Сарапул», «Сарапульский район», «Воткинский район», «Каракулинский район» используются в инвестиционном проекте комплексного регионального развития «Туристско-рекреационный кластер «Камский берег» Удмуртской Республики».

Этот фактор широко используется в создании привлекательного образа и на территориях других монопрофильных городов (Гай, Соль-Илецк и т.д.).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что одним из способов разрешения проблем моногородов следует считать политику брендинга территории. Территориальный брендинг способствует повышению узнаваемости территории, выявлению ее отличительных особенностей и конкурентных преимуществ, что положительно сказывается на социально-экономическом развитии моногородов. В Приволжском федеральном округе моногорода успешно используют образы культурного ландшафта в рамках брендинга территорий. Среди современных целей брендинга в приоритеты вышла локальная идентичность, которая должна строиться на принципе сохранения исторических традиций и преемственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова Г.В. Использование инновационных инструментов маркетинга территории / Г.В. Воронцова, Н.Е. Левданская // Наука. Инновации. Технологии. - 2013. - № 2. - С.107-116.
2. Горлова И.И. Этнокультурная политика в регионах Юга России / И.И. Горлова, О.И. Бычкова // Вопросы культурологии. - 2016. - № 2. - С.14-20.
3. Юдин П.Е. Политика брендинга территорий и культурное наследие / П.Е. Юдин // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 12. - С.109-111.
4. Kavaratzis M. City Branding: An Effective Assertion of Identity or a Transitory Marketing Trick? / M. Kavaratzis, G.J. Ashworth // Royal Dutch Geographic Society. - 2005. - Vol. 96, № 5.
5. Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга / И.А. Василенко // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2012. - Вып. 4. - С.66-78.
6. Fei Yu Evolution of industrial symbiosis in an eco-industrial park in China / Fei Yu, Feng Han, Zhaojie Cui // Journal of Cleaner Production. - 2015. - Vol. 87. - P.339-347.
7. Castells M. The power of identity: the information age / M. Castells // Economy, society and culture. - 2010. - Vol. II. - Wiley-Blackwell.: 69.

8. Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н.Г. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. - Т. 20, № 3. - С.32-49.
9. Путрик Ю.С. К вопросу об измеряемости цивилизационных ценностей как компонента формирования брендов обширных территорий / Ю.С. Путрик // Культурологический журнал. - 2018. - № 1. - С.1-11.
10. Абушкин Р.Р. Культурный бренд Республики Мордовия как проектная стратегия развития территории / Р.Р. Абушкин, И.Н. Пронина // Муниципалитет: экономика и управление. - 2017. - № 4. - С.33-40.
11. Transforming Tysons. Overview of tysons land use task force recommendations. - 2008. - P.6-18. - URL: <http://www.fairfaxcounty.gov/dpz/tysonscorner/finalreports/tysonstask-force-recommendations-overview.pdf>
12. Мачульская И.Г. Конфликты в законе / И.Г. Мачульская // Федеральный информационно-аналитический журнал "Сенатор". - URL: <http://www.senat.org/nova/txt3.htm>
13. Титова Н.Н. Охрана и использование исторического наследия монопрофильных городов Урала / Н.Н. Титова, Ю.Ю. Курашов // Академический вестник Уралниипроект РААСН. - 2017. - № 3. - С.31-35.
14. Тульчинский Г.Л. Брендинг как социальное партнерство и консолидация городского социума / Г.Л. Тульчинский // Экономика. Налоги. Право - 2013. - № 6. - С.76-80.
15. Лёвочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность / Н.А. Левочкина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 1. - С.446-453.
16. Тютюнник Ю.Г. Понятие промышленного ландшафта / Ю.Г. Тютюнник // Биосфера. - 2015. - Т. 7, № 3. - С.280-288.
17. Ясыбаева Р.С. Природно-ресурсная база – основной экономической показатель формирования расселения зауральского региона Республики Башкортостан / Р.С. Ясыбаева // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2015. - № 8. - С.177-181.

**ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ:
ВЕКТОРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

УДК 321.7

М.Г. Абрамова

к.и.н., доцент, МГУ им. Ломоносова, г. Москва, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: К ВОПРОСУ О
ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ СНГ**

Аннотация: В процессе формирования новых независимых государств на постсоветском пространстве происходит постепенный распад единого языкового пространства. В статье дается сравнительный анализ статуса Русского языка законодательстве стран СНГ. Образующийся вакуум начал заполняться успешной стратегией внедрения английского языка. РФ обязана расширять там свое лингво-культурное присутствие, осуществляя ряд федеральных программ. Без этого у постсоветской интеграции нет будущего.

Ключевые слова: СНГ, независимость, русский язык, мягкая сила.

M. G. Abramova

PhD in historical sciences, associate professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**LINGUISTIC VECTOR OF POST-COMMUNIST TRANSIT:
ON THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN
THE CIS COUNTRIES**

Abstract: During the process of forming new independent States in the post-Soviet region, a gradual disintegration of the unified language space is taking place. The article provides a comparative analysis of the status of the Russian language in the legislation of the CIS countries. The resulting vacuum began to be filled by a successful strategy for introducing the English language. The Russian Federation is obliged to expand its linguistic and cultural presence there by implementing a number of Federal programs. Without this, post-Soviet integration has no future.

Keywords: CIS, independence, Russian language, soft power.

Для современного мирового лингвистического процесса характерны две тенденции: с одной стороны, все более широкое распространение мировых языков (или языков международного общения), а, с другой стороны, стремление этносов сохранить и развивать свои национальные языки. Эти две тенденции логично вытекают из социальных потребностей процесса глобализации, в условиях которой все шире распространяется феномен унификации, охватывающий не только экономику, но и науку, право, политику и культуру. В этих сферах существует серьезное соперничество между различными мировыми языками, поскольку именно они претендуют на занятие функциональной ниши инструмента мировой унификации. В настоящее время наиболее сильны функциональные позиции у английского языка, который в некоторых сферах общения, например, в мировой науке, занимает до 90% .

Две указанные выше тенденции мирового лингвистического процесса нашли свое геополитическое отражение на территории постсоветского пространства. После распада Советского Союза именно здесь развернулось соперничество западной и российской моделей, включающее в себя наряду с экономическими, социальными и политическими аспектами, и культурные, а именно – лингвистические, как содержательный элемент новых механизмов «мягкой силы». [1]

Распад многонационального, многоязычного государства СССР породил дополнительную тенденцию - стремление ставших независимыми титульных наций законодательно закрепить статус государственного за своим языком и путем распространения его в разных сферах общения сделать этот язык механизмом объединения и создания идентичности новых государств. Русский язык в этих условиях нациестроительства 90-х годов стал ассоциироваться с советским. По этой причине в 90-е годы в новых независимых государствах СНГ происходило резкое сокращения образования на русском языке: было закрыто несколько тысяч русских школ, а число обучающихся в русских школах сократилось более чем на 2 млн. человек. [2]

Именно поэтому в новых независимых государствах краеугольным камнем их государственной политики в области национальной культуры стала реализованная в законодательстве система мер изменения статуса русского языка и его роли в национальной культуре и межэтническом общении. Отметим, что в СССР не существовало понятия «государственный язык», так как декларировалось равенство языков всех народов СССР. Делопроизводство и законодательство союзных республик велись на языке союзной республики и на русском.

Однако, придавая статус «государственного» языку титульного народа, реформаторы постсоветских государств не учитывали ни языковой ситуации в той или иной стране (наличие разных языковых общностей), ни возможных темпов смены языковой ориентации, ни готовности национального языка, объявленного государственным, занять все функциональные ниши (наличие функциональных стилей, терминологии, словарей и т.д.). Безусловно, ситуация с готовностью национальных языков стать единственными государственными

языками различаются по странам (например, условия в Беларуси отличаются от условий Таджикистана), но, вместе с тем, можно выявить и общие черты лингвистических процессов в странах СНГ.

На сегодняшний день лишь в двух странах-членах СНГ (в Беларуси и Кыргызстане) русский язык сохранил статус государственного наряду с языком титульной нации. Статус русского языка подтвержден в Конституции Республики Беларусь 1996г., где он признается государственным наряду с белорусским. В Кыргызстане русский язык имеет статус официального языка в соответствии со ст. 5 Конституции 2010г. Республика гарантирует представителям всех этносов, образующих народ Кыргызстана, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. А в соответствии с законом «Об официальном (русском) языке Киргизской Республики» 2000г. русский язык объявлен обязательным в органах государственной власти и местного самоуправления.

Во всех остальных членах СНГ этот статус или не определен, или в различных нормативно-правовых актах есть правовая оговорка о русском языке лишь как языке «межнационального общения» (Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан).

Особо следует сказать о ситуации в Казахстане, где государственным является казахский язык, но наравне с казахским официально употребляется русский язык (ст.7 Конституции). Устанавливается, что государство заботится о создании условий для изучения и развития языков других национальных групп. Статус русского языка определен также Законом Республики Казахстан «О языках» 1997г. Согласно ст.5 данного Закона, «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык». [3] В этой стране значительная часть населения свободно говорит по-русски, однако за последние несколько лет на русском языке обучается уже менее половины учащихся школ, что стало результатом значительного сужения сферы образования на русском языке и принятого решения о переходе казахского языка на латиницу. Еще в 2012г. в Послании тогдашнего Президента Н.Назарбаева казахскому народу были выстроены новые приоритеты в виде триединой задачи: казахский язык – государственный, русский язык – язык межнационального общения, английский – язык успешной интеграции в глобальную экономику. Далее в Стратегии «Казахстан - 2050», в которой закреплен новый политический курс независимого государства, поставлена задача к 2025 г. перейти на латиницу. [4]

Показателен и другой пример. 27 августа 1991г. провозглашена независимая Республика Молдова, принята Декларация независимости. В этой республике вопрос о государственном языке имеет особую важность, связанную со сложными отношениями Молдовы с Румынией. [5] Декларация о независимости Республики Молдова от 1991г. именует государственным языком румынский. Конституция Молдовы 1994г. гласит, что государственным языком является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики. 5 декабря 2013г. Конституционный суд республики постановил, что

юридически Декларации независимости и Конституция представляют собой единое целое и, в случае разночтений, Декларация о независимости превалирует над Конституцией, и принял решение о признании румынского языка государственным языком Молдовы. [6]

Но, согласно ст. 7 Конституции Республики Молдова: «Конституция является ее высшим законом. Ни один закон или иной правовой акт, противоречащие положениям Конституции, не имеют юридической силы». [7]

Таким образом, возникла коллизия между решением Конституционного Суда и Конституцией, что фактически делает нелегитимным решение Конституционного Суда и оставляет возможность для проведения столь важного изменения только посредством референдума. В настоящее время в тексте Конституции (ст.13), а также во многих других правовых актах сохраняется оборот - «молдавский язык». Часть современных лингвистов считают, что «румынский» и «молдавский» являются разными названиями одного языка. Google в Молдавии сменил язык с молдавского на румынский 10 апреля 2014 г. При этом официальными языками на территории Гагаузии (тюркоязычной автономии в составе Молдовы) являются молдавский, гагаузский и русский, а в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике таковыми являются русский, молдавский и украинский.

Судьи Конституционного Суда в декабре 2017г. вынесли положительное заключение о включении в Конституцию Молдовы поправки о евроинтеграции как главном векторе развития страны. Закрепление этой нормы, наряду, с внедрением статуса румынского языка, окончательно предопределяет будущий внешнеполитический курс Молдовы как ориентацию на евроинтеграцию.

В Таджикистане государственным языком является таджикский, а русский – языком межнационального общения. Перевод с 1998 г. делопроизводства в стране на таджикский язык сузил сферу использования русского языка.

В Азербайджане, согласно Конституции и Закону «О государственном языке», государственным является азербайджанский язык. Статус русского языка не определен, однако фактически русский язык выполняет функцию языка межнационального общения.

В Армении статус русского языка также не определен. В соответствии с «Законом о языке», принятом в марте 1993 г., «в действующих на территории Армении образовательной и учебной системах языком преподавания и воспитания является литературный армянский язык». Однако этот же закон гарантирует «свободное использование языков национальных меньшинств». В 1998г. Армения ратифицировала рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств.

В Узбекистане в «Законе о государственном языке», принятом 21 декабря 1995 г., русскому языку отводится роль языка «национального меньшинства».

В Туркменистане доля населения, владеющего русским языком, сравнительно небольшая. На данный момент возможность получить

образование на русском языке здесь практически отсутствует: здесь мало или вообще нет русских школ, и доля обучающихся на русском минимальна.

В 2000-х гг. процесс сокращения обучения на русском языке продолжился, хотя в некоторых странах он и замедлился. Школьное обучение на русском языке сохраняется в большинстве постсоветских государств: в Беларуси - 75% учащихся, Казахстане - 41 %, Кыргызстане - 23 %, Молдове - 21 %, Азербайджане - 7 %, Армении - 2 %. [8] Между тем, в Армении и Таджикистане, как странах с большой долей граждан, уезжающих в РФ, существует высокая потребность в расширении возможности изучения русского языка в школах.

Сегодня мы можем констатировать, что упущенные в 90-е и начале 2000-х гг. возможности сохранения стабильного правового статуса русского языка привели к потере политического ресурса этого инструмента «мягкой силы» в СНГ. Осознание необходимости защиты и поддержки своих соотечественников за рубежом, а в особенности в странах СНГ, к руководству РФ пришло не сразу. Лишь в 1999г. был принят закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». [9] В 2004г. была предпринята попытка правового регулирования лингвистической ситуации в странах СНГ: был принят Модельный закон о языках, в котором были определены сферы общения для функционирования русского языка. [10] В этом законе были даны легальные дефиниции. Так, «официальным языком» является язык, законодательно закрепленный для использования в официальных сферах наряду с государственным. «Языком национального меньшинства» является язык этнической группы, проживающей на территории государства. Этот закон мог бы изменить конфликтогенную ситуацию по отношению к русскоязычным диаспорам в лучшую сторону, однако, видимо, из-за опасений в появлении «лингвистической конкуренции» местному, республиканскому, языку, получившему статус государственного, этот модельный закон до сих пор в странах СНГ не нашел применения.

Несмотря на приниженный правовой статус в государствах СНГ, русский язык все еще сохраняет свое мощное присутствие как язык межнационального общения или как язык меньшинств (миноритарный язык).

Как известно, основной сферой, формирующей языковую компетенцию знания языков, является школьное и вузовское обучение. Рассмотрим это на примерах Таджикистана и Узбекистана, стран СНГ, которые являются наиболее активными поставщиками трудовых мигрантов в Россию, и, тем самым, должны быть заинтересованы в знании русского языка.

В 32 вузах Таджикистана введено обязательное изучение русского языка. Около 4 тыс. студентов обучаются по специальности «Русский язык». В 2010 г. на учебу в российские вузы по государственной линии было направлено 200 детей из российской диаспоры и около 150 молодых таджиков. [11] Активно работают недавно открывшиеся частные средние учебные заведения с обучением на русском языке. Таджикистану в 2010г. было предоставлено более

400 государственных стипендий для обучения в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре российских вузов. В Душанбе был открыт филиал МГУ им. М.В. Ломоносова. Регулярно проводятся недели русской культуры, конференции, посвященные проблемам изучения русского языка, школы и курсы повышения квалификации учителей русского языка. В 2010г. при Таджикском национальном университете был открыт Русский центр Фонда «Русский Мир», что явилось важным шагом в плане укрепления позиций русского языка в стране.

Между тем даже в такой, не самой плохой ситуации, в Таджикистане английский язык уже довольно успешно конкурирует с русским языком: действуют американские программы, позволяющие молодежи получить образование в США с последующим трудоустройством как дома, так и за рубежом. Россия предлагает не достаточно много подобных образовательных программ, поэтому знание английского языка гарантирует больше перспектив, чем знание русского. Региональный офис программ английского языка, который располагается в здании посольства США, в г. Нур-Султан, охватывает своей работой пять стран Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Данные программы, как правило, финансируются Правительством США через Бюро по образовательным и культурным связям и направляются Центром межкультурного образования и развития университета Джоржтаун, США. В этой связи нельзя не упомянуть программу по предоставлению преподавателей английского языка из США на один академический год. По ней преподаватели английского языка из США направляются в вузы на десять месяцев для преподавания английского языка и повышения квалификации преподавательского состава принимающего учебного заведения. Такое сотрудничество способствует распространению в странах Центральной Азии наряду с английским языком так же и культуры, права, литературы и искусства англо-саксонских стран. Центральный офис программ английского языка в Вашингтоне покрывает транспортные расходы и гонорары приглашенных специалистов, проводит и он-лайн обучение. Также получила распространение двухлетняя стипендиальная программа English Access Microscholarship, которая предоставляет базовую подготовку по английскому языку талантливым подросткам из социально незащищенных слоев общества, которые направляются на обучение в США.

Именно такими механизмами образовательной политики США выполняют свои геополитические задачи. Применяется не высадка десанта, формирующая негативный образ страны, а широкие способы и методы «мягкой силы» в виде лингвистического влияния. Ведь выбор изучаемого языка – это одновременно и выбор партнера в экономике, политике, культуре. Выбранный язык будет являться лингвокультурной доминантой, поскольку через язык как неотъемлемую составляющую культуры, происходит приобщение говорящего на нем народа к ценностям, свойственным той или иной культуре, что непосредственно влияет на его самосознание и его мировосприятие. Поскольку страны СНГ находятся на самом начальном этапе своего становления в

обновленном статусе независимых государств английский язык готов здесь постепенно вытеснить из культурного и научно-технического пространства русский язык. Все шире распространяющиеся программы лингвистического обмена направлены именно на это.

Сложная ситуация и в Узбекистане. Появление графы «национальность» в паспорте гражданина Республики Узбекистан диктовало необходимость твердо определиться с этнической принадлежностью. Здесь началось изменение идентификационных маркеров в первую очередь у потомков от смешанных браков. Если в советский период дети из смешанных семей, где кто-либо из родителей был русским, чаще всего в паспорте записывались русскими, то в постсоветский период приоритеты изменились в пользу титульного населения. «Европейская» идентичность русских в постсоветском Узбекистане является устойчивым феноменом. Признаками «европеизма» русских Узбекистана являются урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме, к которому не склонно автохтонное население региона. Несмотря на стремление к интеграции, русские все-таки чувствуют себя «чужаками» в Узбекистане. [12] Существовая в условиях билингвизма, русские в современном Узбекистане вынужденно начинают осваивать язык титульного этноса, что является совершенно новой тенденцией на постсоветском пространстве.

Говоря о перспективах развития русскоязычного пространства в СНГ, следует отметить, что РФ может и должна оказывать покровительство и осуществлять защиту русского населения государств СНГ. Кроме того, защита языковых прав и прав этнических меньшинств - одно из международных обязательств России. Сохранение русского языка - это еще и укрепление престижа Российской Федерации, ее позиций на международной арене.

Таким образом, анализ проблемы статуса русского языка на постсоветском пространстве позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, русский язык выполняет на постсоветском пространстве функцию языка межгосударственного значения, языка науки, культуры.

Во-вторых, в процессе формирования новых независимых государств на постсоветском пространстве происходит постепенный распад единого языкового пространства. Образующийся вакуум начал заполняться успешной стратегией внедрения английского языка.

В-третьих, статус русского языка в каждой стране на постсоветском пространстве имеет свою специфику. Это связано с рядом факторов, таких, как: особенности экономического и политического развития страны в постсоветский период, количество русскоязычного населения, проживающего на территории страны, спецификой внешней политики РФ по отношению к той или иной стране.

В-четвертых, особую роль в поддержании русского языка как средства межнационального общения на пространстве СНГ призвана играть сама РФ, которая обязана расширять там свое лингво-культурное присутствие,

осуществляя ряд федеральных программ. Без этого у постсоветской интеграции нет будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева, М.М., Харкевич, М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО Университета – 2014 – №2 (35). – С.10-13.
2. Старчак, М.В. Образование на русском языке в государствах Центральной Азии – членах СНГ: проблемы и пути решения // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 3(4). – С. 52-65.
3. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151-І. [Электронный ресурс] http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 Дата обращения: 15.02.2020
4. Стратегия «Казахстан - 2050» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs Дата обращения: 16.02.2020
5. Шорников, П. Статус русского языка и гражданский конфликт в Молдавии: историография вопроса // Русин. – 2007– №3 (9) – С. 36-56.
6. Логвинова, И.В. О политико-юридическом значении деклараций // Социально-политические науки. – 2017. – № 2. – С. 40-44.
7. Конституция Республики Молдова – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.presedinte.md/eng/constitution> Дата обращения: 18.02.2020
8. Тишков, В.А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии – [Электронный ресурс] / Тишков В.А. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkojazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html Дата обращения: 18.02.2020
9. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 31.05.1999. – N 22. – ст. 2670.
10. Модельный закон о языках (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 4 декабря 2004 г. N 24-6) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 2005. – №34.
11. Ашурова, Ш. К. Особенности формирования содержания обучения русскому языку в вузах Республики Таджикистан // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т.8. – № 3(28). – С. 32-34.
12. Цыряпкина, Ю. Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – №4. – С. 206-213.

УДК 329.8

А.М. Баженов

к. и. н., доцент, Тульский государственный университет, Тула, Россия

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация: анализируются роль и место политических партий в социально-политических преобразованиях в современной России

Ключевые слова: Политические партии, современная Россия, выборы, закон, регистрация

A.M. Bazhenov

PhD in historical sciences, associate professor, Tula state University, Tula, Russia

RUSSIAN POLITICAL PARTIES IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS

Abstract: The article analyzes the role and place of political parties in social and political transformations in modern Russia.

Keywords: Political parties, modern Russia, elections, law, registration

В условиях любого политического режима важным инструментом в осуществлении власти являются политические партии. Партия – это группа людей, объединившихся для участия в политической жизни и преследующих цель завоевания политической власти.

Партийная система, которая формируется в настоящее время в России, носит переходный характер. Наше общество лишено скрепляющего его воедино стержня или организационного начала, оно находится в аморфном состоянии. Еще в 1990 г. был принят закон СССР «Об общественных объединениях», в котором были закреплены порядок образования, права и принципы деятельности общественных организаций и объединений.

После этого партийное строительство в России проделало большой путь.

По состоянию на 28 января 2020 года в Министерстве юстиции РФ были зарегистрированы 50 партий [1]. Деятельность партий регулируется Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 23.05.2015). По мнению многих аналитиков, в настоящее время невозможно точно определить, кого именно, какие слои, группы, категории населения политические партии представляют. Для них характерны следующие признаки:

- 1) малочисленность;
- 2) слабость организационной структуры;
- 3) неопределенность и аморфность социальной базы;

4) отсутствие сколько-нибудь внятно сформулированных позитивных программ и идейно-политических платформ.

По этим показателям почти все они являются лишь протопартиями, а не партиями в собственном смысле этого понятия.

Тем не менее, можно рассматривать новую редакцию Закона РФ «О политических партиях» с положительной стороны [2]. Он вступил в силу с 1 января 2015 года. Но не надо думать, что регистрация партий будет автоматической: закон все равно предусматривает ряд важных условий для нее. Например, необходимость иметь региональные отделения партии в половине субъектов Федерации. Естественно, регистрацию пройдут не все. Зато получившие отказ смогут исправить ошибки в течение трех месяцев, а затем снова попытаться. Но для самих партий гораздо более важным представляется решительное снижение порога численности: вместо 40 тысяч всего 500 человек. Так что многие незарегистрированные партии, де-факто существующие уже не первый год, всерьез рассчитывают обрести, наконец, официальный статус. Правда, в начале июля 2013 г. поступило сообщение, что Министерство юстиции РФ отказывается регистрировать новые оппозиционные партии. В частности, не прошли процедуру регистрации такие партии, как «Западный выбор» К. Борового, «Народный альянс», «Партия 5 декабря». Почему-то Министерство решило с 4 июля 2013 г. ввести новые формы документов на регистрацию партий. Теперь каждый участник съезда партии должен заверить свою подпись у нотариуса по месту жительства.

Рассматривая современные политические партии России, надо назвать в первую очередь КПРФ. Она является основной оппозиционной партией в Государственной Думе Федерального Собрания. КПРФ – устоявшаяся политическая организация, выступающая как партия «ностальгии» по советской эпохе, которая называется ее сторонниками «золотым веком». Уже в силу этой ориентации на ценности прошлого идеология партии носит отчетливо выраженный консервативный характер. Отсюда просматривается стремление сохранить элементы советской традиции, в которой КПРФ видит вершины государственных достижений России. Как отмечает исследователь Б. Романов, революционные традиции, безусловно, играют важную роль в идеологии партии, например, праздник Великого Октября, но в практической деятельности революционные мотивы вытеснены идеями государственности, национально-патриотической тематикой [3, с. 59].

Кстати, наследие XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, явно не в почете у партийных лидеров. В 90-е годы XX века КПРФ не сторонилась сотрудничества с националистическими организациями в рамках Народно-патриотического союза России. Сами коммунисты нередко прибегали к националистической риторике, игнорируя интернациональные традиции коммунистического движения. Кроме того, КПРФ, признающая марксизм-ленинизм своей официальной идеологией, выступает в поддержку Русской Православной церкви, в том числе декларируя эту позицию в программе партии. Глава КПРФ Геннадий Зюганов отметил, что поддерживает

упоминание Бога в Конституции, поскольку это «нравственно-духовная ценность нашей державы» [4].

Как показывают результаты всех прошедших парламентских выборов, в том числе 18 сентября 2016 г., КПРФ сохраняет костяк своего электората, но претендовать, очевидно, на участие во власти не может.

Аналитики отмечают и то, что КПРФ занимает достаточно умеренные позиции по многим вопросам общественной жизни страны и использует коммунистическую символику в основном для привлечения избирателя. Однако официальные идеологические установки КПРФ сохраняют существенные элементы коммунистического догматизма и никак не свидетельствуют об эволюции партии в социал-демократическом направлении.

Напротив, в странах Восточной Европы коммунистические партии смогли перейти на социал-демократические позиции, вернуться к власти и включиться в реализацию демократических и рыночных реформ. В этой связи хорошим примером явились польские события. Уже в самом начале польских реформ коммунисты пошли на сотрудничество с демократами. Тадеуш Мазовецкий, первый демократический премьер, вспоминает о том периоде: «Я считал, что ПОРП не может быть в оппозиции, управляя ... силовыми ведомствами. В мире не существует оппозиции, которая контролировала бы армию и милицию и оставалась бы при этом оппозицией. Мы обязаны были их привлечь» [5, с. 12].

В России эволюция коммунистической партии пошла по другому пути. Это связано как со спецификой развития российской политической системы, так и с особенностями настроений протестного электората. По мнению исследователей, переход компартии на социал-демократические позиции пока маловероятен. «КПРФ – это клубок противоречий. Она преподносит себя как антисистемная политическая партия, ищущая альтернативу либеральной демократии и капитализму, но при этом серьезно интегрировалась в сложившуюся политическую систему» [6, с. 50]. Практика ускоренного утверждения законов, направленных на ужесточение политической жизни в России в течение 2012-2013 года подтверждает это умозаключение. Фракция КПРФ в составе Государственной Думы, как правило, голосовала за все предложенные правительством и «Единой Россией» законопроекты. В первую очередь это касается утверждения таких законов, как «О государственной тайне», «Об иностранных агентах», «Димы Яковлева», «О митингах», «О запрете пропаганды нетрадиционных отношений».

Падение поддержки КПРФ населением в последние годы видно на примере выборов в Государственную Думу. На выборах 1995 и 1999 гг. партии удалось получить наибольшее число голосов избирателей – 22,3% и 24,29% соответственно. На выборах 2003 г. КПРФ смогла набрать только 12,8%. Во время выборов 2007 г. КПРФ получила еще меньше – 11,57% голосов избирателей. На выборах 2011 г. электорат КПРФ несколько увеличился: партия получила 19,19% голосов от числа избирателей, принявших участие в голосовании. 18 сентября 2016 года на выборах депутатов Государственной

Думы КПРФ получила 13,42% голосов избирателей, или 43 места в нижней палате Федерального Собрания РФ. КПРФ – антипод партии власти в глазах значительной части респондентов.

Приходится констатировать, что важной особенностью возродившейся в России многопартийности стало то, что на политическую арену России не смогла вернуться ни одна историческая партия: ни социалисты-революционеры (эсеры), ни меньшевики, ни кадеты (либералы). Парадоксально, но лишь большевики сохранились, хотя и в маргинальном виде.

Итоги парламентских выборов 4 декабря 2011 г. и 18 сентября 2016 г. требуют внимательного анализа феномена «Единой России». Будучи организацией сторонников президента В. Путина, «Единая Россия» постепенно стала ведущей политической силой страны. Аналитики заговорили о формировании устойчивой политической системы, где одна правящая партия бесценно много лет находится у власти, а ей противостоит оппозиционная партия или группа партий, играющих роль «вечной» оппозиции. При этом делались ссылки на опыт Японии и Италии.

«Единая Россия», сформированная в основном бюрократическими методами, находится в полной зависимости от администрации президента, имеет жесткий авторитарный партийный устав и пользуется поддержкой региональных властей. Исследователи отмечают неоднородность «Единой России», созданной из ранее противоборствующих организаций «Единство» и «Отечество». В среде специалистов нет единого определения статуса «Единой России» и ее будущего. Одни аналитики утверждают о том, что со временем эта партия прекратит свое существование. Отчасти это соотносится с тем, что руководство партией возложено на Д. Медведева.

Не имея официальной идеологии, «Единая Россия» поставила под контроль практически все органы власти, сделав Государственную Думу и большинство региональных парламентов машинами для голосования, и набрала более 2 миллионов членов партии, в том числе значительную часть российских начальников всех чинов и уровней.

Нельзя сказать, что «Единая Россия», формировавшаяся как «партия поддержки Путина» и нацеленная на максимальный «охват» российских избирателей разных взглядов и убеждений, вообще обходилась без идейных деклараций. В 2003 был принят манифест «Путь национального успеха», в котором, впрочем, партийная идеология не определялась.

«Путь национального успеха» идейное развитие не ограничило. Официальная фракционность, начавшая возникать из-за пестроты членов партии власти, была в 2005 году пресечена Б. Грызловым (Председатель Государственной Думы с 29 декабря 2003 года по 14 декабря 2011 года). В настоящее время в партии действуют четыре платформы: либеральная, патриотическая, социальная и платформа по поддержке предпринимательской инициативы. Некоторые эксперты высказывают мнение о том, что после XIX съезда партии «Единая Россия», который состоялся 22-23 ноября 2019 года, собирать платформы не планируется.

В 2006 году было принято программное заявление «Россия, которую мы выбираем». Об идеологии в нем тоже речь не идет, зато говорится, что «партия провозглашает стратегию качественного обновления страны как суверенной демократии». В 2007 году на парламентских выборах у «Единой России» предвыборной программой была поддержка «Плана Путина».

Отсутствием идеологии «Единую Россию» попрекали не только оппоненты, но В. Путин, В. Сурков и Д. Медведев. О консерватизме как идейном самоопределении в партии власти говорили и раньше. В 2008 году «Единая Россия» вступила в Центристский демократический интернационал, который также называют консервативным [7]. В эту организацию входят Христианско-демократический союз Германии, Либерально-демократическая партия Японии. Республиканцы (Франция), Вперед, Италия! и другие партии.

На съезде в ноябре 2009 года был принят программный документ «Единой России» под названием «Россия: сохраним и приумножим!» [8]. В нем идеология определяется как «российский консерватизм», который должен способствовать «стабильности и развитию, постоянному творческому обновлению общества без застоев и революций». «Это идеология успеха нашего народа, сохранения и модернизации России на основе собственной истории, культуры, духовности». Консерватизм призван «освободить страну от застарелых социальных недугов, разрушить преграды на пути инноваций, новых достижений». Правда, оппоненты «Единой России» сомневаются, что идеология у партии власти все-таки появилась. Для «Единой России» имеются определенные опасности в связи с тем, что 11-12 июня 2013 г. году на политической арене появился «Общероссийский народный фронт – за Россию!». Это инструмент самосохранения политического режима, продления ему жизни. Совсем необязательно в этой модели упразднить «Единую Россию»: она еще поработает на выборах, пока не сошла на нет.

Вместе с тем, безусловно, создание такой влиятельной «партии власти» - это серьезный успех кремлевских политтехнологов, использовавших патриотический бренд – «Единая Россия» и сумевших консолидировать немалую часть общества вокруг В. Путина и партии, опирающейся почти исключительно на его личную популярность. В целом центристская, патриотическая доктрина «Единой России» оказалась востребована обществом. В этом, видимо, заключается политический феномен «Единой России», во многом объясняющий весьма высокие результаты партии на всех прошедших выборах. Правда, не надо забывать и о фальсификате, который особенно проявился во время парламентских выборов 4 декабря 2011 г. А 18 сентября 2016 года «Единая Россия» получила 54,27% голосов избирателей. По общефедеральному и одномандатным округам получила 76,2% мандатов, или 343 места в Государственной Думе, т. е. большинство из 450 депутатов. Однако доверие к Государственной Думе в этот же период не превышало 22%. Ситуация создается парадоксальная. На протяжении почти двадцати лет «Единая Россия» является фундаментом той модели политической системы, которая выстроена в нашей стране. У «Единой России» ведущая роль в любых

аспектах функционирования правящего режима. По мнению аналитиков, если этот фундамент начнет проседать и давать трещины, то такое развитие событий фатальным образом грозит всей политической системе. Без опоры в виде партии власти она не сможет функционировать.

Другие организации часто выступают в роли партий сателлитов, в том числе ЛДПР, «Справедливая Россия». Как известно, на базе Российской партии жизни, партии «Родина» и Партии пенсионеров была создана левоцентристская партия «Справедливая Россия» во главе с тогдашним председателем Совета Федерации Сергеем Мироновым. Особенностью возникшей партии «Справедливая Россия» является сочетание полной лояльности к исполнительной власти с левой социальной риторикой и нападками на «Единую Россию». А это существенно снижает возможности для политического маневра. Эту партию создавали как «вторую ногу власти», невольно подчеркивая тем самым инвалидность «одноногого» режима. Лидеры «Справедливой России» претендуют на создание влиятельной партии социал-демократической или социалистической ориентации. Среди предложений «Справедливой России» не только введение прогрессивной шкалы налогообложения и налога на роскошь, но и намерение построить «новый социализм». Политологические прогнозы о возникновении двухпартийной системы оказались явно преждевременными.

Правда, на протяжении всего 2012 и начала 2013 гг. партия «Справедливая Россия» проявляла непоследовательность в отношении поддержки курса высшей власти. Это сразу же отразилось на ее положении в политическом пространстве. В октябре 2012 г. Российская партия пенсионеров и «Родина» заявили о своем выходе из «Справедливой России». Более того, 1 июня 2013 г. состоялся первый съезд вновь созданной партии «Родина». На нем было объявлено, что программой партии будут семь предвыборных статей В. Путина. Серия статей кандидата в президенты Российской Федерации Владимира Путина, вышедших в свет в ряде СМИ перед президентскими выборами в 2012 году и вызвавших широкий общественный резонанс.

В настоящее время партия «Справедливая Россия» переживает глубочайший кризис, обусловленный, в частности, утратой политической идентификации. По мнению экспертов, успех партии на парламентских выборах в декабре 2011 года был связан с востребованностью в обществе социал-демократических идей. Но вместо дальнейшего развития партия «Справедливая Россия» впала в стагнацию. 18 сентября 2016 года на выборах депутатов Государственной Думы она получила 6,17% голосов избирателей, или 23 места.

Политические лидеры в России рождаются вне партийной системы. Но у них нет инструментов и институтов для легальной борьбы за власть. Все партийные проекты вне системного поля – от «Гражданской платформы» до многочисленных фейковых партий-игрушек, которые стали возникать после резкого упрощения регистрации в рамках политической реформы 2012 года, – такие же фантомы, как парламентские партии. Причем системная оппозиция –

партии, которые борются не за власть, а за то, чтобы их не распустили. В России пока так никому и не удалось создать дееспособную партию, которая могла бороться за власть и править. Судьба «Единой России» и «Общероссийского народного фронта» не исключение.

В электорате ЛДПР, напротив, сократилось традиционное для этой партии преобладание мужчин (с 68 до 63%). Возрастная структура осталась прежней – преобладают граждане до 40 лет (соответственно 56 и 53%) и особенно самые молодые люди – их почти четверть (по 24%, в среднем по выборке -15%). Почти в два раза сократилась доля специалистов, голосовавших прежде за ЛДПР (с 12% до 7%), ощутимо упала доля рабочих (с 50% до 39%), а выросла доля пенсионеров (с 2% до 11%) и безработных (с 8% до 13%). Почти в два раза меньше стала среди сторонников ЛДПР доля жителей крупных городов (с 21% до 11%, при средней доле 21%), тогда как доля готовых голосовать за нее жителей села примерно на такое же количество выросла (20% до 30%). Одним словом, электорат ЛДПР стал в большей мере представлять социальную периферию, как это и было в конце 1990-х годов [9, с. 19]. На выборах 18 сентября 2016 года ЛДПР получила 13,37% голосов избирателей, или 39 мандатов.

Особую роль в политической жизни России имеют либеральные партии. Сейчас можно говорить только о таких партиях, как Правое дело, Демократическая партия, Гражданская платформа, «Яблоко», РПР-ПАРНАС. Как правило, эти партии поддерживают 10-15% избирателей. По мнению наблюдателей, проблема партии «Яблоко» состоит в неспособности адаптировать в целом рациональные социально-либеральные установки с российской спецификой.

Таким образом, важными институтами в поддержании жизнеспособности политического режима в современной России являются политические партии. Вся их деятельность направлена, как правило, на сохранение и на несменяемость нынешней власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> . Дата обращения: 23.02.2020
2. Закон РФ О политических партиях (с изменениями на 2 декабря 2019 года) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901792270> Дата обращения: 23.02.2020
3. Романов, Б. Особенности формирования политических партий в Современной России // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6.
4. Зюганов не против упоминания Бога в Конституции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/43661552-zyuganov-ne-protiv-upominaniya-boga-v-konstitutsii/> Дата обращения: 23.02.2020

5. Мазовецкий, Т. Польша показала пример мирной гражданской революции // Новая газета. – 2013. – № 52. – С. 12.
6. Крук, Н., Даудерштадт, М., Герритс, А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. – М.: Культурная революция, 2004. – 128 с.
7. Центристский демократический интернационал. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wiki-linki.ru/Page /1702099> Дата обращения: 10.09.2015
8. Программный документ Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» «РОССИЯ: СОХРАНИМ И ПРИУМНОЖИМ!». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bashkortostan.er.ru/party/ProgrammnyjdokumentPartii/> Дата обращения^ 10.09.2015
9. См.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 1. – С. 19.

Т.Э. Воронова

к.полит.н., доцент, Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан

Э.Т. Янчук

к. и. н., профессор, Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан

РЕЛИГИЯ В ТРАНЗИТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В статье рассматривается роль религии в условиях модернизации казахстанского общества.

Ключевые слова: Религия, транзитный период, общество, конфессиональная безопасность.

T.E. Voronova

PhD in political sciences, associate professor
Pavlodar State University named after S.Toraigyrov, Pavlodar, Kazakhstan

E.T. Yanchuk

doctor of historical sciences, professor
Pavlodar State University named after S.Toraigyrov, Pavlodar, Kazakhstan

Abstract: Article considers role of religion in conditions of modernization of Kazakh society.

Keywords: Religion, transit, society, religious security.

В новых реалиях жизни общества, когда прежние идеологические ценности утрачены, возникает идеологический вакуум, который, в значительной мере, заполняется религией, которую многие воспринимают как основу моральных ценностей в современном обществе.

За годы независимого развития в Казахстане произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни казахстанского общества. Процесс демократизации привел к совершенно новой религиозной ситуации. Рос уровень религиозности населения, увеличивалось число религиозных объединений, причем не только традиционных.

Эти изменения хорошо усвоили в Республике Казахстан, о чем свидетельствует уже тот факт, что первый съезд мировых религий впервые прошел в Астане 23-24 сентября 2003 года. На нем было заявлено, что любая вера несет людям мир, согласие, гармонию с собой и с природой.

Религия основывается на вере и в силу этого является мощным инструментом воздействия на общественное сознание и этим инструментом многие желают воспользоваться, играя на религиозных чувствах людей.

По подсчетам ученых и статистических данным на январь 1989 года в республике было около 700 религиозных объединений принадлежащих к 30 конфессиям. В настоящее время эти показатели выросли в разы.

В современных условиях оценка религии не может быть однозначной. С одной стороны следует учитывать позитивные значения религии в современном транзитном обществе. Именно она способствует нравственному возрождению общества, подъему духовной культуры, национальных традиций и обычаев. Религия для многих народов стали образом жизни, идеологией и философией. Вместе с тем есть необходимость предвидеть и негативные моменты обусловленные религиозными отношениями. Сегодня в Казахстане переплелись стратегические интересы таких стран как Россия, Турция, США, Китай. И в этой ситуации религия может быть активно использована как инструмент для достижения тех или иных целей. Учитывая возрастание роли религии в обществе, на это явление обратил внимание Первый Президент РК Н.А.Назарбаев. В работе «Критическое десятилетие», он целый раздел посвятил проблемам межконфессиональных отношений и обозначил принципиальные позиции государственной политики по отношению к религии, которые реализуются сейчас и будут востребованы в будущем.

Хотя до настоящего времени в республике не наблюдалось проявление религиозной нетерпимости, но ослабление работы в религиозной сфере, может привести к обострению межрелигиозных противоречий.

Характеризуя отношения между конфессиями, автор доказывает ошибочность понятия «исламский экстремизм». Лидер страны категорически выступает против того, чтобы угрозу приписывали целому духовному течению, каким является ислам. Здесь, по мнению Главы государства, происходит подмена понятий и в понятие «исламская угроза» вложен страшный и угрожающий смысл с самыми непредсказуемыми последствиями. Все религии основаны на добрых помыслах и нацелены на благородные цели. Ислам, как и все мировые религии, несет в себе глубокое духовное и гуманистическое содержание и его духовные ценности должны быть защищены от попыток отождествления ислама и терроризма. Определяя роль религии в обществе, Первый Президент подчеркивает, что «религия для всех народов – это не средство или мотив для завоевания, это средство и мотив для выживания». В то же время он подчеркивает опасность экспорта в Казахстан идей религиозного экстремизма. «Опасность религиозного экстремизма в Казахстане, - отмечает автор, - вовсе не носит только гипотетический характер. Основная опасность видится, прежде всего в деструктивном влиянии извне и может исходить из тех ближних регионов Евразии, где эта опасность приобрела вполне реальные масштабы и элементы экстремизма уже существуют. [1, с.102] Н.А.Назарбаев подчеркивает, «что в регионе присутствуют как внутренние, так и внешние предпосылки для активизации деятельности экстремистов, которая может вылиться как в общую дестабилизацию общества, так и в ряд прямых вооруженных конфликтов». [1, с.95-96]

Фундаментализм представляет угрозу для каждого общества независимо от его конфессиональной принадлежности. В этом смысле заострять внимание именно на мусульманском фундаментализме, подчеркивает Президент, не имеет смысла и основания.

Раскрывая истоки фундаментализма, первый Глава государства отмечал, что в условиях глобализации значительная часть общества может достаточно лояльно относиться к политической или экономической модернизации, которая исходит от самого общества. Однако, когда идея модернизации исходит от носителей чужой культуры, конфессиональная часть общества категорически выступает против, и эта часть общества становится мощным источником питания идеологии фундаментализма.

Положение осложняется и тем, что мусульмане Средней Азии и Казахстана в советский период воспринимали гонения на веру, как посягательство на культуру, традиции и обычаи своего народа. Раскрытие истоков фундаментализма позволяют избежать однобокости борьбы против терроризма, делая ставку лишь на использование силы.

Опасность со стороны экстремистских организаций не ограничивается самим их существованием. Главная угроза это те идеи и идеология, которую они стремятся претворить в жизнь.

Рассматривая конфессиональный аспект, Н.А. Назарбаев актуализирует внимание читателей на транзитном характере казахстанского общества «конечной целью которого является создание не религиозного государства, а демократического гражданского общества, основанного на рыночных механизмах экономики и свободе творчества человека. Свобода вероисповедания носит не основной, а дополняющий смысл для полноценного развития общества и религия в этом отношении не может являться самоцелью прогресса, выступая только как одна из частей общественно – политического развития Казахстана».

Формула, выдвинутая Главой государства в своей работе, в отношении государства и религиозных конфессий следующее: верующие, безусловно, имеют гражданские права и пользуются демократическими свободами. В свою очередь, религия, как духовное начало, не имеет и не должна обладать политическими правами и возможностью влиять на политическую волю государства.

Нурсултан Абишевич Назарбаев дает емкое определение конфессиональной безопасности, как системы государственных гарантий и поддержки духовного потенциала наций и народов. Элементами этой безопасности являются следующие. Во – первых, гарантии и поддержка государства, для того, чтобы и впредь обеспечивать полную свободу вероисповедания и свободу каждого гражданина для отправления культов богослужения. Во – вторых, Казахстан, как светское государство, гарантирует принятие мер противодействия межконфессиональным конфликтам, не допуская приоритета той или иной религии в ущерб другим конфессиональным течениям. В – третьих, - государство проводит и реализует целенаправленную

борьбу с любыми проявлениями религиозного экстремизма, угрожающими национальной безопасности, жизни и благополучию казахстанских граждан. [1, с.96-97]

Иными словами, Казахстан как светское государство придерживается принципа невмешательства государства в дела религии и, соответственно, невмешательства религии в процесс прямого правления государством.

Идеи, заложенные в книге первого Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева «Критическое десятилетие» нашли отражение в документах и материалах первой международной конференции мира и согласия, созванной по инициативе Президента страны. В частности в совместной декларации участников конференции «К миру и стабильности» подчеркивалось то обстоятельство, что Терроризм и экстремизм не имеют ничего общего с мировыми религиями, обогатившими мировую цивилизацию вечными ценностями добра и высокой морали. Мировые религии рассматриваются в качестве важного связующего элемента в налаживании диалога между цивилизациями. Диалог и взаимное обогащение цивилизаций через межрелигиозные контакты и сотрудничество являются определенными условиями гармоничного развития мира. [2]

Сегодня можно сказать, что Казахстан является мощным стабилизатором ситуации не только в стране, но и далеко за ее пределами. Казахстан, как заявляет его руководство, будет упорно бороться с любыми проявлениями экстремизма и терроризма, которые вненациональны. Это принципиальная позиция нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назарбаев, Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы, 2003. – 240 с.
2. «К миру и стабильности». Декларация участников Международной конференции мира и согласия. – Алматы. – 13.02.2003

УДК 321.728

Б.И. Кандауров

старший преподаватель кафедры политологии и правоведения
ЛНУ имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В СТРАНАХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ демократических политических режимов в странах современной демократии.

Ключевые слова: Демократизация, демократический транзит, политический режим, коммунизм, социализм

B. Kandaurov

assistant professor, Lugansk National University named after Taras
Shevchenko, Lugansk, Ukraine

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF DEMOCRATIC POLITICAL REGIMES IN THE COUNTRIES OF MODERN DEMOCRACY

Abstract: In the article provides a comparative analysis of democratic political regimes in the countries of modern democracy.

Keywords: Democratization, Democratic Transit, Political Regime, Communism, Socialism.

Ведущей тенденцией развития современного мира является переход к демократии. За четверть века после начала «третьей волны» демократизации количество демократий увеличилось более чем втрое. Важную роль в развитии «третьей волны» сыграл крах коммунизма, который обусловил «беспрецедентный демократический прорыв». Однако включение в процесс демократизации посткоммунистических обществ вызвало кризис транзитологии, поскольку ее первоначальная парадигма была создана на основе анализа переходов к демократии от авторитарного типа политических режимов, а коммунистические режимы относятся к тоталитарному [1].

Особенности тоталитарных режимов вызывают специфику их трансформации. Трансформация при переходе к демократии от авторитарных режимов происходит преимущественно в политической сфере, где монополярная система превращается в плюральную; во внешнеполитических сферах происходит только их адаптация к новому режиму функционирования политической системы (в экономике отменяется протекционизм, в культуре – политические ограничения). При переходе от тоталитарных режимов трансформационный процесс охватывает все сферы общественной жизни, так и в политике, и в

экономике, и в культуре – везде надо заменить монопольную систему на плюральную.

Сущность модели прямого перехода заключается в том, что после гибели коммунистического (тоталитарного) режима в стране устанавливается режим электоральной (процедурной) демократии, постепенно консолидируется и перерастает в либеральную (структурную) демократию. Такой вариант продемонстрировали Польша, Словения, Эстония, Венгрия, Словакия, Литва, Латвия, Чехия, которые, по выводам «Freedom House», уже стали свободными странами с консолидированными демократическими режимами. Об успехах трансформации этих стран свидетельствует их вступление в НАТО и ЕС – международных организаций, которые выдвигают к своим членам высокие требования по соблюдению политических свобод и гражданских прав и демократичности политического устройства. Особенности такого перехода заключаются в том, что проходит очень короткий срок между легализацией оппозиции, введением нефасадной многопартийности и проведением свободных конкурентных политических выборов. Вследствие включения электорального механизма в этих странах сформировались биполярные партийные системы, при которых правительственную власть берут то право-, то левоцентристские коалиции (пока нестабильного типа). Коммунистические партии или трансформировались в социал-демократические, или оказались на обочине политической жизни. Правительственная политика сочетает либеральные реформы с мерами социальной защиты населения. Во внешней политике во всех правительствах доминирует западный вектор, вызывает обратную реакцию – политическую и экономическую поддержку трансформационных процессов западными демократиями [2, С. 78].

К факторам, которые обусловили такой перечень событий, следует отнести следующие:

Во-первых, во всех этих странах тоталитарные режимы имели инсталлированное происхождение, ибо были установлены советскими военно-политическими силами в годы Второй мировой войны. Антирежимные беспорядки 1956, 1968, 1979-1981 годов в Польше, антикоммунистическое народное восстание 1956-го в Венгрии, «Пражская весна» 1968-го в Чехословакии свидетельствуют, что общественное сознание этих стран не воспринимало коммунистические режимы как собственные. Они держались благодаря силовому давлению СССР. Как только во время «перестройки» это давление ослабло, режимы не оправдались. Для создания массовой опоры режима в большинстве этих стран произошло насильственное присоединение к коммунистическим партиям социал-демократических, но благодаря этому идеи социал-демократии проникли внутрь партий, что постоянно порождало реформистские тенденции. Крах коммунистического режима в Венгрии вызвал переход правящей партии на социал-демократические позиции [2, С. 82].

Во-вторых, все эти страны относятся к западнохристианской (католическо-протестантской) цивилизации, на основе которой родились идеи гуманизма, либерализма и представительной демократии. Для них смысл

трансформации заключался в возвращении к истокам своего цивилизационного развития. Цивилизационный контекст обусловил определенные политико-культурные традиции. Хотя в довоенный период из этих стран демократический режим имела только Чехословакия, но во всех функционировали институты парламентаризма, местного самоуправления и многопартийные системы с участием оппозиционных партий. Надо также учесть, что при коммунистическом правлении в некоторых из них многопартийность сохранилась. Хотя такая многопартийность была фасадной, а «союзнические партии» представляли собой сателлитов коммунистической, но политическая система сохраняла в латентной форме структурные предпосылки для восстановления политического плюрализма, о чем свидетельствуют польские события. Коммунистический режим в Польше упал в результате первых полусвободных парламентских выборов (июнь 1989 года). Коммунисты согласились проводить такие выборы при условии, что 65% мест в сейме (нижней палате парламента, которая имеет функцию формирования правительства) будет зарезервировано за ними и их союзниками. Но провал на свободных выборах в сенат (верхнюю палату), где коммунисты получили только 15,8% голосов, привел к тому, что союзники (Объединенная крестьянская и Демократическая партии) порвали соглашение с коммунистами, что позволило сформировать первое некоммунистическое правительство Т. Мазовецкого [2, С. 86].

В-третьих, тоталитарные режимы в этих странах функционировали с 1941 по 1951 год, в результате чего формирование сознания старшего поколения населения произошло в дототалитарный период. Наличие в активной жизни этой генерации привело к тому, что в этих странах не произошло культурного разрыва с дототалитарным прошлым.

Развитие, близкое к этой модели, в настоящее время демонстрируют Болгария, Румыния и Хорватия. Одно из объяснений медленных темпов демократизации Болгарии и Румынии заключается в том, что обе они имеют другой цивилизационный контекст – относятся к восточнохристианской цивилизации, которой свойственна сакрализация государственной власти. В католической Хорватии пробел в демократическом процессе был вызван войной против сербских сепаратистов (1991-1995 гг.) и участием в боснийской войне (1992-1995 гг.). Но после смерти авторитарного президента Ф. Туджмана (декабрь 1999 г.) и введение парламентского правления (2001 г.) Хорватия прочно встала на путь демократических преобразований [3, С. 44].

Однако не во всех посткоммунистических странах место тоталитарных режимов заняла электоральная демократия. На начало 2005 года политические режимы десяти посткоммунистических стран были квалифицированы как авторитарные. Причины разницы в развитии этих стран от посткоммунистических демократий заключаются в следующем. Все они являются новообразованными государствами, возникшими в результате распада СССР. У них нет национального единства, что, по мнению Д. Растоу, является «предварительным условием» перехода к демократии. Трансформация

здесь имеет бинарный характер, так как в ее пределах происходят два процесса: первый – социально-политический (детоталитаризация общественной жизни), второй – национально-политический (развитие суверенной национальной государственности). Взаимодействие этих процессов значительно усложняет структуру политического конфликта, существенно мешает демократизации общества. Во всех них в предыдущий период функционировал советский режим, который в сталинские времена представлял собой почти стопроцентный тоталитаризм. Из десяти посткоммунистических автократий шесть исторически принадлежат к азиатско-мусульманской цивилизации, культура которой ориентирована на деспотические образцы власти; три – к восточнохристианской, которой, как уже было сказано, присуща сакрализация государственной власти. Цивилизационный контекст России следует определить как евроазиатский – смесь восточнохристианского, азиатско-мусульманского и других цивилизационных полей на почве татаро-монгольского политического наследия [4].

Трансформационный процесс может приобретать двухфазную форму, в которой первая фаза является детоталитаризацией общественного организма (на ней политический режим превращается в авторитарный), а вторая – его политическую демократизацию. Реальность двухфазной модели доказала свое время Испания, где в результате гражданской войны 1936-1939 годов был установлен тоталитарный режим, который в 1960 году эволюционировал в классический авторитаризм, а после смерти Ф. Франко (1976 г.) трансформировался в демократию. Однако в Испании начальным пунктом трансформационного процесса была правая (фашистская) форма тоталитаризма, которая существенно отличается от левой (коммунистической) [5].

В условиях посткоммунизма существует возможность трансформации по такой модели. Пример новой Югославии (с 2003 года конфедерация Сербии и Черногории, с 2006 года – независимые государства Сербия и Черногория), в которой после краха коммунистического был установлен авторитарный режим Милошевича, свидетельствует, что существует. После революции 2000 года там сделан большой шаг в демократическом направлении, и сегодня политические режимы Сербии и Черногории квалифицируются как полуконсолидированная демократия [6].

Такую тенденцию демонстрируют и некоторые постсоветские автократии. В пяти из них доля частного сектора в ВВП превышает долю государственного. В рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума за 2005 год среди 117 стран (участвовавших в рейтинге) Казахстан занял 61-е место (опередив даже Хорватию и Румынию), Азербайджан – 68, Россия – 75, Армения – 79, Молдова – 82-е [3, С. 48].

Альтернативой двухфазной является модель «обратного развития», суть которой заключается в том, что в результате определенных обстоятельств общество возвращается к прежнему (тоталитарному) состоянию. В этом случае процесс трансформации прерывается, и общество не достигает нового качества.

Такую модель наглядно представляют Беларусь и Туркменистан, в которых с каждым годом ухудшаются показатели общественно-политических процессов. По состоянию на 2008 год они имеют наибольшее отклонение от стандартов демократии. Их системы имеют больше признаков тоталитаризма, чем авторитаризма. В них функционирует государственная (административно-командная) экономика, где 75% ВВП производит государственный сектор. Почти не существует поля гражданского общества (его показатели хуже показателей политической системы в целом). Господствует правительственная монополия на СМИ.

Согласно классификации «Freedom House», по уровню демократизации можно выделить следующие политические режимы в странах бывшего Советского Союза: консолидированные демократии (Эстония, Литва, Латвия), гибридные режимы (Грузия, Украина, Молдова), полуконсолидированные авторитарные режимы (Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан), консолидированные авторитарные режимы (Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Туркменистан) [7, С. 34].

Среди стран бывшего СССР наиболее уверенно путем независимости пошли страны Балтии – Литва, Латвия, Эстония, которые настойчиво осуществляют курс на возвращение своих государств к европейской цивилизации.

В странах Балтии за основу общественно-политического строя избрана западноевропейская модель с развитым парламентаризмом и особым акцентом на том, что носителем государства является нация. Среди черт демократического режима прежде всего необходимо признать следующее: осуществление власти по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную; легальная оппозиция пользуется всеми политическими правами; в обществах прибалтийских стран не существует никакой официальной идеологии; функционирует многопартийная система и тому подобное. Однако проблемным для этих стран остается вопрос русскоязычных национальных меньшинств, права и свободы которых периодически нарушаются, что выступает определенным дестабилизирующим фактором развития общества в этих странах [8, С. 140].

Венгрия, Словакия, Чехия, Словения и Польша также уже стали странами с консолидированными демократическими политическими режимами, членами ЕС и НАТО. В этих странах власть придерживается политических свобод и гражданских прав, демократичности политического устройства. Вследствие включения электорального механизма в этих странах сформировались биполярные партийные системы, при которых правительственную власть берут то право-, то левоцентристские коалиции (пока нестабильного типа). В этих странах также действует принцип «сдержек и противовесов», СМИ полностью свободны от цензуры, в обществах не существует никакой официальной идеологии, наряду с государственной существуют и другие формы собственности, гражданам предоставляются и юридически закрепляются права и свободы. Большое влияние на развитие

обществ этих стран осуществляет также фактор религиозный (в большинстве из них католицизм является доминирующей религией; имеют место протестантские общины), но это наоборот способствует консолидации всех слоев общества, а не усилению авторитарных или дестабилизирующих тенденций [9].

Иначе выглядит ситуация в таких странах, как Румыния и Болгария. В этих странах процесс демократического транзита проходил более медленно по сравнению с вышеупомянутыми странами: обе они имеют иной цивилизационный контекст - относятся к восточнохристианской цивилизации, которой присуща сакрализация государственной власти. Поэтому и процессы демократизации проходили в несколько иных формах с некоторыми осложнениями, что отразилось и на внешнеполитической деятельности этих стран (достаточно долгий путь вступления в НАТО и ЕС). Но для этих стран до сих пор остаются проблемными вопросы, связанные с коррупцией и экономической отсталостью, по сравнению с другими посткоммунистическими странами Европы. Но в принципе в Болгарии и Румынии основные элементы демократии достаточно четко функционируют, несмотря на затяжной характер демократических реформ [10].

Своеобразно и драматично проходили демократические реформы в католической Хорватии, что было вызвано войной против сербских сепаратистов, участием в боснийской войне и авторитарным стилем управления президента Франьо Туджмана. Но после его смерти и внедрения парламентского правления страна прочно встала на путь демократических преобразований. Однако до сих пор остаются острыми нерешенные вопросы национальных не хорватских меньшинств (особенно сербов), элементарные гражданские права которых периодически нарушаются. Другой проблемой страны является достаточно распространенное среди граждан явление хорватского национализма, которое разрушает основные демократические достижения этой постсоциалистической страны. В Хорватии до сих пор остается нерешенной проблема коррумпированности политической элиты страны, что носит достаточно резонансный характер [1, С. 40-45].

На сегодняшний день происходит интенсивный процесс трансформации политических структур независимых государств на всем пространстве бывшего Советского Союза и постсоциалистических государств. Попытки создать модель общественного строя вроде западной преимущественно оказались неэффективными. Успеха достигали только тогда, когда, формируя правовое государство, учитывали социально-политические и экономические реалии определенной страны. При этом выделяют как общие закономерности развития и становления политических структур независимых государств, так и особые, обусловленные историей, культурными традициями, национальным самоутверждением народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Полит. наука. — М.: ИНИОН РАН, 1999. — с. 40-45
2. Романюк, А. Общественно-политические трансформации в новообразованных посткоммунистических странах: попытка системного анализа // Человек и политика. — 2003. — № 5. — 153 с.
3. Банс, В. Элементы неопределенности в переходный период/ В. Банс // Полис. — 1993. — № 1. — С. 44-51.
4. Рассел, Б. Власть. Новый социальный анализ [Электронный ресурс] / Рассел Б. — Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/09.php Дата обращения: 23.02.2020
5. Бжзинский, З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 2009. — 280 с.
6. Гончарова, Т.Е. Политические пакты и их роль в процессах демократизации и консолидации общества [Электронный ресурс] / Гончарова Т.Е. — Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/vmsu/2008-01/08gteiia.htm Дата обращения: 23.02.2020
7. Долженков, А.А. Украина — Беларусь: опыт политической трансформации / А.А. Долженков. — Одесса: Астропринт, 2003. — 259 с.
8. Авинери, Ш. Шансы и препятствия на пути гражданского общества в Центральной и Восточной Европе/ Шломо Авинери// Независимый культурологический журнал «И». — 2001. — № 21. — С. 140-144.
9. Панеях, Э.Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs закон применяемый [Электронный ресурс] / Панеях Э. — Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/14/0000277176/017.PANEYAK_H.pdf Дата обращения 23.02.2020
10. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века // Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 368 с.

УДК 329.14

С.А. Ланцов

д.п.н., профессор, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В
УСЛОВИЯХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
И РОССИЙСКОГО ОПЫТА**

Аннотация: В статье рассматриваются пути формирования социал-демократических партий в условиях посткоммунистического транзита. Анализируется опыт стран Восточной Европы и Российской Федерации.

Ключевые слова: посткоммунистический транзит, социал-демократия, Восточная Европа, Россия.

S.A. Lantsov

doctor of political sciences, professor,
Saint-Petersburg state university, St. Petersburg, Russia

**SOCIAL DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF POST-COMMUNIST
TRANSFORMATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EASTERN
EUROPEAN AND RUSSIAN EXPERIENCE**

Abstract: The article discusses the ways of forming social democratic parties in the context of post-communist transit. The experience of the countries of Eastern Europe and the Russian Federation is analyzed.

Keywords: post-communist transit, social democracy, Eastern Europe, Russia.

В начале процесса посткоммунистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы, а также в большинстве бывших республик СССР возник интерес к идеологии и политической практике социал-демократии. Этот интерес объяснялся, с одной стороны, кризисом прежде господствовавшей коммунистической идеологии, с другой стороны, сохранившейся в широких народных массах постсоциалистических стран приверженности к ценностям социальной справедливости. В такой ситуации социал-демократия, которая позиционировала свою программу как программу «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом, могла быть весьма привлекательной политической силой.

Теоретически существовало три пути формирования партий социал-демократического типа в политических системах посткоммунистических государств. Первый путь – возрождение социал-демократических партий, существовавших до момента установления коммунистических режимов. Второй путь – трансформация прежних правящих коммунистических партий в

партии социал-демократического типа. Третий путь – формирование в посткоммунистических условиях социал-демократических партий «с чистого листа». На практике были опробованы все три варианта, которые в каждой конкретной стране принесли разные результаты, обусловленные политическими, экономическими, социальными и социокультурными особенностями каждой из этих стран. Почти нигде в посткоммунистических условиях не удалось возродить прежние социал-демократические партии. И это несмотря на то, что большинство из этих партий формально существовали в эмиграции вплоть до конца 80-х гг. XX в. В 1989 г. на XVIII конгрессе Социалистического Интернационала присутствовали представители так называемых «консультативных членов СИ», под которыми понимались «партии в эмиграции» из Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Югославии, а также Латвии, Литвы и Эстонии [1, с. 20].

Буквально через несколько недель после завершения XVIII конгресса Социинтерна по Восточной Европе прокатилась волна «бархатных революций», и коммунистические режимы прекратили свое существование. Перед находившимися в эмиграции деятелями социал-демократических партий открылась возможность возвращения на родину, и большинство из них этим воспользовалось. В тот момент им, видимо, казалось, что перед ними открываются блестящие перспективы. Тем более что исторический пример возрождения уничтоженной коммунистами социал-демократии существовал. В 1956 г. в ходе антикоммунистического восстания в Венгрии социал-демократическая партия во главе с ее прежними лидерами не только смогла за несколько дней возродиться, но и стать наиболее влиятельной среди венгерских рабочих [2, с. 171-174]. Но действительность рубежа 80-90-х гг. XX в. оказалась иной, чем середины 50-х гг. «Партии в изгнании» фактически представляли собой небольшие группы эмигрантов, многие десятилетия проживших на Западе. Среди них не нашлось столь же ярких и харизматичных лидеров, какой была Анна Кетли в той же Венгрии. Вернувшись на родину социал-демократы-эмигранты обнаружили незнание местных реалий, а население, в свою очередь, не воспринимало их как «своих».

Без помощи местных активистов, заинтересовавшихся социал-демократической идеологией и практикой, попытки воссоздать прежние социал-демократические партии были обречены на провал. Там, где диалог между такими активистами и вернувшимися эмигрантами удавалось установить, в начале 1990-х гг. действительно было объявлено о возобновлении деятельности существовавших в докоммунистические времена социал-демократических партий. Так произошло, например, в бывших прибалтийских республиках СССР – Латвии, Литве, Эстонии. Однако говорить о реальном возрождении социал-демократии в этих республиках было бы ошибочным. Скорее, речь шла об использовании старых «вывесок» совершенно новыми структурами. За полвека, прошедшие с момента присоединения Прибалтики к Советскому Союзу, преемственность по отношению к досоветским политическим институтам была де-факто утрачена. За использование старых

названий зачастую разгоралась борьба среди новоявленных социал-демократов, как это было в Латвии, где еще до распада СССР конкурировали между собой две социал-демократические партии. Но, кроме них, в той же Латвии и соседней Литве в результате раскола местных компартий возникли Демократические партии труда, заявившие о переходе на идейную платформу социал-демократии [3, с. 168-201]. В конечном счете политическая целесообразность заставила объединиться большинство группировок социал-демократической ориентации в единые партии, ставшие полноправными членами Социалистического Интернационала, а после вступления прибалтийских государств в Европейский союз также и членами Партии европейских социалистов.

Объединение нескольких социал-демократических политических структур произошло и в Румынии. Наиболее сильной и влиятельной из них был Фронт национального спасения, который пришел к власти после декабрьской революции 1989 г., свергнувшей режим Н. Чаушеску. Во главе ФНС находились несколько оппозиционных Чаушеску политических деятелей и, прежде всего, бывший секретарь ЦК Румынской коммунистической партии И. Илиеску [4, с. 52]. Они симпатизировали идеям советской перестройки и как многие коммунисты-реформаторы восточноевропейских стран склонялись к переходу на сторону социал-демократии. Именно так стал позиционировать себя Фронт национального спасения, трансформировавшийся из временного органа власти в Партию социальной демократии Румынии. Но в посткоммунистической Румынии нашлись и другие претенденты на роль приверженцев социал-демократии. В 1990 г. здесь возникла партия, использовавшая название существовавшей до 1948 г. Румынской социал-демократической партии. В 2001 г. обе партии объединились, хотя о своей социал-демократической ориентации заявляют и еще несколько политических партий Румынии [5, с. 116].

Как показала практика посткоммунистической трансформации бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы наиболее успешным путем становления социал-демократии стала эволюция правивших до конца 80-х гг. XX в. коммунистических партий. Представляется, что в этом нет ничего удивительного. Ведь компартии стран «реального социализма» были массовыми, включавшими в свой состав наиболее социально активные слои населения. Внутри партий в течение второй половины 1980-х гг. шла дифференциация между сторонниками реформаторского и консервативного курса. Там, где реформаторский курс преобладал, руководство стремилось дистанцироваться от теряющей популярность коммунистической идеологии и пыталось найти альтернативу в виде идеологии социал-демократии. Не случайно по этому пути первой пошла Венгерская социалистическая рабочая партия. В Венгрии на протяжении нескольких десятилетий шли экономические реформы рыночного направления, приобретала более либеральный характер и политическая жизнь этой страны. В результате в конце 1980-х гг. посткоммунистическая трансформация Венгрии проходила более плавно, чем в других восточноевропейских странах. ВСРП, перешедшая с идеологической

платформы марксизма-ленинизма на позиции социал-демократии, 7 октября 1989 г. на XIV съезде была переименована в Венгерскую социалистическую партию. Впоследствии ВСП стала членом Социалистического Интернационала и занимала важное место в политической системе посткоммунистической Венгрии.

Несколько иной вариант трансформации коммунистической партии в социал-демократическую был реализован в Польше. Там в январе 1990 г. состоялся последний съезд Польской объединенной рабочей партии, на котором данная партия была самораспущена. После этого часть делегатов съезда на учредительном конгрессе приняла решение о создании партии Социал-демократии Республики Польши. В дальнейшем СДРП в ходе объединения с другими политическими силами и реорганизации превратилась в Союз демократических левых сил, идейной платформой которого остается социал-демократия.

Трансформировались в социал-демократические партии компартии некоторых восточноевропейских стран, где в отличие от Венгрии и Польши, никаких реформаторских тенденций до конца 1980-х гг. не наблюдалось. Так, Болгарская коммунистическая партия была преобразована в Болгарскую социалистическую партию. Даже в сохранившей до самого конца коммунистической эпохи сталинские порядки Албании Албанская партия труда трансформировалась в социалистическую партию на идейной платформе социал-демократии. В большинстве республик бывшей Югославии на основе республиканских Союзов коммунистов в начале 1990-х гг. возникли партии социал-демократического типа. Несколько иной была ситуация в Сербии, где после формального объединения Союза коммунистов и массовой общественно-политической организации, носившей название Социалистического союза трудового народа Югославии была создана Социалистическая партия Сербии. Эта партия пыталась выработать особую, отличную как от коммунистической, так и от социал-демократической, идейно-политическую платформу. После отстранения от власти С.Милошевича Социалистическая партия Сербии стала эволюционировать в сторону западноевропейской социал-демократии, претендуя на полноправное членство в Социалистическом Интернационале.

По-разному проходил процесс становления социал-демократии в двух частях в ранее единой Чехословакии – Чешской и Словацкой республиках. В последний период существования единого Чехословацкого государства после «бархатной революции» и до распада ЧСФР была предпринята попытка возрождения прежней социал-демократической партии. Весной 1990 г. прошел XXIV съезд партии Чехословацкой социальной демократии, на котором было объявлено о возобновлении деятельности этой партии. Таким образом, создатели данной структуры, используя прежнее название, пытались доказать свою преемственность по отношению к существовавшей до 1948 г. социал-демократической партии. Однако чехословацкие социал-демократы, находившиеся в эмиграции, им в этом праве отказали [3, с. 105]. Тем не менее ЧССД существовала и действовала как в Чехии, так и в Словакии вплоть до

1992 г. С распадом Чехословакии развитие социал-демократического движения в чешских и словацких землях пошло разными путями. В Словакии возникла конкуренция между политическими силами социал-демократической направленности. Наряду с Социал-демократической партией Словакии на место социал-демократии в политическом пространстве претендовала и Партия левых демократов, сформированная на базе бывшей коммунистической партии Словакии. В дальнейшем эта партия стала одной из ведущих в стране, повторяя тот путь эволюции, который прошли многие бывшие компартии Восточной Европы. Партия прошла ряд преобразований, и с 1999 г. действует под названием «Курс – социальная демократия».

Чехия же оказалась единственной страной Центральной и Восточной Европы, где компартия не пошла по пути преобразования в социал-демократическую. Коммунистическая партия Чехии и Моравии прочно удерживает за собой левый фланг чешской политики, не претендуя на ее социал-демократическую нишу. Эту нишу заняла Чешская социал-демократическая партия, созданная в 1993 г. на базе чешских организаций ЧССД. Практическая деятельность ЧСДП в 1990-е гг. дала основание отечественным исследователям сделать вывод о том, что «эта партия наиболее соответствует стандартам западной социал-демократии; она по нашему определению аутентичная партия, в отличие от социал-демократических партий, выросших из рядов реформировавшихся коммунистов, а также тех партий, которые присваивают себе название социал-демократических из политических, конъюнктурных соображений» [6, с. 187]. Чешские социал-демократы и в дальнейшем стремились последовательно проводить левоцентристский курс, оппонировав праволиберальным политическим силам. Многолетний лидер чешских социал-демократов М. Земан не раз возглавлял правительство республики, а сегодня, занимая пост президента Чехии, известен своей разумной и взвешенной позицией как по внутривнутриполитическим, так и по международным вопросам.

Восточноевропейская социал-демократия в целом оказалась востребованной в середине 90-х гг. XX в. Рыночные реформы, проводившиеся на основе неолиберальных экономических рецептов, во всех посткоммунистических странах привели к тяжелым социальным последствиям, вызвали недовольство среди широких масс населения. На волне этого недовольства, сопряженного с определенной ностальгией по временам «реального социализма», к власти во многих странах Центральной и Восточной Европы вернулись бывшие коммунисты, выступавшие теперь как социал-демократы. Партии социал-демократического типа на протяжении длительного времени возглавляли правительства Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехии, Словакии, многих бывших республик Югославии. Однако далеко не всем из них удалось найти собственный, отличный от неолиберального подход к решению социальных и экономических проблем посткоммунистического транзита. Более того, на практике социал-демократы продолжали неолиберальный курс, часто вразрез со своими собственными предвыборными

лозунгами и обещаниями. За это нередко приходилось расплачиваться потерей доверия со стороны избирателей. Автор исследования о политической жизни современной Польши констатирует, что «польские социал-демократы оказавшись у власти в 2001 году, проявили себя скорее как либералы, следуя при этом логике развития экономики, но изменяя своим идейным постулатам..., значительная часть поляков, попробовав "на вкус" левых у власти, отказывает последним в левой идентичности, в их праве считать себя таковыми» [7, с. 63]. С середины нулевых годов влияние польской «левицы» стало неуклонно снижаться, а основными политическими силами Польши становились проевропейские либералы, с одной стороны, и правые националисты-евроскептики, с другой стороны.

Утратили прежнее политическое влияние социал-демократы в Венгрии и ряде других восточноевропейских стран. Нередко снижению популярности социал-демократов способствовали не только ошибки в формировании и осуществлении экономической и политической стратегии, но и коррупционные скандалы, как, например, история с социал-демократическим премьер-министром Румынии В.Понта в 2015 г. [8, с. 43].

На наш взгляд, снижение популярности социал-демократической идеологии и политики в ряде стран Центральной и Восточной Европы связано также с системным кризисом, переживаемым сегодня международной социал-демократией в целом. На протяжении тридцати лет социал-демократы пытаются адаптировать свою идейно-политическую доктрину к реалиям быстро меняющегося мира, но достичь этого им пока не удается [9]. На этом фоне снижается влияние таких ведущих партий Социалистического Интернационала как Лейбористская партия Великобритании и Социал-демократическая партия Германии. Но если на вызовы современного общественного развития не могут дать ответ западноевропейские социал-демократы, то социал-демократы Центральной и Восточной Европы сталкиваются с более сложными проблемами приспособления экономической и политической программы социал-демократического движения к условиям посткоммунистического развития.

Характеризуя российскую действительность начала XXI в. автор данной статьи еще двадцать лет назад отмечал: «Адаптировать же социал-демократические идеи к российским условиям, очевидно, на порядок труднее, чем в Восточной Европе» [10, с. 160]. Прошедшие десятилетия, представляется, полностью подтвердили такой тезис. Между тем в последние годы существования СССР, а затем в постсоветский период в Российской Федерации предпринимались неоднократные попытки создания партий социал-демократического типа. Поскольку коммунистический режим в России существовал гораздо дольше, чем в Центральной и Восточной Европе, вариант с воссозданием прежней социал-демократической партии (в российской политической истории таковой можно считать партию меньшевиков) оказался невозможным. Зато два других пути становления социал-демократии – эволюция компартии и создание новой социал-демократической партии – были

апробированы. В КПСС, как и в восточноевропейских компартиях, в годы перестройки проявилась тенденция к сближению и восприятию социал-демократической идеологии. Однако подобная эволюция для партии в целом, по ряду причин, оказалась невозможной. Но были реализованы менее масштабные проекты: создание на основе Демократической платформы в КПСС Республиканской партии, а также формирование Демократической партии коммунистов России, переименованной позже в Народную партию свободной России. Однако ни один из этих проектов не стал жизнеспособным и сформированные партийные структуры сошли с политической арены. Гораздо дольше в партийной системе постсоветской России существовала Социал-демократическая партия Российской Федерации, созданная в мае 1990 г. Эта партия была наиболее близкой по своим идейно-политическим установкам классической социал-демократии, но она не сумела вписаться в реалии российской политики.

Помимо СДПР существовало еще несколько проектов партийного строительства, претендовавших на социал-демократическую нишу в политическом пространстве нашей страны, но все они не были реализованы и исчезли, не оставив после себя никаких следов. Следует отметить, что процесс партийного строительства в России традиционно затруднен из-за слабости гражданского общества по сравнению с государством. Поэтому многочисленные попытки создания социал-демократической партии «снизу» оказались мало успешными, зато результативной стала инициатива «сверху», с помощью государственной власти. Речь идет о создании в 2006 г. партии «Справедливая Россия». Этой партии удалось закрепиться на протяжении последних пятнадцати лет среди других партий так называемой системной оппозиции. «Справедливая Россия» сохраняет свое представительство в Государственной Думе, законодательных органах власти субъектов федерации и органах местного самоуправления. Экономическая программа партии соответствует основным подходам европейской социал-демократии второй половины прошлого столетия. Но с базовыми ценностями современных социал-демократических партий у «Справедливой России» нет полной совместимости. Видимо поэтому партия до сих пор не получила полноправного членства в Социалистическом Интернационале. Будущее же «Справедливой России» в российской политике зависит от того, сможет ли партия ответить на вызовы наступившего десятилетия XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Современная социал-демократия: Словарь-справочник / Под общ. ред. А.А.Галкина. – М.: Политиздат, 1990. – 287 с.
5. Алексеев, В. Венгрия-56: Прорыв цепи. – М.: «Независимая газета», 1996. – 280 с.
6. Социал-демократия в Восточной Европе. Реферативный сборник / Отв. ред. Б.С.Орлов, Л.Н.Шаншиева. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 310 с.

7. К 30-летию декабрьских событий в Румынии // Международная жизнь. – 2019. – № 12.
8. Политические партии мира: энциклопедический справочник / под общ ред. Я.А.Пляйса, А.Б.Шатилова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 535 с.
9. Задорожнюк, Э. Социал-демократия Центральной Европы в конце XX в.: резервуар новых инициатив / Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Проблемно-тематический сборник. 1 - 1998 / Отв. ред. Б.С.Орлов. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 260 с.
10. Лыкошина, Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 258 с.
11. Биткова, Т.Г. Коррупция и антикоррупция в Румынии / Страны Восточной Европы: Власть, бизнес, коррупция: Сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Н. Шаншиева. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 108 с.
12. Работяжев Н. Европейская социал-демократия в поисках ответов на вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 11.
13. Ланцов, С.А. Становление гражданского общества и перспективы социал-демократии в России / Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века // Материалы к научно-общественному форуму (14-16 декабря 2000 г.) / Под ред. В.Г.Марахова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 287 с.

Е.П. Мармилова

к.и.н., доцент, независимый исследователь, г. Астрахань, Россия

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ «КОНСЕРВАТИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА» В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

Аннотация: В статье автор рассматривает конфликт «консерватизма-либерализма» при формировании российской многопартийности в начале 1990-х годов. Автор приходит к выводу, что сторонники «старого порядка» и его противники» стали соперничать между собой, в том числе и при их участии в выборах.

Ключевые слова: многопартийность, российская государственность, партийная система, партия.

E.P. Marmilova

PhD in historical sciences, associate professor, independent researcher,
Astrakhan, Russia

ON THE CONFLICT OF «CONSERVATISM AND LIBERALISM» AT THE BEGINNING OF THE 1990s

Abstract: In the article, the author considers the conflict of «conservatism-liberalism» in the formation of the Russian multi-party system in the early 1990s. The author comes to the conclusion that the supporters of the «old order» and his opponents began to compete with each other, including with their participation in the elections.

Keywords: multi-party system, Russian statehood, party system, party.

По мнению В. Гельмана опыт периода перестройки, распада СССР и турбулентных «лихих» 1990-х до сих пор служит важнейшей «точкой отсчета» для восприятия как текущих проблем и тенденций, так и рецептов дальнейших перемен (или отсутствия таковых) [1, с. 11]. На наш взгляд, в конце 80-х - начале 90-х гг. в России произошли масштабные исторические события. Они, действительно, стали новой «точкой отсчета» для построения российской государственности. Именно тогда началось становление института многопартийности.

«В России на выборах все еще соперничают две незримые партии, расколовшие общество: сторонников «старого порядка» и его противников». (А.М. Салмин). Под «двумя незримыми партиями» А.М. Салмин подразумевал противоречие двух направлений политического развития России после 1991 года. Первое - либерально-демократическое (либерально-модернизаторское) и второе – коммунистическое (патриархальных-традиционистов), так

называемый конфликт «консерватизма-либерализма». В рамках этой биполярной модели политических партий А.М. Салмин и его соавторы характеризовали партийную систему России, как тяготеющую к двухпартийной, или «квазидвухпартийную», несмотря на успех отдельных партий (партии «ЛДПР» и партии «Яблоко»). Данная модель имеет свои недостатки, так как сводит все возможные альтернативы партийного развития к вопросу противодействия «добра» и «зла» («реформаторов» и «антиреформаторов») [2].

В своей монографии Ю.Г. Коргунюк [3, с. 222-224] говорит о том, что «консерваторами, убеждёнными в необходимости порядка и восстановления государственности, сделались едва ли не все поголовно. Либералы - в надежде, что сильная власть будет эффективнее проводить рыночные реформы, коммунисты - в рамках общего стремления вернуть «утраченные ценности социализма», а именно государственный контроль над общественной жизнью. Значительная часть либералов делала ставку на сильную президентскую власть, коммунисты же выступали за подконтрольность правительства парламенту, то есть более последовательно отстаивали принцип народного суверенитета». В экономической сфере либералы выступали за поощрение конкуренции; коммунисты, напротив, за восстановление государственной монополии».

В своей работе В.И. Тимошенко, Д.Н. Салыков говорят о том, что «за период 1988- 1991 годов российские политические партии, движения, группировки возникали и действовали в массе своей как протестная оппозиционная сила в отношении КПСС и всей модели социализма, что «непоступательная многопартийность оказалась благодатной почвой для продолжения ожесточенной политической борьбы, в ходе которой в период с 1995 по 1999 годы обозначились две важнейшие силы: КПРФ и Президент РФ. Накал борьбы усиливался ошибками Президента: смена глав Правительств РФ, формирование олигархического капитализма, поражение в первой чеченской войне. Все это дало повод оппозиции поставить вопрос об импичменте первого Президента РФ в 1998 году» [4, с. 185].

Исторически партии появлялись именно как носители определенных идеологий, отстаивая консервативные, либеральные, религиозные, социалистические, националистические и иные ценности. Россия в этом смысле не являлась исключением. В конце 1989 начале 1990 годов были созданы Демократическая партия (ноябрь 1989 года), Крестьянская партия России (сентябрь 1990), Партия свободного труда (декабрь 1990) и ряд других оппозиционных по отношению к КПРФ политических партий, например ЛДПР. Все эти партии объединяло противостояние официально правящей КПСС и стремление создать в России общество, основанное на отечественных и западных либеральных и демократических традициях, то есть общество с развитой системой частного предпринимательства, многопартийной политической системой, социальной базой [5, с. 71].

Неоинституциональный подход является наиболее новым подходом при анализе формирования партийной системы в начале 1990-х годов. Этот подход

учитывает, как формальные, так и неформальные нормы функционирования политических институтов. Его автором является Д. Норт. Он утверждал, что источником институциональных изменений в политической сфере выступают изменения в системе ценностей и мировосприятия индивидов, которые протекают очень медленно по сравнению с формальными изменениями. Институциональное прошлое общества, независимо от характера формальных изменений, оказывает значительное влияние на все значимые сферы общественного развития, в том числе и политическую. Заимствование «чужих стратегий» оказывается неэффективным. Они воспринимаются обществом, как инородное тело [6].

Период стремительного взлета либерализма пришелся на 1989-1991 гг., когда он представлял собой не слишком внятную, но весьма влиятельную идеологию антикоммунизма. Отличительной особенностью российского либерализма 1990-х годов стали «революционность», требование решительного разрыва с прошлым. Слова и действия людей, считавшихся либералами, играли решающую роль при создании образа либерализма в России, поскольку в то время ни у масс, ни у лидеров мнений не было внятных представлений об отличных от марксизма-ленинизма «измах» [7, с. 7].

Но есть и другая точка зрения на доставшееся нам наследство от коммунизма.

По мнению Шаровой А. «в будущем нам придется решать проблемы в интересах своей страны и своих людей, без оглядки на западные или чьи-то еще ценности, традиции чьей-то демократии и права какого-то, не нашего человека, помочь нам будет некому, кроме наших детей» [8].

Такая высокая оценка консерватизму дается и в других научных работах. В частности, Гуторов В.А. говорит о том, что у традиционного консерватизма существовал большой потенциал, накопленный в советский период. Кроме того, консерватизм является продуктом высокоцивилизованного общества [9, с. 110]. В другой своей работе Гуторов В.А., говорит о том, что возникнуть либерализму на месте уже устоявшейся традиционной советской системе было достаточно сложно в 1991 году. В связи с этим «идеал гражданской свободы оказался реализованным в новом государственном аппарате и новой бюрократии». Либерализм был больше идеализированной идеей, чем реальностью. Результатом всех реформ 1990-х годов стало закономерное восстановление структурных элементов, близко напоминающих недавнее прошлое [10, с.171-172]. Преобразования носили нормативный характер. За изменением формальных норм не стояло изменения политической культуры [11].

К другим точкам зрения относительно вопроса возникновения конфликта между консерватизмом и либерализмом в начале 1990-х гг. можно отнести следующие: 1) интеллектуальная мода на консерватизм, возникшая в России в начале 1990-х гг. была востребована властным дискурсом в начале XXI века [12, с. 95-110]; 2) периоды кризиса в обществе, как правило, сопровождаются поиском эффективных методов их преодоления, во многих

случаях это проявляется в виде выбора между традиционными и либеральными ценностями [13, с. 212].

К результатам противостояния консерватизма и либерализма в 1990-е годы можно отнести следующие: 1) был пройден рубеж, после которого возврат к авторитаризму советского типа невозможен; 2) в 1996 году в процессе президентских выборов были допущены манипуляции, которые способствовали падению доверия к этому демократическому институту, и выбор элит был сделан в пользу организации «управляемых выборов» [14, с. 93].

Оба эти течения обладают несомненными достижениями. Либерализм неразрывно связан с идеей демократии, свободы и прав человека. Консерватизм выступает в качестве успешного оппонента либерализму, но опирается на архаику, устарелые традиции, поддерживает тех, кто уклоняется от западного пути политического развития [15, с. 22].

Таким образом, «нельзя доводить до абсурда любую перспективную идею, будь то либерализм или консерватизм. На собственном опыте мы убедились, что претворение в жизнь политики реформ под либеральными лозунгами вовсе не означает неременного повышения уровня жизни большей части населения. Невольно напрашивается вывод о том, что контрреформы, которыми нас когда-то пугали, далеко не всегда имеют деструктивный характер [16, с. 93]. Решение может быть выражено как компромисс между традиционным и новым. Подразумевалось, что Конституция 1993 года станет основой для формирования новой российской демократии, которая будет способна соединить в единую концепцию развитие традиционных ценностей с новым вариантом консервативно-либеральной модели политической модернизации. На наш взгляд, когда произошел распад СССР, то невозможно было сразу перестроить всю партийную систему. Люди еще думали по старому, не было еще поколения людей, которые бы думали в рамках рыночной экономики. Нужно было строить не только многопартийность, но и другие государственные институты. Автоматически само собой произошла ситуация, когда сторонники «старого порядка» и его противники» стали соперничать между собой, в том числе и при их участии в выборах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гельман, В. «Либералы» versus «демократы»: идейные траектории постсоветской трансформации в России / Владимир Гельман: Препринт. М-72/19. - СПб. : Издательство Европейского университета в СанктПетербурге, 2019. – С. 11.

2. Разумов, И. Многопартийность в России на рубеже XX-XXI столетий. Взгляд социолога 2018 [Электронный ресурс] / Разумов И. – Режим доступа:

<https://books.google.ee/books?id=LzJMDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> Дата обращения: 16.03.2020.

3. Коргунюк, Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. - М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – С. 223-224.
4. Тимошенко, В.И., Салыков Д.Н. Становление партий и партийной системы в современной России // PolitBook. – 2017. – № 3. – С. 185.
5. Лебедев, В.И. Идеологический фактор в партийном строительстве РФ в 1992-2003 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – № 21-2. – С. 71.
6. Норд, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики [Электронный ресурс] / Норд Д. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/430064/> Дата обращения: 20.02.2020.
7. Малинова, О.Ю. Конструирование либерализма в постсоветской России. Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х // Российская политика. – 2017. – № 1 (4). – С. 7.
8. Шарова, А. Кто убил коммунизм в России? Кто от этого умер? Когда коммунизм оживёт? 7 ноября 2019 [Электронный ресурс] / Шарова А. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2771268.html> Дата обращения: 20.02.2020.
9. Гуторов В. О некоторых актуальных аспектах интерпретации либеральной традиции в России// ЁSP. – 2019. – № 4. – С. 110.
10. Гуторов К вопросу о политических трансформациях современного консерватизма// Политэкс. – 2014. – Т. 10. – № 1. – С. 171-172.
11. Романова Е.А. Проблемы трансформации политического либерализма в ходе демократических преобразований в России. / Е.А. Романова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Орел, 2016. 201 с.
12. Козлова Н.Н. Российский консерватизм в контексте развития отечественной политической мысли// Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2013. – Выпуск 3. – С. 95-110.
13. Рахматуллин Р. Ю. Современная Россия между традиционализмом и либерализмом. Modern philisophic paradigms interrelation of traditions and innovative approaches materials of the international scientific conference on September 17–18, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – С. 212.
14. Репников А.В. Тернистые пути консерватизма в России// Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 93.
15. Спирова Э. М. Консерватизм VS либерализм// Век глобализации. – 2016. – № 4. – С. 22.
16. Репников А.В. Тернистые пути консерватизма в России// Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 93.

УДК 321.64

Ю.В. Попова

к.и.н., доцент, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОЦЕДУРА ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ
ПОПРАВК К КОНСТИТУЦИИ РФ 1993 г.: НАПРАВЛЕНИЕ
РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Аннотация: В статье анализируется содержание и процедура разработки и принятия поправок в Конституцию РФ, предложенных как Президентом, так и общественностью. Делается вывод об отступлении от требований действующего законодательства относительно изменений Конституции и о легитимации практики создания процессуальных норм в угоду политическим интересам, активном использовании манипулятивных приемов для продвижения поправок. Политическая система лишается своей институциональной опоры, консервируется, ослабляется.

Ключевые слова: Конституция РФ, изменения Конституции, популизм, суперпрезидентская республика.

J.V. Popova

PhD in historical sciences, associate professor,
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

**CONTENT, PROCEDURE FOR DRAFTING AND ADOPTING
AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN
FEDERATION: DIRECTION OF REGIME CHANGES**

Abstract: The article analyzes the content and procedure for developing and adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation proposed by both the President and the public. It is concluded that there is a deviation from the requirements of the current legislation regarding changes to the Constitution and the legitimization of the practice of creating procedural rules in favor of political interests, and the active use of manipulative techniques to promote amendments. The political system is losing its institutional support, is being unaltered, and is being weakened.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution, populism, super-presidential Republic.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию, оглашенное 15 января 2020 г., без сомнения стало очередной рубежной чертой в современной российской истории, ясно указав на начинающуюся режимную трансформацию. Российская власть, особенно В. Путин, неоднократно ясно

указывали на важность для политической стабильности и преемственности сохранять Конституцию, не менять ее, подчеркивалась важность для политического будущего России неизменность конституционного документа. Поэтому осуществленные в президентство Д. Медведева изменения ряда статей Конституции были восприняты как знаковые события, и анонсированные ещё в декабре 2019 г. на пресс-конференции Президента возможные изменения в основном закон, а потом и прямо заявленные в январе 2020 г., заставляют задуматься о направленности этих изменений, их природе и сущности. Особенный оттенок этому придает скорость планируемых к принятию изменений: не вполне соотносимы такая публично заявленная трепетность в отношении к основному закону, с одной стороны, и такая быстрота подготовки и принятия поправок – три месяца, - с другой. Потому с неизбежностью возникает и другой вопрос: почему так быстро? Объяснение этому, вероятнее всего, кроется в электоральном календаре: в следующем, 2021 г., должны пройти парламентские выборы, а в 2024 г. – президентские. Иницируя изменения, президент, конечно, хочет быть уверен в их положительном (с позиции собственных планов) исходе; а потому, если и начинать изменения, то сейчас, до событий, которые могут поменять конфигурацию, расстановку сил в политической системе России. Здесь нужно учесть ряд обстоятельств: во-первых, на протяжении последних нескольких лет, а особенно в течении последнего года, общество, хотя и на локальном уровне, но давало ясно понять, что оно устало от сложившейся системы, оно хочет перемен [См.: 1, 2, 3, 4], даже в Послании Президент указал, что «сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены» [5]; во-вторых, федеральные и региональные выборы и выборы на муниципальном уровне последние годы свидетельствуют о том, что партия системной и гарантированной поддержки власти «Единая Россия» и выдвинутые ей кандидаты все с большим трудом обеспечивает себе успех на выборах [6]; в-третьих, 2024 г. по действующей Конституции является последним годом пребывания у власти В. Путина в должности президента, а вся предшествующая его политическая история ясно указывает на то, что себя вне власти он не видит. Совокупность этих обстоятельств и обусловила прежде всего, на наш взгляд, инициированные изменения в Конституцию, должны быть проведенными в короткий срок.

Как можно оценить планируемый результат задуманного транзита? Об этом, конечно, можно судить на основании формы и содержания заявленных изменений. В целом сам Президент, обосновывая необходимость внесения изменений в Конституцию, указал, что эти изменения обусловлены объективно: решены проблемы, стоявшие перед страной в 1990-е гг., «созрели» те политические силы и институты, которые предлагается активнее вовлечь в формирование институтов власти, общество стало «более зрелым и требовательным» [5]. Т.е. тем самым утверждается мысль, что это не волюнтаристские изменения, а вызванные насущной необходимостью перемены, а Президент выступает в роли субъекта, воплощающего объективную необходимость. Никаких личных целей! Хотя, судя по данным

социологического опроса, население все-таки считает, что тот, кто озвучил и инициировал изменения, сам непосредственно в них заинтересован: 47% россиян полагают, что президентские поправки в Конституцию вносятся в интересах самого Владимира Путина [7].

Сама структура текста Послания Президента Федеральному Собранию, где впервые были обозначены и перечислены изменения, указывает на использование приемов манипуляции: за актуальнейшими для населения страны, животрепещущими вопросами и инициативами социально-экономического характера «спрятаны» предложения политического характера. Показательно, что из общего объема текста Послания только порядка 27% посвящено политическим инициативам. В развернувшейся после оглашения Послания публичном обсуждении его содержания, формулировании дополнительных предложений по изменениям в Конституцию, ключевое внимание тоже уделяется социально-экономическим, культурно-историческим, патриотическим вопросам и темам. Так, «Российская газета» обращает внимание на такие темы, как качество жизни граждан, «национализацию» политической элиты, правовой суверенитет государства. В рейтинговой передаче «Вести недели» тоже при информировании о изменениях внимание акцентируется на социальных вопросах, исторической правде, поправках как инструменте поддержать и улучшить качество жизни граждан, неоднократно подчеркивается нежелание Президента продлевать срок президентских полномочий. Рабочая группа, созданная для подготовки предложений по внесению поправок в Конституцию и состоящая из 75 человек [8], аккумулирует предложения, поступающие от разных общественных групп и инициативных граждан. Показательно, что сама эта группа отнюдь не составлена из профессиональных юристов-конституционалистов, а является собранием представителей разных общественных сегментов, социальных, профессиональных групп, представителей общественных объединений и институтов власти. В данном случае этот состав подчеркивает первостепенное намерение власти продемонстрировать стремление учесть мнения и интересы разных социальных групп, нежели обеспечить профессионализм при подготовке поправок. Особенно показательна возможность адресовать предложения для Рабочей группы через социальные сети. Помимо этого, представители Рабочей группы выезжают в регионы и собирают предложения на месте. Сам формат организации работы по сбору и формулировке вносимых в Конституцию изменений носит подчеркнуто популистский характер, превращая голосование за изменения в референдум о доверии власти и Президенту, в частности.

В предлагаемых поправках публичное озвучивание получают социальные, идеологические, ценностные инициативы, подчеркивающие суверенность страны, ее великое историческое прошлое, верность традиционным устоям, заботу власти о благосостоянии граждан. Все это, конечно, свидетельствует о намеренном сосредоточении внимания общества на тех вопросах, которые позволят консолидировать общество вокруг власти,

обеспечить поддержку инициатив по внесению изменений в Основной закон. Подобные стремления оказались вполне успешны: «Две трети россиян (67%) считают самыми важными из президентских поправок в Конституцию гарантии регулярной индексации пенсий и лишь 6% – создание Госсовета. [...] В первую тройку по важности также вошли запрет иностранного гражданства для чиновников (51%) и гарантии МРОТа не ниже прожиточного минимума (50%). Меньше всего наряду с Госсоветом респондентов волнует перераспределение полномочий президента в пользу парламента при назначении премьера и министров (11%)» [9].

Отдельно следует остановиться на способе и сроках принятия поправок. Непосредственно после обнародования президентского Послания уже были высказаны критические замечания не только по содержательной стороне предлагаемых изменений, но и по процедуре их принятия [10, 11]. Действующий Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (ФЗ №33 от 04.03.1998 (ред. от 08.03.2015)) предполагает принятие изменений в главы 3-8 Конституции посредством специального закона, поддержанного 2/3 депутатов Государственной Думы, 3/4 депутатов Совета Федерации и 2/3 региональных законодательных собраний. Принятие же новой Конституции требует проведение референдума по инициативе Конституционного Собрания (ст.135 Конституции РФ). При этом есть специальный ФЗ о референдуме, где прописана процедура его организации и проведения. В настоящее же время голосование за предлагаемые изменения будет проводиться, как указала глава ЦИК Э. Памфилова, по подготовленному ЦИК нормативному акту «Порядок подготовки и проведения голосования» [12]. Т.е. это новая форма, ранее не предусмотренная, для внесения изменений в Основной закон. И, как предполагают некоторые эксперты, очерчиваемый пока формат организации и проведения голосования чреват возможностью появления многих нарушений [13], что, конечно же, не добавит легитимности обновляемой Конституции. Голосовать за предлагаемые поправки возможно будет только целиком, а не по отдельным предлагаемым поправкам. Это существенно сокращает возможности граждан повлиять на содержание поправок, а саму процедуру голосования превращает в плебисцит по вопросу о доверии власти, которая инициирует, разрабатывает и формирует итоговый пакет поправок. Где же активная роль народа, который в действующей Конституции обозначен как источник власти?

Сроки принятия поправок заметно демонстрируют желание президентской стороны очень быстро реализовать задуманное. На 10 марта запланировано уже рассмотрение пакета поправок во втором чтении в Государственной Думе (первое состоялось 23 января). Сам В. Путин 4 февраля заявил о том, что работа над поправками в Конституцию не должна затягиваться на долгий срок и выразил пожелание, чтобы весь комплекс работ по принятию поправок был завершен к концу мая 2020 г. [14]. Но конституционный документ – базовый для любого государства, в рамках этих соображений скорость вряд ли является необходимым условием. Высокая

скорость проводимых конституционных преобразований скорее свидетельствует о стремлении инициатора – заинтересованное лицо – обеспечить для себя более выгодный результат. Поэтому конституционный документ оказывается заложником персональных интересов властвующего, что не согласуется с демократическим порядком. Выступив с инициативой внесения в Конституцию изменений сразу после окончания «зимних каникул», Президент, вероятно, рассчитывал на эффект неожиданности, который и наблюдался сразу в первые дни после его выступления с Посланием, и это обеспечивало ему политическое преимущество. Пока представители общественности думали, как воспринять инициативы Послания, процесс работы над поправками в Конституцию был уже запущен. Предложенные поправки оказались столь разнородными, что быстро и солидарно отреагировать на них не получилось у представителей системной и несистемной оппозиции. Не сформулировано целостной позиции по процедуре и содержанию предлагаемых поправок, открытые протесты носят локальный характер (это или одиночные пикеты или это согласованные акции, но по другой основной тематике, или акции не разрешаются местными властями) [15; 16; 17].

Каково содержание предлагаемых поправок, внесенных Президентом на второе чтение в Государственную Думу? Эти поправки существенно меняют политическую систему и содержат в себе ряд моментов, не только потенциально чреватых конфликтами в гетерогенном российском обществе, но и изменяющих систему существовавшего в Конституции до сих пор политического порядка.

Во-первых, конфликтогенными поправками являются следующие: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [18], при том, что в неизменяемой первой главе Конституции российская Федерация утверждается как светское государство. Это не только противоречия внутри единого конституционного текста, но и неясность в отношении и различных конфессий, действующих на территории нашего государства, и в отношении неверующих: они получают лишенными своих исторических основ гражданственности. Помимо этого, утверждение государственного статуса русского языка как языка государствообразующего народа, который, при этом, входит в «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [18] противоречив. Или равноправный союз разных народов, входящих в государство, или один из народов является государствообразующим (сам термин уже подразумевает иерархию, неравенство), а все остальные неравны ему. И реакция на такую инициативу уже последовала от ряда представителей народов, входящих в состав российского государства: совет Всемирного форума татарской молодежи направил письмо к депутатам Госдумы с призывом отклонить эту поправку как противоречащую принципам

демократического федеративного государства, а Всетатарский общественный центр обратился к Президенту РФ, указав, что такая формулировка нарушает права «25 миллионов «негосударствообразующих» граждан РФ» [19]. И, конечно же, сформулированное в поправке положение, что «дети являются важнейшим достоянием Российской Федерации» [18] создает юридическую неопределенность относительно прав и ответственности родителей в отношении своих детей: дети оказываются прежде всего государственным, а не семейным достоянием.

Во-вторых, поправки выступают как инструменты консервации общества, предлагая ему не перспективные цели и идеалы, а ретроспективные, сознательно ограничивая общество в возможности при необходимости принимать новые практики, ставя препятствия на пути научного изучения своего прошлого, фактически замаскированно вводя единые идеологические или оценочные принципы как единственно допустимые. Так, на наш взгляд, существенно ограничивается возможность исторических исследований следующим положением: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [18]. Получается, что если в результате работы с архивными материалами откроется информация, которая не только в героическое в защитниках отечества открывает, то ее следует не делать публичной, утаить (например, известная дискуссия о подвиге 28 панфиловцев между В. Мединским и С. Мироненко иллюстрирует это). К тому же, само понятие «умаление значения подвига» допускает широкие толкования. Так же, несмотря на движение современного мира к равноправию, идеалы толерантности, во внесенных президентом поправках семью предложено понимать исключительно как союз мужчины и женщины. В рамках современного общества подобная норма не только ограничивает права гражданина, но и позволяет государству вторгаться в сферу, которая не должна быть объектом государственного регулирования: частную жизнь.

В-третьих, значительно усиливается президентская власть, получая новые властные возможности. В предложенных президентом 2 марта поправках в отношении Правительства и председателя правительства употребляются термины «обеспечивает», «осуществляет меры», что характеризует этот институт власти не как инициатора проведения определенной внутренней политики, а как выполняющего волю вышестоящего института, президентского. Если учесть поправки, внесенные ранее и уже рекомендованные думским комитетом к принятию, то они предлагают пересмотреть конституционные полномочия президента и председателя правительства: «глава государства «осуществляет общее руководство», а председатель правительства «несет персональную ответственность перед президентом за осуществление возложенных на правительство задач». [20]. Это превращает президента в фактического главу исполнительной власти, что меняет систему разделения властей. Система разделения властей уязвима и из-за сохраненной возможности президента распускать Государственную Думу:

«Если Госдума трижды отклонила кандидатуру премьера, президент будет вправе (но не обязан) распустить ее и назначить новые выборы. Еще одно основание для роспуска президентом Думы — если она трехкратно не утвердит более трети состава кабинета [20]. Предлагается так же наделить всех бывших президентов неприкосновенностью, а процедуру снятия этой неприкосновенности сделать такой же сложной, как и процедуру импичмента президенту, что в нынешней политической системе сделает президента фактически неподсудным. Политические ресурсы президента расширяются и в возможности назначения руководителей силовых ведомств, прокуроров регионов по итогам консультаций с Советом Федераций. По представлению Президента Совета Федерации может отрешать от должностей судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Подобные полномочия Президента серьезно деформируют систему разделения властей, умаляя независимость судебной и представительной властей, отдавая в исключительное распоряжение Президента силовые структуры. Завершающим аккордом в этой симфонии доминирующей президентской власти стала поддержанная инициатива депутатов Государственной Думы в ходе второго чтения 10 марта об «обнулении» президентских сроков для В. Путина. Это значит, что после принятия поправок в Конституцию РФ в ходе всенародного голосования на следующих президентских выборах он сможет вновь выставить свою кандидатуру.

С принятием подобных поправок российская политическая система превратится в систему суперпрезидентской республики, ориентированной на консервацию, лишенную саморегуляции и внутренних механизмов самоограничения и контроля, без адекватной обратной связи властных структур и общества. Пусть даже и предложено ограничить пребывание на президентском посту положением «не более двух сроков», но это ограничение существенно ослабляется запущенным сейчас процессом внесения поправок в Основной закон, который не предусмотрен в самой Конституции. И инициировано это Президентом. Фактически легитимация произвольного подхода к соблюдению норм закона. Что помешает в будущем при необходимости снова запустить подобный процесс и начать отсчет президентских сроков заново? Политическая система без прочных институтов лишена перспектив развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг протестной активности регионов России, февраль 2019 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2588639.html> Дата обращения: 25.01.2020
2. «Заметный март»: рейтинг протестной активности регионов РФ, март 2019 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/2609425.html> ата обращения: 25.01.2020

3. Волков, Д., Колесников, А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый запрос на изменения? – М.: Московский центр Карнеги. – Дек. 2017 г.
4. Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы – 2019. Аналитический доклад. Серия «Либеральная миссия — Экспертиза». Вып. 7 /под ред. К. Рогова — Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2019. — 110 с.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ Дата обращения: 25.01.2020
6. Стресс-тест на пол-России технологии электорального доминирования и их ограничения. Анализ региональных выборов 2018 г. М., 2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://liberal.ru/files/articles/7275/Libmissiya_vibory_2018.pdf Дата обращения: 25.01.2020
7. Почти половина россиян уверены, что конституция меняется ради сохранения Путина у власти [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/01/31/pochti-polovina-rossiyan-uvereny-chto-konstitutsiya-menyaetsya-radi-sohraneniya-putina-u-vlasti/> Дата обращения: 27.02.2020
8. Распоряжение Президента РФ «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62589> Дата обращения: 7.03.2020
9. Россияне одобряют поправки в Конституцию, но не понимают смысл Госсовета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/02/11/rossiyane-odobryayut-popravki-v-konstitutsiyu-no-ne-ponimayut-smysl-gossoveta/> Дата обращения: 27.02.2020
10. Поправки Путина к Конституции не связаны между собой, считают юристы. Закон это запрещает [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-51271247> Дата обращения: 27.02.2020
11. Лукьянова, Е. Изменение конституционного строя: к чему приведет предложенная президентом правка основного закона [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/391711-izmenenie-konstitucionnogo-stroya-k-chemu-privedet-predlozhennaya-prezidentom> Дата обращения: 27.02.2020
12. Голосование по поправкам в Конституцию: что предусматривает порядок [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.golosinfo.org/articles/144093?fbclid=IwAR20wybA6AkLJKA9pWuH8zgAPv1l3ReXOkb_Ln2vevzGBh17U-4EujczPlc Дата обращения: 7.03.2020
13. Мельконьянц, Г.: Шокирующие детали про общероссийское голосование [Электронный ресурс] / Мельконьянц Г.— Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/191154> Дата обращения: 7.03.2020

14. Путин отмерил срок для принятия поправок в Конституцию [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2849063.html> Дата обращения: 7.03.2020

15. Конституцию соблюдать, под Путина не менять! Протесты в городах России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/pragmatic/konstituciiu-sobliudat-pod-putina-ne-meniat-protesty-v-gorodah-rossii-5e2ac0b15d6c4b00af6b8a7b?utm_source=serp Дата обращения: 5.03.2020

16. Либертарианцы отказались от акции в защиту Конституции из-за потенциальной малочисленности мероприятия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4227268> Дата обращения: 5.03.2020

17. Новосибирская полиция задержала протестовавших против «путинских поправок» в Конституцию [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tauga.info/152548> Дата обращения: 5.03.2020

18. Полный текст президентских конституционных поправок [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/ekaterina_schulmann/2598326-echo/ Дата обращения: 7.03.2020

19. Государствообразующий народ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4283282> Дата обращения: 5.03.2020

20. Путин внес поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины. Как выглядит проект Конституции после финальных предложений главы государства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> Дата обращения: 5.03.2020

С.Е. Руженцев

к.и.наук, доцент, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

А.В. Смирнов

к.полит.н., доцент, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются истоки, причины и особенности постсоветского транзита, а также гибридного состояния современного российского социума и его политической системы. По мнению авторов, существующее многообразие социальных конфликтов в России обусловлены переплетением различных тенденций развития общества и множества разнородных противоречий. Как подчеркивают авторы, конфликтность российского общества серьезно усугубляется затянувшейся неопределенностью с выбором стратегии развития и незавершенностью процессов реформирования страны.

Ключевые слова: власть, гибридность, конфликт, противоречия, российское общество, транзит.

S.E. Ruzhentsev

PhD in historical sciences, associate professor, Voronezh State Medical Academy named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

A.V. Smirnov

PhD in political sciences, associate professor, Voronezh State Medical Academy named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

CONTRADICTIONS OF THE POST-SOVIET TRANSIT IN RUSSIA

Abstract: The article examines the origins, causes and features of post-Soviet transit, as well as the hybrid state of the modern Russian society and its political system. According to the authors, variety of social conflicts in Russia is caused by the intertwining of various trends in the development of the society and a variety of heterogeneous contradictions. As the authors emphasize, the conflict in Russian society is seriously aggravated by the prolonged uncertainty with the choice of development strategy and incomplete reform processes in the country.

Keywords: power, hybridity, conflict, contradictions, Russian society, transit.

К исходу 1990-х годов уже практически всем стало окончательно очевидно, что надежды на посткоммунистический транзит и быструю демократизацию России в западном духе оказались тщетными.

Декларированной цели – устойчивого демократического устройства страны – достичь никак не удастся. Более того, нет никаких сколь-нибудь заметных признаков приближения к этой столь желаемой цели. На практике мы обрели причудливое сочетание давних и весьма устойчивых авторитарно-патерналистских традиций, с одной стороны, и олигархизированных рыночных отношений на фоне совершенно недостаточно укоренившихся демократических процедур. Поэтому будет вполне обоснованным вслед за Л.Ф. Шевцовой квалифицировать российский политический режим как гибридный [1].

В нашем понимании гибридность российского социального и политического устройства означает устойчивое сохранение и стабильное воспроизведение переходного характера постсоветского российского общества и государства. Государство и вся политическая система России несут на себе явственный отпечаток советской традиции: стремление государственной машины административно контролировать различные стороны общественной жизни, выступать в роли главного распределителя средств и ресурсов, играть роль основной социальной организующей и направляющей силы, номенклатурный принцип подбора руководящих кадров и т.п. Однако одновременно появились и распространились либерально-рыночные и демократические начала, в том числе конкурентные (хотя бы формально) выборы как способ формирования государственной власти, политический плюрализм, разделение властей, конституционализм. Особенности российской демократии вызывают глубокий интерес, в особенности противоречивое сочетание на протяжении 90-х гг. рыночных и авторитарных устремлений элитных групп [См. подробнее: 2, р. 49 - 66].

Сразу же следует оговориться, что разнообразные транзитологические теории, разработанные еще в 1950 – 1970-е годы в основном на базе концептуального осмысления процессов перехода от авторитаризма к демократии преимущественно в странах Латинской Америки, и затем получивших «второе дыхание» в связи с первым этапом трансформации в странах Центральной и Восточной Европы [3; 4], применительно к территории бывшего СССР, практически себя не оправдали. Эти теории так и не смогли дать достоверно обоснованное и обладающее достаточной прогностической силой объяснение реальным политическим и экономическим процессам, происходящим в данном политико-географическом регионе мира.

Теории транзита слабо учитывали специфику социально-экономического, политического и культурного устройства постсоветских государств, редуцировали их реальное развитие до примитивной и однозначной линейной схемы. Откровенно признаемся, что увлечение теориями транзита в политической науке в 1990-е годы существенно ограничило наш инструментарий понимания противоречивых и неоднозначных процессов на постсоветском пространстве. Поэтому уже в 2000-е годы в зарубежной и отечественной политической науке постепенно стали отказываться от транзитологических концепций для объяснения сложных и противоречивых процессов на постсоветском пространстве [5; 6].

В нашем исследовании мы активно используем концепт «транзита», но не в смысле телеологической предопределенности развития нашей страны, а как условное обозначение самого нелинейного и противоречивого процесса трансформации постсоветского российского общества, где имеется начальная точка – распад СССР и советской модели государственного социализма, однако дальнейшее развитие вариативно и не запрограммировано.

Современное российское государство, прошедшее непростой путь становления, сегодня уже может быть подвергнуто научному анализу и концептуальному осмыслению имеющихся социальных проблем и тенденций развития. Попытка такого анализа и выступает целью данной статьи.

Сразу оговоримся, формирование постсоветской системы государственного управления ни в коем случае не следует рассматривать как линейный, совершенно однозначный и непротиворечивый процесс, свободный от резких поворотов и конфликтов. С самого начала своего становления политическая система РФ сталкивается с целым рядом разнообразных противоречий, обусловленных переходом к иным социальным отношениям и морально-идеологическим ценностям.

Во-первых, противоречиво происходит сам процесс перехода от директивно-плановой к рыночной экономике, от индустриальной экономики к сырьевой, что закономерно привело к кардинальному изменению социальной структуры российского общества и способов представительства социальных интересов в институтах государственной власти [6].

Во-вторых, прежняя модель взаимодействия власти и собственности испытывает значительные и даже порой драматичные трансформации. Существовавшее ранее взаимопереплетение и даже сращивание власти и собственности постепенно уступает место их автономизации. Этот сложный и неоднозначный процесс достаточно подробно рассмотрен К. Миллером преимущественно сквозь призму определения правил отношений между властью и олигархатом [7]. Однако этот процесс протекает весьма непоследовательно и противоречиво. И надо отчетливо понимать, что подобные процессы в любых условиях в принципе не могут протекать безболезненно и бесконфликтно.

В-третьих, все более заметна тенденция к изменению национально-территориального устройства российского государства: унитарное по существу советское государство постепенно, не без сложностей, попятных движений и перекосов трансформируется в федеративное. Существенное ослабление в 1990-е годы административного и политического контроля привело к тому, что загнанные ранее вглубь межнациональные и межрегиональные противоречия вышли на поверхность политической жизни. Формирование и укрепление корпоративных территориальных и этно-территориальных объединений существенно повысило конфликтность на постсоветском пространстве [8].

В-четвертых, экстенсивный тип экономики в сочетании с государственно-социалистическими формами хозяйствования заложили устойчивую ретрансляцию традиционалистских ценностей, патерналистских

ожиданий и коллективистских ориентаций. На этой социокультурной почве с большим трудом утверждаются западные либеральные ценности. При этом заметна тенденция к имитации либерально-демократических подходов, к их формализации при значительной смысловой редукции. Поэтому сегодня скорее можно говорить о принятии демократии в российском обществе лишь на уровне символов и процедур, поскольку ее специфическое проявление на российской почве оказывается слабо коррелируемым с развитыми западными вариантами [См.: 9, с. 31-32].

В-пятых, постоянно воспроизводится и ретранслируется далее этатистская ориентация механизмов регулирования постсоветских социальных и политических противоречий и конфликтов. Недостаточная сформированность и зрелость полноценного гражданского общества в России стабильно воспроизводит тенденцию доминирующего государственного вмешательства, которое, в свою очередь, тормозит реализацию гражданской инициативности и самостоятельности. Иначе говоря, слабость и аморфность гражданского общества как автономного и самостоятельного субъекта стимулирует и ретранслирует авторитарные потенции власти [8].

Все эти разнообразные постсоветские и посткоммунистические противоречия, сложившиеся в 1990-е годы, продолжают развиваться в последующие десятилетия. В условиях затянувшейся переходной ситуации с обостряющимися противоречиями перманентно пролонгируются различные взаимно переплетенные социальные конфликты. Среди них ключевыми, на наш взгляд, выступают следующие конфликты.

Фундаментальное значение принадлежит конфликтам отношений собственности. Приватизация и последующие переделы собственности в постсоветской России вызвали и стабильно продолжают вызывать многочисленные и разнообразные столкновения социальных интересов. С одной стороны, наблюдаются бесчисленные столкновения «старых» и «новых» собственников, директората и менеджмента. С другой стороны, при анализе происходящих социальных процессов нельзя не учитывать коренную противоположность интересов частных собственников и наемных работников, трудовых коллективов. При этом заметно также существенное несовпадение позиций товаропроизводителей и банковско-финансовых групп. Взаимодействие всех этих разнородных и сложно взаимосвязанных конфликтогенных процессов в условиях затянувшейся посткоммунистической трансформации общества и незавершенных структурных реформ обуславливает широкое распространение разнообразных конфликтов отношений собственности, начиная с процесса приватизации и заканчивая эффективностью предприятий [10].

Все существующие социальные противоречия имманентно порождают идейно-ценностные конфликты. Форсировано введенная ориентация на рынок и демократию в современной России порождает на всем протяжении постсоветских времен острое столкновение ценностей традиционно российских, советских и новых постсоветских – рыночных и демократических,

преимущественно в их либеральной форме. Длительное сосуществование столь разнородных ценностных ориентаций обуславливает неустойчивость, амбивалентность и внутреннюю противоречивость общественного сознания россиян. Именно это столкновение препятствует формированию общественного согласия и достижению каких-либо общенациональных идейно-нравственных ориентиров [11].

Многие социальные конфликты в постсоветской России проходят латентно, а на поверхности политической жизни наиболее явственно выступают институциональные конфликты. Они имеют, как нам представляется, два основных взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, растущее многообразие социальных интересов до сих пор не имеет адекватных механизмов их представительства в институтах постсоветской власти. В результате усилия политических партий и действия органов государственной власти откровенно недостаточно и со значительным отставанием отражают реальные общественные запросы и потребности, а потому в сущности слабо легитимизированы. С другой стороны, конституционно зафиксированный принцип разделения властей не дополнен реально действующим механизмом их конструктивного взаимодействия и совместной ответственности перед обществом. Такой политический порядок имманентно несет в себе разнообразные противоречия между ветвями и уровнями власти, ярко выраженную склонность к бюрократическому произволу [12].

Весьма значимую роль в постсоветской России играли конфликты национально-территориального устройства. Как представляется, на практике эти конфликты охватывают два взаимосвязанных типа: а) административный – между центральной и региональной властями; б) этнополитический – между различными этническими группами и объединениями. И все эти конфликты разворачиваются на фоне бесконечных внутриэлитных столкновений. Государство пыталось урегулировать возникающие противоречия на основе договорных отношений, что привело к фактическому складыванию асимметричной федерации [13].

Разрешение и регулирование социальных конфликтов в постсоветском обществе серьезно затрудняется целым рядом разнообразных обстоятельств, среди которых особо следует выделить следующие.

Продолжающиеся переделы собственности, внутриэлитные распри, происходящее «волнами» давление государства на бизнес – все это препятствует стабилизации и институционализации рыночных отношений в постсоветской России, выступая существенным фактором, подпитывающим конфликтность российского общества.

А ведь и элиты, и большая часть населения России объективно были искренне заинтересованы в стабилизации всей социально-экономической и политической системы, которая после распада Советского Союза оказалась в ситуации, опасно чреватой кровавыми конфликтами, гражданской войной, полным распадом государственности, потерей для многих людей средств к существованию и самой жизни. К тому же повышенная важность социальной

адаптации была обусловлена тем, что большая часть населения страны абсолютно не была готова к новым условиям жизни в либерально-рыночной среде.

Как свидетельствует мировой опыт, утверждение и закрепление устойчивой и эффективной рыночной системы, постепенная адаптация населения к новым социально-экономическим, политическим и культурным условиям посткоммунистического транзита может быть обеспечено только сильным государством и отлаженной политической системой. Поэтому стержнем и смыслом всех действий политической администрации в 2000-е годы явилось консолидация государственности и усиление властной вертикали.

Многочисленные реорганизации российского парламента и партийной системы, унификация права и федеративных отношений, усиление роли силовых органов государства – все эти меры заметно повысили управляемость постсоветской политической системы, восстановили в новых условиях властную вертикаль. Однако все явственнее стали обнаруживаться окостенение госаппарата, его откровенная неспособность к гибкому и инициативному реагированию на периодически обостряющиеся социальные и политические проблемы. К тому же отчетливо заметно стремление правящих групп монополизировать власть и собственность, используя демократические процедуры для формирования и закрепления этой монополии.

Данная тенденция становилась все более опасной в условиях постепенной, но неуклонной редукции социальных обязательств российского государства. Ведь очевидно, что стержнем правительственной линии в социальной сфере является ее постепенная либерализация, правда при сохранении за государством контрольно-надзорных функций и административно-финансовых рычагов влияния. Государство стремится ввести основные социальные институты (жилищно-коммунальное хозяйство, пенсионная система, здравоохранение, образование и др.) в общее русло рыночных отношений, предоставляя гражданам возможность постепенной адаптации к новым условиям жизни.

Однако на деле вся либерализация социальной сферы сводилась лишь к перманентному повышению цен на все услуги и виды социальной деятельности. Пенсионная реформа 2018 года воочию обнажила перед общественным мнением России антисоциальную направленность правительственной внутренней политики. В результате возникает и постепенно обостряется новое социальное противоречие: реально платный характер всех социальных услуг при сохранении в Конституции страны декларации об их доступности и бесплатности для всех граждан РФ.

Произошедший в период посткоммунистического транзита разворот от индустриальной экономики к сырьевой, соответствующие структурные реформы, большей частью незавершенные, свертывание системы социальной поддержки жителей страны неизбежно ведут к массовой маргинализации населения, что значительно усиливает и без того значительный конфликтный потенциал российского общества. Этому же способствует

утрата ясной и понятной перспективы развития в условиях острой социальной поляризации и сложившегося характера капиталистической структуры отношений собственности.

Социальные противоречия по большей части носят объективный характер, ибо обусловлены такими объективными факторами, как сложившаяся структура социально-экономических и политических отношений, «вызовы» и тренды глобальных процессов, особенности демографической ситуации и социальной структуры общества, уровень технологического развития и характер политического управления, расстановка политических сил и социокультурные нормы и традиции общества.

Поскольку конфликты как социальное явление в принципе неустранимы, то следует научиться их цивилизованно регулировать. Однако такая деятельность должна быть органично увязана с интересами большинства общества и стратегией всестороннего социального и государственного развития России. Но эффективное согласование социальных интересов должно опираться на беспристрастный анализ и концептуальное осмысление социальной действительности, суммирующие и обобщающие данные и наработки социологов, политологов, историков, психологов, экономистов, философов. Лишь поняв и приняв прошлое, возможно идти вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевцова, Л.Ф. Режим Бориса Ельцина / Л.Ф. Шевцова; Моск. центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 1999. – 535 с.
2. Steen, Anton. Political Elites and the New Russia: The Power Basis of Yeltsin's and Putin's Regimes / A. Steen. – L.: Routledge, 2004. – 224 p.
3. Вайнштейн, Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 139 – 148.
4. Капустин, Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) / Б.Г. Капустин // Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 6 – 26.
5. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / Редкол.: Ю.С. Пивоваров (гл. ред.) и др. – 2003. – № 2. – С. 42 – 65.
6. Права собственности, приватизация и национализация в России / Под общ. ред. В.Л. Тамбовцева. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2009. – 504 с.
7. Miller, Chris. Putinomics: Power and Money in Resurgent Russia / C. Miller. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2018. – 217 p., p. 22 – 37
8. Титаренко, В.А. О развитии федерализма и реалиях социально-политического процесса в субъекте Российской Федерации / В.А. Титаренко // Социально-гуманитарные знания. – 2003. № 4. – С. 32 – 44.

9. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Европа, 2010. – 318 с.
10. Шульгина, Л.В. Особенности трансформации собственности в России / Л.В. Шульгина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. – 2006. – № 2. – С. 152 – 157.
11. Ачкасов, В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество / В.А. Ачкасов // Политические исследования. – 2005. № 3. – С. 21 – 26.
12. Пантин, В.И. Волны и циклы модернизации как феномен социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации / В.И. Пантин. – М.: Наука, 2004. – 245 с. // [Электронный ресурс]. URL: http://nashaucheba.ru/v44737/пантин_в._волны_и_циклы_социального_развития_цивилизационная_динамика_и_процессы_модернизации и Дата обращения 26.02.2020
13. Смирнягин, Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки / Л.В. Смирнягин. – М.: МОНФ, 1998. – 72 с.
14. Nelson, L.D. Radical reform in Yeltsin's Russia: political, economic, and social dimensions / L.D. Nelson, I.Y Kuzes. – Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc., 1995. – 272 p.

УДК 323.233

С. Л. Чепель

к. и. н., доцент, РГГУ, г. Москва, Россия

**ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ
КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Аннотация: В статье рассматривается динамика явки избирателей на парламентские выборы в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: электоральная активность, демократический транзит, консолидация демократии, посткоммунистические «новые демократии», ценности самовыражения.

S.L. Chepel

PhD in historical sciences, associate professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

**ELECTORAL ACTIVITY AND THE PROBLEMS OF
CONSOLIDATION OF DEMOCRATIC REGIMES IN POST-COMMUNIST
COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE**

Abstract: The article deals with the voter turnout at parliamentary elections in post-communist countries of Central and Eastern Europe.

Keywords: electoral activity, the transition to democracy, the consolidation of democracy, post-communist «new democracies», values of self-expression.

Характерной чертой эволюции политических систем бывших социалистических стран в начале XXI века стал заметный спад темпов демократической консолидации. По данным проекта «Nations in Transit», осуществляемого Freedom House с целью изучения политических процессов в посткоммунистических государствах Европы и постсоветских государствах Евразии, в 2017 г. впервые с 1995 г. в этой группе стран число консолидированных авторитарных режимов превысило число консолидированных демократий.[1]. В 2018 г. в 19 из 29 посткоммунистических и постсоветских стран было отмечено снижение показателя качества демократии по всем категориям оценки, таким как: демократичность системы правления на национальном и местном уровне, избирательный процесс, гражданское общество, независимость СМИ, независимость судебной системы, коррупция.[2]. Замедление процесса консолидации посткоммунистических «новых демократий» говорит о

сохранении ограниченного общественного спроса на политическую свободу. Однако остается открытым вопрос о том может ли усиление авторитарной ностальгии в условиях ухудшения социально-экономической ситуации привести к отказу в доверии самой демократии.

При демократическом правлении главным показателем отношения граждан к политической системе является характер электорального поведения, который демонстрирует уровень общественного доверия государственным и негосударственным политическим институтам. В этом плане исследование особенностей электоральной активности избирателей посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы в период 2001-2018 гг. позволяет отчасти выявить причины замедления процесса демократической консолидации. В качестве исследуемых кейсов в данной работе выступают: Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия. Принципом отбора кейсов является стратегия «наибольшего сходства», ограничивающая поле исследования государствами, близкими с точки зрения исторического, экономического, социального, политического и культурного развития. Действительно, в период существования социалистического содружества страны ЦВЕ отличались от республик СССР более дифференцированной социальной структурой, более высоким уровнем жизни, в ряде случаев более гибкой экономической системой, некоторые из них обладали опытом демократического политического устройства в период, предшествовавший возникновению тоталитарных режимов. В силу совокупного действия отмеченных факторов, демократический транзит в государствах ЦВЕ отличался заметной ролью политической оппозиции, которая либо оттесняла партийную номенклатуру от власти путем «реформы снизу», опираясь на массовую поддержку населения, либо, при ограниченной социальной поддержке, включалась в правящий блок через заключение «пакта» с умеренными политическими силами прежнего режима. В странах же постсоветского пространства трансформация тоталитарной системы осуществлялась преимущественно в виде навязанного перехода, который инициировался и реализовывался ориентированными на реформы группами высших партийных функционеров, но без участия политической оппозиции. Тем не менее, в каждой из исследуемых стран ЦВЕ процесс демократического транзита имел свою специфику. Методологической основой исследования является сравнительный подход, применяемый с целью определения особенностей электорального поведения как в посткоммунистических, так и поставторитарных, «новых демократиях», а также для выявления различий в динамике электоральной активности в посткоммунистических странах, отобранных для изучения.

Как известно, политические режимы социалистических стран практиковали регулярные парламентские выборы, используя их как средство политической мобилизации масс, идейного воспитания граждан и легитимации власти господствующей партии. После распада тоталитарных режимов и проведения учредительных демократических выборов электоральная

активность в посткоммунистических странах ЦВЕ в первой половине 1990-х гг. сохранялась на достаточно высоком уровне, в большинстве случаев – сопоставимом с уровнем «старых демократий». По данным Межпарламентского союза, явка на парламентских выборах в первой половине 1990-х гг. составляла в Болгарии 83,8%, в Венгрии – 68,9%, в Польше – 52,1%, в Румынии – 76,2%, в Словакии – 75,4%, в Чехии – 76,4%. В этот же период доля граждан, принявших участие в голосовании в ходе парламентских выборов, составила в Великобритании 77,0%, в ФРГ – 78,9%, в Швеции – 86,8% [3]. Главной причиной высокой электоральной активности в начальной фазе демократического транзита стала массовая политическая мобилизация, вызванная ростом позитивных ожиданий после длительного периода однопартийного правления. Переход к демократии ассоциировался у граждан посткоммунистических государств, прежде всего, с ростом благосостояния и расширением индивидуальных прав и свобод. Однако довольно скоро выраженной тенденцией политического эволюции «новых демократий» Центральной и Восточной Европы стало снижение явки на парламентские выборы. Расчеты показывают, что с начала 1990-х гг. по начало 2000-х гг. электоральная активность упала в Болгарии на 16,8%, в Польше – на 5,9%, в Румынии на 11,2%, в Словакии – на 5,4%, в Чехии – на 18,4% и только в Венгрии немного выросла на 2,1%, [3,6]. В последующий период 2001-2018 гг., как следует из *табл.1*, сокращение участия в голосовании было особенно резким в Румынии и Болгарии, значительным в Словакии. В Венгрии и Чехии явка на парламентские выборы практически не изменилась, а в Польше немного повысилась.

Табл. 1. Явка на парламентских выборах в период 2001-2018 гг.
(в % от числа имеющих право голоса)

Страна/Период	2001-2003гг.	2004-2006гг.	2007-2010гг.	2011-2014гг.	2015-2018гг.
Болгария	67,3	55,7	60,9	50,5	54,0
Венгрия	70,5	67,5	64,3	60,5	69,6
Польша	46,2	40,4	53,8	48,9	50,9
Румыния	65,0	58,4	39,2	41,7	39,4
Словакия	69,9	54,6	58,6	59,1	59,8
Чехия	58,0	64,4	62,5	59,4	60,7
Аргентина	75,0	70,9	72,2	76,3	76,8
Бразилия	69,0	74,0	81,3	80,7	79,8
Эквадор	64,0	63,5	75,7	80,8	81,7
Великобритания	59,3	61,4	65,4	66,1	68,8
ФРГ	79,0	77,6	70,7	71,5	76,1
Швеция	80,1	81,9	84,6	85,8	87,1

Источник: IFES Election Guide www.electionguide.org/; IPU PARLINE database on national parliaments www.archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp

Общее снижение электоральной активности в посткоммунистических

странах стало проявлением глубокого разочарования населения в социальных результатах экономической политики, проводимой правящими элитами. За переход от плановой экономики к рыночной посткоммунистическим обществам пришлось заплатить высокую социальную цену в виде резкого снижения реальных доходов населения, значительного увеличения доли бедных, нарастающей имущественной дифференциации. Все это воспринималось преобладающим в обществе эгалитарным сознанием как несправедливость, разрушающая основы социальной солидарности. Как отмечает И.С. Яжборовская, описывая социально-психологическую ситуацию в странах ЦВЕ, «если в течение 90-х гг. большинство трудящихся ожидали от рынка благодеяний, то в начале XXI века мифологемы этого ряда остались в прошлом» [4, с. 216]. Застойный характер приобрела безработица в результате закрытия убыточных производств, оптимизации численности занятых на приватизированных предприятиях, сокращения служащих в государственных учреждениях. По данным Всемирного Банка, в 2001г. уровень безработицы достигал в Болгарии –19,9%, Венгрии – 5,6%. Польше –18,3%, Румынии – 6,5%, Словакии –19,3%, в Чехии –7,9%. [5]. Следствием безработицы всегда становится социальное отчуждение как резкое сокращение возможности у граждан систематически включаться в общественную жизнь. В политическом измерении социальное отчуждение означает отсутствие у людей материальных, информационных, психологических ресурсов, необходимых для активного участия в политическом процессе. Казалось бы, несбывшиеся ожидания должны были подтолкнуть «проигрывающие» социальные группы к активным политическим действиям протестного характера. Однако, в атмосфере «инфляции ожиданий» ощущение собственной социальной беспомощности и убежденность в том, что политические элиты игнорируют их интересы, привело к росту пассивности и потере веры граждан в то, что участие в голосовании на выборах может изменить их положение к лучшему. В последующий период доля незанятой рабочей силы заметно сократилась. В 2015 г. уровень безработицы составлял в Болгарии 9,1%, в Венгрии – 6,8%.в Польше – 7,5%, в Румынии – 6,8%, в Словакии – 11,4%, в Чехии –5,0%. [5]. Однако это улучшение социально-экономической ситуации не привело к существенному росту явки на выборы. Отмечая влияние экономического фактора на электоральное поведение необходимо напомнить, что острые социальные проблемы и неудовлетворенность деятельностью правящих элит испытывало большая часть населения всех стран «третьей волны» демократизации, относившихся, как известно, либо к мировой экономической полупериферии либо к периферии. Тем не менее, в отличие от посткоммунистических стран, в поставторитарных государствах не наблюдалось резкого снижения электоральной активности. С начала 1990-х гг. по начало 2000-х гг. в таких типичных поставторитарных государствах Латинской Америки как Аргентина, Бразилия, Эквадор явка на парламентские выборы сократилась с 79,7% до 75%; с 82,2% до 69%; с 73,0% и 64% соответственно [3]. В дальнейшем, в период 2001-2018 гг., как следует из *табл.*

1, явка на парламентских выборах в этих странах не снижалась, а, напротив, росла, сравнившись с уровнем зрелых демократий.

Различия в динамике электоральной активности в посткоммунистических и поставторитарных «новых демократиях» во многом были обусловлены фактором предшествовавшего социально-экономического и политического развития. После начала демократического транзита правительства посткоммунистических государств столкнулись с необходимостью одновременного осуществления перехода к рыночной экономике, к открытому обществу и к многопартийности, что стало очень тяжелым испытанием для населения бывших социалистических стран. В этом плане историческое преимущество многих поставторитарных государств заключалось в том, что приоритетной задачей их режимной трансформации являлась политическая демократизация, т. к. основы рыночной экономики и гражданского общества сформировались еще в период диктатуры. В отличие от посткоммунистических стран, поставторитарные общества, имевшие продолжительный опыт капиталистического развития, обладали большей адаптивностью к постоянным колебаниям конъюнктуры экономики свободного рынка. Так, по данным Всемирного Банка, в первой половине 2000-х гг. в латиноамериканских поставторитарных странах также имел место довольно высокий уровень безработицы. В 2001 г. он достигал в Аргентине 17,3%, в Бразилии – 9,3%, в Эквадоре – 10,7%. В последующий период доля незанятого работоспособного населения сократилась, составив в 2015 г. в Аргентине 7,1%, в Бразилии – 8,4%, в Эквадоре – 3,6% [5]. Тем не менее, как следует из *табл. 1*, на протяжении всего период 2001-2018 гг. явка на выборы оставалась стабильной и высокой. Во многом этому способствовала сложившаяся в ходе рыночного развития дифференцированная социальная структура, как основа ясного понимания гражданами своих политических запросов в качестве избирателей.

Влияние фактора экономической открытости на характер электорального поведения следует учитывать и при объяснении различий в показателях явки на парламентские выборы в посткоммунистических государствах. В тех странах, в которых еще в период социализма были предприняты шаги по реформированию экономических систем в направлении либерализации ценообразования и частичного отказа от централизованного планирования производства население, усвоив некоторые навыки существования в условиях гибкой экономической конъюнктуры, оказалось лучше подготовлено к проведению масштабной рыночной трансформации. Прежде всего, речь идет о Венгрии, где в результате реформы 1968 г. началось постепенное движение от административно-командной системы управления экономикой к системе рыночной экономической регуляции. На рубеже 70-80-х гг. XX века реформа, направленная на внедрение элементов рыночной экономики в сельском хозяйстве, промышленности и торговле была предпринята и в Польше. Думается, что показатели электоральной активности, не слишком высокие, но и без резких колебаний, наблюдавшиеся в Венгрии и

Польше на протяжении всей их посткоммунистической истории с 1991г. стали проявлением рациональных компонентов в политической культуре общества, которые возникли под влиянием опыта жизни в условиях ограниченной экономической и социальной свободы. В других же странах ЦВЕ в социалистический период существовала высоко централизованная директивная экономическая система, блокировавшая развитие предпринимательской инициативы, а значит и внедрение в массовую культуру хотя бы отдельных элементов рыночного сознания. Именно его дефицитом, прежде всего в таких странах как Болгария и Румыния, можно объяснить завышенные ожидания начального этапа посткоммунистической трансформации, вылившиеся сначала в стремительный подъем, а затем не менее резкий спад электоральной активности в атмосфере нарастающего социального разочарования. Что же касается Чехии и Словакии, то курс на построение частично открытого общества, предпринятый правительством еще в период существования единого социалистического государства, был, как известно, прерван в 1968 г. вводом войск государств-членов Варшавского договора. Рыночная экономическая реформа стартовала в Чехословакии только после распада тоталитарной системы в 1989 г., и общество оказалось недостаточно готово к адекватному восприятию рыночных экономических преобразований и их социальных последствий, что проявилось в существенном спаде явки на выборы.

Отмечая роль фактора «шока трансформации» в сокращении явки на выборы, необходимо все же признать, что по мере адаптации населения посткоммунистических стран ЦВЕ к социальным издержкам рыночной экономики, его влияние на политическое поведение последовательно сокращалось. Из этого следует, что более существенное и долговременное воздействие на динамику электоральной активности оказывал фактор ценностных ориентаций, которые, сформировавшись еще в условиях тоталитарного режима, продолжали сохраняться в политической культуре посткоммунистических обществ. Можно утверждать, что «заметные различия в характере электорального участия, как и политического участия в целом, отразили культурно обусловленное расхождение в оценках граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий» значения демократии для общества и отдельной личности» [7, с.61]. Сравнительный анализ траекторий режимных трансформаций в странах «третьей волны» демократизации позволяет сделать вывод о том, что успех в деле консолидации «новых демократий» был во многом связан со степенью распространения в общественном сознании ценностей самовыражения. Ведь устойчивая поддержка процесса демократизации возможна лишь при условии внутренней убежденности широких слоев населения в том, что демократическое политическое устройство ценно само по себе, т.к. выступает гарантом политических прав и гражданских свобод, которыми общество дорожит. Падение явки на выборы после непродолжительного периода подъема общественно-политической активности в начале демократического транзита свидетельствовало об ограниченном проникновении ценностей самовыражения

в культуру посткоммунистических обществ. Обращаясь к этой проблеме, Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали, что «разочарование первыми результатами перехода может привести к ослаблению поддержки демократии, если она не закреплена в сознании людей ценностями самовыражения» [8, с. 180]. Действительно, мобилизующая идеология господствующей партии, направленная в условиях тоталитаризма на формирование нового типа личности, подавляла любые проявления культуры самовыражения. В свою очередь экономический кризис периода рыночной трансформации резко усилил влияние на поведение граждан ценностей выживания. Следствием преобладания ценностей выживания в культуре посткоммунистических обществ явился преимущественно утилитарный характер мотивов поддержки демократических режимов, доверие которым тесно увязывалось избирателями с эффективностью правящих элит в деле повышения доходов населения. Но, как показывает история, такая функциональная легитимация властных институтов всегда неустойчива и быстро растворяется по мере экономического спада. Напротив, курс большинства авторитарных режимов на расширение экономической и социальной свободы личности, как главного фактора успеха процесса экономической модернизации, не мог не привести к некоторому закреплению в культуре общества ценностей самовыражения. Именно с этим связана преимущественно ценностная, а не утилитарная поддержка демократических режимов в поставторитарных странах, где, несмотря на социальные трудности и неудовлетворенность граждан деятельностью правительств по их преодолению, не наблюдалось резкого снижения явки на выборы. Подтверждением тому служат примеры поставторитарных латиноамериканских государств, где участие в голосовании сохранялось на достаточно высоком уровне на протяжении всего рассматриваемого периода.

Положительная корреляция между степенью распространения ценностей самовыражения в массовом сознании и уровнем политической активности населения дает возможность увидеть особенности электоральной динамики в различных посткоммунистических странах ЦВЕ. При этом следует исходить из предложенного Р. Инглхартом разделения стран Центральной и Восточной Европы на западный и восточный типы, как социокультурные категории. По его утверждению, традиции западного христианства в большей степени, чем восточного, способствовали наращиванию темпов экономического роста и повышению общественного благосостояния в этих странах в XX веке, что отразилось в степени распространения в массовом сознании ценностей самовыражения и оказало в дальнейшем влияние на характер посткоммунистического развития. Анализируя причины спада противозэлитной активности в «новых демократиях», Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают, что «в наибольшей степени он проявился в восточной группе посткоммунистических стран (Болгария, Румыния), где ценности самовыражения особенно слабы, и, напротив, три страны, относящиеся к западной посткоммунистической группе (Венгрия, Польша и Словения), демонстрируют рост противозэлитной активности, а в трех других (Чешская

Республика, Словакия и Восточная Германия) она снизилась незначительно» [8, с. 188]. Выделенные авторами тенденции противоэлитной активности в различных посткоммунистических обществах проявились и в динамике электорального участия. Можно утверждать, что значительное сокращение явки на выборы в Болгарии и Румынии отразило крайний дефицит ценностей самовыражения в культуре общества. В то же время, в Венгрии и Польше не слишком высокий, но стабильный уровень электоральной активности граждан свидетельствовал о том, что отдельные элементы ценностей самовыражения закрепились в массовой культуре. В Чехии и Словакии заметное, но не столь глубокое, как в Болгарии и Румынии, снижение явки на выборы продемонстрировало преобладание ценностей выживания над ценностями самовыражения в общественном сознании.

Таким образом, ограниченная, а в ряде случаев сокращающаяся электоральная активность граждан посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы является результатом действия как экономического, так и социокультурного факторов. Поэтому нельзя исключать того, что в условиях значительного влияния на массовое сознание ценностей выживания ухудшение социально-экономического положения широких слоев населения может привести к росту политической апатии в обществе. В этой ситуации под угрозой окажется стратегическое партнерство политических партий и избирателей, представляющее собой основу консолидированного демократического режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nations in Transit 2017. Freedom House [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017> Дата обращения 26.02.2020
2. Nations in Transit 2018: Confronting Illiberalism. Freedom House [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/.../nations-transit/nations-transit-2018> Дата обращения 26.02.2020
3. IPU PARLINE database on national parliaments [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp Дата обращения 26.02.2020
4. Яжборовская, И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. – М.: Academia; 2008. – 378с.
5. Unemployment, total (% of total labor force) – World Bank Data [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs> Дата обращения 26.02.2020
6. IFES Election Guide [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.electionguide.org Дата обращения 26.02.2020
7. Чепель, С.Л. Политическое участие и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – 7(6):61.

8. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство; 2011. – 464 с.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 328.3

Т.Б. Берг

магистрант, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

**ЖЕНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНАХ ВЛАСТИ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: Статья посвящена анализу женского представительства в национальных парламентах стран постсоветского пространства. Рассмотрено изменение законодательства после распада Советского Союза, а также динамика женского представительства в условиях модернизации политических систем.

Ключевые слова: Гендер, женщины в политике, женщины в парламенте, гендерная асимметрия.

T.B. Berg

Master's degree, department of history, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia

**WOMEN 'S REPRESENTATION IN THE LEGISLATIVE
POST-SOVIET AUTHORITIES: COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract: The article is devoted to the analysis of women's representation in the national parliaments of the countries of the post-Soviet space. The change of legislation after the collapse of the Soviet Union, as well as the dynamics of women 's representation in the context of modernization of political systems were considered.

Keywords: Gender, women in politics, women in parliament, gender asymmetry.

На сегодняшний день проблема политического участия женщин в политике является актуальной и активно изучается научным сообществом. Для большинства развитых стран устранение – и прежде всего, в политической сфере – гендерного неравенства является одним из наиболее значимых показателей демократичности существующего режима стремлением к устранению гендерного неравенства, в том числе и в политической сфере.

Истоки гендерного неравенства коренятся в древних традициях: культура практически всех цивилизаций четко разграничивала права и обязанности мужчин и женщин в обществе, формируя представление о различии полов и их неравенстве. В большинстве случаев это разделение носило патриархальный характер, а изменение данного порядка началось с появлением демократических государств, в которых провозглашалось всеобщее равенство прав и свобод, в том числе равенство мужчин и женщин.

В XX в. на смену так называемому «гендерному праву» пришло гражданское, при котором человек наделялся правами вне зависимости от пола, расы, социального положения, но говорить о завершении процесса преобразования общества в этом направлении даже в начале XXI в. еще рано: Большинство проблем, с которыми сталкиваются женщины при построении политической карьеры, связаны с консервативным восприятием общества, причем как мужской его части, так и женской. В частности, встречается отрицание способностей женщины к реальному лидерству, сомнения в её интеллектуальных способностях, позволяющих ей занимать руководящие должности, так как рациональность и объективность считаются сугубо мужскими качествами.

Преодоление стереотипов в сознании большинства людей происходит крайне медленно. Для того, чтобы процесс модернизации протекал быстрее, необходимо устранить барьеры, которые препятствуют полноценной реализации личности во всех сферах общества в зависимости от половой принадлежности, что определяет актуальность их выявления и изучения – для последующего нивелирования. Можно говорить о том, что с момента начала эмансипации женщин в конце XIX-XX в. наблюдается положительная динамика в участии женщин при разработке и принятии управленческих решений. Женщины являются не только частью электората, реализуя активное избирательное право, но и являются активными акторами политического процесса.

Проблема недостаточного влияния женщин на политический процесс исследователи связывают с низким показателем их количественного представительства во властных институтах, а также с влиянием механизмов скрытой дискриминации в большинстве стран мира. Существуют сферы государственного управления, в которых численность женщин зачастую превосходит численность мужчин (например, сфера образования, социальной защиты населения и другие). Все же в руководящих структурах федерального и регионального уровней, а также в руководстве большинства политических партий женщины намного уступают в процентном соотношении мужчинам.

Низкое представительство женщин во власти объясняется наличием гендерных стереотипов, возникающих в процессе социализации и адаптации индивидов, когда формируются идентичность и определенные ожидания, предъявляемые женщинам и мужчинам с самого детства. На протяжении всего развития общества считалось, что женщина ответственна за воспитание детей и домашний быт, в то время как «мужское» ассоциировалось со сферой

общественного. Мужчины были представлены в качестве граждан, наделенных всеми гражданскими правами. Сфера домашнего и частного, соответственно, влияет на формирование ролей, обязанности и ценности женщин. Если говорить о мужчинах, то поскольку доступ в политику для них был открыт всегда, в этой сфере доминируют маскулинные ценности такие как: рациональность, независимость, агрессивность, состязательность и другие.

В отечественной литературе выделяют ряд причин, которые ограничивают влияние женщин на политический процесс в мире. Для оптимизации женского политического участия необходим комплексный анализ механизмов его оптимизации, включающий следующие компоненты [1, с. 10]:

1) правовой – наличие специального законодательства, регламентирующее и регулирующее женщинам равные с мужчинами возможности для политического представительства и участия в разработке и принятии важных государственных решений;

2) институциональный – установление определенного порядка деятельности политических институтов;

3) культурно-образовательный – установление системы политического образования для формирования у женщин политической квалификации;

4) социокультурный – компонент, связанный с формированием благоприятной социокультурной сферы, способствующей продвижению женщин в политической карьере;

5) социально-экономический – наличие у женщин финансовых ресурсов, необходимых для осуществления ими какой-либо деятельности, в частности, и политической.

В настоящее время исследователи в качестве практической рекомендации преодоления барьеров для вхождения женщин во власть выделяют, как правило, только систему квотирования. Отмечается, что во многих западных странах – таких как Швеция, Финляндия, Нидерланды, Дания, Бельгия, Андорра, Испания и ряде других – именно введение квот для женщин при формировании управленческих структур способствовало сокращению масштабов гендерной асимметрии в органах власти. При этом отмечается, что система квотирования способствует не только увеличению количества женщин в государственных органах, но и мотивирует их к более массовому участию в политическом процессе.

Глобальная цель состоит в том, что квоты позволят, в конечном счете, приблизить процент женщин в законодательных органах к проценту женщин в общем населении (около 50%).

Существует несколько видов такого рода квот [2]:

1. Резервирование определенного количества мест для женщин непосредственно в парламенте (Таиланд, Пакистан, Кения, Косово и т. д.);

2. Кандидатские квоты, то есть определенное количество кандидатов должны быть женщинами (Аргентина, Франция, Греция, Индонезия и т. д.);

3. Квоты политических партий (в настоящее время почти не применяются, однако во многих партиях – во всех крупных партиях Австрии и

Германии, например – есть специальные женские союзы, призванные помочь политической социализации женщин).

В 1995 г. IV Всемирной конференции ООН по положению женщин была подписана Пекинская декларация и Платформа действий, призывающая правительства всех стран устранить любые препятствия к участию женщин во всех сферах публичной и частной жизни. Пекинская декларация является скорее политическим, чем международно-правовым документом. В ней обозначаются проблемные области в реальном положении женщин и намечаются самые общие политические, социальные и экономические стратегии улучшения ситуации.

Исследование представленности женщин в государственной власти стран бывшего Советского Союза позволяет предположить наличие общих тенденции развития политических институтов в связи с их модернизацией после распада СССР и возможность влияния общего прошлого на выбор механизмов, направленных на снижение гендерного дисбаланса в органах государственной власти.

После распада Советского Союза в 1991 году каждое государство бывшего СССР прошло сложный путь национального строительства и международной легитимации. За прошедший период пространство, представляющее до 1991 г. Советский Союз, стало фрагментированным. Одни бывшие союзные республики стали членами НАТО и ЕС, другие пытаются предложить альтернативу евроатлантическому проекту в виде евразийской интеграции. Можно предположить, что выбранный бывшими государствами-членами СССР вектор сотрудничества должен был заложить определенные схожие для государств постсоветского пространства тенденции демократизации и либерализации политических режимов.

Трансформация политических режимов в странах бывшего СССР оказала влияние и на изменение гендерного порядка на постсоветском пространстве. За советский период сложился достаточно противоречивый гендерный порядок. Опыт выравнивания социальных позиций мужчин и женщин в определенных аспектах был достаточно эффективным, а в других носил лишь декларативный характер. Это касалось и политической сферы: женщины получили право заниматься общественно-политической деятельностью, но верхние этажи государственного управления были для них недоступны за редким исключением.

Несмотря на наличие особенностей советской эмансипации в каждой национальной республике, можно сказать о том, что, в целом, советский гендерный порядок в главных своих чертах был единым и определялся как государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин. [3, с. 12] После распада СССР и формирования новых государств этот порядок имел шансы измениться как в сторону обеспечения реального равенства возможностей обоих полов, так и в сторону возрастания неравенства. Перед новыми государствами стоял выбор в пользу демократизации и модернизации или традиционализма.

Провозглашение идеалов демократии сопровождалось распространением дискурса прав женщин и гендерного равенства.

На начальном этапе постсоветского государственного строительства практически все страны декларировали устранение гендерного неравенства либо гарантируют равноправие женщин и мужчин, либо – по меньшей мере – провозглашали запрет на дискриминацию по половому признаку в своих конституциях. [4, с. 13-154, с. 263-463] Для мирового сообщества это являлось признаком того, что государство имеет демократическую ориентацию, что создавало дополнительные возможности не только признание со стороны «старших» демократий, но и некоторые экономические выгоды – финансовую поддержку, участие в различных международных программах, благотворительных и правозащитных фондов, что было необходимо в условиях распада старых экономических связей. Страны постсоветского пространства приступили к формированию институциональных основ гендерного равноправия: были ратифицированы основные международные акты по правам человека, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [5]. Также права женщин в этих странах были формально защищены нормами законов о труде, о семейных обязанностях, уголовным и административным законодательством. Создавались различные парламентские, министерские и межведомственные органы, советы и секретариаты, номинально ответственные за выполнение норм международного и национального законодательства в области гендерного равноправия, разработаны различные программы и стратегии по его обеспечению.

Следующим шагом на этом пути становления нового гендерного порядка стало принятие специальных законов о гендерном равноправии. Во многом такое законодательство было идеологическим и говорило, в сущности, о направленности государственной гендерной политики и о роли женщин и мужчин в создании новой государственности. В разной редакции и под разными заглавиями такие законы были приняты: в Литве – в 1999 г., Эстонии – 2002 г., Кыргызстане – 2003 г., Украине – 2005 г., Молдове – 2006 г., Азербайджане – 2006 г., Туркменистане – 2007 г., Казахстане – 2009 г., Грузии – 2010 г., Армении – 2013 г. Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ (орган, призванный развивать и координировать законодательство Содружества) в ноябре 2005 г. единодушно проголосовала за модельный закон «О равных правах и равных возможностях женщин и мужчин». Он был призван ускорить появление подобных законодательных актов в тех странах Содружества, которые не торопились с их разработкой. Однако в России, Белоруссии, Латвии и Узбекистане такие законы так и не были приняты. В Латвии это объяснялось нежеланием дублировать аналогичные нормы, прописанные в целом ряде других законов. В Узбекистане само понятие «гендер» практически не используется, а регулирование проблемы равноправия осуществляется с помощью указов Президента [4, с. 427].

Условия принятия гендерно-ориентированного законодательства были различны: страны Балтии в качестве образца было принято законодательство Европейского Союза, а в странах Центральной Азии и Закавказья гендерный порядок формировался под воздействием нарастающей волны традиционалистских настроений.

Несмотря на то, что гендерный порядок в постсоветских государствах в целом был единым, стоит отметить, что на начало анализируемого периода доля женского представительства в странах значительно различалась. Так, например, в Туркменистане и Литовской Республике женщины занимали 18% и 17,5 % соответственно – эти страны являлись лидерами по количеству женщин-депутатов на 1997 год. Самые низкие показатели на постсоветском пространстве демонстрировали Таджикистан – 2,8% и Украина – 3,8%.

В таблице представлена доля женского представительства на начало и конец анализируемого периода, а также рост доли женского представительства в процентах. Прирост рассчитан как разница между первым и последним показателем, где первый показатель берется за 100%.

Таблица 1. Динамика женского представительства в национальных парламентах стран постсоветского пространства

Государство	Доля женского представительства в парламенте в 1997 г.	Доля женского представительства в парламенте в 2019 г.	Рост женского представительства (в %)
Азербайджан	▲ 12	16,8 ▼	40
Армения	6,3 ▼	24,2 ▼	284
Беларусь	▲ 10,3	▲ 33,13 max	221
Грузия	6,9 ▼	14,8 min ▼	114
Казахстан	▲ 11,4	22,1 ▼	93
Киргизия	4,7 ▼	19,2 ▼	308
Латвия	▲ 9	▲ 31	244
Литва	17,5 max	21,3 ▼	22
Молдова	4,8 ▼	22,8 ▼	375
Россия	7,4 ▼	16,4 ▼	121
Таджикистан	2,8 min ▼	20 ▼	614
Туркменистан	▲ 18	25 ▼	38
Узбекистан	6 ▼	16,4 ▼	173
Эстония	▲ 10,9	28,7 ▼	163
Среднее значение	8,5	29,8	

Наиболее значительный рост женщин-парламентариев фиксируется в Таджикистане, изначально демонстрировавшем самые низкие показатели. Однако это не вывело Таджикистан в положение лидера в настоящем и является свидетельством широко распространенного тренда: в государствах, где изначально доля женского представительства была низкой, наблюдается более значительный прирост. И, напротив, в странах, где исходный процент женщин-депутатов был достаточно высоким, прирост является низким.

Можно говорить о том, что на всем постсоветском пространстве присутствует положительная динамика – количество женщин в высших

законодательных органах за последние два десятилетия возросло, тем не менее, причины роста могут быть различны. Можно предположить, что такая ситуация складывается из-за культурных различий представленных государств: для некоторых характерен приоритет патриархальных ценностей, который присущ не только политической элите исследуемых стран, но и обществу в целом.

Например, положительная тенденция в Армении связана с тем, что на протяжении нескольких избирательных циклов действует система квотирования женских мандатов в Национальном Собрании. С момента введения в 2003 г. квота увеличилась с 5% до 25% [5]. После реформирования законодательства (расширение квоты, переход со смешанной избирательной системы на сугубо пропорциональную), в 2017 году число женщин резко возросло до 20 на 105 мест (19%) и до 32 на 132 места после выборов 2018 года (24,2%).

Подобная ситуация наблюдается и в Казахстане, где законодательно не установлены квоты для женщин-кандидатов, но разработана программа для сокращения гендерного дисбаланса в органах власти, главное место в которой занимает закон «О государственных гарантиях равных прав и возможностей мужчин и женщин» [6]. Стоит отметить, что прямого влияния, такого, например, как введение квот политические элиты не оказывают, следовательно, положительная динамика женского представительства в парламенте Казахстана носит более естественный характер.

В Республике Беларусь самый высокий для постсоветского пространства процент женщин-парламентариев, несмотря на то, что это не самая демократичная страна, с выраженной авторитарностью и не самой значимой ролью парламента.

Проанализировав гендерный состав высших законодательных органов стран постсоветского пространства, выявив средний показатель динамики женского представительства, можно говорить о том, что темпы вовлечения женщин в политический процесс не уступают общемировым тенденциям. Происходит постепенное избавление от барьеров и патриархальных стереотипов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чирухина, Ю.В. Политическое участие женщин и механизмы реализации политического равноправия // Владивосток: Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2010. – № 3.

2. Женщины в парламенте: изменят ли гендерные квоты половое равенство в политике? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://indicator.ru/humanitarian-science/zhenshiny-v-parlamente.htm> Дата обращения: 27.02.2020.

3. Айвазова, С.Г. Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики. // Ивановский государственный университет. – 2014. – № 4.

4. Воронина, О.А. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов. – М.: Макс-Пресс, 2008. – 772 с.

5. Динамика представленности женщин в парламентах стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nauka.me/s241328880004933-0-1/>
Дата обращения: 12.03.2020.

6. Казахстан предлагает ввести квоту для женщин в парламент [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://liter.kz/mobile/ru/articles/show/13623-v_kazahstane_predlagayut_vvesti_kvoty_dlya_zhenshin_v_vysshih_eshelonah_vlasti
Дата обращения: 07.03.2020.

Н.А. Буянов

Студент, Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье рассматривается коллективный портрет членов Общественной палаты Свердловской области.

Ключевые слова: Свердловская область, Средний Урал, гражданское общество в регионах, делиберативная демократия, Общественная палата, общественно-консультативные советы, региональный политический процесс.

Buyanov N.A.

student bachelor, Ural Federal University
named after First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

GROUP PORTRAIT OF MEMBERS OF PUBLIC CHAMBER OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract: The article considers a collective portrait of the members of the Public Chamber of the Sverdlovsk region.

Keywords: Sverdlovsk Oblast, Middle Urals, civil society in the regions, deliberative democracy, Public Chamber, public advisory councils, regional political process.

В настоящее время в большинстве российских регионов существуют региональные общественные палаты. Помимо содействия развитию гражданского общества и его институтов, они призваны обеспечивать повышение качества коммуникации между институтами гражданского общества и органами региональной власти, взаимодействие местных групп граждан и локальных НКО с институтами регионального уровня управления в целях учета их потребностей и интересов при формировании и реализации государственной политики. Однако практика показывает, что в отдельные моменты острых общественных дискуссий, когда необходима площадка для согласования интересов между обществом (или ее отдельной активной группой) и правящей элитой, региональная общественная палата выполняет пассивную роль и занимает «выжидательную» позицию. Расхождение между теорией и практикой функционирования данного института требует построения некой объяснительной модели. Гипотеза нашего исследования следующая: причина того, что региональная общественная палата не всегда справляется с возложенной на нее функцией (быть местом согласования интересов различных

групп общества и властей), кроется в ее персональном составе. Иными словами, большинство членов, если не напрямую (являясь директорами или сотрудниками бюджетных институтов), то опосредованно (через получение государственного финансирования в виде грантов) зависит от органов региональной власти.

Целью исследования является создание коллективного портрета членов региональной общественной палаты. Предметом исследования стали социально-демографические и социально-профессиональные характеристики членов региональной общественной палаты. Хронологические рамки исследования ограничены 2010–2018 гг. Начальная дата обусловлена тем, что 19 февраля 2010 года был принят областной закон «Об общественной палате Свердловской области». Верхней границей является 2018 г., что связано с завершением нашего исследования. За этот период региональная общественная палата проработала четыре созыва. В работе использовался биографический метод, т.е. в основе исследования лежит анализ биографических данных членов общественной палаты. Биографические сведения включают в себя: полное имя, место и дату рождения, образование, данные о трудовой деятельности. Всего были собраны сведения о 176 членах региональной общественной палаты. Источниками биографической информации служили официальный сайт Общественной палаты Свердловской области, сайт журнала «Деловой квартал-Екатеринбург», ФедералПресс-Энциклопедия, интернет-ресурсы, публикующие биографии элитных персон (например, ru.wikipedia.org, viperson.ru).

Методологической основой исследования является концепция элит Игнасио Араны, который проводит различия между де-юре и де-факто политической элитой. Де-юре члены элиты получают свое влияние из своих юридических, формальных позиций, в то время как де-факто члены элиты осуществляют влияние, исходя из их роли в обществе. Первая категория включает такие должности, как главы государств, главы правительств, министры, заместители министров, судьи, губернаторы, депутаты, партийные лидеры, послы, советники и высокопоставленные государственные служащие. Ко второй категории можно отнести бизнесменов, лоббистов, лидеров профсоюзов, аналитиков, ученых, журналистов, лидеров общественного мнения [1]. В нашем случае члены региональной общественной палаты являются де-факто политической элитой.

Кроме того, для исследователя важна стратегия определения состава политической элиты. Урсула Хоффман-Ланге говорит о трех подходах: репутационном, решительном и позиционном. При первом исследователи обращаются к экспертам, чтобы определить членов элиты, а при втором анализируются документы и интервью, которые показывают, кто принимает решения в соответствующих сферах. Позиционный подход идентифицирует политическую элиту, исходя из формальных позиций, которые они занимают [2, с. 910-928]. В данном исследовании мы используем третий подход.

Теоретической основой выступает концепция делиберативной (совещательной) демократии. Данный термин был введен в научный оборот Джозефом Бессетом в 1980 году [3, с. 102-116]. Сторонники данной концепции утверждают, что политические решения должны быть продуктом справедливого и разумного обсуждения и дебатов среди граждан. Обсуждение является необходимым предварительным условием легитимности политических решений. Существует тезис, что, политические решения должны приниматься с помощью разума и совокупности конкурирующих аргументов и точек зрения. Другими словами, предпочтения граждан должны формироваться путем обдумывания перед принятием решения, а не из личных интересов. Есть много различных версий совещательной демократии, но все они грубо классифицируются по двум основным школам: первая идет от Джона Ролза (процедурный подход), вторая – Юргена Хабермаса. Процедурный подход акцентирует свое внимание на необходимых условиях (равная политическая свобода, гласность и демократические ценности, такие как равное уважение к согражданам, взаимность), которые должны быть выполнены для того, чтобы такая процедура работала. Наиболее значимые места для обсуждения – конституционные ассамблеи, законодательные органы, суды присяжных, общественные слушания [4]. Хабермас полагает, в отличие от Ролза, что в основе делиберативной процедуры должен лежать публичный диалог, свободный от внешних ограничений, а не формальные отчеты. С его точки зрения, все участники должны обладать возможностями для того, чтобы поставить под сомнение или высказать собственное суждение и внести предложение по обсуждаемым вопросам [5; 6].

В России система общественно-консультативных советов появилась по инициативе федеральных властей в рамках Административной реформы 2006–2010 гг. и после принятия Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Что побудило Кремль создать Общественную палату РФ? В частности, российский эксперт Николай Петров говорил о таких мотивах, как:

- необходимость инвентаризации некоммерческих неправительственных организаций и создания противовеса любым неподконтрольным властям правозащитным, экологическим и прочим организациям;
- потребность в институте, который бы курировал общественные организации и оказывал давление (дозированное, выборочное) на чиновников (федеральных и региональных).

Кроме того, вышеназванный исследователь отмечает, что ОП нужна для выражения «общественного мнения» с целью преодоления сопротивления бюрократии и проталкивания реформ, а также как средство дополнительной легитимации власти, демонстрации ее «опоры на общество». Ее можно использовать в качестве подконтрольной площадки для озвучивания непопулярных и антидемократических решений, виртуальной публичной политики [7, с. 40-59].

Необходимо отметить, что не все те представления о сущности и функциях общественной палаты, о которых говорили эксперты более 10 лет назад, сбылись. Так, например, время от времени функцию определенного общественного давления на региональных госслужащих больше выполняет Общероссийский народный фронт (ОНФ). Не оправдались ожидания относительно того, что федеральная общественная палата станет площадкой для публичной политики и для озвучивания непопулярных решений.

Американский политолог Альфред Эванс определил функции, которые Общественная палата выполняла в течение первых нескольких лет своего существования:

Интервенция. Это вмешательство от имени граждан, которые считали, что с ними обращались несправедливо, или реагирование на конкретный случай реальных или предполагаемых нарушений прав отдельного гражданина или группы лиц.

Расследование. Эта функция заключалась в расследовании деятельности государства или контроле над деятельностью исполнительных органов и должностных лиц.

Консультирование по вопросам законодательства. Речь шла о предоставлении консультации по предлагаемому законодательству, на основе экспертных оценок и интересов групп в обществе. При выполнении этой функции ОП действовала в качестве консультативного органа в институционализированных отношениях с палатами Федерального Собрания.

Служение государству. Это деятельность Общественной палаты и ее отдельных членов, которые «служат российскому государству, содействуя достижению некоторых из его избранных целей». В качестве примера он приводит широко разрекламированные усилия Общественной палаты по укреплению связей с Южной Осетией и Абхазией, которые правительство России считает независимыми от соседней Грузии государствами [8].

Еще одной потенциальной функцией, которую можно было бы упомянуть, является стимулирование развития гражданского общества. Предпосылка, лежащая в основе создания Общественной палаты, заключалась в том, что, поскольку сектор НКО в России считался достаточно слабым, государству необходимо было дать импульс для роста гражданского общества.

В первые месяцы после начала работы Общественной палаты она проявила больше самостоятельности и напористости, чем предполагали самые смелые комментаторы до ее формирования. Как новый институт, палата продемонстрировала свою силу и стала заметной для общественности, прежде всего благодаря своим усилиям по вмешательству в защиту прав и интересов российских граждан. Однако в течение нескольких лет Общественная палата РФ воздерживается от прямого вмешательства в громкие конфликты, чтобы это не привело к конфронтации с высокопоставленными чиновниками.

Общественная палата Свердловской области была сформирована в соответствии с Законом Свердловской области от 19 февраля 2010 г. №4-ОЗ «Об Общественной палате Свердловской области». Необходимо отметить, что

на Среднем Урале этот институт был создан на четыре с половиной года позже, чем на федеральном уровне. Первая региональная общественная палата возникла в Алтайском крае (ноябрь 2005 г.). Нужно сказать, что создание общественной палаты в области фактически произошло с уходом с поста свердловского губернатора, «политического тяжеловеса» Эдуарда Росселя, который позволял себе не выполнять многие рекомендации центра, считая, по-видимому, создаваемую по федеральному шаблону палату излишней структурой [9].

Итак, в гендерном отношении (см. таблицу 1) корпус членов региональной общественной палаты однороден: из 176 рассматриваемых членов Общественной палаты Среднего Урала только 40 женщин (22,7 %). Другими словами, можно говорить о сохранении гендерных стереотипов, восприятия системы как «поля» деятельности и активности мужчин.

По итогам анализа биографических данных установлено, что средний возраст членов местной общественной палаты на момент возложения на них соответствующих обязанностей составил 58,2 лет. Другими словами, можно говорить о том, что «попадают» в данный институт уже в достаточно зрелом возрасте (см. таблицу 2).

Табл. 1. Гендерное соотношение членов региональной общественной палаты

Созыв	Мужчины		Женщины	
	Количество	%	Количество	%
2010-2012	32	18	12	7
2012-2015	34	19	11	6
2015-2018	36	20	8	5
2018-2021	34	19	9	5
ИТОГО	136	77	40	23

Немаловажен и профессиональный опыт, который был накоплен членами региональной общественной палаты. В таблице 3 представлена информация об их основном месте работы.

Из таблицы видно, что четверть всех членов региональной общественной палаты составляют представители социально ориентированных НКО и 35,8 %, если мы говорим обо всех лицах, связанных с некоммерческими неправительственными организациями. Доминирование так называемых общественников можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, способом формирования Общественной палаты Свердловской области. В ее уставных документах говорится, что треть членов (14) должны быть назначены из числа представителей общественных объединений. Во-вторых, среди граждан, которые имеют особые заслуги перед регионом и пользуются признанием и уважением среди местного населения (именно этот критерий лежит в основе выбора свердловским губернатором новых членов региональной общественной палаты), есть и общественники.

На втором месте (22,15 %) находятся представители коммерческих организаций, бизнеса. Средний Урал в экономическом плане относится к так называемым старопромышленным регионам, на территории которого работают как федеральные (Евраз, Ренова, Группа ЧТПЗ), так и региональные ФПГ (УГМК, Группа Синара, Русская медная компания). Помимо основной экономической деятельности, они занимаются в Свердловской области благотворительностью, несут определенную социальную нагрузку.

На третьем месте (13,63 %) по представительности занимают выходцы из сферы науки и образования. Это объясняется необходимостью иметь в рядах членов региональной общественной палаты экспертов высокого профиля для выполнения палатой своих непосредственных функций, связанных с осуществлением мониторинга и экспертизы.

Табл. 2. Средний возраст членов региональной общественной палаты

Созыв	Средний возраст
2010-2012	60,9
2012-2015	57,9
2015-2018	57,3
2018-2021	56,5
ИТОГО	58,2

Табл. 3. Место работы или должность членов региональной общественной палаты

Члены региональной общественной палаты	2010-2012	2012-2015	2015-2018	2018-2021
Гос. или мун. служащие	1	3	0	1
Региональные или муниципальные депутаты	1	2	3	1
Музыканты / артисты	1	0	0	2
Спортсмены	0	1	1	1
Журналисты	1	0	2	0
Представители бизнеса	7	9	10	13
Представители СО НКО	10	11	11	12
Представители национальных НКО	4	4	2	3
Представители бизнес НКО	0	1	3	2
Представители Аналитических центров	1	0	1	1
Научные работники, вузовские преподаватели, учителя	9	5	6	4
Здравоохранение	3	2	3	1
Культура и искусство	4	4	1	2
Сотрудники Аппарата Общественной палаты	2	2	1	0
Сотрудники МВД	0	1	0	0
ИТОГО	44	45	44	43

При изучении коллективного портрета членов региональной общественной палаты важным моментом является рассмотрение такого показателя, как образование (см. таблицу 4). Обращает на себя внимание то, что лидирующие направления подготовки – технические специальности (29 %) и экономическое образование (9 %). В том, что среди членов общественной палаты Свердловской области преобладают люди с инженерно-техническим образованием, нет ничего удивительного. Это можно объяснить двумя моментами. Во-первых, советским наследием, когда велась массовая подготовка инженеров, поступить на технические специальности и направления подготовки было относительно легко. Второй момент – специфика экономической специализации Среднего Урала, который является старопромышленным регионом, и системой высшей школы, которая соответствует этой особенности. Надо сказать здесь, что популярность УГТУ-УПИ (ныне – УрФУ) среди всех местных вузов была и является высокой.

Что касается уровня образования, то первоначально (сразу после школы) 145 из 176 рассматриваемых лиц получили высшее образование, что составляет почти 84 %. Остальные (около 15 %) получили среднеспециальное образование (см. таблицу 5).

Если говорить о наличии ученых степеней у членов региональной общественной палаты, то более четверти ее представителей могут похвастаться своими научными достижениями (см. таблицу 6).

Табл. 4. Специальности членов региональной общественной палаты

Созыв	2010-2012	2012-2015	2015-2018	2018-2021	%
ГМУ	1	2	2	4	5
Медицинское	4	2	2	4	7
Юридическое	3	2	5	3	7
Философское	3	1	2	3	5
Военное	5	3	3	1	7
Инженерно-техническое	10	17	17	7	29
Геологическое	3	4	2	1	6
Экономическое	3	7	6	2	10
Менеджмент	1	0	1	3	3
Музыкальное	2	1	0	1	2
Историческое	1	0	0	1	1
Кулинарное	1	0	1	0	1
Педагогическое	5	0	2	5	7
Неизвестно	2	5	1	1	5
Театральное	0	1	0	0	1
Журналистика	0	0	0	2	1
Культурологическое	0	0	0	1	1
Политологическое	0	0	0	1	1
ИТОГО	44	45	44	43	100 %

Табл. 5. Образовательный уровень членов ОП Свердловской области

Созыв	Школа	Средне специальное	Высшее	Неизвестно
2010-2012	1	8	34	1
2012-2015	1	10	33	1
2015-2018	0	8	36	0
2018-2021	0	0	42	1
ИТОГО	2	26	145	3

Табл. 6. Остепененность членов ОП

Созыв	Ученая степень		%
	Доктора наук	Кандидата наук	
2010-2012	8	3	27,27
2012-2015	7	5	26,66
2015-2018	7	4	25
2018-2021	4	7	25,58
ИТОГО	26	19	25,56

Таким образом, типичный портрет члена общественной палаты Свердловской области выглядит следующим образом: мужчина зрелого возраста с высшим техническим образованием, представляющий НКО.

С нашей точки зрения, действующий порядок формирования региональной общественной палаты не позволяет ей претендовать на стопроцентную легитимность в глазах всего общества. Не приходится рассчитывать на то, что она в полном объеме сможет транслировать идеи, которые волнуют все общество, на уровень региональной власти. Этому есть два объяснения.

Первое – региональная общественная палата – это совещательный орган, в который областные власти отбирают тех людей, с которыми хотели бы обсуждать общественно значимые проблемы [10, с. 79-80]. Принимая участие в формировании этого института, субнациональные власти стремятся включить в его состав, главным образом, представителей, лояльно настроенных НКО. Наиболее представленными среди НПО являются всякого рода общества ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, а также общества инвалидов, советы ветеранов. Данные неправительственные организации наиболее лояльны властям и зависимы от них, т.к. получают всяческие льготы и гранты. Самые активные НКО либо представлены крайне слабо, либо не представлены вообще (например, правозащитные). В ситуации, когда в состав Палаты входят представители широкой общественности, например, статусные люди, которые занимают важные общественно-полезные позиции (директора школ, больниц, музеев и т.д.), повестка заседаний претерпевает серьезные изменения. Общественная палата с таким составом не склонна принимать решения, которые затрагивают острые, важные и стратегические вопросы. Это, как нам представляется, несколько снижает степень ее эффективности. Нужно повторить, что это достигнуто благодаря существующему способу формирования местной общественной палаты, который можно и нужно рассматривать сквозь призму наследия советского периода с его

представлением об общественности. С одной стороны, общественник – социально-активный гражданин, которого выдвинули на общественную работу, а с другой, это типичный представитель ряда социальных групп (от академиков до директоров колхозов, от театральных деятелей до профсоюзных активистов), для которых такая деятельность считалась общественной нагрузкой. Такая общественность, как правило, выступает с гражданскими инициативами, не противоречащими политическому курсу правительства. Подобная система представительства не способна формировать альтернативную повестку дня, отстаивать острые и спорные вопросы [11, с. 87-88]. Поэтому подобный способ формирования ограничивает возможности этого органа выступать в качестве рупора широкого спектра гражданских инициатив. Такой процесс рекрутирования членов Палаты свидетельствует о стремлении органов региональной власти включить в его состав «своих» людей, с которыми уже налажен опыт сотрудничества, что, несомненно, сужает представленность общественных интересов.

Второе объяснение – зависимость региональной общественной палаты от властных структур, в том числе от материального обеспечения ее деятельности. Организационное, техническое и информационно-аналитическое обеспечение осуществляет Аппарат – государственное казенное учреждение, учредителем и собственником которого выступает Управление делами губернатора и региональное правительство. Так, например, организацией проведения заседаний региональной общественной палаты по факту занимается ее аппарат.

Таким образом, в состав региональной общественной палаты входят лица, которые, так или иначе, зависят от власти. Состав таких структур получается менее репрезентативным с точки зрения наличия существующих в обществе интересов социальных групп. Общественные палаты, в том числе и консультативные советы при органах исполнительной власти, включают либо членов узкого спектра общественных объединений и движений, либо «заслуженных» граждан, что ставит под сомнение беспристрастность подобного рода структур и лиц, непосредственно связанных с органами власти. Это, безусловно, снижает важность их деятельности как объективных, независимых и беспристрастных органов, хотя, может быть, такой цели никто перед собой и не ставил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arana-Araya, I. The Quest for Uncontested Power: How Presidents' Personality Traits Leads to Constitutional Change in the Western Hemisphere / Arana-Araya, I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://d-scholarship.pitt.edu/26488/> Дата обращения: 20.06.2019.
2. Hoffmann-Lange, U. Methods of elite research // Oxford handbook of political behavior. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. – 928 p.

3. Bessette, J. *Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution?* – 1980.
4. Ролз, Дж. *Теория справедливости.* – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
5. Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere.* – Cambridge, MA: MIT Press, 1989. – 301 p.
6. Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy (Faktizitaet und Geltung).* – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – 631 p.
7. Петров, Н. *Общественная палата: для власти или для общества? // Pro et contra.* 2006. – Т. 10. – № 1.
8. Evans, A. *The Public Chamber and Social Conflicts in Russia / Evans, A.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=1580284> Дата обращения: 20.06.2019.
9. *Сравнительный анализ эффективности общественно-консультативных структур. Итоговый аналитический отчет [Электронный ресурс].* Режим доступа: www.oprk.permkrai.ru/download/126123.pdf Дата обращения: 20.06.2019.
10. Мухаметов, Р.С., Гайсина, А.В., Романова, И.В. *К вопросу о типологии консультативных советов при региональных органах исполнительной власти // Вестник Забайкальского государственного университета.* – 2018. – Т. 24. – № 1.
11. Мухаметов, Р.С., Кузьмина, О.В. *Проблемы развития третьего сектора Свердловской области: взгляд изнутри // Вопросы управления.* – 2018. – № 3.

УДК 323.2

А.М. Головина

студент-бакалавр, Ярославский государственный университет
им. П.Г.Демидова, г. Ярославль, Россия

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПОВЫШЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье особое внимание уделяется важности использования социальных медиа в повышении гражданской активности молодёжи.

Ключевые слова: Социальные медиа, молодежь, гражданская активность.

A.M. Golovina

student bachelor, Yaroslav State University named after P.G.Demidov,
Yaroslavl, Russia

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN INCREASING CIVIC PARTICIPATION AMONG YOUNG PEOPLE

Abstract: The article focuses on the importance of using social media to increase civic activity of young people.

Keywords: Social media, youth, civic activism.

Молодежь сегодня активно включена в городскую среду через виртуализацию повседневных практик, через включение в колоссальный информационный поток и виртуальные городские сообщества. Ценностное сознание молодого поколения, как и практически весь современный процесс социализации, протекает в социальных сетях, где они находят круг общения, «своих» и «чужих», дружат и враждуют, являя себя миру через его образное видение.

Проблемы, стоящие перед молодежью, связаны с ее положением в социальной структуре – переходным и нестабильным. Современные социальные процессы только усугубляют данные проблемы. В первую очередь, на положение молодежи влияют экономические факторы.

Чтобы выявить основные проблемы, которые стоят перед молодежью, Центр экономических и политических реформ провел среди молодых людей в возрасте от 16 и до 24. Эти результаты показывают, что потенциал активного участия молодых людей в социально-политических процессах, выявляют проблематику, способную подвигнуть российскую молодежь на решения их [1].

Что такое социальные медиа? Социальные медиа – это интернет ресурсы, позволяющие обмен информацией любого формата (текст, картинки,

музыка, видео) и формирующие у потенциального или настоящего пользователя интерес к общей платформе с контентом. Чаще всего контент внутри социальных медиа имеет объединение по тематике или хотя бы по общей специфике публикации [2].

Несмотря на то, что большое количество людей относится к социальным медиа негативно, считая их тратой времени, социальные медиа сделали важнейшую вещь с момента изобретения интернета. Они сделали невозможной антиутопическую идею захвата мира технологиями. То есть, социальные медиа направили и продолжают направлять самые новые технологии на подстраивание под человеческие интересы, психологию и взгляд. В момент общения или публикации информации не технология управляет человеком, а человек технологией [3].

В молодежной среде ярко выражено понимание своей значимости в делах общества. Стремление большинства молодых людей самостоятельно решать свои вопросы и строить жизненную перспективу отразилось на ее возросшей тяге к образованию, освоению престижных профессий. Ценность образования, во многом утерявшая свое значение для молодежи в начале 90-х годов, вновь заняла место среди приоритетных жизненных ценностей молодежи.

На стабилизацию указанных процессов направлены мероприятия государственной молодежной политики. Однако предпринимаемые пока меры не соответствуют масштабным социальным процессам, отражающим кризис нашего общества.

Кризис наиболее остро отразился на молодом поколении: численность молодежи России сокращается, общество стареет, возрастает социально-экономическая нагрузка на рабочее место в целях обеспечения жизни всех поколений; каждое новое поколение детей и молодежи менее здорово, чем предыдущее, болезни «переселились» из старости в молодость; под угрозой генофонд нации; снижается интеллектуальный потенциал молодежи, а вместе с этим инновационные возможности общества; резко обострилась проблема занятости молодежи; материально-бытовое положение, доступ к образованию ухудшаются; самосознание молодежи, ее самоидентификация, организованность, роль в общественной жизни, политике, защите своих интересов, субъектная позиция проявления значительно снизились; происходит разрушение духовных и нравственных ценностей значительной части молодежи, молодежь все более криминализируется, нарастают пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция [4].

Выбор групп в социальных сетях определяется, с одной стороны, личными интересами и склонностями человека, с другой – по гендерному и возрастному признакам, а также актуальными тенденциями развития общества.

Многочисленно было проведено исследование, в ходе которого можно сделать вывод, что самой популярной социальной сетью среди молодежи является «ВКонтакте», в которой зарегистрированы более 380 млн. пользователей. Более 80 млн. пользователей посещают сайт ежедневно. Ресурс изначально

позиционировал себя в качестве социальной сети студентов и выпускников российских вузов, позднее стал называть себя «современным, быстрым и эстетичным способом общения в Сети» [3].

Также можно сделать вывод, что благодаря социальным медиа молодежь проявляет свою гражданскую активность, так как она участвует в голосованиях по политическим вопросам, отражая своей деятельностью возможности и активность интернет-структур, готова отстаивать свои интересы, участвует в пожертвованиях. Данный факт указывает на то, что существует повседневная доступность электронной формы участия, которую используют студенты. Может быть, это требует большего мужества, чем подписание петиций на улицах, так как соотносится с указанием электронного адреса, нарушением анонимности. Собственно, это можно признать в качестве новой формы политической организации молодежи.

Таким образом, из вышеприведенных данных следует, что перед молодежью стоит много нерешенных проблем (безработица, образование, повышение пенсионного возраста и т.д.) и что большинство молодых людей принимают активное участие в политических процессах с помощью социальных медиа, что молодежь участвует в голосованиях по политическим вопросам, отражая своей деятельностью возможности и активность интернет-структур. Данный факт указывает на то, что существует повседневная доступность электронной формы участия, которую используют студенты. Может быть, это требует большего мужества, чем подписание петиций на улицах, так как соотносится с указанием электронного адреса, нарушением анонимности. Собственно, это можно признать в качестве новой формы политической организации молодежи.

Полученные данные свидетельствуют о довольно специфической гражданской активности молодежи и недостаточном качестве работы структур по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи [5]. Но, несмотря на это, на мой взгляд, социальные меди можно рассматривать как эффективный инструмент в повышении гражданской активности среди молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социальные медиа, их виды и правила работы с ними [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://semantica.in/blog/soczialnye-media-ikh-vidy-i-pravila-raboty-s-nimi.html> Дата обращения: 05.04.2020.
2. Гарт, Т. Почему люди бунтуют. – СПб, Питер, 2005. – 461 с.
3. Лисенкова, А.А., Мельникова, А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи / Лисенкова, А., Мельникова, А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-aktivnogo-vliyaniya-na-formirovanie-tsennostey-molodezhi> Дата обращения: 05.04.2020.

4. Пискунов, Д.А. О положении молодежи в РФ: тенденции и перспективы / Пискунов, Д. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/GKtJC> Дата обращения: 05.04.2020.

5. Стеценко, А.И., Квасова, А.А. Показатели и индикаторы гражданской активности молодежи / Стеценко, А., Квасова, А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22832874> Дата обращения: 05.04.2020.

И.А. Греков

Аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Россия

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются побудительные мотивы, факторы и формы политической активности молодежи и студенчества. Проанализированы результаты российских и зарубежных исследований относительно политической активности студенчества, выявлены проблемы политической социализации российской молодежи.

Ключевые слова: Российские студенты, политическая социализация, политическое участие.

I.A. Grekov

Graduate student, Voronezh State University, Voronezh, Russia

FACTORS AND PECULIARITIES OF POLITICAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH

Abstract: This article examines the motivations, factors and forms of political activism of young people and students. The results of Russian and foreign studies on political activity of students were analyzed, problems of political socialization of Russian youth were identified.

Keywords: Russian students, political socialization, political participation.

По состоянию на начало 2020-го года можно констатировать, что политическая активность студентов оценивается менеджментом системы высшего образования России как проблема. Вероятно, то же относится и к верховной власти, определяющей магистральные направления развития в образовании и науке. Это явно продемонстрировали два недавних события: внутренний конфликт внутри НИУ ВШЭ в связи с внесением поправок в Правила внутреннего распорядка обучающихся, а также создание петиции о возвращении выборов ректора в МГУ. В обоих случаях имело место противостояние группы студентов с руководством своих учебных заведений на почве борьбы за право политического участия.

Проблематика политической активности студентов не нова. Студенты – это наиболее динамичная общественная группа, взгляды которой меняются максимально быстро, а проявляются – максимально ярко. Именно студенческая молодежь зачастую является двигателем общественных протестов, как это случилось в мае 1968-го во Франции. Базовые ценности студенчества более чем

у других общественных слоев подвергаются мощной трансформации, а формы политического участия зачастую принимают более радикальные формы, чем свойственно старшим возрастным группам. Вместе с тем энергичность молодежи и её стремление к пересмотру устоявшейся повестки являются залогом обновления общества в соответствии с актуальными для нового времени задачами и подходами.

Политическую активность молодежи можно определить как «основанное на осознании своих возможностей воздействовать на принятие политических решений стремление молодых людей реализовать эти возможности имеющимися в данной политической системе средствами и методами, осуществляемое с разной степенью интенсивности» [1, с. 4]. Мотивы политической и социальной активности рассматривались в контекстах познавательной и личностной потребности (М.И. Лисина), коммуникативной потребности (Л.И. Марисов), потребности к риску (В.А. Петровский), достижения цели (Х. Вандер-Меер), доминанты – организации и направлении активности (А. А. Ухтомский) и др. Общественно-политическая активность студенчества может проявляться в следующих формах, которые можно сгруппировать по степени вовлеченности в социально-политические процессы:

- участие в деятельности партий и общественных организаций, демонстрациях, митингах, политических дискуссиях, подписании обращений и петиций (высокая вовлеченность и высокий уровень активности);

- участие в выборах в качестве избирателя (электоральная активность) и обсуждение политических проблем в узком кругу (средний уровень);

- получение информации о событиях политической и общественной жизни посредством печатных и электронных СМИ (низкий уровень) [2, с. 250].

Студенческая молодежь в социологии традиционно считается наиболее активной социальной группой. Представители студенческой молодежи как большой социальной группы, служащей источником пополнения интеллигенции, связаны между собой общим видом деятельности и образуют особую социально-профессиональную группу. Специфика данной группы обусловлена характером общественной деятельности студентов, которая, в сочетании с территориальным сосредоточением и возрастной однородностью, порождает у них общность интересов, групповое самосознание, определенную субкультуру и образ жизни [3, с. 73].

На основе разнообразия форм участия выделяют группы индивидов, которым свойственен преимущественный стиль политического поведения. Одной из «классических» типологий является классификация М. Каазе и А. Марша, где, помимо активности участия, важную роль играет такой критерий как конвенциональность, которую простыми словами можно объяснить как «готовность играть по общепринятым правилам». Авторы выделяют следующие пять групп:

- 1) Неактивные. Большинство представителей этой категории или совсем не участвуют в политике, или, в крайнем случае, читают газеты и могут подписать петицию, если их об этом попросят.

2) Конформисты. Более активны в конвенционных формах политического участия. Некоторые из них могут даже участвовать в политических кампаниях. Но в целом они избегают непосредственного политического участия.

3) Реформисты. Так же, как и конформисты, участвуют преимущественно в конвенционных формах, однако активнее. Кроме того, они могут использовать законные формы политического протеста, в частности демонстрации или даже бойкоты.

4) Активисты. Наиболее активно участвуют в политической жизни. Формы участия – преимущественно конвенционные, однако используют иногда и неконвенционные.

5) Участники акций протеста. По уровню активности близки к реформистам и активистам, однако отличаются от них тем, что практически не участвуют в политическом процессе в конвенционных формах.

В каком-то смысле, политическая активность студенчества может являться индикатором высокого качества образования, особенно — в области общественных наук. Многими исследованиями подтверждается прямая связь между уровнем образования граждан и их вовлеченностью в политическую жизнь. Так, Н.А. Головин приводит следующие итоги проведенного им исследования:

- активность избирателей растет вместе с ростом уровня образованности;
- лояльность избирателей к политической системе в целом и электоральным процедурам растет вместе с ростом уровня образованности;
- компетентность избирателей, определяющаяся как потребность в получении разносторонней информации о выборах, растет вместе с ростом уровня образованности [4].

Исследование общественно-политической активности студенческой молодежи необходимо для составления прогнозов социально-экономического, политического и социального развития конкретного региона и страны в целом. Как же в этом ключе обстоит дело в России?

С октября 2010 года по март 2011 года киевским Институтом Горшенина проводилось международное социологическое исследование «Студенты – образ будущего». Всего согласно случайной выборке было опрошено 5155 студентов в 22 высших учебных заведениях четырех стран: Украины, России, Польши, Казахстана. Анализируя результаты исследования, можно сказать, что украинская и русская молодежь более отчуждена в вопросах политики, чем польская. Об этом свидетельствует уровень заинтересованности: активно интересуется политикой – 25,9% польской молодежи, 21,6 украинской молодежи и лишь 18,6% российской. 51,9% опрошенных представителей польской молодежи ответили, что голосуют на выборах, чтобы их мнение было учтено, тогда как в России этот показатель значительно ниже – 25,5%. Польская молодежь более уверена, что ее голос будет услышан и учтен на выборах, а российская молодежь разочарована в выборах как способе быть услышанной и

представленной во власти [5]. Вместе с тем, по данным исследований Центра экономических и политических реформ, политическая активность россиян в последние годы стала заметно расти, причем проявляется она в форме многочисленных протестных акций [6]. Основными участниками многих таких выступлений становится именно молодежь [7].

Опираясь на данные Н.А. Головина и ряд иных исследований, можно утверждать, что политическое участие молодежи является позитивным индикатором для страны и общества, если носит конвенциональный характер. В приведенной классификации форм участия М. Каазе и А. Марша конвенциональными являются первые четыре, в то время как мы можем наблюдать в России рост именно пятой — протестной формы участия. Далее мы еще постараемся разобраться в возможных причинах такой ситуации.

Иная, но не менее конструктивная роль отводится политическому участию в рамках конфликтологической парадигмы, где этот феномен представляется одним из источников развития. У конфликтологов политическое участие — одно из проявлений соперничества, борьбы, конфликтности как всеобщих характеристик социума (Рэндалл Коллинз и др.). В западных демократиях политическое участие — это разновидность институционализированного конфликта в политике, и, как подчеркивает Л.Козер, оно является своеобразной «отдушиной», «способом канализации социального недовольства и негативных эмоций», который служит для сохранения социальной структуры и усовершенствования общества [8]. Политическое участие — это регулируемые и контролируемые конструктивные политические конфликты, в отличие от деструктивных конфликтов, характерных для недемократических обществ (стихийных социальных взрывов). Согласно Р. Дарендорфу, политическое участие в условиях демократии — это «упорядоченные формы дискуссий между классами», сменившие прежние формы открытой борьбы, а собственно демократия — это способ «правления через конфликты, через увеличение «шансов участия» в управлении [9, с. 163]. Западное общество оказывается таким образом «застрахованным» от деструктивных конфликтов, оно развивается на основе широкого участия населения в политической жизни, в принятии важнейших политических решений, в воздействии на политику.

Что же влияет на степень политического участия граждан? Среди социальных факторов политической активности выделяют:

- макрофакторы (господствующие мировые тенденции, характер политического режима, морально-политическое положение в стране);
- факторы среднего уровня (благополучие отдельного лица, взаимоотношения в коллективе, семейное положение);
- микрофакторы (образование, прошлый опыт, воля, мотивы, темперамент, самоидентификация с референтной группой).

По мнению многих исследователей, среди различных факторов, влияющих на участие в политике, наиболее важна политическая эффективность — ощущение гражданами возможности влиять на политический процесс. В

противном случае снижается уровень политического участия и, более того, как показывают эмпирические исследования, создается благоприятная почва для усиления протестных установок. Для стабильных обществ характерно оптимистическое отношение рядовых членов к участию в политике, тогда как в нестабильном обществе, о чем также свидетельствуют эмпирические исследования, распространяется крайний скепсис по поводу собственной способности конвенционально влиять на политические решения, затрагивающие непосредственные интересы населения [10, с. 57]. Все это интересно коррелирует с вышеприведенными результатами исследования Центра экономических и политических реформ: граждане России, особенно – молодежь, все чаще обращаются именно к протестным формам политического поведения, не находя конвенциональных путей влияния на принятие решений.

В целом, наиболее распространенная реакция властей на протест – это противодействие: от создания административных препятствий и иных ухищрений, мешающих нормальному проведению мероприятий, до прямого силового воздействия, запугивания, давления. В особенности это касается протестов с политическими требованиями или протестов по вопросам федеральной повестки (таких, как выступления против пенсионной реформы). Требования протестующих игнорируются, и создается впечатление, что власти рассчитывают на сценарий подавления протеста или создания для него настолько неудобных условий, чтобы удержать его в «загоне» и привести к постепенному затуханию.

На данный момент не выработаны актуальные модели политической социализации студентов, потеряв контакт между представителями действующей и будущей политической элиты, что является большой проблемой следующего периода исторического развития России. Об этом пишет и Н.А. Головин в своей книге «Теоретико-методологические основы исследования политической социализации» [4]. Он рассматривает несколько поколений советских граждан, отмечая при этом преемственность линии «октябрят-пионеры-комсомольцы-функционеры». По сути, каждый студент, проявляющий себя по этой линии, имел по окончании университета два пути: пойти работать по полученной специальности или продолжить движение по номенклатурной линии. Подобная система обеспечивала преемственность политической элиты и позволяла приобретать организационные и политические навыки на разных жизненных этапах. Однако идеологическая однобокость, отсутствие внутренней дискуссии привели к тому, что данная система потеряла связь с меняющейся окружающей действительностью, утратила свою эффективность и перестала соответствовать времени, что в итоге привело к её крушению. Новых каналов политической социализации так и не возникло. Массовых общественных движений, подобных советскому Комсомолу, сейчас не существует, выбор партий весьма скуден, их идеологии – размыты, а электоральные каналы тщательно контролируются властью. Это мы можем наблюдать на примере частых новостей об отказах в регистрации оппозиционным кандидатам на выборах самого разного уровня.

Подобное положение дел чревато ситуацией, когда студенты захотят большего политического участия, но не найдут конструктивных форм для реализации такого запроса. Накопленная энергия потребует выхода и может обернуться общественно-опасными формами.

Весьма сложной задачей политической социализации является формирование политического доверия, толерантности по отношению к субъектам политики, к индивидам и группам с иной политической позицией. В течение длительного времени у поколений советских людей мощным пропагандистским инструментарием формировалась очень жесткая идеологическая установка: правы лишь те, кто разделяет наше коммунистическое мировоззрение, остальные либо не понимают истину, либо враги. Гуманитарные науки, основанные на постоянном генерировании вопросов, стали жертвой идеологической однобокости тех лет. Огромное количество времени в университетах уделялось дисциплинам вроде «Истории КПСС» и «Теории марксизма-ленинизма», в то время как прикладные общественные науки находились в притеснённом положении. Итогом проведения такой линии стала не просто деградация гуманитарного образования, но и потеря обществом важных общественно-политических навыков, примитивизация политического сознания, отсутствие критического взгляда на окружающую действительность и уклонение от политического участия, вызванное генетическим страхом репрессий.

В настоящее время изменить эти ориентации сложно, особенно у старшего поколения. Отдельная проблема – это зачастую встречающиеся радикальные расхождения в общественных взглядах между студентами и преподавателями, воспитанными в разных политических формациях. Однако первая стадия или фаза на пути политической толерантности уже пройдена: речь идет об осознании глубоких различий в политических ориентациях россиян. А вот вторая ступень, признание этих различий нормальным, допустимым фактом, проявление уважения к группам с противоположными взглядами, – это важная задача политического воспитания в системе современного российского образования.

Именно общественные науки должны внести свой вклад в прояснение целей и форм политической социализации молодежи. Во многих странах так и происходит. Исследования политической социализации стали там развитым, признанным и хорошо финансируемым междисциплинарным направлением. Например, в Германии трудно найти университет, в котором они не проводились бы. В России подобные исследования пока остаются разрозненными, нерегулярными и нескоординированными, без систематического накопления эмпирических данных и их теоретического осмысления [4].

Для того, чтобы политическая активность молодежи и студенчества имела конвенциональный характер, происходила в рамках общепонятных норм и стандартов, государству необходимо формировать эффективные каналы политической социализации, создавать для молодежи возможности участия в

политической жизни на местном, региональном и федеральном уровнях. В устоявшихся западных демократиях такую роль выполняют конкурентные выборы, политические партии и представительные молодежные структуры при органах власти. В нашем случае мы имеем зачатки каждого из этих институтов, но ни один из них пока не имеет должного уровня доверия общества. Выборы в большинстве случаев не носят конкурентного характера, политические партии мало отличаются друг от друга, лишь временами имитируя политическую борьбу, а молодежные представительные органы не имеют заметного влияния на принятие политических решений.

На сегодняшний день барьеры для политического участия молодежи являются проблемой скорее для молодежи, нежели для действующего политического режима. Но в более длительной перспективе, с учетом морального и физического старения действующей элиты, сохранение статус-кво может стать общенациональной угрозой. Эликсир бессмертия вряд ли будет изобретен, а молодежь, особенно наиболее образованная её часть, в любые времена будет претендовать на политическое участие, сопровождаемое желанием общественно-политических перемен. Задача государства – сформировать такие каналы взаимодействия с молодежью, которые позволят соблюсти баланс между предсказуемостью политической системы и её систематическим обновлением. Отсутствие такого взаимодействия, закрытость власти по отношению к молодежи приведут к разбалансировке политической системы и потере преемственности в управляющих системах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мастерова, Ю.И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: автореф. дисс... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ю.И. Мастерова. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – 34 с.
2. Тевлюкова, О.Ю. Социально-политическая активность студентов крупного города (по материалам исследования) / О.Ю. Тевлюкова, С.В. Ровбель С.В., Е.В. Наумова // Вестник НГУЭУ. – 2016. – №1.
3. Тихонов, В.Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: методологические проблемы социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №7.
4. Головин, Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – 288 с.
5. Институт Горшенина. Исследование «Студенты – образ будущего». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorshenin.ua/projects/studenty-obraz-budushhego-29-04-2011/>. Дата обращения: 02.02.2020.
6. Протестная активность в III квартале 2017 года: рост на 60%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cepr.su/2017/11/07/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-iii->

%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BB-2017-
%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/. Дата обращения: 02.02.2020.

7. Почему на акции протеста вышло столько подростков? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aktsii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat>. Дата обращения: 02.02.2020.

8. Козер, Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги. – 2000. – 205 с.

9. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта. – Социологические исследования. – 1994. – № 5.

10. Клюенко, Э.А. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалирования по Гутману // Социология: теория, методы. – 2005. – № 4.

11. Деркач, А.А. Политическая психология: Учебное пособие для вузов / В.И. Жуков, Л.Г. Лаптев. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга. – 2001. – 858 с.

12. Колесникова, Е.И. Психологические особенности политической культуры студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2008. – №1.

УДК 316.344.4

А.Н. Засыпкина

Магистрант, Факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕГИОНЕ

Аннотация: В рамках данной статьи рассмотрен процесс политической поляризации на уровне региона Латинской Америки. Были определены ключевые причины и факторы, приведшие к политической поляризации в регионе, а также обозначены особенности развития региональных отношений под влиянием сложившейся поляризации.

Ключевые слова: политическая поляризация, политические партии, электоральный цикл, Латинская Америка

A.N. Zasypkina

Master's degree, Faculty of the international relations, St. Petersburg State
University, St. Petersburg, Russia

POLITICAL POLARIZATION OF OF LATIN AMERICA STATES AS A MODERN POLITICAL PROCESS IN THE REGION

Abstract: This article reveals the process of political polarization in the Latin American region. The main reasons and factors that led to the regional polarization are considered. Besides, the author outlines the features of regional relations development under the influence of considered political process.

Keywords: political polarization, political parties, electoral cycle, Latin America

Термин «поляризация» не является понятием, используемым исключительно в политологии или в науке международных отношений. Данное понятие было позаимствовано из физики, однако в политическом контексте оно точно иллюстрирует расхождение взглядов группы акторов, сравнивая это расхождение с поляризацией частиц в физике. Политическая поляризация представляет собой состояние политической разобщённости стран или процесс её усиления, в результате которого трудно прийти к общим позициям по какому-либо вопросу, представляющему важность для этой группы стран. В рамках данной статьи будет рассмотрен процесс политической поляризации на уровне региона Латинской Америки. Исследователям было необходимо

определить ключевые причины и факторы, приведшие к политической поляризации в регионе, а также обозначить особенности развития региональных отношений под влиянием сложившейся поляризации.

Тема является достаточно актуальной в настоящее время, поскольку исследование выбранного нами политического явления поляризации в Латинской Америке важно для анализа дальнейшего развития региона, а, следовательно, и для анализа развития международных отношений в целом. Изучение политической поляризации позволит спрогнозировать развитие отношений в будущем между государствами региона в целом и в рамках интеграционных объединений, а также с внерегиональными игроками, как например, с Россией, Китаем или США.

Рассматриваемый исследователями процесс поляризации определяется как современный политический процесс в Латинской Америке. Его последствия можно наблюдать в настоящее время, а причины, способствовавшие началу поляризации, хронологически относятся к 2010-м гг. Ключевая причина расхождения позиций стран – идеологическая разобщённость их правительств. С 1999 года можно было наблюдать процесс прихода в большинстве стран Латинской Америке власти так называемых «левых» правительств разной степени радикальности: леворадикалы, представленные сторонниками «социализма XXI века», умеренные левоцентристы, проводившие сбалансированную многовекторную политику, а также центристы, находившиеся в меньшинстве [1, с. 178]. Среди «левых» яркими представителями в то время являлись Уго Чавес в Венесуэле, Нестор Киршнер в Аргентине, Табаре Васкес в Уругвае, Эво Моралес в Боливии, Луис Игнасио да Силва в Бразилии. Спустя приблизительно десятилетие стала видна противоположная тенденция – смещение власти вправо. Данная тенденция экспертами именуется как «правый дрейф» [2, с. 2], а некоторыми – «правый поворот» по аналогии с «левым поворотом» [3, с. 2]. Так, в результате выборов, прошедших в период с 2010 по 2019 год левые силы уступили место правым в Бразилии, Перу, Гондурасе, Чили, Колумбии, Парагвае, Гватемале, Сальвадоре. Неопределённая ситуация в настоящее время в Боливии. Таким образом, в регионе можно наблюдать идеологическую поляризацию правительств, при этом неоднородность наблюдается и внутри групп «правых» и «левых» в зависимости от их степени радикальности.

Ключевыми причинами, приведшими к смене политической ориентации власти в большинстве стран в последнее десятилетие, являются экономические проблемы, с которыми столкнулись страны Латинской Америки. Так называемое «золотое десятилетие» 2003-2013 годов способствовало экономическому росту стран региона во многом за счёт увеличения спроса на сырьевую продукцию. В свою очередь, благоприятная экономическая ситуация для стран региона способствовала и политической стабильности пришедших в то время к власти правительств. Немалую роль играла харизма политических лидеров, благодаря которой им удавалось добиться поддержки миллионов граждан [4, с. 2]. Однако по окончании «золотого десятилетия» страны

столкнулись с экономическим кризисом: резко снизились цены на сырье, затем были сокращены иностранные инвестиции, менее доступными стали кредиты. В дальнейшем странам пришлось столкнуться и с трудностями в реализации намеченных социальных программ. Увеличение среднего класса с 17% до трети населения и сокращение числа живущих за чертой бедности с 34% до 21% привели к тому, что экономический спад в Латинской Америке затронул не только бедное население, но и более обширный, чем прежде, средний класс [5, с. 1]. Сложившиеся условия в экономической сфере, охарактеризованной кризисным состоянием и замедлением темпов экономического роста, в социальной сфере, столкнувшейся с невозможностью реализовать дальнейшие ожидания населения по улучшению условий и со страхом представителей среднего класса потерять достигнутый ими статус, а также коррупционные скандалы в ряде стран значительно подорвали позиции правящих лидеров и партий. В некоторых странах можно наблюдать дискредитацию левых правительств в лице населения в результате причастности к крупным коррупционным скандалам.

Подкрепляя тезисы о сложившихся в регионе проблемах количественными данными, отметим, что по данным организации по обзору общественного мнения *Latinobarómetro* в период с 2010 по 2018 гг. в регионе постепенно сокращались показатели по поддержке населением демократического режима с 61% до 48% в среднем по странам. Отметим, что данный показатель является самым низким с 2001 года. На 2018 год только в четырёх странах региона поддержка демократии осталась на том же уровне или увеличилась со временем: в Мексике, Коста-Рике, Чили и Никарагуа [6, с. 16]. Кроме того, с 2009 по 2018 год постепенно в регионе укреплялось общественное мнение о том, что власть в государстве направляет ресурсы в основном на усиление выгоды малочисленных групп стран: процент поддерживающих данное мнение увеличился с 61 до 79. Наибольшее число поддерживающих данную точку зрения наблюдалось в Бразилии (90%), Мексике (88%), Парагвае (87%), Венесуэле (86%) и Сальвадоре (86%) [7, с. 38]. Опираясь на эти данные, иллюстрирующие отношение населения к функционированию власти в стране, мы видим, что постепенно в регионе нарастало чувство недовольства и разочарования, что негативно повлияло на степень доверия к политическим институтам, в особенности, к законодательным органам власти и политическим партиям. Уровень доверия к партиям, например, является самым низким в сравнении с другими государственными институтами и составляет всего 13% (по сравнению с церковью, уровень доверия к которой является наивысшим и равен 63 % по состоянию на 2018 год) [6, с. 48]. Эти цифры объясняют негативное отношение многих латиноамериканцев к правящим партиям, распространение гражданских волнений, победу нетрадиционных партий и лидеров-популистов.

Электоральный суперцикл 2017-2019, в ходе которого прошли президентские выборы в 15 странах региона, также показал основные современные политические тенденции в Латинской Америке, углубляющие

политическую поляризацию в регионе. Кризис традиционных партий и низкий уровень доверия населения к партиям увеличивают вероятность появления кандидатов с популистским дискурсом. Центристские варианты, наоборот, всё с меньшей вероятностью рассматриваются избирателями в качестве привлекательной альтернативы. Особенно яркими примерами, иллюстрирующими сложившуюся ситуацию, являются выборы в Сальвадоре в 2019 году и в Бразилии в 2018 году. Победа Найиба Букеле в Сальвадоре, представителя правой партии «Большой альянс за национальное единство» (GANА), стала особенной за последние несколько лет: впервые с окончания Гражданской войны в Сальвадоре с 1992 г. победу одержал кандидат, не являющийся представителем одной из двух крупнейших партий Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ) и Националистического республиканского альянса (АРЕНА) [8, с. 1]. Также отметим, что из всех проведённых в указанный выше период выборов переизбрание действующих представителей власти произошло только в трёх странах: в Венесуэле, Гондурасе и Боливии, однако эти победы были поставлены под сомнение из-за большого числа нарушений во время выборов [9, с. 1].

Ещё одной тенденцией в политической жизни региона является то, что у избранных президентов, за исключением Мексики и Панамы, нет большинства в законодательных органах власти. Это, в свою очередь, усложняет проведение необходимых реформ, прежде всего в социально-экономической сфере. Так, в Сальвадоре сложившаяся ситуация с положением партии GANA в парламенте (в настоящее время она занимает лишь 10 мест из 84 в Законодательной Ассамблее) создаёт проблемы для избранного президента Найиба Букеле и изменить данное положение удастся нескоро, поскольку ближайшие парламентские выборы ожидаются в 2021 году [4, с. 1].

Политическая поляризация на региональном уровне влияет на развитие созданных интеграционных объединений Латинской Америки, прежде всего на интеграционные организации, отличающиеся многочисленностью стран-участниц. В деятельности этих организаций поляризация лучше всего и проявляется. Например, такие интеграционные проекты, инициированные в 2000-х гг. странами региона, как Союз южноамериканских наций (УНАСУР) и Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), в недавнем времени столкнулись с невозможностью выработки единых решений по важнейшим вопросам, затрагивающим интересы всего региона. Что касается УНАСУР, то фактически можно говорить о распаде объединения.

Таким образом, мы видим, что политическая поляризация региона в целом является ответом на те изменения в политической конъюнктуре, которые произошли внутри большинства стран региона. Нестабильность позиций власти, неспособность решить насущные проблемы населения, вследствие чего ослабление поддержки населением действующих правительств отражается на региональных отношениях между государствами. Идеологическая разобщённость стран, невозможность выработки единых позиций региона – всё

это напрямую влияет на степень региональной сплочённости Латинской Америки, которая в настоящее время переживает состояние политической поляризации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивановский, З.И. Латинская Америка на перепутье. Изменения в расстановке политических сил / З.И. Ивановский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2018_01/13.pdf Дата обращения: 05.04.2020.

2. Okuneva L. En torno a las novísimas tendencias del desarrollo de los procesos políticos en América Latina: perspectivas y desafíos. // Cuadernos Iberoamericanos. – 2018. – №2.

3. Daniel Arredondo, Daniel Edwards, Roberto Muñoz. En búsqueda de mecanismos casuales y tipologías: el giro a la derecha en América Latina. / Universidad Alberto Hurtado. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/37072046/En_b%C3%BAsqueda_de_mecanismos_casuales_y_tipolog%C3%ADAs_el_giro_a_la_derecha_en_Am%C3%A9rica_Latina Дата обращения: 02.04.2020).

4. Carlos Malamud, Rogelio Núñez. El voto del enojo: el nuevo (o no tan nuevo) fenómeno electoral latinoamericano. / Real Instituto Elcano. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/74dca4b9-aa0c-4dcd-b6a0-c7e465b6dee2/ARI99-2018-Malamud-Nunez-Voto-enojo-fenomeno-electoral-latinamericano.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=74dca4b9-aa0c-4dcd-b6a0-c7e465b6dee2> Дата обращения: 05.04.2020.

5. Moisés Naím. The Coming Turmoil in Latin America. / The Atlantic. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegie.ru/2015/11/03/ru-pub-61835> Date of access: 05.04.2020.

6. Informe Latinobarómetro 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/DNS/Downloads/INFORME_2018_LATINOBAROMETRO.pdf. Date of access: 30.03.2020.

7. Calendario Electoral 2021 – El Salvador. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tse.gob.sv/documentos/elecciones/2021/calendario-electoral/Calendario-electoral-2021.pdf>. Date of access: 22.03.2020.

8. El Periódico. Bukele gana las elecciones presidenciales de El Salvador. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elperiodico.com/es/internacional/20190204/nayib-bukele-gana-comicios-presidenciales-el-salvador-7284743>. Date of access: 01.04.2020.

9. Zovatto Daniel. Latin America: political change in volatile and uncertain times / IDEA. Institute for Democracy and Electoral Assistance. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.idea.int/news-media/news/latin-america-political-change-volatile-and-uncertain-times>. Date of access: 02.04.2020.

УДК 323.2

С.М. Зейналова

Магистрант, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

А.А. Косулин

Управление образования и молодёжной политики администрации
Городецкого муниципального района, г. Городец, Россия

Е.С. Рукина

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Нижний Новгород, Россия

РАЗВИТИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Актуальность настоящей статьи связана с необходимостью проведения эффективной государственной молодёжной политики, в том числе и на региональном уровне. Целью статьи является выявление особенностей правовых и политических аспектов реализации государственной молодёжной политики в Нижегородской области. Задачи исследования следующие: определение правовых основ региональной реализации молодёжной политики, а также специфики основных мероприятий общественно-политического характера в рамках анализируемой проблематики. Указано на комплексность Закона «О молодёжной политике в Нижегородской области». Выявлены сильные стороны мероприятий, проводимых в рамках реализации молодёжной политики в регионе.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, реализация, Нижегородская область, правовой и политический аспекты, законы.

S.M. Zeynalova

Master's degree, NNSU named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod,
Russia

A.A. Kosulin

Department of education And youth policy of the administration
Gorodetsky of the municipal district, Gorodets, Russia

E.S. Rukina

Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service under the President of the Russian
Federation, Nizhny Novgorod, Russia

DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY IN NIZHNY NOVGOROD REGION: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract: The relevance of this article is related to the need to implement effective State youth policy, including at the regional level. The purpose of the article is to identify the peculiarities of legal and political aspects of the implementation of the state youth policy in the Nizhny Novgorod region. The objectives of the study are to define the legal basis for the regional implementation of youth policy, as well as the specifics of the main measures of a social and political nature within the framework of the analysed issue. It is indicated on the complexity of the Law "On Youth Policy in the Nizhny Novgorod Region." The strengths of activities carried out within the framework of the implementation of youth policy in the region have been identified.

Keywords: State youth policy, implementation, Nizhny Novgorod region, legal and political aspects, laws.

Значимость государственной молодёжной политики в настоящее время вряд ли вызывает сомнения. Молодёжь – это действительно будущее страны, а потому эффективное восприятие ею норм и ценностей, укоренившихся в российском социуме, является неременным условием развития государства. В настоящее время государством уделяется большое внимание различным аспектам работы с молодёжью – то есть, с людьми в возрасте от 14 до 30 лет. Касается это не только общефедеральных структур, но также и органов государственной власти уровня субъектов федерации. Не является исключением, разумеется, и Нижегородская область.

Важно отметить, что Закон Нижегородской области «О молодёжной политике» № 70-3 был принят ещё 25 апреля 1997 года. В него неоднократно вносились изменения. Состоит Закон № 70-3 из шести разделов. Общее количество статей в настоящее время – 23. Ранее их было 32; 9 утратили силу. Структура закона в целом такова: Раздел I «Общие положения» состоит из 4 статей, Раздел II «Компетенция органов государственной власти и местного самоуправления в сфере молодёжной политики» – из 4 статей, Раздел III «Социально-экономические гарантии реализации молодёжной политики» – из 7 статей, Раздел IV «Основные гарантии прав молодежи на объединение и государственная поддержка их деятельности» – из 3 статей, Раздел V «Организационные и финансовые основы молодёжной политики» – из 4 статей, Раздел VI «Заключительные положения» – из 1 статьи [1].

Закон Нижегородской области «О молодёжной политике» № 70-3 был принят ещё 25 апреля 1997 года. В него неоднократно вносились изменения. Состоит Закон № 70-3 из шести разделов. Общее количество статей в настоящее время – 23. Ранее их было 32, 9 утратили силу. Структура закона в целом такова: Раздел I «Общие положения» состоит из 4 статей, Раздел II «Компетенция органов государственной власти и местного самоуправления в сфере молодёжной политики» – из 4 статей, Раздел III «Социально-экономические гарантии реализации молодёжной политики» – из 7 статей, Раздел IV «Основные гарантии прав молодежи на объединение и государственная поддержка их деятельности» – из 3-х статей, Раздел V

«Организационные и финансовые основы молодежной политики» – из 4-х статей, Раздел VI «Заключительные положения» – из 1-ой статьи.

В данном нормативно-правовом акте уделено внимание большому спектру вопросов поддержки молодёжи – упомянуты и содействие занятости молодёжи, и поддержка предпринимательской инициативы молодых людей, и поддержка добровольчества и волонтерства. Указаны и условия, направленные на физическое и нравственное развитие молодёжи. То есть, нельзя не признать комплексность подхода нижегородских законодателей к реализации государственной молодёжной политики в регионе.

Упомянем также, что ранее действовало Постановление правительства Нижегородской области от 31 октября 2013 года № 802 «Об утверждении государственной программы «Развитие образования Нижегородской области на 2014-2016 годы и на период до 2022 года» [2]. В ней также содержались положения, касающиеся именно государственной молодёжной политики.

Кроме того, в действующую ныне государственную программу «Развитие образования Нижегородской области», утвержденную постановлением Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 года N 301 [3], с 2016 года включена подпрограмма 10 «Развитие молодежной политики».

Основная цель Подпрограммы состоит в совершенствовании социально-экономических, правовых и организационных условий с целью успешной самореализации людей молодого возраста. Цель программы состоит в раскрытии потенциала молодого поколения в интересах развития Нижегородского региона, в содействии успешной интеграции молодых людей в общество, в повышении ее роли в жизни страны и страны.

Важно отметить, что в Нижегородской области регулярно проводятся мероприятия, связанные с политическими аспектами реализации государственной молодёжной политики. Касается это не только патриотического воспитания, но также и мероприятий более широкой направленности. Так, например, из форумов, проведённых за последние годы, заслуживают упоминания в первую очередь Областной молодёжный фестиваль «Высота» (в 2018 году он был проведён 1 сентября в День знания). Данное мероприятие было проведено совместно с Министерством образования, науки и молодёжной политики Нижегородской области. В качестве его задач указывались укрепление неформальных связей в молодёжной среде, развитие молодёжной политики в современных трендах и сотрудничество общественных организаций [4]. Среди участников (всего их было более 5000 человек) имелись представители молодёжных организаций, волонтеры, старшеклассники, киберспортсмены, молодые бизнесмены, блогеры, студенты и молодые учёные. Фестиваль проводился на нескольких площадках в Нижнем Новгороде, а именно в ГСЦИ «Арсенал» в Кремле, на площади Минина и в Александровском саду. Представляется, что выбор локации был оптимальным. В самом деле, все объекты находятся в самом центре города с удобным подъездом как на личном, так и на общественном транспорте. Кроме того,

близость площадок позволяла молодым людям поучаствовать в нескольких мероприятиях в рамках фестиваля. Среди спикеров были известные блогеры, предприниматели, члены Общественной палаты Российской Федерации и Г.С. Никитин (на тот момент он ещё являлся вр.и.о. губернатора Нижегородской области).

В 2019 году с 16 по 19 мая совместно с Министерством образования, науки и молодёжной политики Нижегородской области был проведён Молодёжный образовательный форум Нижегородской области «МолодежНО». Целью его являлись «подготовка молодежи региона к эффективному участию в тематических сменах Всероссийской форумной кампании и во Всероссийском конкурсе молодежных проектов».

Укажем также, что благодаря поддержке Министерства образования, спорта и молодёжной политики Нижегородской области проводился отбор нижегородцев для участия в молодёжных форумах общегосударственного значения. Имеются в виду такие мероприятия, как «Иволга», «Таврида», «Территория смыслов», «Балтийский Артек», «Утро 2018» и «Бирюса».

Относительно взаимодействия с Молодёжным парламентом при Законодательном собрании Нижегородской области укажем, прежде всего, следующее. В рамках последнего действует комиссия по вопросам культуры, образования, молодёжной политики и трудовых отношений. Благодаря деятельности её членов в последние годы были проведены мониторинг Закона Нижегородской области от 25 апреля 1997 года № 70-З «О молодёжной политике в Нижегородской области» и проекта федерального закона «О молодёжи и государственной молодёжной политике в Российской Федерации». Кроме того, состоялся «круглый стол» по обсуждению концепции проекта федерального закона «О молодёжи и государственной молодёжной политике в Российской Федерации». Упомянем также, что, Общественной комиссией при Молодёжном парламенте был рассмотрен проект федерального закона «О государственной молодёжной политике Российской Федерации», заключение по которому было впоследствии направлено в адрес Молодёжного парламента при Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации. Сотрудники Министерства образования, науки и молодёжной политики Нижегородской области тесно сотрудничали с молодёжными парламентариями в рамках всех вышеуказанных мероприятий.

Таким образом, следует признать, что государственная молодёжная политика в Нижегородском регионе реализуется комплексно, причём особенно это касается патриотического воспитания, являющегося крайне значимым в современных реалиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Молодежной политике в Нижегородской области (с изменениями на 2 декабря 2015 года). Нижегородская область. Закон от 25 апреля 1997 года № 70-З [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://docs.cntd.ru/document/944905604> Дата обращения: 12.08.2019.

2. Правительство Нижегородской области. Постановление от 31 октября 2013 года № 802 Об утверждении государственной программы «Развитие образования Нижегородской области на 2014-2016 годы и на период до 2022 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://government-nnov.ru/?id=138735> Дата обращения: 12.07.2019.

3. Постановление Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 г. N 301 «Об утверждении государственной программы «Развитие образования Нижегородской области» (с изменениями и дополнениями от 31 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobr.government-nnov.ru/?id=105631> Дата обращения: 12.07.2019.

4. Молодёжный фестиваль «Высота» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobr.government-nnov.ru/?id=141095> Дата обращения: 12.07.2019.

5. Александров, С.А. Региональный опыт осуществления государственной молодежной политики в России // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2013. – № 1.

6. Кочетков, А.В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // Закон и право. – 2009. – № 9.

7. Куликов, С.П. Патриотическое воспитание молодежи как основное направление молодежной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2015. – № 2.

8. Курдюк, П.М., Егупова, М.А. Проблемы правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации // Юрист - Правоведь. – 2010. – № 1.

9. Меркулов, П.А. Опыт нормативно-правового регулирования молодежной политики в постсоветской России // Власть. – 2013. – № 1.

10. Нигматуллина, Т.А. Региональное проектирование молодежной политики. – М.: Nota Bene, 2014. – 183 с.

11. Пахомова, Е.А., Семенова, А.С., Редозубова, О.А. Патриотическое воспитание в транспортном вузе // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2013. – № 36.

Ф.Е. Золотарев

Магистрант, Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТТОРЖЕНИЕ: ИЗДЕРЖКИ ДЛЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ НА ПРИМЕРЕ
ФЕВРАЛЬСКИХ ВЫБОРОВ В ТЮРИНГИИ**

Аннотация: В статье рассматривается неформальный институт отторжения в политической системе Германии в контексте февральских выборов в Тюрингии в 2020 году. Автор приходит к выводу, что созданный в середине двадцатого века неформальный институт призван обеспечивать стабильность политической системы, однако на практике способствует к деформации демократических институтов страны.

Ключевые слова: Германия, политические институты, демократия, выборы, Альтернатива для Германии.

F.E. Zolotarev

Master's degree, Ural Federal University named after the first President of
Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

**OUTRUNNING REJECTION: COSTS FOR THE GERMAN
POLITICAL SYSTEM IN A LIGHT OF THURINGIA ELECTIONS IN
FEBRUARY**

Abstract: The aim is to focus on «rejection» as an informal political institute of the German political system in the context of Thuringia elections in February 2020. The author concludes that the informal institute is, created in mid-twenties century, urged to support a stability of the German political system. Nonetheless, it facilitates practically to strain democratic institutions.

Keywords: Germany, Political Institutions, Democracy, Elections, Alternative for Germany

В последнее время в научный и общественно-политический дискурс чаще проникает тема, связанная с упадком демократических институтов в странах Европы и Америки. На практике это сопровождается учащением внутренних конфликтов и ростом поляризации общества. Так, результаты февральских выборов 2020 года в федеральной земле Тюрингии в Германии по-своему отражают этот конфликт [1].

Цель данного исследования показать, что современные демократические институты ФРГ, сталкиваясь с вызовами в рамках глобальных трендов, подкрепляются неформальными механизмами защиты политической системы.

Так, неформальный институт «отторжения» по отношению к правой политической повестке и представителям правых политических партий является одним из них. Работа состоит из двух частей: в первой части будет рассмотрен сам неформальный институт отторжения, его генезис и специфические особенности. Затем будут рассмотрены реакция на февральские выборы в Тюрингии и их кумулятивный эффект для демократической системы Германии.

Институт отторжения в Германии – это относительно молодой неформальный институт в стране. Используя теоретическую рамку политологов Хельмке и Левицки, под неформальными политическими институтами мы будем понимать «не писанные и разделяемые правила, созданные и исполняемые за пределами официальных санкционированных каналов» [2, р. 727]. В политической системе современной Германии это отражается в формальных демократических институтах (система выборов, правовое государство и верховенство закона), которые дополняются множеством неформальных, не писанных правил для аккумуляции и распределения власти. Одним из них является неформальное отторжение правой повестки и сторонников правых партий.

Отторжение как неформальный институт своим существованием усиливает комплекс формальных демократических институтов Германии. Благодаря ему удастся обеспечивать работоспособность действующей политической системы и сохранить доверие как со стороны граждан, так и со стороны внешней аудитории [2, р. 728]. Поддержание мифа о «перевоспитанной Германии» призвано доказать окружающим государствам то, что от страны больше не будет исходить угроза и опасность, по сравнению с предшествовавшей Германской империей и гитлеровской Германией. Также для политического руководства страны этот институт обеспечивает дополнительную стратегию консервации властного ресурса: существование механизма «исключения» и недопущения сторонников правой политической повестки к инструментам власти обеспечивает сохранение текущего главенствующего положения [2, р. 730]. Отдельной чертой, присущей институту, стоит назвать задействование неофициальных каналов, которыми становятся преимущественно СМИ, телевидение и публичная печать. Однако само появление института отторжения завязано не столько на внутренних условиях, сколько на сочетании внешнеполитических условий, деятельности стран-победительниц Второй мировой войны и политических элит побежденной Германии.

Зарождение института приходится на первые послевоенные годы в Европе. После Второй мировой войны Германия была лишена внешнего и внутреннего суверенитета, который был деприватизирован Антигитлеровскими союзниками. Именно за счет внешней интервенции и привнесения суверенитета Советского Союза, Великобритании, Соединенных Штатов и позже Франции на территорию бывшей нацистской Германии [3, с. 32]. Вместе с последующими процессами денацификации через суды и опыты культурного перевоспитания

закладывались идеи и практики полного непринятия нацизма в различных социальных группах. Тем не менее, борьба с «очищением» немецкого общества в период с 1945 по 1948 гг. за счёт административного ресурса каждой оккупационной зоны не смогла полностью выполнить поставленных целей: затягивавшиеся малые процессы и последующее возвращение на посты немцев, ранее бывших членами НСДАП, дискредитировали усилия Союзников [4, с. 198-200]. Кроме того, нарастающая конфронтация между СССР и США поспособствовали сворачиванию процессов денацификации и переориентации на скорое противостояние между сверхдержавами. Важно отметить, что в первые годы послевоенной Германии и в период ее фактического разделения (на Федеративную Республику Германии и Германскую Демократическую Республику) был заложен фундамент для последующей общественной саморефлексии и переоценки роли нацизма в обществе [5, р. 447], что активно затронуло социумы двух Германий после 1950-х гг.

Процесс самостоятельной переоценки и укоренение в обществе института отторжения прошел через несколько этапов. Первый этап (1950-е – конец 1960-х гг.) характеризовался активным экономическим развитием ФРГ и встраиванием страны в международные институты (НАТО, Европейское сообщество угля и стали и другие), которое замещало в сознании большого числа граждан национальную самокритику. Партия христианского демократического союза (ХДС) обеспечивала стабильность и выступала в качестве центральной партийной организации, под эгидой которой проходило возрождение демократических институтов Веймарского периода. В числе исполнителей и созидателей новой Германии участвовали люди, ранее состоявшие в НСДАП или подотчетных ей общественных организациях и ячейках. Однако развернувшаяся деятельность и труды интеллектуалов, выступавших противниками политики «моментного преодоления прошлого» (например, Ханна Арендт, Карл Фридрих), стали катализатором для общественных дискуссий. Развернувшийся в 1960-е гг. суд над архитектором Холокоста Адольфом Эйхманом также поспособствовал тому, что в обществе вновь с критикой высказывались относительно участия каждого немца в механизированной системе национал-социализма [6, с. 48, 50]. Этот этап важен для формирования института отторжения, поскольку на созданной ранее рамке за счет усилий Союзников, стало возможным самостоятельное, а не привнесенное извне, общественное участие в деле преодоления нацистского прошлого, что порой доходило до демонстраций в отдельных городах.

Второй этап общественного переосмысления связан с периодом постепенной разрядки и переоценки исторических событий прошлого (с конца 1960-х до объединения двух Германий). Ученые и общественники молодого послевоенного поколения наряду с представителями старой консервативной мысли трансформировали социально-политический дискурс ФРГ. Резко возросшее число исторических и публицистических трудов вместе с общественными обсуждениями также способствовали развитию неформального института на низовом уровне. Однако вершина политической системы ФРГ,

представленная преимущественно консервативно настроенными политиками из числа ХДС, действовало апатично, и не давала отклика на развитие неформального института отторжения на низовом уровне. Все изменилось в середине 1980-х гг., когда федеральный президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер был избран в качестве президента ФРГ. В одной из своих речей, посвященных юбилею окончания Второй Мировой войны в Европе, политик критично отнесся к общей повестке в отношении истории нацистской Германии. Он негласно одобрил принятие ответственности всеми немцами за свершенные прежними поколениями преступления, что остальные политики высокого ранга до него всячески старались либо опровергнуть, либо избегать [6, с. 155-157]. С того момента все большее число политиков из числа партии ХДС сдвигалось в своей риторике в сторону балансирования, которое с краев уравнивалось сохраняемым консервативным духом и согласием с общественным «непринятием» по отношению к попыткам легитимации событий из прошлого [7].

Третий этап (после 1990 года) стал периодом глобальных изменений для ФРГ. Уход с политической авансцены Советского Союза, последующая эрозия прежней биполярной системы международных отношений, фактическое поглощение Западной Германией восточных немецких земель – все это косвенно сказалось на развитии института отторжения. С одной стороны, был решен полувековой вопрос разделения страны, с другой стороны, для немецкого социума возник вопрос реинтеграции новых граждан в общество. Процесс не проходил безболезненно: большое количество людей не смогло встроиться в западногерманскую экономику, в то время как представители из числа интеллектуалов и научных кадров подверглись «академической чистке» [6, с. 221]. Тем не менее, для поддержания политической стабильности на фоне протекавших изменений, руководство ХДС действовало в общей линии и в своей работе не препятствовало массовым мероприятиям и просветительской работе, в рамках которой раскрывались и интерпретировались действия Германии в годы национал-социализма. ХДС стремилась сохранить и поддерживать статус единственной консервативной партии, не допускающей появления любой другой партийной организации правового толка [8]. Подобные действия укрепляли неформальный институт, который также воспроизводился в общественном сознании благодаря активной деятельности немецких СМИ, выступавших в роли «инквизиции» [9] и главных хулителей любых мнений, положительно освещающих правую повестку. На практике это усугубляется еще большей стигматизацией оппонентов, политические выгоды от чего получают партии центра из числа ХДС-ХСС и Социал-демократическая партия Германии (СПДГ). Для этих партий существование неформального института способствовало одобрению и сохранению поддержки со стороны их избирателей.

Также следует отметить, что в отличие от других политических течений Германии второй половины двадцатого века, сторонники правых идей и лозунгов вплоть до 2017 года ни разу не избирались в Бундестаг. Несмотря на

успехи отдельных правых движений и спорадических появлений региональных партий правого толка (Национал-демократическая партия Германии в 1960-е, Республиканская партия в 1980-е или Партия Шилла в начале 2000-х гг.), на федеральном уровне не существовало консолидированной, оформленной в соответствии с немецким законодательством, правой политической партии [10, p. 161]. После выборов 2017 года ситуация изменилась: за всю послевоенную историю в парламент ФРГ вошла партия Альтернатива для Германии (АфД), преодолев пятипроцентный барьер. Для центристских партий это обозначило не только отток собственного электората к конкуренту, но также и появление более консервативной партии, чем блок ХДС. Выстраиваемая на протяжении более полувека политическая система Германии, включающая институт отторжения, на практике столкнулась и с провалом (допустило к федеральным инструментам власти представителей правого течения), и с последующей эрозией демократического государства.

В особенности это проявилось на февральских выборах 2020 года в Тюрингии, где кандидат от Свободной демократической партии (СвДП) Томас Кеммерих победил на выборах в региональный ландтаг благодаря голосам партии АфД. Тем не менее, всплеск реакции после объявления результатов голосования привел к вынужденной отставке Кеммериха и назначения на должность временного исполняющего обязанности премьер-министра Тюрингии представителя Левой партии. Им стал Бодо Рамелов, который будет занимать пост вплоть до новых земельных выборов в 2021 году [11].

Примечательно, что среди критиковавших были как сами конкуренты на выборах (Бодо Рамелов, который тоже принял участие в избирательной гонке), так и представители федеральной власти и по совместительству представители партии ХДС. В частности, канцлер ФРГ Ангела Меркель назвала выборы в Тюрингии «непростительным процессом» и «плохим днем для демократии» [12], в то время как федеральный президент Франк Вальтер Штайнмайер, член фракционной с ХДС партии СДПГ, заявил об «оскорблении» демократии [13]. Члены правительства, которые преимущественно сформированы из числа партийцев ХДС, также не оставили без внимания земельные выборы. Спектр мнений колебался от агрессивной риторики министра обороны страны Аннегрет Крамп-Карренбаум до призывов Йенса Шпана, министра здравоохранения, к обсуждению кризиса демократии в стране. Ответная реакция со стороны членов АфД не заставила себя долго ждать: Алиса Вайдель, депутат Бундестага от АфД, назвала действия канцлера антиконституционными и противоречащими Основному закону страны [14].

Итоги выборов вскрыли внутри немецкой политической системы два феномена. Во-первых, многие депутаты, включая федеральных министров и первых лиц государства, выразили полное несогласие не столько с итогами выборов, сколько с фактом принятых решений (отданные голоса депутатов АфД, приведшие к победе кандидата от Свободных демократов). Здесь в действии проявляется неформальный институт отторжения, поскольку возмущение среди политических оппонентов было акцентировано не на

электорате AfD, которые ранее избрали своих депутатов, а непосредственно на получивших мандат от народа депутатов и совершивших свое политическое действие. Во-вторых, партия ХДС, осознающая угрозу своему положению со стороны AfD, засчет ресурсов федеральной власти косвенно повлияла на результаты в Тюрингии. Последующее давление после выборов на Кеммериха и сложение им полномочий вряд ли бы случилось, если бы не шквал критики через каналы СМИ, что стало возможным при функционирующим в обществе неприятию правых на легальной политической авансцене. Институт отторжения при этом выступает в качестве надежного предохранителя, даже в ущерб демократической и федеративной системе Германии. Все это может говорить о накопившихся издержках внутри страны, а также о готовности федерального центра и доминирующей политической партии воздействовать на отдельные земельные выборы.

Для демократической системы Германии в будущем это может сказаться как на снижении доверия со стороны избирателей к формальным политическим институтам, так и накалить дискуссии относительно отношений между федеральным центром и регионами. Более того, политически «силовой» пересмотр итогов отдельных земельных выборов, при формально сохраненных правилах в соответствии с конституцией, может еще больше подорвать доверие к власти, если сохранятся текущие политические условия для ФРГ.

Итак, неформальный институт отторжения, который был заложен в современной Германии сразу после Второй мировой войны, выполняет важную функцию поддержания работоспособности политической системы страны. Тяжелый исторический опыт продолжает формировать внутренний и внешний запрос на стабильную Германию, исключая появление рисков и угроз со стороны правового политического спектра. Используя нетрадиционные каналы воздействия, ХДС консервирует это положение и сохраняет свое доминирующее положение, что отчетливо проявилось на земельных выборах в Тюрингии. В качестве последствий это может привести к некоторой доли потери доверия со стороны общества к действующим демократическим институтам выборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thüringen-Wahl: Was ist passiert? Eklat um die Ministerpräsidenten-Wahl [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merkur.de/politik/thueringen-wahl-was-ist-passiert-ministerpraesident-kemmerich-afd-fdp-2019-2020-zr-13547967.html> Дата обращения: 30.03.2020.

2. Helmke, G., Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2. – No. 4.

3. Гузикова, М.О. Трансформация германского суверенитета после Второй мировой войны // Международные отношения в XIX – XXI веках: Сборник трудов молодых исследователей. – 2008. – Вып. 4.

4. Лёзина, Е. П. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. – 2018. – № 3,4 (127).
5. Marshall, B. The Democratization of Local Politics in the British Zone of Germany: Hanover 1945–47 // Journal of Contemporary History. – 1986. – Vol. 21. – No 3.
6. Борозняк, А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борозняк. М.: Политическая энциклопедия. – 2014. – 352 с.
7. Лукьянов, Ф. Тюрингский занавес. Как ультраправые закрывают послевоенную эпоху в Германии и Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/80997> Дата обращения: 30.03.2020.
8. Почему ФРГ после выборов в Тюрингии встала на защиту политического табу? / Deutsche Welle [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3XN2I> Дата обращения: 30.03.2020.
9. Рар, А. Меркель повернулась на 180 градусов, чтобы спасти свое политическое реноме / Рар А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aleksandr-rar-merkel-povernulas-na-180-gradusov/> Дата обращения: 30.03.2020.
10. Berbair, N., Lewandovsky, M., Siri, J. The AfD and its Sympathisers: Finally a Right-Wing Populist Movement in Germany? // German Politics. – 2015. – Vol. 24 (2).
11. В Тюрингии будет сформировано временное правительство меньшинства / Deutsche Welle. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3YB5y> Дата обращения: 30.03.2020.
12. Merkel zu Kemmerich-Wahl: «Unverzeihlicher Vorgang» / Tagesschau [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/thueringen-kemmerich-merkel-101.html> Дата обращения: 31.03.2020.
13. Steinmeier zu Thüringen «Demokratie wurde der Lächerlichkeit preisgegeben» / Der Tagesspiegel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de/politik/steinmeier-zu-thueringen-demokratie-wurde-der-laecherlichkeit-preisgegeben/25535230.html> Дата обращения: 31.03.2020.
14. Alice Wiedel: Es ist Zeit für Kanzlerin Merkel abzutreten / Alternative für Deutschland. Beiträge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.afd.de/alice-weidel-es-ist-zeit-fuer-kanzlerin-merkel-abzutreten/> Дата обращения: 31.03.2020.

УДК 327.7

А.А. Зыков

Соискатель, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ В ПЕРИОД ТРАНЗИТА КОНЦА XX ВЕКА

Аннотация: Реконструируется начальный период институционализации трансграничного сотрудничества Дальнего Востока России по реперным точкам метаморфозы системы государственного управления и политических отношений разновеликих акторов Российской Федерации.

Ключевые слова: Дальний Восток России, политические отношения, трансграничное сотрудничество, институционализация, демократический транзит.

A.A. Zykov

Pretendent, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies (SRIS) of Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia

CROSS-BORDER COOPERATION OF THE FAR EAST OF RUSSIA DURING TRANSIT OF THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract: The report reconstructs the initial period of institutionalization of trans-frontier cooperation in the Russian Far East based on the reference points of the metamorphosis of the system of state administration and political relations of various actors in the Russian Federation.

Keywords: the Far East of Russia, political relations, cross-border cooperation, institutionalization of the trans-frontier cooperation, democratic transit.

К концу второго десятилетия XXI в. Россия встала на пороге нового витка политической модернизации, обусловленного как внешним влиянием, так и внутренними циклами развития. Ожидание глобальной трансформации миросистемы сотрясает сложившиеся парадигмы сознания, провоцирует реакцию социума и государства.

Относительно недавно (в исторической ретроспективе) Ф. Фукуяма твердил о победе «мировой либеральной революции», как на заседании G 20 в 2019 г. в г. Осаке лидер России объявляет «конец эпохи либерализма» [1]. С уверенностью можно сказать, что американский профессор был прав в одном: «победу одержала не столько либеральная практика, сколько либеральная идея» [2, с. 85]. «Транзит» как господствующая идеологема формировал картину мира

современников, согласно которой развитие человечества идёт по пути глобализации, с утверждением нового мирового порядка, политической формой которого становится демократия [3]. Границы становились прозрачнее, наращивалось количество взаимосвязей, осуществляемых поверх суверенных сфер национальных государств. Ширились ряды негосударственных акторов мировой политики.

Трансграничное сотрудничество (как система отношений разновеликих политических акторов в ходе формирования общего социально-экономического пространства с соседними странами), в силу своей природы происхождения и охвата деятельности, является наглядным объектом анализа изменения характера современных интеграционных процессов и пределов зависимости развития миросистемы и политико-экономической системы национального государства. Активизация в 1980-е годы (в разгар третьей волны демократизации) межгосударственного сотрудничества на уровне субнациональных регионов превзошла своими масштабами и динамикой предшествующий опыт.

Цель доклада заключается в анализе значения политических преобразований России для освоения трансграничных форм сотрудничества дальневосточными субъектами РФ.

О начале освоения трансграничного сотрудничества отечественными регионами можно говорить с 1992 г. - первого года новой государственности современной России. Прошлый опыт приграничного взаимодействия имел совершенно иной принцип организации, командно-административная система управления социалистического государства не допускала самой возможности самоорганизации политико-экономических акторов и их свободное взаимодействие с зарубежными партнерами в районах государственной границы.

Но стоит учесть, что в конце 1980-х гг. наметились изменения, впоследствии открывшие регионы для освоения новых форм отношений с политическим центром страны и международным окружением. С позднесоветского времени закрепилось преувеличенно позитивное восприятие расширения международных контактов, наметился процесс «открытия» страны для многостороннего и многоуровневого международного сотрудничества, начало которому было положено в «новом политическом мышлении» последнего лидера КПСС, президента СССР М.С. Горбачева. Эта философия была основана на свободе выбора, деидеологизации международных отношений, уважении суверенных прав народов и балансе интересов. Её стратегия базировалась на отказе от военно-политического противостояния с США, убеждении в том, что наши страны не являются противниками ни в Европе, ни в Азии. В 1986 г. постановлением Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных объединений и организаций» были расширены права министерств, а небольшой группе предприятий разрешено

право выхода на зарубежные рынки при условии сохранения монополии государства на внешнюю торговлю.

На излёте «нового политического мышления» в 1991 году был запущен проект «Зона роста бассейна реки Туманган», подготовленный при содействии ООН, который предполагал создание на стыке российской, северокорейской и китайской границ аналога Гонконга и Сингапура в качестве моста между Азией и Европой. Однако на уровень практической реализации в первоначальном виде этот проект не вышел.

Команда нового российского лидера Б.Н. Ельцина стремилась перехватить инициативу во внешней и внутривластной сфере деятельности. Уже в июле-сентябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР обсудил вопрос об открытии 11 свободных зон (СЭЗ). Одной из первых была образована особая экономическая зона (ОЭЗ) «Находка» (октябрь 1990 г.). Субъекты РСФСР, наделенные статусом СЭЗ, получали пятилетние налоговые кредиты за счет всех налоговых платежей на данных территориях, разрешение бартерных операций во внешней торговле, отмену экспортного и импортного налогов, введение регистрационного режима для иностранных инвестиций, свободное ценообразование и другие льготы. Местным властям были делегированы широкие полномочия, ранее относимые к ведению союзных органов хозяйственного управления, осуществлён перевод госпредприятий из союзного в республиканское подчинение. Отмечался внеэкономический характер создания СЭЗ в 1990-1991 гг.: скороспелое их образования было обусловлено стремлением российских властей оспорить доминирование союзного центра [4, с.12]. Уже с июля 1991 г. процесс регистрации СЭЗ был временно приостановлен.

В 1992 году позднесоветские инициативы после крушения государственного контроля и радикальных реформ Е.Т. Гайдара потеряли актуальность. Усиление центробежных тенденций сыграло неоднозначную роль в развитии системы государственного управления, изменился баланс отношений между федеральным центром и регионами. Децентрализация в эпоху стихийной федерализации форсировала развитие трансграничной интеграции, что открыло новые возможности экономического развития приграничных регионов и одновременно поставило страну перед новыми вызовами. На основе союзного договора (март 1992 г.) и новой Конституции России (декабрь 1993 г.) произошла децентрализация государственного управления и расширение полномочий органов власти субъектов федерации [5, С.183]. Прошло конституционное закрепление за субъектами РФ права международной деятельности, началось развитие частной приграничной торговли, Дальний Восток (далее – ДВ) испытал всплеск миграционной активности.

Крен на децентрализацию объяснялся, с одной стороны, доминированием в тот период в исполнительной власти страны либерально-демократической идеологии, с другой – глубоким экономическим спадом и финансовой слабостью государства. Абстрагируясь от крайних оценок и

идеологической ангажированности, В.А. Никонов отмечал, что сама по себе идея сотрудничества России с Западом правильная, потому что у страны впервые не оказалось непосредственных врагов [6, с. 730].

В первой половине 1990-х годов федеральному центру было не до ДВ проектов, всё внимание было сосредоточено на выбивании зарубежных кредитов у европейских и американских партнёров, выстраивании отношения с их союзниками, борьбе с последствиями экономического кризиса и социальными проблемами, этническими конфликтами. ДВ-периферия была на задворках повестки дня: восточноазиатское дипломатическое направление только декларировалось как приоритетное, региональная политика носила спорадический характер. Тем не менее, были заключены договоры и соглашения с соседями ДВ – членами антисоветского блока в эпоху «холодной войны». В 1992 году заключён договор о дружбе и сотрудничестве между РФ и Республикой Корея, в то же время Б.Н. Ельцин издал указ, заложивший базу для развития отношений с Тайванем (с КНР отношения регулировались договором от 1988 года). Приграничные (и не только) субъекты Российской Федерации стали получать импульсы экономического и культурного развития от соседних государств.

Важнейшей особенностью трансграничных отношений России на этапе становления являлось активное стремление властей всех уровней к сотрудничеству, в первую очередь, с развитыми демократическими странами. Россия на ДВ (как и в других частях приграничья) активно осваивала всё многообразие форм международного сотрудничества: административные, военные, дипломатические, побратимские, «профессиональные», научные и образовательные, социальные, культурные, общественно-политические и т.д.

Региональные власти принимали активное участие в институционализации трансграничной системы взаимодействия субнациональных администраций в Северо-Восточной Азии (далее – СВА). Так Приморский и Хабаровский края совместно с японскими префектурами (Ниигата, Тоттори и Тояма), китайскими (Цзилинь и Хейлуцзян) и южнокорейскими провинциями (Канвон, Северый Кёнсан, Южный Кёнсан) сформировали ведущую группу по развитию взаимосвязей в зоне Японского моря. В 1993 году в префектуре Симанэ прошло первое ежегодное Сопровождение глав администраций стран СВА. Основным направлением деятельности участников стало формирование в бассейне Японского моря общего коммуникативного пространства, углубление взаимопонимания, создание соответствующей инфраструктуры развития людских ресурсов. В рамках мероприятия стремились выработать единую (международную) региональную политику в области экономики, охраны окружающей среды, транспорта, туризма, культуры, детских и молодёжных обменов. В 1996 году на очередном Сопровождении в г. Кёнджу (Республика Корея) была создана Ассоциация региональных (субнациональных) администраций стран СВА (АРССВА) [7, с.110].

В 1991 г. в г. Анкоридж (США) при участии представителей Магаданской (на тот момент включающей Чукотский автономный округ) и Камчатской (включающей Корякский автономный округ) областей был учреждён «Северный форум», объединивший одиннадцать субнациональных регионов из России, США, Канады, Японии, Республики Корея, КНР, Монголии, Финляндии и Норвегии.

В конце 1994 г. при Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству «Гор – Черномырдин» была сформирована Инициативная рабочая группа «Западное побережье США – Дальний Восток России», в составе одиннадцати восточных субъектов РФ и пяти американских штатов.

Администрации ДВ регионов видели в партнерстве со странами АТР возможность решения местных социально-экономических проблем. На фоне разнообразных представительских международных мероприятий резко выросла внешнеэкономическая деятельность. Так уже в 1992-1994 годах объем ДВ экспорта в тихоокеанские страны увеличился на 38% по сравнению с 1990-1991 годами. Приблизительно 80% экспортно-импортных операций ДВ были связаны с Китаем, Японией, США и Южной Кореей (крупнейшими торговыми партнёрами на долгое время) [8, р.36]. В среднем, доля США во внешнеторговом обороте с ДВ в 90-е гг. составляла 15%, Японии – 32%, Китая – 23,5%, Республики Корея – 16,5% [9, с.45]. Эти страны были источниками основных инвестиций в совместные предприятия и в экономику ДВ.

Наиболее интенсивно трансграничные связи стали развиваться на сопредельных приграничных территориях, в силу удобного экономико-географического расположения, определяющую даже некоторые страновые приоритеты регионов ДВ: США и Северный форум для Чукотки, Япония и США для Сахалина, Китай для Амурской области. Высокий уровень китайских инвестиций имел место в Амурской области – 90% (в общем объеме иностранных инвестиций региона), в Приморском крае – более 50%, в Хабаровском крае около 40%. Для сравнения – в Сахалинской области российско-китайские совместные предприятия составляли 7,3%. Самые значительные инвестиции американского капитала (до активизации его участия в проектах «Сахалин-1 и 2») наблюдались в Камчатской области – 25,7% и Хабаровском крае – 17,3%. Японские инвестиции были заметны в Сахалинской области – более 35%, на Камчатке – 22%, в Хабаровском крае – 12% [10, с. 51].

Естественно, что доля иностранных инвестиций в различных субъектах РФ не была постоянной и менялась в той или иной степени год от года. В начале 1990-х гг. заметную роль играли российско-китайские совместные предприятия, к середине 90-х гг. стала возрастать доля американского и южнокорейского капитала [9, с. 47].

Важно отметить, что медианный образ ДВ и общую картину его трансграничного сотрудничества сформировали южные регионы приграничья, наиболее освоенные, заселенные, с мощным хозяйственным потенциалом и выгодным экономико-географическим положением, меньше подверженные

депопуляции: Амурская область, Приморский и Хабаровский края. Наибольший удельный вес во внешнеторговом обороте ДВ имели Приморский край – около 30%, Хабаровский край – более 20%, и только затем следовала Сахалинская область около 18,5% [10, с. 49].

Наметились первые признаки нынешнего китайского доминирования, но на тот период ещё неустойчивого. Так в 1993 г. доля Китая во внешнеторговом обороте Еврейской автономной области (ЕАО) достигла 94,6%, Амурской области – 92%, в Приморском и Хабаровском краях около – 48%. Но в 1994 г. в торговле с КНР произошел обвал. Если в целом, объем межгосударственной российско-китайской торговли сократился на 34%, то на ДВ – в 4,7 раза. Доля Китая во внешнеторговом обороте ДВ снизилась с 39,1% (1993 г.) до 11% (1994 г.). Только в 1996 г. Китай вновь вышел на первое место по объему торгового оборота с ДВ и Забайкальем - 954 млн. долл. (22%) [11, с. 53]. Обвал стал следствием борьбы за передел собственности, роста новых сил в центре и на местах. Преодолев к концу 1993 г. кризис власти федеральное руководство занялось проблемой заполняемости бюджета, и в целом установления контроля над финансовыми потоками и распределением ресурсов: были повышены таможенные пошлины, московские крупные торговые предприятия начали осваивать рынок ДВ. Китайские партнёры, поддерживаемые собственными властями, были заинтересованы в продвижение на более ёмкий рынок средней полосы России (в первую очередь Москвы и Петербурга), концентрация внимания до середины 1990-х гг. на ДВ была конъюнктурная и носила временный характер.

Объём иностранных инвестиций на ДВ не достиг желанных и даже необходимых для его развития масштабов. Неблагоприятный инвестиционный климат России не позволил иностранному капиталу сыграть заметной роли в экономическом возрождении ДВ [11, с. 50].

Либерализация экономики сделала неактуальной большинство преференций СЭЗ, распространив их на всю страну, что, однако, не поставило крест на этой модели развития. СЭЗ «Находке» являлось объектом масштабного эксперимента. Период 1990-1996 гг. характеризовался слепым следованием неправильно понятому международному рецепту проектирования, функционирования и развития СЭЗ [4, с. 18].

К середине 1990-х гг. российское руководство постаралось перейти от ручного (кризисного) управления регионами к более упорядоченной социально-экономической политике. На ДВ это отразилось принятием в 1996 г. Федеральной целевой программы экономического и социального развития ДВ и Забайкалья на 1996-2005 гг., получившей статус президентской. В течение 1996 – 2000 гг. предполагалось достижение стабилизации и улучшения общей ситуации, а затем проведение политики «выравнивания» основных социально-экономических показателей ДВ с общероссийскими. Выступая в мае 2001 г. с докладом на заседании Президиума Российской академии наук, на тот момент глава администрации Хабаровского края В.И. Ишаев отметил, что к 2000 г. инвестиционная часть программы была выполнена только на 9%, и почти все

экономические параметры развития ДВ оказались значительно хуже, чем в начале реформ [2, с. 970].

Во второй половине 1990-х гг. прошло значительное упорядочение трансграничной деятельности регионов как за счёт координационных структур (в МИД РФ был создан департамент по связям с субъектами РФ, парламентом и общественно-политическими организациями, начал действовать Консультативный совет субъектов РФ по международным и внешнеэкономическим связям при МИД РФ), так и за счёт усиления правовой базы (приняты федеральные законы «О международных договорах РФ», «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ»).

Произошёл чрезвычайно важный и в полной мере не осмысленный до настоящего времени поворот в эволюции российских границ. Впервые в своей истории из военно-политического феномена, средства государственного контроля над пространством, они стали трансформироваться в явление, прежде всего, социально-экономической и социокультурной реальности, в один из мощнейших механизмов функционирования и развития общества [12, с. 60]. Ранее закрытая, по сути внутренняя, территория военно-стратегического назначения с господством военно-промышленной компоненты в структуре хозяйствования, стала стихийно осваивать возможности внешнеэкономической деятельности. Челночный импорт и перепродажа товаров широкого потребления из приграничных городов Китая и поддержанных автомобилей из Японии стали существенным сектором экономики и зачастую единственной жизнеспособной стратегией выживания для местного населения.

Сложность в оценке периода 1990-х гг. заключается в том, что российское общество само активно стремилось перенять внутривнутриполитические, экономические, наднациональные и культурные паттерны абстрактного Запада, олицетворявшего лидера мирового прогресса. Но искомого уровня социально-экономического благополучия в то время не получило.

Трансграничные низовые инициативы продемонстрировали больший, чем региональные представительские контакты, прагматизм и меньшую зависимость от межправительственных отношений. Внутренняя политическая обстановка в стране порождала серьезные социально-экономические проблемы пространственного развития и усугубляла внешние негативные факторы.

Свобода передвижений после долгих лет режимных ограничений советского периода получила реальное воплощение. Однако партийно-государственные барьеры сменились пределами социально-экономических возможностей потенциальных участников трансграничного сотрудничества. Всеобъемлющий кризис, непоследовательные действия органов власти, отсутствие продуманной трансграничной политики и приграничного развития предопределили отклонение ДВ-паттерна от мировых стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова, Ю. Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20 / Ю. Петрова, А. Штыкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>. Дата обращения: 02.07.2019.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.
3. Мирзеханов, В.С. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2018. – № 1 (11).
4. Крецу, Н.С. Инвестиционные процессы в свободных экономических зонах: теория, методология, практика. – Владивосток: ДВГУ, 2001. – 140 с.
5. Ишаев, В.И. Стратегия развития российского Дальнего Востока // Вестник Российской Академии наук. – 2001. – Том 71– № 11.
6. Никонов, В.А. Ресурсы и приоритеты внешней политики Российской Федерации // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение; МГИМО (У), 2004.
7. Севастьянов, С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. – Владивосток: ВГУЭС, 2009. – 212 с.
8. Minakir, P.A. The Russian Far East: From a Colonial to a Borderland Economy // Rediscovering Russia in Asia Siberia and the Russian Far East/ Ed. By St. Kotkin and D. Wolf. – N.Y., 1995.
9. Гарусова, Л.Н. Российский Дальний Восток и Соединённые Штаты Америки (1991-2000 гг.): монография. – Владивосток: ДВГУ, 2001. – 240 с.
10. Деваева, Е.И. Современные тенденции внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. – 1996. – №6.
11. Бурый, А.А. Вовлечение Востока России в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странам АТР // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – №4.
12. Киреев, А.А. Европейская и дальневосточная границы России: две модели управления? // Ойкумена, 2012. – № 2.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СООБЩЕСТВО И ЕГО ТИПОВ:
«РЕАЛЬНЫЕ», «ВИРТУАЛЬНЫЕ» И «ГИБРИДНЫЕ СООБЩЕСТВА»**

Аннотация: В статье рассматривается понятие сообщества в социологии, выделяются его сущностные черты и характеристики. Дается представление о двух фундаментальных основах сообщества: социальных институтах и коммуникации. Также определяются основные типы сообщества: «реальные», «виртуальные» и «гибридные». Обосновывается значение дальнейшего изучения «гибридных» сообществ, которые являются новым и малоизученным явлением в социальной реальности.

Ключевые слова: сообщество, виртуальное сообщество, онлайн сообщество, гибридизация сообщества, гибридные сообщества, социология города.

N. E. Kiselev

Post-graduate student, North-West Institute of management, RANEPА,
Saint Petersburg, Russia

**THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF COMMUNITY AND ITS
TYPES: «REAL», «VIRTUAL» AND «HUBRID» COMMUNITIES**

Abstract: The definition of the concept of community and its types: «real», «virtual» and «hubrid» communities. Abstract: The article considers the concept of community in sociology, highlights its essential features and characteristics. It gives an idea of two fundamental foundations of the community: social institutions and communication. The main types of community are also defined: «real», «virtual», and «hybrid». The article substantiates the importance of further study of «hybrid» communities, which are a new and little-studied phenomenon in social reality.

Keywords: community, virtual community, online community, community hybridization, city sociology.

Исследование сообществ в социологической традиции имеет долгую историю. Понятие «сообщество» является фундаментальным, но оно взято из обыденного языка, что породило характерную для науки проблему множественных определений. Иногда понятие «сообщество» употребляется в исследованиях без каких-либо пояснений, как нечто само собой разумеющееся, а иногда ограничиваются только видовым определением, характерным для исследуемой области. Стоит отметить, что первоначальные теоретические изыскания по указанной теме производились достаточно давно, еще до

появления информационных технологий, которые меняют социальную реальность.

В современной социологии встречаются различные определения сообщества, но, как и прежде, далеко не все исследователи уделяют данному понятию должное внимание. Таким образом, стоит задача поиска определения понятия сообщество и выделения его типов. Решение обозначенной задачи, предлагаемое в данной статье, должно стать основной для дальнейшего продуктивного эмпирического исследования современных сообществ, развитие и изменение которых во многом обусловлено новым информационными технологиями.

Целью данной статьи является поиск определения понятия «сообщество» в социологии, выявление его возможных типов и сущностных характеристик.

Согласно Российской социологической энциклопедии, сообщество – это «объединение индивидов, имеющих общие цели» [1, с. 476]. При всей лаконичности данное определение представляется недостаточным для продуктивного изучения сообществ, поэтому обратимся к социологической теории, которая показывает и разъясняет важность сообщества как предмета социологического изучения [2, с. 51].

Как правило, исследование сообществ в социологической традиции связано с деятельностью Чикагской школы. Основным предметом изучения ее представителей (Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Уорнера, Л. Вирта) была экологическая организация города и естественная история городских сообществ, а объектом, как правило, группы мигрантов [3, с. 107].

Так, Р. Парк определяет сообщество как «собрание людей, занимающих более или менее четкую область» и одновременно как «не просто собрание людей, но собрание институтов» [4, с. 14]. Ученый пишет, что сообщества можно классифицировать по количеству и разнообразию культурных, политических и профессиональных институтов, которые включают в себя сообщества. Среди институтов упоминаются домашние хозяйства, деловые и промышленные предприятия, а также места собраний. Определения института как такового социолог не дает, ограничиваясь перечислением примеров.

В связи с идеей Парка о роли институтов как своего рода фундамента сообщества уместно вспомнить более позднюю концепцию «третьего места», которую разработал другой американский социолог Р. Ольденбург. Согласно ученому, «третье место» — это «родовое понятие для большого разнообразия публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок дома и работы» [5, с. 58]. Отметим, что «дом» является «первым местом», «работа» - вторым, а «третьим» - ключевые точки неформальной жизни. Среди подобных точек Ольденбург перечисляет кафе, кофейни, бары, книжные магазины и др., являющиеся фундаментом для формирования сообществ.

Парк также указывает на две коннотации термина сообщество – пространственную и географическую: «Каждое сообщество имеет

местоположение, а индивиды, которые его составляют, имеют место жительства в пределах занимаемой сообществом территории», а также они «имеют некоторый род занятости в локальной экономике» [6, с. 230]. Присутствует в работах ученого и менее очевидная темпоральная коннотация: «сообщества рождаются, расширяются, расцветают на какое-то время, а затем приходят в упадок», но «сообщество живет дольше, чем индивиды, его составляющие» [7, с. 13].

В свою очередь В.С. Вахштайн, обобщая рассуждения Парка, предлагает формулу определения сообщества: $C = f(p, t)$, где C – сообщество, p – люди, t – территория, а в роли f поочередно выступают «институты», «нормативное принуждение», «общность культурных кодов» и т.п. Такова механика солидарности [сообщества]» [8, с. 76-77].

В более поздней работе ученый пишет, что данная формула «кажется все менее и менее удовлетворительной», а основанием сообщества является коммуникация, которая «все чаще фигурирует в качестве источника солидарности сообществ нового типа» [9, с. 24].

Вахштайн выделяет три параметра описания «производящей коммуникации» с каждым из которых связаны определенные исследовательские вопросы:

1. Структура коммуникативных обменов. Кто, с кем и как взаимодействует? Параметр плотности контактов между членами сообщества и силы коммуникативных связей между ними.

2. Событийная архитектура. Сообщества событийны, потому что событийна коммуникация. Сообщества порождаются событиями коммуникации; можно выделить два типа событий – образующие и рутинные. Оба вида событий участвуют в производстве сообществ: рутинные служат воспроизводству, а образующие – учреждению, являясь перформативными и абсолютными.

3. Коды коммуникации. На каком «языке» происходит коммуникация? Каковы его способы описания мира? Как совокупность метафор, используемая в данном языке, позволяет сообществу ответить на вопрос о себе и своем положении в мире?

Значимым добавлением В.С. Вахштайна к теоретическим работам, описанным ранее, является выделение коммуникации в качестве фундаментальной основы сообщества, что расширяет представления о сообществе, которое, согласно Парку, отсылало к социальным институтам.

Переосмысление наследия Чикагской школы встречается также у М. М. Соколова. Социолог, обращаясь к работе К. Аренсберга [10], ученика Л. Уорнера, указывает на четыре критерия «выборочной адекватности» локального городского сообщества: во-первых, сообщество включает основные группы, существующие в обществе; во-вторых, содержит паттерны отношений, которые существуют между выделенными группами; в-третьих, воспроизводится за счет собственных ресурсов, а не за счет постоянных притоков кадров извне; в-четвертых, периодически притягивается к общим

точкам соприкосновения [11, с. 77]. Социолог подчеркивает, что сообщество – категория дескриптивная (описательная), а не прескриптивная (предписательная).

М. Соколова акцентирует внимание на втором и четвертом критериях. Второй критерий поясняется следующим образом: степень единодушия внутри сообщества не должна превышать ту, которая наблюдается в нормальной ситуации внутри групп, составляющих общество, потому что враждебность и избегание являются его частью, как и проявления альтруизма и единства. Четвертый критерий показывает важный сдвиг в понимании сообществ: они не обязательно должны быть территориальными поселениями. Подобное суждение встречается ранее у Л. Вирта, изучавшего процессы урбанизации: «в сообществе, численность индивидов в котором превосходит предел, при котором каждый может близко знать любого другого, и все могут собраться в одном месте, возникает потребность в опосредованной коммуникации» [12, с. 117]. А изменение и усложнение социальных отношений в контексте развития современных средств коммуникации позволяет задаваться вопросами о том, как меняются сообщества, освобождаясь от территориальных ограничений.

Теоретические положения, изложенные выше, относятся преимущественно к сообществам в их традиционном для социологии понимании. Однако, на данный момент в социальной реальности наблюдается относительно новый тип сообществ, которые в специальной литературе называют «виртуальными» или «онлайн-сообществами». Именно они появились благодаря развитию средств коммуникации и могут быть характеризованы как не-территориальные. Г. Рейнольд определяет «виртуальные сообщества» как «социальные объединения, которые появляются в сети интернет, когда достаточно много людей проводят там публичные дискуссии продолжительное время, с достаточным человеческим чувством, чтобы сформировать сети личных отношений в киберпространстве» [13].

Критериями выделения «онлайн-сообществ», согласно Н. Бэйм, могут служить: во-первых, использование специфических средств выразительности в коммуникации; во-вторых, формирование идентичности у участников сообщества; в-третьих, появление определенных поведенческих норм; в-четвертых, появление сети отношений между участниками [14, с. 35-68]. Как отмечает сама ученоя, среди групп, которые подпадают под определение «онлайн-сообщества», наличие и выраженность указанных признаков могут варьироваться в связи с рядом факторов: внешним контекстом (культурная среда, языковая среда, тематика общения); технической структурой, обеспечивающей коммуникацию; темпоральной структура; целями, декларированными сообществом; количественным и качественным состав участников.

Можно вполне справедливо утверждать, что «онлайн-сообщества прочно вошли в повседневную жизнь, ими пользуются для общения по интересам, профессионального роста, организации протестов, продвижения бизнеса, эмоциональной поддержки, поиска специалистов...» [15, с. 30].

Подобные сообщества представляются основанными на коммуникации, опосредованной новыми информационными технологиями. Исследователи обратили внимание на явление перехода «онлайн-сообществ» в офлайн-пространство для достижения ими своих целей [16, с. 60]. Добавим, что сообщества в традиционном для социологии понимании, которые условно называются «реальными», претерпевают качественные изменения и также могут совершать переход в онлайн-пространство. Отметим, что ряд исследователей обходится без определения термина сообщество (используя его скорее как рамку, чем как аналитический инструмент) [17, с. 106-132] или, в лучшем случае, ограничивается определением характерным для их исследовательского поля, что является закономерной стратегией, если заниматься исключительно «онлайн» («виртуальными») или «офлайн» («реальными») сообществами. Но при кажущемся удобстве разделения современных сообществ на два типа «онлайн» и «офлайн», которое в некоторых исследованиях приобретает характер жесткого противопоставления [18, с. 102-105], данное разделение выглядит, как минимум, недостаточным. На практике можно наблюдать еще один тип - «гибридные сообщества», которые сочетают характеристики, свойственные «реальным» и «виртуальным». Обратимся к поиску определения и сущностных черт «гибридных сообществ».

Д.Е. Добринская, анализируя обширный круг актуальных источников по теме сообщества, выявляет специфику концептуализации сообществ в рамках современных социологических исследований. Ученая приходит к выводу, что «распространение новых информационных и коммуникативных технологий изменило способы, с помощью которых создаются, организуются и функционируют сообщества, предоставив возможности для новых форм социального взаимодействия» [19, с. 76].

Согласно Д.Е. Добринской, наблюдаются процессы гибридизации сообществ, которые позволяют рассматривать своеобразное «продолжение» сообществ (в их традиционном для социологии понимании) в киберпространстве. «Гибридизация» сообществ означает фактическое объединение свойств «реальных» и «виртуальных» сообществ.

Гибридные сообщества характеризуются подвижными границами и большим потенциалом для роста, но, как и прежде, транслируют определенные смыслы и ценности, принятые участниками данных сообществ. Участники разделяют нормы и правила сообщества, обладают идентичностью, общим интересом и конкретными целями социального взаимодействия.

В качестве примера «гибридных» сообществ можно привести фанатские сообщества. Исследователи обнаружили, что фанатская культура перестает быть «культурой выходного дня», а существует «повсюду и круглосуточно», являясь значимой частью повседневной жизни ее участников. Так фанатские сообщества, посредством новых технологий, могут коммуницировать и координировать свои действия почти мгновенно, что влияет на воспроизводство идентичности. В результате границы между «реальными» и

«виртуальными» сообществами стираются, а сами «фаномы» (фанатские миры) занимают доминирующее место в медиакультурах [20, с. 45].

Показателем расширения границ «фаномов» служат «новые культурные практики, а именно создание собственных культурных продуктов, которые имеют как декларативно-презентационное значение, так и обеспечивают знаково-символический уровень интеграции фанатской активности» [20, с. 46]. Одной из основных форм такого создания собственных культурных продуктов являются разнообразные текстовые и визуальные материалы, публикуемые и распространяемые в киберпространстве.

Еще один пример «гибридного» сообщества обнаруживается в исследовании в области социологии литературы, которое посвящено теме «режимов чтения» [21]. Работа, которая будет рассмотрена ниже, не содержит в себе каких-либо упоминаний сообществ, однако, содержит эмпирический материал, позволяющий говорить об их наличии.

Е. Вежлян (Воробьева) приводит фрагмент интервью с одной из респондентов, которая пишет и читает стихи, а также выступает с ними: «Я пришла на вечер, выступила, спела две свои песни <...> Все вот эти тусовки поэтические, они друг с другом пересекаются. Одна большая паутина. Все друг друга в принципе знают и таких поэтических групп очень много».

Данная цитата свидетельствует, как минимум, о существовании сети отношений между индивидами, увлеченными поэзией, которые образуют определенные сообщества и реализуют свое увлечение как перформативную практику выступлений. Ученая отмечает, что такие группы связаны с различными городскими площадками – кафе, антикафе, культурными пространствами и музеями, где происходят вечера. Здесь уместно вспомнить о институтах как фундаменте сообщества, а точнее о «третьих местах». А также о событийности коммуникации – в данном случае само мероприятие чтений, которые, повторяясь более-менее регулярно, могут быть предположительно названы типовой рутинной коммуникацией для данных сообществ, поддерживающей его воспроизводство. Важно заметить, что открытые площадки репрезентируют себя в социальных сетях, как правило, на собственной отдельной странице, где публикуются тексты участников и записи выступлений, что опять же является примером рутинной коммуникации, но уже опосредованной новыми технологиями.

Автор рисует типичный путь, каким респонденты попадали в число участников описанных выступлений. Как правило, индивид сам уже пишет стихи и имеет представление о поэзии как об исполнении со сцены (иными словами, имеет интерес), после чего начинает искать в Интернете – как в поисковых системах, так и в социальных сетях – где он может выступить. Затем, достаточно быстро, индивид находит одну из «открытых площадок». Сами открытые площадки могут рассматриваться как институты неформальной культуры. В прочем, имеющиеся данные не позволяют судить определенно об организации гибридных сообществ, их структуре и составе, языках, что требует дальнейшего изучения.

При условии, что некоторое количество участников поэтических мероприятий является более-менее постоянными – коммуницируя с другими через перформативные практики выступлений, а также киберпространстве, в социальных сетях, где репрезентируются выступления через публикацию авторских культурных продуктов, получается картина сопоставимая с фан-сообществами – участники которых коммуницируют «повсюду и круглосуточно».

Таким образом, при рассмотрении понятия «сообщество» в социологии, выявлены три основных типа сообществ: «реальные», «виртуальные» и «гибридные». Первые два типа обладают своими специфическими сущностными чертами, которые во многом совпадают, но отличны по категории локализации в пространстве и своему фундаменту. «Реальные» связываются в первую очередь с физическим пространством и социальными институтами, а «виртуальные» с киберпространством и коммуникацией, опосредованной новыми информационными технологиями. Оба типа сообществ достаточно изучены в социологии и продолжают изучаться, с учетом изменений в социальной реальности, которые связаны с обозначенными технологиями. При рассмотрении третьего типа сообществ – «гибридного» – обнаруживается сочетание сущностных характеристик «реальных» и «виртуальных» сообществ и двойственность их фундамента, поскольку они явно основываются как на социальных институтах («третьих местах»), так и на опосредованной коммуникации, но и сохраняют такие черты сообществ как общий интерес, идентичность, нормы и правила, цели взаимодействия. Дальнейшее изучение «гибридных сообществ» позволит не только описать данный тип и обогатить социологическую теорию в области сообществ, но и лучше понять изменения, происходящие с «реальными» и «виртуальными» сообществами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская социологическая энциклопедия / Под ред Г.В. Осипова. – М., 1998. – 672 с.
2. Вирт, Л. Избранные работы по социологии. – М., 2005. – 243 с.
3. Сафонова, М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. – 2012. – №5.
4. Парк, Р. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. – 2002. – №3.
5. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 454 с.
6. Парк, Р.Э. Социология, сообщество и общество // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – Вып. 1(2).

7. Парк, Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологические обозрение. – 2006. – №1.
8. Вахштайн, В.С. Производство сообществ: Событие, язык, коммуникация // 60 параллель. – 2011. – № 2.
9. Вахштайн, В.С. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. – 2013. – № 3.
10. Arensberg, C. The Community as Object and As Sample // American Anthropologist. – 1961. – Vol. 63. – № 2.
11. Соколов, М.М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. – 2012. – № 6.
12. Вирт, Л...Указ. соч.
13. Rheingold, Н. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier.1993. [Электронный ресурс] / Rheingold, Н. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/virtual-community> Дата обращения: 28.04.2020.
14. Baym, N.K. The emergence of on-line community // New media cultures, Vol. 2. Cybersociety 2.0: Revisiting computer-mediated communication and community.
15. Рыков, Ю.Г., Кольцова, О.Ю., Мейлахс, П.А. Структура и функции онлайн сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. – 2016. – №8.
16. Степанова, Е.А. Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018 – № 2.
17. Видясова, Л.А., Григорьева, И.А. Исследование возможностей социальной инклюзии пожилых через взаимодействие в онлайн среде (на примере сообществ в социальной сети «ВКонтакте») // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 2.
18. Фортунатов, А.Н., Бокова, А.В. Преодоление виртуальности. Опыт компаративного анализа социальных значений локальных сообществ в Томске и Нижнем Новгороде // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №388.
19. Добринская, Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24. – № 4.
20. Быховская, И.М., Люлевич, И. Ю. Фандомы – сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении // Социология власти. – 2018. – №2
21. Вежлян (Воробьева), Е. Современная поэзия и «проблема» ее нечтения: опыт реконцептуализации [Электронный ресурс] / Вежлян (Воробьева) Е. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017/article/12371/ Дата обращения 23.04.2020

УДК 323.2

К.И. Костиневич

аспирант, УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Белоруссия

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК КАНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: В статье рассматривается роль телевидения в массовой политической коммуникации власти и общества в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Политическая коммуникация, каналы политической коммуникации, СМИ, телевидение.

K.I. Kostsinevich

Postgraduate student, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

TV AS A CHANNEL OF POLITICAL COMMUNICATION BETWEEN POWER AND SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract: In the article is devoted to the role of TV in the mass political communication of power and society in the Republic of Belarus.

Keywords: Political communication, channels of political communication, mass media, TV.

Каналы политической коммуникации являются *средствами передачи политической информации от субъекта политической коммуникации к объекту, которые адаптируют отправленную информацию, а также являются средствами обратной связи для отправителя сообщения*. Роль каналов в политической коммуникации постоянно возрастает ввиду развития информационно-коммуникационных технологий. Каналы отличаются по форме, масштабу и содержанию передаваемой информации.

По мнению Д. Ниммо, каналы коммуникации «являются средством ведения переговоров о постоянном регулировании социальных конфликтов» [1, р. 161], они состоят из символов и их комбинаций, методов и средств передачи информации. В зависимости от масштаба выделяются:

- каналы массовой политической коммуникации «один ко многим», например, митинг, пресс-конференция и коммуникация посредством СМИ;
- межличностные каналы в очной (технология «от двери к двери») и опосредованной (телефонные «горячие линии») формах;
- организационные каналы (формальные (партии, бюрократия) и неформальные (семья, друзья)) состоят из массовых и межличностных форм коммуникации. Организационная коммуникация обеспечивается внутренними

и внешними каналами, требования к которым «определяются структурой и функциями организации, а также особенностями входящих в нее индивидов» [1, р. 57]. Внутренние каналы выступают основой принимаемых решений и распространяют информацию о решениях в организации. Внешние каналы предназначены для взаимодействия с гражданами и иными институтами для получения поддержки принимаемых решений, информирования о принятых решениях и деятельности организации, осуществления консультаций.

Р. Фейджн выделяет четыре вида каналов политической коммуникации: организации, группы, СМИ и специальные каналы агрегирования и артикуляции интересов. Организационные каналы – это «институты, которые могут иметь национальный или почти национальный масштаб и значение, неизменную или отчасти неизменную структуру, при этом они могут не действовать на постоянной основе» [2, р. 37].

Группы «являются узлами обмена информацией и влиянием» [2, р. 41]. В отличие от организаций коммуникация в группах носит менее формальный характер. Группы могут формироваться как внутри организаций, образуя неформальные каналы коммуникации, так и вне их.

Медиа упрощают циркуляцию информации в политической системе, увеличивая скорость и расстояние распространения информации, они приводят к росту значимости фактора публичности в политическом процессе и вовлекают большее число граждан в политическую сферу. «Развитие СМИ привело к новому сочетанию опосредованной и неопосредованной коммуникации» [2, р. 45] и появлению новых коммуникационных сетей.

Специальные каналы артикуляции и агрегации интересов граждан (выборы, мятежи, демонстрации, опросы граждан) носят непостоянный характер и формируются при особых условиях.

Г. В. Пушкарёва, исходя из формы распространения политической информации, выделяет официальные, персональные, опосредованные и анонимные каналы коммуникации [3, с. 51-54]:

- В официальных каналах информация носит обезличенный характер и исходит от политических институтов в виде принятых решений;
- Персональные каналы передают информацию от конкретного лица через публичные выступления. Персональная коммуникация призвана оказывать эмоциональное воздействие на адресата;
- В опосредованных каналах коммуникаторами выступают институты-медиаторы, призванные налаживать взаимодействие власти и общества, например, СМИ, исследовательские структуры, партии, общественные объединения.
- Анонимные каналы коммуникации не имеют «достоверно известного источника информации» [3, с. 53] и не подвергаются жёсткому контролю и регулированию со стороны государственных органов;

Р.-Ж. Шварценберг выделял следующие способы коммуникации:

- Коммуникация посредством печатных и электронных СМИ;

- Через организации гражданского общества, которые служат «передаточным звеном между правителями и управляемыми» [4, с. 175];
- Коммуникация через неформальные каналы при помощи личных связей.

Итак, СМИ выступают одним из основных каналов политической коммуникации, и роль телевидения остаётся одной из важнейших в массовой политической коммуникации. Телевидение как канал коммуникации обеспечивает оперативную передачу политической информации, способствует осуществлению объяснительной функции при передаче информации, оно является одним из важнейших средств формирования общественного мнения и повестки дня.

В информационном поле Республики Беларусь телевидение остаётся основным каналом массовой политической коммуникации власти и общества. Однако его роль постоянно трансформируется [5, с. 50-55]. Так, на первом этапе развития информационного поля (1992–2001 гг.) ведущую роль на белорусском телевидении играли российские телеканалы. На втором этапе (2002–2005 гг.) в Беларуси формируются новые национальные телеканалы (ОНТ, ЛАД), которые транслировали большое количество российского контента, что обеспечивало им широкую аудиторию. В период с 2006 по 2010 гг. телевидение достигает наибольших показателей численности аудитории. В свою очередь, на современном этапе (с 2011 г.) наблюдается снижение аудитории телезрителей, в то время как большую часть аудитории «перехватывает» интернет, белорусские телеканалы, несмотря на высокую конкуренцию со стороны зарубежных, занимают ведущие позиции среди зрителей. Как отмечает О. Г. Слука, «степень влияния телевидения на аудиторию в настоящее время значительно сильнее политических партий, общественных объединений» [6, с. 134].

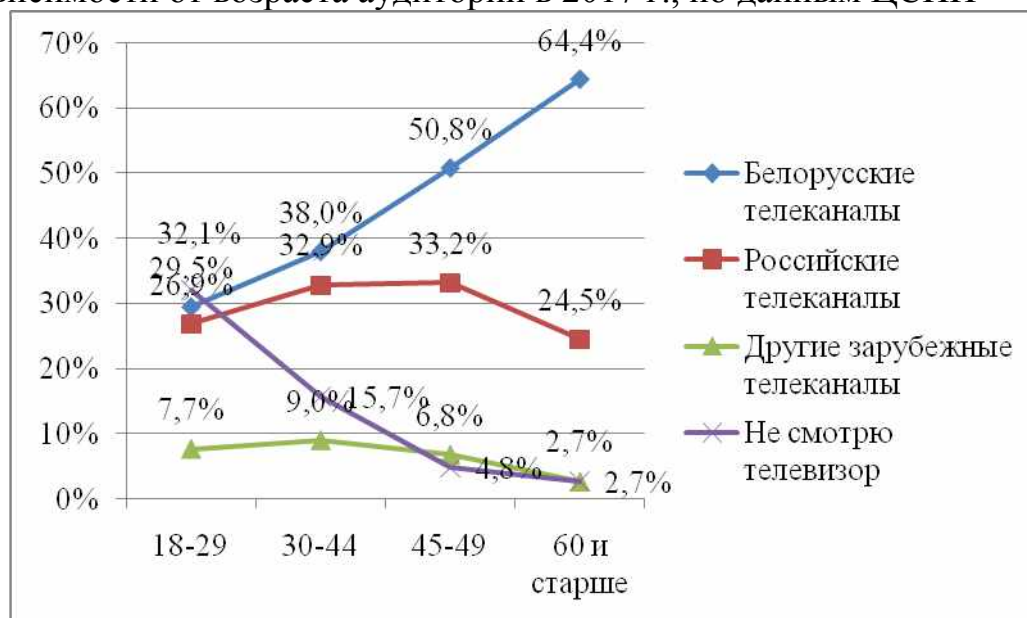
По данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (далее – ИАЦ) за 2018 г., 72% белорусов получали информацию посредством телевидения [7, с. 133]. Однако в последние годы наблюдается падение интереса к данному средству коммуникации, особенно среди белорусов в возрасте 18-39 лет (для людей 18-29 лет показатель составляет 43,6% (в 2013 г. составлял 72,1%), 30-39 лет – 60,9% (80,4%)). Основным источником информации телевидение остаётся для людей от 40 лет и старше (от 73,9% для людей 40-49 лет до более чем 90% для людей от 60 лет и старше) [8, с. 106; 7, с. 133].

Политическую информацию из телевидения, по данным Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (далее – ЦСПИ), в 2019 г. получали 64,6% белорусов [9, с. 10–11]. Особенно важную роль данное средство коммуникации играет для людей старше 30 лет (в 2017 г. политическую информацию из телепередач получали 63,9% белорусов от 30 до 44 лет, в возрасте от 45 до 59 лет – более 80%, а от 60 лет и старше – 89,3%), среди людей от 18 до 29 лет менее половины используют телевидение как канал получения политической информации (42,3%) [5, с. 59].

Особое значение телевидение имеет для жителей села, малых и средних городов. Так, по данным ЦСПИ, в 2013 г. наибольшая доля белорусских телезрителей проживала в сельской местности (27,8%), далее идут крупные города (21,5%), г. Минск (18,7%), малые (17,3%) и средние (14,7%) города [10, с. 118]. Для сравнения, по данным переписи населения за 2009 г., в сельской местности проживало 25,7% белорусов (2439278 человек), в г. Минске – чуть больше 19,3% (1836808), в малых городах (до 20000 жителей) – 12,4% (1181924), средних (от 20000 до 100000 жителей) – 12,9% (1230252), а в больших городах (с населением свыше 100000, за исключением г. Минска) – 29,6% (2815545) [11; 12; 13].

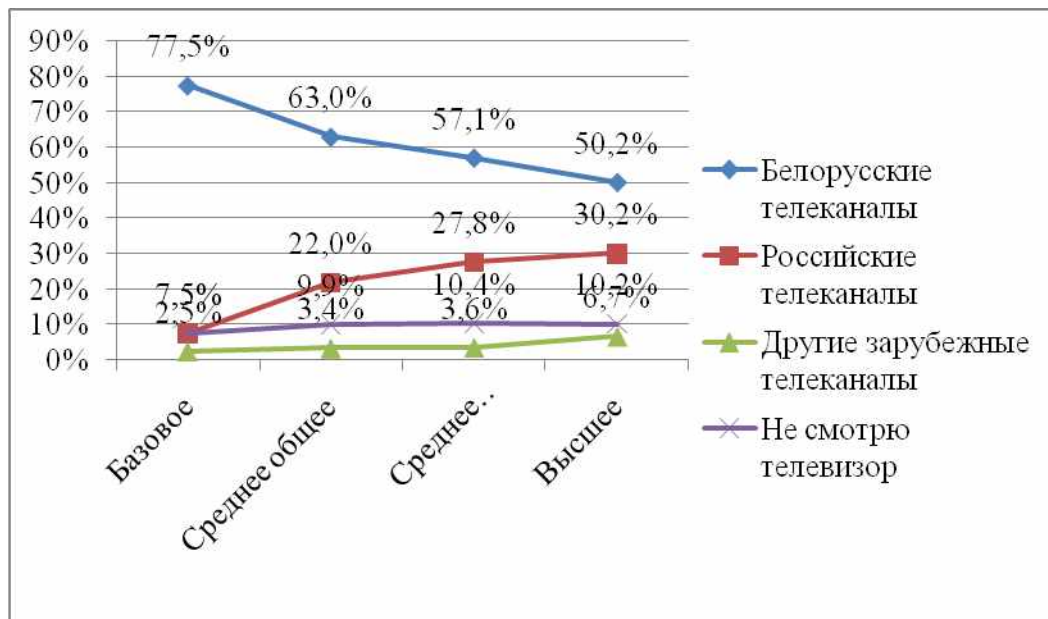
Относительно уровня доверия телеканалам в Беларуси, отмечается рост доверия белорусским телеканалам с увеличением возраста зрителей (от 29,5% в возрасте 18-29 лет до 64,4% – от 60 лет и старше), тогда как к зарубежным, за исключением российских, – падает (исключение – зрители 18-29 лет) (Рис. 1). Российскому телевидению меньше доверяют люди 18-29 лет (26,9%) и от 60 лет и старше (24,5%). Со снижением уровня образования и масштаба населённых пунктов аудитории растёт доверие к белорусскому телевидению (Рис. 2, Рис. 3). В отношении иностранного телевидения корреляция с уровнем образования обратная: с его увеличением растёт доверие к иностранным телеканалам, в том числе российским, а относительно масштабов населённых пунктов – чем меньше населённый пункт, тем выше доверие к российским телеканалам, за исключением г. Минска.

Рис. 1 Уровень доверия белорусским и зарубежным телеканалам в зависимости от возраста аудитории в 2017 г., по данным ЦСПИ

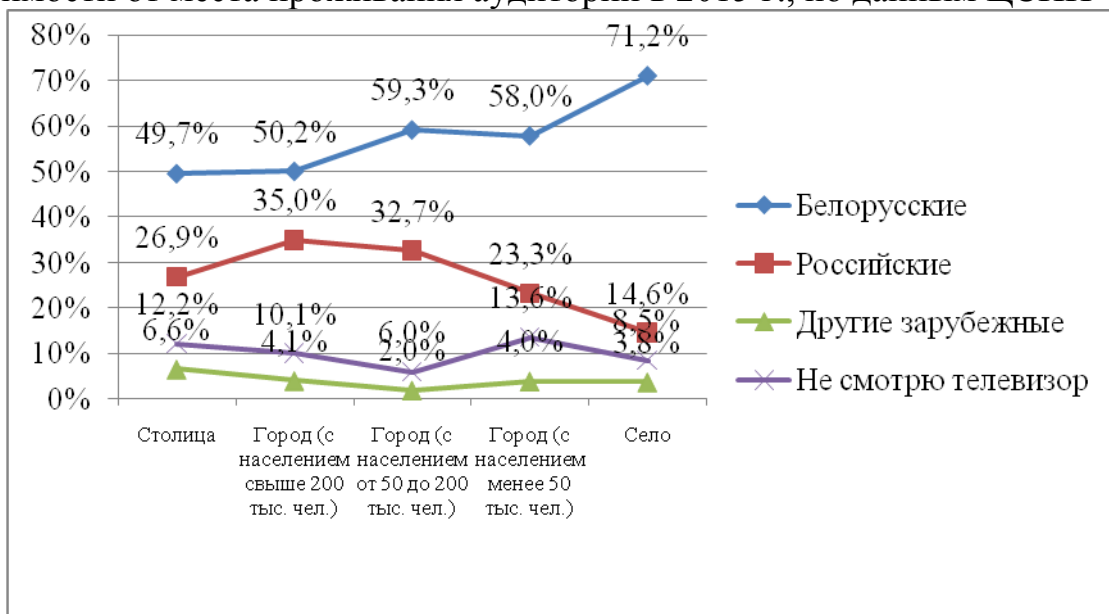
Примечание – Источник: [5, с. 80].

Рис. 2 Уровень доверия белорусским и зарубежным телеканалам в зависимости от уровня образования аудитории в 2015 г., по данным ЦСПИ

Примечание – Источник: [14, с. 111].

Рис. 3 Уровень доверия белорусским и зарубежным телеканалам в зависимости от места проживания аудитории в 2015 г., по данным ЦСПИ

Примечание – Источник: [14, с. 112].

Самым популярным жанром вещания для белорусских телезрителей являются новости. По данным ИАЦ, в 2018 г. новости смотрели 67,8% белорусов, предпочитающих смотреть белорусское телевидение и 38,3% – зарубежное [7, с. 140, 141]. По данным ЦСПИ, новостные и информационные передачи в 2017 г. смотрели 68,1% зрителей, информационно-аналитические передачи смотрели 29,4% зрителей [9, с. 27-28], по данным ИАЦ, в 2018 г. данный жанр смотрели 20,5% зрителей, предпочитающих белорусское телевидение и 14,3%, предпочитающих зарубежное [7, с. 140, 141]. Интерес к общественно-политическим программам чуть ниже – их смотрят менее пятой части зрителей (18,9% – ЦСПИ) [9, с. 27-28].

На протяжении 2010-х гг. самым популярным телеканалом для белорусов являлся «ОНТ», по данным Института социологии Национальной академии наук Беларуси, в 2019 г. в будние дни его смотрели 44,4% зрителей, в выходные – 39,1% [15]. Однако рейтинг данного канала на протяжении десятилетия снижается, по данным ИАЦ и ЦСПИ, в начале 2010-х гг. он составлял более 80%, а к концу десятилетия составлял около 60% (62,7% в 2017 г., по данным ЦСПИ и 59,8% в 2018 г., по данным ИАЦ) [5, с. 74; 7, с. 137]. По данным ИАЦ, в начале 2010-х гг. на данном телеканале в рейтинг самых популярных передач входили новостные программы «Наши новости» (1-ое место в 2011 г.) и «Контур» (2-ое место в 2011 г., 3-е в 2012 г. (процент ответов среди респондентов составил 9,2%), 5-ое в 2013 г. (7,4%)) [16, с. 67; 17, с. 74; 18, с. 97], однако в последующие годы новостные, информационно-аналитические и общественно-политические передачи данного телеканала в рейтинг не попадали.

Следующими после ОНТ по популярности были телеканалы «Беларусь 1» (33,2% зрителей смотрели его в будние дни, 31,1% – в выходные), «НТВ-Беларусь» (32,2% и 30,4%), «РТР-Беларусь» (24,5% и 25,2%), «Россия 1» (12,9% и 11,3%), СТВ (9,4% и 10,7%), «Беларусь 2» (10,4% и 8,5%) и «Мир» (по 8%) [15].

До 2016 г. у канала «Беларусь 1» в рейтинге самых популярных передач были новостные программы «Панорама» (1-ое место в 2011 г. и 3-е в 2012 г. (процент ответов среди респондентов – 6%)) и «Новости региона» (4 место в 2011 г.), из общественно-политических и информационно-аналитических в рейтинг входили «Сфера интересов» (8-ое место в 2011 г. и 5-ое в 2016 г. (3,2%)), «Вокруг планеты» (3-е место в 2013 г. (5,6%)) и «Клуб редакторов» (4-ое место в 2016 г. (4,1%)) [16, с. 66; 17, с. 73; 18, с. 96; 19, с. 123]. Однако в 2018 г. в рейтинге самых популярных программ данного телеканала отсутствуют новостные, общественно-политические и информационно-аналитические передачи, за исключением утреннего шоу «Доброй раніцы, Беларусь!» (3 место, 8,9%) [7, с. 142], в котором время от времени транслируется политический контент, например, интервью с депутатами Палаты представителей или послами иностранных государств [20; 21], а также блоки новостей, однако трансляция политической информации для данной передачи не является приоритетной.

На телеканале «СТВ» и, находящемся в его управлении, канале «РТР-Беларусь» при распространении политической информации большую роль играет российский контент. Так, если в 2011 и 2012 гг. в рейтинге передач на лидирующих позициях на «СТВ» были белорусские новостные передачи («24 часа», «Столичные подробности», «Минщина», «Неделя»), то с 2013 г. наиболее популярными общественно-политическими и информационно-аналитическими программами стали «Военная тайна» (в 2013 г. – 4 место (5,3%), в 2014–2016 гг. – 2 место (7,7%, 9% и 15,1%, соответственно)), «Тайны мира» (в 2013 г. – 3 место (7,5%)) и «Самые шокирующие гипотезы» (в 2018 г. – 1 место (21,2%)) [16, с. 68; 17, с. 75; 18, с. 98; 8, с. 122; 22, с. 134; 19, с. 124; 7,

с. 144], созданные российским телеканалом «РенТВ», зачастую они строятся на конспирологических теориях и манипулятивном обращении с информацией.

На телеканале «РТР-Беларусь» в рейтинге 2011 г. присутствовали белорусская новостная передача «Новости Беларуси» (2 место) и российская – «Вести» (1 место), а также российская общественно-политическая передача «Поединок» (9 место) [16, с. 68]. С 2014 г. среди передач, содержащих политическую информацию, наиболее популярны среди белорусских зрителей данного телеканала российские программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» (с 2018 г. «Вечер с Владимиром Соловьёвым») (4 место в 2014 и 2015 гг. (9,9% и 7,7%) и 5 место в 2016 и 2018 гг. (6,9% и 8,3%)) и «60 минут» (4 место в 2018 г. (9,6%)) [8, с. 123; 22, с. 134; 19, с. 125; 7, с. 144].

Таким образом, в Беларуси телевидение в качестве источника политической информации востребовано в первую очередь среди людей старше 40 лет, а также среди жителей сельской местности, малых и средних городов, также оно более популярно для менее образованной части населения. Соответственно, наибольший эффект использования телевидения при взаимодействии власти и общества может быть достигнут при работе с аудиторией, обладающей данными характеристиками.

Белорусские телеканалы, несмотря на наибольшие показатели популярности среди зрителей теряют популярность, что негативно сказывается на потенциале телевидения в качестве канала политической коммуникации. Однако оно остаётся важнейшим каналом массовой политической коммуникации власти с обществом.

Самым востребованным жанром среди белорусских телезрителей, несмотря на снижение спроса, являются новости, данный запрос удовлетворяют белорусские телеканалы. Запрос на объяснительную функцию в большей степени удовлетворяет российский контент, на что указывает наличие общественно-политических и информационно-аналитических передач российского производства в списках самых популярных программ. Данная тенденция снижает возможности белорусской власти осуществлять объяснительную функцию через СМИ и отражает необходимость повышения качества и количества общественно-политических и информационно-аналитических передач, выпускаемых белорусскими производителями, с целью «перехвата» объяснительной функции у российских телеканалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nimmo, D. Political Communication and Public Opinion in America – Santa Monica, Calif.: Goodyear Pub. Co., 1978. – XIII., 465 p.
2. Fagen, R.R. Politics and communication. – Boston: Little, Brown & Company, 1966. – X, 156 p.
3. Пушкарева, Г.В. Политические коммуникации. Политическое обеспечение бизнеса: учеб. пособие / под ред. Ю. С. Коноплина. – М.: Изд-во МАИ, 1995. – 56 с.

4. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. – М.: Б. и., 1992. – Ч. 1. – 180 с.
5. Посталовский, А.В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение. – Минск: РИВШ, 2019. – 235 с.
6. Слука, О. Г. Белорусское телевидение в гражданском обществе. Аудиовизуальные медиа в условиях трансформации социокультурной среды: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 5 апреля 2019 г. / Факультет журналистики БГУ; под общ. ред. В.Г. Булацкого. – Минск, 2019.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2018. – 180 с.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2014 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А.П. Дербина. – Минск: Белорусский Дом печати, 2015. – 200 с.
9. Ротман, Д.Г. Ситуация в современном информационном поле Республики Беларусь: особенности социологического изучения и некоторые выводы / Д.Г. Ротман // Современное информационное поле: особенности функционирования и новые подходы к социологическому исследованию СМИ: сб. науч. статей / Центр социологических и политических исследований Белорус. гос. ун-та ; под ред. А.В. Посталовского, Д.Г. Ротмана. – Минск, 2019. – С. 9–38.
10. Ротман, Д.Г. Информационное поле Республики Беларусь: анализ результатов социологического мониторинга // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2014. – № 2.
11. Численность населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/respondent/1.1-0.pdf>. Дата обращения: 25.02.2020.
12. Группировка сельских населённых пунктов по численности проживающего в них населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/respondent/1.5-0.pdf>. Дата обращения: 25.02.2020.
13. Группировка городов, посёлков городского типа по численности проживающего в них населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/respondent/1.4-0.pdf>. Дата обращения: 25.02.2020.

14. Посталовский, А.В. Телевизионное пространство Беларуси (по материалам социологического мониторинга 2003-2015 гг. // Социология: научно-теоретический журнал. – 2016. – № 1.

15. Предпочтения белорусских телезрителей [Электронный ресурс] // Инстытут сацыялогіі. – Режим доступа: <http://socio.bas-net.by/predpochteniya-belorusskih-telezritelej/>. Дата обращения: 01.04.2020.

16. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2011 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. Л.Е. Криштаповича. – Минск: Бизнесофсет, 2012. – 105 с.

17. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2012 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. Л.Е. Криштаповича. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – 124 с.

18. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2013 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. В.О. Дашкевича. – Минск: Белорус. Дом печати, 2014. – 181 с.

19. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А.П. Дербина. – Минск, 2017. – 208 с.

20. Палата представителей Национального собрания 7-го созыва. Эфир 17.12.2019 [Электронный ресурс] // YouTube. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=gB2W_MPR-1Y&list=PLjIbIQWdsSn6iJZmyZNwuG8A77qcFsid&index=6. Дата обращения: 25.02.2020.

21. Дог-дипломатия в посольстве Великобритании. Эфир 20.12.2019 [Электронный ресурс] // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wK8cE3berVI>. Дата обращения: 25.02.2020.

22. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А.П. Дербина. – Минск, 2016. – 212 с.

УДК 327.82

К.Е. Кузовенкова

студент-бакалавр, Нижегородский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Нижний Новгород, Россия

Г.Ж. Нгома Лухуоло

независимый исследователь, г. Нижний Новгород, Россия

ОТНОШЕНИЯ США И РЕСПУБЛИКИ КОНГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НАДЕЖДЫ НА ПРАГМАТИЗМ НЕ ОПРАВДАЛИСЬ

Аннотация: Актуальность настоящей статьи связана с активной внешней политикой, проводимой США во всём мире. Целью статьи является выявление причин сложностей в отношениях США и Республики Конго в настоящее время. Выявлены причины игнорирования конголезского лидера главой США.

Ключевые слова: Международные отношения, США, Республика Конго, Д. Трамп, Д. Сассу-Нгессо, прагматизм, визит, демократия.

К.Е. Kuzovenkova

student bachelor, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the
Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the
Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia

G.Zh. Ngoma Lukhuolo

free researcher, Nizhny Novgorod, Russia

RELATIONS BETWEEN THE UNITED STATES AND THE REPUBLIC OF THE CONGO AT THE PRESENT MOMENT: HOPES FOR PRAGMATISM HAVE NOT BEEN FULFILLED

Abstract: The relevance of this article is related to the active foreign policy pursued by the United States worldwide. The purpose of the article is to identify the causes of difficulties in the relations between the United States and the Republic of the Congo at present. Reasons have been identified for ignoring the Congolese leader by the head of the United States.

Keywords: International Relations, USA, Republic of Congo, D. Trump, D. Sassou-Nguesso, pragmatism, visit, democracy.

Взаимоотношения с США являются весьма важными для всех государств в мире. Связано данное обстоятельство с огромным влиянием и ресурсами, которыми обладает данное государство. В полной мере значимость отношений с США иллюстрируется на примере Республики Конго.

Данное государство в Тропической Африке, являвшееся до 1960 года французским владением, возглавляет один из авторитетнейших политиков на континенте Д. Сассу-Нгессо [1]. Под его руководством РК стремится проводить многовекторную внешнюю политику (включая, разумеется, и активное сотрудничество с Российской Федерацией!). Длительное время приоритетными были отношения с бывшей метрополией – Францией [2, с. 16].

Необходимо отметить, что экономическое положение Республики Конго нельзя признать хорошим. По уровню ВВП на душу населения это государство находится на 149 месте в мире. Необходимо отметить, но для улучшения экономического положения в РК требовалась не только поддержка со стороны Франции. Однако представители ЕС и США настойчиво требовали ещё в 1990-х годах от вернувшегося к власти Д. Сассу-Нгессо соблюдения демократических норм и процедур [3, р. 159]. Эти обстоятельства способствовали установлению в РК так называемой «имитационной демократии».

Отношения с США в целом были восстановлены в начале нынешнего столетия [4, с. 69]. Не случайно, что в 2006 году в Браззавиле было открыто новое посольство США в РК. Сам Д. Сассу-Нгессо стремился всячески продемонстрировать американским партнёрам, что он готов адаптироваться к требованиям окружающего мира, в котором де-факто доминируют США. Кроме того, он выражал стремление привлечь новых инвесторов из США, а также подписать экономические соглашения и протоколы в целях дальнейшего укрепления экономических связей между двумя странами, в том числе в области добычи углеводородного сырья, где традиционно доминировал французский капитал. Упрочили своё влияние в РК также такие американские гиганты нефтяной индустрии, как «Chevron» и «Техасо» [5]. Кроме того, в РК появилось представительство американского гиганта агробизнеса «Seaboard Corporation», расположенное в главном городе Южного Конго Долисье. Присутствие этих фирм, символов американского могущества, придало новый импульс двусторонним экономическим и политическим отношениям между Республикой Конго и ведущей мировой державой.

В последние годы отношения между режимом Д. Сассу-Нгессо и США усложнились. Прежде всего укажем, что к 2016 году у Д. Сассу-Нгессо уже давно были натянутые отношения с «Эксонмобил» и его главой Рексом Тиллерсоном, ставшим в 2017 году госсекретарём США. Связано это с тем, что глава РК не предоставлял корпорации желаемых ей преференций при добыче нефти в Конго. Д. Сассу-Нгессо, как и другие авторитарные африканские лидеры, стремятся к иностранному покрытию внутренних проблем. В этом ключе главная задача – добиться того, чтобы США не препятствовали президентству Д. Сассу-Нгессо [6] несмотря на неоднозначность его прихода к власти в 2015 году и последующему подавлению протестов в департаменте Пул на юге страны.

Судя по всему, надежды на лояльность со стороны нынешнего президент США Д. Трампа в РК связывают с отсутствием у последнего

интереса к проблемам прав человека и присущим ему же прагматизмом во внешнеполитической сфере [7, с. 15]. Следует упомянуть, что надежды на прагматизм Д. Трампа связывали многие африканские политические деятели – особенно те из них, которых сложно причислить к сторонникам демократии (таковых в Африке и по сей день немало [8, с. 174]). Так, например, бурундийский лидер Пьер Нкурунзиза поздравил Трампа через несколько минут после его избрания. Сходным образом отреагировали главы Руанды Пол Кагаме и Уганды Йовери Мусевени. «Ваша победа», – провозгласил Нкурунзиза, – «это победа всех американцев».

Историческая встреча глав США и РК была запланирована на 27 декабря 2016 года. Значимость встречи объяснялась тем, что глава РК является председателем Комитета Африканского Союза по Ливии. Как известно, фактический распад ливийского государства создал глобальный кризис безопасности, а также привёл к миграционному кризису в Европе [9]. Декларировалось, что встреча будет посвящена поиску путей и средств выхода из кризиса в Ливии, а в более широком плане – остальной Африке и другим международным вопросам. Именно так говорилось в заявлении президента Республики Конго [10].

На практике в итоге выяснилось, что встреча не была согласована [11]. По сути было наглядно продемонстрировано, кому в действительности была необходима та встреча для демонстрации своей значимости в мире, а кому – нет. Мало того, Д. Трамп почти не проявлял интереса к африканским делам, а иногда и позволял себе весьма нелицеприятные высказывания о странах Африки [12]. По большому счёту, американскую администрацию интересуют отношения лишь с очень ограниченным кругом африканских государств, являющихся важными торговыми партнёрами американского государств.

Таким образом, следует признать, что, во-первых, ставка Д. Сассу-Нгессо на улучшение отношений с США ввиду прихода новой администрации, которая меньше прежней уделяет внимание проблеме прав человека и демократии, не оправдалась. Во-вторых, повышение авторитета конголезского государства не происходит, а проблемы соблюдения демократических норм и прав человека в данном государстве по-прежнему вызывают озабоченность мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова, Н.В. Д.Сассу-Нгессо / Н.В. Виноградова // Африка Васильев А.М., Исмагилова Р.Н., Шубин В.Г., Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Винокуров Ю.Н., Гевелинг Л.В., Громова Н.В., Громыко А.А., Корендясов Е.Н., Летнев А.Б., Потемкин Ю.В., Следзевский И.В., Солодовников В.Г., Ткаченко А.А., Фитуни Л.Л. Энциклопедия: в 2 томах. Российская академия наук, Институт Африки; главный редактор А. М. Васильев; заместители главного редактора: Р. Н. Исмагилова, В. Г. Шубин; члены редакционной коллегии: И. О. Абрамова, Д. М. Бондаренко, Ю. Н.

Винокуров, Л. В. Гевелинг, Н. В. Громова, А. А. Громько, Е. Н. Корендясов, А. Б. Летнев, Ю. В. Потемкин, И. В. Следзевский, В. Г. Солодников, А. А. Ткаченко, Л. Л. Фитуни. – Москва, 2010. – С. 615-616.

2. Виноградова, Н.В. Республика Конго: Политические кризисы 90-х годов // Ученые записки Института Африки РАН. – 2001. – № 23.

3. Makouta-Mboukou, J.-P. La destruction de Brazzaville ou la démocratie guillotine / J.-P. Makouta-Mboukou. – Paris: L'Harmattan, 1999. – 181 p.

4. Рыбкина, О.С. Основные этапы конголезско-американских отношений // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 9.

5. Lembe, S. La politique étrangère du Congo-Brazzaville (1997-2007): jeux et enjeux d'une realpolitik (Télécharger le fichier original) [Электронный ресурс] / S. Lembe. – Режим доступа: https://www.memoireonline.com/08/11/4716/m_La-politique-etrangere-du-Congo-Brazzaville1997-2007--jeux-et-enjeux-dune-realpolitik0.html Дата обращения: 30.17.2018.

6. Carter, V.L. Congo President's embarrassing attempt to ingratiate himself to Donald Trump [Электронный ресурс] / V.L. Carter. – Режим доступа: <http://africasacountry.com/2017/01/congo-president-denis-sassou-nguessos-embarrassing-attempt-to-ingratiate-himself-to-donald-trump/> Дата обращения: 02.08.2017.

7. Суслов, Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 5.

8. Кимину-Мапуата, К.Ж.Б. Типология политических лидеров в современной Африке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1.

9. Adegoke, Y. Trump isn't meeting the president of Congo Brazzaville after all, report says [Электронный ресурс] / Y. Adegoke. – Режим доступа: <https://qz.com/africa/873294/donald-trump-is-not-set-to-meet-congo-brazzavilles-president-sassou-nguesso/> Дата обращения: 30.12.2019.

10. Trump dément une rencontre avec Sassou Nguesso [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/afrique/region-38449765> Дата обращения: 30.12.2019.

11. de Labarre, F. Donald Trump Sassou-Nguesso: les coulisses du rendez-vous manqué [Электронный ресурс] / F. de Labarre. – Режим доступа: <https://www.parismatch.com/Actu/International/Donald-Trump-vs-Sassou-Nguesso-les-coulisses-d-un-rendez-vous-manque-1153250> Дата обращения: 30.12.2019).

12. Пархоменко, В.К. Африканская политика Трампа, первые шаги (продолжение) [Электронный ресурс] / В. К. Пархоменко. – Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760008206-3-1/> Дата обращения: 30.01.2020.

Д.А. Куликов

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

РАЗВИТИЕ GR-МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются методы решения экологических проблем в России посредством использования GR-менеджмента как эффективного инструмента взаимодействия власти и бизнеса. Автор выявил основные тенденции развития регулирования сферы охраны окружающей среды в условиях смешанной экономики, а также привел примеры интеграции в форме государственно-частного партнерства и пришел к выводам относительно эффективности дальнейшего использования подобных методов взаимодействий.

Ключевые слова: Government Relations, государственно-частное партнерство, бизнес, власть, охрана окружающей среды, национальные проекты, экология, социальная ответственность.

D.A. Kulikov

Master's degree, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

THE DEVELOPMENT OF GR-MANAGEMENT IN RUSSIA IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL COOPERATION

Abstract: This article is about methods for solving environmental problems in Russia through using GR-management as an effective tool for interaction between government and business. The author identified the main trends in the development of regulation of environmental protection in a mixed economy, as well as gave examples of integration in the form of public-private partnerships and came to conclusions regarding the effectiveness of the further use of such interaction methods.

Keywords: Government Relations, public-private partnerships, business, government, environmental protection, national projects, ecology, social responsibility.

Развитие современного государственного устройства в условиях непрерывной интеграции проявляется практически во всех сферах жизни. С течением времени как государству, так и бизнесу стало очевидно, что в условиях смешанной экономики именно благодаря развитию тесного сотрудничества становится возможным добиться качественно новых результатов, а также повысить собственную эффективность.

Однако для России такой формат деятельности является сравнительно новым, зарождающимся направлением. В мировой практике он приобрел термин *Government Relations*, что означает взаимодействие с органами государственной власти [1, с. 4]. Несмотря на то, что эта сфера имеет низкую степень институционализации в России, ее применение постепенно начинает охватывать регионы, распространяясь от наиболее очевидных отраслей взаимовыгодного партнерства (например, энергетики, добывающей промышленности и т.д.) к сферам менее направленным, чему способствует повышение социальной ответственности в обществе. Одним из таких направлений становится охрана окружающей среды.

Практика взаимодействия бизнеса и власти в этом векторе на данный момент не приобрела устойчивой тенденции и находится на стадии формирования. Этот процесс сложен по той причине, что основная форма взаимодействия государства и частных предпринимателей – государственно-частное партнерство (ГЧП) имеет много противоречивых моментов. Основным из них является проблема соотношения ролей, в соответствии с которой нагрузка (в большей степени финансовая) в осуществлении совместного проекта должна быть распределена в долевым соотношении между его участниками. По результатам совместной деятельности каждая сторона обязана получить результат, удовлетворяющий его интересы и пропорционально соответствующий заявленной степени участия в разработке и осуществлении проекта.

Однако, уже сейчас можно заметить, что как государство, так и бизнес делают встречные шаги для формирования правового поля и дальнейшего развития двусторонних взаимоотношений. Государство формирует законодательные аспекты, а бизнес лоббирует собственные интересы, которые могут согласоваться с интересами власти. И если раньше для предпринимателей основным критерием успешности проекта было получение краткосрочной прибыли, то в условиях роста компаний (прежде всего транснациональных) на первый план выходит продуманный целенаправленный менеджмент, направленный на публичную активность.

Каждая компания стремится к формированию уникальной политики, которая будет непосредственно влиять не только на функционирование бизнес-процессов внутри системы, но и на публичный образ. В свою очередь, имидж позволит компании сформировать определенную репутацию среди потребителей, стратегически позиционировать себя и становиться более узнаваемой на рынке, увеличивая конкурентоспособность.

Государство также преследует определенные интересы. Поскольку основной целью государства является реализация соответствующей политики на своей территории работа по внедрению ГЧП производится в соответствии с программой развития той или иной сферы. В нашем случае, в области охраны окружающей среды. Сложная текущая международная обстановка является тем самым стимулирующим фактором, который способствует попыткам переориентирования бюджетного финансирования внутри страны наиболее

эффективным способом. Прежде всего, власти заинтересованы в выполнении национальной программы развития таким образом, чтобы потратить минимум средств из федерального бюджета и получить возможный наилучший результат. По этой причине государство вынуждено обращаться за помощью к бизнесу и налаживать двусторонний диалог, поскольку каждая из сторон в результате партнерства может достичь определенных интересов.

Взаимодействию бизнеса и власти способствуют формальные и неформальные каналы коммуникации, которые активно используются для формирования общей повестки дня [2, с. 2]. Первым каналом коммуникации является межличностное общение на форумах, которые привлекают специалистов, бизнесменов, ученых и представителей власти к участию в совместных симпозиумах для разработки новых проектов. Как показывает практика, наиболее успешными примерами взаимодействия являются встречи на Восточно-экономическом форуме (ВЭФ) во Владивостоке и обсуждения в рамках Петербургского международного экономического форума. Вторым влиятельным каналом коммуникации принято считать специалистов в области GR. Как правило, это сотрудники компаний, имеющие образование широкого профиля, позволяющее развивать внешние связи с представителями власти. Третий инструмент, не менее мощный среди перечисленных – это деятельность российских СМИ. Он может использоваться обеими сторонами в равной степени, поскольку позиционирование ситуации в определенном свете может повлиять на принятие решения сторонами в процессе переговоров.

Тенденция совместного регулирования сферы охраны окружающей среды в России находится лишь у истоков, однако уже активно используется многими компаниями для того, чтобы не отставать от своих конкурентов и использовать политику социальной ответственности как преимущество в маркетинге. Целями данной статьи являются определение текущего этапа развития сотрудничества в области экологических мер на примерах интеграций в форме ГЧП, поиск существующих прогрессивных методов управления, а также прогнозирование возможного развития ситуации в будущем.

Основная часть. Реализация инициатив с использованием ГЧП в основном применяется в рамках национального проекта «Экология», обозначенном в майских указах президента РФ с 2019 по 2024 год [3]. Он включает в себя 11 федеральных проектов, каждый из которых нацелен на создание и эффективное функционирование инфраструктуры по обращению с отходами, а также реализацию комплексных планов мероприятий по кардинальному снижению уровня загрязнения атмосферного воздуха и повышению качества питьевой воды. Как отмечал министр природных ресурсов и экологии России Дмитрий Кобылкин, именно «крупные промышленные компании внесут наибольший вклад в реализацию нацпроекта, так как направят значительные инвестиции на модернизацию производств и внедрение новых технологий, способных защитить окружающую среду» [4]. Основная цель этого проекта – возложить некую степень социальной ответственности на компании пропорционально их уровню нанесения ущерба окружающей среде.

Соответственно, основной пласт взаимодействия будет касаться взаимодействия власти с крупными транснациональными компаниями по минимизации экологического ущерба.

Однако исполнение данного национального проекта невозможно представить без наилучших доступных технологий (НДТ). Производство наукоемких изобретений для сохранения окружающей среды поддерживается в основном за счет финансовой поддержки частных компаний, которая составляет около 75% [5]. Для компаний, которые переходят на НДТ законом предусмотрены налоговые и неналоговые послабления. Однако при реализации наукоемких технологий частный сектор не ожидает особых условий от государства, так как в данном случае производство обходится значительно дороже, нежели предоставленные льготы. В данном случае участники процесса уверены, что это сотрудничество позволит соответствовать международным стандартам производства и значительно укрепит их авторитет в случае успешной реализации проекта.

Так, например, компания «Роснефть» экономит энергоресурсы с помощью более детальной проработки комплектации погружного оборудования, используемого при добыче, остановки нерентабельных скважин с высоким энергопотреблением, оптимизации характеристик насосного оборудования и реинжиниринга наземной инфраструктуры [6]. Другим успешным примером является компания «Норникель», поэтапно снижающая выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и сброс загрязненных сточных вод в водные объекты [10].

Еще одним шагом по снижению негативного воздействия на окружающую среду является федеральный проект «Инфраструктура для обращения с отходами I-II классов опасности» совместно с «Росатомом» [7]. Финансовую поддержку проекта между властью и компанией было решено разделить на равные доли. Согласно документам, к 2024 году должны быть налажены эффективное обращение с промышленными отходами, а также их безопасная утилизация.

Помимо этого, существуют и недостигнутые задачи, разработка которых оттягивается на десятилетия. Одним из таких примеров является предложение Минприроды по утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ). Согласно аналитическому отчету агентства «WMT Consult» крупные компании из года в год продолжают выделять средства на улучшение технологий по утилизации ПНГ, но его уровень до сих пор составляет 90% [8]. Из этого можно сделать вывод, что эта инициатива либо не имеет достаточной финансовой поддержки для завершения проекта, либо имеет недостатки на этапе реализации.

Для того, чтобы использовать и развивать ресурсы ГЧП, власть может прибегать к разным методам воздействия, как с точки зрения мягкой, так и жесткой силы. Инструментом мягкой силы может являться предложение о выгодном инвестировании финансовых средств, которое решило бы одну из проблем охраны окружающей среды. Например, Минприроды не один раз представляло проект создания «экологических троп» как составляющей

«экологического туризма» [9]. В результате такого инвестирования частные компании могут получить возможность обеспечить себе дополнительный заработок, параллельно способствуя развитию местных сообществ и территорий. Другим инструментом мягкой силы можно считать квотирование количества промышленных выбросов «Росприроднадзором» [10]. Он предусматривает справедливое распределение, указывая на то, что не только компании могут загрязнять окружающую среду, то также и городская инфраструктура. Благодаря этой мере частные компании могут претендовать на перераспределение квоты между отраслями в зависимости от уменьшения, увеличения или изменения технологий в производстве.

Инструментом жесткой силы может являться плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) [11]. Ее наличие стимулирует частный сектор внедрять в производство чистые технологии, а собранные средства расходуются государством исключительно на природоохранные цели.

Однако не все проекты будут работать одинаково эффективно в форме ГЧП. Часть обязанностей останется за государством, а часть придется взять бизнесу, поскольку социальная ответственность бывает неравномерна и не всегда регулируется исключительно нормативными положениями, поэтому всех целей оказывается невозможно достичь только при помощи государственной программы. Для решения этого вопроса в регионах внутри компаний может формироваться своя собственная политика в сфере охраны окружающей среды, учитывающая особенности данного региона, его потребности, а также возможности частного сектора.

Хорошим примером нового измерения экологической ответственности бизнеса перед обществом является челябинский «ЭкоХолдинг», который в течение нескольких лет вносит большой вклад в развитие экологических проектов и экономику региона при поддержке Министерства обороны России и Правительства Республики Татарстан. Председатель совета директоров холдинга Артем Комаров говорит об идее создания так: «Это был тот случай, когда идея возникла раньше бизнес-необходимости. Мы не стремились удовлетворять текущий спрос, но были уверены, что пришло время, чтобы в обществе появился запрос или, если хотите, мода на природоохранные технологии, экологию жилых и производственных пространств, эстетику и комфорт промышленных зданий. Промышленность, как и любая человеческая деятельность, больше не могла игнорировать своё влияние на окружающую среду» [12].

В настоящий момент холдинг имеет несколько компаний, каждая из которых выполняет определенные функции в улучшении окружающей среды. «Экострой» занимается инвестиционно-строительной деятельностью, проектирует и возводит промышленные объекты. «Экосервис» анализирует экологическую ситуацию на производстве партнёров, внедряет современные технологические системы и выполняет вспомогательные работы, снижая вредность производства. Компания также не забывает и о социальной

ответственности, направляя свободные финансовые средства на поддержку различных научно-образовательных инициатив.

И несмотря на то, что таких примеров в настоящее время сравнительно немного, взаимодействие государства и бизнеса в сфере охраны окружающей среды – это возможность для участников взглянуть по-новому на давно существующие проблемы, предложить альтернативные способы их решения и быть двигателями прогресса.

Заключение. В данной статье на нескольких примерах интеграций в форме государственно-частного партнерства мне удалось описать состояние GR-менеджмента в России в сфере экологического сотрудничества. В результате анализа стало возможным выделить конкретные меры по реализации текущей государственной политики совместно с представителями бизнеса.

Относительно развития ситуации в будущем можно сказать только то, что использование этих механизмов и мер позволит как государству, так и бизнесу решить существующие экологические проблемы в каждом конкретном регионе, удовлетворив свои потребности: государству – создать комфортную среду для проживания граждан, а бизнесу – получить возможную прибыль от грамотных инвестиций в экологическую политику. Вероятно, что в скором времени мы увидим больше подобных примеров, на основе которых станет возможным построить регрессионный анализ и сделать выводы относительно эффективности подобных методов взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кинякин, А.А. Government Relations как форма общественно-политической и бизнес коммуникации: к определению понятий. – Вестник РУДН, серия Политология. – М., 2009.

2. Молодчев, Д.В. GR-менеджмент в России: основные тенденции и проблемы развития. – Научно-методический электронный журнал «Концепт» – Тихорецк: 2014.

3. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] / Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> Дата обращения: 05.04.2020.

4. Экологические меры: задачи бизнеса и государства [Электронный ресурс] / Нефтегазовая вертикаль. – Режим доступа: <http://www.ngv.ru/magazines/article/ekologicheskie-mery-zadachi-biznesa-i-gosudarstva/> Дата обращения: 05.04.2020.

5. В 2019 году РМК направила на природоохранные мероприятия 1,2 млрд рублей [Электронный ресурс] / Металлоснабжение и сбыт. – Режим доступа: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/114710> Дата обращения: 03.04.2020.

6. «Роснефть» в 2018 году за счет программы энергосбережения увеличила экономию энергоресурсов на 2,5% - до 9,4 млрд руб. [Электронный

ресурс] / Роснефть. – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/194889/> Дата обращения: 03.04.2020.

7. РосРАО назначено федеральным оператором по отходам I-II классов опасности [Электронный ресурс] / Росатом. – Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosrao-naznacheno-federalnym-operatorom-po-otkhodam-i-ii-klassov-opasnosti/> Дата обращения: 03.04.2020.

8. Сотрудничество государства и бизнеса по охране природы обсудили на ВЭФе [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170908/1502064206.html> Дата обращения: 02.04.2020.

9. Утверждены Правила квотирования выбросов загрязняющих веществ в атмосферный в воздух [Электронный ресурс] / Министерство природных ресурсов. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/press/news/utverzhdenu_pravila_kvotirovaniya_vybrosov_zagryaznyayushchikh_veshchestv_v_atmosfernyy_v_vozdukh/?special_version=Y Дата обращения: 03.04.2020.

10. Финская газета рассмотрела вопрос российских выбросов в атмосферу [Электронный ресурс] / Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/169729-rossija-na-30-procentov-uvlechit-svoi-vybrosy-v-atmosferu.html> Дата обращения: 02.04.2020.

11. О плате за негативное воздействие на окружающую среду [Электронный ресурс] / Министерство природных ресурсов. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/activity/directions/plata_za_negativnoe_vozdeystvie_na_okruzhayushchuyu_sredu/ Дата обращения: 03.04.2020.

12. Чистая работа. Как государство и бизнес заботятся об охране природы [Электронный ресурс] / Аргументы и факты. – Режим доступа: https://chel.aif.ru/society/ecology/chistaya_rabota_kak_gosudarstvo_i_biznes_zabotyatsya_ob_ohrane_prirody Дата обращения: 03.04.2020.

УДК 323.23

А.А. Курбанова

Магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет,
Г. Санкт-Петербург, Россия

П.А. Мурашко

Магистрант, Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

РЕПЕРТУАРЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО ОНЛАЙН-АКТИВИЗМА

Аннотация: В статье анализируются цифровые репертуары коллективных действий. Выявлены современные формы гражданского онлайн-активизма, которые используются для мобилизации граждан в автономные формы коллективных действий. Обозначены основные формы коллективных действий в Интернете на примере экологического движения против строительства мусорного полигона на станции Шиес.

Ключевые слова: Коллективные действия, онлайн-активизм, мобилизация, социальные движения, Интернет.

A.A. Kurbanova

Master's degree, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

P.A. Murashko

Master's degree, P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia

Abstract: The article analyzes digital repertoires of collective actions. Modern forms of civil online activism are identified, which are used to mobilize citizens into autonomous forms of collective action. The main forms of collective actions on the Internet are outlined on the example of the environmental movement against the construction of a landfill at the Shies station.

Keywords: Collective actions, online-activism, mobilization, social movements, Internet.

В эпоху глобализации Интернет значительно расширил возможности применения мобилизационных технологий в проведении протестных кампаний. Ранние исследования, посвященные изучению социальных движений в Интернете, указывали на то, что создание сетевых сообществ, онлайн-петиций и электронных рассылок среди сторонников являются многообещающими инструментами в протестных кампаниях [1]. Прежде всего, преимущество заключается в том, что цифровая организация коллективных действий основывается на сетевых ресурсах, подчеркивая легкость их координации на больших географических расстояниях. Онлайн-активизм включает чрезвычайно

низкие затраты на коммуникацию, как с точки зрения материальных ресурсов, так и рисков для обеспечения безопасности участников [2, с. 1-22].

Понятие «репертуар коллективных действий» относится не только к тем действиям, которые граждане совершают, когда они вступают в конфликт с другими участниками конфликта, но также к тому, что участники знают, что нужно делать, и что от них ожидают другие [3]. Согласно С. Тарроу, учитывая происходящие политические, социальные и технологические изменения, исследования о коллективных действиях превратились из локальных в космополитические. Быстрое развитие технологий позволило преобразовать традиционные формы действий в сетевые действия [4].

Для определения репертуаров коллективных действий в цифровой сфере обозначаются области для его измерения и анализа.

Первый подход был предложен европейскими исследователями Ван-Лаером и Питером Ван-Аэльстом [5, с. 1146-1171]. Исследователи проводят различие между действиями участников, использующими сеть в качестве поддержки для организации и координации «традиционных» коллективных действий, таких как призыв к демонстрациям, митингам через социальные сети. В данном случае активистами поднимаются конкретные проблемы, действия которых поддерживаются только с помощью сетей.

2. Второй подход был предложен Э. Фланаганом, С. Стоулом, Б. Бимбером [6, с. 29-54]. Исследователи проводят различие между компромиссом и взаимодействием (когда гражданские активисты обладают высокой степенью автономии и могут разрабатывать действия без контроля со стороны центрального органа) и институциональным (с контролируруемыми структурами, которые являются иерархическими и бюрократическими).

К изучению форм коллективных действий поднимаются вопросы их потенциала и ограничений. С позитивной точки зрения, в условиях социально-политического недовольства граждане используют сеть в качестве поля действий для повышения осведомленности о проблеме. Снижение ограничений для принятия участия или доступа к информации, формирует горизонтальные, самоорганизующиеся и гибкие формы коллективных действий.

Веб-сайты, блоги, дискуссионные форумы, социальные группы, электронные письма – выступают основными средствами, используемые социальными движениями и группами активистов для отстаивания своих интересов. Как утверждает ряд ученых, Интернет, без сомнения, обладает огромным потенциалом для облегчения и поддержки коллективных действий [7, с. 155-173]. Учитывая рост Twitter революций, таких как акции протеста в Египте (2011), «Зеленая революция» в Иране (2009), учеными значительный упор был сделан на изучение социальных сетей как основной ключ к успеху социальных движений.

Ряд других ученые утверждают, что создание социальных сетей произвели революцию в том, как активисты движений скоординировано мобилизуются на улицы. В том числе такое движение, как #Occupy Wall Street

не получило бы импульс и видимость без помощи создания сетевых сообществ [8, с. 259-279].

Таким образом, представляется естественным предположить, что наличие сетевых платформ может в достаточной степени объяснить полезность Интернета для мобилизации коллективных действий. Это, однако, не является истинным отражением всего потенциала Интернета для коллективных действий.

Общение на сетевых платформах, таких как социальные сети, электронные почты и блоги обычно выступают связующим звеном с основными сайтами активистов. Эти платформы служат информационными, координационными средствами, а также «домом» для различных онлайн-репертуаров (например, электронных петиций или пожертвований) [8, с. 871-891]. Приведенный выше тезис показывает, что, хотя социальные медиа широко признаны отвечать за успех социальных движений, но нельзя упускать из виду потенциал других платформ для предоставления критически важных репертуаров коллективных действий. К вопросу изучения коллективных действий следует выделить следующие формы.

1. Пожертвования. Физические лица могут предоставлять денежные взносы онлайн-организациям в поддержку социальных движений. Ссылки на запросы на пожертвования обычно находятся на главном веб-сайте организации. Это форма участия с низким порогом может быть легко заполнена, требует минимальных затрат на конфиденциальность, а также на личные обязательства. Благодаря этой форме индивидуального участия «нажми и отдай» организации могут эффективно собирать средства для поддержки своей деятельности у сторонников, выходя за географические границы.

2. Написание электронных писем. Отправка электронных писем по адресам – классическая тактика оффлайн-активистов, которая была адаптирована и использована в репертуаре онлайн-действий. На веб-сайтах кампании отдельным лицам обычно предоставляются образцы писем, которые предлагается отправить непосредственно для потенциальных сторонников или в адрес структур ведущих конфронтационные действия в отношении активистов. В данных случаях контактные данные обычно предоставляются на веб-сайтах. Активистские движения, которые используют эту тактику, также сделали более удобным для отдельных лиц отправку писем и электронных писем непосредственно с веб-сайта, участникам также предоставляется возможность остаться анонимным. Хотя этот тип тактики теряет популярность в современной цифровой инструментальной для активизма, и ученые уделяют этому скудное внимание по сравнению с другими тактиками, тем не менее они представляют собой низкие затраты и низкий порог для более активного участия в сети.

3. Онлайн-петиции. Физические лица также могут подписать электронные петиции в знак поддержки конкретной цели. Эти петиции обычно размещаются на основных веб-сайтах организационной группы и представляют собой наиболее распространенную форму онлайн-действий для активистов.

Цель петиций состоит в том, чтобы ознакомить посетителей с проблемой и, в конечном счете, подписать ее в электронном виде, если поддержка движения осуществляется через Интернет.

Огромное количество «подписей» на сайтах онлайн-петиций, по существу, с упором на анонимность скрывает гражданскую активность. Онлайн-подпись под петициями можно рассматривать как очень низкую пороговую активность для лиц, с которыми они могут быть связаны. Увеличение числа веб-сайтов «петиций глобальной группы» (например, Change.org, Ipetitions.com) позволяет отдельным лицам «подписывать» множество петиции, поступающие от различных движений во всем мире.

4. Публичное выражение мнений в социальных сообществах. Интерактивные технологии в Интернете, особенно на сайтах сообществ в социальных сетях возможно использовать для сбора информации от отдельных лиц в целях повышения осведомленности, солидарности и коллективной идентичности. Например, пользователи могут загружать свои фотографии вместе с письменным слоганом, выражая свою принадлежность к проблеме, формируя сильную ассоциативную идентичность. Именно такой совместный способ формирования общей цели и идентичности среди людей из разных слоев общества может помочь протестной кампании достичь общей повестки дня среди составляющих ее участников. Постоянный коммуникативный процесс между членами сообщества, достигаемый благодаря публичной поддержке, является еще одним неотъемлемым фактором, способствующим своевременному и эффективному способу мобилизации участников для проведения мероприятий в автономном режиме, таких как гражданские встречи, демонстрации, митинги.

Достижение конкретных результатов лежит в основе социальной коммуникации. Процесс коммуникации включает в себя граждан, которые в разной степени раскрывают свою принадлежность к группе, выражая свое личное мнение для других. Это согласуется с постулатом Б. Бимбера и его коллег о пересечении границы «частного - общественного» в участии в коллективных действиях [9, с. 365-388]. Кроме того, дешевизна, простота предоставления информации в Интернете и автоматическое отображение личных данных (например, размещение комментариев, загрузка материалов в социальных сетях) затрудняют индивидуальное управление своей конфиденциальностью и скрытие своей личности. Таким образом, бесплатная поддержка за счет «удержания индивидуальных взносов» может в некоторых случаях стать более трудоемкой, чем вклад в коллективные действия в Интернете.

5. Размещение комментариев. Интернет предлагает множество средств связи – веб-сайты, блоги, дискуссионные форумы, электронные письма, социальные группы, через которые пользователи могут публиковать свои личные комментарии по любым социальным проблемам. Предоставляя комментарии для прочтения другими людьми, люди могут, среди прочего, представить различные точки зрения на оспариваемые вопросы, указывать на

то, почему движение должно или не должно поддерживаться, стимулировать аффективные реакции, связывая причину с личными условиями, и мотивировать других участников сообществ.

Одна из проблем, с которой сталкиваются активисты и движения, состоит в том, что традиционные средства массовой информации чаще всего негативно освещают предпринимаемые коллективные действия. В этом сценарии активисты формируют собственную информацию и высказывают свою позицию в Интернете для того, чтобы противостоять дезинформации из основной прессы. Кроме того, Интернет также позволяет сторонним сторонникам высказывать свое мнение в поддержку движения. В целом, чаще всего публикация комментариев и взаимодействие с другими людьми по конкретному вопросу способствует достижению «общественного блага» в плане распространения информации и увеличения ее наглядности в информационном пространстве.

6. Передача информации через репосты. В онлайн-среде социальных сетей пользователи могут легко передавать полученную информацию другим. Например, пользователи Twitter могут «ретвитить» сообщение, которое они получили от отдельных лиц в своей личной сети, всем остальным в сети. Помимо всего прочего, пользователи могут также «делиться» новостями на Facebook или отправлять информацию по электронной почте своим знакомым. Данную форму онлайн-активизма можно считать низкопороговой для коллективных действий, так как может повысить осведомленность и убедительность кампании, особенно когда передаваемая информация сопровождается личными комментариями. Следует отметить, что, граждане могут выбирать передачу информации и писать свои личные комментарии, это два независимых действия, которые возможно выполнять одновременно.

Существует несколько причин распространения информации среди других участников сети. Во-первых, распространение информации среди других может экспоненциально повысить осведомленность о движении и причинах его возникновения. Во-вторых, передача информации другим в режиме реального времени обеспечивает быструю и эффективную координацию действий для офф-лайн протестов [10, с. 739-768].

7. Присоединение к сообществам и «лайки». Двумя наиболее популярными способами, с помощью которых граждане могут оказать свою поддержку движению, особенно на сайтах социальных сетей, являются регистрация или присоединение к онлайн-профилю группы, а также оказание «симпатии» к публикуемым постам в группах.

Таким образом, присоединение к определенному движению и его социальным сетям может иметь важное значение для популяризации и повышения эффективности усилий для мобилизации сторонников. Это элементы с низким пороговым значением, в том смысле, что можно достичь простым щелчком электронной мыши. Тем не менее, с точки зрения социальных издержек, присоединение к группе и проявление интереса к

определенному движению предоставляет другим возможность воспринимать образ активиста на основе самовыраженной принадлежности.

8. Загрузка визуальных материалов. Загрузка изображений, видеороликов является еще одной формой деятельности, которую пользователи могут выполнять в Интернете, чтобы внести свой вклад в репертуар коллективных действий. Это позволяет легко и удобно делать определенные заявления через символические представления в виртуальном мире, в котором фотографии делаются и загружаются самими гражданами в общее онлайн-пространство.

Активисты движений часто используют визуальные образы и побуждают своих потенциальных сторонников участвовать, формируя общее чувство единства, солидарности и идентичности. Тем самым, визуальные образы могут быть эффективным способом для поддержания движений. Цель состоит в том, чтобы люди создавали в Интернете образ солидарности и сплоченности сообщества в надежде на то, что это поможет повысить легитимность организации.

9. Виртуальные «сидячие забастовки». Данный онлайн-репертуар представляет собой деятельность, которую можно рассматривать как «электронные акты непослушания». Цель таких действий заключается в отправке электронных писем целевым группам. Например, в этом случае электронные письма отправляются с «конфронтационным» намерением. Утверждается, что разрушительный и незаконный характер этих действий влечет за собой более высокие риски. Эти действия, однако, обычно выполняются только «хардкорными» и опытными активистами, и часто с помощью специальных программных инструментов. Но это может привести к тому, что обычные люди будут подвергать сомнению законность и легитимность активистского движения, если их попросят выполнить эти действия.

Несмотря на стратегическое значение репертуаров онлайн-активизма, простота коллективных действий может привести к нерешительному участию отдельных лиц, называемому как «слактивизм». Другие предпочитают называть это нерешительным обязательством отдельных лиц как «кнопочным», когда граждане склонны явно присоединиться к социальным движениям на сайтах социальных сетей, таких как Facebook и Twitter, без намерения вносить от себя дальнейший вклад. Обращая внимание на недостатки онлайн-форм коллективных действий, о которых говорилось выше, ученые сосредоточены на изучении масштабов активности в этой среде. В результате этой разобщенности проблема сегодняшнего активизма заключается в недостаточном количестве граждан готовых инициировать коллективные действия из онлайн-сферы в офф-лайн.

В настоящее время значительное внимание обращается к изучению протестного гражданского активизма «полужформализованного сегмента», который с каждым годом возрастает. В последние годы в России наиболее популярными являются движения «одной проблемы» [11, с. 144-158]. В

качестве кейса проанализировано «Движение против строительства мусорного полигона на станции Шиес» в Архангельской области, чья деятельность основана на экологической защите региона от строительства «ЭкоТехноПарка». После утверждения проекта о строительстве мусорного полигона, инвестором которого выступает московская компания ООО «Технопарк» наблюдается нарастание конфликта между региональными властями и экоактивистами. В том числе экоактивистами созданы Интернет-сообщества в социальной сети Вконтакте, где пользователи выступают против строительства мусорного полигона и требуют отставки губернатора области.

Анализируя активность самого крупного по количеству подписчиков онлайн-сообщества «Поморье не помойка» с июня 2018 – декабрь 2019 гг. стоит подчеркнуть, что в целом за указанный промежуток времени было опубликовано 1 997 тыс. постов, общее количество просмотров которых составило 42 923 550 млн. чел. В указанный промежуток пользователями сообщества сделано 1 694 889 лайков, под постами опубликовано 121 413 тыс. комментариев, количество репостов составило - 205 915. Рассматривая в данном сообществе активность пользователей по хештегам, стоит выделить шесть наиболее упоминаемых – #Шиес (176), #ПоморьеНеПомойка (97), #Архангельск (42), #экобессрочка (24), #бессрочка (22), #ХотимКакВАрхангельске (21). Данные хештеги регулярно использовались активистами в преддверии и после проведения протестных акций с целью призыва и вовлечения новых сторонников.

Стоит указать на то, что созданное сетевое сообщество «Поморье не помойка» с помощью своих экоактивистов первоначально начало организовывать «антимусорные» митинги в Архангельской области, но вскоре протестные акции начали распространяться на российские регионы. В качестве примера стоит упомянуть протестную акцию «Россия не помойка», которая была организована 3 февраля 2019 года, охватившая более 30 субъектов России. В значительной мере поддержку экоактивистам оказывали политические структуры, такие политические партии как «Яблоко», «КПРФ» и штабы Алексея Навального. В большинстве акциях участники протестов выступали с общими инициативами по отношению к властям – снижение мусорных тарифов и разрешение проблем в области обращения с мусорными отходами.

Значительное влияние в информационном поле оказывают сетевые издания, предлагающие альтернативную повестку в освещении конкретных проблем. Анализируя рост протестного потенциала на станции Шиес, стоит отметить размещенный информационно-аналитическим сетевым изданием «Sota Vision» видеорепортаж «ШИЕС – УЛЬТИМАТУМ ПУТИНУ!!!», набравший наибольшее количество просмотров за 10 месяцев на видеохостинге «Youtube», количество просмотров составило более 1 млн. чел.

В ходе проведения сетевых протестных кампаний наиболее популярными платформами для адресации своих требований к властям выступают сайты онлайн-петиций. В российской практике подобным сайтом является «Change.org». Проанализировав публикуемые петиции с освещением

конфликта в Архангельской области, определено 12 петиций, подавляющее количество которых носит индивидуализированный характер. Кроме того, в большинстве случаев, петиции адресованы президенту России и губернатору Архангельской области, что говорит об утверждении в стране персоналистского режима.

С одной стороны, онлайн-активизм, не переносящийся в оффлайн-пространство, ограничивает роль и эффективность движения. С другой стороны, онлайн-активизм не требует от активистов физического участия в каких-либо акциях протеста или демонстрациях. По сравнению с традиционными формами активизма, онлайн-активизм имеет множество преимуществ:

1. возможность для активистских движений напрямую общаться со своей аудиторией;
2. формирование альтернативной информационной повестки в обход основным средствам массовой информации;
3. представление информации более «живыми» способами, используя преимущества Интернета;
4. возможность охватить большую аудиторию через уменьшение географических границ со сравнительно низкими издержками;
5. установление коллективной идентичности и чувства единства среди активистов [12].

Таким образом, активизм в Интернете следует рассматривать как инструмент для офф-лайн-действий. Автономные действия возможно поддерживать только с помощью виртуальных взаимодействий, особенно когда в виртуальных взаимодействиях удастся создать сильное чувство коллективной идентичности. Проявляемый гражданский активизм в Интернете является сложным и многогранным явлением. Развитие репертуаров коллективных действий на примере экологического конфликта на станции Шиес демонстрирует тот факт, что экоактивисты для повышения осведомленности о текущей проблеме смогли эффективно использовать онлайн формы гражданского активизма, в том числе с помощью сетевых сообществ. Кроме того, созданные экоактивистами сообщества интенсивно применялись в качестве средства мобилизации и служили альтернативной информационной повесткой по освещению данного конфликта с властями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McCaughey, M., Ayers, D.M. *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. – New York: Routledge, 2003. – 310 p.
2. Van de Donk, W., Brian D. L., Paul G. N., Dieter R. *Cyberprotest: New Media, Citizens and Social Movements Introduction: Social Movements and ICTs*. In: van de Donk, W., Brian D. L., Paul G. N., Dieter R. (eds.). – London and New York: Routledge. – 336 p.

3. Tilly, C. Popular contention in Great Britain. – Cambridge, MA: Harvard University Press. – 476 p.
4. Tarrow, S. The power in movement. Social movements, collective action and politics. – Madrid: Editorial Alliance, 2012. – 204 p.
5. Van-Laer, J., Van-Aelst, P. Internet and social movement action repertoires // Information, communication and society. – 2010. – No 13 (8).
6. Flanagin, A., Stohl, C., Bimber, B. Modeling the structure of collective action // Communication monographs. – No 7 (1).
7. Carty, V. New information communication technologies and grassroots mobilization // Information, Communication and Society. – 2010. – No 13 (2).
8. Juris, J. S. Reflections on #Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation // American Ethnologist. – 2012. – No 39 (2).
9. Bimber, B., Flanagin, A. J., Stohl, C. Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment // Communication Theory. – 2005. – No 15.
10. Bennett, W. L., Segerberg, A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // Information, Communication and Society. – 2012. – No 15.
11. Никовская, Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество). – СПб: Университет ИТМО, 2017.
12. Earl, J., Kimport K. Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 258 p.

УДК 327.3

Б.К. Лекоди

студент-бакалавр Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

А.С. Рыбкина

студент-бакалавр, Институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, г. Нижний Новгород, Россия

КЕНИЯ В ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Статья посвящена отдельным значимым проблемам интеграционных процессов в Африке. Выявлены причины недостаточно быстрой интеграции в рамках Восточно-Африканского Сообщества. Определено значение Кении в интеграционных процессах в рамках данной организации.

Ключевые слова: Кения, Восточно-Африканское сообщество, интеграция, политика, экономика, трудности, государства.

B.K. Lekodi

student bachelor, Nizhny Novgorod State University named after
N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

A.S. Rybkina

student bachelor, Institute of Management - Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service, Nizhny Novgorod, Russia

KENYA IN THE EAST AFRICAN COMMUNITY: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS

Abstract: The article focuses on selected significant issues of integration processes in Africa. Reasons for the lack of rapid integration within the East African Community have been identified. The importance of Kenya in the integration processes within the organization has been defined.

Keywords: Kenya, East African Community, integration, politics, economy, difficulties, states.

В современных реалиях одним из наиболее значимых проявлений глобализации являются союзы государств, имеющих перспективы к объединению в конфедерацию. Естественно, что в наибольшей мере это касается европейского континента, благо ЕС уже вне всяких сомнений можно считать именно конфедерацией. Однако и за пределами Европы протекают сходные процессы, пусть и не столь же быстро и не столь значимо для мировой экономики в целом.

Необходимо отметить, что на африканском континенте активно действует несколько крупных международных союзов – в первую очередь, разумеется, Африканский союз, пришедший в 2002 году на смену Организации африканского единства. Впрочем, нельзя не признать, что куда как большее значение в современной Африке играет не эта структура, объединяющая 55 государств, часть из которых имеет мало точек соприкосновения в политике и экономике, но региональные межправительственные структуры, в состав которых входят государства-соседи, для которых по-настоящему важна возможность реализации крупных проектов с государствами, расположенными рядом и имеющими сходные национальные интересы и проблемы [1, с. 577; 2, с. 70]. Одним из примеров такого рода объединений является Восточно-Африканское сообщество (ВАС).

Первоначально данная структура возникла вскоре после ухода с континента колонизаторов. «В 1967 году была создана Постоянная трехсторонняя комиссия по восточноафриканскому сотрудничеству под названием «Восточноафриканское сообщество (ВАС)». Этот региональный институт распространял свое влияние на восточноафриканские страны Кению, Уганду и Танзанию. Идея ВАС заключалась в том, чтобы создать условия для экономической интеграции в регионе с перспективами создания политического союза в будущем. Подписанный Договор предполагал оказание содействия устойчивому развитию, равные права в предоставлении преференций в сфере экономики, общее финансирование в строительстве некоторых типов производств, сотрудничество в энергетике, транспорте, связи, образовании и туризме» [3, с. 39]. Однако ухудшение экономической ситуации (в том числе и опасения части участников, что наибольшую выгоду будет получать Кения как наиболее экономически развитое государство), а также политические противоречия привели к распаду союза в 1977 году [4, с. 45].

Впоследствии, под влиянием, прежде всего, экономических факторов, «ВАС возобновило деятельность в 2000 г. по обновленному Соглашению о восточноафриканском сотрудничестве (Аруша, Танзания, 30.11.1999), в котором поставлена цель создания ТС, ОР, валютного союза и политической федерации» [5, с. 129]. Задачи, очевидно, были поставлены масштабные – не только сугубо экономические (тут доминировала идея общего рынка [4, с. 41]), но даже по сути создание единого государства [6; 7]. В настоящее время в ВАС состоит 6 государств-членов. Был создан ряд значимых институтов в рамках ВАС – имеются в виду Восточноафриканский банк развития (ВАБР),

Организация по рыболовству оз. Виктория, Агентство по безопасности гражданской авиации и надзору (CASSOA), Комиссия по освоению бассейна оз. Виктория, Межуниверситетский совет [5, с. 132].

Следует указать, что, по данным МВФ за 2018 год Кения занимает 70-е место по ВВП (следом идут Танзания – 80-е место и Руанда – 101-е место) [8]. По такому показателю, как ВВП на душу населения Кения опять-таки в лидерах в рамках ВАС – у неё 149 место, а у следующей за ней Танзании 159 место [9]. Эти обстоятельства способствуют тому, что именно Кения играет ключевую

роль в процессе экономической интеграции в Восточной Африке. Обладая самой сильной экономикой в субрегионе, Кения служит примером для подражания для других государств восточно-африканского субрегиона. Впрочем, все эти данные подтверждают, что ВАС объединяет весьма бедные государства [10, с. 121; 11, с. 107], что приводит пока к тому, что в настоящее время ВАС играет меньшую роль, нежели, например, Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA) [12, с. 161].

Относительно политической составляющей интеграции в рамках ВАС необходимо в первую очередь упомянуть, что Кения является одной из немногих стран в Африке, которую можно причислить к демократическим [13, с. 167]. Укажем также, что Кения, несмотря на наличие трайбализма и сторонников исламского экстремизма, отнюдь не является failed state, как, например, другой член ВАС, а именно Южный Судан [14, с. 12].

Отдельно следует упомянуть и о конфликте по поводу принадлежности острова Мигинго в озере Виктория. На него претендует не только Кения (она обосновывает свои права ссылками на карты ещё колониальной эпохи), но также и Уганда. Этот конфликт, начавшийся ещё 10 лет назад, не разрешён до сих пор.

Нельзя не отметить и ещё один фактор, осложняющий политические отношения между Кенией и Угандой. Связан он со вмешательством обеих стран во внутренние дела Сомали, которое не только является в чистом виде failed state, но также содействует росту исламского экстремизма в регионе Восточной Африки [15, с. 401].

Следует признать, что политическая интеграция в ВАС затрудняется ввиду стремления лидеров части членов Сообщества сохранять власть в стране как можно дольше вместо продвижения вперёд по пути демократизации [16, с. 34]. Как показывает практика – причём не только африканская – противоречия между авторитарными режимами, пусть и весьма сходными – урегулируются значительно труднее, нежели противоречия между демократическими государствами. Следует также согласиться с Д.В. Поликановой, указывавшей, что реализация планов создания федерации может даже оказаться губительной для реальных интеграционных процессов, поскольку устранение политических проблем и разногласий между членами ВАС будет играть слишком большую роль для политических элит и, как следствие, объективно замедлять процесс экономического сближения [17, с. 143].

Таким образом, следует признать, что, с одной стороны, степень успешности интеграции в рамках ВАС следует признать невысокой, что связано как с экономическими (в Сообществе состоят бедные государства, стремящиеся часто вопреки достигнутым договорённостям действовать протекционистски), так и с политическими причинами (между странами есть территориальные споры, не во всех государствах имеется де-факто демократическая форма правления), но, с другой стороны, именно Кения является главным инициатором реальной интеграции в ВАС [18, с. 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефременко, И.Н. Особенности экономической и валютной интеграции стран Африки // Вестник Донского государственного технического университета. – 2009. – Т. 9. – № 3 (42).
2. Романчук, Е.С. Теоретические аспекты региональной экономической интеграции на Африканском континенте // Журнал экономической теории. – 2015. – № 2.
3. Долгов, К.Д. Восточноафриканское сообщество вчера и сегодня: проблемы интеграции и перспективы развития // Конфликтология / nota bene. – 2017. – № 4.
4. Костюнина, Г.М. Интеграционные процессы в Африке: История и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 4.
5. Ожигина, В.В. Управление таможенным союзом и общим рынком Восточноафриканского Сообщества // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право Сборник научных трудов. – 2017.
6. Филиппов, В.Р. Восточноафриканское Сообщество: От межправительственной организации к федеративному государству? // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2017. – № 3.
7. Филиппов, В.Р. Станет ли Восточноафриканское Сообщество федеративным государством? // Восточноафриканское сообщество. Проблемы интеграции. Сборник научных трудов. – М., 2018.
8. Рейтинг стран по ВВП 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/17_rejting-stran-po-vvp-2018/ Дата обращения: 12.06.2019.
9. ВВП на душу населения стран мира 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/51_vvp-na-dushu-naselenija-stran-mira-2018/ Дата обращения: 12.06.2019.
10. Зинькина, Ю.В. Социально-демографическое развитие стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 6.
11. Коротаев, А.В. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2013. – № 1.
12. Диабатэ, В. Региональная интеграция в Африке: Динамика внутрирегиональной торговли 1990-2015 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 2.
13. Магомедов, Д.С. Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 5.

14. Пахомова, Е.А. Failed state и «серые зоны» мировой политики: Порождение современности или пережитки прошлого // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 1.

15. Шуляк, С.В. Соседнее государство как интервент: Кенийское и угандийское вооруженное вмешательство в Сомали // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 103.

16. Турьинская, Х.М. Судьбы политической интеграции в Африке: Восточноафриканское Сообщество // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 6 (707).

17. Поликанова, Д.В. Интеграция в Восточной Африке: опыт Восточноафриканского Сообщества. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Д.В. Поликанова. – М., 2011. – 173 с.

18. Сапунцов, А.Л. Региональные особенности внешнеэкономической экспансии ТНК Кении // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 7 (129).

УДК 329.8

М.И. Маркина

магистрант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск,
Россия

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
ПО ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ
ПРЕДСТАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2019 ГОДУ**

Аннотация: В статье рассматриваются проекты российских парламентских партий и их отделений, направленные на подготовку молодых кадров для органов представительной власти и местного самоуправления. Подготовка высококвалифицированных кадров необходима для сохранения преемственности деятельности органов представительной власти, а также для ее эффективной работы.

Ключевые слова: политические партии, подготовка кадров, органы представительной власти, местное самоуправление.

M.I. Markina

Master's degree, Irkutsk state University, Irkutsk, Russia

**ACTIVITIES OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES TRAINING OF
YOUNG PERSONNEL FOR REPRESENTATIVE AUTHORITIES AND
LOCAL GOVERNMENT IN 2019**

Abstract: The article deals with the projects of Russian parliamentary parties and their branches aimed at training young personnel for representative authorities and local self-government. Training of highly qualified personnel is necessary to preserve the continuity of the activities of representative authorities, as well as for its effective work.

Keywords: political parties, personnel training, representative authorities, local self-government

Для развития российского общества и укрепления государства и действующих в нем государственных органов власти необходима грамотно реализуемая кадровая политика в органах представительной власти и местного самоуправления.

В настоящее время сущность проводимых мероприятий, направленных на выявление новых кадров для органов власти заключается в привлечении, закреплении и адекватном использовании на федеральном, региональном и местном уровнях высококвалифицированных специалистов, в создании

условий для реализации ими своего профессионального потенциала для успешного исполнения должностных обязанностей и обеспечения эффективного функционирования органов власти при сохранении преемственности деятельности органов представительной власти.

Большую роль в подготовке молодых «кадров» для их участия выборах и дальнейшей работе в органах представительной власти всех уровней Российской Федерации играют политические партии. Это осуществляется посредством реализации партийных проектов, направленных на выявление людей с лидерскими качествами и желанием участвовать в политической деятельности, их обучению и подготовке для работы в органах власти различных уровней, а также для ведения их политической деятельности.

При анализе основных направлений деятельности политических партий Российской Федерации были рассмотрены федеральные проекты. В этой связи можно отметить проекты, проводимые в 2019 г., партиями «Единая Россия» и «Справедливая Россия», а также молодежным отделением партии «Единая Россия» - «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР) и направленные на подготовку политических кадров соответствующих партий.

Проекты Всероссийской политической партии «Единая Россия»

Первый проект «Единая Россия» реализовывала в рамках проведения «Высшей партийной школы». Проект стартовал в начале 2019 г. и был направлен на обучение, повышение квалификации не только членов и сторонников партии, но также и на граждан, разделяющих ее ценности и программный установки. Обучение имело не только теоретический, но и практический характер. По итогам прохождения обучения, участники проекта, успешно освоившие курс, получали возможность попасть в кадровый резерв партии, что в дальнейшем давало возможность стать полноправными партийными функционерами. Обучение проводилось по нескольким направлениям:

- **Модуль «Политический лидер».** Ориентирован на лиц, желающих реализовать себя в сфере публичной политики, обладающих развитыми лидерскими качествами и навыками.

- **Модуль «Партийный организатор».** Направлен на предоставление возможности получить новые знания, необходимый практический опыт теми, кто, по роду своей деятельности, находится в повседневной коммуникации с гражданами: как при реализации партийных проектов и осуществлении социально-значимой деятельности, так и при проведении мероприятий различных уровней.

- **Модуль «Политтехнолог».** Предназначен для тех, кто является непосредственным участником проведения избирательных кампаний различного уровня, или только готовится к участию в такой работе.

Второй кадровый проект «Единой России – «ПолитСтартап» – был направлен на выявление молодых людей (в возрасте до 35 лет) с активной жизненной позицией, готовых попробовать свои силы в общественно-политической деятельности. Проект реализовывался в рамках процедуры ВПП

«Единая Россия» по предварительному голосованию по отбору кандидатов в органы власти всех уровней (праймериз). Участникам проекта предоставлялась возможность участия в процедуре праймериз, и, в случае его удачного прохождения, – участвовать и в «настоящих» выборах. Проект был запущен в 2018 году как пилотный. Проект ведется по двум направлениям: кандидат и политтехнолог.

Проекты всероссийской молодежной организации «Молодая Гвардия» Единая Россия (МГЕР)

Образовательный проект, реализуемый МГЕР на региональном уровне – «Школа Парламентаризма» – был ориентирован, прежде всего, на студенческую аудиторию. В рамках проекта участники вели диалог с общественно-политическими деятелями, разрабатывали собственные социальные проекты и законодательные инициативы. Помимо этого, в рамках проекта проводился цикл образовательных встреч и лекций от известных политических деятелей, практические занятия с экспертами-политтехнологами, практические занятия в форме дебатов, разбора различных политических кейсов, деловых игр. Проект реализуется уже с 2017 года, и в 2019 г. проводился уже в 75 субъектах РФ.

Еще один региональный проект МГЕР – «Молодежный избирательный штаб» – был призван повысить интерес молодежи к участию в выборах, как в качестве кандидатов, так и в качестве политтехнологов. Для реализации этой цели проводились обучающие сессии для подготовки непосредственных участников избирательного процесса – кандидатов, сотрудников предвыборных штабов кандидатов, а также наблюдателей, осуществляющих контроль над прозрачностью выборного процесса. Проект реализуется с 2017 года, хотя впервые был запущен в 2013 году, однако тогда не получил продолжения. Результативность данного проекта очевидна, так как его участники в разных регионах страны успешно участвуют в муниципальных выборах. Многие участники проекта в дальнейшем побеждали на выборах в органы муниципальной власти.

Проекты политической партии «Справедливая Россия»

Партия «Справедливая Россия» реализует свой проект – «Молодежный Кадровый резерв Справедливой России». Проект этот проводится в форме деловой игры: участники проводят выборы, приближенные к настоящим, формируют партии, ТИКи, участвуют в дискуссиях. Основная цель обучения – получение представлений об особенностях и методах избирательной кампании. По итогам обучения лучшие участники попадают в кадровый резерв партии. В частности, в 2019 году выпускник этого проекта Александр Половинский стал председателем комиссии по Регламенту, депутатской этике, информационной политике и связям с общественными объединениями Молодежного парламента Иркутской области.

Подводя итог, можно говорить о том, что, политические партии заинтересованы в «омоложении» кадров. Реализуя свои проекты, партии готовят опытных молодых политиков, помогают им реализовать свой

потенциал на выборах в органы представительной власти различных уровней, а также и для работы в государственной и муниципальной власти, и для собственного партийного кадрового резерва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова, Е.Ю. Государственная кадровая политика: сущность и актуальные проблемы [Электронный ресурс] // Е. Ю. Иванова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – С. 92–97.

2. Молодая Гвардия: Направления [Электронный ресурс] / Официальный сайт Молодой Гвардии Единой России. – Режим доступа: <http://molgvardia.ru/projects>. Дата обращения: 25.11.2019.

3. Молодежный кадровый проект СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ [Электронный ресурс] / Официальный сайт Политической партии Справедливая Россия. – Режим доступа: <http://www.spravedlivo.ru/mkr>. Дата обращения: 25.11.2019.

4. Проекты партии Единая Россия [Электронный ресурс] / Официальный сайт Всероссийской политической партии «Единая Россия». – Режим доступа: <https://proekty.er.ru/#content>. Дата обращения: 25.11.2019.

УДК 327

Я.С. Морозова

Магистрант, Алтайский государственный университет, г. Барнаул,
Россия

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация: Статья посвящена интернационализации российского образования, в частности сетевому образовательному взаимодействию России и Китая. Рассматриваются подходы к реализации совместных программ и сложности, с которыми сталкиваются вузы.

Ключевые слова: Интернационализация образования, образовательные программы, Россия, Китай.

Y.S. Morozova

Master's degree, Altai state university, Barnaul, Russia

ANALYSIS OF APPROACHES TO IMPLEMENTATION OF JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS IN RUSSIA AND CHINA

Abstract: The article is devoted to the internationalization of Russian education, in particular, the network educational interaction between Russia and China. The approaches to the implementation of joint programs and the difficulties that universities face are considered.

Keywords: Internationalization of education, educational programs, Russia, China.

Статья посвящена интернационализации российского образования, в частности сетевому образовательному взаимодействию России и Китая. Рассматриваются подходы к реализации совместных программ и сложности, с которыми сталкиваются вузы.

Цель исследования выделить особенности реализации совместных образовательных программ в России и Китае.

С 2008 г. российское образование обрело новый формат – партнерство в рамках сетевых университетов. Сетевые взаимодействия имеют большое значение для образовательной сферы любой страны. Чем больше в стране образовательных учреждений, являющихся частью сетевых университетов, тем с большей точностью можно утверждать, что государство является активным участником глобального образовательного процесса. Каждое такое образовательное учреждение-субъект сетевого университета выполняет роли интеграции в регионе, выходящие за пределы взаимодействия с научными центрами и крупными компаниями.

Прежде всего, сетевые структуры позволяют выстраивать системы социальных взаимодействий университетов и отличаются от межуниверситетского двустороннего сотрудничества широким спектром формальных и неформальных связей с университетами, исследовательскими центрами, предприятиями промышленности, банками, телекоммуникационными компаниями. Сетевые университеты – это поле для выстраивания отношений на разных уровнях от взаимодействия в регионе, в рамках национальных систем образования и на уровне мирового образовательного пространства.

Самым крупным партнером для нашего государства в сфере образования в азиатском регионе стала КНР. Образовательное сотрудничество ведется в рамках сетевых университетов ШОС и БРИКС (далее – УШОС и УБРИКС). Из ниже приведенной таблицы видно, что Китай лидирует по количеству грантовых мест в российских университетах.

Табл. Количество мест по квоте на обучение иностранных граждан в рамках УШОС, выделенных в пределах установленных Правительством Российской Федерации

Страна	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	Всего
Китай	0	78	89	135	76	137	34	107	656
Страна	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	Всего
Казахстан	39	58	61	55	133	118	89	70	623
Кыргызстан	26	35	24	28	53	48	32	13	259
Таджикистан	16	23	28	31	25	38	13	14	188
Всего	81	194	202	249	287	341	168	204	1 726

В 2012 г. Россия и Китай подписали Меморандум о реализации плана взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. В дальнейшем это способствовало развитию совместных образовательных программ. Одной из проблем, с которой столкнулись государства, стало законодательное регулирование. Несмотря на совместное ведение программ, сложились некоторые отличия в регулировании образовательного взаимодействия.

Стоит начать с того, что в российском образовательном законодательстве понятие «сетевой университет» появилось лишь в 2013 г. Были прописаны условия ведения совместных образовательных программ с зарубежными образовательными учреждениями, а также дано определение совместной образовательной программы. В качестве особенности можно выделить, что российские вузы имеют свободу в разработке и реализации совместных программ. В Китае напротив – все программы утверждаются через Министерство образования, что позволяет посмотреть единый список совместных программ с зарубежными вузами. Также студенты со стороны Китая, получая двойной диплом, обязаны отучиться в китайском вузе не менее 2 лет, если это бакалаврская программа. В России таких ограничений нет. Программы двойных дипломов для бакалавров не столь популярны, как,

например, магистерские. Это обусловлено тем, что трудно согласовать жесткие образовательные минимумы бакалаврских программ между вузами разных государств. Как правило, университет-член программы УШОС или УБРИКС – это крупный региональный институт или находящийся на территории, граничащей с другими государствами, и выполняющий значимую роль в развитии региона. С одной стороны – это субъект регионального образовательного, экономического процесса внутри региона, а с другой субъект более масштабного глобального образовательного пространства сетевого университета. Данная двойственность естественна в условиях нарастающей глобализации. Поэтому каждый университет стремится к сохранению своих социокультурных функций и механизмов обучения, при этом отлично выстраивая процесс международного сотрудничества. В условиях различий в национальных и вузовских стандартах образования видится сложным создание единых методик обучения в университетах России и Китая. Стоит отметить, что подобная проблема актуальна для всех стран-участников рассматриваемых сетевых университетов.

В связи со сложностью организации бакалаврских программ, большой популярностью пользуются магистерские. Последние имеют много плюсов: короткий срок обучения, свобода при формировании программы, меньше регламентов и ограничений со стороны вузов. В качестве примера можно привести Даляньский университет иностранных языков, который также является участником УШОС. Университет реализует магистерскую программу, для студентов из стран ШОС. Преподавателями являются как китайские педагоги, работающие там на постоянной основе, так и приглашенные на учебный год преподаватели из стран-членов Шанхайской организации сотрудничества. Программу обучения составляет китайский вуз, но иностранные преподаватели имеют право вносить свои предложения по программе и лекционному материалу, организовывать научные конференции и т.д. В такой среде все стороны чувствуют себя комфортно в образовательном процессе, что является отличным показателем. В будущем в рамках сетевых университетов возможна организация магистерской программы с получением двойного диплома.

Основной проблемой реализации совместных программ для России и Китая остаются языковые барьеры. Русский и китайский языки являются одними из самых сложных в мире, что предполагает долгое обучение. Как правило, студенты приезжают в страну обучения уже со знанием языка, либо проходят языковые курсы в принимающем университете. В первом случае, при подаче документов, студент предъявляет международный сертификат, подтверждающий владение языком на необходимом для обучения уровне. Уровень В2 нужен для учебы на бакалаврской программе и С1 для магистратуры. В другом случае, студенты проходят годичный языковой курс, за время которого должны освоить язык на уровень В2. Такая возможность есть только у желающих учиться на бакалавриате или специалитете. Нужно признать, что выучить один из сложнейших языков с нуля за такой короткий

срок достаточно тяжело, поэтому студенты должны быть максимально мотивированы и сосредоточены только на учебе.

С каждым годом увеличивается обмен студентами с целью изучения языков и организуются полугодовые и годовые языковые стажировки. Такие программы можно найти в рамках частного сотрудничества университетов, университета ШОС, институтов Конфуция.

Помимо образовательного и культурного обмена, УШОС и УБРИКС ставят задачу подготовки кадров высшей квалификации для содействия в эффективном сотрудничестве странам-участницам организаций в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. Для этого студентам предоставляют возможность получить грант на обучение в одном из вузов-партнеров. На взгляд автора этого недостаточно для достижения поставленной цели, так как реалии сегодняшнего дня не дают возможности признать человека профессионалом без опыта работы в соответствии с полученной квалификацией. Поэтому окончив университет, владея несколькими языками выпускнику трудно найти работу и обеспечить себя, не говоря о том, чтобы вкладывать свой труд в развитие ШОС и БРИКС. Данная проблема является актуальной как для России, так и для Китая. У обоих государств нельзя выделить отличий в подходе к этому вопросу. Усложняет эту ситуацию и государственные требования к иностранным гражданам при трудоустройстве. Легализация диплома, официальное приглашение от компании-работодателя, наличие опыта работы от двух лет по полученной специальности – далеко не все, что необходимо предъявить иностранному гражданину для получения рабочей визы в Россию или Китай. Возможно, решением данной проблемы может послужить создание базы работодателей по приоритетным направлениям развития в ШОС и БРИКС, нуждающихся в квалифицированных кадрах, а также упрощение некоторых визовых процедур. Данные нововведения могут дать хороший результат, так как на рабочих местах будут люди, способные выстроить диалог между государствами, понимающие культуру и проблемы не только своей страны. Это, безусловно, сделает образование в рамках сетевых университетов более престижным.

Мы можем наблюдать, что Россия и Китай имеют некоторые отличия в подходах в выстраивании совместных образовательных программ, которые вызывают проблемы на пути создания полноформатных сетевых университетов ШОС и БРИКС. С другой стороны, проблемы не означают то, что деятельность стран-участниц не эффективна. На взгляд автора, это говорит о том, что перед организациями и их членами ставятся новые задачи. Несмотря на это, Россия и Китай имеют отлаженную систему взаимодействия в сфере образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический доклад: Университет ШОС как инструмент интеграции образовательных систем государств-членов ШОС [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://www.asu.ru/files/documents/00009828.pdf>. Дата обращения: 15.03.2020.

2. Концепция Университета ШОС [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет «МЭИ». – Режим доступа: <http://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx>. Дата обращения: 15.03.2020.

3. О подписании Соглашения об учреждении и функционировании Университета Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/25163/>. Дата обращения: 15.03.2020.

4. Постановление Правительством Российской Федерации от 8 октября 2013 г. № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/41d49508643d1f64e871.pdf>. Дата обращения: 15.03.2020.

5. Хартия Университета ШОС [Электронный ресурс] / Алтайский государственный университет. – Режим доступа: http://www.asu.ru/inter_change/sco/information/10030/. Дата обращения: 15.03.2020.

6. Гревцева, Г.Я. Сотрудничество России и Китая в сфере образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2017. – Т. 9. – № 2.

7. Гурулева, Т.Л., Бедарева, Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений / Высшее образование в России. – 2019. – №4.

8. Гусевская, Н.Ю. Сетевое образовательное взаимодействие как фактор гуманитарного сотрудничества стран – участниц ШОС // Науч.-образовательное и культурное сотрудничество стран – участниц ШОС: XII междунар. науч.-практ. конф. Чита, 21-23 мая 2014 г. – Чита. – 2014. С. 72-77.

9. Коновский, М.А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник Международных организаций. – 2016. – Т. 11. – № 4.

10. Курылев, К.П., Станис, Д.В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Современная наука. – 2015. – № 2.

11. Медяник, Е.И. Совместные образовательные проекты как инновационная форма сотрудничества России и КНР в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – № 1.

12. Медяник, Е.И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2017. – Т. 12. – № 1.

13. Филиппов, В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15. – № 3.

14. Филиппов, В.М., Сунь, Ю. Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. – 2015. – № 6 (98).

15. Ganshina, G., Tsvyk, A. Promotion of Russian Language in China As a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation // Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education. – Book Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research. – Vol. 64. Paris: Atlantis Press, 2016.

Парфенов А.Д.

магистрант, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ПРОГРАММАХ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ

Аннотация: В статье анализируются основные программные установки современных европейских крайне правых партий, касающиеся политики Евросоюза. На основе сравнения позиций, представленных в партийных программах, автор приходит к выводу, что по критерию отношения к ЕС можно выделить три основные группы крайне правых партий: «мягких» евроскептиков, умеренных евроскептиков и радикальных евроскептиков. В программах партий наибольшее место отводится таким проблемам Евросоюза, как неэффективная миграционная политика, высокая степень централизации и власти бюрократии, размывание суверенитета национальных государств, снижение уровня демократичности. Степень актуальности для конкретных государств тех или иных проблем, связанных с политикой ЕС отражается в содержании программ крайне правых партий, что сказывается на различиях в их позициях.

Ключевые слова: Крайне правые, Европейский Союз, евроскептики, Европарламент, правый радикализм, идентичность и демократия.

A.D. Parfyonov

Master's degree, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Omsk, Russia

EUROPEAN UNION IN THE PROGRAMMES OF MODERN EUROPEAN EXTREME RIGHT PARTIES

Abstract: The article analyzes the main software settings of modern European far-right parties concerning the policy of the European Union. On the basis of the comparison of the positions presented in the party programs, the author concludes that according to the criterion of attitude towards the EU it is possible to distinguish three main groups of extreme right-wing parties: "soft" Euroskeptics, moderate Euroskeptics and radical Euroskeptics. The European Union 's problems, such as inefficient migration policy, a high degree of centralization and power of bureaucracy, the erosion of the sovereignty of national states, and the decline of democracy, have the greatest place in the party 's programs. The degree of relevance of EU policy issues to specific States is reflected in the content of the programmes of extreme right-wing parties, which affects the differences in their positions.

Keywords: Far-right, European Union, Euroskeptics, European Parliament, right-wing radicalism, identity and democracy.

На протяжении последнего десятилетия всё более актуальной становится тема крайне правых политических партий в Европе. Результаты выборов, как на уровне отдельных национальных государств, так и на уровне наднациональном (выборы в Европейский парламент), дают возможность увидеть динамику роста популярности крайне правых партий.

Крайне правые партии всё чаще попадают в национальные парламенты и участвуют в формировании правительств (например, в Италии, Финляндии и Австрии). Во многом это связано с успехом союза между крайне правыми и консервативными правоцентристами. Правые радикалы и правоцентристы имеют общие позиции по ряду вопросов, прежде всего, по вопросу культурной политике и вопросу иммиграции, что позволяет им без особого конфликта взаимодействовать друг с другом.

Кризис европейской миграционной политики стал основным фактором роста популярности праворадикальных сил. В 2015 году произошёл очередной миграционный кризис в Европе [1, с. 62]. Это повлекло за собой возрастание влияния правых сил в Европе. Нередко исследователями даже стал использоваться термин «правый поворот» для обозначения изменения расстановки сил в европейских государствах [2].

Так же исследователи выделяют и другие факторы роста популярности крайне правых партий, такие, как недовольство граждан европейских стран социально-экономической ситуацией и неэффективностью мер, предлагаемых «традиционными» партиями для исправления возникающих проблем [3]. Кроме того, важную роль имеет рост популярности евроскептицизма, то есть критического отношения к политике, проводимой ЕС.

Стоит, однако, прояснить, что следует понимать под понятием «крайне правые политические партии». Анализируя многообразные определения понятия крайне правых политических партий, мы пришли к выводу, что наиболее близким к современным реалиям можно считать дефиницию, предложенную А.В. Шеховцевым. Он отмечал, что, несмотря на различные понятия, которыми принято обозначать данные партии (праворадикальные партии, ультраправые партии и др.), можно выделить некую общую основу. Исследователь считает, что такой основой является «идея сохранения, реализации и воспроизводства однородного с культурной и (или) этнической точки зрения общества, развивающегося в рамках либерально-демократической системы» [4]. Однако ориентация на либерально-демократическую политическую систему прослеживается не у всех партий, которые принято относить к европейским крайне правым. Так, например, Золотая заря из Греции и Народная партия из Словакии открыто выступают противниками либеральной системы ценностей. Поэтому, на наш взгляд, для прояснения понятия «крайне правые партии» следует указать их отличительные признаки.

Среди основных признаков идеологии современных крайне правых политических партий можно выделить: внешний национализм (борьба за

национальный суверенитет и независимость от влияния других государств и наднациональных структур); внутренний национализм (этноцентризм, ориентация на сохранение национальной, лингвистической и культурной идентичности); защита традиционных национальных ценностей. Кроме того, актуальными в последнее время для крайне правых становятся требования прямой демократии и евроскептические установки: реформирование ЕС в сторону децентрализации; скептическое отношение к евроинтеграции; постановка вопроса о членстве в ЕС.

В связи с растущей популярностью у европейских избирателей крайне правых политических партий актуальным является вопрос о предложениях, которые представлены в программных документах этих партий. Немалое количество таких предложений (прежде всего, по вопросам иммиграции) уже было реализовано в ряде европейских государств, таких, как Швеция, Финляндия, Латвия, Австрия и др.

На настоящий момент крайне правые партии в Европарламенте объединены в рамках фракции Идентичность и демократия, однако некоторые входят в состав иных фракций. Так, Национальный альянс из Латвии и Шведские демократы входят во фракцию Альянс европейских консерваторов и реформистов, а депутаты от словацкой Народной партии являются независимыми, не примыкая ни к одной из групп Европейского парламента. Это также делает актуальным вопрос о сходствах и различиях между программными установками крайне правых партий.

Важным условием успешного сотрудничества крайне правых партий друг с другом является наличие общих взглядов по вопросам внешней политики и международных отношений. Это обусловлено националистической ориентацией данных партий, которая, с одной стороны, может выступать объединяющим фактором, с другой, может служить препятствием для объединения вследствие несовместимости интересов. Кроме того, особую актуальность анализу позиций крайне правых партий придаёт и сам факт их растущей популярности. Эти партии оказывают всё большее влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику государств. Евроскептическая ориентация крайне правых также заслуживает отдельного внимания, ведь на протяжении последних лет складывается ситуация, когда в Европейском парламенте увеличивается доля политических сил, выступающих с критикой ЕС и его коренное преобразование. То есть внутри институтов Евросоюза существуют политические силы, которые фактически выступают против существования данной организации в её нынешнем виде.

Автором были проанализированы программные документы крайне правых политических партий стран ЕС, представленных в национальных парламентах и Европарламенте, и выявлены основные установки этих партий по вопросу политики данной организации. (Табл. 1).

Табл. 1. Крайне правые партии в национальных парламентах и Европейском парламенте

Партия	Места в национальном парламенте	Места в Европейском парламенте
Альтернатива для Германии	89/709	11/96
Австрийская партия свободы	30/183 (Национальсрат) 14/61 (Бундесрат)	3/18
Датская народная партия	16/179	1/14
Консервативная народная партия Эстонии	19/101	1/7
Лига (Италия)	125/630 (Палата депутатов) 60/321 (Сенат)	29/76
Национальный альянс (Латвия)	12/100	2/8
Национальное объединение (Франция)	8/577 (депутаты) 1/348 (сенаторы)	21/79
Партия свободы (Нидерланды)	20/150 (нижняя) 5/75 (верхняя)	1/29
Народная партия – Наша Словакия	17/150	2/13
Свобода и прямая демократия (Чехия)	22/200	2/21
Фламандский интерес (Бельгия)	18/150 (депутаты) 7/60 (сенаторы)	3/21
Финская партия	39/200	2/13
Шведские демократы	62/349	3/20

Фундаментальной установкой для всех крайне правых партий является сохранение национального суверенитета. Национальный суверенитет и национальные интересы – основные принципы крайне правых в вопросах внешней политики и международных отношений. В отношении данных принципов рассматриваемые партии солидарны, это позволяет им придерживаться схожих позиций по проблеме централизации Европейского союза.

Однако отношение к ЕС у крайне правых партий всё же различается степенью радикальности. Общие претензии крайне правых к ЕС сводятся к следующему:

1. Чрезмерная централизация ЕС ведёт к размыванию экономического, территориального и политического (прежде всего, законодательного) суверенитета и превращению экономической организации в федерацию.

2. ЕС проводит неэффективную политику в отношении иммигрантов, вынуждая национальные правительства принимать беженцев и иммигрантов, вне зависимости от желания национальных государств;

3. В ЕС обнаруживается дефицит демократии, государства-члены вынуждены выполнять решения разрастающейся бюрократии, а Европарламент остаётся ограниченным в своих полномочиях.

4. Единая валюта и экономическая политика выравнивания приводит к тому, что одни государства живут за счёт других, такой распределительный принцип является несправедливым с точки зрения правых партий и является экономически неэффективным.

Идеалом для крайне правых партий выступает «Европа наций» как добровольный союз суверенных национальных европейских государств, объединённых общей христианской культурой, но различающихся своими самобытными традициями и особенностями. В программе европейской Партии идентичности и демократии (является основой для одноимённой фракции Европарламента), которая объединяет представителей крайне правых партий из Франции, Бельгии, Чехии, Австрии, Италии, Болгарии, Греции, Словакии и Польши обозначены основные принципы, на которых должны быть основаны отношения между европейскими государствами [5]:

1. Суверенитет и добровольное сотрудничество между европейскими государствами, отказ от политики, направленной на создание надгосударственных и наднациональных структур.

2. Сохранение самобытности народов и наций Европы в соответствии со специфическими особенностями каждого народа (право контроля и регулирования иммиграции должно принадлежать только национальным государствам).

3. Сохранение разнообразия политических систем европейских государств, а также разнообразия экономических, социальных, культурных и территориальных моделей.

4. Сохранение национальных европейских культур как сущности всех политических действий.

Минимальным требованием всех крайне правых является реформирование ЕС в сторону децентрализации. В отношении позиции реформирования и членства в ЕС можно выделить три основные группы крайне правых партий.

В первую группу входят партии, придерживающиеся умеренных позиций, ставящие условия реформирования ЕС, соблюдение принципа субсидиарности, восстановления экономического, законодательного и территориального суверенитета и преобразование союза в экономическую ассоциацию свободной торговли. К этой группе относится большинство крайне правых партий. В случае невыполнения перечисленных условий предлагается проведение референдума по вопросу о членстве в ЕС. Данную группу можно охарактеризовать как умеренных евроскептиков.

Кроме того, для всех рассматриваемых крайне правых партий огромное значение имеют демократия и демократические ценности. Современные парламентские демократии не учитывают в полной мере интересы своих граждан, а выражают интересы политических элит. Настоящей демократией крайне правые считают прямую демократию, основанную на референдумах. Нередко в качестве примера истинно демократической системы приводится Швейцария.

Так, в программе Фламандского интереса сказано о «тоталитарных чертах», которые принимает ЕС в процессе расширения полномочий. Растущая централизация приводит к подрыву традиционных европейских ценностей (суверенитета, subsidiarity, свободы, демократии и верховенства закона). Однако фламандские праворадикалы, выступая за упразднение Еврокомиссии и Европарламента, а также против открытых границ, общего иммиграционного законодательства и политики распределения иммигрантов, за расторжение Шенгенского соглашения, всё же поддерживают конфедеративный характер ЕС как организации с общей внешней и транспортной политикой, непроницаемыми внешними границами [6].

К умеренным евроскептикам среди крайне правых можно также отнести Австрийскую партию свободы (АПС), выступающую за «ассоциацию свободных народов и автономных наций» в Европе. В программе партии критикуется экономическая и иммиграционная политика ЕС. Цель евроинтеграции, согласно программе АПС, – «создание сообщества государств, составляющих Европу в географическом, духовном и культурном смысле, основанного на западных ценностях, культурном наследии и традициях европейских народов» [7].

К этой же группе следует отнести и скандинавские партии. Датская народная партия (ДНП), выступающая за жёсткий национальный контроль над миграционной политикой, против вступления Дании в Еврозону, а также за ограничение полномочий ЕС сферой свободной торговли и борьбой с трансграничной преступностью [8]. Стоит отметить, что большая часть миграционной программы ДНП уже была реализована на государственном уровне во время сотрудничества с коалиционным консервативно-либеральным правительством (2001 – 2011 гг.). После этого за Данией закрепилась репутация страны с самыми строгими законами об иммиграции в Европе. Усилия партии против вступления Дании в Еврозону также не оказались напрасными: в стране так и продолжилась использоваться крона [9].

Для другой скандинавской партии Шведские демократы (ШД) ЕС выступает формой сотрудничества между европейскими государствами, целью которой является обеспечение свободной торговли и совместное решение проблем трансграничного характера. ШД выступает за совместное разрешение в рамках ЕС следующих основных проблем: борьба с трансграничной преступностью, терроризмом, исламизмом и другими видами экстремизма (сотрудничество должно быть добровольным, власть ЕС в этой сфере должна быть ограничена выработкой общих принципов), совместное решение проблем окружающей среды, климата и защиты животных. Шведская партия настаивает на сокращении власти бюрократов Евросоюза, предоставлении национальным государствам полной свободы в экономической, политической, культурной и миграционной сфере, восстановлении реальной демократии, где граждане национальных государств, а не политики ЕС, будут принимать решения и управлять своими государствами. Как и другие крайне правые партии,

относящиеся к этой группе, ШД предлагают сократить взносы в ЕС и прекратить помощь отстающим в экономическом плане государствам.

Финская партия (прошрое название – Истинные финны) выступает за децентрализацию ЕС и сведению его полномочий до обеспечения единого экономического пространства свободной торговли, выход из Еврозоны [10]. Программа данной партии, как и двух других скандинавских партий предусматривают возможность прекращения членства в ЕС в ситуации продолжения централизации организации или в случае вступления Турции в Евросоюз [11].

Итальянская партия Лига во главе с бывшим министром внутренних дел М. Сальвини на настоящий момент является одной из наиболее успешных европейских крайне правых партий. Партия достигла своих лучших результатов на выборах в национальный парламент в 2018 году и стала самой популярной итальянской партией на выборах в Европарламент в 2019 году, получив 34, 26% голосов избирателей [12]. В программе итальянской партии ЕС назван «гигантским наднациональным образованием без реальной легитимности». Евросоюз рассматривается как организация, которая наносит ущерб суверенитету, экономике и безопасности национальных государств. Лига выступает за возврат к экономическому сообществу и полному восстановлению денежно-экономического, территориального и законодательного суверенитета, соблюдение принципа субсидиарности и восстановление реальной демократии. Лига известна как партия, которая в прошлом выступала за независимость Северной Италии, сейчас она является сторонницей федерализации итальянского государства. Стремление к автономии распространяется и на европейскую политику. Таким образом, на данный момент Лига, обладая наибольшим влиянием из всех европейских крайне правых партий, выступает за максимальную децентрализацию ЕС или же отказ от членства в организации и создании нового сообщества, основанного на единственном принципе – экономической свободе [13].

Национальное объединение (бывший Национальный фронт) во главе с известным французским политиком Марин Ле Пен является второй после Лиги по числу депутатов в Европарламенте европейской крайне правой партией. В целом позиции французской и итальянской партий во многом совпадают. Национальное объединение выступает за проведение референдума по вопросу членства Франции в ЕС. Защита национального суверенитета и национальной идентичности являются основными приоритетами французской партии. Критика ЕС в программе Национального объединения осуществляется по тем же линиям, что и в программе Лиги, большое внимание уделяется неэффективной миграционной политики ЕС и угрозе исламизации Европы. Выраженная протекционистская экономическая ориентация французской партии проявляется в требовании проведения независимой экономической политики (протекционизм входит в противоречие с полностью свободной торговлей), в критике перераспределения средств между странами-членами ЕС,

в желании сократить огромные взносы, которые платит Франция в качестве члена Евросоюза [14].

Ко второй группе можно отнести партии, предлагающие выход из ЕС. Для них союз не оправдал ожиданий, поэтому требование реформы сменилось требованием прекращения членства организации. К этой группе относятся Партия свободы (Нидерланды), Народная партия (Словакия) и партия «Свобода и прямая демократия» (Чехия). Партии этой группы могут быть охарактеризованы как радикальные евроскептики, так как они выступают с жёсткой критикой ЕС и в их программах содержится прямой призыв к прекращению членства в Евросоюзе.

Программа нидерландской Партии свободы 2017 года является самой краткой и одновременно самой радикальной в истории организации. Помимо жёстких мер борьбы с исламизацией и иммиграцией из мусульманских стран, программа предусматривает радикальную позицию в отношении ЕС. В ней больше не рассматривается возможность реформирования международной организации, а лишь выражается принципиальная позиция о необходимости прекращения членства Нидерландов в Евросоюзе [15].

Словацкая Народная партия под руководством известного крайне правого политика М. Котлеба известна своей резкой критикой мультикультурализма, либерализма, а также своим негативным отношением к НАТО и США. Националистическая ориентация проявляется и в позиции партии по вопросу членства в ЕС. Евросоюз, который на протяжении долгого периода времени стремится стать политическим союзом, рассматривается Народной партией как серьёзная угроза суверенитету, поэтому выход из ЕС рассматривается в качестве единственной возможности сохранения независимости Словакии [16].

Чешская партия «Свобода и прямая демократия» также может быть отнесена к радикальным евроскептикам, выступающим за выход из ЕС. В программе партии указано: «Мы хотим, чтобы Европа была свободным рынком товаров, услуг и рабочей силы. Европа сотрудничающих свободных и суверенных национальных государств. Мы хотим жестких условий для иммиграционной политики Чешской Республики. Мы не хотим непригодных иммигрантов или прихода исламских религиозных фанатиков» [17]. Принципиальность позиции партии по данному вопросу подкрепляется отсутствием в программе партии упоминаний о возможности реформирования Евросоюза и сохранении членства в данной организации.

Третья группа представлена партией Национальный альянс из Латвии и Консервативной народной партией Эстонии (КНП). Партии выступают за сотрудничество в рамках ЕС, не ставят вопрос о выходе из организации. Однако они также сохраняют евроскептические позиции, требуя децентрализации и критикуя иммиграционную политику Евросоюза.

Позиция Национального альянса может быть охарактеризована как «мягкий» евроскептицизм. Партия заинтересована в развитии сотрудничества в рамках ЕС: «В последние годы Латвия стала одной из самых быстрорастущих

экономик в еврозоне. Мы успешно использовали возможности, предоставляемые Европейским союзом (ЕС) для преодоления кризисов, и мы продолжаем содействовать развитию экономики. В то же время ЕС пережил ряд потрясений. Голосование Великобритании о выходе из ЕС поставило будущее ЕС в политическую повестку дня. Национальный Союз – это «еврореалисты» – наши идеалы основаны не на догмах, а на прагматическом взгляде на сегодняшнюю европейскую реальность» [18]. Партия выступает за децентрализованный Европейский Союз. Несмотря на критику миграционной политики ЕС, всё же тема иммигрантов из стран Ближнего Востока куда меньше беспокоит прибалтийских крайне правых, чем «российская угроза». Эстонские крайне правые из КНП более резко критикуют экономическую и миграционную политику ЕС, однако и они не ставят вопроса о выходе. Евросоюз во многом воспринимается данными партиями в качестве организации, способной в экономическом и политическом плане оказать помощь прибалтийским странам в борьбе с российской угрозой. Россия в программах этих партий представлена правопреемницей СССР не только в историческом смысле, но и в смысле внешнеполитической идеологии. Так же как и СССР, Россия воспринимается прибалтийскими националистами как агрессор. Поэтому членство ЕС, несмотря на все недостатки, рассматривается в качестве необходимого условия обеспечения безопасности Латвии и Эстонии.

Можно отметить, что важную роль играют проблемы, которые более актуальны для конкретных европейских государств, что и отражается в программах партий. Так, в странах, наиболее пострадавших от нелегальной иммиграции с большой долей иммигрантов из мусульманских стран (Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды и т.д.) крайне правые в большей мере акцентируют внимание на неэффективности действий Евросоюза в данной сфере. Экономические претензии к ЕС также более широко представлены в программах партий из наиболее богатых стран, вынужденных делиться с менее экономически развитыми государствами. Наоборот, крайне правые партии из государств, которые получают большую выгоду от членства в ЕС, склонны в меньшей мере критиковать экономическую политику организации (пример – прибалтийские крайне правые). Степень актуальности для конкретных государств тех или иных проблем, связанных с политикой ЕС, таким образом, отражается в содержании программ крайне правых партий.

Европейские крайне правые солидаризируются по вопросу о вступлении Турции в ЕС. Турция рассматривается как неевропейское в культурном отношении государство, вступление которого в ЕС является крайне опасным и может привести к ускорению процесса исламизации Европы. В программных документах партий часто указывается, что вступление Турции в ЕС является одним из условий выхода государства из организации.

Выход Великобритании из ЕС позитивно был оценён всеми крайне правыми по следующим причинам. Во-первых, был создан важный прецедент, который в дальнейшем может стать примером для других национальных государств, а также важным предупреждением для ЕС о том, что организация

нуждается в реформировании. Во-вторых, сама процедура выхода через принятие решения на референдуме является крайне важным примером прямого народовластия, которое ценят крайне правые, подчёркивающие, что они выступают от имени народа и что именно народ должен принимать самые важные решения для страны.

Таким образом, современные крайне правые политические партии по критерию отношения к Евросоюзу могут быть разделены на три основные группы (Табл. 2): «мягкие» евроскептики (сохранение членства и желательное реформирование и децентрализация), умеренные евроскептики (возвращение к экономическому союзу, совместное добровольное участие в разрешении трансграничных проблем, полный суверенитет национальных государств и отказ от политического проекта; выход из ЕС при условии невыполнения перечисленных требований), радикальные евроскептики (выход из ЕС).

Учёт некоторых требований, связанных с ослаблением центрального управления и реформирование на основе принципа субсидиарности является одним из возможных вариантов сохранения Евросоюза.

Помимо крайне правых в Европейском парламенте и национальных парламентах европейских государств в большом количестве присутствуют правоцентристские партии, которые также придерживаются евроскептицизма. На данный момент позиции «мягких» евроскептиков более близки к правоцентристским взглядам на современную политику Евросоюза.

Табл.2. Позиции крайне правых политических партий в отношении ЕС

«Мягкий» евроскептицизм	Умеренный евроскептицизм	Радикальный евроскептицизм
Консервативная народная партия Эстонии Национальный альянс (Латвия)	Альтернатива для Германии Австрийская партия свободы Датская народная партия Лига (Италия) Национальное объединение (Франция) Фламандский интерес (Бельгия) Финская партия Шведские демократы	Народная партия – Наша Словакия Партия свободы (Нидерланды) Свобода и прямая демократия (Чехия)
Реформирование и сохранение членства в ЕС	Реформирование или выход из ЕС	Выход из ЕС

На основе проведённого анализа можно сделать ряд следующих выводов. Во-первых, позиция всех современных европейских крайне правых партий относительно ЕС является скептической. Во-вторых, можно выделить ряд проблем, которые критикуются всеми крайне правыми партиями: неэффективная миграционная политика, высокая степень централизации и власти бюрократии, размывание суверенитета национальных государств, снижение уровня демократичности. В-третьих, несмотря на наличие общих позиций программы современных крайне правых различаются степенью

радикальности в отношении ЕС, что позволяет дифференцировать их по данному критерию. В-пятых, основное значение в программах всех крайне правых партий имеют национальные интересы. Ориентация на национальные интересы приводит к различному восприятию Европейского Союза. Как нами было показано, часть партий воспринимает ЕС в качестве важного условия безопасности своих государств, а другая часть, наоборот, рассматривает организацию как угрозу национальному суверенитету и ставит вопрос о её реформировании или прекращении членства в ней. Это не может не сказываться на стратегии деятельности и выборе ими политических своих союзников. Умеренные и «мягкие» крайне правые евроскептики достаточно успешно сотрудничают с правоцентристами на национальном уровне. Однако на уровне Европарламента более радикальные крайне правые евроскептики реже сотрудничают с правоцентристами.

Усиление крайне правых партий в Европе и рост евроскептических настроений всё более остро ставят под вопрос дальнейшее существование Европейского Союза. Пример Великобритании даёт надежду крайне правым партиям на реализацию их проектов, связанных с сохранением суверенитета национальных государств. В какой мере крайне правым удастся достичь своих целей, во многом будет зависеть от того, насколько европейским политикам удастся преодолеть те проблемы, с которыми сталкивается Евросоюз на данный момент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миграционный кризис в Европе / под ред. А. П. Кошкина. – Вып. 6. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». – 2016. – 92 с.
2. Куньщиков, С. В. Правый поворот в европейской политике: причины, сущность, перспективы [Электронный ресурс] / С. В. Куньщиков, И. А. Давыдов. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/80356/1/978-5-91256-440-6_2019_131.pdf. Дата обращения: 25.03.2020.
3. Авилова, А., Гутник, А., Квашнин, Ю., Оленченко, В., Тоганова, Н., Трофимова, О. Выборы в Европарламент – 2014 // МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. – 2014. – № 11.
4. Шеховцов, А.В. Новый правый радикализм в Европе как предмет исследования в отечественной и зарубежной историографии // Науковий вісник "Гілея": Зб. наук. праць. – Вип. 9. – К., 2007.
5. Identity and Democracy Party [Электронный ресурс] / Platform of Identity and Democracy Party. – Режим доступа: <https://www.id-party.eu/>. Дата обращения: 01.04.2020.
6. Lees heir ons volledig verkiezingsprogramma (Vlaams Belang) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vlaamsbelang.org/wp-content/uploads/2019/04/programma2019.pdf> Дата обращения: 20.03.2020.

7. Party Programm of the Freedom Party of Austria (FPÖ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fpo.e.at/test/parteiprogramm/>. Дата обращения: 01.04.2020.
8. Principprogram (Dansk Folkeparty) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://danskfolkeparti.dk/politik/principprogram/> Дата обращения: 01.04.2020.
9. Denmark's imigration issue (19 February, 2005) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4276963.stm>. Дата обращения: 01.04.2020.
10. The Finns Party's European Union policy (21.1.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2019/05/EUpolitiikkaENG_2019.pdf. Дата обращения: 01.04.2020.
11. Sverigedemokratisk politic [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eu.sd.se/vad-vi-vill/> Дата обращения: 01.04.2020.
12. European Parliament / 2019 European election results (European Parliament 2019 - 2024) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/italy/> Дата обращения: 01.04.2020.
13. ELEZIONI 2018. PROGRAMMA DI GOVERNO. SALVINI PREMIER (LEGA) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.leganord.org/index.php> . Дата обращения: 01.04.2020.
14. 144 Engagements presidentiels Marine 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf>. Дата обращения: 01.04.2020.
15. Concept - verkingsprogramma PVV 2017 - 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pvv.nl/visie.html>. Дата обращения: 01.04.2020.
16. PREDVOLEBNÝ PROGRAM ĽS NASE SLOVENSKO 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/predvolebny-program-ls-nase-slovensko-2020/> Дата обращения: 01.04.2020.
17. POLITICKÝ PROGRAM SPD [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spd.cz/program>. Дата обращения: 01.04.2020.
18. Nacionala Arveniba. Programma [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nacionalaarvieniba.lv/programma/plasa-programma/arpolitika/> Дата обращения: 01.04.2020.

УДК 32.019.51

К.О. Пен

Студент, ФГБОУ ВО «Алтайского государственного университета»,
г. Барнаул, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕРАКТОВ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ г. КЕРЧЬ)

Аннотация: В данной статье терроризм рассматривается как коммуникативное явление.

Ключевые слова: Терракт, Керчь, СМИ, террористический акт.

К.О. Pen

Student, Altai State University, Barnaul, Russia

MEDIA COVERAGE (ON THE EXAMPLE OF KERCH)

Abstract: In this article, terrorism is seen as a communicative phenomenon.

Keywords: Terrorist attack, Kerch, media, terrorist act.

Сегодня наибольшую реальную угрозу для общества представляет терроризм, стремительный рост которого приносит страдания и гибель большому количеству ни в чем не повинных людей. Террористы стремятся всеми силами вселить страх среди населения, дестабилизировать мирную обстановку и нанести вред государству, а так как они всегда стремятся к публичности, то одной из главных задач террористов становится усиленное привлечение внимания СМИ, а средства массовой информации в свою очередь обеспечивают быстрой и достоверной информацией о террористических угрозах [1]. Известно, что СМИ оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения. Средства массовой информации — это тот механизм, с помощью которого самое незначительное событие можно превратить в явление вселенского масштаба. И именно эту особенность СМИ, террористы всегда старались использовать.

Террористы стремятся достичь определенных целей, для чего им необходимо продемонстрировать свою власть, а власть невозможна без коммуникации. Как замечает Р. Крелинстен: «Если актер не имеет необходимого доступа к каналам коммуникации, он может создать новые каналы и новые институты». Именно этим, по сути, и занимаются террористы, поскольку власти в подавляющем большинстве случаев блокируют доступ радикальных групп к средствам массовой информации [2, с. 78]. В итоге возникает следующая проблема: террористы могут получить доступ к каналам массовой коммуникации через СМИ, но лишь настолько, насколько это им

позволяют сделать структурные особенности самих СМИ. Они намеренно используют для распространения информации о своих преступлениях право общества на получение информации.

Некоторые специалисты считают терроризм социальной болезнью, а террористов – больными людьми. Как известно, социальные болезни распространяются не через вирусы и микробы, а через воздействие одних людей на других. Происходит это посредством ложных мнений, слухов и т.д. Могут ли психически здоровые люди стрелять из автоматов в спины бегущих и ползущих школьников или студентов? Я думаю, что нет. Это касается и трагического события, которое произошло днем 17 октября 2018 года в политехническом колледже Керчи: проникнув через запасной вход в здание колледжа, Владислав Росляков или как его еще называют «Керченский стрелок», направился в буфет, где оставил сумку с начинённым металлическими поражающими элементами самодельным взрывным устройством. Во время перерыва между учебными занятиями устройство сработало. Вернувшись на второй этаж, Росляков вооружился помповым ружьём и открыл прицельный огонь по всем людям, которые были в его зоне видимости, в результате инцидента пострадали около 67 человек, а погибли 21.

По воспоминаниям некоторых очевидцев, всего взрывов было несколько, а также были слышны выстрелы из автоматического оружия, что вызвало предположения о том, что нападавших могло быть несколько [3]. Издание «Новая газета» приводило слова студента колледжа Виктора, который отмечал, что слышал не менее 10 выстрелов, причём, по его словам, это была именно одиночная стрельба, а не автоматная очередь [4]. Далее по официальным данным, Росляков после совершения преступления направился в библиотеку колледжа, где совершил самоубийство. Источник информационного агентства «РИА Новости» в правоохранительных органах сообщил, что Росляков планировал массовое убийство с января 2017 года и действовал в одиночку [5]. На основании действий «Керченского стрелка» и их последовательности несколько СМИ предположили, что Владислав Росляков был вдохновлен известным массовым убийством в школе «Колумбайн» в 1999 году в США. Будучи одет в белую майку с надписью «Ненависть», чёрные брюки и берцы, своим видом Росляков якобы подражал не только одному из убийц – Эрику Харрису, – но и его беллетризованному изображению в кинофильмах [6].

Некоторые СМИ утверждают, что к действиям, разворачивающимся в Керченском колледже, причастен не один человек. Есть предположения, что выстрелы были совершены из разных видов оружия, а у Рослякова было с собой лишь помповое ружье. Возникает вопрос, как студент колледжа мог спланировать такой теракт и так профессионально к нему подготовиться, учитывая полное отсутствие финансов и невысокий уровень интеллекта? – пишет «Комсомольская правда» [7]. Очевидно же, что был совершён теракт. Студент Росляков был хорошо завербован (с неблагополучной семьи, достатка нет, нашли слабое звено). Его и выставили страшным террористом. Да, он

причастен, но организовал это всё не он, и умирать там он явно не собирался. Властям было выгодно преподнести все именно так: «неблагополучный подросток, тренировался, смотрел фильмы, над ним частенько подсмеивались его же одноклассники, и он всех убил», ведь признать и официально заявить, что это теракт – невыгодно [8].

Некоторыми СМИ, по мнению обозревателя РАПСИ Валерии Ермолиной, были предприняты попытки использовать массовое убийство в Керченском политехническом колледже в своих материальных и политических интересах путём размещения шокирующих материалов. После появления десятков фальшивых заголовков новостные сайты вывели в тренды дня информацию о выдуманных «сообщниках» убийцы, что едва не спровоцировало массовые волнения [9]. После трагической ситуации в Керчи в СМИ стали появляться провокационные заголовки, такие как: «Полиция все знала: опубликованы вопиющие данные о бойне в Керчи», «Новые подробности: шокирующие детали бойни в Керчи». Если последний просто призывает к чувству любопытства читателей, создавая плодотворную почву для усвоения ложных новостей, то первый заголовок заставляет сделать недвусмысленные выводы о том, кто ответственен за террористический акт. Исходя из этого, можно сделать вывод, что кричащие заголовки – эффективный метод манипулирования общественным мнением, который можно использовать для формирования у российского населения негативного отношения к властям.

Таким образом, из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что нападение на политехнический колледж стало первым крупным происшествием в Крыму с момента присоединения к России. Можно ли эту трагедию считать терактом? Я считаю, что безусловно. На трагедию немедленно отреагировали западные СМИ, более знакомые с подобной тематикой, чем СМИ в России и Украине. Американское издание «The New York Times» одним из первых отреагировало на трагедию, поскольку для американцев расстрелы в школах – это не из ряда вон выходящее событие, а пугающая повседневность. Тем не менее, даже на этом фоне издание отметило, что «керченский расстрел» привел к «самым многочисленным жертвам со времен теракта в Беслане в сентябре 2004 года» и оказался не менее кровавым. Было отмечено, что детали трагедии напоминают до боли знакомые в США картины, которыми характеризовались все печально известные теракты в учебных заведениях: приобретение огнестрельного оружия, стрельба во всех без разбора, самоубийство и т.д [10]. Проанализировав все источники, в которых упоминается о трагедии в Керчи, можно сделать вывод, что нападение на политехнический колледж Владислав Росляков скопировал с «Колумбайна» – в обоих случаях совпадают и одежда, и места для закладки взрывчатки и детали самоубийства. Журналистов попросили «не нагнетать» и «не привязывать» «Колумбайн» в текстах. Сотрудник «Первого канала», со своей стороны, отметил: «это делается, чтобы не было подражания этим идеям, не появлялся лишний интерес к «колумбайновским пабликам» [11]. Журналисты подавали в основном непроверенные факты, в которых постоянно утверждали, что подозреваемый в

трагедии действовал с кем-то в паре, а не в одиночку. Так же было замечено, что СМИ постоянно пытались приукрасить названия заголовков, чтобы привлечь как можно больше внимания к данной теме, замечалось разное количество жертв в различных источниках, таким образом можно сделать вывод, что СМИ всячески пытались ввести в заблуждение общество, им было выгодно представить всё как трагическое стечение обстоятельств и считать этих людей, причастных к трагедии как психически больных, чем признать, что это заранее спланированный теракт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль средств массовой информации в профилактике терроризма [Электронный ресурс] / Стерлибашевские родники. – Режим доступа: <https://sterlibashevskierodniki.rbsmi.ru/articles/antiterror/rol-sredstv-massovoy-informatsii-v-profilaktike-terrorizma/> Дата обращения: 19.03.2020.

2. Колобов, О.А. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий. Научно-справочное издание / Варфоломеев А.А., Грачев С.И., Колобов А.О., Колобов О.А., и др.; Науч. ред.: Корнилов А.А. – М.: Экслит, 2003. – 480 с.

3. «Погибшие скончались от огнестрельных ранений»: число жертв ЧП в Керчи возросло до 19 [Электронный ресурс] / RT на русском. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/564821-vzryv-kerch-kolledzh> Дата обращения: 20.03.2020.

4. Массовое убийство в керченском колледже: хронология событий. [Электронный ресурс] / ТВ «Звезда. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201810171856-t1yt.htm Дата обращения: 20.03.2020.

5. Источник рассказал о подготовке керченского стрелка к преступлению. [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181020/1531114891.html> Дата обращения: 21.03.2020.

6. Бойня в Керчи - точная копия расстрела американской школы «Колумбайн». [Электронный ресурс] / Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.alt.kp.ru/daily/26896/3941117/> Дата обращения: 21.03.2020.

7. Теракт в Керчи. Правда и официальная версия для народа. [Электронный ресурс] / Яндекс.Дзен. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ba6872b2098b300aab5e26f/terakt-v-kerchi-pravda-i-oficialnaia-versiia-dlia-naroda-5bfd714f750e9500aa23cba8> Дата обращения: 21.03.2020.

8. Кровавая бойня в Керчи: почему 18-летний парень пошел на преступление? [Электронный ресурс] / Обозреватель. – Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/society/terakt-v-kerchi-cto-podtolknulo-18-letnego-strelka-na-uzhasnoe-prestuplenie.htm> Дата обращения: 21.03.2020.

9. «Информационный теракт» в Керчи: кликбейт и последствия. [Электронный ресурс] / РАПСИ. – Режим доступа:

http://rapsinews.ru/incident_publication/20181025/290196931.html

Дата

обращения: 21.03.2020.

10. «Керченский расстрел»: что западные СМИ пишут о кровавом теракте в оккупированном городе. [Электронный ресурс] / Ua.today. – Режим доступа:

http://ua.today/news/incidents/kerchenskij_rasstrel_chno_zapadnye_smi_pishut_o_krovavom_terakte_v_okkupirovannom_gorode Дата обращения: 22.03.2020.

11. Массовый расстрел людей в Керчи: о чем приказали молчать СМИ в России. [Электронный ресурс] / 24tv. – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/massovyj_rasstrel_ljudej_v_kerchi_o_chem_prikazali_molchat_smi_v_rossii_n1051791 Дата обращения: 22.03.2020.

УДК 325.14

Прыткова А.О.

аспирант, Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия

КОРОНАВИРУС: СРАВНЕНИЕ МИРОВОГО ОПЫТА В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МИГРАЦИИ

Аннотация: Статья рассматривает, к каким стратегиям прибегают страны мира в сфере миграции, для борьбы с распространением коронавируса.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, коронавирус, COVID-19, сравнительное исследование.

A.O. Prytkova

Postgraduate student, Tyumen state university, Tyumen, Russia

COVID-19: COMPARISON OF WORLD EXPERIENCE IN THE FIELD OF MIGRATION CONFINEMENT

Abstract: The article considers what strategies the countries of the world resort to in the field of migration in order to combat the spread of COVID-19.

Keywords: migration policy, migration, coronavirus, COVID-19, comparative study.

Коронавирус кардинально изменил быт людей в 2020 году. Он не только повлиял на то, как люди передвигаются, работают, учатся, но и на то, как они живут и что считают важным и ценным. Для мира наступил новый период, каждое государство принимает решения о том в каком режиме ему существовать, в соответствии со своими представлениями о ценности жизни, экономики, безопасности.

В таких условиях, страны разделились в вопросе о том, как поступить с миграцией. Некоторые выбрали крайне жесткие меры, другие ограничились рекомендательным характером правил самоизоляции для недавно прибывших. В данной статье, рассматриваются меры ограничения въезда и выезда в ряде стран, сравнение данных мер и потенциальные риски, как кратковременного характера, так и для будущего миропорядка.

Можно было бы предположить, что серьезность мер ограничения на передвижение людей из страны и в страну будет наиболее высокой в тех государствах, где эпидемиологическая ситуация наиболее серьезная – Италия, Испания, Франция, США, Иран, и т.д.

Но как показывают данные [1], количество зараженных никак не коррелирует со строгостью мер по ограничению передвижений [2]. Так, США и Италия, страны в топе по самой высокой эпидемиологической опасности на

апрель 2020 года (на 5 апреля в США – 332 168 заразившихся, в Италии – 126 319 заразившихся, что в разы превысило число заразившихся в Китае за время эпидемиологического периода – 82 600 заразившихся), ограничились минимальными мерами – Италия ограничилась мерами введенными ЕС на всю территорию Шенгенского сообщества, США ограничила въезд из стран с «высокой эпидемиологической обстановкой».

В то же время, Россия насчитывающая на 5 апреля 2020 года всего 5 389 заболевших, с 30 марта 2020 года закрыла границы на въезд и выезд всех лиц кроме [3]:

- Дипломатических работников, членов их семьи, водителей грузовых автомобилей, экипажей речных судов, международных поездов, сотрудников Межправительственной фельдъегерской связи, членов официальных делегаций, курьеров дипломатической связи при предъявлении документов.

- Жителей Калининградской области РФ, Луганской и Донецкой областей Украины, пересекающих границу по направлению в РФ или обратно железнодорожным пассажирским транспортом.

- Граждан стран СНГ, республик Абхазии и Южной Осетии, следующих транзитом через РФ домой.

- Под исключение также попадают граждане РФ и иностранцы, которые выезжают в связи со смертью близкого родственника.

По данной причине, можно выявить три основных вида мер пресечения миграции между странами.

Первый вид, самый серьезный и ограничительный, это закрытие «всех границ» на въезд и выезд. Такие меры наблюдаются в основном на территории СНГ, а так же в Китае, Монголии, ряде стран Ближнего Востока, большей части Латинской Америки. Интересно и то, что несмотря на более мягкую политику ЕС, ряд ее стран членов тоже перешли к закрытию всех границ – так поступила Испания, Дания, а так же большинство стран Восточной Европы.

Так, правительство Испании объявило что с 16 марта 2020 года будет разрешено пересекать границу по суше только: «гражданам Испании, людям, проживающим в Испании; трансграничным работникам и тем, кто документально докажет форс-мажорные обстоятельства или ситуацию острой необходимости» [4]. Более того, все приехавшие в Испанию обязаны будут пройти 14-дневный карантин.

Очень интересно и то, что разные страны, совершенно по-разному понимают «закрытие границ». Для одних, это максимальное ограничение – некоторые страны Латинской Америки не впускают даже собственных граждан. Так, Эквадор запретил въезд даже собственным гражданам и резидентам после 23:59 16 марта 2020 года. Президент Эквадора, Ленин Морено порекомендовал своим гражданам вернуться в страну до окончательного закрытия границ [5]. Другие страны, объявили о «закрытии границ», но предоставили широкий список исключений. К таким можно отнести Канаду, где на 20 марта 2020 года, въезд на территорию Канады разрешался [6]:

- иностранцам, которые уже взяли на себя обязательство работать, учиться или поселиться в Канаде,
- иностранцам, путешествующим по приглашению канадского правительства с целью ограничения COVID-19;
- близким членам семей канадских граждан и близким членам семей постоянных жителей Канады;
- лицам, уполномоченным в письменном виде консульским должностным лицом правительства Канады о праве въезжать в Канаду для воссоединения семьи;
- лицам, зарегистрированным в качестве «индейца» в соответствии с Законом об индейцах;
- аккредитованным дипломатам и членам их семей;
- лётным экипажам;
- любым иностранцам или группам иностранцев, въезд которых будет отвечать национальным интересам, как это определено министром иностранных дел, министром иммиграции, беженцев и гражданства и министром безопасности общественности;
- военнослужащим канадских вооруженных сил или иностранных сил, присутствующие в Канаде, и членам их семей;
- пассажирам, пересекающим Канаду транзитом.

Этот список хорошо показывает, что при использовании одного термина «закрытие границ», каждое государство трактует его в соответствии со своими интересами и потребностями. У каждого государства свое понимание безопасности, и если для одних даже возвращение на Родину своих граждан рассматривается как риск, то для других, возможность развернуть сезонных работников аграрного сектора является большим риском.

Второй вид ограничения миграции, является частичным закрытием границ. Он распространен среди западных стран ЕС, в южной и юго-восточной Азии, в ряде стран Ближнего Востока, и как уже было сказано ранее в США.

Тут, как и с полным закрытием границ, каждое государство трактует по своему, что это значит. Соединённые Штаты ограничили передвижение по суше из Мексики и Канады, но данные ограничения касаются только туризма и развлечений, все остальные могут передвигаться как раньше. По воздуху, США ограничило въезд из следующих стран: Иран, Китай, большая часть стран ЕС. Пассажиры, прилетающие из данных стран, ограничены в аэропортах приема на территории США и обязаны соблюсти двух недельный карантин [7]. Возможно, не стоит удивляться, что численность заболевших на территории США так быстро растет.

Евросоюз распространил ограничения для стран членов, хотя многие страны предпочли ужесточить меры до «полного закрытия границ». Официально, для стран ЕС были предложены следующие меры ограничения передвижений: «Для сдерживания распространения вируса, 16 марта Европейская комиссия рекомендовала государствам-членам применить временное 30-дневное ограничение на несущественные поездки из третьих

стран в ЕС. Это ограничение, которое было одобрено лидерами ЕС, теперь применяется всеми государствами-членами ЕС (кроме Ирландии) и всеми странами, связанными с Шенгенской зоной (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария). Все граждане ЕС и стран, связанных с Шенгенской зоной, а также члены их семей освобождаются от этого ограничения с целью возвращения в страну происхождения» [8].

Понятие «несущественные поездки» в данном случае и стало причиной разрозненности трактовки данных рекомендаций. На сайте правительства Франции [9], с 8 апреля объявлено что все граждане, перемещающиеся по ЕС, и между материковой частью Франции и зарубежными общинами, должны будут предоставлять документ о причине своего перемещения, с соответствующими подтверждающими документами – на сайте предоставлены 3 вида бланка, для граждан, возвращающихся с материка в зарубежные общины, для иностранных граждан (включая граждан стран ЕС) посещающих материковую Францию и иностранных граждан посещающих зарубежные общины. В каждом бланке представлены ряд причин, по которым человек претендует пересечь границу с Францией, и только соответствие по одному или ряду причин, является поводом для пересечения границы.

С другой стороны, сайт правительства Швеции допускает пересечение своей границы в обе стороны гражданами всех стран Шенгенской зоны, включая Италию, Испанию и Францию [10].

Италия тоже официально придерживается правил установленных правительством ЕС, но при этом, введя ЧС ограничивает в целом передвижение всех граждан на своей территории, что является еще одним вариантом поведения в сфере миграции.

Последний вид ограничения миграции, предусмотренный рядом стран в связи с распространением коронавируса, является фактическое отсутствие запрета на перемещение. Такие страны решили ограничиться 14-дневным карантином, для граждан, прибывающих из-за границы. Такая политика распространена в странах где экономическая ситуация особенно нестабильна – в основном это страны центральной Африки.

Все эти меры, соответствуют потребностям государств, принимающих их на своей территории, и в конечном итоге считаются временными. Граждане всех стран предполагают, что снижение эпидемиологической обстановки в мире снимет все ограничения по передвижениям и мир вернется «в норму». Более того, все правительственные сайты, настойчиво указывают, что данные меры являются временными, несмотря на то, что далеко не все указывают на какое именно время, они приняты.

Тем не менее, эксперты в разных областях утверждают, что коронавирус меняет мир и те меры, что принимаются сегодня, приведут к серьезным и длительным последствиям.

Так, руководство ведущих российских вузов недавно заявило, что меры дистанционного обучения, принятые в связи с коронавирусом, приведут к изменению системы образования в РФ. Что информатизация образовательного

процесса в сфере высшего образования продолжит развиваться, вместо полного возвращения к офлайн формату [11].

В сфере миграции и границ, тоже предполагаются коренные изменения. Так, Джульетто Кьеза прогнозирует распад Евросоюза и потенциально Шенгенской зоны, в результате тех мер, что страны ЕС принимают в контексте борьбы с коронавирусом. Он считает, что принятые меры, вовсе не временные - «...их продолжительность остаётся неопределённой, и этот опыт оставит свой след, изменяя к худшему все будущие отношения между государствами. С отменой свободы передвижения уходит и свобода оборота услуг.» [12].

Таким образом, можно сказать что вполне возможно, меры принятые сегодня, уже диктуют в каком мире мы будем жить завтра – и очень возможно, что когда люди выйдут из самоизоляции, они уже не узнают мир который их будет окружать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коронавирус 8 апреля: сколько заболевших, умерших и вылечившихся. [Электронный ресурс] / SPORT24. – Режим доступа: <https://sport24.ru/news/zozh/2020-04-08-koronavirus---statistika-8-aprelya-po-stranam-onlayn>. Дата обращения: 08.04.2020.

2. Comment les pays verrouillent leurs frontières pour freiner le Covid-19. [Электронный ресурс] / RTS-info. – Режим доступа: <https://www.rts.ch/info/monde/11214396-comment-les-pays-verrouillent-leurs-frontieres-pour-freiner-le-covid-19.html>. Дата обращения: 08.04.2020.

3. Пересечение государственных границ. [Электронный ресурс] / Стопкоронавирус.рф. – Режим доступа: <https://стопкоронавирус.рф/what-is-done/measures/#>. Дата обращения: 08.04.2020.

4. Restablecidos los controles en las fronteras terrestres en el marco de las medidas de contención del COVID-19. [Электронный ресурс] / Gobierno de España. – Режим доступа: <https://www.lamoncloa.gob.es/serviciosdeprensa/notasprensa/interior/Paginas/2020/160320-covid-fronteras.aspx>. Дата обращения: 08.04.2020.

5. El COE limita el ingreso al país y restringe actividades públicas para evitar propagación del COVID-19. [Электронный ресурс] / Secretaría general de Comunicación de la Presidencia. – Режим доступа: <https://www.comunicacion.gob.ec/el-coe-limita-el-ingreso-al-pais-y-restringe-actividades-publicas-para-evitar-propagacion-del-covid-19/>. Дата обращения: 08.04.2020.

6. Le Canada fait le point sur les exemptions aux restrictions de voyage afin de protéger les Canadiens et d'appuyer l'économie. [Электронный ресурс] / Gouvernement du Canada. – Режим доступа: <https://www.canada.ca/fr/immigration-refugies-citoyennete/nouvelles/2020/03/le-canada-presente-des-exemptions-auxrestrictions-de-voyage-afin-de-protoger-les-canadiens-et-dappuyer-leconomie.html>. Дата обращения: 08.04.2020.

7. Fact Sheet: DHS Notice of Arrival Restrictions on China, Iran and Certain Countries of Europe. [Электронный ресурс] / Homeland Security. – Режим доступа: [https://www.dhs.gov/news/2020/03/17/fact-sheet-dhs-notice-arrival-restrictions-china-iran-and-certain-countries-europe?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=\(not%20set\)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=\(not%20set\)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=\(not%20set\)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=\(not%20set\)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155](https://www.dhs.gov/news/2020/03/17/fact-sheet-dhs-notice-arrival-restrictions-china-iran-and-certain-countries-europe?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=(not%20set)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=(not%20set)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155?utm_source=www.usa.gov&utm_medium=www.usa.gov&utm_term=undefined&utm_content=undefined&utm_campaign=(not%20set)&gclid=undefined&dclid=undefined&GAID=1168419511.1586412155). Дата обращения: 08.04.2020.

8. Voyages et transports. [Электронный ресурс] / Commission Européenne. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/travel-and-transportation_fr. Дата обращения: 08.04.2020.

9. Informations Coronavirus. [Электронный ресурс] / Gouvernement. – Режим доступа: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus>. Дата обращения: 08.04.2020.

10. Temporary ban on travel to the EU via Sweden due to COVID-19. [Электронный ресурс] / Government Offices of Sweden. – Режим доступа: <https://www.government.se/press-releases/2020/03/temporary-ban-on-travel-to-sweden-due-to-covid-19/>. Дата обращения: 08.04.2020.

11. Проректор ТГУ: Система образования точно будет другой после COVID-19. [Электронный ресурс] / Томский государственный университет. – Режим доступа: <http://www.tsu.ru/news/prorektor-sistema-obrazovaniya-tochno-budet-drugoy/>. Дата обращения: 08.04.2020.

12. Европейское единство, которого никогда не было. [Электронный ресурс] / Giulietto Chiesa. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/GiuliettoChiesa1940/posts/3275008245889893>. Дата обращения: 08.04.2020.

Э.Э. Рзаев

Аспирант, Нижегородский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Нижний Новгород, Россия

ВОПРОСЫ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ КОРРУПЦИОГЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается важность обеспечения кадровой безопасности в российских органах государственной власти для снижения уровня коррупции в стране и повышения эффективности государственного управления. Анализируются различные подходы к определению категории «кадровая безопасность», рассматриваются факторы снижения коррупционной составляющей на государственной службе. Кроме того, рассматривается коррупционный потенциал (коррупциогенность) в органах исполнительной власти, осуществляющих функции по государственному контролю и надзору, а также анализируются методы по снижению коррупционных рисков на государственной службе.

Ключевые слова: кадровая безопасность, государственная служба, государственный служащий, коррупция, коррупционные риски, коррупционное поведение, противодействие коррупции.

E.E. Rzaev

Postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
(Nizhny Novgorod Institute of management),
Nizhny Novgorod, Russia

ISSUES OF PERSONNEL SECURITY AND METHODS OF REDUCING CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE OF RUSSIA

Abstract: The article discusses the importance of ensuring personnel security in Russian public authorities to reduce the level of corruption in the country and improve the efficiency of public administration. Various approaches to the definition of the category «personnel security» are analyzed, the factors of reducing the corruption component in the public service are considered. In addition, the corruption potential (corruption) in the executive authorities performing functions of state control and supervision is considered, as well as methods to reduce corruption risks in the public service are analyzed.

Keywords: personnel security, civil service, civil servant, corruption, corruption risks, corruption behavior, anti-corruption.

Очевидно, что в современном быстроразвивающемся обществе человеческий капитал представляет собой один из ключевых ресурсов. Ценность человеческого капитала, развитие его потенциала и важность его сохранения обуславливают необходимость разработки стратегических векторов кадровой политики в организациях любых форм собственности.

Государственная гражданская служба, являясь по своей природе важнейшим социально-правовым институтом, реализующим функции публичного управления, представляет собой профессиональную деятельность по исполнению функций государства. Указанную деятельность осуществляет особая профессиональная группа – государственные гражданские служащие, наделенные особым (по сравнению с иными категориями работников) правовым статусом.

В ст. 4 Федерального закона от 27.07.2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» обозначены принципы государственной гражданской службы, среди которых особо выделяются профессионализм и компетентность гражданских служащих, а также стабильность гражданской службы. Кроме того, в гл. 3 данного акта законодатель определяет объем правового статуса гражданских служащих, т.е. совокупность их прав и обязанностей [1]. Анализируя нормы данного закона, а также связанных с ним подзаконных актов, следует обратить внимание на тот факт, что указанная профессиональная группа наделена широким объемом юридических прав, что, в свою очередь, обуславливает необходимость особого законодательного и административного регулирования кадровой работы на государственной гражданской службе.

Безусловно, в силу особой значимости государственной гражданской службы для обеспечения нормального функционирования государства и общества, важнейшим элементом кадровой работы является обеспечение кадровой безопасности.

Само по себе понятие «безопасность» есть не что иное, как состояние защищенности от внутренних или внешних угроз. В данном контексте кадровая безопасность (по определению Л.Л. Ивановой) представляет собой «систему обеспечения комплекса мер по предотвращению рисков и опасностей, связанных с персоналом, его трудовой деятельностью и интеллектуальным потенциалом» [2]. Указанные меры могут иметь место как в конкретной организации, так, например, и в отрасли или в государстве в целом.

Несколько более широкого подхода в определении категории кадровой безопасности придерживаются А.А. Крицкая и К.Н. Сидельникова. Они, в частности, рассматривают кадровую безопасность как «процесс, который предотвращает негативное воздействие на безопасность страны в целом, в какой-то степени это уменьшение рисков и угроз, которые связаны с трудовыми ресурсами, их профессионализмом, интеллектуальным потенциалом

и социально-трудовыми отношениями посредством эффективной деятельности государственной, региональной, муниципальной кадровой политики» [3, с. 101-102].

Государственная служба, представляя собой особую профессиональную деятельность граждан по обеспечению функций государства, безусловно, нуждается в самом пристальном внимании со стороны законодателя, поскольку, безусловно, подвержена определенным коррупционным рискам. Указанный риск следует рассматривать как одну из первостепенных угроз не только нормальному функционированию механизма государственного управления, но также и как реальную угрозу национальной безопасности страны.

Согласно определению, обозначенному законодателем в Федеральном законе от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [4].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности, указывается на то, что данное общественно вредное явление «является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов» [5]. Таким образом, государство рассматривает коррупционные риски как глобальную угрозу, способную оказать негативное воздействие на стратегические интересы страны. Противодействие коррупции – важнейшее направление деятельности государства в сфере обеспечения, в первую очередь, именно внутренней безопасности.

Говоря о коррупции как социальном явлении, которое способно причинить наибольший ущерб именно в системе государственной службы, важно рассмотреть генезис коррупционных проявлений, выделить те факторы, негативное влияние которых формирует коррупционное поведение государственных служащих.

В данном контексте необходимо рассмотреть такое понятие, как коррупциогенность. Коррупциогенность представляет собой коррупционный потенциал, т.е. факторы, способствующие установлению и развитию коррупционных проявлений в определенных условиях. Коррупциогенность государственной службы есть не что иное, как потенциальная возможность совершения государственными служащими коррупционных правонарушений.

На межгосударственном уровне в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2017 г. было принято постановление «О Рекомендациях по оценке коррупциогенности должностей государственной и муниципальной службы в государствах – членах ОДКБ». В указанном

правовом акте, в частности, под коррупциогенностью должностей государственной службы понимаются «заложенные в системе государственного и муниципального управления возможности для действия (бездействия) должностных лиц с целью незаконного извлечения материальной и иной выгоды при выполнении своих должностных полномочий» [6].

Таким образом, следует отметить, что вопросы снижения коррупционных рисков, противодействия коррупционному поведению являются ключевыми в деятельности органов государственного управления.

Важно понимать, что борьба с коррупцией невозможна без комплексной работы по снижению коррупционного потенциала, осуществляемого посредством снижения коррупциогенности должностей государственной службы.

В.В. Киселев в своем диссертационном исследовании отмечает важность более глубокого понимания причин и мотивов коррупционного поведения в сфере государственного управления. В частности, он указывает на необходимость «психологической подготовки сотрудников в целях обеспечения антикоррупционного поведения» [7, с. 21]. В данном случае необходимо согласиться с указанной позицией, поскольку мотивационные установки персонала государственного сектора являются той самой первопричиной коррупционного поведения. Следовательно, в теории и практике кадровой работы важно помнить, что мотивационные установки государственных служащих являются одним из ключевых факторов повышения или снижения коррупциогенности. В качестве практических методов снижения коррупциогенности государственной службы важно отметить такие мероприятия, как ужесточение кадрового отбора лиц, поступающих на государственную службу на должности, связанные с исполнением контрольно-надзорных функций, правовое просвещение государственных служащих, индивидуально-психологическая работа с кадровым составом государственной службы и др.

Л.А. Абашина, Н.С. Гончарук и А.С. Сотников выделяют следующие критерии оценки уровня коррупциогенности государственной службы:

1. Участие в реализации полномочий, предоставлении государственных услуг (исполнении государственных функций), связанных с:

- безвозмездным распределением финансовых ресурсов;
- размещением заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд (реализация положений Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»);
- распределением ограниченных ресурсов (прав аренды недвижимости, квот);

- выдачей лицензий и разрешений;
- проведением государственной экспертизы.

2. Участие в исполнении контрольно-надзорных функций.

3. Участие в принятии решений об установлении показателей, значимых для деятельности хозяйствующих субъектов (установлении цен и тарифов) [8, с. 141-143].

Следовательно, законодательное и организационное обеспечение деятельности кадровых служб по снижению коррупционных рисков на государственной службе должно быть направлено, в первую очередь, на аспекты профессиональной служебной деятельности, в которых имеет место реализация указанных полномочий.

Важно также отметить, что, безусловно, государству необходимо более активно привлекать гражданское общество к организации совместной работы в вопросах противодействия коррупции и снижения коррупциогенности должностей государственной службы. Общество должно иметь возможность осуществлять контроль над деятельностью лиц, исполняющих публично-властные полномочия. Декларативные принципы гласности и открытости государственной службы общественному контролю должны иметь реальный правовой и организационный механизм их обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27.07.2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 01.05.2019 г.) // Российская газета. – 31.07.2004 г. – № 162.

2. Иванова, Л.Л. Надежность кадрового состава государственной службы как составляющая кадровой безопасности/ Л.Л. Иванова // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – №4.

3. Крицкая, А.А. Кадровая безопасность как объект кадровой политики / А.А. Крицкая, К.Н. Сидельникова // Ростовский научный журнал. – 2016. – №12.

4. Федеральный закон от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 26.07.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.12.2008 г. – №52 (ч. 1). – ст. 6228.

5. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.01.2016 г. – №1 (часть II). – ст.212.

6. Постановление №10-3.4 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О Рекомендациях по оценке коррупциогенности должностей государственной и муниципальной службы в государствах – членах ОДКБ» (принято в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 г.) // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: <http://www.paodkb.ru/>. Дата обращения: 05.04.2020.

7. Киселев, В.В. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации: автореф. дис. ... канд.

психол. наук: 19.00.03 / В.В. Киселев; Институт мировых цивилизаций. – М., 2016. – 22 с.

8. Абашина, Л.А. Оценка уровня коррупционного риска должностей государственной гражданской службы (на примере органа исполнительной государственной власти) / Л.А. Абашина, Н.С. Гончарук, А.С. Сотников // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №6 (36).

УДК 323.2

В.Ю. Стемасова

Магистрант, Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия

**КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТНЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ РФ**

Аннотация: В настоящей статье были проанализированы основные направления взаимодействия властных и общественных институтов. Обозначены ключевые акторы коммуникативного взаимодействия по вопросам сохранения окружающей среды РФ.

Ключевые слова: Экология, принятие решений, политические партии, общественные движения, социально-политическая активность, экологическая политика.

V.Y. Stemasova

Master's degree, Volgograd state University, Volgograd, Russia

**COMMUNICATIVE INTERACTION OF GOVERNMENT AND
PUBLIC INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF
PRIORITY TASKS OF ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Abstract: This article analyzed the main directions of interaction between power and public institutions. Key actors of communication cooperation on environmental protection of the Russian Federation are identified.

Keywords: Ecology, decision-making, political parties, social movements, social and political activity, environmental policy.

Экологические ценности в современной России представляются актуальными не только для граждан страны, но и для различных научных сфер, для органов государственной власти. Об этом свидетельствуют результаты опроса Левада-центр, где 48% опрошенных считают загрязнение окружающей среды глобальной угрозой [1]. Кроме того, основные положения государственной экологической политики охватывают такие сегменты как международные акторы (организации), НКО, бизнес-структуры (в том числе производственные предприятия), общественные движения и т.п. Следовательно, анализ взаимодействия властных и общественных институтов в данном контексте представляется актуальным с точки зрения полномочий и перспектив реализации ключевых задач экологической политики России.

Изначально, необходимо уточнить, что стратегической целью, в рамках которой взаимодействуют властные и общественные институты, выступает «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализация права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности» [2]. В соответствии с указанной целью необходимо уточнить, что экологический кризис, нерациональное использование человеком природных ресурсов и т.д. представляется одним из наиболее важных вопросов, относящихся как к компетенциям государства и органов власти, так и к каждому отдельному человеку в обществе. В силу этого, актуально заметить, что «вопрос о регулировании отношений между природой и обществом не может в современных условиях рассматриваться только как вопрос управления экологической ситуацией, он должен рассматриваться сначала как проблема политического руководства» [3], что непосредственно актуализируется интеграцию общественного и властного управления экологической ситуацией в современной России.

В контексте взаимодействия властных и общественных институтов актуальным представляется уточнить приоритетные задачи основные направления взаимодействия акторов в процессе реализации государственной экологической политики РФ. Как указывается в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» приоритетными задачами являются – формирование экологической культуры, развитие экологического образования; обеспечение эффективного участия граждан, общественных объединений, НКО в решении экологических вопросов. Данные положения кроме непосредственного участия граждан актуализируют факт необходимого взаимодействия и совместного решения вопросов экологической направленности в процессе коммуникации. Это обуславливается, прежде всего, тем, что институты гражданского общества не в силах в полной мере исполнять компетенции властных институтов. Однако их роль заключается в том, чтобы актуализировать проблему и инициировать процесс её разрешения путем открытого выражения позиции и путей решения. То есть, привлечение особого интереса к экологическим проблемам государства посредством информационно – коммуникативных технологий выступает не только задачей общества и экологических организаций, но и органов власти, политических партий, коммерческих структур, промышленных предприятий и т.д.

Вопрос о коммуникативном взаимодействии основных акторов был представлен отечественными авторами в работе «Институционализация экологической политики в России...», где операционализируя категорию «экологическая политика» авторы уточнили её содержание как «процесс взаимодействия акторов, действующих в социально-экологической сфере:

государственных структур, экологического движения, промышленных компаний, местных сообществ и др.» [4, с. 16]. В рамках такого коммуникативного взаимодействия предполагается достижение некоего баланса общественно – политических, государственных интересов.

Так, общественные институты, в первую очередь экологические движения, ставящие своей целью охрану окружающей среды, непосредственно взаимодействуют с властными органами. В процессе такой коммуникации представители общественных институтов вклиниваются в процесс принятия решений, тем самым оказывая определенное влияние на власть. Также, в процессе коммуникативного взаимодействия общественные институты артикулируют и агрегируют интересы, требования и проблемы со стороны населения и требуют их учета. В общем виде, такие коммуникационные процессы общества и власти базируются на признании того, что граждане России в праве выразить собственное мнение представителям властных институтов относительно проблем экологического развития государства (региона), а также предложить пути их разрешения посредством участия в различных экологических мероприятиях, законодательной деятельности (в том числе референдумах, голосованиях и т.д.), независимой экологической экспертизе. Однако, по мнению А.С. Токарева указанные коммуникации могут осуществляться и могут быть перспективными исключительно в условиях тесного взаимодействия с системой органов государственной исполнительной власти, осуществляющих свои полномочия в сфере охраны окружающей среды [5, с. 91].

Объективно следует отметить об отсутствии необходимости составления точного перечня властных и общественных организаций на территории РФ в силу их большого количества. Однако целесообразным представляется уточнить ключевые институты, которые принимают непосредственное участие в разрешении современных экологических проблем в России.

В первую очередь необходимо отметить, что ключевым институтом, обеспечивающим коммуникативное взаимодействие властных и общественных институтов России, выступает СМИ, выполняя просветительскую, интеграционную, информационную и др. функции.

Основными акторами безусловно выступают отдельные структуры системы органов власти РФ. Например: - Министерство природных ресурсов и экологии РФ (с подконтрольными ему ведомствами); – Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор); – Комитет по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям (ГД РФ); – Комитет по экологии и охране окружающей среды (ГД РФ). Данные властные структуры выступают эпицентром принятия решений для разрешения экологических проблем и кризисов.

Основными участниками коммуникации следует определить политические партии, комитеты региональных и муниципальных органов власти, общественно – экологические движения, равнодушные граждане и т.д. Среди общественно – экологических движений следует отметить такие как

«Российское экологическое движение «Зелёные», Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль», Российский Зеленый крест и др.

Кроме того, многие политические партии в своих программах, конкретных проектах актуализируют вопросы сохранения окружающей среды. В системе партии «Единая Россия» был создан проект «Экология России», которая нацелена на формирование систематизированного подхода к деятельности по повышению качества окружающей среды и экологии, улучшение экологической образованности населения, а также способствование развитию сферы обращения с отходами [6]. Также актуально отметить партию «Альянс Зеленых», специализация которой полностью захватывает экологическую сферу и проблемы России. У партии также присутствует множество проектов [7], цель которых привлечение неравнодушных граждан страны к актуализации экологической проблематики.

Таким образом, современная ситуация в Российской Федерации представляется достаточно оптимистичной, это обуславливается наличием специализированных структур как среди властных институтов, так и среди общественных. Открытость, свободные и независимые СМИ России позволяют циркулировать процессу своевременного принятия решений посредством агрегирования и артикуляции приоритетных проблем. В общем виде, коммуникативное взаимодействие властных и общественных институтов в соответствии с основными положениями государственной экологической политики реализуется посредством «выявления проблем на местах» затем актуализации данных проблем в СМИ, что впоследствии позволяет привлечь большее количество граждан для решений поставленных задач.

В целом, необходимо отметить, что система своевременного реагирования властных структур на определенные экологические проблемы невозможна без целостного и всестороннего взаимодействия с общественными институтами. Поскольку, с одной стороны, именно представители общественных институтов, социально (политически) активные граждане формулируют повестку дня, а с другой стороны, с помощью представителей властных институтов возможно её реализация и решение острых социально – экологических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический центр Юрия Левады. Россияне назвали загрязнение природы угрозой страшнее терроризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/01/23/rossiyane-nazvali-zagryaznenie-prirody-ugrozj-strashnee-terrorizma/> Дата обращения: 05.04.2020.

2. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/e1a5a726f35d80a212a73c2f15a3fc9b37f2cc70/ Дата обращения: 05.04.2020.

3. Харченко Л.Н. Взаимодействие государства и гражданского общества в формировании национальной экологической политики Российской Федерации: авт. дисерт... к. полит. наук: 23.00.02. – Санкт-Петербург, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obshchestva-v-formirovanii-natsionalnoi-ekologich> Дата обращения: 04.04.2020.
4. Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 272 с.
5. Токарев А.С. Практика взаимодействия политических институтов и экологического движения в России // Власть. – 2017. – №8.
6. Официальный сайт политической партии «Единая Россия». Федеральный партийный проект «Здоровое будущее» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proekty.er.ru/node/34932> Дата обращение: 05.04.2020.
7. Официальный сайт политической партии «Альянс Зеленых». Идеология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian-greens.ru/ideology> Дата обращения: 05.04.2020.

Ж.А. Тадевосян
Аспирант, РАУ, г. Ереван, Армения

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье сделана попытка анализа различных моделей национальной идентичности и их проявления в современном глобализированном пространстве сквозь призму существующих на сегодняшний день концепций и теорий глобализации и межкультурного взаимодействия. На основе результатов исследования делается вывод, что феномен национальной идентичности и дискурс относительно последней остается актуальной проблемой современной политической науки и практики, несмотря на существование постнациональной конъюнктуры, вызванной глобализационными процессами.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, межкультурные взаимодействия, национальное государство, идентификационные модели.

Zh.A. Tadevosyan
Postgraduate student, RAU, Yerevan, Armenia

THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: THEORETICAL ASPECT

Abstract: The article attempts to analyze various models of national identity and their manifestation in a modern globalized space through the prism of current concepts and theories of globalization and intercultural interaction. Based on the results of the study, it is concluded that the phenomenon of national identity and the discourse regarding the latter remains an urgent problem of modern political science and practice, despite the existence of a post-national conjuncture caused by globalization processes.

Keywords: national identity, globalization, intercultural interactions, nation-state, identification models.

Дискуссии по поводу национальной идентичности превратились в характерную черту нашего времени. Гибель знакомого мира заставила всех переопределять себя в новых условиях, искать новые точки опоры. По мнению С. Хантингтона, «почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Иными словами, кризис национальной

идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [1, с. 35-36].

Оживление и обострение дискуссии вокруг проблемы национальной идентичности связано с комплексом причин, которые определяют не только перспективы и приоритеты, но и серьезные трудности в развитии национального государства в глобализирующемся мире. В их числе: а) влияние глобализации, повышающее роль неполитических субъектов политического процесса; б) повышение порога рисков и угроз, которые развиваются во многом вне и помимо национальных сообществ; в) рост социальной исключенности в условиях продолжающейся индивидуализации и атомизации современных обществ и размывание привычных социальных связей на уровне микрогрупп; г) оживление этнонационализма и обострение проблем, связанных с интеграцией инокультурных сообществ; д) проблемы нахождения приемлемого для динамичного развития равновесия между национальным и наднациональным уровнем принятия решений, а также согласования интересов регионов в составе государств.

Как следствие отмеченных процессов в политическом дискурсе последних десятилетий актуализировались две противоречащие друг другу тенденции: глобалистская и антиглобалистская (националистическая). Сторонники первой предсказывают становление «постнационального государства», «сетевое общество», глобальной «империи» или «глобальной демократии», поскольку национальное государство полностью изжило себя и уходит с исторической арены, уступая место наднациональным силам и образованиям. По их мнению, глобализация – это процесс и состояние, несовместимые с существованием наций и направленные на упразднение, ликвидацию национальных общностей. Интеграционные процессы разрушают суверенитет государственных единиц, которые находятся в поле ее действия. Глобализация выступает как процесс, направленный на разрушение любого государственного суверенитета. Предметом глобалистских инвектив выступает национальный суверенитет, национальное государство, национальная идентичность.

В противовес им сторонники второй тенденции утверждают, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс и нужно ожидать подъем движений и настроений по сохранению национальной идентичности. В данном контексте примечательны идеи Б. Андерсона о том, что «конец эпохи национализма, который так долго пророчили, еще очень и очень далеко», а «быть нацией – по сути самая универсальная и легитимная ценность нашего времени» [2, с. 27].

Несмотря на правомерность и обоснованность каждой из отмеченных выше тенденций, на повестку дня выходит вопрос: «Как и почему в рамках современного глобализированного общества идея национального государства все еще остается актуальной?». Почему даже малочисленные народы Европы во вполне демократических странах (шотландцы, валлийцы, валлоны, фламандцы, баски, каталонцы и т.д.) добиваются государственности? На этот вопрос

попытался ответить британский социолог Зигмунт Бауман: «Парадоксально, но факт: не триумф, а упадок государственного суверенитета придал идее государственности столь гигантскую популярность». Из сказанного становится ясным, что профессор Бауман видит поводом для усиления националистических тенденций угрозу и страх исчезновения национального государства (а, как следствие, и наций) на современной политической арене. Чем больше углубляется процесс глобализации и стирания границ, тем сильнее проявляются идеи сильного национального государства, то есть наблюдаются действия на основе механизма «стимул - реакция», где в качестве стимула выступают процессы глобализации (интеграции, вестернизации), а реакция – процессы подъема националистических настроений.

Из сказанного выше следует, что не только глобализация невозможна без наращивания сил и потенций национальной жизни (а это прямая функция национального государства), но и сама глобализация придала национальному государству принципиально новую, ранее неизвестную, функцию. В современном глобальном мире социальная мобильность, принявшая гигантские масштабы, интенсивность коммуникаций и пропасти неравенства между странами и народами создают новые факты, условия и основы отношений между группами, общностями людей. Идет активное распределение и перераспределение социальных ролей, жизненных возможностей. Речь теперь, идет не только о том, насколько неловко и неадекватно чувствует себя человек вне культурных национальных границ, но особенно о том, что в конкурентной борьбе за жизненные перспективы он, как и целые коллективы, не получит выигрышных ролей, если не будет опираться на силу государства.. Может быть, здесь кроется загадка популярности современного национального государства, причина, по которой народы готовы идти на жертвы ради него. В этой связи определенный интерес представляют идеи современного российского исследователя философа Ф. Х. Кессиди, который отмечает следующее: «Каждая из культур (цивилизаций) как Востока, так и Запада имеет свой особый генотип в собственном смысле этого слова и внутреннюю (при прочих равных условиях) логику развития. Это значит, что говорить в отношении обозримого (и даже отдаленного) будущего о возможности создания некой крупномасштабной общности на базе определенной социокультурной парадигмы, по меньшей мере, опрометчиво. Речь может идти лишь о взаимодействии (созидательном или разрушительном) культур, но не об их взаимопроникновении, т.е. тенденции к интеграции, во всяком случае, когда речь идет о культурах Востока и Запада» [3, с. 77]. В качестве иллюстрации своих утверждений он приводит пример Японии, которая сумела сохранить свою этническую идентичность, следуя своего рода заповеди «Японский дух, западная технология», так же как и другие страны Юго-Восточной Азии, придерживающиеся принципа: «Думай глобально, действуй локально!». Вместе с тем, Кессиди рассматривает также пример многих стран Западной и Восточной Европы (страны Балтии, Нидерланды, Польша и др.), которые,

наоборот, стали жертвами глобализации, постепенно теряя свой национальный (этнический) окрас.

Таким образом, становится ясным, что сегодня процессы глобализации и усиления националистических настроений протекают одновременно. Глобализация проверяет на прочность те культуры, которые пренебрегают новыми технологиями и научным прогрессом или отвергают их. Именно для таких культур национальное государство служит единственно приемлемой формой выживания, а родовые, ментальные архетипы выступают своеобразной поддержкой, позволяющей противостоять натискам глобализации. Поэтому особенно остро встает вопрос о соотношении культурной памяти и модернизации.

Известно, что культура любого сообщества опирается в своем развитии на традиции прошлого и настоящего. Отчуждение личности от собственной культуры, культурное забвение представляют истинную опасность для успешного развития культуры, в результате чего теряется культурное лицо не только индивидуума, но и сообщества людей (народа, нации). Чем сильнее глобализация отрывает культуру, ценности, экономическую жизнь от их собственной исторической почвы, тем большее число людей ищет убежища в своем, предсказуемом мире норм и моделей поведения, в стремлении сохранить особенности и отличия своей культуры. Иными словами, идет процесс напряженного и обостренного поиска национально-культурной идентичности.

В этой связи вновь актуализируется проблема поиска идентичности, ориентирующейся не на одну конкретную культуру, а на межкультурные взаимодействия, а решение этой проблемы возлагается на плечи современных государств, многие из которых позиционируют себя в качестве национальных. В этой связи обратимся к рассмотрению основных теорий, описывающих процесс межкультурного взаимодействия, имеющих прямое отношение к проблеме соотношения глобализации и идентичности. Итак, одной из отмеченных теорий является теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона, согласно которой глобализация не способствует взаимопониманию культур, а напротив – может привести при неадекватной политике к столкновению цивилизаций. Столкновение цивилизаций – это столкновение попыток сохранить идентичность группой традиционно ориентированных цивилизаций, таких, как исламская, православно-христианская, конфуцианская или изменить ее под влиянием западно-христианской цивилизации как лидера глобализации [4, с. 33-48].

Следующей известной концепцией межкультурного взаимодействия является теория гибридизации Я. Питерса. Она напоминает изложенные в XIX веке в России Н. Данилевским модели взаимодействия между культурами, так же, как гибридизация, представленные в терминах, близких садоводческой деятельности: пересадка, прививка, почвенные удобрения. Эти мягкие формы сращивания свойств различных культур создают новые типы идентичностей.

Последняя из отмеченных теорий – теория макдональдизации Дж. Ритцера, сумевшего увидеть в ресторане Макдональдс не просто форму

«быстрой еды», а упрощенную систему рациональности, которая соответствует уровню адаптации и способствует примитивной рационализации этого уровня. По мнению Ритцера, глобализации легче поддается символическая, а не вещественная или субстанциональная сторона. Эти выводы весьма прогностичны для понимания того, почему среди форм культуры только массовая культура глобализируется. Это позволяет понять значение массовой культуры как инструмента разрушения традиционной идентичности [5, с. 150-151].

Таким образом, в области культурной идентичности рассматриваются возможные варианты развития идентичности: столкновение, мягкое взаимодействие и изменение, отрыв от традиционной идентичности посредством схем упрощенной рациональности.

Сегодня мир сталкивается с многообразием типов проявления самобытности. Как отмечает испанский социолог-постмарксист Мануэль Кастельс, проявление самобытности в современных условиях связано со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур. В глобализирующемся мире носители этнической культуры этого типа, по мнению ученого, открываются навстречу контактам с другими культурами, тем самым создавая атмосферу «предуготовленности» к диалогу. Иные цели преследуют носители «самобытности как формы закрытости»: защита своего природного и социокультурного пространства - противопоставление своих ценностей чужим, которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной видится ему «самобытность, устремленная в будущее, - *project identity*», создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма [6, с. 307-308].

Из сказанного выше следует, что с одной стороны, ориентации на ценности открытого мира предполагают расширение процессов взаимодействия, но не обязательно ведут к унификации культур, ибо могут служить развитию культурного плюрализма и поддержанию этнокультурного разнообразия путем создания полей ценностного взаимодействия. С другой стороны, могут способствовать формированию образцов транснациональной культуры, вбирающих в себя и нивелирующих этнические ценности и этнокультурную самобытность. И это всего лишь два сценария из множества возможных альтернатив будущего развития.

В этой связи нам представляется важным также рассмотрение основных черт формирующихся этнокультурных моделей идентичности на уровне групп и сообществ (этнонациональная, региональная и др.), личности (личностная, социокультурная). В качестве таковых нами выделяются следующие варианты: размывание идентичности и усложнение идентификационной модели.

Итак, «размывание идентичности» - это отказ от жесткого каркаса этнокультурной идентичности в глобальном мире. Основной установкой является принцип, согласно которому этнокультурную самобытность нельзя

поддерживать без доверия к другим культурам, ибо без контактов иссякают механизмы ее самоорганизации. Поэтому каждая культура по отношению к другой культуре выполняет функции не только сохранения своей идентичности, но и поддерживает другую идентичность. Таким образом, идентичность в современном глобализирующемся мире становится мобильной и открытой, то есть ориентированной другими этнокультурными обществами, границы которых не являются жесткими.

Что касается усложнения идентификационных моделей, отметим, что оно предполагает трансформацию идентификационных характеристик традиционной культуры, таких как закрытость и самоизоляция. Под воздействием информационно-коммуникативных систем в этих культурах начинается рост иного и этот рост противоречив, ибо одновременно деструктивен (разрушает традиции) и креативен (разрушая – обновляет).

В связи с этим возникает естественный вопрос: «Можно ли сблизить в процессе глобализации культуры и что предполагает это сближение?». Все народы должны будут обрести некую единую идентичность, говорить на одном языке и обрести одни символы веры? Или, быть может какой-то одной культуре будет отведено место «главной культуры»?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к рассмотрению трех концепций культурной ассимиляции - плавильного тигля, томатного супа и салата [1, с. 204-205]. Концепция плавильного тигля была выдвинута Эктором Сент-Джоном де Кревекером в 1780-х годах. В Америке, утверждал Кревекер, «представители всех народов словно сплавляются в новую расу». При этом переплавка и преобразование подразумевали не просто взаимопроникновение народов и рас, но создание новой общей культуры, которая объединила бы всех жителей страны.

Концепция томатного супа (она же «англо-конформистская модель») фокусируется на культурной ассимиляции. Она основана на допущении, что «иммигранты и их потомки должны адаптироваться к культурной истории англо-американского населения страны. То есть эта концепция указывает на центральное положение культуры первопоселенцев в структуре общества. Кулинарная метафора трактуется следующим образом: англо-протестантская культура есть томатный суп, куда иммигранты добавляют свои культурные «специи», улучшающие вкус этого блюда, однако поглощаемые с тем результатом, что мы все равно едим именно суп, а не что-то другое.

Концепции плавильного тигля и томатного супа в той или иной степени выражали американский национализм и давали относительно точное описание американской идентичности. В 1915 году Хорас Каллен выдвинул концепцию салата, которую сам назвал теорией «культурного плюрализма». Название оказалось запоминающимся, хотя и не совсем верным: теории Каллена больше подходило название «этнического плюрализма». По Каллену, люди могут сменить культуру, но не в силах поменять этническую принадлежность. Биология - судьба, идентичности «определяются происхождением» и выражают «фундаментальные различия групп». Иммиграция, по Каллену, растворила в

себе прежнюю американскую национальность и превратила Америку в «федерацию национальностей» - или «демократию национальностей» [1, с. 206-207]. Подчеркивание доминирующей роли происхождения в формировании национальной идентичности абсолютно лишает смысла само словосочетание «культурный плюрализм».

В рамках рассмотрения данного вопроса, определенный интерес представляют взгляды российского ученого – этнолога В.А. Тишкова относительно социокультурной обусловленности этнической идентичности. Он выделяет несколько ее характеристик. Во-первых, существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей, или социально конструируемых коалиций, составляет разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на основе этой общей идентичности солидарность. Во-вторых, границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, и содержание идентичности являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативных планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков. В-третьих, конструируемая и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами обеспечение социального комфорта в рамках культурно-гомогенного сообщества [7, с. 114-115].

К отмеченной проблеме обращался также норвежский социальный антрополог Фредерик Барт в своем эмпирическом исследовании природы этнических границ. По мнению Ф. Барта, во-первых, «границы сохраняются, невзирая на то, что люди их постоянно нарушают». При этом необходимым условием существования категориальных этнических различий является не отсутствие мобильности, контактов, информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которых дифференциальные признаки продолжают сохраняться, несмотря на изменения форм группового участия и этнической принадлежности на протяжении истории жизни того или иного индивида. Во-вторых, «существуют устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения, которые устанавливаются поверх таких границ и зачастую базируются именно на дихотомии этнических статусов». Существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия. Напротив они нередко становятся тем фундаментом, на котором возводятся все социальные системы. Взаимодействие в таких социальных системах не ведет к исчезновению той или иной группы в результате культурных изменений и

аккультурации. Исходя из этого, Ф. Барт делает вывод: культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям [8, с. 10].

В контексте рассмотрения заданной нами тематики, а именно, современного дискурса национальной идентичности, отметим также, что в современных научных исследованиях проблема национальной идентичности рассматривается преимущественно в двух основных формах, а именно как этнонациональная идентичность, основу которой составляет тот или иной этнос и его культура, а также как идентичность социально-политическая или согражданство. Этим двум формам идентичности соответствуют два типа самосознания нации. Одна из них является завершенной политической формой развития этноса, этничность и культура которого поглощают этничности и культуры меньшинств, то есть подвергает их структурной ассимиляции. Другая строится на основе использования организационных, идеологических, формообразующих ресурсов государства, отдающих предпочтение социально-политическому содержанию национальной идентичности, нации и тем самым сдерживает «национальные притязания» этносов.

Переходя к выводам, отметим следующее: несмотря на то, что на фоне процессов глобальной интеграции национальные государства все более утрачивают свои позиции по защите национальной экономики, обеспечению своими силами экологической безопасности, а их внутренняя и внешняя политика становится все более зависимой от международных наднациональных структур и институтов, в политических границах государства, по-прежнему, находится место для сосуществования и сотрудничества различных этнических и культурных сообществ. Возможно и в будущем их взаимодействие так же будет выполнять, важнейшую интегрирующую функцию в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни национального общества. В этом плане можно согласиться с К. Хьюбером, что нация, как форма существования государственно-политической общности, с точки зрения мультикультурной перспективы развития, и далее будет сохранять свое значение [9].

Таким образом, несмотря на «постнациональную конъюнктуру» (Юрген Хабермас), вызванную глобальными интеграционными процессами, вопросы, связанные с нацией, нациестроительством, национальным государством, а, следовательно, и с национальным самосознанием и идентичностью, остаются востребованными и актуальными, как в зарубежном, так и в российском и отечественном научном и политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. – 635 с.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространения национализма. М., 2001. – 416 с.

3. Кессиди, Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. – 2003. – №1.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1.
5. Федотова, В.Г. Глобализация и российская идентичность. Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005. – 236 с.
6. Кастельс, М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – 631 с.
7. Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – 544 с.
8. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. / Под ред. Ф. Барта. Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
9. Хьюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. – 400 с.

УДК 32.019.51

Э.В. Тишкевич

аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

МЕТОД ФОРСИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Аннотация: Преодоление конфликтов идентичностей возможно при условии защиты интеграционной гражданской идентичности.

Ключевые слова: Конфликт, идентичность, общество, Россия, единство.

E.V. Tishkevich

Graduate student, North Caucasian federal university, Stavropol, Russia

METHOD OF FORCING IDENTITY CONFLICTS IN THE CONTEXT OF UNITED CIVIL UNITY

Abstract: Overcoming identity conflicts is possible provided integration civic identity is protected.

Keywords: Conflict, identity, society, Russia, unity.

Преодоление конфликтов идентичностей и формирование системы общественной безопасности в посттрадиционной России возможны при условии конструирования и защиты интеграционной гражданской идентичности. Для формирования общекультурного «метанарратива» гражданская нация – необходимое условие рациональной, рефлексивной, инновационной модернизации посткоммунистической России, завершающей конфликтогенные традиционалистские проекты советскости и этнического возрождения.

В посттрадиционных культурах конструирование интеграционной гражданской идентичности кристаллизуется вокруг региональных и глобальных институтов «легитимного гражданского управления», в образе которых «глобальное гражданское общество» идентифицирует себя как посттрадиционного цивилизационного актора, тем самым растет внутригосударственная интеграция и солидарность граждан государств-членов глобальной цивилизации. Этот подход в исследованиях посттрадиционности связан с методологией глобального «космополитического реализма» (У. Бек) [1, с. 117].

Интеграционная гражданская идентичность включает в себя два основных структурных компонента – гражданское самосознание и гражданское сознание. Гражданское самосознание, или гражданская компетентность, есть совокупность прав, свобод и обязанностей человека, вытекающих из правового

статуса личности, сделанного ею самостоятельного сознательного выбора своей принадлежности к данному государству. Гражданское самосознание включает представления о себе, своих правах и обязанностях перед государством и гражданским обществом.

Другим понятием является гражданское сознание, состоящее из набора представлений о государстве и обществе в связи с добровольной гражданской самоидентификацией и обретением гражданства, на основе которого формируется устойчивая правовая связь человека с государством. Гражданское сознание включает осознание (компетентность), принятие и исполнение прав и обязанностей гражданина, общества и государства. По мнению В.Г. Федотовой, в современной России «имеется кризис идентичности, и не в том смысле, что утрачено монистическое восприятие своей самотождественности и возобладал плюрализм, а из-за того, что нет плюрализма как совместимых позиций, а преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой» [2, с. 170-171].

Формирующейся посттрадиционной идентичности российских граждан свойственен амбивалентный и конфликтогенный характер: современные россияне формально поддерживают идею конституционной демократии, правового государства, модернизации и гражданского общества, интегрированного в глобальный мир, в то же время поддерживают радикально консервативные идеи, воплощенные в политическом и этнокультурном традиционализме. Как отмечает М.М. Лебедева, «современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к возрастанию, подключению все большего числа участников, что создает угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем остальным» [3, с. 14].

По мнению Г. Зиммеля, торговая миграция влечет за собой появление в определенном месте огромного количества «чужих», но их чуждость переживается по-разному: если «чужой» имеет некоторые общие с нами черты, его дистанция по отношению к нам уменьшается; если же индивид выступает чужим стране, городу, расе, этносу, то те элементы его личности, которые не являются общими между ним и нами, начинают выступать уже не как его индивидуальные черты, а как черты его происхождения, как «общее», что он имеет с другими «чужими». По этой причине, говорит Зиммель, чужие не воспринимаются как индивиды: «они» для «нас» – представители группы, носители «коллективной идентичности». Несмотря на то, что этничность является аскриптивной категорией (предикат), она обычно выглядит как неотъемлемое свойство личности (атрибут); там, где этничность превращается в стигму, она окончательно перестает быть индивидуальной характеристикой и предстает исключительно в качестве «коллективной идентичности» [4, с. 74].

Одним из операциональных понятий традиционных теорий конфликта, пишет В.С. Малахов, «является понятие потребности. В числе базисных потребностей наряду с потребностью в безопасности и благополучии называют потребность в идентичности. В том числе – потребность в этнической

идентичности. Понятия такого рода принадлежат к числу интерпретативных схем: в них уже заложена интерпретация. Они самой своей формулировкой предполагают объясненным то, что им как раз предстоит объяснить. Интерпретация здесь предшествует интерпретируемому феномену – как объяснение действия снотворного присущей ему усыпляющей способностью. Впрочем, необходимость критической проверки категории «идентичность» вовсе не означает, что она непригодна в аналитических целях. Однако чтобы избежать гипостазирования и реификации идентичности, уместно сделать две оговорки. Во-первых, идентичность есть не свойство, а отношение [5, с. 120-121].

Проблематику этнической идентичности в системе интеграционной гражданской идентификации весьма продуктивно исследовать с помощью инструментов, предоставляемых теорией социальной компетенции в том виде, как она разработана П. Бурдье. Центр тяжести при таком подходе смещается на динамику социокультурной трансформации и на усвоение индивидами изменений, порождаемых процессом трансформации. Этничность в этой связи есть один из ресурсов адаптации, одна из возможностей в коммуникативном арсенале индивида, позволяющая выстроить его поведение в соответствии с требованиями социальной среды. Отношение между этнической идентичностью (этничностью) и социальной реальностью носит динамичный характер.

При обсуждении векторов посттрадиционной гражданской идентификации в современной России необходимо учитывать следующее. Во-первых, интеграционная гражданская идентичность – это социокультурный проект, содержание которого в значительной степени определяется посттрадиционной глобальной конфигурацией мира. Во-вторых, развитие мира после окончания «холодной войны» убедительно показало недопустимость и невозможность ориентации на традиционалистскую автаркию, этнополитический изоляционизм и культурную исключительность той или иной социальной системы в глобальном мире. В этом аспекте обеспечение безопасности посттрадиционной России носит системный характер: реализация политики общественной и региональной безопасности, включенной в транснациональную систему глобальной безопасности, должна осуществляться на основе интеграционной гражданской идентификации как способа преодоления современных конфликтов идентичностей.

Р. Даль выделяет четыре базовых критерия гражданской идентичности – степени легитимного вовлечения граждан в деятельность по управлению политической и социальной системой (гражданским обществом): 1) интерес гражданина к происходящим событиям; 2) озабоченность – осознание гражданином степени важности социально-политического решения; 3) информированность – степень осведомленности гражданина в области политической жизни; 4) активность – степень прямого участия гражданина в осуществлении политики [6, с. 82].

По словам Л.М. Дробижевой, «когнитивное наполнение российской

идентичности в чем-то не совпадает, а в чем-то совпадает с этнической. Содержание той и другой идентичности не противопоставляет их, не взаимоисключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей, о важности акцентировать такое представление» [7, с. 365].

Проблема коллективных прав в структуре посттрадиционной гражданской идентичности в России состоит в следующем: во-первых, эти права могут «конфликтовать» с индивидуальными правами гражданина в современном мире, инициируя новые конфликты идентичностей; во-вторых, предоставление групповых прав вместо усиления гражданской надэтнической идентичности может привести к дезинтеграции и расколу общества; в-третьих, сложно классифицировать идентификационные притязания социокультурных групп, которые могут легитимно претендовать на те или иные коллективные права.

Модели разрешения идентификационных конфликтов этногрупповых прав и общегражданской идентичности должны учитывать следующие положения: а) применение принципа групповых прав наряду с классическими индивидуальными правами всегда зависит от конкретного контекста (от групповых притязаний на определенные права и уровня опасности идентификационного конфликта между групповыми и индивидуальными правами); б) применение принципа групповых прав должно усиливать гражданскую идентичность, а не ослаблять ее (политика мультикультурализма способствует формированию у групп, наряду с собственной культурной идентичностью, устойчивой гражданской идентичности); в) концепция гражданской идентичности в современной России должна строиться на основе общественной безопасности и быть сконструирована таким образом, чтобы интегрировать, гармонизировать, защищать, а не дискриминировать «другие» групповые (этнические религиозные гендерные, культурные политические идентичности) инициируя радикальный нигилизм постсовременности как базис ценностно-идентификационных конфликтов.

В посттрадиционной России формирование интеграционной гражданской идентичности, консолидирующей общество и формирующей устойчивые связи между автономными социокультурными группами, имеет безусловное значение для преодоления конфликтов идентичностей: общегражданская идентичность создает условия для редукции неуправляемых и трудноразрешимых «нереалистических» конфликтов идентичностей и их трансформации в управляемые и разрешаемые «реалистические» конфликты интересов. В процессе создания общекультурной гражданской идентичности российское общество может значительно снизить уровень ценностно-мировоззренческого противостояния, как на уровне регионального взаимодействия, так и на общегосударственном уровне. Вероятность преодоления конфликтов идентичностей в модернизирующейся России зависит от добровольно принятой большинством общества осознанной гражданской позиции, причём значимым оказывается не только правовой статус человека в

гражданском обществе, но и способность к общекультурной консолидации на основе этнического сотрудничества и культурного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М., 2017. – 572 с.
2. Федотова, В.Г. Глобализация и российская идентичность. Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М., 2005. – 412 с.
3. Лебедева, М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. – М., 2019. – 274 с.
4. Simmel, G. Exkurs über den Fremden // Ders. Soziologie. – Tübingen, 1958. – 387 с.
5. Barth, F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. – Bergen - Oslo - London, 1969. – 471 p.
6. Даль, Р. Современный политический анализ // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. – Вып. 4. – М., 2011. – 211 с.
7. Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2013. – 515 с.

УДК 32.019.51

Н.С. Толкунов

Аспирант, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

**РОЛЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
И ПРЕПОДАВАНИИ ЭТНОПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**

Аннотация: В статье анализируется возможность использования темы Великой Отечественной Войны в качестве одной из основ для укрепленной российской гражданской нации.

Ключевые слова: нация, этнополитика, гражданское общество, историческая память.

N.S. Tolkunov

Postgraduate student, Saratov state university, Saratov, Russia

**THE ROLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE STUDY
AND TEACHING OF ETHNOPOLITICS IN THE CONTEXT OF THE
FORMATION OF GENERAL CIVIL CONSCIOUSNESS**

Abstract: The article analyzes the possibility of using the theme of the Great Patriotic War as one of the foundations for a fortified Russian civil nation.

Keywords: nation, ethnic policy, civil society, historical memory.

На сегодняшний день становится понятно, что этнические общности являлись и являются неотъемлемой частью как нашего прошлого, так и настоящего. Они играют далеко не последнюю роль в общественно-политической жизни любого государства. В процессе социализации и политизации этнические общности становятся заметными акторами в политическом пространстве. От того, в каких условиях, на основании каких архетипов подрастающее и зрелое поколение проходят данные процессы, зависит становление и укрепление единой гражданской нации. Одним из оснований, вокруг которого возможно её укрепление, является тема Великой Отечественной войны.

Ещё несколько десятков лет назад высказывались предположения о постепенном стирании границ между этническими общностями. Широкое распространение получили концепции «мультикультурализма» или «плавильного котла». В рамках мирового масштаба интенсифицировались процессы по «подмене истории». Однако в конечном итоге мы, наоборот, всё чаще сталкиваемся с тем, что в отдельных точках земного шара наблюдается подъем национального самосознания. Там, где данные процессы стараются

игнорировать, умалчивать, затем получаются конфликты, которые достаточно сложно урегулировать. Наиболее частые проявления актов социального и политического утверждения происходят при резком изменении политических, социально-экономических условий. Этнические общности пытаются продемонстрировать свою независимость в рамках новых условий, объясняя это тем, что полиэтничные государства могут распадаться, но этнические общности при этом сохраняются. В недавнем прошлом с подобными процессами столкнулось и наше государство [1, с. 6]. Именно по этим причинам сама сфера этнополитики имеет огромное значение для политологического образования. Ведь многие этнополитические процессы происходят в контексте политических процессов. Каждая этническая общность старается позиционировать себя таким образом, чтобы политическая власть рассматривала её серьезным электоральным ресурсом, поскольку в зависимости от уровня их политического и экономического положения зависит отношение к этой власти.

Изначально этническая идентичность и её этнокультурный компонент не подвержен политизации, но как только она начинается обмениваться информацией с социальной, политической, экономической средами, то начинается процесс её политизации. Именно поэтому мы полагаем, что между этничностью и единой российской гражданской нацией существует взаимосвязь. Для того, чтобы данная нация успешно развивалась, она должна вобрать в себя исторический, этнокультурный компонент каждой этнической общности. Только после этого можно говорить о завершении формирования единого политического организма и способности нации противостоять как внутренним, так и внешним угрозам. Здесь становится очевидным, что тема Великой Отечественной войны затронула каждую этническую общность, и между ними намного больше общего, нежели различий. По этой причине высшему руководству сегодня стоит проводить масштабную работу по закреплению в массовом сознании подобных смыслов и символов гражданской нации [2, с. 185].

Государственная этнополитика в своей практике осуществления должна опираться на моменты, связанные с исторической памятью. В рамках её реализации обеспечивается взаимодействие, адаптация, развитие этнических общностей. Главной задачей является реализация превентивных мер по недопущению конфликтов, которые могут возникнуть на почве защиты собственных политических и экономических интересов. Ведь сфера межэтнических отношений является достаточно противоречивой из-за наличия в ней множества предубеждений. С ними необходимо постоянно бороться и находить пути их преодоления.

В то же время необходимо с осторожностью подходить к попыткам всячески продемонстрировать уникальность каждой этнической общности, их культурную самобытность. При неправильном подходе это может привести к всплеску интолерантных настроений в обществе, которые препятствуют преобразованию разобщенных этнических общностей в единую гражданскую

нацию. Зачастую это происходит по причине отсутствия профильного образования в сфере регулирования этноконфессиональных процессов. Принято считать, что многие проблемы в регулировании межэтнических отношений Российская Федерация унаследовала из СССР, где понятие «национальность» указывало на «этническую принадлежность», а в остальном мире - на «гражданство». Мы склонны с этим согласиться, однако, необходимо отметить, что Советский Союз предпринимал попытки по утверждению концепта «советский народ», но эти они оказались безуспешными. История показала, что данный концепт эффективнее всего работал именно во время войны и послевоенные годы, поскольку там представители различных этнических общностей отстаивали интересы одного государства.

Сегодня специалисты по внутренней политике стараются относить каждое этническое сообщество к отдельным акторам общественно-политических процессов. Кроме того, понятие «этничности» они ставят выше «гражданства», не предлагая ничего взамен [3, с. 257]. Противопоставление этнических общностей в культурном плане приводит к тому, что они начинают позиционировать себя как экстерриториальное образование внутри государства, а не неотъемлемой составляющей гражданской нации. Не стоит отрицать того факта, что сохранение этнокультурной самобытности является важнейшим моментом в развитии любой этнической общности. Однако для её сохранения важны те действия, которые исходят от самой общности, а те, что навязываются сверху представителями государственной власти. Их действия можно объяснить достижением показателей в рамках реализации Стратегии национальной политики и давления этнических антрепренеров. Следствием такой политики является появление новых квазисообществ: «славянский мир», «тюркский мир», «арабский мир». Их появление в рамках темы Великой Отечественной войны практически невозможно.

На наш взгляд, было бы уместно включить в школьную программу предмет, направленный на развитие гражданского согласия. В него могли бы войти сюжеты, связанные с Великой Отечественной войной. В то же время всё более широкое распространение в республиках РФ получают дисциплины, которые направлены на выработку этноцентризма, а не знакомство молодого поколения с общенациональными ценностями, традициями, достижениями. Это уточнение является важным, поскольку данные достижения являются результатом сотрудничества этнических общностей в рамках единой гражданской нации.

Как уже было сказано, этнополитология является больше прикладной дисциплиной, поскольку её методы направлены на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий [1, с.5]. На наш взгляд, в процессе преподавания необходимо делать акцент на взаимодействиях органов власти с этническими антрепренерами, проблемах политизации этничности и процессах по формированию единой гражданской нации, а также тех моментах, которые являются общими для нашего полиэтничного государства, поскольку

этничность является достаточно самостоятельным политическим ресурсом, от работы с которым зависит благополучие всего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов, В.А. Этнополитология: Учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2005. – 337 с.
2. Савинов, Л.В. Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского федерального округа): дис. ... доктор. Полит. Наук: 23.00.05 / Савинов Леонид Вячеславович. – М., 2013.
3. Шабаев, Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014. – 409 с.

В.А. Устюгова

Магистрант, Санкт-петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США: ЭКСПО

Аннотация: Одним из видов публичной дипломатии США является участие в выставках (expo). В 2017 году Соединенные Штаты вновь присоединились к Международному Бюро Выставок.

Ключевые слова: Публичная дипломатия, мягкая сила, Экспо.

V.A. Ustyugova

Master's degree, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PUBLIC DIPLOMACY USA: EXPO

Abstract: One of the types of public diplomacy of the USA is participation in exhibitions (expo). In 2017, the United States rejoined the International Exhibitions Bureau.

Keywords: Public diplomacy, soft power, Expo.

Публичная дипломатия государства рассматривается как политическая коммуникация, в процессе которой происходит влияние на зарубежную аудиторию, с целью формирования мнения относительно внешней политики данной страны [1]. Дж. Най отмечает, что публичная дипломатия - это средство «мягкой силы» государства [2]. Она продвигает ценности внутренней политики государства, его культуру и внешнюю политику. Среди методов публичной дипломатии США выделяют пропаганду, образовательные и культурные обмены, а также проекты в Интернете [3].

Одним из видов публичной дипломатии США является участие в выставках (expo) [4]. В 2017 году Соединенные Штаты вновь присоединились к Международному Бюро Выставок. С 2017 года государственный департамент отвечает за участие США в международных выставках. Отдел Экспо управляет взаимодействием США с МБВ, курирует государственно-частные партнерства, используемые для проектирования, строительства и эксплуатации павильонов США на зарубежных выставках или всемирных выставках, аккредитованных международным Бюро Международных Выставок и поддерживает города США, борющиеся за проведение подобных мероприятий [5].

С 2001 года Соединенные Штаты перестали являться активным членом организации МБВ. Причиной возникновения инициативы возвращения членства заключалась в том, что государственные и местные органы власти, а также частные организации США продолжали участвовать в международных

выставках, проводимых в зарубежных странах в качестве средства поощрения экспорта и создания рабочих мест, но они сталкивались с высокими издержками [6]. В 2017 году Конгресс единогласно принял двухпартийный закон, подписанный президентом.

Заместитель госсекретаря Дж. Салливан выступил на 162-й Генеральной Ассамблее МБВ, как один из сторонников членства США в МБ [7]. Во время своего выступления он аргументировал в пользу инициативы США для проведения Всемирной выставки 2023 года в Миннесоте. Экспо в его риторике представляется площадкой для совместного решения проблем, обмена технологических разработок и научных исследований в разных областях, а также развития партнерских отношений.

Выставки в риторике властей являются инструментом продвижения ценностей США. Экспо представляются как один из наиболее экономически выгодных и важных дипломатических инструментов для привлечения мировой общественности к американскому видению свободы, инноваций и экономического процветания, особенно в эпоху новой конкуренции великих держав [8]. Всемирные ярмарки, представляют собой значительные возможности для демонстрации американской свободы, идеалов, предпринимательства, культуры и глобального лидерства [9].

В 2017 году США приняли участие в ЭКСПОО-2017 «Энергия будущего» в Казахстане. Главная идея США заключалась в том, что «источник бесконечной энергии находится внутри каждого из нас» [10]. Для Соединенных Штатов было крайне важно участвовать на первой Всемирной выставке в Центральной Азии, чтобы продемонстрировать приверженность Америки этому ключевому региону мира. Более того, участие Америки было особенно значимым, поскольку в 2016 году исполнилось 25 лет двусторонним отношениям между Соединенными Штатами и Казахстаном. Всего за 3 месяца павильон США посетили более миллиона человек лично, а также онлайн.

Целями павильона США были:

- продемонстрировать лидерство Америки в области технологий и инноваций, а также бесконечную энергию американского народа;
- подчеркнуть крепкое партнерство между США и Казахстаном;
- продвигать коммерческие интересы США и интересы публичной дипломатии в Казахстане и Евразии.

На протяжении всей выставки 2017 года павильон США взаимодействовал как с местными традиционными СМИ, так и с различными социальными платформами, чтобы максимально расширить охват зарубежной аудитории. Страницы социальных сетей павильона США в Твиттере, Фейсбуке и Инстаграм были одними из самых активных и популярных среди всех международных павильонов. В казахстанских СМИ павильон США был представлен в десятках статей от влиятельных местных СМИ, включая Kazpravada, Kapital и TengriNews. Освещение также включало упоминания о павильоне США в двух публикациях от The New York Times.

Студенческие послы, группа из 40 американских студентов, которые представляли Америку в павильоне США, приветствовали гостей павильона и высокопоставленных лиц, а также проводили ежедневные мероприятия вместе с остальной частью команды. Они также выехали за пределы Астаны, поделившись посланием павильона, посетив все уголки Казахстана. В своих поездках они узнали больше о казахстанской культуре и поделились своим собственным жизненным опытом с казахстанцами.

В 2020 году США планирует участвовать в «Expo 2020 Dubai». Отказ комитета Палаты представителей по ассигнованиям включить в законопроект об ассигнованиях двухпартийное предложение, которое позволило бы Департаменту использовать свои средства для участия в выставке «Expo 2020 Dubai», является упущенной возможностью для Соединенных Штатов. Это предложение было направлено на устранение давних ограничений, наложенных Конгрессом на способность страны продвигать американские интересы на выставках. Именно этот фактор ставил под вопрос участие США в Экспо.

Создание американского павильона стало возможным благодаря финансированию правительства ОАЭ в знак признания прочного партнерства между Соединенными Штатами и Объединенными Арабскими Эмиратами [9]. ОАЭ играет является ключевым партнером для Соединенных Штатов на Ближнем Востоке [11]. Это единственный крупный экспортный рынок Соединенных Штатов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: в стране работает более 1000 американских фирм. Многие американские компании используют ОАЭ в качестве региональной штаб-квартиры, из которой можно вести бизнес на всем Ближнем Востоке, в Северной Африке и некоторых частях Азии. Обе страны имеют тесное двустороннее сотрудничество по большому спектру вопросов, включая оборону, нераспространение ядерного оружия, торговлю, энергетическую политику и культурный обмен.

Павильон США будет представлять подтему «мобильность», а архитектура и дизайн интерьера павильона будут передавать американский прогресс, изобретательность и инновации в социальной, физической и механической мобильности в торговле и искусстве [12].

США представляется как динамичное общество, которое сформировало современный мир и поддерживает свободу и процветание во всем мире [13]. Гости павильона США будут передвигаться по первым четырем крупным экспонатам через движущуюся дорожку, которая проходит через павильон. Эта транспортная система большой грузоподъемности, безопасная для всех возрастов и физических способностей. Они также смогут познакомиться с американской кухней и культурой во внутреннем дворе павильона, где в течение дня будут проводиться развлекательные программы.

В заключении, участие в выставках для США является площадкой для осуществления публичной политики. С помощью участия в выставках США могут транслировать свои ценности и культуру многочисленной зарубежной аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cull, N. J. Public diplomacy before Gullion: The evolution of a phrase //Routledge handbook of public diplomacy. – Routledge. – 2008.
2. Nye, Jr. J. S. Public diplomacy and soft power //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1.
3. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №. 41.
4. Expro Unit [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/expro-unit/> Дата обращения: 26.02.2020.
5. 2018 Comprehensive annual report on public diplomacy & international broadcasting [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2018-ACPD.pdf> Дата обращения 06.03.2020.
6. H.R.534 - U.S. Wants to Compete for a World Expro Act [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/534/text> Дата обращения: 26.02.2020.
7. Remarks Before the 162nd ВІЕ General Assembly [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/remarks-before-the-162nd-bie-general-assembly/> (дата обращения 26.02.2020)
8. U.S. Participation in Expro 2020 Dubai in Jeopardy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/u-s-participation-in-expro-2020-dubai-in-jeopardy/> Дата обращения: 26.02.2020.
9. U.S. Participation in Expro 2020 Dubai [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/u-s-participation-in-expro-2020-dubai/> Дата обращения: 26.02.2020.
10. USA PAVILION EXP 2017 Final Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/Astana-Expro-2017.pdf> Дата обращения: 26.02.2020.
11. U.S. Relations With United Arab Emirates [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-united-arab-emirates/> Дата обращения: 26.02.2020.
12. Expositions [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/expositions/> Дата обращения: 26.02.2020.
13. USA Pavilion [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.expro2020dubai.com/en/discover/pavilions/usa> Дата обращения: 26.02.2020.

УДК 32.019.51

Н.И. Хомякова

Магистрант, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Аннотация: Имидж политических лидеров формируется стихийно.

Ключевые слова: Имидж, политический лидер, массовое сознание, политическая партия, профессионал.

N.I. Homyakova

Master's degree, Tula state university, Tula, Russia

SHAPING THE IMAGE OF POLITICAL LEADERS IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

Abstract: The image of political leaders is formed spontaneously.

Keywords: Image, political leader, mass consciousness, political party, professional.

В современной России формирование имиджа политических лидеров происходит стихийно под влиянием информации, представленной в СМИ PR-специалистами. Чтобы узнать, насколько хорошо россияне знакомы с деятельностью политических лидеров, в Туле в 2019 году проводилось исследование посредством Интернет-опроса на базе www.surveo.com.

Анализируя переменную «голосование за лидера политической партии», следует отметить, что большинство жителей России готовы проголосовать за Путина В. В. (90,85% опрошенных отметили действующего президента РФ); за Зюганова Г. А. (3%); затем за Жириновского В. В. (2%); далее за Медведева Д. А., Явлинского Г. А. и Миронова С. М. (1%). Результаты демонстрируют, что большинство граждан доверяет Президенту РФ, так как в массовом сознании он ассоциируется с лидером политической партии «Единая Россия», несмотря на последние его указы, в частности пенсионную реформу.

Респондентам был предложен вариант ответа выбрать политическую партию, проецируя на отсутствие данного лидера в ней. Надо отметить, что большинство россиян проголосовали бы за политическую партию, даже в том случае, если бы там не было лидера, которому они отдают предпочтение (71,1%); небольшое количество респондентов не готово голосовать за партию без лидера, которому они симпатизируют (16,1%); затрудняются ответить - 12,8%. Результаты свидетельствуют о том, что россияне в основном голосуют не за лидера, а за партию. На выборах кандидатов большинство населения руководствуется их принадлежностью к политической партии.

Анализируя переменную «голосование за политического лидера без политической партии», надо отметить, что большинство граждан не проголосует за лидера, если он по каким-либо причинам переидёт в другую политическую партию (72,5%); малое число респондентов готово проголосовать за данного лидера при любых обстоятельствах (16,1%); затрудняются ответить - 11,4% [1, с. 10].

Анализируя переменную «личные качества, привлекающие в политическом лидере», стоит отметить, что большинство респондентов ответили: «отзывчивость» (51%); на втором месте «добросовестность» и «аккуратность» (45%); на третьем месте «скромность» (43,6%); на четвёртом месте «трудолюбие» и «доброжелательность» (30,2%); на пятом месте «честность» (26,2%); на шестом месте «интеллигентность» (18,1%); некоторые добавили другие качества (0,7%). Результаты показали, что россиян больше всего привлекает отзывчивость в лидерах политических партий.

Анализируя переменную «доверие политическому лидеру», стоит отметить, что большинство респондентов полностью доверяют своему лидеру (70,5%); небольшое количество граждан доверяет по некоторым вопросам (24,2%); затрудняются ответить - 5,4%. Результаты свидетельствуют, что многие граждане полностью доверяют человеку, за которого они хотят проголосовать. Они уверены в своём выборе и знают, кого выбирают.

Анализируя переменную «деловые качества политического лидера», необходимо отметить, что большинство респондентов выбрали ответ: «пунктуальность» (47%); на втором месте «организованность» (45%); на третьем месте «осведомлённость» (42,3%); на четвёртом месте «преданность работе» (41,6%); на пятом месте «инициативность» (38,3%); на шестом месте «умение быстро принимать решения» (29,5%); на седьмом месте «профессиональное мастерство» (27,5%); на восьмом месте «работоспособность» (18,1%); малое количество опрошиваемых добавили другие качества (2%). Данные результаты свидетельствуют о том, что для россиян важно, чтобы политический лидер был пунктуальным. Следовательно, в понимании большинства населения России идеальный лидер должен обладать такими качествами, как отзывчивость и пунктуальность.

Анализируя переменную «профессионалы среди современных политических лидеров», стоит отметить, что большинство граждан считают профессионалом Путина В. В. (45% опрошенных), затем Зюганова Г. А. и Жириновского В. В. (3%); далее Медведева Д. А., Миронова С. М. и Явлинского Г. А. (1%); 46,6% затруднились ответить. Это означает, что россияне считают профессионалом президента РФ, несмотря на то, что он не является лидером ни одной политической партии.

Анализируя переменную «знакомство с политической программой политического лидера», стоит сказать, что большинство опрошенных затруднились ответить (93%); небольшая часть респондентов знакома с программами Зюганова А. Г. и Жириновского В. В. (3%); Медведева Д. А. (2%);

далее Явлинского Г. А., Миронова С. М. (около 1%). Результаты показали, что большинство граждан не знают политические программы лидеров партий.

Анализируя переменную «источники информации о политических лидерах», надо отметить, что большинство граждан получают информацию о лидерах из рекламы на телевидении (36,9%); во вторую очередь из рекламы в Интернете (35,6%); в третью очередь из рекламы в прессе (18,1%); в четвёртую очередь из проведенных различных мероприятий (14,8%); в пятую очередь из наружной рекламы (7,4%); в шестую очередь из выпуска печатных буклетов и листовок (6,7%); небольшое количество респондентов получают информацию из других источников (2,7%).

Результаты говорят о том, что россияне в основном знакомятся с лидерами политических партий через рекламу на телевидении. Значит, телевидение – очень популярное средство массовой информации.

Респондентам был предложен вопрос, касающийся эффективности используемых каналов для знакомства с деятельностью политических лидеров. Отвечая на него, большинство респондентов ответили: «высокая» (32,9%); потом «средняя» (30,9%); затем «низкая» (29,5%); небольшое количество граждан затруднились ответить (6,7%) [2, с. 14].

Это значит, что россияне считают эффективность используемых каналов для знакомства с деятельностью политических лидеров высокой. Следовательно, информация о деятельности политических лидеров доходит до населения России очень хорошо.

Анализируя переменную «участие в мероприятиях, проводимых в поддержку политических лидеров», нужно отметить, что большинство опрошенных не принимали участие (94%); часть граждан участвовала в митингах, шествиях, пикетах, а также во всём перечисленном (2%); затем в демонстрациях (1%) [3, с. 17].

Результаты доказали, что большая часть населения России не принимала участие в мероприятиях для продвижения лидеров партий. Значит, россияне не интересуются внутренней политической жизнью страны и почти в ней не участвуют.

Респондентам был предложен вариант оценить эффективность проводимых мероприятий. Большинство тестируемых не принимало участие (94%); часть ответила «низкая» (5%); потом «средняя» (2%); затем «высокая» и малое количество опрашиваемых затруднились ответить (1%).

Результаты означают, что граждане в большинстве случаев не принимали участие в подобных мероприятиях, поэтому им трудно оценить эффективность этих мероприятий.

Анализируя переменную «оценка политических лидеров по параметрам», нужно сказать, что внешний вид, умение общаться и деятельность Медведева Д. население оценивает плохо (70,5%); внешний вид, умение общаться и деятельность Зюганова Г. люди оценивают плохо (67,8%); внешний вид, умение общаться и деятельность Жириновского В. граждане оценивают плохо (67,1%); внешний вид, умение общаться и деятельность Миронова С. россияне

оценивают плохо (71,1%); внешний вид, умение общаться и деятельность Явлинского Г. население оценивает плохо (74,5%) [4, с. 30].

Результаты показали, что опрошенные оценивают лидеров ведущих политических партий плохо. Значит, россияне недовольны действиями основных политиков страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестопал, Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 41.

2. Шестопал, Е. Б., Смутькина, Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» – 2018. – № 2 (89).

3. Шестопал, Е. Б., Смутькина, Н. В., Морозикова, И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10. – № 3.

4. Шутов, А. Ю., Шестопал, Е. Б., Соловьёв, А. И., Петухов, В. В., Петренко, Е. С., Мамонов, М. В., Барсенков, А. С., Зудин, А. Ю., Заславский, С. Е., Макаренко, Б. И., Штукина, Т. А., Кузнецов, И. И., Артамонова, Ю. Д., Зорин, В. А., Телин, К. О., Добрынина, Е. П., Жестков, М. И., Зверев, А. Л., Евгеньева, Т. В., Смутькина, Н. В. Состояние российского общества и власти накануне президентских выборов (Круглый стол). – М.: Вестник МГОУ, 2018. – 45 с.

УДК 323.2

М.В. Чекмасова

Магистрант, Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

ЛОББИЗМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: Феномен лоббизма в отечественной и международной практике.

Ключевые слова: лоббизм, США, ЕС, коммуникация.

M.V. Chekmasova

Master's degree, Voronezh State University, Voronezh, Russia

LOBBYING AS AN EFFECTIVE MEANS OF POLITICAL COMMUNICATION

Abstract: Phenomenon of lobbying in domestic and international practice.

Keywords: lobbying, USA, EU, communication.

В современном социуме существует множество различных добровольных объединений людей, стремящихся довести свои требования до властных структур. Одни из них используют экономические рычаги, другие действуют менее заметно – в коридорах власти. Наиболее распространённой формой воздействия этих групп интересов на органы власти является лоббирование.

Лоббизм является эффективным инструментом для продвижения интересов различных групп и организаций в парламенте и исполнительных органах государственной власти.

Лоббизм определяется как осуществление права на обращение с заявлениями и просьбами в органы законодательной и исполнительной ветви власти. В соответствии со вторым определением лоббизм понимается как осуществляемая на профессиональной основе деятельность специалистов, нанимаемых предприятиями, профсоюзами и иными группами в целях отстаивания их интересов в ходе принятия важных государственных решений.

В более широком понимании лоббизм – деятельность заинтересованных лиц, способствующая принятию органами власти тех или иных решений, с использованием неформальных коммуникаций в органах власти.

Политический смысл лоббизм приобрел в конце XVIII – начале XIX в. В Соединенных Штатах лоббизм осуществлялся в соответствии с принятой в 1789 г. первой поправкой к Конституции, гарантирующей, в частности, право

граждан обращаться в официальные органы с жалобами. В 1876 г. был принят закон, согласно которому все осуществляющие лоббистскую деятельность обязаны были заявить о себе и официально зарегистрироваться у клерка нижней палаты парламента.

В Европейском союзе (на наднациональном уровне) под лоббистами понимаются юридические и физические лица, осуществляющие деятельность по представлению интересов соответствующих лиц в государственных органах такие компании, оказывающие консультационные услуги по вопросам взаимодействия с государственными органами, юридические фирмы, некоммерческие общественные организации, штатные сотрудники компаний или торговые ассоциации.

Во Франции, где в 2016 – 2017 годах было введено законодательное регулирование лоббистской деятельности, где под лоббистами понимаются частные юридические лица; публичные образования и промышленные группы; торговые и индустриальные палаты, в которых основной деятельностью директора, сотрудника или одного из членов организации является оказание влияния на процесс принятия решений в государственных органах, содержание положений законодательных и нормативных актов. [1, с. 49]

Кроме того, в доктринальных источниках выделяют иностранных и внутригосударственных лоббистов. Например, США часто прибегают к использованию лоббистов для оказания влияния на мировой рынок. Начиная с XIX века, США используют эмиссаров, отстаивающих интересы капиталистов в Южной Америке, Африке и Китае. Согласно Акту о раскрытии информации о лоббистской деятельности 1995 года, сузился перечень иностранных лоббистов в целях повышения числа официально зарегистрированных национальных лоббистов. В результате в США возник этнический лоббизм, который реализуется группами, созданными по национальному признаку. Деятельность такого рода лоббистов, прежде всего, обеспечивает особенность демократии в США, выражающуюся в том, что каждый политический деятель стремится получить поддержку всех групп и меньшинств, среди которых важное место занимают национальные общности.

Также лоббизм делится на формальный и неформальный. Лоббизм, в частности, связан с развитием партийной системы и корпоративизма:

- через мобилизацию общественного мнения (использование массовых акций, организация массовых обращений к власти и кампаний в СМИ, а также судебных процессов);

- использование избирательных кампаний (личное участие в выборах или выдвижение «своих» кандидатов, финансирование избирательных кампаний);

- использование формальных контактов (разработка проектов нормативно-правовых актов и организация их обсуждений, консультирование представителей власти и экспертиза принимаемых решений, предоставление информации, участие в работе органов государственной власти);

- использование неформальных контактов (организация и проведение конференций, круглых столов, использование личных связей, организация неформальных встреч).

Лоббизм – достаточно распространенное явление общественно-политической жизни различных стран, к тому же институционализированное. Имея экономическую основу, он не ограничивается лишь сферой производства, а по степени влияния на принятие тех или иных политических решений приобретает немалое политическое значение, потому что за действиями лоббистов всегда находится какая-либо группа интересов.

Однако процесс лоббирования – это процесс подкрепления экономических интересов политическими актами, достижения соответствия экономических шагов и политических решений. Лоббизм практически дополняет институциональную систему демократического представительства, позволяя группам интересов, которые не имеют другой возможности, участвовать в принятии государственных решений или, что важно, в обход легитимных процедур ускорять его.

В Российской Федерации отсутствует закрепление понятия лоббиста на государственном уровне, однако, безусловно, деятельность по представлению и отстаиванию интересов определенных лиц в государственных органах осуществляется постоянно. Формы осуществления лоббистской деятельности здесь представлены такими отчасти законодательно предусмотренными возможностями, как работа в общественных советах при органах исполнительной власти (министерствах, службах), проведение общественного слушания законопроектов, направление запросов в уполномоченные государственные органы. Обычно, цели лоббистской деятельности не раскрываются отдельно в законодательных актах, их можно определить путем анализа содержания нормативных определений лоббистской деятельности.

Законодательство Российской Федерации в настоящее время не содержит определений термина «лоббизм» или «лоббистская деятельность». Определение можно найти в проектах федерального закона, касающегося лоббистской деятельности.

В законопроекте 2015 года «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления» содержится определение понятия «продвижение интересов» (законопроект избегает использования термина «лоббистская деятельность»), под которым понимается устное или письменное взаимодействие представителя интересов с должностным лицом органа государственной власти или местного самоуправления в предусмотренном законом порядке с целью влияния на разработку и принятие указанными органами нормативных актов, политических, экономических, административных и иных решений в интересах представляемого лица. Цели лоббистской деятельности достигаются путем использования различных форм и методов лоббизма. Авторы исследований о лоббистской деятельности

зачастую не разделяют понятия форм и методов лоббистской деятельности [2, с.112].

В заключение я хотела бы сказать, что важными факторами для существования лоббизма является активная коммуникация и нормативно-правовое регулирование, определяющее порядок осуществления лоббистской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шохин, А.Н., Королев, Е.А. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском союзе. – М., 2008. – 158 с.
2. Бизнес и власть в России: взаимодействие в условиях кризиса: монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А. Н. Шохин; координатор проекта И. Б. Орлов; НИУ ВШЭ. – М., 2016. – 279 с.
3. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: Учебное пособие / под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 272-287.
4. Лоббизм в США. Как осуществляется лоббизм в США и что можно позаимствовать для России. – М.: ИСЭПИ, 2013. – 81 с.
5. Дегтярёв, А.А. О взаимосвязи общих принципов и форм работы в GR-менеджменте. [Электронный ресурс] / Дегтярёв, А.А. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2012/11/28/1301543682/Статья%20А.А.Дегтярёва-2012.pdf> Дата обращения: 01.04.2020.

А.А. Черкашина

магистрант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск,
Россия

**«ПРЕЗИДЕНТСКИЙ РЕЗЕРВ» И КОНКУРС «ЛИДЕРЫ РОССИИ»
КАК ОРИЕНТИР ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЕПУТАТОВ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ**

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования профессиональных компетенций у депутатов законодательных (представительных) органов. Проводится анализ нормативно-правовых актов на предмет выявления требования к уровню профессионализма депутатов. На основе полученных результатов анализа предлагается в качестве основы к формированию и развитию профессиональных навыков депутатов рассмотреть конкурс «Лидеры России» и конкурс управленческих кадров «Президентский резерв».

Ключевые слова: Профессиональные компетенции депутатов, законодательная власть, представительная власть.

A.A. Cherkashina

Master's degree, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia

**PRESIDENTIAL RESERVE AND CONTEST «LEADERS OF
RUSSIA» AS A BENCHMARK FOR DETERMINING THE COMPETENCE
OF DEPUTIES LEGISLATIVE AUTHORITIES**

Abstract: The article deals with the problem of formation of professional competences among deputies of legislative (representative) bodies. Regulatory and legal acts are analysed to identify the requirement for the level of professionalism of deputies. On the basis of the results of the analysis, it is proposed to consider the contest «Leaders of Russia» and the contest of management personnel "Presidential Reserve" as a basis for the formation and development of professional skills of deputies.

Keywords: Professional competence of deputies, legislative power, representative power.

Депутат законодательного (представительного) органа как субъект политической деятельности осуществляет свою деятельность в общественной и социально-экономической сферах, разрешает реальные проблемы населения, определяет перспективы и направления общественных движений, создает условия для развития жизнедеятельности общества. Успешность его

деятельности определяется степенью его профессиональной компетенции и готовностью продуктивно выполнять возложенные на него функции.

Единого и общего критерия для определения уровня профессионализма депутата не существует, поскольку в Российской Федерации депутат – это, в строгом смысле слова, не профессия, и депутатская деятельность – не профессиональная деятельность [1, с. 109]. Избирательное право Российской Федерации также не содержит требований к уровню профессиональных знаний кандидатов депутаты. Из практики депутатской деятельности, а именно из многозадачности их работы можно выделить одну из самых сложных задач – это работа над бюджетом. Также можно выделить нормотворческую деятельность. Это направление требует от депутатов знания о юридической технике и законотворческом процессе в целом. В этой связи профессиональную компетентность депутатов можно определить, как понимание депутатами смысла своей деятельности если не как призвания и профессии, то как работы, значимой для общества или своей адресной группы, что помогает им выполнять эту работу более ответственно и профессионально.

Компетентность лиц, входящих в государственный орган или орган местного самоуправления можно обозначить как меру способностей и подготовленности этих должностных лиц к осуществлению своих полномочий. Компетентный депутат оценивается, прежде всего, как знающий сведущий в своей области, имеющий право по своим знаниям и полномочиям делать что-либо или решать подведомственные вопросы.

Проблема профессиональной компетентности депутатов является малоизученной. Отдельные авторы изучают лишь частные аспекты данной темы. Тем не менее, с введением профессиональных стандартов возникают научные работы по изучению профессиональных навыков и компетенций государственных служащих, что можно применить в данной работе как основу теоретической базы. К таковым можно отнести изучение проблемы оценки и развития профессиональной компетентности различных категорий государственных служащих, которыми занимались Ю.В. Бруй, А. А. Деркач, И.Е. Елина, В.Г. Игнатов, В.Н. Марков, А.С. Мельничук, Л.И. Пономарев, Л.А. Степнова, С.А. Юсупов и др. В работе Е.А. Сиденко раскрывается проблема оценки компетентности и профессионализма государственного служащего. Исследования Н.А. Ладзиной посвящены изучению стиля профессиональной деятельности и разработке критериев профессиональной компетенции госслужащих. Г.В. Грызунова раскрывает вопрос профессионализма и развития профессиональной компетентности государственных служащих.

Для глубокого понимания сущности профессиональной деятельности депутата необходимо обратиться к нормативно-правовым документам, в которых определены полномочия, обязанности и формы деятельности депутатов.

Формы деятельности депутатов (Государственной Думы) изложены в Федеральном законе № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации». К ним относятся: участие в заседаниях, в работе комитетов и комиссий, участие в выполнении поручений соответственно Совета Федерации, Государственной Думы и их органов, участие в парламентских слушаниях, внесение законопроектов на рассмотрение, внесение парламентского запроса, обращение с вопросами к членам Правительства Российской Федерации на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации, обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившегося нарушения прав граждан. Формой деятельности депутата Государственной Думы также является работа с избирателями, а депутата Государственной Думы, входящего во фракцию в Государственной Думе, – помимо этого участие в работе соответствующей фракции [2].

Региональные законы создаются на основе федерального закона, в нормативно-правовых актах субъекта прописываются обязанности депутата и вводится термин «депутатской этики». Так, например, в законе Иркутской области № 11-2 ЗС «О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области» определены следующие обязанности депутата – соблюдение правил депутатской этики, определяющие поведение депутата при осуществлении им своих полномочий, забота о собственном достоинстве и уважение достоинства других депутатов, а также должностных лиц и граждан, воздержании от действий, заявлений и поступков, которые могут нанести ущерб репутации, а также авторитету Законодательного Собрания и области, руководство в своей деятельности предвыборной программой и своими убеждениями, личное присутствие на заседаниях Законодательного Собрания, постоянных комитетов, постоянных комиссий, иных рабочих органов Законодательного Собрания, членом которых он является, соблюдение Регламента Собрания, соблюдение Правила внутреннего распорядка для депутатов, работающих в Законодательном Собрании на постоянной основе, утверждаемые председателем Законодательного Собрания [3].

Рассмотрев федеральный и региональный законы, можно заметить, что нормативно-правовые акты не выделяют требований к профессиональным компетенциям депутатов. Тем не менее, работая над законодательными актами необходимо обладать базой знаний для создания правильных и грамотных документов. Например, осуществляя депутатскую деятельность на профессиональной основе, помимо работы с гражданами, депутат занимается разработкой законопроектов и принятием решений в какой-то определенной узкой сфере. Например, в сфере налогообложения. Для этого необходимо обладать базой знаний в сфере формирования налогов, знаний российской системы и экономических законов. В таком случае деятельность по законотворчеству станет наиболее эффективной. Безусловно, депутат не является только управленцем, в большей степени осуществляя представительские функции, но его деятельность тесно сопряжена с разработкой законодательных актов, что говорит о том, что ими формируется политический вектор развития государства. Таким образом, можно выделить

основные функции профессиональной деятельности депутата – участие в работе законодательного (представительного органа), законотворческая деятельность и работа с гражданами.

В связи с тем, что к профессиональным компетенциям депутатов не выдвигается никаких требований, как основу формирования необходимых требований можно рассмотреть два федеральных проекта – «Президентский резерв» и конкурс «Лидеры России». В обоих случаях – это каналы формирования некой базы управленцев на конкурсной основе, своего рода управленческой элиты. Согласно Положению о формировании «Президентского резерва», при отборе кандидатов на включение в федеральные кадровые резервы федеральных государственных органов учитываются [4]:

- а) опыт работы по предполагаемому виду деятельности;
- б) соответствие уровня образования квалификационным требованиям к занимаемой должности;
- в) возраст (с учетом возрастных ограничений, установленных для воинского или специального звания по предполагаемой должности);
- г) готовность к перемещению в интересах службы в другую местность;
- д) морально-психологические и деловые качества;
- е) состояние здоровья.

Конкурс «Лидеры России» к участникам конкурса предъявляет следующие условия [5]:

а) возраст до 55 лет включительно, если иное не установлено соответствующей специализацией;

б) опыт управления не менее двух лет - возраст участников по 35 лет включительно; опыт управления не менее пяти лет - возраст участников от 36 до 55 лет включительно;

в) для лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, дополнительным условием является согласие и готовность жить и работать в Российской Федерации или работать в зарубежных представительствах органов государственной власти Российской Федерации, а также зарубежных подразделениях российских коммерческих и некоммерческих организаций.

г) для участников специализаций могут быть установлены дополнительные требования, в соответствии с условиями специализаций (возрастные ограничения, наличие профильного образования, опыт управления в сфере специализации, участие в профильной деятельности специализации, наличие публикаций профильной деятельности специализации).

Критерием оценки участников является уровень проявления ими общих знаний, интеллектуальных способностей, управленческого потенциала, лидерских качеств и профессиональных компетенций в ходе выполнения заданий Конкурса.

Стоит также отметить, что в ходе Конкурса участники выполняют задания и проходят комплексную оценку общих знаний, интеллектуальных способностей, управленческого потенциала, лидерских качеств и профессиональных компетенций (запись видеointервью, тестирование,

оценочная конференция, выполнение социального проекта, прохождение интервью и др.).

В данном случае с выдвигаемыми требованиями к участникам этих двух проектов можно провести аналогию к профессиональным компетенциям депутатов, так как они подбираются не для определенной деятельности, а напротив разнообразие направлений их трудовых сфер очень велико.

Итак, профессиональная компетентность депутата – это сложный психологический и политический феномен, требующий более конкретного исследования его структуры и содержания. Потребностью в изучении данной проблемы выступает также то, что в последнее время все чаще и чаще выдвигаются профессиональные требования ко всем трудящимся, то есть вводятся определенные профессиональные стандарты. Тем не менее, по отношению к депутатской деятельности так и не сформированы подобные требования, в то время как законодательные (представительные) органы требуют серьезных навыков и умений. Основой для дальнейшего изучения может стать статистический материал, содержащий информацию о составе действующего депутатского корпуса, на основе которых можно сделать выводы об уровне образования депутатов и распределении их по профессиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витковская, Т. Б. Городские думы в российских малых городах: профессионализм депутатов и эффективность представительной власти // Вестник ПФИЦ. – 2019. – № 3.

2. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон № 3-ФЗ [принят Государственной думой 8 мая 1994 года] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/ Дата обращения: 12.03.2020.

3. О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области: закон Иркутской области № 11-2 ЗС [Принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 20 мая 2009 года] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irk.gov.ru/about/basic/depstatus/> Дата обращения: 12.03.2020.

4. Федеральный портал государственной службы и управленческих кадров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gossluzhba.gov.ru/>. Дата обращения: 25.03.2020.

5. Портал всероссийского конкурса «Лидеры России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://лидерыроссии.рф/>. Дата обращения: 26.03.2020.

УДК 323.2

Ю.А. Чикова

студент-бакалавр, Тульский государственный университет, г. Тула,
Россия

Д.В. Остроброд

студент-бакалавр, Тульский государственный университет, г. Тула,
Россия

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается роль общественных организаций в России и проводится исследование по выявлению наиболее веских причин отказа от активного участия женщин в данных организациях.

Ключевые слова: Женские общественные организации, политический процесс, гражданское общество, метод анализа иерархий.

J.A. Chikova

student bachelor, Tula state university, Tula, Russia

D.V. Ostrobrod

student bachelor, Tula state university, Tula, Russia

THE ROLE OF WOMEN'S PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN POLITICAL PROCESS.

Abstract: This article examines the role of public organizations in Russia and conducts research to identify the most compelling reasons for women's refusal to actively participate in these organizations.

Keywords: Women's social organizations, political process, civil society, method of hierarchy analysis.

Отчет ООН показал, что вопрос о положении и роли женщины в обществе в настоящий момент занимает второе место по значимости проблем после глобальных эколого-экономических проблем современности. Процесс развития гражданского общества сопровождается неизбежным изменением ролей мужчин и женщин в современном мире. По всему миру можно наблюдать, как женщины все больше участвуют в принятии политических решений, разворачивается всесторонняя защита гендерного равенства, которое учитывает этнические и социокультурные аспекты. Однако ситуация в России отличается тем, что политическое представительство женщин как на федеральном, так и на региональном уровне власти остается чрезвычайно низким [1,с.19]. Российские исследователи пришли к выводу о влиянии гендерных различий в политической социализации, обуславливающие слабую

мотивацию и активность женщин в связи с неравномерностью в распределении ресурсов, ограничивающих политические возможности женщин-политиков. Особенность женского жизненного пути, требующего единоличной ответственности женщин за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, является причиной доминирования гендерных стереотипов, проявляющихся в дискриминации и нежелании предоставлять женщинам ключевые посты в партийных организациях и органах власти. Исходя из мирового опыта, особую значимость в данной ситуации приобретает степень активности и развитости женских движений и организаций.

В настоящее время в России женские организации являются адресными проектами, которые направлены на решение проблем определённой группы [2]. Адресные проекты являются эффективными, когда целевая аудитория составляет значительную часть избирателей или обладает повышенной социальной значимостью и активностью. Женские общественные организации можно разделить на несколько блоков: «Женщины России», «Женская Лига» и «Независимый женский форум». Движение «Женщины России» выступает под лозунгами расширения демократии за счёт участия женщин, проведения реформ, направленных на благо человека и повышения социальной ответственности государства. «Женская Лига» выступает под лозунгами равноправной демократии для мужчин и женщин и пытается воплотить идею равного представительства полов на уровне организации избирательного объединения. «Независимый женский форум» представляет собой блок центристского типа. Однако самой главной целью данных организаций является решение острых социальных проблем. Решению же политических проблем мешают немногочисленность аудитории и отсутствие представительства в государственных структурах. В результате женские объединения остаются менее эффективными в политическом процессе. У женщин существует множество причин для того, чтобы не участвовать в деятельности общественных объединений. Для определения самых значимых причин проводилось исследование, в котором был применён метод анализа иерархий (метод Саати). Этапы метода:

1. Выделение проблемы. Определение цели.
2. Выделение основных причин и путей решения.
3. Построение иерархии: дерево от цели через причины к путям решения.
4. Построение матрицы попарных сравнений критериев по цели и путей решения по причинам.
5. Применение методики анализа полученных матриц.
6. Определение весов альтернатив по системе иерархии.

Исходя из результатов опросов населения, были выделены следующие причины: трудовая занятость, низкая политическая культура, отсутствие интереса к деятельности, отсутствие времени из-за ухода за детьми. Анализируя данные исследований, были определены решения данных

проблем: метод кнута, пряника, предупреждения, обратной связи, применение информационных технологий.

Исходно происходило сравнение по качественной шкале, с последующим преобразованием в баллы:

- равно, безразлично = 1;
- немного хуже = 2;
- немного лучше = 3;
- хуже = 4;
- лучше = 5;
- значительно хуже = 6;
- значительно лучше = 7;
- принципиально хуже = 8;
- принципиально лучше = 9.

Следует построить матрицы попарных сравнений, а также найти сумму по каждому столбцу (табл.1).

Табл.1. Матрица попарных сравнений

	Трудовая занятость	Низкая полит.культура	Отсутствие интереса	Уход за детьми
Трудовая занятость	1	3	2	1
Низкая полит. культура	0,333	1	2	4
Отсутствие интереса	0,5	0,5	1	6
Уход за детьми	1	0,25	0,167	1
Сумма	2,833	4,75	5,167	12

Делим все элементы матрицы на сумму элементов соответствующего столбца и находим среднее значение по каждой строке (табл.2).

Табл.2. Нормировка матрицы

	Трудовая занятость	Низкая полит.культура	Отсутствие интереса	Уход за детьми	Среднее значение
Трудовая занятость	0,353	0,632	0,387	0,083	0,364
Низкая полит.культура	0,118	0,211	0,387	0,333	0,262
Отсутствие интереса	0,176	0,105	0,194	0,5	0,244
Уход за детьми	0,353	0,053	0,032	0,083	0,130

Составляем аналогичные матрицы сравнения путей решений по каждой причине. Для начала сравним пути решения по причине трудовая занятость и найдём сумму по каждому столбцу (табл.3).

Табл.3. Матрица сравнения путей решения по причине трудовая занятость

Занятость	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ
Метод кнута	1	6	2	6	8
Метод пряника	0,167	1	5	1	3
Метод предупр.	0,5	0,2	1	4	4
Метод обратн. связи	0,167	1	0,25	1	5
Применение ИТ	0,125	0,333	0,25	0,2	1
Сумма	1,958	8,533	8,5	12,2	21

Делим все элементы матрицы на сумму элементов соответствующего столбца и находим среднее значение по каждой строке (табл.4)

Табл.4. Нормировка матрицы по трудовой занятости

Занятость	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ	Ср. значение
Метод кнута	0,511	0,703	0,235	0,492	0,381	0,464
Метод пряника	0,085	0,117	0,588	0,082	0,141	0,203
Метод предупр.	0,255	0,023	0,118	0,328	0,190	0,183
Метод обратн. связи	0,085	0,117	0,029	0,082	0,238	0,110
Применение ИТ	0,064	0,039	0,029	0,016	0,048	0,039

Сравниваем пути решения по причине низкая политическая культура и находим сумму по каждому столбцу (табл.5).

Табл.5. Матрица сравнения путей решения по причине низкая политическая культура

Низкая полит. культура	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ
Метод кнута	1	5	3	4	6
Метод пряника	0,2	1	2	4	6

Метод предупр.	0,333	0,5	1	2	8
Метод обратн.связи	0,25	0,25	0,5	1	6
Применение ИТ	0,167	0,167	0,125	0,167	1
Сумма	1,95	6,917	6,625	11,167	27

Делим все элементы матрицы на сумму элементов соответствующего столбца и находим среднее значение по каждой строке (табл.6).

Табл.6. Нормировка матрицы по причине низкая политическая культура

Низкая полит. культура	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ	Ср. значение
Метод кнута	0,513	0,723	0,453	0,3582	0,222	0,454
Метод пряника	0,103	0,145	0,302	0,3582	0,222	0,226
Метод предупр.	0,171	0,072	0,151	0,179	0,296	0,174
Метод обратн. связи	0,128	0,036	0,075	0,090	0,222	0,110
Применение ИТ	0,085	0,024	0,019	0,015	0,037	0,036

Сравниваем пути решения по причине отсутствие интереса к деятельности и находим сумму по каждому столбцу (табл.7).

Табл.7. Матрица сравнения путей решения по причине отсутствие интереса к деятельности

Отсут. интереса	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ
Метод кнута	1	5	3	4	4
Метод пряника	0,2	1	5	2	5
Метод предупр.	0,333	0,2	1	2	7
Метод обратн. связи	0,25	0,5	0,5	1	9
Применение ИТ	0,25	0,2	0,143	0,111	1
Сумма	2,033	6,9	9,643	9,111	26

Делим все элементы матрицы на сумму элементов соответствующего столбца и находим среднее значение по каждой строке (табл.8).

Табл.8. Нормировка матрицы по причине отсутствие интереса к деятельности

Отсут. интереса	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ	Ср. значение
Метод кнута	0,492	0,725	0,311	0,439	0,154	0,424
Метод пряника	0,098	0,145	0,519	0,220	0,192	0,235
Метод предупр.	0,164	0,029	0,104	0,220	0,269	0,157
Метод обратн. связи	0,123	0,072	0,052	0,110	0,346	0,141
Применение ИТ	0,123	0,029	0,015	0,012	0,039	0,043

Сравниваем пути решения по причине уход за детьми и находим сумму по каждому столбцу (табл.9).

Табл.9. Матрица сравнения путей решения по причине уход за детьми

Уход за детьми	Метод пряника	Метод кнута	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ
Метод пряника	1	5	2	2	7
Метод кнута	0,2	1	8	4	3
Метод предупр.	0,5	0,125	1	7	9
Метод обратн.связи	0,5	0,25	0,143	1	9
Применение ИТ	0,143	0,333	0,111	0,111	1
Сумма	2,343	6,708	11,254	14,111	29

Делим все элементы матрицы на сумму элементов соответствующего столбца и находим среднее значение по каждой строке (табл.10).

Табл.10. Нормировка матрицы по причине уход за детьми

Уход за детьми	Метод кнута	Метод пряника	Метод предупр.	Метод обратн. связи	Применение ИТ	Ср. значение
Метод кнута	0,427	0,745	0,178	0,142	0,241	0,347

Метод пряника	0,085	0,149	0,711	0,283	0,103	0,266
Метод предупр.	0,213	0,019	0,089	0,496	0,310	0,225
Метод обратн. связи	0,213	0,037	0,013	0,071	0,310	0,129
Применение ИТ	0,061	0,050	0,010	0,009	0,034	0,033

Таким образом, в ходе исследования было выяснено, что с долей 0,364 наиболее веской является занятость, на втором же месте стоит низкая политическая культура (0,262), на третьем – отсутствие интереса (0,244), на четвертом – отсутствие времени из-за ухода за детьми (0,130). Многих женщин необходимо побуждать к вступлению в данные организации и активному участию в их деятельности. В ходе исследования было выяснено, что наиболее эффективными станут метод кнута (0,465) и пряника (0,203). Использование метода кнута предполагает возложение санкций на женщину при отказе участия в деятельности организации (например, штраф). К методу пряника можно отнести дополнительное время для участия в деятельности организации, поощрения. Однако не стоит забывать о культурно-просветительных мерах для укрепления самосознания и избавления стереотипов о роли женщин, гендерных обязанностях.

Итак, женские политические организации находятся на стадии начального развития в связи с низким уровнем политической активности, низкой культурой и тратой времени на семью. Дальнейшее развитие женских политических организаций связано с личной заинтересованностью женщин в данной проблеме, которую можно решить с помощью метода пряника и кнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хасбулатова, О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 372 с.
2. Тулузакова, М.В. К вопросу о социальных практиках современных российских женских организаций [Электронный ресурс] / Тулузакова, М.В. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnyh-praktikah-sovremennyh-rossiyskih-zhenskih-organizatsiy/viewer> Дата обращения: 31.03.2020.

УДК 327.7

Е.В. Шукушева

Аспирант, Уральский Федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация: В статье основное внимание уделяется политике сотрудничества ЕС и Центральной Азии и принятию ряда мер по дальнейшему укреплению взаимоотношений – принятию Новой стратегии Европейского союза (ЕС) по Центральной Азии в 2019 г.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, Стратегия нового партнерства, публично-частное партнерство, финансовые реформы, безопасность.

E.V. Shukusheva

Graduate student, Ural Federal University
Name of the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

CENTRAL ASIA IN EUROPEAN UNION POLICY

Abstract: The article focuses on the policy of cooperation between the EU and Central Asia and the adoption of a number of measures to further strengthen relations - the adoption of the New Strategy of the European Union (EU) for Central Asia in 2019.

Keywords: European Union, Central Asia, New Partnership Strategy, public-private partnership, financial reforms, security.

Политика Европейского Союза (далее – ЕС) в отношении Центральной Азии (далее – ЦА) в 1990-е гг. формировалась под влиянием новой геополитической ситуации, сложившейся в результате распада Варшавского блока, а затем СССР в 1991 г. ЕС стал ближайшим к нестабильному восточному пространству и крупнейшим экономическим и геополитическим центром силы. В новых условиях ЕС и Запад в целом предприняли целенаправленные меры по распространению своего влияния на бывшие социалистические страны.

Это в первую очередь такие шаги, как расширение НАТО и ЕС на восток. Европейский Союз предпринял также экстраординарные шаги по стабилизации СНГ: крупномасштабные программы экономической помощи (TASIS) и укрепление режима ОБСЕ. В то же время распад Советского Союза привел к созданию уникальной ситуации, позволявшей ЕС играть новую геополитическую роль.

Таким образом, отношения между ЕС и Центральной Азией формировались под влиянием этой новой и уникальной геополитической

ситуации. С другой стороны, распространение европейского влияния на Центральную Азию ограничивалось рядом объективных и субъективных факторов: усиленной помощью стран Центральной и Восточной Европы, которая отвлекала силы и средства ЕС; конфликтами в Юго-Восточной Европе; расширением НАТО; активным проникновением США в Каспийский регион; борьбой за влияние в Центральной Азии между США, Россией, Китаем и исламским миром [1, с. 41-42].

Основной геополитический интерес для Европейского Союза в Центральной Азии состоит в сохранении в регионе стабильности, поддержке ориентации на демократические ценности и модели. Это позволит понизить конфликтогенность, криминогенный потенциал региона (нелегальная миграция, наркотрафик), сделать более комфортными условия работы европейских компаний в регионе.

Инструментами для реализации поставленных целей являются различного рода программы: ТАСИС и ТЕМПУС, программы модернизации транспортной инфраструктуры региона: ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ. В преимущественной степени ЕС заинтересован в своем присутствии в Центральной Азии из-за энергетических интересов. Ближний Восток вследствие своей перманентной нестабильности перестает быть по-настоящему надежным партнером в области энергетических взаимодействий. Европейские месторождения могут быть выработаны в ближайшие десятилетия. Таким образом, месторождения, расположенные на Каспии, могут стать одним из главных направлений диверсификации энергоснабжения стран ЕС.

Актуальным направлением сотрудничества является торгово-экономическое взаимодействие. Вопросы безопасности составляют третье направление, определяющее европейские интересы в регионе. В контексте роста нестабильности и повышения угрозы радикализации интерес ЕС в недопущении превращения Центральной Азии в еще один очаг нестабильности становится определяющим [2, с. 51].

ЕС начал практику взаимодействия с центральноазиатскими государствами только в 2001 г., и тогда это сотрудничество было связано с антитеррористическими задачами. Страны Центральной Азии попали в Стратегию безопасности ЕС, принятую в 2003 г., но только в 2007 г. появился документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства», цель которого заключалась в том, чтобы обозначить четкий интерес ЕС к странам региона [3].

В рамках этой Стратегии были поставлены цели развития политического диалога ЕС со странами Центральной Азии через регулярные встречи представителей ЕС и министров стран региона и акцентировка проблем прав человека. Также ЕС провозгласил развитие взаимодействия со странами региона в следующих областях: образование, законодательство, энергетика и транспорт, окружающая среда и водные ресурсы, управление границами и наркотрафик, торговля и экономические отношения. Стратегия предполагает

заключение долгосрочных соглашений на многосторонней и двусторонней основе.

Для реализации поставленных задач ЕС предпринял ряд шагов. В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане были организованы отделения Европейской службы внешних связей, а в Туркменистан был назначен Временный поверенный. Кроме того, в Алматы Комиссия ЕС открыла свое представительство для осуществления «политики гуманитарной поддержки и гражданской защиты».

В документах, принятых в подтверждение заявленной Стратегии, сам ЕС сообщает, что его основная цель состоит в укреплении стабильности этих государств и региона в целом. Государства Центральной Азии рассматриваются ЕС как страны, соединяющие Европу и Азию. Поэтому, расширяя присутствие в регионе, ЕС в своем собственном понимании самоутверждается как международный игрок, оказывающий влияние на глобальную политику.

В 2015 и 2017 гг. стратегия корректировалась и дополнялась. В частности, был усилен акцент на взаимодействии в области безопасности и энергетики.

К настоящему времени ЕС реализовал в Центральной Азии ряд программ, которые сам же и профинансировал. Среди них в Брюсселе считают наиболее важными Программу по управлению границами, Программу по противодействию наркотикам, Центральную-азиатскую программу действий против наркотиков и Программу действий ЕС против наркотиков и организованной преступности.

Кроме того, в ЕС отмечается важность постоянного диалога со странами Центральной Азии о безопасности на высоком уровне.

Отдельно ЕС подчёркивает значимость диалога со странами Центральной Азии в отношении прав человека, воспринимая это как часть своей «миссии в деле европеизации». Речь идет, прежде всего, о программах, нацеленных на реформирование законодательной и судебной систем в центральноазиатских государствах по модели ЕС. В качестве других инструментов ЕС в данной области действуют программы «Гражданское общество и местные власти», «Европейская инициатива для демократии и прав человека».

Зависимость ЕС от энергетических ресурсов обуславливает его интерес в расширении поставок. Страны Центральной Азии рассматриваются ЕС как энергетические партнеры. В обозримом будущем перспективы доставки энергоносителей из Центральной Азии в Европу остаются крайне туманными. Тем не менее, Брюссель предпринимает усилия по развитию сектора добычи и энергетики в регионе. ЕС выступает за разработку новых месторождений нефти, газа и строительство гидроэлектростанций, дополнительных трубопроводов и формирование новых маршрутов и транспортных сетей. Кроме того, Брюссель предложил странам региона свою программу «Инструмент сотрудничества в области атомной безопасности».

Естественно, ЕС больше всего волнует возможности доставки энергоносителей из Центральной Азии на свой внутренний рынок. С этой целью ЕС поддерживает интеграцию стран Центральной Азии в единый рынок, а также публично-частное партнерство и финансовые реформы, прежде всего, приватизацию банковского сектора, предлагая для этого свое финансирование. Также ЕС настаивает на том, чтобы страны учитывали энергетическую политику ЕС. Брюссель также принял генерализированную систему приоритетов для поддержки выхода товаров стран Центральной Азии на рынок ЕС. Брюссель заявляет о поддержке нового энергетического коридора Каспий-Черное море-ЕС. Центральная Азия рассматривается ЕС также как коридор из Восточной и Южной Азии в Европу [4].

Учитывая степень заинтересованности Европы в центральноазиатском регионе вполне закономерным выглядит недавнее сообщение о том, что на встрече в Люксембурге 19 июня 2017 г. министры иностранных дел стран Европейского Союза договорились о формировании новой внешнеполитической стратегии ЕС для Центральной Азии к 2019 г., которая заменит устаревший морально и политически документ 2007 г. [5].

В Совместном коммюнике, принятом 15 мая 2019 г. Европейской Комиссией и Верховным Представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, изложен свежий взгляд на укрепление партнерских отношений с пятью центральноазиатскими странами: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Это происходит в ключевой для быстроразвивающихся евроазиатских отношений момент, когда некоторые страны региона реформируются и открываются для внешнего мира, а региональное сотрудничество получило новый импульс.

«Центральная Азия всегда была важным регионом, учитывая ее историю, культуру и роль моста между Востоком и Западом. Сегодня, на фоне позитивной внутренней и региональной динамики, а также растущих глобальных вызовов, требующих укрепления партнерства, она приобретает все большее стратегическое значение», – заявила Верховный Представитель ЕС Федерика Могерини. «Стойкость и процветание будут столпами нашего сотрудничества с Центральной Азией, а также поддержки процессов устойчивого развития и реформ на благо наших граждан».

Комиссар ЕС по вопросам международного сотрудничества и развития Невен Мимица добавил: *«Европейский Союз является ведущим партнером Центральной Азии в области развития, а объем предоставленной им помощи на обеспечение верховенства права, управление границами, стимулирование торговли, защиту окружающей среды и водных ресурсов в период с 2014 по 2020 год превысит 1 млрд. евро. В рамках обновленного партнерства мы хотим укрепить взаимодействие с центральноазиатскими странами, помочь им наладить связи между собой, сделать регион более стабильным и процветающим».*

Совместное коммюнике предлагает сосредоточить будущие усилия ЕС на двух аспектах:

- Партнерство во имя стабильности путем повышения способности государств Центральной Азии преодолевать внутренние и внешние потрясения, а также проводить реформы.

- Партнерство во имя процветания путем модернизации экономики, развития устойчивых связей и инвестирования в молодое поколение [6].

В Евросоюзе также отмечают, что намерены инвестировать в региональное сотрудничество в Центральной Азии, помогая странам региона развивать диалог и сотрудничество в своем собственном темпе.

Стоит отметить, что в дополнение к Соглашению о расширенном партнерстве и сотрудничестве, которое Европейский Союз подписал с Казахстаном, ЕС намерен завершить переговоры по аналогичным соглашениям с Узбекистаном и Кыргызской Республикой, а также максимально эффективно использовать свой более широкий набор инструментов помощи в целях развития в регионе.

В соответствии со своей Стратегией по взаимосвязанности Европы и Азии и с использованием существующих рамок сотрудничества, ЕС, при необходимости, установит партнерские отношения по устойчивому сопряжению со странами Центральной Азии, следуя рыночным принципам, гарантируя прозрачность и основываясь на международных стандартах. Предполагаемые области сотрудничества включают в себя транспортные, энергетические и цифровые связи, а также контакты между людьми.

Вместе с тем, отмечается высокая заинтересованность стран Центральной Азии в будущем развитии Афганистана.

ЕС также намерен активизировать сотрудничество с партнерами из Центральной Азии в целях содействия миру в стране. Поэтому интеграция Афганистана в соответствующие форматы встреч и региональных программ диалога между ЕС и Центральной Азией и поддержка большего количества проектов регионального и трехстороннего сотрудничества с афганскими и центральноазиатскими партнерами будут оставаться приоритетными [7].

Совместное заявление, принятое Европейской Комиссией и Верховным Представителем Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности, прошло обсуждение в Совете ЕС и Европейском Парламенте.

17 июня 2019 г. Европейский совет, включающий лидеров 28 стран Европейского Союза, принял новую стратегию по взаимодействию Европейского Союза и Центральной Азии.

В документе прописаны задачи в центральноазиатском регионе. В частности по стратегии Центральной Азии шли достаточно широкие консультации, которые заняли практически год. Это было сделано, чтобы учесть мнения правительств и гражданского общества, сообщили в Новая стратегия является второй стратегией, которая дополняет первую стратегию, принятую в 2007 году.

Как пояснили в Европейской службе внешних связей, за последние 10-12 лет в Центральной Азии многое изменилось. Нужно было, чтобы подход Евросоюза оставался актуальным.

«Мы хотим поддержать, помочь обществам стран Центральной Азии провести адекватные реформы, идти в ногу с вызовами, которые есть как во внутреннем, так и во внешнем плане, помочь странам адаптироваться текущей повестке, изменениям в мире, помочь процессу реформ в ЦА», - сообщили в Европейской службе внешних связей.

Еще одна важная задача стратегии ЕС – это продвигать и поощрять осуществлять повестку экономических реформ и благосостояния общества в целом.

Также в стратегии затронут опыт ЕС в области интеграционного объединения, так как страны ЦА пытаются найти новые формы регионального сотрудничества и сталкиваются с теми вызовами, с которыми сталкивались страны ЕС.

Кроме того, в документе речь идет о более тесном сотрудничестве с гражданским обществом ЦА. Важно развивать сотрудничество с малым и средним бизнесом, именно такой бизнес играет потенциально важную роль в благосостоянии в долгосрочной перспективе [8].

В июле 2019 года Европейский Союз представил в Бишкеке свою новую стратегию в отношении ЦА. Стратегия пересматривает политику ЕС в отношении региона. В ней изложено, как ЕС и страны Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – могут гораздо более тесно сотрудничать по таким вопросам, как устойчивость, процветание и региональное сотрудничество [9].

Опираясь на новую стратегию, ЕС планирует выстроить «более сильное, современное и неэксклюзивное партнёрство» с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. При этом новые соглашения о сотрудничестве совместимы с другими интеграционными инициативами, такими как Евразийский экономический союз.

Одна из главных целей стратегии – укрепление безопасности в регионе. Речь идёт о предоставлении информации и знаний со стороны ЕС по кибербезопасности и идентификации гибридных угроз. Евросоюз также планирует продвигать принципы равенства полов и усиления роли женщин, полагая, что это поможет в борьбе с радикализацией.

Ещё один пункт стратегии – развитие регионального сотрудничества между центральноазиатскими странами. Евросоюз заинтересован в том, чтобы основными признаками развития стран ЦА стали «основанные на определённых правилах: сотрудничество и взаимосвязанность, а не конкуренция и соперничество», говорится в стратегии.

ЕС также намерен содействовать развитию экономики стран Центральной Азии, так как в Евросоюзе считают, что регион нуждается в новых моделях экономического развития и в диверсификации экономик. Стратегия содержит ряд конкретных инициатив, например, Еврокомиссия планирует помогать малому и среднему бизнесу, способствуя созданию европейских торговых палат [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаумулин, М.Т. Стратегические интересы Европейского Союза в Центральной Азии / Казахстан - Россия - Европейский Союз: перспективы стратегического партнерства: материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Алматы, 22 октября 2009 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 200 с.
2. Мармонтова, Т. Центральная Азия в политике Европейского союза: взгляд из Казахстана // Журнал международного права и международных отношений. – 2018. – № 3-4 (86-87).
3. Евросоюз в Центральной Азии: Стратегия проникновения [Электронный ресурс] / Евразия Эксперт. 15 июля 2019. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/europe/42501581-evrosoyuz-v-tsentralnoy-azii-strategiya-proniknoveniya/> Дата обращения: 12.03.2020.
4. Стратегия ЕС в Центральной Азии: Брюссель ищет точки проникновения в регион. Наталья Еремина [Электронный ресурс] / Евразия.Эксперт. – Режим доступа: <https://camonitor.kz/29655-strategiya-es-v-centralnoy-azii-bryussel-ischet-tochki-proniknoveniya-v-region.html> Дата обращения: 22.03.2020.
5. Стратегия ЕС в Центральной Азии – 2019: цели, задачи и перспективы [Электронный ресурс] / Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 26.07.2017. – Режим доступа: <https://vroanalytics.com/2017/07/26/strategiya-es-v-tsentralnoj-azii-2019-tseli-zadachi-i-perspektivy/> Дата обращения: 27.03.2020.
6. Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для укрепления партнер. Делегация ЕС в Республике Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/62484/европейский-союз-и-центральная-азия-новые-возможности-для-укрепления-партнерства_ru Дата обращения: 31.03.2020.
7. Евросоюз принял новую стратегию по Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kapital.kz/gosudarstvo/78267/evrosoyuz-prinyal-novuyu-strategiyu-po-tsentral-noy-azii.html> Дата обращения: 23.03.2020.
8. Европейский совет принял новую стратегию по взаимодействию ЕС и ЦА. 17 июня, 2019 [Электронный ресурс] / Медиа группа «ASIA-Plus» (Душанбе, Таджикистан). – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20190617/evropeiskii-sovet-prinyal-novuyu-strategiyu-po-vzaimodeistviyu-es-i-tsa> Дата обращения: 20.03.2020.
9. ЕС собирается усилить свое присутствие в Центральной Азии [Электронный ресурс] / 05.12.2019. Kursiv.kz Деловой портал. – Режим доступа: <https://kursiv.kz/news/politika/2019-12/es-sobiraetsya-usilit-svoe-prisutstvie-v-centralnoy-azii> Дата обращения: 20.03.2020.

10. Токаев: ЕС подтвердил заинтересованность в укреплении партнёрства с Казахстаном. Т. Абубакарова. 15.08.2019. [Электронный ресурс] / Информационный портал informburo.kz новости. – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/tokaev-novoe-rukovodstvo-es-podtverdilo-zainteresovannost-v-ukreplenii-partnyorstva-s-kazahstanom-94285.html> Дата обращения: 20.03.2020.